АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
А. М. АСТАХОВА, В. Г. БАЗАНОВ,
В. Н. ПУГИЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1961

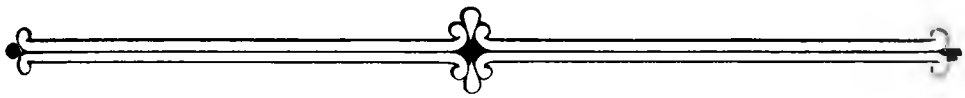
БЫЛИНЫ
ПЕЧОРЫ
и
ЗИМНЕГО БЕРЕГА

(НОВЫЕ ЗАПИСИ)

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
А. М. АСТАХОВА, Э. Г. БОРОДИНА-МОРОЗОВА,
Н. И. КОЛПАКОВА, Н. К. МИТРОПОЛЬСКАЯ,
Ф. В. СОКОЛОВ

424826

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА | ЛЕНИНГРАД
1961



ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение русского фольклора за последние двадцать пять лет ознаменовалось новыми данными о состоянии былинной традиции в основных районах ее распространения и записями старого эпического наследия, еще сохранившегося в памяти народа. Судьба традиционных классических жанров — одна из важнейших проблем фольклористики, тем более судьба такого жанра, как былина, который, хотя возникновение его и уходит в глубь веков, продолжал длительное время жить богатой творческой жизнью в устной традиции уже после завершения периода своей продуктивной жизни. Естественно поэтому внимание советских фольклористов к тем процессам, которые происходят в наше время в жизни русского эпоса.

В характеристике этих процессов, в оценке общего состояния былинного творчества не было единомыслия. Существовала и недооценка живых еще проявлений творческой жизни эпоса, были и некоторые преувеличения возможностей его дальнейшего активного развития, вызванные отдельными вспышками оживления эпической традиции под влиянием определенных исторических обстоятельств. Тем более важно было провести, на известном расстоянии от больших собирательских работ второй половины 20-х и начала 30-х годов нашей эпохи, новые изыскания и собирание материалов для освещения поставленных вопросов о судьбе жанра и характере процессов, которые происходили и происходят на последнем этапе его жизни.

Работа по собиранию былин и изучению их бытования в северных районах распространения велась главным образом тремя учреждениями: сектором народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, кафедрой фольклора Московского Государственного университета и Институтом истории, языка и литературы Карельского филиала Академии наук СССР в Петрозаводске. Собиранием былин на Севере занимались также Московский педагогический институт им. Потемкина и Государственный литературный музей, в Сибири — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР, на Дону и Северном Кавказе — кафедры литературы Ростовского и Грозненского педагогических институтов. Поиски и запись былин вели и отдельные ученые по собственной инициативе (К. А. Копержинский — в Сибири, Э. Г. Бородина-Морозова — в Беломорье и др.).

В результате за последние два с половиной десятилетия собраны значительные материалы, интересные и ценные во многих отношениях. Лишь некоторая часть из них опубликована.[1]

---

[1] См. отдел «Материалы и публикации» в сб.: Русский фольклор, тт. I и II. М.—Л., 1956, 1957; Н. Л. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939;

В настоящий сборник вошли неопубликованные записи былин, произведенные в 40—50-е годы на Печоре и в конце 30-х и в 40-е годы в Беломорье, на Зимнем берегу, т. е. материалы, характеризующие состояние былинной традиции в крайних северо-восточных ее очагах Европейской части СССР, там, где в 1900-е годы записывали Н. Е. Ончуков (Печора) и А. В. Марков (Зимний берег) и в конце 20-х годов А. М. Астахова (Печора).

Печорская былинная традиция с конца 30-х годов обследовалась неоднократно. В эти годы в Нижнепечорском крае записывал былины Н. П. Леонтьев.[2] Летом 1942 г. Карело-финский государственный университет провел фольклорную экспедицию под руководством В. Г. Базанова на среднюю Печору, в 1955 и 1956 гг. поискам былин на Печоре было уделено большое внимание сотрудниками песенных экспедиций Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР: в 1942 и 1955 гг. обследованы Усть-Цильма и селения, расположенные по среднему течению Печоры и ее притокам Пижме и Цильме, в 1956 г. экспедиция работала в низовьях Печоры. Помимо тщательных поисков остатков былинного эпоса по следам прежних собирателей, обследованы были места и селения, ранее пропущенные. Так, были произведены записи по реке Цильме, а также в верховьях реки Пижмы и в ряде селений на средней и нижней Печоре, где собиратели раньше не были совсем. Материалы всех этих трех экспедиций и включены в настоящее издание.

В отличие от других очагов былинной традиции на Севере, подвергнувшихся довольно обстоятельному изучению в 20-е и в начале 30-х годов советской эпохи, в Зимней Золотице после А. В. Маркова до середины 30-х годов никто из исследователей русского эпоса не был. В 1934 г. туда поехал аспирант Ленинградского государственного университета В. П. Чужимов. Тогда и была вновь «открыта» сказительница Марфа Семеновна Крюкова, дочь известной по записям Маркова исполнительницы былин Аграфены Матвеевны Крюковой. После встречи В. П. Чужимова с Марфой Крюковой и первых сведений о ней в печати началась большая работа по изучению эпического творчества этой своеобразной сказительницы. На окружение Марфы Крюковой вначале не было обращено должного внимания. Лишь попутно было сделано несколько записей самим В. П. Чужимовым[3] (им же опрошены все оставшиеся в живых родственники сказителей времени А. В. Маркова), а в 1937 г. — участницами экспедиции Фольклорной комиссии Института этнографии Академии наук СССР (ныне Сектор народного творчества Института русской литературы) и вслед затем сотрудницами экспедиции Государственного литературного музея.[4] Главная работа по выявлению остатков эпической традиции в Зимней Золотице проведена Э. Г. Бородиной-Морозовой, которая

Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941; Былины М. С. Крюковой, тт. I и II. Изд. Гос. литер. музея, М., 1939, 1941; Песни гребенских казаков. Грозный, 1946. См. также отчеты экспедиций кафедры фольклора МГУ: Вестник МГУ, 1957, № 1; 1958, № 1; 1959, № 3; В. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943; Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина, т. VII, 1946, стр. 133—139; Советская этнография, 1958, № 6, стр. 146—151; 1960, № 2, стр. 172; Русский фольклор, т. IV. М.—Л., 1959, стр. 419—420, 422—423.

[2] О работе Н. П. Леонтьева см. предисловие редактора в сб.: Печорский фольклор. Архангельск, 1939. В сборнике опубликовано 10 былинных записей Н. П. Леонтьева.

[3] Из них сохранились лишь две записи, которые и публикуются в настоящем издании.

[4] Две из былин в записи Р. Липец 1937 г. напечатаны в сб.: Славянский фольклор. Матер. и иссл. по историч. нар. поэзии славян. М., 1951, стр. 211—219.

в Великую Отечественную войну и в послевоенные годы подолгу жила в Зимней Золотице. Ей удалось сделать ряд записей от младших сестер Марфы Крюковой, Павлы и Серафимы, от дочери Павлы Семеновны Пелагеи Негадовой, а также от других сказителей Зимнего берега.

Записи былин, произведенные в Зимней Золотице, начиная с 1934 г., за исключением записей от Марфы Крюковой, составляют второй раздел тома. Былины М. С. Крюковой в том не вошли, так как основная часть ее эпического творчества напечатана.[5]

В сборник, кроме собственно былин, вошли и записи древних эпических баллад. Что касается старших исторических песен, именуемых на Севере, так же как былины и баллады, «старинами» и которые по установившейся в науке традиции обычно включались в научные сборники былин, то мы их в данном томе не публикуем: они вошли в подготовленный в серии «Памятники русского фольклора» том «Исторические песни XIII—XVI веков». В соответствующих местах нашего тома делаются ссылки на это издание. Включены только песни-баллады о Скопине, действие в которых перенесено в эпический Киев.

Из былинных же записей включаем в настоящий том, помимо целостных текстов, все записанные фрагменты, хотя бы состоящие всего из нескольких стихов: для общей картины состояния былинной традиции они представляют определенный интерес.

В печорских экспедициях 1955—1956 гг. производились вместе с записями текстов и записи напевов на магнитофон. Расшифровки музыкальных записей тоже включены в настоящее издание.

В подготовке текстов приняли участие: Н. К. Митропольская (записи на Печоре 1942 г.), Н. П. Колпакова (записи на Печоре 1955 и 1956 гг.), Э. Г. Бородина-Морозова (ее записи на Зимнем берегу) и А. М. Астахова (записи других собирателей на Зимнем берегу и окончательная текстологическая обработка всех материалов сборника).

Статья и заметки об исполнителях написаны А. М. Астаховой, Э. Г. Бородиной-Морозовой, Н. П. Колпаковой и Н. К. Митропольской, предисловие А. М. Астаховой.

Комментировали тексты: записи 1942 г. — Н. К. Митропольская при участии А. М. Астаховой, остальные записи — А. М. Астахова.

Отбор напевов, расшифровка напевов I—IX, XIV—XXVI, редакция нот, заметка о музыкальном исполнении былин и комментирование напевов принадлежат Ф. В. Соколову. Напевы X, XII, XIII расшифрованы В. В. Коргузаловым. Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым произведены проверка текста былин, записанных на магнитофон, и окончательное редактирование нот.

Словарь составили А. М. Астахова и Н. К. Митропольская при участии Э. Г. Бородиной-Морозовой; все указатели составлены А. М. Астаховой.

Общая организация сборника принадлежит А. М. Астаховой.

[5] См.: Былины М. С. Крюковой, тт. I—II, М., 1939, 1941. Неопубликованные былины М. С. Крюковой в записи А. М. Астаховой и Э. Г. Бородиной-Морозовой хранятся в Архиве Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, Р. V, колл. №№ 90 и 146.

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ ПЕЧОРЫ И ЗИМНЕГО БЕРЕГА В ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

1

Среди новых записей былин последних десятилетий исключительный интерес представляют материалы трех экспедиций на Печору (1942, 1955 и 1956 гг.). Изучением былин в эти годы охвачен весь обширный район русской Печоры, где в 1900-е годы был открыт один из самых богатых очагов былинной традиции. Район этот неоднократно обследовался и в прошлом, и это еще более увеличивает значение новых материалов: они расширяют и уточняют наши знания о специфике печорского эпического репертуара, позволяют наметить на основе сопоставления с материалами прежних лет характерные черты процессов, происходящих в современной печорской эпической традиции.

В исторических документах упоминания о Печоре встречаются с довольно ранних пор. «Первые исторические сведения об обитателях печорского края относятся к XI веку, — пишет Жилинский. — Летописец Нестор, перечисляя народы, живущие в Европе, упоминает о народе „печере", по-видимому, одном из племен Чуди-Югры, живущем на Печоре, в отличие от Югры, обитающей за Уралом».[1] Под 1132 г. в летописи отмечено, что новгородцы «дали дани печорские» великому князю Ярополку Владимировичу, — следовательно, в это время Печора уже платила дань Новгороду. В XII—XIV столетиях новгородцы много раз посещали среднее течение Печоры, пробираясь к ней с запада, со стороны Мезени, через тайболу. В 1542 г. новгородец Иван Ластка с товарищами осел на берегу Печоры против устья ее притока Цильмы и дал начало самому крупному селению средней Печоры — Усть-Цильме. Новгородцы, шедшие за Ласткой, понемногу расселились по рекам Цильме и соседней с нею Пижме. Только в самых верховьях Пижмы, в непроходимых таежных дебрях, укрылись беглецы из Москвы — раскольники, основавшие примерно в ста километрах от Усть-Цильмы Великопожненский скит.

Судя по данным этнографической литературы, Печора была искони отрезана от центра государства. В первые годы XX в. Н. Е. Ончуков писал в предисловии к своим «Печорским былинам»: «...Печора совсем еще не знает тележных дорог... Летом ездят исключительно в лодках... Как только поднимается сильный ветер, так езда по Печоре в лодках стано-

---

[1] А. А. Жилинский. Крайний север Европейской России. Пгр., 1919, стр. 187 (в дальнейшем: Жилинский).

вится невозможной... Бывает часто, что, выехав в хорошую погоду, но застигнутые в пути ветром, путешественники робинзонствуют где-нибудь на пустынном берегу Печоры неделю и больше».[2] Бездорожье и тяжелые природные условия в течение веков были главной причиной оторванности Печорского края от остальных районов государства.

В глухих лесах средней Печоры целые деревни жили столетиями совершенно безвестно. Одна из таких деревень была обнаружена только в начале XX столетия. По словам Ончукова, усть-цилемы, потомки новгородцев, колонизовавших этот район, не отличали одного царя от другого и в сущности неясно представляли себе эту власть.[3] Они никогда не знали крепостного права, с царскими чиновниками дел почти не имели, свободно распоряжались на своих угодьях и не поддерживали почти никаких связей с низовьями реки, колонизованными Московской Русью. Наоборот, в более древние времена отношения между средней и нижней Печорой были, повидимому, прямо враждебными из-за борьбы за промысловые и охотничьи заимки.

Край уже издавна был известен своими природными богатствами. Еще с конца XV в. на Печоре находили медь, серебро, а затем и золото. При Петре I здесь была обнаружена нефть. В течение XIX в. различные промышленники несколько раз начинали разработки тех или иных ископаемых, но все эти попытки быстро прекращались из-за бездорожья, инертности государственных учреждений, в ведении которых находился край, и других трудностей.

Все это определило большую сохранность архаических черт быта.

Как известно, на Печоре бытование эпической поэзии впервые открыл Н. Е. Ончуков. Девизом его поездок было стремление «записывать старины все вперед и вперед по содержанию». «Я решил, так сказать, переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины и по одному разу хотя бы и такие, которые уже известны в массе пересказов, записывая малоизвестные и совсем неизвестные в большем количестве разноречий», — отмечал Н. Е. Ончуков в статье «Былинная поэзия на Печоре».[4] Поставленная задача ограничивала возможные результаты: Н. Е. Ончуков, по его собственному признанию, далеко не исчерпал всего репертуара иногда даже лучших сказителей и пропускал порой наиболее художественные тексты только потому, что сюжет их уже был записан.[5] Но состав печорского былинного репертуара был им в основном выявлен, и в этом его большая заслуга. При этом был обследован обширный район: Усть-Цильма и ее окрестности, селения по нижней Печоре и по реке Пижме. Всего Н. Е. Ончукову удалось записать от 24 сказителей 74 былины.

После опубликования сборника Н. Е. Ончукова Печора наряду с Прионежьем, Поморьем, Архангельским краем прославилась богатством и хорошей сохранностью русского героического эпоса. Здесь оказались свои любимые сюжеты, специфические черты в художественной разработке былин, в их бытовании.

Повторная экспедиция советских фольклористов на Печору, предпринятая в 1929 г., являлась частью комплексного обследования состояния народного искусства на Севере. В области эпического наследия был собран довольно значительный материал: на Печоре от 21 сказителя было запи-

---

[2] Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. V—VI (в дальнейшем: Ончуков).

[3] Там же, стр. XIII.

[4] Живая старина, 1902, №№ 3—4, стр. 361—362.

[5] Ончуков, стр. XXXIV—XXXV.

сано 54 былинных текста и несколько фрагментов. Итоги этой экспедиции дали возможность осветить в науке не только вопрос о своеобразии печорского былинного репертуара, но и общие проблемы эволюции эпоса.[6]

Во второй половине 30-х годов собирал фольклор в Нижнепечорском крае Н. П. Леонтьев, опубликовавший в 1939 г. сборник своих записей.[7] По сообщению редактора сборника, Н. П. Леонтьев застал на нижней Печоре былинный эпос в живом его бытовании, ему удалось встретить там около десятка лиц, знающих былины, и записать 36 былинных текстов.[8]

2

Маршрут экспедиции 1942 г., записи которой публикуются в настоящем издании, был составлен с учетом двух предшествующих поездок фольклористов на среднюю Печору и дал возможность сделать интересные наблюдения относительно состава и сохранности печорской былевой традиции, выяснить изменения в идейно-художественном осмыслении былин, в характере их эстетического восприятия современными сказителями. Своеобразие этой экспедиции и ее результатов определяется характером избранного маршрута и исключительностью эпохи: шел второй год Великой Отечественной войны.

Спустя свыше 40 лет после Н. Е. Ончукова и 13 лет после А. М. Астаховой вновь произведены записи былин и поиски новых сказителей в обследованных ранее местах: в Усть-Цильме и близлежащих селах. Удалось также открыть интересных сказителей и записать былины в деревнях, расположенных севернее Усть-Цильмы, — Уеге, Хабарихе, Верхнем и Среднем Бугаево, обойденных в работе экспедиции 1929 г. Кроме того, был обследован новый район: селения, расположенные по реке Цильме, левому притоку Печоры, где еще ни разу не проводились записи фольклора.

В итоге было записано 34 былины от 12 сказителей, среди которых оказались хорошие знатоки героического эпоса: Анастасия Артемьевна Носова, Авдотья Андреевна Шишолова, Елена Григорьевна Мяндина, Яков Андреевич Осташов и др.

В предвоенные годы Усть-Цилемский район, входящий в состав Коми АССР, стал одним из передовых в республике. Широко развитое здесь животноводство и рыболовство определили производственную жизнь колхозов. По-прежнему в народе Печора величалась матушкой-кормилицей. Некоторые крестьяне отказывались уходить со старых рыбацких поселений, хотя во время половодья их усадьбы заливало: «Нельзя сходить отсюда, ведь у Печоры и есть самая жизнь. Печора-то матушка и кормит», — внушительно разъяснял один из колхозников деревни Бугаево.

Действительно, печорские колхозные рыбные тони славятся хорошим уловом семги, омуля, сига, нельмы; в припечорских лесах охотники ежегодно добывают тысячи горностаев, куниц, белок. Пушной зверь и дичь приносят немалый доход местным крестьянам. По берегам широкой величавой Печоры особая гордость района — строевой лес. Среди усть-цилемов есть знатные, широко известные в республике лесорубы.

---

[6] А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, Мезень и Печора. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938. В книге опубликовано 52 текста от 19 сказителей (в дальнейшем: Астахова, 1938).

[7] Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939 (в дальнейшем: Леонтьев).

[8] Там же, стр. 6—7. За недостатком места в сборник вошли только 10 былин и 2 старших исторических песни, близкие по стилю к былинам, от двух лучших сказителей.

Центром среднего течения Печоры продолжала оставаться Усть-Цильма. Но из большого села здесь вырос районный центр с двумя школами, домом культуры, кинотеатром, большой библиотекой, несколькими промышленными предприятиями и промысловыми артелями. Вырос свой колхозный актив. Знатные печорские доярки ездили на республиканское совещание в центр Коми АССР г. Сыктывкар. Возвратясь, они вносили новый задор в работу и жизнь колхоза. В газете «Печорская Правда» местные корреспонденты-колхозники, требуя помощи от районных организаций, писали о неполадках в колхозных делах, делились опытом работы. Газета, радио, книга заняли прочное место на селе, поднимая общественную активность колхозников. Обновился и облик других припечорских деревень и сел. Почти в каждом крупном селе появились маслодельные, сыроваренные фермы и заводы с твердой производственной дисциплиной и культурой труда.

Но всё еще окрестные селения в течение ряда месяцев отрезаны от своего районного центра, от Усть-Цильмы: осенью погода мешает перебираться через Печору, зимой трудно устанавливается санный путь, в мае все затоплено весенней распутицей, а летом притоки Печоры пересыхают настолько, что из лесу по ним к Печоре иногда трудно проехать даже на плоскодонке. Дорог по тайболе почти нет; они проложены едва на первые 80—100 км от Печоры в глубь тайболы и зачастую идут по гати, а дальше тянутся лишь лесные тропы, по которым с трудом можно пробираться только верхом.

Многие бытовые детали сохранили и в наши дни свои традиционные формы; так, например, костюм усть-цилемов, а также жителей Цильмы и Пижмы во многом близок к старинному; особенно напоминают о XVII в. парчовые и шелковые сарафаны девушек, надеваемые по большим весенним традиционным праздникам; наряду с городской посудой в очень многих домах встречается посуда из бересты, долбленная из дерева (ковши, чаны и пр.), предметы домашнего обихода нередко расписаны или украшены резьбой по дереву (грабли, коробейки) и тиснением по бересте (туеса, коробочки и т. п.). Старое поколение празднует традиционные календарные праздники. Молодежь охотно участвует в культурных мероприятиях, устраиваемых местным клубом, но в то же время хорошо знает наизусть «колядки», «виноградия» и другие обрядовые песни, с которыми (в порядке игры, не имеющей никакого религиозного значения) ходит под Новый год «колядовать» со звездой. Эти пережитки старого бытового уклада обусловили и традиционность местного искусства: в женских рукоделиях преобладают традиционные приемы, в росписях деревянных изделий — традиционные орнаменты. При всем этом, естественно, имеет своеобразный характер и местное поэтическое и музыкальное творчество.

Интерес к былинам существовал в 1942 г. на Печоре вместе с большой любовью к лирической песне, сказке, частушке. Помимо былин, экспедиция записала 70 сказок, 120 текстов причитаний и много лирических песен.

Война тяжелым бременем легла на колхозное крестьянство. Почти все мужское население деревень ушло на фронт. Среди ушедших в армию были и талантливые исполнители фольклорных произведений. Сражались на фронте известный по сборнику «Былины Севера» Е. П. Чупров и его сын Ларион, тоже исполнитель былин (деревня Абрамовская), сказочник В. В. Дуркин (деревня Бугаево).

Не жалея сил, в далеком тылу печорские крестьяне трудились для победы над врагом. А в это время на фронтах Отечественной войны их земляки совершали героические подвиги, защищая Родину от фашистских за-

хватчиков. Об одном из них, Герое Советского Союза В. П. Кислякове, который в бою уничтожил свыше 100 гитлеровцев, сложен устный сказ. В нем прославляются подвиги отважного героя, который

Почет принес да роду-племени,
И всему селу Бугаеву,
И району Усть-Цилемскому,
И Печоре нашей матушке,
И стране нашей великоей.[9]

Волнующим и общественно-значимым событием были в те годы проводы местных крестьян в армию, на фронт. Пароход с новобранцами провожала каждая деревня. Мужчины и женщины выражали свое отношение к происходящему по-разному: произносили последние напутствия, запевали бодрую солдатскую песню, прощались с родными и близкими по-старинке, причитая и оплакивая их.

В деревне Хабариха рыболов Иван Петрович Лавринский вместе со своим другом во время проводов односельчан в армию пел песню:

По дорожке, да по широкой,
Прошла да сила-армия,
Сила-армия да конно-гвардия,
Три полку солдат
Да молодых ребят,
Все молодые да безбородые,
Все холостые да неженатые.

Берега Печоры часто оглашались «бабьими плаксами», старинными приплачками. Но современная жизнь проникла и в их содержание. Некоторые причитания заканчивались горячим пожеланием вернуться домой «с кроволитной войны», с победой великой, или словами наказа сражаться так, чтобы «слава была отцу-матери, похвала народу великому». Анисья Львовна Шишолова из деревни Среднее Бугаево, провожая в армию своих родных, причитала:

Вам назначена да путь дороженька,
Не радостна да невеселая,
Не за свежей рыбой трепущеей,
Не за жирной птицей полетущеей,
Не рубить дрова сосновые,
Не косить луга зеленые,
Победить врага-вредителя,
Охранить Россию-матушку,
Хлебородную сторонушку,
На большу войну да кроволитную,
Где секут, рубят мужицки головы,
Где палят, валят да добрых молодцев.[10]

---

[9] Сказ о Кислякове. Запись А. П. Разумовой от Елены Поздеевой (дер. Уег). Опубликован в кн.: В. Г. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943, стр. 73—74 (в дальнейшем: Базанов).

[10] Запись Н. К. Митропольской. Частично текст плача опубликован в кн.: Базанов, стр. 39.

Как видно из живых наблюдений, в причитаниях личная скорбь звучит глубоко и проникновенно, так как она связана с гражданским чувством любви к Родине, повергнутой в тяжкие испытания. Органическое соединение личной и гражданской темы закреплено в страстном призыве мстить ненавистному врагу.

В те годы война вошла в быт и сознание народа. Всюду, где бы ни появлялись члены экспедиции, их расспрашивали о положении на фронтах, рассказывали о родных и близких, которые вот уже год сражаются на фронте. В этой обстановке естественных для 1942 г. раздумий о фронтовых делах, о защите Родины расспросы об исполнении былин и запись их всюду расценивались как серьезное, «стоящее дело». Гордясь знанием и сохранением древней старины, многие крестьяне помогали выявлять сказителей, интересовались, как проходят полевые записи.

Но в жизни современного печорского крестьянства былины уже не имели повседневного бытования. Сказители порой сетовали на отсутствие интереса к старинам, говорили о том, что без слушателей и частого исполнения многое забывается: «Никто не поддерживает в компании. Старины хошь пой, хошь нет, все равно не слушают их». И лишь единичным сказителям случалось исполнять былины перед заинтересованными слушателями. Чаще любители и знатоки эпоса напевали их «для себя».

Однако исполнителей былин в деревнях хорошо знали и ценили. Многим крестьянам известно было и самое содержание былин. Так, при записи былин от Марфы Дмитриевны Дуркиной (деревня Уег) собралось несколько стариков, и хотя сами они былин не исполняли, подсказывали отдельные былинные стихи, возмущались, что Марфа старины путает.

Сказители, вспоминая свои молодые годы, когда они овладевали искусством сказывания былин, называли имена «старинщиков», с похвалой отзывались об их репертуаре и исполнительской манере, свидетельствовали о живом бытовании, частом исполнении былин в недалеком прошлом. Сказитель Яков Андреевич Осташов (деревня Хабариха) горячо хвалил своего учителя — усть-цилемского старика Алексея Носова, который часто пел былины и имел хороший голос: «Олеха Чижок (так звали А. Носова) был мастерище, знал много старинок. От него я и помыкал». По словам Марфы Дмитриевны Дуркиной, она переняла былины от своей матери Зинаиды Вассовны Поздеевой, которая много и часто пела их: «Бывало запоет, заведет всем на диво. Хорошие она знала старины!».

Таким образом, живое бытование былин, ставшее теперь редким и случайным, еще происходило на памяти современного поколения сказителей, для которых былина в отличие от песни, причитания, частушки — древняя старина, «старое».

Из всех интересных встреч с печорскими сказителями наиболее значительным и памятным было знакомство с А. А. Носовой и А. А. Шишоловой.

Анастасия Артемьевна Носова жила в деревне Трусовской, расположенной на реке Цильме. Записи фольклора здесь никогда не производились. Между тем этот край богат сказками, песнями, талантливыми исполнителями. Попадание на Цильму и Пижму сопряжено с большими трудностями. Пижма и в наши дни все еще оправдывает свое старинное название Пыж-ва — лодочная река. Как по Пижме, так и по Цильме единственным средством передвижения является лодка, причем большую часть пути приходится идти бичевником. Лишь весной, во время больших разливов, пароходы иногда подымаются вверх по Цильме.

Анастасия Артемьевна и ее муж Лазарь — в прошлом оба батраки, выходцы из Усть-Цильмы. Семнадцатилетней девушкой Анастасия Артемьевна насильно была выдана замуж за старого богатого односельчанина. Но от зажиточной жизни, где она, по ее словам, «всем была улажена, хозяйство полное», бежала на Цильму, в Трусово. Семь лет батрачила, вышла замуж по любви за такого же пришлого батрака Лазаря Носова, большого забавника, любителя и песню спеть и сказку рассказать.

Новая семейная жизнь долго не налаживалась: не было земли, трусовцы не хотели резать надел «не своим». С образованием сельско-хозяйственных артелей Носовы стали членами колхоза.

Лазарь, который славился как хороший сказитель, летом 1942 г. был в отъезде, а от А. А. Носовой почти ежедневно в течение трех недель производились записи ее обширного репертуара. Былины, сказки, песни — самое интересное и любимое для нее занятие. Былины она пела вместе с мужем в праздники, когда собиралась вся семья, родные, знакомые. Односельчане восторженно отзывались об их совместном пении былин: «Очень баско у них выходит». При первом же знакомстве с собирателями и разговоре о старинах А. А. Носова тут же, стоя у порога избы, перед толпой любопытствующих женщин, запела былину про Чурилу так, как будто наслаждалась, любовалась спокойным, размеренным напевом.

Знание былин явилось определяющим в творческом облике сказительницы. Именно былины из всего многожанрового репертуара Носовой (всего записано от нее 7 былин, 7 сказов, 4 плача, 20 песен) отличаются разнообразием сюжетов, художественным достоинством стиля, яркостью исполнения. Сказительница сохраняет богатство поэтических формул, сравнений, эпитетов традиционной былевой поэзии. В ее былинах мы находим развернутые до больших поэтических картин зачины (великолепный зачин к былине о «Соловье Будимировиче» — № 6), выразительный пейзаж в былине о Чуриле (№ 4), картинные «подачи» героев, например в былине о Дюке (№ 3). Часто встречаются тонко выписанные детали (описание корабля, игры на гуслях; свадьба Фатенко), оригинальные гиперболы (например, в былине о Дюке, стихи 130—133).

В качестве индивидуальной манеры А. А. Носовой следует отметить тенденцию к динамичности в развертывании сюжета и в самом отборе средств художественной выразительности. Эта черта проявляется прежде всего в пристрастии к «действенным» глаголам, выражающим движение, действие в подчеркнуто ускоренном темпе: «*Погонил* он на поленицу удалую» (№ 2); «*Погонила* его [коня] к своему терему» (№ 5); «Радешенек *выбежал* на конюшен двор» (№ 2); о матери Дюка: «*Выбегала* она на улицу» (№ 3); о Фатенко: «*Выбегал* и встречал ей на улицу» (№ 5); «*Вышиб* дом по окошечкам» (там же); об Илье Муромце: «*Развернул* он двери стеклянные, *вылетал* из погреба ясным соколом (№ 1).

Динамичность повествования усиливается употреблением характерных определений «скорёшенько», «крутёшенько», подчеркивающих стремительность происходящего действия. Например о Пермяте: «*Крутёшенько* бежит к высоку терему, он *скорёшенько* проходит в теплу спальницу» (№ 4); о Дюке: «В стремена ступил *крутёшенько* (№ 3); мать Фатенки: «*Скорёшенько* ставала со честна пира (№ 5); об Илье Муромце: «*Скоро* гонил чистым полем» (№ 1). Даже переживания, взаимоотношения героев получают характеристику через динамику их действий. Такова, например, заключительная сцена былины «Фатенко» (стихи 95—100).

Сказительница настолько была захвачена художественной выразительностью поэтических средств былины, что и ее сказки испытали на себе

сильное воздействие этого жанра. В них встречаются типичные для былин образы, былинные общие места. Из многочисленных случаев приведем некоторые: соперники состязания за руку царской дочери названы богатырями; о невесте Ивана-царевича говорится:

Она живет у нас красавица
За тремя воротами, за тремя дверями.
Русая коса у ей расстилаетце,
Лента ала переливаетце,
Она статным статна да полновозрастна.
Ты увидишь ей лицо белое —
Разгоритце твое ретиво сердце.[11]

Похвала платью невесты в сказке Носовой выдержана в тонах былины о Дюке: «Вот ей сшили цветно платьице, тако хорошо, как наденетце — будто засмеетце, застегнетце — как будто поцелуетце» и т. д. Сказочное повествование часто сменяется былинной напевностью. В свою очередь, былины Носовой испытали воздействие сказочного стиля, а также причитаний. Влияние родственных жанров ограничивалось внешне описательной функцией, задачей усиления внешне бытового фона. При этом сказительница, благодаря своему поэтическому чутью, не допускала нарушения былинной поэтики. Часто встречаются сказочные концовки. Усилен мотив трудных задач при получении невесты в былине на сюжет «Соловей Будимирович». Былевая обрядность иногда дополняется формами и оборотами, встречающимися в причитаниях (№ 1). Описание сватовства в былине Носовой «Добрыня и Алеша» можно сопоставить со свадебными причитаниями невесты, записанными на Печоре.

Былины Носовой разнообразны по сюжетам. Она любит большие героические былины о подвигах Ильи Муромца, о Добрыне, о Васькепьянице, где главное внимание уделяется теме защиты Родины: «замирению» дорог и границ русских, борьбе с татарскими полчищами. Но большинство былин в репертуаре сказительницы раскрывает свое героическое содержание в семейно-бытовом конфликте: «Чурила и неверная жена», «Дюк», «Добрыня и Алеша», «Фатенко», былина на сюжет «Соловей Будимирович».

В какой-то мере в этом сказался личный интерес сказительницы к морально-этическим темам о любви и верности, о семейной жизни — интерес, во многом связанный с личными переживаниями и жизненными ситуациями. В жизни сказительницы проявилась типичная судьба дореволюционной женщины-беднячки, насильственно выданной замуж за старого, богатого, нелюбимого мужа, но А. А. Носова смело перешагнула через свою печальную судьбу.

Индивидуальный подход к решению былинной темы и к ее развитию в сюжете проявляется у Носовой главным образом в новеллистических былинах и имеет определенную тенденцию возвеличить образ женщины, полнее раскрыть красоту и победу чувства любви и верности.

В отличие от А. А. Носовой у сказительницы А. А. Шишоловой (деревня Верхнее Бугаево) знание былин не поддерживалось их исполнением: и возраст давал себя знать (Авдотье Андреевне в 1942 г. было

[11] Тексты сказок А. А. Носовой в записи А. В. Белووновой хранятся в Архиве Карельского филиала Академии наук СССР.

79 лет), да и среди родных и близких, по ее словам, не было к былинам интереса. Но за ее былинами стоит большая и сильная традиция. Ее отец, Андрей Поздеев, был крупным старинщиком. «Во время перерывов в работе — паужинков — он пел былины так, что заслушивалась вся рыбацкая артель», — вспоминает А. А. Шишолова.

В репертуаре Шишоловой бросается в глаза разнообразие былинных сюжетов. Кроме семи записанных былин, сказительница знала еще былины о Чуриле, о Добрыне и Алеше, но, ссылаясь на забывчивость, не исполнила их. Художественно более яркими являются героические былины о Василии Игнатьевиче с выразительным описанием вражеского нашествия и грозных требований неприятеля (№ 15) и большая контаминация былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о Калине-царе, о борьбе Ильи Муромца с Идолищем, о бое Ильи с сыном (№ 12). Здесь мы находим соблюдение былинной поэтики, четкую передачу конфликтов, лежащих в основе сюжета. В других былинах (№№ 14, 16, 17) сказительница часто опускает побочные сюжетные линии, элементы эпической обрядности, сохраняя лишь самые необходимые для разрешения конфликта и развития действия, связанного с главным героем.

Разнообразные былины из репертуара Шишоловой говорят о том, что в недалеком прошлом она знала и исполняла былины о всех русских богатырях. Образы Ильи Муромца, Добрыни и Дюка запомнились сказительнице ярче, с их индивидуальными чертами и характерными подвигами.

Интересные записи былин произведены были в деревне Среднее Бугаево от Е. Г. Мяндиной. Встречи и беседы с Еленой Григорьевной обнаружили в ней незаурядного человека, чуткого к яркому, образному слову. Лет пятнадцать перед тем вместе с отцом она часто рыбачила на тонях, а долгие вечера коротала за совместным пением старин.

С большим увлечением Елена Григорьевна исполнила былину о бое Ильи Муромца с сыном и сводную былину о подвигах Ильи Муромца. Другие образы и идеи русского эпоса не привлекли ее внимания, хотя ей известны названия многих былин и имена богатырей.

В содержание былины Е. Г. Мяндина вносила столь необычные для эпоса лирические отступления, в которых откликалась на современную героическую борьбу советского народа. Это соединение эпох оживляет силу героических традиций и показывает, что в сознании сказительницы герой былин Илья Муромец представлялся обобщенным образом защитника Родины. В текст былины она включала строки, выражающие боль и тревогу за свою Родину, на которую напали фашистские захватчики:

«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец,
Ты пособи моему горюшку великому,
Нападает на нас сила немецкая,
Немецкая она сила, неверная,
Послужи ты нам верой-правдою,
Ты не ради меня, а за свою землю».

(№ 11, стихи 86—91).

Елене Григорьевне в 1942 г. было 52 года. Она любила поговорить по политическим вопросам, интересовалась жизнью всей страны, гневно оценивала и в разговорах действия фашистов, как «супостатские, губительные».

Обширную былину о бое Ильи Муромца с сыном (250 стихов) по объему и мастерству художественной передачи можно сравнить только с текстом

Ф. Е. Чуркиной, известным по записи Н. Е. Ончукова.[12] Но суровый героизм этой былины, подчеркивающий в Сокольнике недруга земли русской, захватчика, нападающего на Русь, на защите которой стоит богатырская застава во главе с Ильей Муромцем, уживается в поэтическом варианте Мяндиной с драматическим лиризмом, с психологическим осмыслением взаимоотношений героев. Сказительница превращает Сокольника из человека-зверя в «добра молодца», переносит на него некоторые героические черты самого Ильи Муромца. Местами она любуется созданным ею образом юного богатыря: «едет маленький да забавляется» и т. п., наделяет его ласкательными именами: «млад Соколушек», «мала юноша», «маленький воробушек» и др. В результате сцена расправы над Сокольником приобретает более драматический характер. С большой художественной убедительностью сказительница описывает возвращение Сокольника к матери с целью проверить слова Ильи Муромца и расправу — убийство матери.

Из старейших сказителей, известных еще по сборнику «Былины Севера», удалось встретить лишь Носова Василия Прокопьевича из Усть-Цильмы. Еще не так давно все в округе знали его как хорошего старинщика. Об этом свидетельствует и материал экспедиции 1929 г. Тогда от него было записано пять былин, которые он пел, хорошо сохраняя эпический стиль и былинную обрядность. В 1942 г. Василию Прокопьевичу было 78 лет. Былины он уже не пел, ссылаясь на возраст, болезни, а главное, на то, что «в памяти всего не удержишь». И только лишь для собирателей он попытался вспомнить свой старый репертуар.

В. П. Носов спел одну былину о Скопине. В ней объединены два различных сюжета и отдельные общие места из хорошо знакомых ему ранее былин.

Большой интерес для характеристики печорской былевой традиции представляет также встреча со сказителем Макаром Ивановичем Чупровым — крестьянином из деревни Крестовка, расположенной на правом берегу Печоры, в 115 километрах от Усть-Цильмы.

В 1942 г. М. И. Чупрову было 60 лет. Бодрый, словоохотливый, он любит побалагурить, развлечь компанию острой шуткой. Перенял былины от своего отца Ивана Емельяновича Чупрова, с которым в молодости жил вместе в деревне Абрамовской, на Пижме. Репертуар отца был записан еще в 1929 г. Старый Чупров напел при исполнении пяти былин[13] 248 стихов. Чупров-сын исполнил четыре былины (см. настоящий сборник №№ 29—32) в 107 стихов. Хотя в объеме поэтический репертуар уменьшился более чем вдвое, тем не менее новая запись значительно пополняет содержание былин семьи Чупровых. Так, от И. Е. Чупрова не удалось в свое время записать былину о Садко, хотя сказитель ее знал, но петь больше не соглашался. Теперь эта былина записана (№ 31).

Новые варианты позволяют внести некоторые поправки в характеристику районных различий бытования эпоса, принятую в нашей науке.[14] Эти поправки касаются распространения сюжетов. С точки зрения сюжетного состава различия между Печорой и Заонежьем по мере увеличения записей становятся все незначительнее. В 1942 г. на Печоре записан в составе контаминации (№ 2) сюжет о Добрыне и полянице, считавшийся до сих пор свойственным лишь Заонежью. Некоторые ситуации и раз-

[12] Ончуков, № 1.
[13] Астахова, 1938, №№ 59—63.
[14] Там же, стр. 48—70.

вязки сюжетов, зафиксированные ранее в Заонежье, обнаруживают свое более широкое бытование: на Печоре теперь записаны былина о Садко с древнейшим исходом состязания в богатстве Садко с Новгородом — поражением героя, неизвестная до сих пор в записях Печоры, но встречающаяся в других местных традициях картина расправы над Маринкой (№ 14) и др.[15]

Новые записи былин обнаруживают интересные закономерности, частично подтверждающие сделанные ранее наблюдения в области современного бытования эпоса на Севере.

Следует отметить упорное стремление к объединению былинных сюжетов, раскрывающих подвиги одного героя. Подвиги Ильи Муромца воспеваются в сводной былине А. А. Шишоловой (№ 12). По количеству объединенных сюжетов это самая большая контаминация из всех записанных ранее на Печоре. Среди новых записей большинство контаминаций посвящено образу Ильи Муромца (№№ 1, 11, 12). Большая сводная былина о Добрыне (№ 2) объединяет три сюжета.

Идейная основа этих художественно выразительных контаминаций, записи которых отличаются хорошей сохранностью текста и соблюдением былевой обрядности, подсказана желанием полнее и многограннее, в рамках одной былины, раскрыть мысль о патриотической сущности и героичности образа богатыря — основного героя контаминации. При этом, конечно, разрушается эпическая законченность каждой отдельной былины, входящей в контаминацию.

Композиционной основой объединения сюжетов, посвященных подвигам одного и того же богатыря, служит представление о последовательности и целенаправленности этих подвигов. В качестве связующих переходных формул используются общие места, созданные былевой обрядностью для обозначения места и времени действия, описания богатырской поездки, приезда богатыря в Киев, встречи с врагом и т. п. Иногда сказитель ограничивается повествовательными выражениями типа: «После этого и после этого...», «Тут он поехал...», «В ту пору было, в то времяцко...».

От творческих контаминаций резко отличаются те варианты, где механически объединены эпизоды и ситуации, относящиеся к различным былинам, что вызывает смешение черт характеров и искажение индивидуального облика отдельных богатырей, т. е. искажение исторически сложившегося, традиционного содержания русского эпоса. К этому же явлению относится и часто встречающаяся мена имен. Так, сюжет о сватовстве невесты («Соловей Будимирович») прикреплен к «доброму молодцу» Васильюшку Буслаевичу (№ 6); вместо Василия Буслаева «проститься-покаяться» едет герой по имени Чурилка (№ 18), у этой же сказительницы Чурилка фигурирует вместо Добрыни в былине «Добрыня и Маринка» (№ 14). Некоторым богатырям приписываются несвойственные им подвиги и черты характера. Так, например, одна из былин о Дюке (№ 3) включает эпизод, рассказывающий о его борьбе со змеем. Все это результат забывчивости, редкого исполнения данной былины отдельными сказителями.

Наблюдаются также некоторые закономерности в изменениях языка и стиля былин. Типичным для новых записей является усиление бытовых реалий, психологических мотивировок, авторских пояснений и оценок тех

[15] Принадлежат ли все эти особенности, сближающие былинные репертуары Печоры и других мест, печорской традиции еще XIX в. или занесены позднее, быть может и через книгу, сказать трудно, вопрос этот следует решать в каждом отдельном случае.

или иных действий и поступков былинных героев. Как правило, детализация в описании обстановки, авторские пояснения опираются на реально-бытовую сторону жизни самих сказителей. Так, Добрыня, придя на свадьбу своей жены под видом гусляра, «садится на порожецок» (№ 2); мать Чавины Чусавицны выводила дочь на улицу, «Фатенке да низко кланялась: „Получай невесту, живи, как хочетце", садила доцку на конец ковра. Поехал Фатенко с легкой свадебкой» (№ 5).

Конкретизируются и оцениваются через бытовые реалии внешний вид и характерные черты былинных персонажей. Интересен разговор Ильи Муромца с каликой перехожей. В нем дается образное описание одежды калики и реальная мотивировка отказа в мене одежды:

«Ой еси ты, калика перехожая,
Дай ты мне платье, что потрепешней,
Худо кушаченко о пяти узлов».
Отвечает ему калика перехожая:
«Я облакусь в твое платье хорошее,
Никто не даст мне ничево».

(№ 12, стихи 182—187).

В этих случаях сказителям иногда приходят на помощь образы и поэтические выражения причитаний — лирического жанра народной поэзии. Так, мать Соловья-разбойника названа «*мать родимая, гроза великая*» (№ 1); слуга верная, придя в погреб, кланяется заключенному Илье Муромцу и «*горькими слезами* уливается» (там же).

Часто вносятся психологически заостренные, причинные мотивировки поступков героев. Иногда подчеркнуто выражена прямая оценка того или иного героя или события со стороны самого сказителя. Описанию действий Соколика предшествует четкая авторская оценка: «А молодой этот Соколик не спит, В худом уме все думает» (№ 10); нападение врага описывается прежде всего через авторскую оценку: «Вдруг им горе приключилосе: Поднялся неверный враг, Неверный враг, силы множество» (№ 2); описание состязания в богатстве Дюка с Киевом оканчивается авторским пояснением: «Покорил Дюк сын Степанович, покорил он богатырей богатством всех, покорил он стольний Киев-град. И Дюк стал почетный гражданин, по всему земному шару славится» (№ 34). Из последнего примера видно, что в отдельных случаях пояснения и авторские оценки, сами по себе яркие и выразительные, нарушают эпическую обрядность, которая узаконила свое традиционное, устоявшееся описание внешности богатыря, его характера, поступков в целой системе постоянных эпитетов, гипербол и сравнений.

Для отдельных сказителей характерны такие отклонения от былевой обрядности, которые явно нарушают художественные нормы эпоса. Сюда относится утрата общих мест, отказ от соблюдения приема троичности и т. п.

Стремление к реально-бытовым мотивированным описаниям иногда органически не вовлекается в художественную систему былины, а приходит с ней в столкновение и оформляется либо средствами сказочного жанра, либо в форме простой бывальщины. В былине о Дюке Степановиче (№ 34) Дюк приехал в Киев как сказочный герой, он расспрашивает о дороге к терему князя Владимира. «Народу совсем вольного нету, по дороге шляющегося, увидел только малы ребятушки бегают, шалят.

„Ох вы, малы ребятушки,
Знаете ли, где палаты белокаменны
Солнце-батюшки Владимира-князя?“».

Оценщик богатства Дюка, подобно сказочному герою, впадает вдруг в необыкновенно сонное состояние, неожиданно просыпаясь в нужную минуту: «Трое сутки спал, проспался да и говорит: „Надо быть я долгонько спал, трое суточки спал“. Все высмотрел...» (№ 24).

Большинство художественно-выразительных, полноценных записей отличается, как указывалось выше, хорошей сохранностью былевой обрядности и яркостью поэтического языка. С точки зрения поэтического языка новых вариантов былин наблюдается стремление сохранить и даже усилить синонимические выражения. Новые записи содержат много синонимических выражений типа «ездят-гулят», «бьется-дерется», «прокатилось-прошло-проминовалося», «во тереме заперта крепко она, заложена», «боролись-сягались», «не сватались князю, не кланялись», «расходитеся-растекитеся», «много у него наубйвано, наложено сыновей отецких», «шурмовался-воевал», «умылся-приубрался».

Синонимические выражения являются ярким художественным средством в языке былин. Новые записи подтверждают высказанное в науке положение о продуктивности в творческом развитии синонимии как художественного принципа.[16] Оригинальные синонимические выражения часто встречаются в новых записях: «страна-губерния», «язык-говорун», «заходит безо всякого докладица, безо всякого решения», «а не дашь добром, так лихом возьмем да кровопролитием», «переменили они платьишко, скинул он с себя потребнишко», «хотят жгать-палить добра молодца» и др.

Таким образом, отдельные печорские сказители к 1942 г. не только сохранили разнообразные сюжеты, идеи, образы русского эпоса, но и внесли творческую живую струю в стиль и язык былин.

3

Экспедиция 1955 г. на среднюю Печору работала отчасти в тех же местах, что и экспедиция 1942 г. (Усть-Цильма и селения по реке Цильме — дер. Рочево, Трусовская и Филипповская), отчасти охватила другие места в пределах того же Усть-Цилемского района: в отличие от собирательских работ 1942 г. сотрудники экспедиции 1955 г. не спускались по Печоре ниже Усть-Цильмы, но зато обследовали подряд все селения по реке Пижме, начиная с самых верховьев до устья (дер. Скитскую, Степановскую, Никоновскую, Чуркину, Загривочную, Замежное, Абрамовскую, Боровскую). Таким образом, обе экспедиции на среднюю Печору как бы дополняют друг друга. Кроме того, экспедиция 1955 г. в известной мере явилась дополнением и к произведенной в 1929 г. работе, поскольку тогда записи былин на Пижме ограничились только двумя селениями, — правда, центрами песенной культуры Пижмы — Абрамовской[17] и Замежным.

Общее состояние былинной традиции в обследованном районе оказалось примерно тем же, какое отмечено было в 1942 г. Бесспорно, по срав-

---

[16] А. П. Евгеньева. Язык русской устной поэзии. Тр. отд. древнерусск. литер., т. VII. Изд. АН СССР, 1949, стр. 184.

[17] В сборниках Н. Е. Ончукова и А. М. Астаховой — Аврамовской (по старинному произношению).

нению со второй половиной 20-х годов круг сказителей — и исполняющих былины, и только хранящих их в своей памяти — заметно сузился. Удалось записать немного — всего 15 полных текстов от 7 сказителей.[18] Сильно упала роль былины как живого бытового явления в культурной жизни печорцев. Правда, еще бывали случаи, когда в большой общий праздник, за столом, односельчане и приехавшие гости из соседних деревень просили былинщика спеть «старину». Иногда пелись былины и в обычной будничной обстановке — за работой, при переездах в лодке из деревни в деревню,[19] нередко в полном одиночестве, «для себя». Но все же такие проявления живой жизни эпоса были далеко уж не повседневны.

Как и в 1942 г., к записи былин население отнеслось чрезвычайно внимательно, сочувственно и серьезно. Сказители были очень довольны тем, что от них записывали, тем, что их былины сохранятся для потомства; старались как можно лучше, бесперебойно спеть, чтобы не испортить записи «на машину» (т. е. на магнитофон).

На Пижме оказалось, что многие жители, как мужчины, так и женщины, могли напеть отдельные отрывки, вспоминали отдельные стихи и строфы, говорили о героях былин, как об общеизвестных персонажах. Экспедицией записано 12 фрагментов, но их можно было записать и еще больше. Эти отрывки напели главным образом те, кто в недалеком прошлом, а иногда и сейчас охотно подпевал и подпевает сказителям-мастерам. Среди таких лиц встречались люди далеко не старые — 40 лет и даже тридцатилетние. В некоторых случаях казалось, что здесь имеет место начальный момент овладения искусством сказительства. Так, тридцатилетняя Павла Чупрова из Скитской, дочь Маркела Чупрова (Абрамовская) призналась в своей большой любви к пению «старин». Пока еще она могла спеть собирателям только отрывки. Но она продолжает слушать былины и от отца и от других сказителей. Собирателей она серьезно приглашала приехать лет через десять — «когда все перейму, что нонче старики знают».

Как и в 1942 г., жива была память о многих мастерах-былинщиках, умерших за последние десятилетия. Воспоминания о прошлой былинной культуре оказались особенно живыми у пижемцев. Здесь в особенности наблюдалось большое внимание и уважение к мастерам эпического творчества. Некоторые пользовались большой популярностью, исполнение ими былин вызывало неизменный интерес. В Абрамовской при вести о том, что сказитель Еремей Чупров[20] собирается петь старины, изба оказалась вмиг набитой народом. Немногочисленное население Никоновской едва ли не все собралось послушать пение былин Дмитрием Федоровичем Чуркиным, когда стало известно, что он приехал в Никоновскую из Чуркина и будет петь. Собравшиеся с почтительным вниманием следили за каждым словом певца. Сам Д. Ф. Чуркин, столкнувшись в Никоновской у реки с собирателями в тот момент, когда те намеревались плыть к нему через реку, поднялся с ними на берег и тут же, в знакомой избе, уселся

[18] Правда, многие пожилые мужчины и старики, среди которых, по словам местных жителей, «должны были» найтись знающие былины, уехали одни к океану на промысел, другие в лесные избушки за несколько сот километров, в глухую тайгу, где их без проводников найти было невозможно. Но общая картина состояния былинного эпоса не изменилась бы от прибавления еще одного десятка записей.

[19] Сотрудникам экспедиции однажды как раз пришлось слышать исполнение былины во время одного из своих переездов в лодке: старик Маркел Чупров, перевозивший собирателей из Боровской в Абрамовскую, по личной своей инициативе запел былину.

[20] Еремей Провович Чупров был отмечен как выдающийся певец былин еще в 20-е годы. См.: Астахова, 1938, стр. 366—367.

«побеседовать» о «старинах». Вместе с тем, как и в 1942 г., приходилось слышать и сетования на забывание искусства былинного сказительства, на падение интереса к нему. «Плохо ноне народ старины-то знает, забываться стали», — со вздохом сожаления говорил Тимофей Семенович Дуркин из Усть-Цильмы, прощаясь с собирателями после записи. В Усть-Цильме, где удалось найти только трех сказителей, собиратели в ответ на все расспросы местных жителей, слышали одно: «Да, в старину были деды, „сказывали". Теперь никого не осталось. Молодые не умеют».

Впрочем, такого рода сетования и замечания слышали собиратели и раньше. Постепенное сужение круга знатоков былины и угасание ее живого бытования — процесс многих десятков лет. Сейчас он закономерно резко усилился.

Среди лиц, от которых в 1955 г. записывались былины, встретились певцы, очень различные по своему репертуару, степени и характеру мастерства. Одни знали по нескольку былин, пели уверенно, твердо, не сбиваясь; другие помнили немного, не без труда припоминали давно забытые напевы и слова. Сказительницы-женщины обычно только подпевали более опытным певцам, а сами не знали полностью ни одной былины. Знатоков эпоса с большим репертуаром не встретилось. Наибольшее количество произведений эпического творчества записано от Никиты Федоровича Ермолина из Трусовской на реке Цильме (4 былины и 2 баллады). Тексты некоторых оказались превосходными, так же как и исполнение этих былин. Это говорит о том, что на Печоре еще сохраняется, правда в очень суженном кругу, древняя культура эпического искусства. Характерно, что все былины пелись, причем почти каждый сказитель владел своим напевом, иногда и двумя-тремя.

Незабываемое впечатление снова, как и в 1929 г., оставила встреча с Еремеем Чупровым из деревни Абрамовской на Пижме.

Творческая биография Е. П. Чупрова изложена в собрании «Былины Севера».[21] В 1955 г., в 67 лет,[22] это был высокий черноволосый человек, не имевший в своем несколько суровом, строгом облике ничего стариковского. Рост, горделивая осанка, шапка густых темных волос, стриженных «под горшок», нож за поясом, бахилы выше колен — все это создавало впечатление полуэпического героя. К тому же Е. П. Чупров, колхозный конюх, очень картинно держался на коне.

Как и от большинства других сказителей, запись от Чупрова производилась в его собственной избе на магнитофон. Было уже поздно, темнело. Маленькая керосиновая лампочка на столе едва освещала магнитофон и бумагу; слушатели теснились по углам; только фигура певца выступала на первый план, слабо освещенная «коптилкой».

Опершись локтем о стол, слегка наклонившись вперед, Еремей Провович пел охотно, уверенно, быстро, увлекаясь с каждой минутой все больше и больше. Чуть глуховатый голос звучал чем дальше, тем громче и стремительнее, усиливая с каждым стихом эмоциональное напряжение. По-видимому, певец совершенно не думал ни о слушателях, ни о магнитофоне, ни о том, что параллельно с «машиной» каждое его слово записывается еще и на бумагу. Он до такой степени был погружен в исполняемую «старину», так был сам захвачен своим искусством, что не видел и не слышал ничего вокруг. Записывать его было необычайно трудно, так как очень

---

[21] Астахова, 1938, стр. 366—367.

[22] На вопрос о возрасте Е. П. Чупров отвечал — «67 лет», что на два года расходится со сведениями, полученными в 1929 г.

быстрый темп исполнения и, главное, — огромное эмоциональное впечатление от всего облика певца мешали сосредоточиться на процессе записи.

Е. П. Чупров спел те же былины, которые пел и в 1929 г. — «Илью и Сокольника» и «Про Бутмана». Тексты он повторял почти дословно через 30 лет, что говорило о твердой и четкой кристаллизации их в его сознании. Ничего похожего на исполнение былин Е. П. Чупровым — по мастерству, темпераменту, творческой манере сказителя — не встретилось ни в одной среднепечорской деревне.

Большой удачей экспедиции явилась запись былин от цилемского сказителя из деревни Кривомежной Лазаря Михайловича Носова. Еще в 1942 г. участники экспедиции Карело-финского университета слышали о Лазаре Носове, как об отличном сказителе, познакомились с его женой А. А. Носовой, обычно певшей былины совместно с мужем, и записали от нее 7 былин. Сам же Лазарь Михайлович был в отъезде (см. выше). И вот в 1955 г. произошла, наконец, встреча с ним собирателей, при этом исключительно по счастливой случайности. Никакие расспросы о его местонахождении не могли помочь; дома его не было, и никто не знал, куда он отправился. При пешем переходе из одной деревни в другую на тропинке у реки собиратели повстречались с незнакомым веселым, общительным стариком и, разговорившись с ним, узнали, что он-то и был сказителем Носовым. Несмотря на крайне неблагоприятные условия для работы (холод, ветер, сырость, приближение грозовой тучи), тут же, у берега реки была организована запись.

Л. М. Носов оказался необычайно интересной творческой личностью. Бодрый, живой, чрезвычайно подвижный, несмотря на свои 76 лет, он очень сочувственно отнесся к записи былин. Едва заикнулись о них, как он тотчас же предложил спеть «Старину про Фатена», как он назвал былину о Хотене Блудовиче. Речь старика Носова пестрела прибаутками и присловьями. Весело и добродушно разглядывая магнитофон, он очень радовался, что «хитрая машина» может с голоса спеть его былины, и был чрезвычайно доволен записью. Кроме длинной старины «Про Фатена», Л. М. Носов спел фрагмент из былины «Добрыня и Дунай».

По его словам, ему больше нравились старины не героические, а семейно-бытовые; он очень сокрушался, что многое уже забыл: «Прежде-то много знал. Смолоду я их пою. От стариков выучил, с которыми на промыслы хаживал. Еще знаю старинные песни, — рассказывал Носов, — приезжайте зимой, тогда дома буду, еще старины вспомню, напою вам».

К сожалению, собирателям пришлось на этот раз ограничиться этими двумя случайными записями от бесспорно очень одаренного сказителя, к тому же, как и Еремей Чупров, продолжающего культивировать былину в живом исполнении: Лазарь Михайлович торопился домой, чтобы затем опять пуститься в новый путь по неотложным делам.

Хорошими исполнителями былин, сохранившими чувство эпического стиля, оказались также Никита Федорович Ермолин из Трусовской и пижемцы Леонтий Тимофеевич Чупров и Дмитрий Федорович Чуркин.

Но затухание былинной традиции на средней Печоре несомненно. Об этом, кроме того, что было указано выше, говорит и сильное обеднение сюжетного состава репертуара. Интересно сопоставить цифровые данные. Из 20 сюжетов, зарегистрированных в 1929 г. в Усть-Цильме и на Пижме, в записях 1955 г. имеется только 6 (причем следы одного видны лишь в кратком начальном отрывке). Совершенно отсутствуют распространенные здесь в прошлом былины о Василии Игнатьеве, Дунае (Женитьба князя Владимира), бое Добрыни с Дунаем. Нет никаких следов былины

об Илье Муромце и Идолище. Если даже включить все записи с реки Цильмы, где в 1929 г. собиратели не были, то и тогда оскудение былинного репертуара верхней части средней Печоры совершенно очевидно (21 сюжет из Усть-Цильмы с ее окрестностями и с Пижмы в 1929 г. и 12 сюжетов из тех же мест вместе с записями из селений по реке Цильме в 1955 г.). Особенно оскудела былинная традиция в самой Усть-Цильме. В 1929 г. в ней и прилегающих к ней деревнях было записано 20 былин на 15 сюжетов от 9 сказителей. В 1942 г. удалось отыскать в Усть-Цильме только двух сказителей и записать от них по одному тексту на 3 разных сюжета (в одном из них неудачно контаминированы 2 сюжета). В 1955 г. собиратели смогли встретиться там только с тремя сказителями и записали от них 6 былин, заключающих в себе 6 сюжетов (2 контаминированные былины). А вот данные 1900-х годов: Н. Е. Ончуков в Усть-Цильме и окрестностях записал 31 былину на 29 сюжетов от 7 сказителей. Постепенное сужение репертуара со времени работы Н. Е. Ончукова к нашим дням очевидно, при этом резкий перелом мы видим между 1929 и 1942 гг.

Наиболее устойчивыми оказались сюжеты об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о бое Ильи Муромца с сыном, а на Пижме — «Бутман» и «Скопин». Фрагменты трех последних былин чаще всего могли напеть местные жители, не являющиеся по существу сказителями. Былины о бое Ильи Муромца с сыном сохранились в превосходных вариантах.

Особо следует остановиться на былинном репертуаре селений по реке Цильме. На основе произведенных в 1942 и 1955 гг. записей можно предполагать здесь в прошлом — и быть может в не очень далеком прошлом — богатый и разнообразный материал. В 40—50-е годы сохранились еще в народной памяти 15 сюжетов (правда, 2 из них в полузабытом виде, а 3 в сводной былине об Илье Муромце). Хотя В. Г. Базанов и справедливо подчеркивает крепкую связь селений по Цильме с Усть-Цильмой, называя их своеобразным ее филиалом,[23] но все же цилемские тексты имеют свои особенности. Здесь, например, записан в двух вариантах сюжет о Добрыне и Алеше (неудачная женитьба Алеши Поповича), в прошлом совершенно не отмеченный ни в Усть-Цильме, ни на Пижме, и тоже в двух вариантах былина о Соловье Будимировиче, которая в прошлом (и в 1900-е годы, и в 1929 г.) встретилась только на Пижме. Совсем не был записан на Печоре сюжет о встрече Добрыни с поляницей и женитьбе на ней, который сказительница деревни Трусовской искусно объединила с сюжетом о Добрыне и Алеше (1942 г.). От той же сказительницы записан неизвестный вообще до сих пор героический сюжет, представляющий новообразование на основе целого ряда традиционных эпизодов и мотивов (см. № 7 и комментарий к нему).

Из 17 записанных на Цильме былин многие отмечены выдержанным эпическим стилем, стройной композицией, богатой обрядностью. Это свидетельствует о крепкой эпической традиции в недалеком прошлом в этих местах.

Записи 1955 г. вместе с записями 1942 г. показывают устойчивость некоторых местных, сложившихся на средней Печоре редакций. Таковы, например, былины о бое Ильи Муромца с сыном, о Скопине, о Бутмане. Новые записи былины о Соловье Будимировиче (см. №№ 6 и 36, оба записаны на Цильме) в сопоставлении с пижемскими вариантами сборников Н. Е. Ончукова (№ 8) и А. М. Астаховой, т. I (№ 67), явно свиде-

[23] Базанов, стр. 14.

тельствуют о наличии особой среднепечорской сокращенной редакции, без эпизода постройки теремов и посещения их девушкой. Интересна запись 1955 г. былины «Добрыня и Змей» (№ 45), повторяющей развязку варианта 59 сборника Н. Е. Ончукова: Добрыня, освободив от Змея похищенную им красавицу, женится на ней — мотив сказочный, для эпоса необычный.[24] В литературе о былинах уже было отмечено, что вся северо-восточная группа обработок сюжета «Добрыня и Змей» (тексты мезенские, пинежские, один печорский) выделяется насыщением их сказочно-легендарными мотивами.[25] Новая запись подтверждает наличие этих черт в печорской традиции. Характерно, что и самим исполнителем сюжет осознавался как сказочный (см. стих 183 и примечание сказителя в конце).

Так же как и записи 1942 г., материалы 1955 г. выявляют два параллельно идущих процесса, характерных вообще для всего позднейшего периода жизни эпоса (конец XIX и начало XX вв.). С одной стороны, у одаренных сказителей былина сохраняется не в механически затверженных текстах, а творчески, с внесением своих индивидуальных деталей, но в духе и стиле освоенной сказителями эпической традиции. В этом отношении очень показательна запись былины о Хотене Блудовиче в двух вариантах — в 1942 г. от А. А. Носовой и в 1955 г. от ее мужа Л. М. Носова. Как выяснили собиратели, оба супруга обычно исполняли былины совместно. Но жена не просто подпевала мужу, как это часто бывало и бывает на Печоре, а могла исполнять и исполняла былины и самостоятельно. И вот сопоставление показывает, что обе записи Хотена принадлежат к одной и той же редакции (что совершенно закономерно), но отдельные эпизоды разрабатываются каждый раз по своему, с творческими и часто очень выразительными вариациями (см. подробнее в комментарии к обоим текстам). Интересные творческие вариации находим в текстах былины «Илья Муромец и сын», например у Тимофея Дуркина (№ 43), в описании корабля Соловья Будимировича и в других.

С другой стороны, наблюдаются явные случаи забывания, искажения содержания, нарушения норм эпического стиля. Иногда у одного и того же сказителя обнаруживаются хорошие, порой замечательные варианты и вместе с тем тексты полузабытые или с явными признаками разрушения, что зависит от разных причин, чаще всего от отношения самого сказителя к тому или иному сюжету и в связи с этим от более или менее частого его исполнения. Это мы видим, например, в записях от Тимофея Дуркина, Лазаря Носова и некоторых других. Такие случаи встречались и раньше, даже в репертуарах выдающихся сказителей (например, у Трофима Рябинина). Но в последние десятилетия случаи забывания отдельных сюжетов, оскудения эпического репертуара вследствие редкого исполнения в большой степени участились. Это хорошо показывают нам записи 1942 и 1955 гг.

Среди записей 1955 г. обращает на себя внимание текст былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (№ 35). В этом варианте проглядывают очертания одной из старых редакций, отраженной в рукописных текстах XVII—XVIII вв. (см. подробнее в комментарии к этому варианту).

---

[24] Об этом в другой связи см. в сб.: Былины в двух томах. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, т. I. М., 1958, стр. 511.

[25] См., Астахова, 1938, стр. 571—572.

4

Собирательскую работу на берегах Печоры продолжила экспедиция 1956 г., работавшая в низовьях реки — Нарьян-Марском районе.

Административная граница между обоими районами проходит около селения Тош-Виска, несколько выше Лабожского. Тут начинает заметно меняться и самая природа реки. Появляются сначала отдельные, затем все более частые острова; берега становятся ниже; постепенно исчезает таежный лес, и шаг за шагом все шире развертываются береговые просторы — тундра. Все больше появляется различных «висок», «шаров», «курьей» (т. е. проливов, заливов, старых русел — «стариц», мелких притоков); берега и острова становятся сильно изрезанными разнообразными водными каналами, заливные луга открывают широкие светлые просторы и дали. Нижняя Печора — огромный водный лабиринт с берегами настолько низкими, что трава непосредственно, без отмелей, переходит в воду, а весной, во время половодья, льдины нередко несутся прямо по улицам деревень и только кое-где высокие деревянные быки предохраняют постройки от аварий. Почти каждый год половодье приносит деревням нижней Печоры большие разрушения. В районах севернее Нарьян-Мара, над открытыми берегами тундры постоянно носятся сильные морские ветры и бушуют высокие морские приливы. Здесь все пропитано близостью океана. Ниже Нарьян-Мара уже прекращается движение речных пассажирских пароходов, — связь с Архангельском поддерживается большими пароходами морского типа. Сюда, в устье Печоры, приходят морские грузовые суда — советские и зарубежные — за лесом. Между немногочисленными деревнями, расположенными на отдельных островках в устье реки, мелькают маленькие местные моторные ботики и лодки, но регулярные рейсы их (в частности, движение почтовых ботов) нередко нарушаются из-за непогоды.

Таким образом, Нарьян-Марский район по своим природным условиям значительно отличается от таежной, укрытой лесами средней Печоры.

Иные природные условия определили и основную экономику края. Жители здесь — рыбаки. Хотя они занимаются и животноводством, но в сравнительно небольшом масштабе. Рыбный промысел значительно преобладает над всеми остальными. На путину издавна выходило очень много населения: тут добывается семга, нельма и другие ценные породы рыб. Зимой охотники выходят в промысловые избушки и добывают ценнейшего пушного зверя — песцов, горностаев, россомах, полярных лисиц.

Иначе, по сравнению со средней Печорой, сложилась и историческая судьба края. Низовья Печоры были в свое время колонизованы Москвой. В 1499 г. московские воеводы, князья Ушатов-Курбский и Заболоцкий-Бражин с дружинами пришли сюда и основали укрепленный острог — Пустозерск (около 20 км от нынешнего центра нижней Печоры — города Нарьян-Мара). Благодаря приведенным туда войскам русским колонизаторам удавалось справляться с местным населением. Московские поселенцы быстро овладели природными угодьями в устье Печоры. За первыми осевшими пришельцами из Москвы потянулись и другие. В низовьях Печоры начали вырастать селения москвичей. Постепенно этот глухой, удаленный от центра край сделался местом ссылки для неугодных царю людей. Устье Печоры видело ряд исторически известных ссыльных: протопопа Аввакума, боярина Артамона Матвеева, который 20 лет — с 1691 по 1710 гг. — прожил здесь с семьей, сподвижника правительницы Софьи — князя В. В. Голицына и других. Эти невольные

колонизаторы Печоры везли с собой свой двор, последователей, слуг и увеличивали в устье реки московское влияние, укрепляли московскую культуру, во многом (в частности, в языке, в фольклоре) отличную от новгородской культуры в Усть-Цилемском районе.[26]

Сегодня на нижней Печоре весь промысел механизирован и снабжен орудиями лова новейшей конструкции. Природные богатства и рационально налаженная система хозяйства выдвинули некоторые нижнепечорские колхозы в ряды колхозов-миллионеров.

Общение с молодым городом Нарьян-Маром и отчасти с Архангельском сказывается очень заметно и значительно отличает нижнепечорцев от усть-цилемов. В быту нижнепечорских деревень много городского — мебель, посуда, костюмы, предметы бытового обихода. Нет традиционных усть-цилемских сарафанов, парчовых праздничных нарядов XVII-XVIII вв., нет старинных головных уборов. Местная речь ближе к литературной русской речи, чем речь усть-цилемов.

Все эти различия отчетливо ощущаются самим населением. «Усть-цилемы — староверы, домоседы, — говорят жители Нарьян-Марского района, — век свой в лесах живут, людей мало видят. Зимой на посидках сидят, „сидячие" (т. е. долгие, протяжные, лирические) песни знают. А мы век на ветру, на воде. Нам в избах сидеть да со звездой ходить некогда».

Жители нижней Печоры ездят в Усть-Цильму нечасто: непосредственных дел у них там обычно нет, а «в Россию», т. е. в центр страны, они попадают через море и Архангельск. Но усть-цилемы бывают в низовьях по разным надобностям: выходят в океан на промысел, молодежь ездит в Нарьян-Мар учиться и работать. Районы соединены и родственными связями, и общими знакомствами, и встречами на путине. Сейчас, когда хозяйство в обоих районах имеет одинаковый коллективный характер, общение на почве трудовой колхозной жизни значительно крепче объединяет усть-цилемов и нижне-печорцев, чем в дореволюционное время.

Это общение особенно развилось за последние 15—20 лет. И естественно, что картина соотношения фольклора в обоих районах сегодня не та, что была еще в 1929 г.: тогда, например, разница между песенным репертуаром средней и нижней Печоры, вызванная условиями первоначальной колонизации и общего бытового уклада, была значительно заметнее, чем в наши дни, когда эти различия во многом сглажены. Однако, картина былинной традиции на нижней Печоре и сегодня существенно отличается от традиции в Усть-Цилемском районе.

В первые недели экспедиции успехи по разыскиванию былин были чрезвычайно ничтожными. Несмотря на то, что о былинах собиратели всюду спрашивали в первую очередь, они всюду получали один ответ: старики-былинщики прежде имелись, некоторых помнили по именам, кое-кто их слышал. Но деды вымерли, а дети их, не говоря уже, конечно, о внуках, ничего «не поняли», т. е. не восприняли от отцов. Если в районах средней Печоры о Еремее Чупрове, Никите Ермолине или Лазаре Носове знали широко по деревням, то в нижней Печоре таких общеизвестных имен в первый период экспедиции не было. Когда собиратели называли имена, ориентировочно подсказанные им случайными спутниками на пароходе или в какой-либо деревне, обычно в ответ местные жители качали с сомнением головами: «Це-ли бат? Не слыхали мы, чтоб он пел»; «Цорта он знат»; «Не, он не певака». В большинстве случаев это, к со-

[26] См.: Жилинский; С Ф Платонов Прошлое русского севера. Пгр., 1923.

жалению, так и бывало. Собиратели спускались вниз по реке, возвращались обратно, совершали отдельные выезды в деревни, расположенные на островах в стороне от основного маршрута. Великая Виска, Голубково не дали ни одной былины, ни одного имени сказителя. Только постепенно, с большим трудом стала налаживаться запись былин. В Оксине был записан вполне законченный текст песни о Кострюке, в Осколкове — былина «Илья и Сокольник», в Андеге — два незначительных отрывка «Про Добрыню», настолько кратких, что сразу невозможно было определить их сюжет. В пригороде Нарьян-Мара, деревне Качгарт, удалось записать три богатырские сказки на былинные сюжеты, а в деревне Угольное под Нарьян-Маром — одну былину. Самые тщательные розыски в других близлежащих селениях — Куе и Никитцах не дали никаких результатов. В деревне Нарыге, куда оказалось очень трудно пробраться из-за условий транспорта и погоды, не было, по уверениям местных жителей, ни одного исполнителя былин.

Более удачным оказалось посещение села Лабожское. Еще на пароходе по дороге из Нарьян-Мара собиратели познакомились с Т. С. Ижемцевым, жителем деревни Бедовое, который ехал в гости к дочери в Лабожское и охотно разговорился с собирателями о старинах. Тут же на пароходе Ижемцев вспомнил начало былины о Василие Игнатьеве, а затем, уже на берегу Лабожского, он спел полный, крепкий текст «Кострюка». Он же направил собирателей к Никандру Ивановичу Суслову, который, по его словам, «много чего знает».

Суслов, зажиточный колхозник, один из лучших рыбаков в деревне. действительно оказался хорошим исполнителем былин и охотно поделился с собирателями своим репертуаром. Живой, общительный человек, маленький, сухонький, в косоворотке и толстых теплых носках без обуви, он мягко ступал, прохаживаясь во время разговора по чистой просторной комнате, убранной по-городскому. О былинах Никандр Иванович говорил серьезно и с чувством: «Старины петь — надо склад знать. Вот я прежде-то помнил больше, пел их сам своим передом (т. е. умел запевать и самостоятельно вести напев). А теперь из памяти многое выходит, — стары мы стали... А врать не хочу».

Но некоторые былины Никандр Иванович помнил прекрасно. Перед тем, как запеть в магнитофон, он долго проверял себя: «Пароход-то сперва пар пущает, а уж потом разгудится во всю силу, — говорил он, — так и старину всю знать надо. С двух-то первых слов далеко не уедешь. Попробовать сперва надо, все ли в памяти».

От Н. И. Суслова записаны две былины: «Женитьба солнышка Владимира», «Женитьба Алеши Поповича на Добрыниной жене» и баллада «Молодец и горе». Малограмотный, самоучка, но большой любитель музыки и чтения, Никандр Иванович слышал в молодости многих мастеров-былинщиков (В. П. Тарбарейского, Ф. М. Пономарева и других) и с их голосов перенял свои былины. Кроме былин, он знал старые лирические протяжные песни и хорошо исполнял их.

Запись от Н. И. Суслова продолжалась три дня. Собирателей поразило полное отсутствие интереса у соседей к исполнению былин их односельчанином. Насколько трепетным и сочувственным было внимание к былинщикам на Цильме и Пижме, настолько равнодушно отнеслись соседи к пению Ижемцева и Суслова. Об их искусстве говорили с улыбкой, как о безвредной блажи стариков. Собирателям почуялся в этом какой-то крупный дефект работы местных культурно-просветительных организаций. Вскоре эти предположения оправдались.

В том же Лабожском собиратели разыскали сына сказителя Василия Петровича Тарбарейского, известного по записям Н. П. Леонтьева, — Никандра Васильевича, от которого рассчитывали получить интересный материал, поскольку имелись сведения, что он учился у отца петь былины.[27] Но оказалось, что Никандр Васильевич почти ничего от отца не перенял. Как он смущенно объяснял, с отцом в былые годы пел только старший брат Гаврила.[28] Сам же Никандр мог спеть лишь один довольно путаный вариант былины о бое Ильи Муромца с сыном.

Наиболее значительными в 1956 г. были встречи с Тимофеем Степановичем Кузьминым в Тельвиске и с Андреем Федоровичем Пономаревым в Нарьян-Маре.

Тельвиска — старое рыболовецкое селение. Жители его занимаются и животноводством, а зимой уходят далеко в тундру промышлять пушного зверя. При первых же словах о былинах жители Тельвиски в один голос заговорили о Тимофее Степановиче Кузьмине: «Этот знает! Его и в Нарьян-Мар возили выступать. Этот вам напоет! Ну, этот дед — певака!».

Тимофей Степанович — 68-летний колхозник небольшого роста, очень скромный по всему своему облику и манерам, принял участников экспедиции радушно и просто. После получасовой беседы собиратели были глубоко тронуты впечатлением, которое произвели на них его доброта, природное достоинство и очевидное желание помочь им в работе. Узнав, что Академия наук прислала из Ленинграда специальную экспедицию для записи старин, Тимофей Степанович очень взволновался. «Значит, понимают люди, какое большое дело — старины. Значит, ценят, — повторял он. — А у нас-то! На смотр меня вызывали, в Нарьян-Мар. К олимпиаде готовились. Говорят: „Выходи, дедушка, на эстраду, расскажи публике что-нибудь, старину про что знаешь. Да только петь не надо, — так, без пения, расскажи словами, чтобы скорее было. Не то публике скучно будет". Да разве этак можно? Ну, вышел я, рассказал про Илью, премировали меня потом, пятьдесят рублей дали. Да разве это мне нужно? Разве так старины-то передают — рассказом, без голоса? Нет, этак не годится!»

Старик, видимо, был глубоко и справедливо обижен таким отношением — не к нему самому, а к его былинам.

С первой же былины, спетой Тимофеем Степановичем, стало ясно, что Кузьмин — один из редчайших мастеров былинного искусства, которых можно услышать в наши дни. Уже самый репертуар Т. С. Кузьмина был для современного былинщика на Печоре необычным — он пел в течение четырех дней, предлагая все новые и новые сюжеты, варьируя напевы. От него записаны 12 хороших, иногда превосходных полных текстов, среди которых неизвестные до сих пор в записях на Печоре или редкие сюжеты: «Сухман», «Святогор», «Садко», «Василий Буслаев», «Василий турецкий» [Идойло сватает племянницу князя Владимира].

Тимофей Степанович пел охотно и просто. Рассказал он подробно и свою творческую биографию. Оказалось, что грамотен он с девяти лет; былины узнал прежде всего от отца, сказителя Степана Васильевича Кузьмина, который по профессии был штукатуром-печником («все печи клал») и славился своим умением петь старины. Кроме отца, слыхал не раз и других сказителей и, обладая прекрасной памятью, запомнил петое

[27] Леонтьев, стр. 7.

[28] По словам Никандра Тарбарейского, Гаврила умер, младший же брат Константин, который тоже упоминается в книге «Печорский фольклор», находится «в России», т. е. далеко за пределами Печоры.

ими. «Что раз услышал — то мое», — говорил он сам. Позднее случилось ему увидеть и книги с былинами, в которых он нашел многое, знакомое ему с детства. В 1914 г. Тимофей Степанович был на военной службе, а затем всю жизнь не покидал родной Печоры.

Два раза его приглашали выступать на смотрах художественной самодеятельности, которые устраивались в 1954 г. в Оксине, а в 1955 г. — в Нарьян-Маре. Оба раза он исполнял былины — «рассказывал их сказками» по требованию администрации смотров, которая боялась, что напев утомит слушателей.

Запись Т. С. Кузьмина на магнитофон происходила в течение четырех дней подряд в его избе, в присутствии только его полуглухой старухи-жены. Пел он уверенно, спокойно, с любовью и очевидным пониманием ценности того, что он исполнял. Тексты былин оказались длинными и цельными. Сам Тимофей Степанович скромно говорил, что поет он плохо, что «слушать его не стоит», но, видимо, был очень доволен вниманием к его искусству. По его словам, напевы его былин все одинаковы, но фактически он или давал различные, или вносил в один и тот же некоторые изменения. «Вы в Нарьян-Маре деда Андрея Пономарева отыщите, — напутствовал он собирателей на прощанье, — у него отец певака был, я его в молодости слышал. Он дома должен быть».

Жилище А. Ф. Пономарева собиратели нашли в Нарьян-Маре с большим трудом, несмотря на то, что оно находилось в центре города. После долгих расспросов и справок удалось, наконец, разыскать двухэтажный деревянный барак, где в маленькой уютной квартирке из двух комнат жил во втором этаже безвестный сказитель.

Андрей Федорович сидел у стола и тешил двухлетнего внука. Всем своим обликом — сединой, живым острым взглядом из-под мохнатых бровей, веселой усмешкой — он очень напоминал такого же бойкого неугомонного балагура — деда Лазаря Носова на Цильме.

Андрей Федорович оказался старым солдатом. Родом из Лабожского, он последние десять лет живет с семьей в Нарьян-Маре. У него спокойная, счастливая старость, которую старик украшает своим искусством.

«Я старины смолоду пел с отцом, Федором Михайловичем, да с его товарищем Тарбарейским Василием Петровичем, — рассказывал он. — В Лабожском-то были, Никандру Тарбарейского видали? Сам-то он ничего не знает. А отец у него был певака. Вот как они вдвоем с моим-то стариком заведут на путине или в деревне про Илью, про Ваську Буслаева, про Ивана Горденовича — только поспевай слушать. Вот я от них и понял».

Уговаривать Андрея Федоровича спеть известные ему былины не пришлось. И сразу, как было и с Кузьминым, собиратели поняли, что это такой же, если еще не лучший, крупный мастер былинного эпоса, с такой же, как у Кузьмина, громадной памятью, вкусом, но, может быть, еще более интересный по творческой манере, по своеобразию художественных образов, которые он импровизационно вводил в текст. Все его былины были цельными, стройными по композиции и некоторые очень длинными. Так, например, «Ивана Горденовича» А. Ф. Пономарев пел целый час.

В течение двух дней Андрей Федорович исполнил весь свой репертуар — 7 былин.

Помимо указанных пунктов, обследованы были еще Пустозерск и деревня Устье, где была записана баллада о гибели оклеветанной жены («Князь, княгиня, старицы»).

Общее количество записанного материала в низовьях Печоры в 1956 г. — 29 полных стихотворных текстов, 5 фрагментов и 3 прозаических богатырских сказки — значительно больше, чем в 1955 г. Но при этом совсем иной оказалась общая картина бытования. На средней Печоре былина, хотя бы и в коротких отрывках, известна гораздо большему числу жителей; ее слышали многие и от многих; интерес к ней разлит шире; внимание к отдельным мастерам-сказителям гораздо глубже и искреннее, хотя мастеров этих количественно немного и репертуар их невелик. На нижней Печоре знакомство с былинами — явление значительно менее распространенное; в массе население знает о них в основном по преданиям, — редко кто помнит и слышал живых сказителей; былинная традиция забывается. Наряду с этим на нижней Печоре имеются отдельные мастера с таким большим и ценным репертуаром, которого на средней Печоре нет. Вполне вероятно, что таких единичных мастеров-сказителей в нижнепечорском районе имеется гораздо больше, чем нашла экспедиция 1956 г.: практика показала, что они могут жить десятки лет, неизвестные даже ближайшим соседям. Селения в тундре и по притокам нижней Печоры фольклористами еще далеко не обследованы.

Но сказители этого района стоят одиноко и не имеют вокруг себя молодой поросли: никто из них на сегодня не передал молодежи своих знаний. Возрастной уровень их — 60—80 лет. На средней Печоре он ниже: как уже упоминалось, там былинами интересуются отдельные певцы 50, 40 и даже 30 лет.

Сопоставляя наблюдения 1956 г. с впечатлениями собирателя второй половины 30-х годов, приходишь к выводу, что и в Нижнепечорье за два десятка лет произошел в эпической традиции резкий сдвиг. Вот что говорится о ее состоянии в 30-е годы: «Знание былин на Печоре зарегистрировано составителем сборника не только среди стариков-сказителей, но и среди молодых... Среди некоторых современных продолжателей былинной традиции наблюдается стремление к пополнению своего репертуара. Они перенимают друг у друга былины... Былины на Печоре живут, их с большим вниманием слушают колхозники от своих сказителей, былинами интересуются».[29] Совсем иная картина вырисовывается, как мы видели, по данным экспедиции 1956 г.

Что касается изменений, произошедших в самом репертуаре, то сравнение сюжетного состава записей всех лет в Нижнепечорье не может дать, подобно записям на средней Печоре, надежного основания для определенного суждения по этому вопросу. На сюжетном составе записей Н. Е. Ончукова с нижней Печоры в особенности сказался его собирательский метод: записывать, прежде всего, редкие сюжеты и избегать повторных записей хорошо известных и уже зафиксированных. Вероятно, вследствие этого Н. Е. Ончуковым и не была записана на нижней Печоре былина об Илье Муромце и Сокольнике, столь же популярная, судя по поздним записям, на нижней Печоре, как и на средней, а также былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике и, может быть, еще какие-нибудь из былин, записанных им ранее на Пижме и в Усть-Цильме. Не дают нужного сравнительного материала и записи 1929 г. (всего 5 записей из Великой Виски, где экспедиция случайно задержалась на день, ожидая парохода), и публикация Н. П. Леонтьева, далеко не охватившая всего собранного им материала (сюжеты неопубликованные, к сожалению, не указаны).

---

[29] Леонтьев, стр. 7.

Таким образом, собранный после Н. Е. Ончукова материал следует рассматривать как дополнительный к его записям, раскрывающий вместе с ними общий былинный репертуар Нижнепечорья конца XIX в.

Репертуар этот оказывается богатым и разнообразным. Это отражено и в записях 1956 г. (22 сюжета и 2 сказки, одна — основанная на восьми сюжетах об Илье Муромце, другая — объединяющая три сюжета о Добрыне Никитиче). Среди былин Нижнепечорья мы видим не только многие древние сюжеты русского героического эпоса, но и некоторые специфически печорские новообразования, как былину о Данилке Денисьевиче (Ончуков, № 76), Луке Степановиче (наст. изд. № 72). Некоторые былины представляют собой оригинальную обработку традиционных сюжетов, с новыми именами героев. Так, Н. Е. Ончуков записал здесь два варианта былины «Потап Артамонович» (Ончуков, №№ 72 и 96), которая представляет собой своеобразно переоформленный сюжет о Михайле Даниловиче; в 1929 г. записан хороший вариант былины «Иван Гостиный сын» (состязание конями) с Добрыней Никитичем в качестве героя (Астахова, 1938, № 96, единственный известный случай); в 1938 г. Н. П. Леонтьев зафиксировал интересный случай прикрепления сюжета о Калин-царе в своеобразной обработке тоже к имени Добрыни Никитича (Леонтьев, № 6). Специфическими чертами, отличающими печорские обработки от мезенских и беломорских, отмечены оба варианта с Печоры поздней былины о сватании Идолищем племянницы князя Владимира (Ончуков, № 73; настоящее издание, № 83) сильно отличается от других вариантов на тот же сюжет — и не только вариантов из других мест Севера, но и текстов из Усть-Цилемского района — былина «Добрыня и Змей» (№ 68).

Материалы экспедиции 1956 г. подтверждают некоторые уже ранее установленные общие черты печорской традиции (например, особая композиция печорских вариантов былины о бое Ильи Муромца с сыном), в иных же случаях позволяют наметить эти черты или, уже, — характерные особенности нижнепечорской традиции, чего по одним прежним записям сделать было нельзя (см., например, комментарии к былинам №№ 69, 70, 83).

Печорские записи 1956 г., так же как и предыдущих лет, отразили типичные для позднейшего этапа жизни эпоса явления — индивидуальную разработку традиционных эпизодов, воздействие смежных жанров, в особенности сказки, насыщение бытовыми реалиями, психологизацию образов, случаи разложения былины в побывальщину и сказку. В особенности же интересный материал они дали по вопросу о роли книги в былинном сказительстве.

Среди текстов, записанных от Тимофея Степановича Кузьмина из Тельвиски, имеются былины «Илья и нахвальщик» и «Добрыня на чудь поехал» (№№ 78 и 82). Заглавия даны исполнителем. Уже сами эти заглавия настораживают, они необычны. При ближайшем знакомстве с текстами оказалось, что первая былина восходит к известному шенкурскому тексту об Илье Муромце и Жидовине богатыре (Киреевский, вып. I, стр. 46), вторая в своей начальной части — к былине сборника Кирши Данилова «Добрыня чудь покорил» (№ 21). При этом выяснилось, что первая былина вошла в репертуар сказителя из изданного А. Каспари в 1894 г. альбома «Русские былины и сказания» (премия к журналу «Родина»), где шенкурская былина передана в особом ритме, принятом в русской литературе XVIII и начала XIX вв. для стилизаций под русский эпос — в четырехстопном хорее с дактилическим окончанием,

перемежающемся с отдельными стихами пятистопного и шестистопного хорея тоже с дактилическим окончанием (так написаны «На взятие Бендер графом Паниным» Сумарокова, «Бахарьяна» Хераскова, «Добрыня» Львова, «Илья Муромец» Карамзина, «Бова» Пушкина и др.).[30]

Иначе обстоит дело с влиянием былины о Добрыне из сборника Кирши Данилова. Тут нет полного совпадения текстов, как в первом случае. Наоборот, в построении сюжета, исключая начальную часть, в разработке отдельных эпизодов вариант Кузьмина очень близок к прионежским вариантам. Но совпадение заглавий, формулировок поручения (ср. у Кирши Данилова: «Кто бы... вырубил чудь белоглазую, прекратил сорочину долгополую», у Кузьмина: «Ты повыбей там чудь да белоглазую, ты повыбей сорочину долгополую»), а также отдельных групп стихов не оставляют никакого сомнения в том, что вариант Кирши был Кузьмину известен.

У того же Кузьмина наблюдается и в ряде других былин отход от местных традиций и явные следы традиций Прионежья. Так, два варианта былины «Как Добрыня женился» (№ 81) не только почти в точности воспроизводят композицию прионежских обработок этого сюжета,[31] но и совпадают с ними в формулировках. Такого рода близость, а также отсутствие сюжета в предшествующих печорских записях вызывает вопрос, не пришла ли прионежская редакция на Печору в каком-либо печатном издании. Специфические черты прионежской традиции явственны также в былине Кузьмина о Дюке (№ 84). Все это наводит на мысль, не обязано ли также книжному источнику появление в репертуаре Кузьмина таких былин, как «Сухман» и «Святогор и сумочка переметная», никогда раньше на Печоре не зарегистрированных.

Если на примере былин Т. С. Кузьмина мы видим проникновение через книгу в местный эпический репертуар элементов других областных традиций, то в записях от Никандра Суслова встречаем случай укрепления особенностей местной традиции с помощью книги, включающей ранее записанные в той же местности тексты. Так, былина Суслова «Женитьба Алеши Поповича на Добрыниной жене» (№ 62) имеет то же построение и те же детали, что и вариант № 95 сборника Ончукова, в других местных традициях не встречающиеся (подробности см. в комментарии). Однако нельзя эту близость двух вариантов считать определенным свидетельством наличия своеобразной нижнепечорской традиции. В доме оказался сборник Ончукова «Печорские былины», и бесспорно Суслов, большой любитель чтения, былины этого сборника читал. Хотя он и слышал, по его словам, эту былину в живом исполнении, но основа его текста восходит, несомненно, к записи Ончукова. Здесь или образец мастерского воспроизведения усвоенного в основном из книги произведения, которое сказитель в ряде случаев улучшает (см. комментарий к былине), или (мог быть и такой случай) обратный процесс — приближение к опубликованному тексту варианта, воспринятого из устной традиции.

То, что Суслов к сборнику Ончукова не раз обращался и сам осознавал связь с ним своего былинного знания, подтверждается и текстуальной

---

[30] Об этом размере в русской поэзии XVIII—XIX вв. см.: А. М. Астахова. Из истории и ритмики хорея. Поэтика. «Academia», Л., 1926.

[31] См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. М., 1909, № 25; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. I, 1949, № 5; т. II, 1950, №№ 148, 157; Былины Пудожского края. Подготовка текстов, ст. и прим. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941, № 56. В Заонежье сюжет объединен с былиной «Добрыня и Змей», составляет ее заключительную часть.

близостью к варианту Ончукова другой старины — «Молодец и горе» (№ 64; Ончуков, № 82). Показательно, что когда Суслов пел балладу на магнитофон, он держал перед собой книгу Ончукова раскрытой на страницах текста «Горе».[32]

Все это говорит о большой роли в позднем сказительстве книги, содействовавшей в одних случаях обмену эпическими традициями разных районов (а это расширяло и обогащало местные репертуары), в других, — укреплявшей некоторые местные традиции.

5

Подобно Печоре, Зимний берег в качестве одного из главнейших очагов былинного сказительства на Севере был открыт в 1900-е годы. Правда, первые записи эпоса здесь были сделаны еще раньше, в 70-е годы XIX в. И. Розановым и опубликованы в «Материалах» П. С. Ефименко,[33] но их было всего несколько,[34] и Зимний берег как хранитель богатого эпического наследия стал известен лишь после опубликования «Беломорских былин».[35]

Зимний берег — это восточное побережье Белого моря. В северной части его, там, где начинается горло Белого моря, соединяющее это море с Баренцовым, находится село Зимняя Золотица, состоящее из двух поселков, на расстоянии примерно 8 км один от другого: Нижняя Золотица — у самого моря при впадении в него речки Золотицы и Верхняя Золотица — выше по речке.

Поселения эти возникли не ранее XVI в. и были основаны, как и селения средней Печоры, выходцами из новгородских земель. Книга Большого Чертежа, упоминающая «град Пустоезеро», основанный в 1499 г., не указывает ни одного поселения на всем протяжении Зимнего берега (Записки Русского Географического общества, т. VII, стр. 203—204, 232). Отмечая это, А. В. Марков пишет: «...возможно, что села Золотицы не было и в XVI—XVII вв., так как Книга составлена на основании грамот именно этого времени. По преданиям крестьян, Золотицу основали „новгородцы", которые переселялись туда „отовсюль"; некоторые семьи выводят своих родоначальников из Новгорода и с берегов Двины».[36] Эти предания сохранились и до нашего времени. Так, сказительница Марфа Семеновна Крюкова вела свой род от прапрадеда Михайла Крюкова, пришедшего на Зимний берег из Новгорода с промысловой артелью и поселившегося в Золотице навсегда.[37]

О Золотице как новгородском поселении пишет и П. С. Ефименко: «Нынешние жители Золотицы, потомки новгородцев... поселились сюда

---

[32] Аналогичные явления наблюдались и раньше. Напомним упоминавшийся уже в литературе случай коллективного исполнения былин по книге Н. Е. Ончукова в деревне Чукчиной близ Усть-Цильмы (Астахова, 1938, стр. 47); усвоение в деревне Вигово (Великая Губа) сказителем П. Е. Коковкиным былин из публикации П. Н. Рыбникова в Олонецких губернских ведомостях (Крестьянское искусство СССР. Л., 1927, стр. 81); постоянные обращения П. И. Рябинина-Андреева к текстам своего прадеда.

[33] П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877—1878 (в дальнейшем: Ефименко).

[34] Былины в записи Вл. Розанова перепечатаны, см.: Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер Русские былины старой и новой записи. М., 1894, отд. II, №№ 5, 15, 32, 49, 67 и № 44, стр. 283.

[35] А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901 (в дальнейшем: Марков).

[36] Марков, стр. 8, сноска 5.

[37] Марфа Крюкова. На Зимнем береге, у моря Белого. Записала летом 1939 г. Э. Бородина-Морозова. Архангельск, 1940, гл. I (в дальнейшем: Марфа Крюкова).

или сами для промысла дорогих пушных и морских зверей, или переселены сюда для той же цели новгородскими боярами, как крепостные, или, всего вероятнее, предки золотичан убежали из Новгорода на Зимний берег, потому что не захотели покориться власти князей московских».[38]

Местоположение Зимней Золотицы определило основной характер хозяйственной деятельности жителей — рыбный и зверобойный промыслы, что продолжает вместе с животноводством составлять главное содержание местных коллективных хозяйств. Этот характер деятельности золотичан, а также удаленность Золотицы от культурных центров[39] обусловили многие своеобразные черты быта и народной поэтической и музыкальной культуры, в частности, длительное живое бытование здесь героического эпоса.[40]

Когда московский студент А. В. Марков в 1898 г. впервые приехал в Золотицу записывать былины, его поразило обилие былинных сюжетов и число сказителей. В первый свой приезд Марков записал всего пять былин у сказителя Гаврилы Леонтьевича Крюкова, но уже в следующем 1899 г. он произвел записи всех остальных былин, вошедших в его сборник «Беломорские былины».[41] В 1901 г. А. В. Марков еще раз побывал на Зимнем берегу совместно с А. Л. Масловым и В. А. Богословским, главным образом для того, чтобы записать на фонограф напевы золотицких былин (а также других песенных жанров). Собирателями тогда же было дополнительно записано 15 былинных текстов.[42]

Всего в те годы в Золотице было записано 90 собственно былин, 11 баллад, около 25 переложенных в былинную форму сказок, лубочных повестей, исторических песен и духовных стихов, а также несколько небылиц и пародий. Уже тогда выявилась характерная для Золотицы тенденция — перекладывать в былины сюжеты других жанров и создавать новые эпические произведения по мотивам былин и сказок, тенденция, которая нашла столь гипертрофированное выражение в последующем творчестве Марфы Крюковой. Весь этот количественно большой, разнообразный и сложный по своему составу репертуар записан был от сравнительно небольшого числа сказителей (11). Но А. В. Марковым был составлен еще список тех сказителей, от которых ему по разным обстоятельствам не удалось записать былин. Таковых оказалось 13. Уже приведенные цифровые данные свидетельствуют о богатой и получившей широкое распространение в Золотице эпической традиции на грани двух веков, особенно если мы учтем, что в двух селах Золотицы насчитывалось тогда всего около 170 дворов. А. В. Марков отметил самое живое еще бытование эпоса в повседневной жизни золотичан.[43]

Большинство эпических произведений разнородного характера (примерно около трех четвертей) было записано в семье сказителей Крюковых. Для записи пели: Гаврила Леонтьевич Крюков (1824—1913), невестка его покойного брата Аграфена Матвеевна Крюкова (1855—1921) и ее старшая дочь Марфа Семеновна Крюкова (1876—1952). Тогда же Марков

---

[38] Ефименко, ч. 1, стр. 10.

[39] Связь Золотицы с Архангельском и сейчас затруднена, поддерживается летом только водным путем — нечастыми рейсами парохода, зимой — санным путем по берегу или вдоль берега.

[40] См. об этом: Марков, стр. 7—12; Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. I. М., 1905, стр. 7—8 (в дальнейшем: Труды комиссии).

[41] См.: Марков, стр. 25: «Роспись дней, в которые записаны старины».

[42] Труды комиссии, стр. 31—94.

[43] Марков, стр. 8—23.

установил, что и вторая дочь Аграфены Матвеевны, Павла Семеновна Крюкова (1879—1946), знала много былин, «перенявши их от своего деда». Собиратель указывает, что Аграфена Матвеевна даже переняла от дочери Павлы две былины: «Илья Муромец и разбойники» и «Мать и дочь в татарском плену».[44] Однако Маркову не удалось записать от Павлы Крюковой ни одной старины. По словам Маркова, П. С. Крюкова (в замужестве Пахолова) тогда постеснялась их петь собирателю.[45]

Марков также отметил, что свекор Аграфены Матвеевны, Василий Леонтьевич Крюков (1817—1895), знал былины, но его А. В. Марков уже не застал в живых. Память об этом сказителе сохранилась и через пятьдесят лет после его смерти. Г. М. Плакуев из Нижней Золотицы (1868—1945) вспоминал о Василии Леонтьевиче, как о самом замечательном сказителе, которого он слыхал в дни своей молодости. «Все они хорошо пели, — говорил он о Крюковых, — и Гаврило, и Василий, и сын его Семен Васильевич».

Былинный репертуар рода Крюковых не только обширен, но и сложен по своему составу. Особенно это следует отнести ко второму и третьему поколению сказителей этого рода. Старики Крюковы — Василий Леонтьевич и Гаврило Леонтьевич — целиком принадлежали к исконной традиции Зимнего берега. С появлением в семье Крюковых «терчанки» Аграфены Матвеевны был внесен в эту семью весь запас старин, усвоенных ею на родине. В сказительстве Аграфены Матвеевны скрестились, таким образом, традиция, привезенная ею с Терского берега, и местная, усвоенная ею от стариков Крюковых. Обладая большим даром импровизации, Аграфена Матвеевна вносила также в перенятые ею былины новые, придуманные ею подробности, по-иному пересказывая отдельные эпизоды, а также охотно перекладывала в былинную форму исторические песни и сказочные сюжеты. Вместе с тем в ее былинном творчестве явственно влияние книжных источников, сказавшееся, может быть, еще на родине, но главным образом, по-видимому, уже в семье Крюковых: дочери Аграфены Матвеевны — Марфа и Павла, с самого раннего детства перенимавшие у матери и дедов былинное мастерство, иногда пересказывали матери былины, вычитанные из книг.[46]

Дальнейшая судьба столь живой еще в 1900-е годы эпической традиции Зимнего берега в течение 30 с лишним лет оставалась неизвестной. Только в 1934 г. по совету А. М. Астаховой поехал в Золотицу аспирант Ленинградского государственного университета В. П. Чужимов. Тогда-то и обнаружилось, что старшая дочь Аграфены Крюковой Марфа Семеновна, от которой А. В. Марков в свое время записал 7 былин, владеет почти всем сюжетным составом русского героического эпоса и пересказывает былины чрезвычайно своеобразно, развертывая традиционное содержание новыми эпизодами, традиционные эпизоды — дополнительными деталями.[47]

---

[44] Там же, стр. 23, былины №№ 45 и 57.

[45] Впоследствии П. С. Пахолова так и не вспомнила этих былин.

[46] А. В. Марков говорил в свое время С. Шамбинаго, что он видел в семье Крюковых печатный сборник былин (С. Шамбинаго. Песни времени Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914, стр. 126). Впоследствии выяснилось, что это была хрестоматия А. Оксенова «Народная поэзия». О книжных истоках некоторых былин А. М. Крюковой см.: А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 290, 320—322 (в дальнейшем: Астахова, 1948).

[47] См. первый отклик на записи В. П. Чужимова: А. М. Астахова. 1) К новым записям былин в Поморье (Советский фольклор, сборник статей и материалов, № 2—3. М.—Л., 1936; 2) Беломорская сказительница М. С. Крюкова (там же, № 6. М.—Л., 1939).

В. П. Чужимов не мог исчерпать в свою поездку всего былинного репертуара М. С. Крюковой, но записал от нее довольно большое число былин.[48]

Вслед за Чужимовым, когда оказалось, что по болезни он не сможет продолжить начатую им работу, от М. С. Крюковой в 1937—1939 гг. был записан весь ее эпический репертуар вместе с целым рядом новых стихотворных повествований, которые она в это же время стала складывать.[49]

Работа с М. С. Крюковой, хотя в какой-то мере и отодвинула на второй план задачу всестороннего обследования судеб золотицкой традиции, однако совсем не сняла ее. В. П. Чужимов опросил 47 лиц, у которых можно было ожидать найти знание былин и других видов народного творчества, а также навел справки о всех сказителях, у которых записывал А. В. Марков, и об их потомстве.[50] Попутно с записью былин от М. С. Крюковой он записал еще несколько (не больше 6—8) былин от 4 сказителей. Из этих записей сохранились только две, которые мы и публикуем в настоящем издании (№№ 141, 142), но о качестве всех записанных им текстов имеется общее суждение собирателя: «Степень сохранности текста у них различная, от забвения и распада его в побывальщину до творческого переоформления и разрастания».[51]

Дальнейшие наблюдения над состоянием былинной традиции в Золотице и записи былин от других сказителей, помимо Марфы Крюковой, производились участниками экспедиций Фольклорной комиссии Института этнографии Академии наук СССР в 1937 г. и Государственного литературного музея в том же году, а затем Э. Г. Бородиной-Морозовой, приезжавшей в Золотицу на короткие сроки в 1938, 1939 и в конце 1940-х годов, а во время Великой Отечественной войны прожившей в Золотице более двух лет (с конца 1942 до середины 1945 гг.)

За все это время от 15 сказителей Золотицы (исключая Марфу Крюкову) записано около 50 текстов былин традиционного эпоса, несколько прозаических пересказов былинных сюжетов, некоторое количество переложенных былинным складом сказок и исторических песен. Своим огромным репертуаром выделилась Павла Семеновна Пахолова, младшая сестра Марфы Крюковой. От нее записано 34 текста, в том числе 19 былин классического репертуара.

Однако при таком количественно значительном материале из двух небольших деревень Золотицы, население которых по сравнению с временем работы Маркова еще несколько поредело (по данным 1934 г. здесь было 148 домохозяйств), бытового значения былина на Зимнем берегу уже не имела. Она по преимуществу лишь удерживалась в памяти отдельных сказителей в различной степени сохранности и художественного качества и

---

[48] Сколько — точно неизвестно. В Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института этнографии В. П. Чужимовым было передано вскоре по возвращении 10 былин (хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, Р. V, колл. № 90). Две из них были опубликованы (Советский фольклор, № 2—3). Часть записей пропала в студенческом общежитии во время тяжелого заболевания собирателя. В 1939 г. собиратель прислал некоторые сохранившиеся у него записи в Гос. литературный музей вместе с очерком «Народно-поэтическое творчество в с. Зимняя Золотица» (Гос. литер. музей, инв. № 9, папка 1) (в дальнейшем: Чужимов. Очерк).

[49] Запись былин производили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова и Р. С. Липец. Опубликованы два тома записей Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец (Былины М. С. Крюковой. Изд. Гос. литер. музея, т. I, М., 1939; т. II, М., 1941). Записи А. М. Астаховой находятся в Архиве Рукописного отдела Пушкинского Дома, Р. V, колл. № 90.

[50] В своем Очерке В. П. Чужимов сообщает, у кого из родственников марковских сказителей сохранилось знание былин, у кого из сказителей не осталось наследников.

[51] Чужимов. Очерк.

главным образом среди лиц, принадлежащих к роду Крюковых или связанных родством и дружескими узами с видным сказителем времени А. В. Маркова — Федором Тимофеевичем Пономаревым (по уличному прозвищу Почошкиным) из Верхней Золотицы. Эти две традиции — Крюковых и По-

Аграфена Матвеевна Крюкова.

номарева — оказались наиболее долговечными. Но былины постепенно уже забывались, так как исполнялись очень редко, а преимущественно напевались «для себя» отдельными любителями. Сказители уже не «пропевали» старин на тони, как это было несколько десятилетий назад, когда, по сло-

Брат отца Ф. Т. Пономарева сильно картавил и звал Тимофея Пономарева вместо Тимошка — Почошка. Прозвище это утвердилось за Тимофеем Пономаревым, вследствие чего и его сын Федор стал прозываться Почошкиным. См.: Марков, стр. 473, примечание.

вам очевидцев, рыбаки брали с собою на тоню сказителя и платили ему полный пай; сказительницы уже не пели старин во время «избомытья»; уже не собирались вместе коротать вечера и ночи за слушанием былин, как это бывало в прошлом, по воспоминаниям золотичан, — теперь охотнее слушали сказки, нежели былины.

Выявить такое значительное число сказителей и записать от них былины, несомненно, помогла работа фольклористов с М. С. Крюковой и вообще проявленный советскими фольклористами в середине и конце 30-х годов интерес к народному творчеству Зимней Золотицы. В 1937 г. дважды — сперва к участницам экспедиции Института этнографии, затем к участницам экспедиции Гос. литературного музея— приходила сказительница П. В. Онуфриева и просила записать ее старины.[53] Летом 1938 г. в Зимнюю Золотицу из Мурманска приехала погостить к дочери сестра П. В. Онуфриевой — Анна Васильевна Стрелкова. Она плохо помнила былины, но ей очень хотелось, чтобы и ее старины были записаны. Она зашла в гости к М. С. Крюковой, когда у той находилась Э. Г. Бородина-Морозова, но не сказала, зачем пришла. А на другое утро уехала на пароходе через Архангельск в Мурманск. И на «брюге», откуда уходили карбасы на пароход, П. В. Онуфриева упрекнула собирательницу: «Отчего ты не записывала старины у Анны Васильевны?» — «А я не знала, что Анна Васильевна пропевает старины», — сказала Э. Г. Бородина-Морозова. «А ты спросила бы», — заметила П. В. Онуфриева. После этого, списавшись с внуком А. В. Стрелковой, собирательница летом 1939 г. снова встретилась с Анной Васильевной в Золотице и записала от нее былины.

Безусловно, самым большим достижением собирательских работ по эпосу в Золотице в 30—40-е годы явилась запись былин от Павлы Семеновны Пахоловой. Как нам известно, уже Марков знал, что Павла Крюкова, которой было тогда всего 20 лет, умеет петь былины, но «совестится». Начиная с 1934 г. все советские фольклористы, работавшие в Зимней Золотице, поочередно пытались «разговорить» Павлу Семеновну Пахолову. В. П. Чужимов пишет в своем очерке: «Павла Семеновна несомненно знает былины, о чем указывал Марков; мне она также говорила, что знает былины, но петь их отказалась».[54] На вопрос Э. Г. Бородиной-Морозовой, какие она помнит былины, Павла Семеновна внешне очень искренне и даже убедительно ответила, что позабыла все, что пропевала когда-то. Впоследствии оказалось, что главную роль в упорном отказывании Пахоловой петь былины играла ее скромность, убеждение, что ей «против Марфы не спеть». Однако интерес Пахоловой к былинному творчеству все же проявлялся в том, что она иногда приходила послушать, как пела для записи М. С. Крюкова. И только в 1938 г., когда дети Пахоловой стали подробно рассказывать о том, какие старины им в детстве пела мать, Павла Семеновна пропела Э. Г. Бородиной-Морозовой для записи 9 былин и стих о Егории Храбром, а позднее и все остальные былины и баллады, включенные в настоящее издание.

Вслед за П. С. Пахоловой расхрабрилась и самая младшая дочь Аграфены Матвеевны, Серафима Семеновна, долго не соглашавшаяся петь: «А я не хочу плести: я не знай, как с коньця (т. е. сначала — *Ред.*) зачеть и цим кончать дела!» — говорила она. И вот в 1948 г. с помощью и при

[53] Записи от нее, произведенные Р. С. Липец, опубликованы в сб.: Славянский фольклор. Матер. и исс. по историч. нар. поэзии славян. М., 1951, стр. 211—219. Записи И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон вошли в настоящее издание (№№ 139, 140).

[54] Чужимов. Очерк.

подсказке Марфы Семеновны Серафима Крюкова спела для записи одну былину и три баллады, но крайне беспомощно.

Не скоро согласилась петь старины и старшая дочь П. С. Пахоловой, жившая в Архангельске, Пелагея Васильевна Негадова. Только после того, как собирательница рассказала ей, что записывала былины у ее матери, П. В. Негадова с трудом вспомнила пять былин. Негадова уехала из Золотицы в двадцатилетнем возрасте и больше туда не возвращалась, а потому и неудивительно, что былины у нее короткие и плохо сохранились. Однако Негадова как раз принадлежала к тем сказителям, которые иногда любили для себя напевать былины (об этом рассказывал ее муж).

Так постепенно, шаг за шагом, выявлялись лица, хранящие в своей памяти еще довольно значительные остатки беломорской эпической традиции. При случайной встрече и разговоре золотичане вспоминали, кто, в какой семье и когда «пропевал старины», и кто помнит их и по сей день. Но все сходились на одном: больше всех и лучше всех знает былины М. С. Крюкова. «У нас в Золотице никого нет против тёты Марфы», — убежденно высказалась дочь П. С. Пахоловой Маруся.

Интересно отношение ко всей этой работе по записи былин самой Марфы Семеновны Крюковой. В 1937 г. нельзя было при ней и заикнуться о знании былин кем-либо из золотичан. Записывать былины от других сказителей приходилось украдкой от нее. Этим отчасти и объясняется, что записей былин в 1937 г. от рядовых исполнителей сделано было мало. Когда в 1938 г. началась запись от Пахоловой, М. С. Крюкова, постоянно присутствуя при записи, настороженно и даже, можно сказать, ревниво внимала тому, что пела ее сестра. Но постепенно она по-хорошему заинтересовалась работой. Когда в 1939 г. производилась запись от А. В. Стрелковой, Марфа Семеновна не отходила от сказительницы, когда та пела былины. Марфе Семеновне, бывало, и нужно, например, выйти на кухню, а она не идет, потому что интересно послушать: «Не по правды поет Анна Васильевна, — говорила она, — и не жаль, кажной поет, как умеет». Ревности такой, как было, когда пела Павла Семеновна, теперь уже не замечалось. Марфа Семеновна даже мечтала: «Хорошо бы все старины Павлы Семеновны, Анны Васильевны и Поли (П. В. Негадовой, — *Ред.*) скласть в одно место и вышла бы тоненька как книжка».

Во время исполнения былин Павлой Семеновной не раз затевался спор между сестрами, как правильнее спеть то или иное место былины. При этом Пахолова, хотя и признавала приоритет старшей сестры в былинном сказительстве, отстаивала свое право на самостоятельность. Сама Марфа Семеновна все же одобряла искусство сестры: «Павла-то ново и знала, ново и дородно пропоет». Что касается исполнения былин Серафимой, то она вообще ее как сказительницу всерьез не принимала.

Кроме указаний на то, что сказитель слышал или перенял былину у кого-либо из Крюковых, постоянно приходилось слышать имя сказителя Федора Тимофеевича Пономарева или «деда Почошкина». Сказитель Г. М. Плакуев вспоминал: «А у Почошкина тоже голос хороший был. Я раньше всё в лес ходил охотником, и зайдешь к нему на тонь. У него керосинник горит, не лампа, а он лежит на лавке в избушке и поет. Всё поет старины... Как Гаврило Крюков или Почошкин пели, так любо слушать».[55]

Из четырех сыновей Ф. Т. Пономарева никто былин не пел, сказительницей стала только его дочь Наталья Федоровна, по мужу Попова (см.

[55] Запись Э. Г. Бородиной-Морозовой.

№№ 150—152 и заметку о ней). Н. Ф. Попова («слепая Наталья») скончалась в 1940 г. Из ее детей никто былин не сказывал, а внуки все переехали в Архангельск и поселились там. После похорон ее муж признался, что он, как умел, скрывал от приезжих, что жена поет былины. Он боялся, что ее, как и М. С. Крюкову, также пригласят в Москву, и она будет разъезжать по всей стране.

Две небольших былины (№№ 157, 158) и много сказок помнила внучка Ф. Т. Пономарева — Серафима Яковлевна Седунова.

Но влияние Почошкина выходило далеко за пределы его семьи. Марфа Семеновна, чутко относившаяся к стилевым особенностям исполнявшихся былин, противопоставляла «школу» Пономарева крюковской «школе». Когда Пахолова пела старину о том, «Как женился Добрынюшка Микитич млад», соединив в одну былину три («Добрыня и Змей», «Женитьба Добрыни» и «Неудавшаяся женитьба Алеши»), М. С. Крюкова возмутилась и упрекала младшую сестру в том, что та поет «по-почошкински»: «Никто в нашей природы так не пропевал», — говорила она.

Новые материалы заключают яркие свидетельства известной уже нам большой роли книги в эпической традиции Золотицы конца XIX и начала XX вв. Почти все сказители Золотицы, независимо от того, грамотные они или неграмотные, говорили о том, что они видели «в прежнее время» книги и картины про богатырей. «Раньше книги дешевы были», — рассказывал Г. М. Плакуев. «В новых семьях в Золотице были книги про богатырей». Были они и у самого Плакуева, и он давал их иногда своим односельчанам. Между прочим Марфе Семеновне Плакуев потом перестал давать: «Она много у меня похитила книг про богатырей. Унесет и ничего боле».[56] Сама Марфа Семеновна вначале скрывала свое знание былин из книг и противопоставляла «правду» устной традиции книжной «враке́». Когда однажды у нее с Павлой разгорелся спор, было ли перечисление городов в обещании князя Владимира наградить Сохматия за его услугу, и Марфа укорила сестру, что она все путает («то города у Волха были»), а Павла возразила, что она не путает, «еще в книге читала», Марфа рассердилась: «Ничего в книге по правды не было, всё врака, мезеньци пели по-другому» (мезенская традиция для Марфы Семеновны всегда служила непреложным авторитетом). Впоследствии же она перестала «стесняться» своего знакомства с печатными изданиями и признавалась, что в молодости читала былины «в книгах». Когда же в 1940 г. во время юбилея Марфы Семеновны академик Ю. М. Соколов показал сказительнице книгу А. Оксенова «Народная поэзия», она обрадовалась ей как родному и близкому человеку. В свете вопроса о роли книги в сказительстве Золотицы характерен факт непосредственного восхождения двух былин из четырех, присланных сказителем Т. Е. Точиловым, к сборнику Кирши Данилова (см. подробно об этом в заметке о Точилове и в комментарии к былине № 161).

Однако сопоставление новых записей с публикациями Ефименко и Маркова говорит о том, что к сказителям третьего поколения (кроме Марфы Крюковой) былины перешли в основном по устной традиции. Многие из них подтверждают отмеченные уже в литературе особенности золотицких обработок.[57]

Импровизационный метод Аграфены Матвеевны Крюковой, так утрированный старшей ее дочерью Марфой, в меньшей степени сказался в творчестве второй дочери Павлы. Ее тексты довольно близки к записям, произ-

---

[56] Запись Э. Г. Бородиной-Морозовой.
[57] См.: Астахова, 1948, стр. 357—361.

веденным в свое время Марковым от Аграфены Крюковой и других сказителей Золотицы. И там, где П. С. Пахолова под влиянием М. С. Крюковой пыталась на манер сестры сложить что-то свое («Пир у князя Владимира», «Марута Богуслаевна»), попытки ее кончались обычно неудачно. Но все же влияние М. С. Крюковой сказалось и в усвоении некоторых сюжетов, и в перенимании своеобразной фразеологии Марфы Семеновны.

В сюжетном составе эпического репертуара Зимней Золотицы в промежуток между собирательскими работами 1900-х годов и последнего двадцатипятилетия произошли заметные изменения. Круг сюжетов сильно сузился (репертуар Марфы Крюковой, конечно, в счет не идет). Из 54 сюжетов, зарегистрированных записями Маркова, у сказителей окружения М. С. Крюковой сохранилось лишь 26. Забылись такие былины классического репертуара, как Илья Муромец и Калин-царь, Илья и Идолище, Потык, Соловей Будимирович, Василий Игнатьев, Садко, Василий Буслаев и некоторые другие. Наиболее устойчивыми оказались: Илья Муромец и Соловей-разбойник, Камское побоище, Иван Годинович, а из баллад — Братья-разбойники и сестра (по-золотицкому Моряночка). Но оказалось и несколько новых сюжетов, не записанных ранее (5 былин и 2 отрывка). Некоторые из них явно идут от М. С. Крюковой. Таковы у Пахоловой «Про царя Кудреянка», «Васька да горька пьяница», «Марута Богуслаевна» (№№ 97, 100, 116), с некоторыми изменениями, внесенными самой исполнительницей (см. комментарий к этим былинам), другие представляют или новообразование, принадлежащее определенному сказителю или его учителям («Про Еруслана Лазаревича», № 129, — А. В. Стрелковой), или сюжет, усвоенный из какого-то книжного источника, если не самой исполнительницей, то кем-либо в семье Крюковых уже после Маркова («Про петуха и лисицу», № 115, — П. С. Пахоловой).

Таково состояние былинной традиции на Печоре и Зимнем берегу — в крайнем северо-восточном углу Европейской части СССР — по данным изучений за последние двадцать пять лет. Процесс угасания устной былинной традиции здесь несомненно близится к своему завершению. Наблюдаются некоторые общие закономерности этого процесса, вместе с тем в каждой местности он выражается своеобразно.

Все наблюдения, касающиеся процессов внутри эпоса, носят еще предварительный характер, лишь намечая вопросы, которые требуют дальнейшей, более пристальной разработки на основе собранных материалов.

ТЕКСТЫ

ПЕЧОРА

УСТЬ-ЦИЛЕМСКИЙ РАЙОН

1942 г.

АНАСТАСИЯ АРТЕМЬЕВНА НОСОВА

А. А. Носова в 1942 г. — 67-летняя бодрая, веселая старушка. Грамотная, интересовалась политическими событиями, читала газеты. Охотно рассказывала сказки, пела старины, но особенно любила песни. С живым участием откликнулась на предложение записать от нее: «Много я знавала, любила поговорить, особенно песню спеть, баски у нас песни».

Анастасия Артемьевна родилась и жила до 17 лет в Усть-Цильме в семье тетки, так как у отца была большая семья и он не мог сам прокормить дочь. Молодой девушкой она насильно была выдана замуж в «хорошее хозяйство», от нелюбимого мужа бежала на Цильму, в дер. Трусовскую. Семь лет батрачила, была на Пижме. Вторично вышла замуж по любви за батрака — Лазаря Моисеевича Носова. На мужа все время ссылалась как на хорошего знатока былин, сказок, песен: «Любит от старинку спеть». Односельчане отзывались о семье Носовых как о лучших сказителях. К сожалению. Лазарь Моисеевич находился на отдаленной тони, и его репертуар остался в 1942 г. незаписанным (см. записи 1955 г., №№ 41—42).

От А. А. Носовой записано 7 былин. Одну из них — «Про Чурилу» — сказительница пела, остальные сказывала. Былины переняла в молодости от усть-цилемских стариков. Некоторые былины узнала от мужа.

Анастасия Артемьевна рассказывала: «Когда поженились с Лазарем, часто пели старины вместе». Она очень сожалела, что при записи не было ее мужа, который смог бы рассказать еще о Скопине, об Идолище и «Про Садка».

Старины Носовой принадлежат к лучшим образцам былинного эпоса, записанным на Печоре в последние годы. Сравнительно большие по объему, полные по содержанию, они сохраняют богатство поэтических формул, сравнений, эпитетов традиционной былевой поэзии. Вместе с тем былины Носовой не лишены оригинальности. Примерами могут служить творческие композиции нескольких сюжетов, внесение в былину элементов плачевой поэзии и сказки.

Кроме былин, от А. А. Носовой записано 7 сказок, 4 плача и свыше 20 лирических песен.

1

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

От того, от моря от синего,
От того, от океана Ледовитого,
Ехал старой да Илья Муромец на добром кони.
Едет старой, только курева стоит, дым столбом валит,
5 Из-под копыт прямо летит, прямо за версту.

На кони Илья сам бел-белой,
Бел-белой, уж сед-седой.
Приехал старой на первой застав,
На заставы три столбика стоят,
10 Стоят да три столбика дубовые,
На столбики дощечки приколочены,
На дощечках подписи подписаны,
Золотыми нумерами надрезы надрезаны:
«Перву дорожку мне ехать — живому не быть,
15 Втору — мне богатому быть,
Третью — мне женатому быть».
Подумал старой своим умом богатырскиим:
«С молоду было богатство не нажито,
На старость мне — душа пагуба,
20 С молоду было не жéненось,
А на старость жениться — чужа корысть.
В чистом поли́ старому смерть не писана,
Поеду в ту дорожку да неéзжену,
Поеду в ту дорожку прямоезжую».
25 Заросла дорожка эта тридцать лет;
Добрый молодец туда не проезживал,
Ясен сокол туда не пролётывал,
Добрый молодец туды не прохаживал:
На дороге живет Соловей Рахматович,
30 Не спускат он ни конного, ни пешего.
Левой рукой старой Илья Муромец коня ведет,
А правой — дубья рвёт,
Дубья рвёт и мосты мостит.
Едет старой опять вперед,
35 Стоят тут три мужичка, три богатыря,
Хотят старого схватить за черны кудри.
Говорит да Илья Муромец:
«Ой вы еси, мужички, русски богатыри,
Бить-то вам меня нé за что,
40 Взять-то вам у меня нечего,
Только есть на шеи чуден крест позолоченый».
На то мужики пуще обзадорились,
Хватать стали Илью Муромца.
Разгорелось у Ильи сердце богатырское,
45 Он схватил всех трех во белы руки,
Бросил их о сыру землю,
И тут мужицкам и смерть случиласе.
Едет опять Илья Муромец вперед,
Опять приехал на заставу великую.
50 Сидит тут Соловей Рахмантович
На двенадцати дубах, на двенадцати поддубинках.
Закричал Соловей по-змеиному,
Заревел Рахмантов по-соловьиному,
Испужался у старого доброй конь, конь богатырский,
55 Припал он на колена.
«Ой ты, конь, ты конь, лошадь добрая,
Не слыхала разве ты крыку соловьиного,
Не слышала разве ты крыку вороньего?»

Справился у старого конь.
60 На коня́ сидит, лук принатягиват,
Калёную стрелоцку накладыват,
Сам ко стрелки приговариват:
«Ты лети, стрела моя калёная,
Калёная стрелоцка, перёная,
65 Ты не на воду пади, стрела, не на землю,
А попади ты Соловью во правой глаз,
И вылети ты, стрела, ухом левым».
А на лету старой был ухватчивой,
Полетел с дубу Соловьюшко.
70 Ухватил старой его правой рукой,
Не допустил его до сырой земли,
И привязал его к стремени булатному,
Приковал ко стремени лошадиному.
Едет Илья опять вперед в стольне-Киев-град.
75 Увидела Соловья мать родимая, гроза великая:
«Ой еси ты, Илья Муромец,
Почему везешь ты моего сына?
Не пропущу я вас в стольне-Киев-град,
Не спущу к солнышку Владимиру».
80 Говорит Соловей матушке родимоей:
«Не твое теперь, маменька, кушаю,
Не тебя сейчас я слушаю,
Теперь слушаю Илью Муромца,
Почитаю я за родного батюшка».
85 В е́йной дом Илья выстрелил,
Окошечка все выбил до единого.
Едет вперед, не разговариват,
Приехал старой в стольне-Киев-град,
Ко солнышку да ко Владимиру.
90 Ставит коня позади двора,
Дал ему пшеницы белояровой:
«Стой, мой бурушко, тихо, смирненько».
Заходит Илья к солнышку Владимиру,
Крест кладет по-писаному,
95 Поклон дает по-ученому,
Молитву творит по-исусову,
Кланяетце на все четыре стороны,
Солнышку Владимиру на особицу:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!»
100 — «Здравствуй, русский, сильный богатырь,
Старой казак, Илья Муромец!
Откуль едешь, откуль правишьсе,
Откуль нынче путь держишь?»
— «Еду из сторонушки из западноей,
105 Еду дорожкой прямое́зжеей».
Сделал солнышко Владимир-князь
Большо пированье, большо столованье.
Тридцать три собралось русских богатыря,
Собралось много бояр толстобрюхиих.
110 Пировали, столовали трои суточки,
Стали все пьянёшеньки,

Стали все веселёшеньки.
Ильюшко стал пьянёшенек,
Стал по полу похаживать
И такие речи стал поговаривать:
«Пособил бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, бог, добыть врага неверного, врага идольского,
Еще успокоить думою бояр толстобрюхиих».
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Сходи-ко-се на улицу, приведи Соловья Рахмантова
Поглядеть нам всем на посмотрéньицо».
Тут и вышли все на улицу,
Взял он солнышка Владимира во праву руку,
А матушку его Апраксию во леву руку,
И сказал Илья Соловью Рахмантову:
«Зареви ты, Соловей, в полукрика,
Засвисти ты, Соловей, в полусвиста».
Заревел Соловей во весь крык,
Засвистал Соловей во весь свист.
Пали все тут люди на землю,
Лежали люди без ума все три часа.
Солнышко Владимир с матушкой
Едва живы в руках Ильи.
Рассердилсе тут старой на Соловья,
Заскочил старой тут на добра коня,
Привязал он Соловья за лошадиный хвост,
Потащил его по чисту полю:
Где руки, где ноги, где буйна голова,
Тут ему и смерть случиласе.
Приехал старой в стольне-Киев-град;
Насказали на старого бояре толстобрюхии,
Насказали солнышку Владимиру,
Что «пособил бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, бог, добыть солнышка Владимира».
Испужался солнышко Владимир-князь,
Приказал слугам верныим взять старого за белы руки,
И вести его в подземелие.
Дали там ему стол дубовый, книгу евангелье, свечи стерлинные,
Посадили тут Илью Муромца.
У Солнышка матушка была до сирот добра,
Она носила тайком всё, что хочетце,
Кормила его ровно три года.
Взволновалась тут земля неверная, силы множество.
Едет она на стольне-Киев-град
И шлет она пакет немилослив:
«Весь стольне-Киев-град бо полон возьму,
Мелкую силу всю повырублю».
Солнышко Владимир запечалился:
«Кто меня станет охранять-беречь?
Нет у меня сильного богатыря,
Нет надежного Ильи Муромца».
Послал он слугу верную
К Ильи Муромцу во темной погрéб.

Приходила слуга верная к Илье Муромцу,
165 Низко ему поклониласе,
Горькими слезами уливается:
«Ты выходи-ко, старой да Илья Муромец,
Выходи-ко ты за святую Русь,
На нас больша сила срядилася».
170 Старой казак челом не бьет, головы не гнет:
«Не ваше пью и кушаю,
Не вас сейчас я слушаю».
Пришла к князю тут слуга верная:
«Ильюшка нам челом не бьет, головы не гнет.
175 Не ваше, — говорит, — кушаю,
Не вас, — говорит, — и слушаю,
А послушаю только матушку Апраксию».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Поди, матушка Апраксия,
180 Сходи к Илье Муромцу,
Пади ему во праву ногу,
Проси у него прощеньица».
Побежала к ему матушка Апраксия,
Отворила двери погребны.
185 Бьет челом, низко кланяетце:
«Ой еси, старой Илья Муромец,
Ты защита была великая,
Оборона была надейная,
Ведь на наш на стольне-Киев-град
190 Взволновалась орда неверная,
Хочет она взять стольне-Киев-град».
Говорит тут ей Илья Муромец:
«Поди, веди мне бурушка,
Дам тебе ключи золоченые».
195 Привела матушка ему бурушку,
Развернул он двери стеклянные,
Вылетел из погреба ясным соколом.
Не видала Апраксия, как он на коня скочил,
Только видела, как в стремена ступил,
200 В стремена ступил булатные.
Пригони́л он в стольно-Киев-град,
По приезде его все встретили,
Сделали ему честен пир.
Солнышко стал ему жалитьце:
205 «Отделились все от нас русски богатыри,
Поднялась на нас сила неверная,
Пособи нам с ней справитьце».
Говорит тут старой казак Илья Муромец:
«Не хочу с ней ладитьце,
210 Не хочу с ней ми́ритьце,
Поеду сам на заставу».
Приехал он на заставу великую,
Поглядел он в трубочку подзорную,
Увидел силу неверную,
215 Неверную силу многую,
И погони́л к силы неверноей.

Раз пять прокатил и всех сранил.
По улоцки гонит, как траву косит.
Лучшую силу во полон берет,
220 Плохую силу в пень повырубил,
А красно чисто серебро ко себе берет,
Красно золото колесом катит,
Красных девушек гонит станицами,
Молодых молодушек всех пленницами.
225 Оттуль нынце поворот держит,
Приехал в стольне-Киев-град,
Сделали тут нынце веселой пир.
Все на пиру напивалисе,
Досыта все наедалися.
230 Благодарили стара казака да Илью Муромца:
«А сберег ты нам стольне-Киев-град,
Не знаем теперь, чем дарить тебя».
— «Не надо мне ваши подарочки, —
Говорит тут Илья Муромец, —
235 Меня храните да в темницу не садите».

2

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Родился Добрынюшка сын Никитич,
Вырос он до семнадцати лет,
Стал у матушки просить добра коня,
Со двенадцати цепей, со двенадцати розвязей:
5 Приохотилось съездить на чисто поле,
Охота съездить на заставу богатырскую,
Стояло на заставы тридцать три богатыря.
Говорит ему матушка родимая:
«Ой, дитя мое молодёшенько,
10 Ехать на заставу тебе ранёшенько».
Отвечает Добрыня Никитич:
«Дай коня, матушка, отцовского,
Охота посмотреть заставу богатырскую».
Давала матушка разрешеньицо
15 Выбрать коня, какого хочетца.
Радёшенек побежал на конюшен двор,
Выбрал себе коня доброго,
С двенадцати цепей, с двенадцати розвязей,
Наклал на него узду тесмяную,
20 Наклал седло булатное,
Обуздал его с двенадцати ремней,
Тринадцату седлал не для красы, для ради крепости.
Тогда снарядилсе Добрыня Никитич млад,
На коня скочил, в стремена ступил,
25 Распростилсе он с маменькой родимоей,
Погонил он в чисто поле, во раздольицо.
Посмотрел в подзорну трубочку,
Посмотрел в сторонку западну,
Увидел, едет там поле́ница преудалая,

30 Ездит да стрелоцкой постреливат.
На богатырску заставу заехала,
Над заставой насмехаетца,
Над Добрынюшкой улыбаетца.
Разгорелось сердце молодецкое,
35 Расходилась у Добрыни сила богатырская,
Погони́л он на поле́ницу уда́лую,
На ту он Анну Папичну.
Съехались они во чистом поли́,
Схватились они дратьца-ратитьца.
40 Бились-ратились двое суточки,
Не пили, не ели и не кушали,
Не ранили друг дружку, не кровавили.
Схватились оны на востры копья,
Не ранили друг друга, не кровавили.
45 У копей руцки извихалися,
Копья в руцках поломалися;
Схватились они в рукопашный бой,
Боролись они три часа.
Вот дала ему потяпушу,
50 Взяла его в кожан мешок положила,
Повезла его на заставу богатырскую,
Не пошел ее богатырский конь:
«Не могу везти две силы богатырские».
Говорит тут Анна Папична:
55 «Кто есть ты, богатырь какой?
Если старой — отец мне будь,
Если ровня мне — возьми в замужество».
Говорит Добрыня Никитич ей:
«Я молода детина, лет семнадцати,
60 Будь жена — слуга верная».
Тут отомкнула она кожан мешок,
И посватались, и взял он ей в замужество.
Говорит Добрыня Никитич:
«Ой ты, девушка молодёшенька,
65 Замуж итти еще ранёшенько,
Поживи еще три годика,
Погуляй еще по нашей заставы,
Друг дружку чтоб не ранити, не кровавити.
Прошло времецко три года, как три часа,
Говорит он маменьке родимоей:
Взял благословление женитьца на Аннушке на Папицной.
Говорит он маменьке родимоей:
«Я нашел невесту богосужену,
Во чистом поле богатырицу удалую.
75 Силушкой едва не сильней меня,
Смётушкой едва не сметней меня,
Обещал ей я в замужество взять,
Обручился я золотым кольцом».
Дала матушка ему благословленьице,
80 И женился Добрыня Никитич сын.
Живет с молодой женой уже двенадцать лет.
Вдруг им горе приключилосе,

Поднялся неверный враг,
Неверный враг, силы множество.
85 Пишет им пакеты строгие.
Просит силы от их многие,
Разорить хотят всю святу Русь.
Взял Добрыня у матушки благословленьице
Ехать в бой ему во чисто поле.
90 Наказыват наказы строгие
Своей молодой жены.
Говорит Добрыня Никитич:
«Поеду я во чисто поле, во раздольице,
Битьце-ратитьце с силой невéрноей».
95 Сослужил молебен во пятьсот рублей,
Чтобы мог побить врага неверного;
Говорит жены, слуги верноей:
«Останься ты, молода жена,
Не приеду, может, три года,
100 Не ходи ты до меня в замужество;
Не приеду, может, шесть лет,
Тогда можешь итти в замужество,
Ведь ты молодёхонька, зеленёхонька,
Только не ходи за Олешу Поповица,
105 Не ходи за бабьего насмешника».
Распростились с Добрыней, прослезилисе.
И проездил Добрыня три года,
Не приехал Добрыня и шесть годов,
Не приехал Добрыня и двенадцать лет,
110 Ни вести нет, ни павести,
Ни писем нет, ни грамотки.
Приехал Олеша Попович из чиста поля,
Стал на его жены свататьца
И принес ей вéсти невесёлые.
115 Рассказал он молодой жены:
«Ехал я по чисту полю,
Видел Добрыню мертвого.
Лежит он во чистом поли,
Буйна голова его прострелена,
120 Через волосы проросла зелена трава,
Расцвели цветы лазоревы».
Стал опеть Олеша свататьца,
Стали отдавать молоду жену
За того Поповича хвастливого.
125 Желают рукобитьицо,
Пропивать стали, отдавать.
Стоит Олеша со сватьями за столом дубовым,
Получить хоцет молоду жену.
Тут народы все скопилисе,
130 Все над ей прослезилисе,
Добрынюшку всем жалко стало уж.
Вдруг бежит тут скоморошина,
Не спрашиват у дверей придверников,
Не спрашиват у ворот привратников,
135 Несет в руках гусельцы верёвчаты,

Сам садитца на порожецок,
Сам говорит таково слово:
«А можно ли сыграть скоморошину
Для свадьбы в гусельцы,
140 Гусельцы да верёвчаты?»
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Поиграй при свадьбе, сколько хоцетце».
Заиграл скоморошина во гусельцы,
Заплясали все до единого.
145 Говорит тут Анна Папична:
«Занояло во мне ретиво сердцо,
Заиграл скоморошина, как мой муж родной.
Сыграй, скоморошина, во второй разок,
Подам тебе цару зелена вина».
150 Заиграл второй раз скоморошина,
Все люди тут заплакали.
Просит она у солнышка Владимира
Подать скоморошины цару зелена вина.
Дали разрешеньицо, понесли скоморошины.
155 Говорит таковы слова:
«Пей, скоморошина,
Ты играл, как мой прежной муж,
Прежной муж да Добрынюшка».
Попросил скоморошина подать цару ей ответную,
160 Разрешили подать ему цару зелена вина.
Во цароцки будто огнем горит,
Как клюцом кипит.
Спустил во цару именно кольцо
И говорит таковы слова:
165 «Пей до дна и найдешь добра».
Выпила княгиня зелена вина,
Увидела свое именно кольцо,
Схватила его за белы руки:
«Не тот жених, кто возле меня,
170 А тот мне суженой, что против меня».
Схватила за белы руки,
Поцеловала в уста сахарные.
Остался Олеша расстроенной,
Расстроенный Олеша, неуспокоенной.
175 Все на пиру взволновалисе,
Взволновалисе все, на его поругалисе:
«Не дай бог свадьбы Олешеньки».
Дал Добрыня Олеше потяпушу:
«...с тобой, с твоей выслугой,
180 Не бери вперед ты чужих жен».
Олеша пошел едва живой.
Добрыня жил до старости с молодой женой.

3
ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Не бела ли заря да подымалася,
Красно солнышко выкаталосе.
Сын стоял тут перед матерью.
Просил у матери прощеньице,
5 Просил у матери благословленьица:
«Охота съездить мне в стольне-Киев-град,
Посмотреть князя со княгинею».
Говорит ему маменька родимая,
Чесна вдова Офимья Федоровна:
10 «Ой еси ты, молодой сынок,
Молодой сынок, ты Дюк Степанович,
Молодёшенек ты, лет шестнадцати,
Не съездить тебе прямой дорожецкой.
Ехать надо по Волхову,
15 С Волхова надо ехать на Свиру-реку,
По Свиры-реки есть шатёр быстёр,
Есть шатёр быстрой, поворот крутой.
Слыхала я от твоего родителя,
По тому шатру живет змея лютая.
20 Много молодцев повыбила
Много кораблей повывела».
На то сынок ей ответ держит:
«Ой еси ты, моя маменька родимая,
Не сказывай мне, не уговаривай,
25 Уж задумал, так поеду в стольне-Киев-град,
Не боюсь я змеи лютоей».
Увидела мать, как богатырь на коня скочил скорёшенько,
В стремена ступил крутёшенько,
Молодой детина лет шестнадцати.
30 Говорит второй раз мать родимая:
«Ой еси, мое дитя молодёшенько,
Ты послушай меня, матерь родимую,
Честну вдову Офимью Федоровну,
Ты приедешь, дитя, в стольне-Киев-град,
35 Встретит тебя солнышко Владимир-князь,
Сделат тебе почестен пир,
Соберет вас тридцать трех богатырей,
Соберет на пир тридцать три русских богатыря.
Все на пиру будут пьянёшеньки,
40 Будут все веселёшеньки,
Ты на пиру, сынок, не напивайся,
Из рецей не вышибайся,
Не хвастай золотой казной,
Не хвастай могуцой силой,
45 Не хвастай там добрым конем».
Поехал Дюк Степанович,
Распростился с родной маменькой,
Поехал по темным лесам,
Поехал по чистым полям.

50 Мелки руцейки перескакиват,
Мелки лесы промеж ног берет.
Приехал к реки́ Волхову.
И увидел шатёр быстёр и поворот крутой
И увидел тут змею лютую.
55 Испугался у Дюка доброй конь,
Припал к земли на коленоцки.
Говорил тут Дюк Степанович:
«Ой ты, конь, мой конь,
Товарищ верный мой,
60 Для цего ты на колена припадывашь,
Не видал разве птицек-пташецек?»
Тугой лук Дюк принатягиват,
Стрелоцку накладыват,
Стрели́л стрелоцкой в змею лютую,
65 Свалилась змея на землю,
Тут и змеи и смерть случиласе.
Едет Дюк опеть вперед,
Проехал дорожку прямоезжую
И приходит к обедни в стольне-Киев-град,
70 Поставил коня к столбу точёному,
Привязал к кольцу золочёному,
Сам заходит в све́глу свётлицу.
Крест кладет он по-писанному,
Поклон кладет он по-учёному:
75 «Здравствуй, солнышко Владимир-князь,
Со своей маменькой Апраксией!»
Говорил тут солнышко Владимир-князь:
«Здравствуй, могучий богатырь, Дюк Степанович,
Молодой русской сильной богатырь!»
80 По приезде сделал чесно́й пир,
Собрал тридцать три богатыря солнышко Владимир-князь.
Пили-кушали, что им хочетце,
Напились, стали веселёшеньки.
На пиру богатыри стали хвастати,
85 Один хвастает золотой казной,
А другой стал хвастать могуце́й силой,
Иной стал хвастать добрым конем,
Умной стал хвастать отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой.
90 Дюк Степанович сидит умнёшенько.
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Могучий богатырь, сидишь невесело?
Что же ты ницем не хвастаешь?
95 Ни добрым конем, ни золотой казной?»
В разговоры с Солнышком не вяжетца,
С калацом сидит да забавляетца,
Ве́рхну короцку на стол кладет,
Нижню короцку под стол мечет.
100 Говорит тут богатырь Васенька Буслаевич,
Говорит ему Олеша Поповиц:
«Что же ты, Дюк Степанович,

Над пиром что ли насмешаешьсе.
Над калачиком сидишь, искитаешьсе,
105 Из серёдки калацек покусываешь?»
Говорит тут им Дюк Степанович:
«Не могу я есть вашего калацика:
Вéрхня корка пахнет хвойкою,
Нижняя пахнет гнилкою.
110 У меня у матери родимоей,
Подики были менные,
Помёлышки она держала шелковые,
Моцет помяло в медову бадью,
Калацик съешь — второй хочетце,
115 Об третьём уж душа болит.
У моей-то маменьки родимоей
Сошьет она, уважит платьицо,
Обволокёшьсе в ём, принарядишьсе, —
Как с красной девушкой приобоймешьсе,
120 Как застёжечки застегнешь, —
Как с красной девушкой да поцелуешьсе.
У моей-то маменьки родимоей,
У чесной вдовы Офимьи Федоровной
Про богатырского коня вам цены не сказать».
125 Все богатыри на него и рассердилися,
Взяли его во белы руки,
Положили заповедь великую,
Дали ему писцéй десять человек
Описать егово всё имучество.
130 Согласился тут Дюк Степанович,
Взял десять мужицков-богатырей,
Как десять мальчиков,
И поехал в свой родимой дом с богатырями.
Мéлки рецки перескакиват,
135 Мéлки леса промеж ног берет.
Приехали они на Днепр-реку,
Говорит тогда Дюк Степанович:
«Скаците через Днепр-реку».
Олеша Попович первый через реценьку скочил,
140 На серёдки реки коня угрузи́л.
Скорошенько Дюк Степанович через реку скоцил,
За кудри схватил Олеша Поповича.
Вышли все на высок берег,
Едут ко своему терему.
145 Встретила его матушка родимая,
Испужалось ёйно ретиво серцо,
Выбегала она на улицу,
Схватила во белы руки,
Целовала в уста сахарные.
150 И зашли все мужицки в палаты белокаменны,
Поздоровались с егово матушкой родимоей,
Со чесной вдовой Офимьей Федоровной.
«Похвастал, — говорит, — твой сын добрым конем,
Цена будто ему не изложена».
155 Говорит тогда Офимья Федоровна своим слугам верным:

«Несите сбрую лошадиную».
Занесли тут сбрую лошадиную,
Стали они со сбруи описывать —
Бумаги, чернила было на пятьсот рублей,
160 Не хватило ни чернил, ни бумаги на одну сбрую бурушкову,
Не могли они дать цены.
Посадила матушка писарей за стол,
Покушали, поели, попили, что им хоцетце.
Принесли братыни рожков семьдесят
165 И других разных напиточков.
По краям братынюшки ключом кипит,
Во середочки — огнём горит,
Пахнет ароматом ужасным,
От аромата все пьянёшеньки.
170 Не могли той братыни они дать цены.
Вздумали ехать в обратный путь,
Опустили руки белые,
Повесили буйны головы.
Спровадила со двора их чесна вдова,
175 Проводила, с има распростилася,
И поехали писцы ко солнышку ко Владимиру,
Говорят ему таковы слова:
«Трудно нам описывать,
Тяжело с има тягатися,
180 Чесна вдова богатырска умная,
Занесла нам сбрую лошадиную,
Не могли мы ей описать и цены дать,
Вся блестит, огнем горит.
Не хватило у нас ни чернил, ни бумаги.
185 Накормила, напоила, что нам хоцетце,
Принесла братыни рожков семьдесят,
От аромату стали пьянёшеньки,
Все стали веселёшеньки,
Не поедем боле описывать».
190 Говорит тут им солнышко Владимир-князь:
«Ой еси вы, русски богатыри,
Небывали были посланы неудалые,
Обесчестили меня солнышка Владимира».
С той поры к Дюку не ездили.
195 Дюк женился, живет с молодой женой,
Живет веселёшенько, хорошёхонько,
Пировали, столовали они три месяца,
На том пиру и мы были,
Попили, поели, распростилисе.

4

[ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА]

Выпала пороха снегу белого,
А не во пору порошица и не вовремя,
О серёдки лéта, о Петрова дни.
А по той по порохи снегу белому

5 То не зверь-то бежал,
Не горностай рыскал,
А гони́л Чурило младой Пленкович.
Он приехал Чурило к высоку терему,
Он ставил коня позади двора,
10 Привязал коня к столбу точёному, кольцу золочёному.
Уж как по тёмну утру, утру раннему
Он бежит в светлу светлицу,
Из светлицы проходит в тёплу спаленку,
Он разулся, разделся да по-домашнему,
15 Он платьице свешал всё на грядочку,
Сафьянны сапожки под кровать,
Сам ложитца на кроватоцку,
Ко чужой жены на праву ручку.
Пермяты-то в доме не случилосе,
20 Он ушел богу молитьца во божью церковь.
Увидела тут девушка служаночка.
Уж как верная была, надёжная,
Уж приходила она во тёплу спальницу,
Сама тут говорила да таковы слова:
25 «Уж ты, Чурило да младой Пленкович,
Ты чужу-то пашню пашешь, а своя так стоит,
Чужу женку любишь, а своя так живет.
А я схожу до Пермяты, скажу,
Пермяты скажу сыну-то Васильевичу».
30 Говорит Чурило младой Пленкович:
«Не ходи-ко ты, девушка, не сказывай,
Я куплю тебе подарочек на пятьсот рублей».
— «И не надо твои деньги и подарочек».
Побежала тут девушка-чернавушка,
35 Уж тихонько заходит да во божью церковь,
А сама-то Пермяты говорит таковы слова:
«Ой ты, Пермята да сын Васильевич,
Заскочил в твой зелен сад да чужой конь,
Он смял и притоптал всю шелкову траву».
40 Но Пермята был догадливой,
Он скорёшенько выходил из божьей церквы.
Крутёшенько бежит к высоку терему,
Он скорёшенько проходит в тёплу спальницу,
А увидел тут Чурила на правой руки,
45 На правой руки у своей жены.
Он схватил тут шашку во праву руку,
А левой рукой Чурило за черны кудри,
Он сам тут говорит да таковы слова:
«Уж я много тебе раз, Чурило, говаривал,
50 Уж я много тебе раз наказывал,
Не ходи ты по чужим женам, по мужниим,
Потеряешь ты свою буйну голову».
Уж смахнул тут у Чурилы буйну голову,
Он левой выбросил окошком да на улицу,
55 А сам говорит тут таковы слова:
«Ох ты ой еси, моя баба ты глупая,
Уж ты глупая моя баба, неразумная,

Ты пади-ко мне скорей да во праву ногу,
Я прощу тебя не во первой вины».
60 На ты слова женка ответ держит:
«Уж куды положил ты бела лебедя,
Уж теперь туды клади белу лебёдушку».
Он смахнул тогда у бабы буйну голову,
Он окошком выбросил на улицу.
65 А сам тут думает умом-разумом:
«Уж возьму за ся замуж ту служаночку,
Уж верну слугу да надёжную».
Уж сошлись пированьем-столованием,
Уж как все тут на пиру да наедалися,
70 Уж как все на честном напивалися,
Уж живут теперь со служаночкой хорошёхонько,
Хорошёхонько, да веселёхонько.

5

ФАТЕНКО

Собиралось пированье, столованье,
Сидели на пиру две чесны вдовы,
Две боярыны, богатырицы преудалые,
Онна — Маринка Чусова вдова,
5 А втора была Овдотья вдова Блудова.
На пиру оны стали пьянёшеньки,
Все стали веселёшеньки.
Овдотья наливала цару зелена вина,
Небольшую, только полведра вина,
10 Подносила Маринке Чусовой вдовы.
За царой сама рець выговаривала:
«Зачем нам людема заменятисе,
Зачем добрыма засылатисе,
У меня ведь есть одинокой сын,
15 Дорогой сыночек, Фатинушко,
У тебя есть одинока дочь,
Дорогая твоя Чавина Чусавицна.
Не можно ли с тобой их вмистя свести,
Вместе свести, родство завести?»
20 Тут Маринке за беду стало,
За великую досаду показалося,
На отмашку цару отвела,
По всем дубовым столам разлила,
Разлила по столам дубовыим,
25 По всем столесенкам кедровыим,
По всем скатеркам шитым-бранныим,
По яствам-питьям сахарныим.
Сама за царой выговариваг:
«У меня доць Чавина Чусавицна
30 Во девках — красна девушка,
Во лебедушках — красна лебедушка,
У тебя муж был блудной блудище,
Уродилсе сын-от чудно-чудищо,

Он по городу по Киеву шатаетца,
35 Как худа собака искитаетца,
Как подслеповата ходит курица,
Где зерна найдет — там и сыт живет,
А зерна не найдет — живет голоден.
Вот Овдотье за беду стало,
40 За велику досаду показалосе.
Скорёшенько ставала со чесна пира,
Выбегала скоро вон на улицу,
Садилась скоро на добра коня,
Погони́ла его к своему терему.
45 Увидел Фатенко мать родимую,
Выбегал и встречал ей на улицу,
Встречат и родимую воспрашиват:
«Что ты, маменька, едешь не по-старому?
Конь бежит не по-прежнему?
50 Повеся несешь буйну голову,
Оци ясны держишь во сыру землю?
Наверно пир тебе был не по уму,
Место в пиру не по разуму,
Але стольники у тя были невежливы,
55 Пристольники были неочесливы,
Али винным стаканом тебя обносили,
Али пивным стаканом не доносили?»
Говорит ему матерь родимая:
«Пир мне был по уму,
60 Место в пиру — по разуму.
Мы сидели рядом две чесны вдовы,
Две чесны вдовы, две боярыни.
Взяла я цару зелена вина,
Поднесла я цару Маринки Чусовой вдовы,
65 За тебя у ей доцку посватала,
Она на отмашку отхлеснула мою цару зелена вина,
Разлила мою цару по всем столам дубовым,
По всем столесницам кедровым,
По всем скатеркам шитым-бранным,
70 По всем яствам-питьям сахарным,
Сама говорит таковы слова:
„У тя отец был блудно блудищо,
Родился у вас сын чудно чудищо,
По городу по Киеву шатаетце,
75 Как худа собака искитаетце,
Как подслепа, будто, бродит курица,
Зерна-то найдет — тогда сыт живет,
А зерна не найдет — живет голоден“».
Тут Фатенке за беду стало,
80 За великую досаду показалосе,
Обулся, оделся по-хорошему,
Побежал он скоро на конюшен двор,
Вывел себе он коня быстрого,
Оседлал коня богатырского,
85 На коня скочил, [в] стремена ступил,
Погони́л к Маринкину терему,

Сам тугой лук принатягиват,
Калёную стрелоцку накладыват,
Сам ко стрелки приговариват:
«Пади, моя стрелоцка, не на воду.
Пади, моя стрелоцка, не на землю,
Попади, стрелка, в Маринкины окошецка».
Стрелил в Маринкины окошка,
Вышиб дом по окошецкам.
Испугалась Маринка, сделалась бешена,
Схватила свою Чавину Чусавицну,
Схватила за праву руку,
Выводила скоро на улицу,
Фатенко да низко кланялась:
«Получай невесту, живи как хочетие».
Садила дочку на конец ковра,
Поехал Фатенко с легкой свадебкой,
Приехал домой, свадьбу добрую сыграл.
До сих пор хорошо поживал.
На его свадьбы я была,
Пиво пила, в рот не попадало, мимо бежало.

6

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

[СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ]

Как и долга дорожецка сибирская,
Широкой переезд через синё море,
Протекала, пролегала мать быстра река,
Она устьем пала в Волгу-матушку,
Волга пала во синё море.
По синему морю тут корабль бежит,
Корабль бежит, как сокол летит,
Нос-от, корма позолочена,
На серёдке стоит крепко дерево,
На концы на дереве флюгарка шатаетца,
Как лютая змея извиваетца.
На корабли избушка изукрашена,
В избушке не проста кровать, а слоновых костей,
Слоновых костей, зубья рыбьего.
На кровати перина шелковая,
Две подушецки хрущеной камка,
Одеяло на ней соболие,
Под одеялом лежит добрый молодец.
Корабль бежит в тихи гавани,
Становитце в лётни пристани,
Якоря мецят тут булатные,
Сходни клали концом на берег.
Вставал, пробуждался добрый молодец,
Ключевой водой он умываетце,
Белым полотенцем он обтираетце,
Приутирался, приубрался добрый молодец,

По имени Васильюшко Буслаевич,
Выходит с корабля на крутой бережок
И подходит он к высоку терему,
30 Заходит он в нову горницу
И бьет целом на вси стороны:
«Проходи, удалой доброй молодец,
Откуль едешь, откуль путь держишь?
Торговать ли? Места спровéдывать?
35 Какой земли, какого городу,
Какого отца, какой матушки?»
На ето Васильюшко им ответ держит:
«Из земли еду Индейской,
Из моего да города Карачанова,
40 От той от матушки Златыгорки.
Я приехал не горги торговать,
Не места спроведывать,
Я приехал к вам посвататьце
На вашей племяненке любимоей,
45 На вашей Авдотьюшке Папичной».
Говорит ему тут князь Иван Семенович:
«Как ты смел придумать к ней свататьце?
Моя племяненка любимая
Она статным статна да полновозрастна,
50 На бело лицо румяная,
На поглядоцку приглядная,
Она всех красивей, такой в свете нет.
Я посватаю за тебя племяненку любимую,
Только положим с тобой заповедь великую:
55 Поставь ты высок терем в осéнешню тёмну ноценьку.
Со крутым крыльцом и со божьéй церквой,
Чтоб повенчаться тебе во своей церкви.
Мы тогда сыграем свадьбу веселую».
Тут Васильюшка и запечалилсе
60 И пошел во свой кораблицек.
Вот приходит тёмна ноценька,
Он не пьет, не ест, не может слова молвити.
Вышел на заре он вон на улицу
И крыкнул богатырским голосом:
65 «Ой вы еси, добры молодцы,
Тридцать три русских богатыря,
Пособите мни, сослужите службу верную,
Постройте мне нов высок терем,
Со крутым крыльцом, со божьéй церквой».
70 Пригонили тридцать три русских богатыря,
Построили ему нов высок терём.
Утром ранним невеста пробуждаетце,
Взглянула в окошечко косявцато,
Увидела божью церковь,
75 Говорит своему родителю:
«Видно, тут мне буде богосуженой».
Во двенадцать часов приходит Василий Буслаевич,
Во праву руку берет лисиц пару,
Во леву руку берет куниц пару,

80 Сорок берет черных соболей,
Заходит опеть ко князю Ивану Семеновицу
Сватать любиму племяненку.
Тут стали делать столованье-пированье,
Выдавать стал любимую племяненку,
85 Выдавал любимую красавицу.
Все на пиру напивалисе,
Все на чесном наедалисе.

7

ПРО ВАСЬКУ ПРО ВОРА, ПРО ЗАХАРОВА

У Васьки, у вора, у Захарова,
На славном месте у кружали,
У царёва кабака, как на скатерти,
Собирались тут, съезжались все голи кабацкие.
5 Был тут Васька вор Захаровиц.
У Васьки вора Захарова
Уж не выпито было, не съедено,
Баско было не приуношено,
Во царёв кабак было сношено.
10 Уж как Василий напивастце,
Из ума Василий вышибаетце:
«Уж я силушкой сильнее всих,
Уж я смётушкой смышленняе всих».
Тут говорит им солнышко Владимир-князь:
15 «Уж как еси вы, удалы добры молодцы,
Вы, могучи русски богатыри,
Уж кто мне сослужит службу верную?
Кто сможет съездить в землю неверную,
Неверную землю, идольскую?»
20 Говорит Василий сын Захарович:
«Уж я съезжу, съезжу в землю неверную.
Уж вы дайте мне-ка коня доброго,
У мня свой-от конь да нынце пропитой,
Цвётно платье всё заложено,
25 Я лежал сутки под трубным окном».
Говорит ему солнышко Владимир-князь:
«Уж дадим тебе, Василий, коня доброго,
С золотой даем уздой, шелковым поводом».
Тут умылсе, приубралсе добрый молодец,
30 Русской могучий, сильной богатырь.
Говорит он тут солнышку Владимиру:
«Ты подай-ко мне, Владимир-князь, зелена вина».
Наливали братыню зелена вина,
Не великую, не малую — полтора ведра.
35 Уж тут берет Василий единой рукой,
Выпивает братыню с еди́ну духу:
«Взвеселило у меня буйну голову,
Не окатило у меня ретиво сердцо».
— «Уж налейте, слуги, втору чару зелена вина,

40 Вы подайте Васеньке, Василию Захарову».
Уж берет Василий единой рукой,
Уж выпил с еди́ну ду́ху:
«Теперь взвеселило бу́йну голову.
Окати́ло мое ретиво́ сердцо».
45 Уж стал на средину добрый молодец,
Он взнуздал коня доброго.
Уж видели уда́лого, как на коня скочил,
Не видали, как в стремена ступил.
Уж ехал Василий тёмным лесом,
50 Уж скоро гони́л чистым полем.
Он как мелкой лесок промеж ног пустил,
Мелки́ ручейки перескакиват.
Он приехал в землю неверную,
Неверную землю, издольскую,
55 Он увидел заставу великую.
Уж черным-черно́ стоит,
Силы смёты нет.
Рассердилсе тут Васильюшка Захарович.
Рассердилось тут его ретиво сердцо,
60 Расходилась сила богатырская.
Он как начал на кони поеждивать,
Стал метлой по силушки помахивать,
Уж как раз прогонит — лежат ли улоцки,
А по другой прогонит — переулоцки.
65 Тут свалил множество великое,
Скроши́л добрых молодцев.
А ведь лучшую ту силу во полон берет,
Худшую-то силу в пень повырубил,
Он девушек погони́л всех станицами,
70 А молодых взял нынце пленницами,
А старых старух — коробицами,
А золото всё домой кати́т,
Чисто се́ребро всё везет телегою.
Шурмовал он, воевал трои сутоцки,
75 А увидел его солнышко Владимир-князь,
Уж как едет Василий со большой силой,
Он людей много гонит, много золота кати́т.
Тут встретили Василия Захаровича,
По прие́зди ему сделали чесной ли пир,
80 И все тут на пиру напивалисе,
Уж как досыта все наедалисе.
Уж говорит солнышко Владимир-князь:
«Уж я цем тебя, Василий, да дарить буду?
Золотой ли казной, иль добрым конем?»
85 Говорит ему Василий тут Захарович:
«Мне не надо злато, се́ребро,
Мне не надо на старости золота казна,
Мне не надо другого коня доброго,
Ты подай мни только цару зелена вина,
90 Ты втору подай не малу — полтора ведра».
Уж как выпил Василий зелена вина,
Успокоило у Василия ретиво сердцо.

ТАТЬЯНА АНТОНОВНА САВУКОВА

Т. А. Савукова родом из Усть-Цильмы. В 1942 г. ей было 63 года, но на вид ей можно дать гораздо меньше. Бодрая, веселая женщина, она любила пошутить-побалагурить, поговорить.

Савукова старин никогда не пела, хотя много раз слышала, как поют другие. Переняла несколько былин, но смогла пересказать лишь две, остальные забыла.

Кроме двух пересказанных былин — «Добрыня и Алеша» и «Дюк Степанович», от Татьяны Антоновны Савуковой записано несколько сказок.

8

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Во стольном во граде во Киеве,
У ласкового князя Владимира,
Было столованье-пированье.

Все пьют вино. Все стали пьяны, веселы. Князь по полу похаживат, тиху-смирну речь выговариват: «У всех службы сослужены, у Добрыни Никитича служба не служена».

Добрыня стал с лавки и спросил: «Какую службу тебе надо сослужить?» Князь Владимир и говорит: «Съездить в землю Подольску да Угорьску, дорогу туды почистить да в гости к тестю заходить». Служба тяжелая. Не поглянулось Добрыне, он и пошел домой. А туды не зашел, взял коня с конного двора, оседлал его.

Мати увидела, что поезжат Добрыня. Побежала на верхний этаж к Настасье Никулишной, жене его, и говорит: «Настасья Никулишна, что ты сидишь, что глядишь? Закатаетца наше солнце красное: съезжает Добрыня с широка двора».

Побежала Настасья Никулишна в онной рубашке без чулок. Прибежала к Добрыне. Встала по праву сторону, к стремецку. Стала выспрашивать: «Куда поезжаешь, надолго ли едешь?» Он и сказал: «Еду в землю Подольску да Угорьску. Туды дорогу проложить надобно». И дает жене наказ: Ты перво подожди три года, как не буду — подожди другие три, а потом хоть как живи, только за Олешу Поповича не выходи».

Уехал Добрыня Никитич. Жила Настасья Никулишна три года. Не бывал Добрыня из чиста поля. Пожила ешшо, прожила другие три года. Не бывал Добрыня из чиста поля. Приехал тут Олеша Попович и сказыват: «Видел Добрыню, убитый лежит в чистом поле. Сквозь ребра проросла трава, а в траве цветут цветы. Офимья Олександровна слёзно заплакала, портила свои очи ясные, крушила ретиво сердцо.

Стал Владимир-князь к Настасье Никулишне похаживать, Настасью Никулишну стал посватывать: «Чем тебе, молодая, время проводить напрасно, выйди замуж, хоть за князя ходи, хоть за боярина, хоть за руського могучего богатыря, выйди хотя за Олешу Поповича». Отвечала Настасья Никулишна: «Я исполнила заповедь мужнину — прожила вдовой шесть годов. Исполню другу заповедь женьскую — проживу другие шесть. Тогда успею уйти в замужество».

Прошло шесть годов. Опеть стал Владимир-князь похаживать, Настасью Никулишну посватывать. Не пошла Настасья ни за князя, ни за боярина, ни за руського богатыря, а пошла за Олешу Поповича. Пировать стали. Пир пошел третьей день.

Сидела Офимья Олександровна в высоком тереме и плакала: «Давно, — говорит, — закатился мое красно солнышко, сегодня закатитца млад светел месяц: уходит Настасья Никулишна, богоданное мое дитятко».

Видит кто-то приехал к воротам широким, смело привязыват коня к дубову столбу, заходит к Офимье Олександровне. «Здравствуй, матушка родимая», — говорит приезжий. — «Добрый человек, не смейся надо мной. Мое дитятко было не эдако: личико было румяное, кудри были желтые, одежда на нем была да хорошая». Говорит Добрыня Никитич: «Матушка родимая, не признала своего дитя! У меня была приметочка — на правой ноге родимочка». Разул Добрыня сапог со правой ноги, тогда мать и признала его.

«А где, — говорит, — моя молода жена?» — «Замуж походит, пирует. А завтра к венцу итти хочет».

Взял Добрыня гусли да пошел на пир. Не омылся, не переволокся, так и зашел. «Здравствуй, князь Владимир, где наше место скоморошное?» — «Ваше место скоморошье у пецке да ешшо на запечке». Зашел за пецку Добрыня, в гусли поигрывает, песни попевает. Владимир-князь ему стакан принес: «Хорошо играшь, веселишь мою компанию, садись за стол. Перво место — подле меня, друго — против меня, а третье — куды хошь». Не сел Добрыня подле князя, ни против князя, а сел Добрыня против Настасьи Никулишной. Стал поигрывать, а ему вино подают.

Настасья Никулишна налила вина, подала вино и говорит: «Хорошо играешь, так играл мой прежний муж, Добрыня Никитич». Взял скоморошина стакан и выпил единым духом. Добрыня Никитич взамно стакан подал. Туды именно кольцо спустил и сказал: «Пей до дна, так узнашь добра». Выпила Настасья Никулишна, выпила до дна, прикатилось колецко к ее губам, схватила колецко, сама через дубовый стол соскочила и говорит: «Не тот муж, который возле меня сидит, а тот муж, который против меня сидит». Схватилась за белу шею, стала на колени: «Прости в той глупости, пошла за того, за которого не велел». Добрыня Никитич говорит: «Я не дивлюси да разуму женьскому, — их волос долог, да ум короток. Куды их ведут, туды и идут. Только дивлю я князю да со княгинею: они просватали молоду жену у жива мужа».

Тут и Олеша Попович стал просить прощеньица: «Извини, Добрыня Никитич, что я брал твою жену». — «Я не дивлюсь, что ты брал мою жену, потому что она шибко хороша, а в том тебе не прощу, что ты, когда приехал, матушке наврал». Хотел Добрыня побить Олешу, да стар казак Илья Муромец не дозволил, и пошел он с молодой женой, с Настасьей Никулишной, домой.

9

ПРО БОГАТЫРЕВА СЫНА

[ДЮК СТЕПАНОВИЧ]

На дальней сторонушке был богатырёв сын. Он был молодёшенек. Отец-от его давно уж умер, а мати была жива. В онно утро взял он трубку подзорную и вышел прогулятьца.

Вот он стал эту трубку воротить под западну сторону. И завидел тамо-ка: стоят бора высокие да леса тёмные. Потом воротил свою подзорну

трубку на ту на северну сторону. И узрел там горы леденисты. На летней стороне завидел всё лужки да всё зелёные. На тех на лугах на зелёных завидел стольной Киев-град. А стоят там всё дома да всё высокие. Туто-ка и его был дом.

Пошел он в стольной Киев-град и зашел к матери своей Владимирке. Стал просить у ей благословеньица: «Дай, матушка, Владимирка, благословеньице съездить во чисто поле посмотреть богатырей. Там богатыри борются».

Матушка Владимирка не хочет пускать свое чадо милое: «Не дам тебе благословеньице — ты молодёшенек да зеленёшенек». Богатырёв сын не послушался матери и стал собираться во чисто поле. Матушка тут слёзно заплакала. А сын-от вывел уж добра коня и говорит матери: «Дай бронь позолочену для коня». Она вынесла ему, а он сел на добра коня и поехал во чисто поле. Едет день, едет другой, а на третий день на чистом поле, широком раздольице увидел богатырей. Все они в дорогих платьях и дерутся, кто кого может.

Тут богатырёв сын и сам стал махаться саблей. Кого махнет, того с плеча голова прочь. Богатыри видят, что хорошо деретца. Дивом дивятся на силу богатырёва сына и приглашают его в гости в свои высокие хорома. Сели тут богатыри [на коней] и поехали к дому высокому, хорошему. Зашли в палаты и стали пировать, вино разливать. Напились тут богатыри и стали хвастатьца платьем: «Чье хуже, чье лучше?» Кого худо, с плеча голову прочь.

Богатырёв сын вышел на улицу, подозвал свою лошадь и сунул записку ко своей матери Владимирке под седло. Конь поскакал домой. Прибежал, лягнул стену каменну, стена задрожала. Мать на колени упала, плачет, думат сын-от уж умер, а конь один вернулся. Слуги выбежали ловить коня, а он никого не пускат к себе. Тогда сама матушка вышла к нему. Она взяла во белы ручки записоцку и прочитала и узнала, что сын просит отцово богатырёво платье. Она вынесла и привязала к седлу коню. Конь поскакал по чисту полю, добежал до богатырёва дома. Лягнул ногами и стены каменны задрожали. Вышел хозяин к коню. Велел слугам дать ему пшена, а сам развязал узел с платьем и оболокся.

Стали тут богатыри платье смотреть друг у дружки. У богатырёва сына пуговицы все золочёные, провел по пуговицам — все пуговича заревели разным голосом. Богатыри с ног улетели. Он превысил всех платьем. Богатыри не хотят помириться. Тогды они сказали: «Давайте грамоты писать по животы да по домам».

Целу сутоцку писали у онного богатыря имущество, други́ сутоцки у другого, а на третий день поехали к богатырёву сыну. Срядились три богатыря и поехали. Едут день, едут другой, а на третий увидели из-за леса тёмного зарево огромное. Богатыри говорят: «Пожар начался». Подъехали, завидели: стоит дом большой, весь золотой, а и стены огнем зияют. Приехали к дому, вышла матушка Владимирка их встречать. Радуетца на сына, не наглядитца. Вынесла на стол всякого кушанья, угощает их.

Вот они стали описывать имущество. Писали, писали, целую неделю исписали. Не хватило ни бумаги, ни чернила, а имущества неописанного еще полным-полно.

Матушка Владимирка вышла в погреб и вынесла братыну в семьдесят рожков. Из каждого рожка разные напивки бежат. Богатыри этому братыну не могли и чены дать. Не знают, как оценить.

И опеть по имуществу превысил их богатырёв сын. Пришлось им помиритьца.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА МЯНДИНА

Елена Григорьевна Мяндина — 52-летняя рыбачка из дер. Среднее Бугаево. Малограмотная. С интересом отнеслась к работе фольклорной экспедиции и очень охотно исполнила былину о бое Ильи Муромца с сыном и сводную былину, частично переданную в прозе, о подвигах Ильи Муромца. От нее же записан духовный стих об Агафоне (Егорий и Елисафия), три волшебные сказки и несколько лирических песен.

Елена Григорьевна хорошо владеет былинным стихом и стилистическими особенностями былины, что позволило записать от нее один из самых полных вариантов на сюжет «Илья Муромец и сын». Этому не противоречит запись от нее былины, в которой стих перемежается с прозаическим пересказом: для Е. Г. Мяндиной характерно стремление к целостному поэтическому представлению о всей жизни Ильи Муромца; она усиливает мотивировки поступков героя, детализирует описание эпизодов, упрощает повествование за счет разъяснений, что сопровождается заменой былинной формы пересказом. Сказительница конкретизирует и развивает описание столкновения Ильи Муромца с боярами и с князем, что дало ей возможность создать социально-острый вариант былины об Илье Муромце.

10

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

От того от морюшка от синего,
От того от камешка от серого,
От той от мамки от Владимирки
Был у ей сын, маленький воробушек.
5 И стал он тоже поезжать от матушки,
Просится в чисто поле погулять.
Отпускает его мамка, наговаривает:
«Ты еси, мое чадо милое,
Не съезжайся ты со старым казаком Ильей Муромцем,
10 Он побьет тебя, молодёшенька».
(Он-то молодой был еще, пятнадцать лет ему было).
Взял Соколик палицу боёвую,
На правом плече у него сидит седой голубь,
На левом плече сидит сизый сокол,[1]
Впереди его бежит собака его верная.
15 И поехал он, простился с родной маменькой.
И выехал он во чисто поле.
Едет он по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу,
Едет он, забавляетца,
20 Вперед палицу помётывает,
На лету он палицу подхватывает
И палице он наговаривает:
«Нож ты мой булатный,
Стрелоцка моя калёная,
25 Палица моя боёвая,
Не выдавайте меня во чистом поле,
Во чистом поле с неприятелем».
Поехал он прямо на заставу богатырскую.
А было в эту пору, во времецко,
30 Вышел стар казак да вон на улицу,
Вышел он на свою на башню на высокую,
Взял он трубоцку подзорную,

[1] Встихах 12—13 явная оговорка в эпитетах, ср. стихи 151—152.

И смотрит он во все четыре стороны.
Под восточной стеной — горы снежные,
35 Под западной — погоды великие,
А под северной — горы льденистые.
А с южной стороны он заметил
Во чистом поле неприятеля,
Неприятеля да мала юноша.
40 Едет маленький да забавляетца,
Небылыми речами похваляетца,
Говорит он, изрецает таково слово:
«Я заеду нынче в стольний Киев-град,
Святы иконы я сповыкалю,
45 Старого казака возьму во конюхи,
Всю заставу его сповыубиваю».
Едет, просит споединщика.
Зашел стар казак Илья Муромец:
«Ну, ребята, — говорит он, — кого послать нынче нам?
50 Алешеньку рода поповского — не умеет он съехатьца
С Добрынюшкой [1] во чистом поли́,
Потерят он свою буйну голову;
Послать Добрынюшку роду богатого,
Так Добрынюшка роду богатого,
55 Не умеет он съехатца во чистом поли́;
И послать мне Васильюшка роду християнского».[2]
Вот собрали они Василия,
Посадили его на добра коня,
Посадили в седёлешко зеркальное,
60 Дали ему тугой лук, нож булатный, копьё долгометное.
И видели — молодец в стремена вступил,
А не видели, как на коня вскочил.
Видели в поли не пыль стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
65 Наехали молодцы во чистом поле:
«Што едешь, ворона распугана,
Нас, сорок богатырей, ницем зовешь,
Всю нашу заставу, молодец, под ноги стоптал».
Нагони́л Васильюшку с добрым конем,
70 Схватил Васильюшка за желты кудри,
Вытащил его из седёлышка зеркального,
На одну уколку дал тяпушек,
На другую посадил алабушек,
И посадил обратно на того коня,
75 Отправил Васильюшка со выслугой.
Поехал Васильюшка, не может сидеть на кони,
Едет Василий не по-старому,
Едет Василий не по-прежнему,
Встречает стар казак да Илья Муромец,
80 И говорит он таково слово:
«Што ты, Василий, едешь не по-старому,
Что ты, сын крестьянский, не по-прежнему?

---

[1] «С Добрынюшкой» — случайная вставка, ср. стихи 54—55.
[2] Т. е. крестьянского.

Ты не умел, видно, съехаться с молодцом во чистом поле.
Кого нынце послать нам поединщика?
85 Давай, пошлем нынце Алешеньку, сына поповского,
Отправляют они Алешеньку, сына поповского.
Повыбрали Алешеньке добра коня,
Всю приправу молодецкую,
Всю сбрую лошадиную.
90 Сел Алешенька на добра коня,
Распростился со всема со товарищами.
Поехал во чисто поле.
Подъезжает опеть ко добру молодцу
И говорит молодцу таково слово:
95 «Што ты едешь, собака стара,
В цем ты едешь, похваляешься,
Из речей да вышибаешься».
Подгонил Алешенька к добру молодцу.
Не успел Алешенька конём вернуть,
100 Подхватил его добрый молодец за желты кудри,
Вытащил со добра коня,
Со добра коня, с седла зеркального,
По одну — дал ему тяпышек,
По другу холку дал алабушек,
105 Посадил обратно на добра коня,
Отправил опять на заставу со выслугой.
Поехал Алешенька не по-старому,
Едет Алешенька, да не по-прежнему,
Встречат стар казак да Илья Муромец:
110 «Что ты едешь не по-старому,
Што ты, сын Попович, не по-прежнему?
Не умел наверно съехатьца с добрым молодцем во чистом поли.
Кого нынце нам послать да поединщиком,
Кого станем выбирать да защитника,
115 Защитника всему нашему народу?»
Послали они Добрынюшку, сына купеческа,
Повыбрали ему добра коня,
Всю сбрую лошадиную, всю приправу военную;
Дали ему копье долгометное, тугой лук, булатный нож,
120 Дали ему все стрелоцки калёные,
Все винтовочки заряженые.
Поехал Добрынюшка во чисто поле.
Во чистом поле да на раздольице
Наезжает быстро добрый молодец
125 И говорит он таково слово:
«Ты куда-то едешь, куда путь держишь,
Нас, сорок богатырей, ницем зовешь».
Он не бился с ним, не ратился,
Он взял дал ему тяпышек,
130 На другу холку дал алабушек.
Посадил его на добра коня,
И поехал Добрынюшка со выслугой.
Не может сидеть на добром коне.
И говорит нынце стар казак Илья Муромец:
135 «Больше неким, ребята, заменитися,

Придетца самому ехать во чисто поле,
Да съезжатьца с добрым молодцом,
Мы съедимся с им — добром да не разъедимся».
Поехал стар казак да Илья Муромец,
140 Помолился он господу богу,
Заходил он да во божьи церквы,
Налаживал он чудный крепкий крест.
Видели, как стар казак в стремена вступил,
А не видели — на коня вскочил,
145 Не пыль в поли, курева стоит,
Курева стоит, дым столбом валит,
Съезжаютца сейчас два молодца во чистом поли́,
На добрых своих конях да на удалыих.
Как подъезжат стар казак да к добру молодцу,
150 Отпускает от себя всех добрый молодец.
Он сымает с права плеча сиза голубя,
Сымает с лева плеча черна соболя,
Отпускает он всех их во чисто поле:
«Вы подьте от меня, мы съедимся со старым Ильей Муромцем,
155 Нам добром с им да не разъехатьца».
Вот и съехались они и сразались,
Они пулями стрелялись — пули их не брали,
Копьями бились — копья поламалися,
Бились они тут трои суточки,
160 Некоторый некоторого не ранили.
Сбились они с добрыих коней,
Схватились они на рукопашную битьца,
Волочились они тут и билися.
У младого у Соколика нога тут подвихнулася,
165 Повихнулась у него права нога,
Упал он на колена с ног.
А в пору было, в то времечко,
А стар казак Илья Муромец
Сел ему да на белы груди́.
170 И вытащил он булатный нож,
И замахнулся ему во белы груди́.
Во плече рука у его да застоялася,
И стал он у его спрашивать:
«Уж ты молодой, юный да сын Соколушек,
175 Ты скажи мне всю правду-истину,
Ты с какой земли, какой родины,
Ты какого да отца-матери?»
— «Уж ты старая собака захлынчива,
Уж ты стар, смотри, да стар казак,
180 Ты не спрашивай у меня ни отца ни матери,
Никакого у меня ни роду ни племени,
Коли сидишь на грудях, так коли меня».
Во второй раз замахнулся стар казак на него,
Во локти́ рука застоялася.
185 «Ты скажи-ка мне, христианский сын,
Ты какой земли, да какой родины,
Ты какого да отца-матери?»

«Ты коли меня, когда сбил меня,
Ты не спрашивай ни роду, ни племени,
190 Ни отца у меня, ни матери».
Он и замахнулся во третей након,
По кисти рука застоялася.
Он опять спрашивает:
«Уж ты ой еси, Соколушка,
195 Ты скажи мне-ко всю правду-истину,
Ты какой земли, какой родины,
Какого да отца-матери?»
Он и сказывать ему стал:
«Я от того от камешка от серого,
200 От той от мамки от Владимирки».
Вставал стар казак на резвы ноги,
Брал его во белы руки,
Целовал его в уста сахарные,
Называл его чадом милыим:
205 «Ты одно у меня чадо милое.
Есть в чистом поле стоит шелков шатер,
Мы поедем там, да отдохнем там».
Садились они на добрых коней,
Поехали они к белому шатру да белокаменну,
210 Поехали они во чисто поле,
Они приехали столованьем да пированьем тут,
Ложились тут они с бою отдыхать,
Ложился стар казак, засыпал своим крепким сном.
А молодой этот Соколик не спит,
215 В худом уме всё думает.
Вышел он вон на улицу,
Поехал он ко своей маменьке.
Приезжает он к своей мамоньке.
Встречает его мамонька родимая:
220 Всё-то у него не по-старому, всё не по-прежнему,
Всё-то у него истрепано, всё оборвано.
И говорит ему мамонька таково слово:
«Ты, чадо мое милое,
Ты съехался во чистом поле со старым казаком,
225 А старому в поле смерть не написана».
Говорит Соколик таково слово:
«Я съехался со старым казаком во чистом поле,
Старый казак зсвет тебя б....., меня выб.....».
Говорит ему мамонька родимая:
230 «Не пустым старой да похваляетца».
Он взял у матери да голову смахнул.
Когда заспал стар казак да Илья Муромец
Своим сном да богатырскиим,
Тогда забежал Сокол во бел шатер,
235 Во бел шатер да в белокаменный
Со своим ножом, со булатныим,
Он ткнул стара казака во белы груди.
У старого-то казака был чудный крест,
Во крест нож-то ударился,
240 Разбудился стар казак да Илья Муромец,

Увидел окол себя Соколушка,
Говорит ему таково слово:
«Уж ты что делаешь, млад Соколушек,
Не говорено было больше биться-ратитьца».
245 Вскочил стар казак на резвы ноги,
Хватил его за желты кудри,
Поднимал его выше лесу, выше тёмного,
Выше облака, выше ходящего,
Опускал его на землю — не подхватывал,
250 Опадывал Соколик, как камешек, на сыру землю.
(Так вот он его и убил).

11

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Был-жил богатырь. Ездил он всё по чисту полю, воевал. Не было у него ни сына ни дочери. Всё он молил, чтобы у них родился кто-то, сын ли, дочь ли. Вот родился у них сын. Назвали они Илья Муромец его. Потом он рос хорошо, здоровый был, потом опился, ноги его носить не стали. А отец и мать стары стали, на поле работают. А еговый сын все дома сидит.

Потом зашла к нему сиротина — калика перехожая, просит милостыню: «Стань, молодец, дай мне кусок хлеба, милостыню». А он и говорит: «Кака я встану, у меня ноги не действуют». «Встань, может и встанешь. Подай, — говорит, — милостыню». Он стал пошевеливатьца, вставал, вставал и встал. Пошел, дал ей милостыню. Поклонился ей и сказал: «Ты меня на ноги поставила, а то двадцать лет сидел». Отец, мати приходят, а он ходит вокруг хаты своей. Мать возрадовалась: «Вот нам замена пришла, на ногах ходит, работать будет».

Тут прошло несколько времячко, поработал Илья Муромец и говорит: «Докуль я здесь сидеть буду, — ничего не знаю, сижу. Я, — говорит, — не буду работать, а дайте мне благословение, дайте мне стецко копье менно, долгомерно, и палицу боеву». Отец его не спускал сразу, а потом его благословил ехать. Вывел ему коня доброго, — сам ездил еще воевал. Вынял ему ружье цельное, двенадцать золотых стрелоцек, палицу боевую, седло зеркальное, узду серебряну.

Вот он заседлал лошадь, сам направился, положил двенадцать подпругов, не ради басы, ради крепости. И распростился он тут с отцем-матерью. Отец ему тут наказывал: «Поедешь, дитя, во чисто поле, встретятца там росстони, три дороги; серый камень тут же. На камню написаны позолоты: перва дорога ехать — быть женатому, втора дорога ехать — быть богатому, а третья дорога — двадцать лет никто не ездил, заселился тут Идолище немецкое. И он тут, из-за него никто и не ездит. Он на трех дубах толстых тут сидит, со стороны на двадцать верст никого не допускает: заревёт он криком звериным, от голосу его лошади и валятся». И не велел ехать отец ему той дорогой: «Не езди той дорогой, не убивай Идолище немецкое, не нарушай мое благословление».

И видели, молодец в стремена ступил, не видели, как на коня скочил. Вот он уехал. Вот он там ехал близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Доехал к этим росстоням, эти надписи прочитал, кака куда дорога.

Вот перва дорога — женатому быть. А он и говорит: «На чир мне женитьца, старому, мне не семнадцать лет». Втора дорога — быть богатому.

«Мне не надо, — говорит, — чужое богатство, своего хватит. А, — говорит, — лучше поеду я, где живому не быть, испытаю счастья».

Вот он поехал. Дорога вся заросла. Одной рукой коня ведет, другой — сыры дубья рвет, направлят дорогу. А здесь мостики сповыгнили, столбики сповыломались. Он мостики принаправил, он столбики припоставил. И всё вперед да едет. А Идолище немецкое узнал, что он близко, не допускат к себе. Крикнул Идолище немецкое голосом, а у Ильи Муромца конь на колени пал. Он схватил лошадь и говорит: «Что ты, конь, ты, конь, травяной мешок, не слышал ты воронья гарканья?»

Заскочил на коня Илья Муромец и говорит: «Не велел мне отец до Киева лук спускать — приходитца», — говорит. Тугой лук принатягивает, стрелоцку кладет, принаказывает:

«Ты лети, моя стрелоцка калёная,
Не упадывай ни на небо, ни на землю,
Залети, моя стрелоцка калёная
Идолищу прямо в правый глаз».
Натянул он тугой лук,
Спустил стрелоцку калёную.
Не деревья с пней повалилися,
Не звери в леси закричали, —
Залетала стрелоцка Идолищу прямо в правый глаз,
И свалился Идолище с дуба на землю.
Он ехал на коне, не останавливался,
Подхватил его себе на коня.
Приковал он его к лошадиной гриве
И поехал с им вперед.

Едет он, а на дороги у Идолища много у него наубивано, наложено сыновей отецкиих. Едет, а у Идолища жена да сыновья увидели и говорят: «Мама, папа едет да мужика везет». А мать посмотрела и говорит: «Нет, детки, мужик-то едет, да папу везет». Побежали дети. Мужика колотят, хотят его с лошади стащить да убить. А стар казак сидит, Илья Муромец, на лошади, которого ногой лягнет, так тот и повалится. Жена золотой казной выкупать мужа ладит, а он едет мимо, не останавливатца, продолжат свой путь-дороженьку. Ни на цо он не смотрит.

Приезжат прямо в стольний Киев-град, проезжат к князю солнышку Владимиру. Едет он мимо заставы крепкой, приехал он прямо к воротам, к князю Владимиру. Чела не бьет и головы не гнет. И тут поставил он лошадь добрую с Идолищем немецким, а сам пошел во дворец. В ту пору было, в то времяцко было собрано пированье-столованье. Зашел он, поклонился во все стороны, царю-солнышку на особенности.

Стал государь у него спрашивать: «Ты еси, стар казак Илья Муромец, ты какой ехал путью-дорожецкой?» Он говорит: «Я ехал дорогой прямоезженой, по которой двадцать лет никто не езживал, птица не летала, голосом всех убивал Идолище немецкое». Говорит ему Владимир-князь: «А как ты мог тут пройти-проехати?» А он говорит: «У меня Идолище привезено на лошади». А говорит ему солнышко Владимир-князь: «Если привезено у тебя Идолище на лошади, заведи его в помещение».

Он пошел, его завел, зашел с Идолищем. Зашел стар казак с Идолищем — мост-то не выдержал, в помещение зашли, так всё помещеньице пошатнулосе. Посадил их князь Владимир на лавку за стол и говорит таковы слова: «Зареви ты, Идолище, криком звериным». А этот говорит:

«Не твое я пью, кушаю, не тебя я сейчас слушаю. Не в твоих руках хожу. Заставит если стар казак, тогда я рёвкну».

Вот у стара казака стал князь просить: «Ну пускай он заревёт. я послушаю». Стар казак Илья Муромец взял князя под ту руку, под пазуху, княгиню под другу руку и заставил зареветь Идолище в полуголоса: окольни стекла все сповыпали, а на божьих церквах кресты повыломались. Лежали по часу они, ничего не слышали. Пролежались и заставили Илья Муромца вывести его и на смерть убить. И он вывел этого Идолища и расстрелял его. И зашел этот князь, по комнатам ходит да приговариват: «Чем же я стану, стар казак Илья Муромец, дарить тебя за услугу?» Принес он шубоцку соболиную о двенадцать пуговок, в каждой пуговки замчуги переливаются, петёлки все шелковы.

И вот тут пировали они, столовали целы сутоцки. Все напились, все бояра свалилися пьяные. А князь ушел со своей Апраксеньей Андреевной в свои палаты белокаменны. А стар казак Илья Муромец стал весел, шубу эту понашиват, да таковы слова приговариват:

15 «Уж ты будь, моя шуба, счастлива,
И будь, моя шуба, таланиста,
Я убил Идолища во чистом поли́,
Еще убить бы неприятеля со зятелком со Киршаком,
У его, у собаки, силы множество.

Этим боярам завиду стало, за великую досаду показалося. Стали они думать, чтобы наврать на него. «Нас никто не даривал такими подарками, а приехал какой нахвалисто, его подарил шубой князь». Побежали они, государю и наврали:

20 «Ты вот подарил нахвалище шубу,
Он по полу похаживает,
За рукав шубу поволачивает
И шубы своей наговаривает:
„И быть ты, моя шуба, счастлива!
25 И быть, моя шуба, таланиста,
Я убил Идолище во чистом поли́,
Еще убить бы солнышка Владимира“».

Вот они доложили всё залпом. Сейчас солнышко Владимир-князь призвал старого Илью Муромца казака к себе. И вот говорит солнышко Владимир-князь: «Што ты стар казак Илья Муромец по полу похаживаешь, небылыми рецами похваляешься?» А он говорит: «Я не так ходил, не волочил шубу и наговаривал: „Убил я Идолище во чистом поли́, а есть еще убить зятелка со Киршаком. У его, у собаки, силы множества“». Говорит солнышко князь Владимир: «У меня бояре жили-ладили, никогда не врали и теперь не соврали». Сейчас же он его взял, заставил слугам верным выкопать погреб. Выкопали погреб и посадили его в этот погреб. Навалили чугунну плиту на его, на погреб. А была княгиня. А хороша, ласкова, она пожалела его, она сделала ход подземельный из своей спальни, снесла ему стол и книгу евангелие читать. Наняла слугу верную. Доспела ему ход, и носит слуга верная ему всё тайком.

Долго ли, мало ли, годов пятнадцать минуло. Переходили из города в город калики убогие — сиротины. И вот шла одна калика убогая, хватила ее погода на дороге, она вся вымокла, устала.

И хотела эта калика огня добыть,
И хотела платье высушить.

30 Заметила она в чистом поле маленькую заметочку —
Едет этот неприятель со зятелком, со Ки́ршаком,
Со войском бессчётным.
Не удалося калики огня добыть,
Не удалося платья высушить,
35 Побежала она прямо в стольный Киев-град,
С просьбой она к солнышку Владимиру.
Поклонилася она солнышку Владимиру:
«Заметила я в чистом поли заметочку,
Заметила я неприятеля неверного,
40 У его, у собаки, силы множество,
Переди его идет сорок тысяц,
Позади его идет сорок тысяц,
А по бокам у его цисто смёту нет.
И вот накрыло то войско немецкое,
45 Кругом обошел он стольний Киев-град».
Запечалился солнышко князь Владимир, закручинился,
Не знает, на кого нынче надеятьца.
И говорит ему Апраксия Андреевна:
«Уж ты еси, солнышко Владимир-князь,
50 Есть у нас надежда с тобой великая,
Есть у нас стар казак Илья Муромец,
Сидит он пятнадцать лет в темном погребе,
Мы попросим его, постоит ли он верой-правдою за божьи церкви».
И говорит Солнышко таково слово:
55 «Уж ты глупая баба, неразумная,
У тя волос долог, да ум коротенок,
Где же живой будет человек пятнадцать лет
Голоден, в темном погребе?»
А она его упрашиват, может и живой сидит.
60 А неприятель этот подъехал и просит поединщика
И такими словами похваляетца:
«Я Киев-град огнём сожгу,
Святы иконы я сповыколю,
Божьи церкви я сповыломаю,
65 Пресвяту богородицу во грязи стопчу.
Солнышка Владимира возьму во конюхи,
А Апраксию Андреевну возьму во нянюшки.
Запечалился Солнышко, закручинился,
Не знает, на кого нынче надеяться.
70 И говорит Апраксия Андреевна таково слово:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь,
Есть у нас с тобой надежда великая,
Есть у нас стар казак Илья Муромец».
«Глупая ты баба, неразумная,
75 Не в свое дело вмешиваешься».
Не послушался ее солнышко Владимир-князь.
И говорила Апраксия Андреевна в три раза,
И пошел он смотреть погребы высокие.
Идет он нерадостен, невесел,
80 По земле несет буйну голову,
Потупя он несет очи глупые,

Со своими он боярами большебрюхими.
Открыли они погребы глубокие,
Оттянули эту плиту тяжелую,
85 И говорит солнышко Владимир-князь таково слово:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец,
Ты пособи моему горюшку великому.
Нападает на нас сила немецкая
Немецкая она сила, неверная.
90 Послужи ты нам верой-правдою,
Ты не ради меня, а за всю землю.
За божьи церкви, за святы иконы».
И сидит стар казак Илья Муромец,
Он целом не бьет и головы не гнет,
95 Никакого он ему ответа не дает.

Говорил он ему до трех раз, никакого он ему не дал ответа.

Пришла Апраксия Андреевна.
Говорит она таково слово:
«Пособи нам горю великому,
Послужи нам верой-правдою».
100 Он только мог дождаться слова Апраксии,
Он вылетел из погреба, как белый куропать,
И сказал он ей таково слово:
«Уж ты еси, Апраксия Андреевна,
Я рад служить и голову сложить для тебя,
105 Только нету у меня коня доброго,
Нету палицы боёвой,
Нету у меня долгомерного копья,
Тугова лука, стрелоцек калёныих».
Привела она его в палаты белокаменны,
110 Посадила она его за трапезоньку,
Наносила ему явства сахарные,
Принесла ему она полштоф воды,
Наливает она ему меру немалую,
Наливает ему чару немалую — в полтора ведра.
115 Стар казак Илья Муромец берет эту чару одной рукой
И выпивает чару за один дух.
Говорит Апраксия Андреевна:
«Уж ты еси, стар казак Илья Муромец,
У меня сохранена твоя боёва лошадь,
120 Сохранены твои припасы военные».
Вывели ему добра коня,
Вынесли ему всю сбрую лошадиною,
Приправу всю военную.
Он выехал во чисто поле,
125 Один на один битьца с неприятелем.
А у него у собаки силы множество,
У него впереди сорок тысяц, позади сорок тысяц,
По бокам числа-сметы нет.
И выехал он, и махнет он этой палицей.
130 Направо махнет — целой улицей валятца,
Налево махнет — переулками.
Сколько он бьет, друга столько конь убьет: грудью валит их.

И сколько он бился тут, ратился.
И выбил он тут от едина до единого.

Киршика взял в плен, а сам князь-то неверный убежал. И он выбил тут, вернулся, всех бояр большебрюхих тут же повыколотил. Солнышко Владимир-князь встрещает его и боитца его, он и говорит ему, а Илья Муромец ни одно слово в ответ не дает, говорит лишь с Апраксией Андреевной, которая кормила и поила его. А князь-то запрятался, когда бояр убивать стали, во божьей церкви его нашли. Вот тут они возвели столованье-пированье. Солнышко князь-Владимир со своей Апраксией Андреевной стали жить за еговым распорядком.

АВДОТЬЯ АНДРЕЕВНА ШИШОЛОВА

Авдотья Андреевна Шишолова в 1942 г. — 79-летняя крестьянка из дер. Верхнее Бугаево. Неграмотная. Переняла былины от отца Андрея Поздеева, в свое время хорошего старинщика. От А. А. Шишоловой записано семь былин. Былины «Два тура», «Дюк Степанович», «Илья Муромец» (начало) сказительница пела, остальные сказывала низким, пришептывающим голосом.

Авдотья Андреевна жила вместе с 17-летней внучкой — активной колхозницей, которая с уважением относилась к пению старин, но сама их не знала.

12

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Старой-то Илья Муромец,
По прозванию Илья Ивановиц,
Тридцать лет лежал на пецки на муравленки.
Отец-мать уехали пашню пахать,
5 Пришла сиротина убогая, та калика перехожая,
Просит милостыню спасённую:
«Сотвори мне-ка милостыню спасённую».
Говорит-то старой да Илья Муромец:
«Не могу слезть с пецки со муравленки,
10 Не могу растянуть свою руку правую,
Не могу сотворить милостыню спасённую,
Бери с прилавка сколько тебе надобно».
Говорит сиротина убогая:
«Поворотись, слезешь с пецки, Илья Муромец».
15 Он воротитьца стал и слез с пецки со муравленки.
Говорит сиротина убогая:
«Поди-сходи во погребы глубокие,
Налей ты цару зелена вина,
Не малу, не велику — в полведра».
20 — «Уж ты гой еси, калика перехожая,
Выпей-ко с того с устатоцку тяжелого,
Со той дорожецки со дальнией».
Говорит ему калика перехожая:
«Не пью я зелена вина,
25 Не кушаю я сладкой водочки,
Уж ты выпей сам для здоровьица».
Взял единой рукой Илья Муромец

Выпил он чару зелена́ вина.
Говорит калика перехожая:
30 «Много ли ты силы чувствуешь?»
— «Чувствую, как изможе́нье есть».
Говорит сиротина убогая:
«Сходи-поди в погребы глубокие,
Налей-ка чару зелена́ вина,
35 Не малу, не велику — в полтора ведра».
— «Уж ты гой еси, калика перехожая,
Уж ты выпей-ка зелена́ вина».
Отвечает калика перехожая:
«Я не пью зелена́ вина, выпей сам для здоровьица».
40 Выпил он полтора ведра.
Говорит калика перехожая:
«Много ли в себе силы чувствуешь?»
— «А чувствую силы в себе —
Была бы в матушке сырой земле кольчужина,
45 Поворотил бы мать сыру землю кругом».
Пошел он на конюшин двор,
Выбирал коня себе спечанушка,
Седлал, уздал узду тесмяную,
Седлал седло зеркальцато,
50 Двенадцать клал он прутов ме́нных,
Тринадцату клал через хребётницу,
Не ради басы, ради крепости.
Поехал он во чисто поле,
Приехал он ко столбам точеным,
55 На столбах-то надписи написаны,
На столбах подрезы подрезаны:
«Во перву дорожку ехать — живому не быть,
Во втору дорожку ехать — богату быть,
Во третью дорожку ехать — женату быть».
60 Говорит Илья Муромец таковы слова:
«На старость женитьца — чужа́ корысть,
А богатства мне не надобно:
Есть у меня золоты казны».
Осталась дорожка прямоезжая,
65 Зарасталась прямоезжая тридцать лет.
Он-то по той дорожецке и поехал.
Там сидит Соловей Рахматавиц
На семи дубах, семи поддубацках.
Заревел он своим звонким голосом соловьиным,
70 Конь пал на коленца.
Соскочил Илья Муромец со добра́ коня:
«Конь ты конь, да травяной мешок,
Не слыхал ты свисту соловьиного?»
Садился опять на добра́ коня,
75 Натягивал он тугой лучок,
Накладывал стрелоцку калёную,
Выпускал эту стрелоцку калёную,
Залетала стрелоцка в соловьиный правый глаз,
Пал Соловей со семи дубах, семи поддубушках.
80 Привязал Соловья ко хвосту коню,

Едет по дорожецке прямоезжией,
Ко тому высоку нову терему.
Увидала девушка-чернавушка,
Говорит-то матушке родимоей:
85 «Отец-от едет, мужицка ведет».
Взглянула матушка родимая:
«Мужик-то едет, отца ведет».
Выходят на ворота железные,
Хотят жгать-палить добра молодца.
90 Говорит-то Соловей Рахматовиц:
«Не сердите вы удала добра молодца,
Не сердите вы да Илью Муромца,
Откупите вы меня золотой казной».
Он зашел к им в комнаты,
95 Увидел платье богатырское.
«Есть у нас во погребе глубокоем
Тридцать три богатыря сидят,
А кони их на конюшнях стоят».
Он пошел, этих богатырей и выпустил,
100 Отобрали золоту казну
И поехали в стольный Киев-град.
Пировали-столовали у солнышка Владимира.
Солнышко Владимир-князь дал Илье Муромцу
Дороги подароцки — кунью шубу.
105 Старой-от по полу похаживат,
Таковы слова выговариват:
«Эта шубочка мне в любве пришла».
А боярам толстобрюхим завиду стало,
За великую досаду показалося.
110 Сказали они князю Владимиру,
Что-то старой-то по полу похаживал,
Таковы слова выговаривал:
«Эта шубочка мне-ко не в любви пришла».
Князь Владимир рассердился,
115 Посадил его в погреб глубокий.
А жена-то, княгиня-мать Апраксия,
Кормит, поит его чем надобно.
Какой ли король подпался, а некому воевать.
Говорит княгиня-мать Апраксия:
120 «Ты еси, Владимир-князь,
Поди ко погребу глубокому,
Нет ли старого живого Ильи Муромца?»
Отвечает солнышко Владимир-князь:
«Ой ты, глупа баба, неразумная,
125 Какой живой старой есть?
Столько лет прошло».
Она опять ему повторила.
Он пошел во погребы глубокие.
Там сидит старой да книгу читает,
130 Головы не разгибает, челом не бьет.
Пришла к тому погребу княгиня-мать Апраксия.
Говорит она старому да Илье Муромцу:
«Не забудь мое да велико добро,

Не помяни князю зло великое».
135 Тут не белой куропать вспархиват,
А старой с погреба вскакиват.
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Надо — отдам тебе золоту казну,
Надо — отдам тебе полцарства,
140 Одну доцку да полцарства дам».
— «Не надо мне золотой казны,
Напиши мне лучше ярлык-грамотку,
Отошли по всей стране-губернии,
Чтобы всюду принимали, кормили Илью Муромца».
145 Поехал тут во чисто поле,
Ездил, гулял он во чистом поли,
Приехал он ко терему — нову кабаку.
Сидят-то калики перехожие,
Перехожие калики, переезжие,
150 Пьянёшеньки они да веселёшеньки,
Своима кошельками призвякивают,
Узелки свои да приразвязывают,
Насобирали золоты казны на полведра.
Взял старой одной рукой да и выпил к одну духу
155 Они бить его хотят. Он и говорит им:
«Бить-то меня не за что, взять-то у меня нечего,
А возьмите мой чуден крест,
Несите вина на пятьсот рублей».
Тут они расселись, пить стали.
160 Он и пьян стал и заспал в кабаке.
Они стали его побуживать,
Его богатырское сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Схватил он чумаков-человальников,
165 Бросил во чисто поле.
Тут они пошли в подвалы в глубокие,
Выкатили три бочки зелена вина,
Одну — ногой катит, другу — под пазухой,
А третью — в руке несет.
170 «Пейте, калики перехожие!»
Тут он поехал на своем на добром кони,
А встречаетца опеть калика перехожая.
Он стал спрашивать у нее, выведывать:
«Шо едете во стольний Киев-град?»
175 Говорит-то калика перехожая:
«Во стольний Киев-град едете,
Пришел Идолище поганое,
Сидит у князя у Владимира за столом,
У княгини-мать Апраксии
180 Руку держит пониже пупа да окол черева»
Он и говорит:
«Ой еси ты, калика перехожая,
Дай ты мне платье, что потрепешней,
Худо кушаченко о пяти узлов».
185 Отвечает ему калика перехожая:
«Я облакусь в твое платье хорошее,

Никто не даст мне ничего».
Говорит ей Илья Муромец:
«У меня есть тебе что пить, что есть».
190 Тут они платье и поменяли.
Зашел Илья Муромец к князю Владимиру,
Сидит там Идолище поганое.
Говорит Идолище таково слово:
«Несите мне уточку не кушану, не кушану, не рушану!»
195 Принесли ему уточку не кушану, не рушану.
Идолище нож воткнул
Да прямо в рот пихнул.
Говорит-то калика перехожая:
«У меня у тятеньки родимого
200 Была собака волоча́ща,
По сме́тьям собака волочилася,
Костьём собака подавилася,
И Идолищу того не миновать будет».
Говорит Идолище поганое:
205 «Несите мне братыньку пива пьяного».
Принесли ему братыньку пива пьяного,
Взял он одной рукой и выпил к одному духу.
Говорит-то калика перехожая:
«У меня преже у матушки родимоей
210 Была корова завидущая,
Пила по ушату воды, тим она и захлебнулася,
И Идолищу того не миновать будет».
Схватил Идолище булатов нож,
Бросил он в калику перехожую.
215 На полёте нож калика подхватывал,
Свистнул в Идолище поганое —
Улетели око́нички с простенками.
Калика тут его и убил и выбросил во чисто поле.
Поехал Илья Муромец во чисто поле
220 Искать калику перехожую.
Нашел на калику перехожую,
Переменили они платьишко,
Скинул с себя потре́бнишко,
Поехал во чисто поле.
225 Собрались тут они, стары казаки,
Становили шатры чёрны-бархатны.
Илья Муромец глядел-смотрел во чисто поле
Из своей трубочки подзорноей.
Увидел там зверь еси идет, человек ли, кто ли.
230 Посылать стали Олешеньку Поповича.
А он и говорит:
«Послать надо старого Илью Муромца».
Старой-то таково слово выговариват:
«Забренчат палицы буёвые,
235 Зазвенять копе́тца долгомётные,
Не утерпеть старому во белом шатру,
Потеряю вашу золоту казну».
Послали тут Олешеньку Поповича.
Олешенька Попович невежлива рода, не отецкого.

240 Приехал и говорит:
«Отколь, какой едешь, отколь катишься?»
Тот дал ему по тяпушу,
Прибавил по алабушу,
Посадил на добра коня:
245 «Пришли, — говорит, — старого Илью Муромца».
Приехал Олешенька ко белу шатру.
Сказывать стал, рассказывать
Старому Илье Муромцу:
«Тебя звал во чисто поле».
250 Скакал скорей старой да Илья Муромец,
Шубу облакал на одно плечо,
Шапку надевал на одно ухо,
Седлал коня доброго,
Поезжал во чисто поле.
255 Тут видели только, как в стремена ступил,
А не видели, как на коня скочил.
Только видели во чистом поли курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит,
То Илья Муромец встречу едет с Соколюшком.
260 «Здравствуй, удалой доброй молодец,
Откуль едешь, откуль катишься, куда путь держишь?»
— «Я, — говорит, — еду-иду со старым казаком, с тобой поратитьца».
Тут ткнулись они копельцами бурзамецкими,
У рукояток копья поломалися.
265 Ударились они палицами боёвыми,
А палицы у них загорелися.
Тут скакали они со добрых коней,
Стали они битьца на рукопашицу.
Билися-тягались трои суточки.
270 У старого нога лева да подвихнулася,
Права нога да окатилася.
Пал старой на сыру землю.
Тут вскочил Сокольник на белы груди,
Он хотел пороть да груди белые,
275 Он смотреть его да ретиво сердцо.
Взмолился старой господу-богу:
«Стоял я за веру христианскую,
Стоял я за церкви православные».
Вдвое старому силы прибыло.
280 Он скочил скорей да на резвы ноги,
Хватил Сокольника да за златы кудри,
Упал Сокольник да на сыру землю,
Вынимат старой да свой булатной нож,
А хочет пороть его белы груди.
285 Увидел его да чуден крест
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Какой ты земли, какой родины,
Да какого отца-матери,
Как тебя молодца да именем зовут,
290 Да какого ты роду-племени?»
Отвечал ему Сокольник таковы слова:

«Когда был я у тебя на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Я не спрашивал отца-матери».
295 Опеть второй раз стал спрашивать Илья Муромец.
Отвечал ему Сокольник таковы слова:
«Той я матушки Златыгорки сын».
Говорит ему старой да Илья Муромец:
«Твоей-то я матушки за руки держал,
300 За руки держал, уста целуевал,
На руки сыпал да опочи́н держал.
Опочи́н держал, любовь сердечную,
Тут мы тебя и прижили».
Туту они и разъехались.
305 Поехал Сокольник ко матушке родимоей.
Ко той ко мамке, ко Златыгорке.
Говорит-то Сокольник своей матушке:
«Я съехался в поли, сратился,
Со теим со старым Ильей Муромцем во чистом поли́».
310 И рассказал всё.
Она и говорит:
«Не пустым старой да похваляетца,
То у старого было дело».

13

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во той-то во Нижной Малой Галицы,
Во той-то Корелы пребогатыи,
При чесной-то Омелфы Тимофеевны,
Ей сын был да молодой Дюк Степанович,
5 Молодой да Дюк Степанович, лет семнадцати.
Не бывал-то он во граде стольном Киеве,
Задумал ехать во стольне-Киев-град,
Посмотреть князя да со княгинею,
Русских могучих да богатырей.
10 Пошел он скоро на конюшен двор,
Выбирал он коня троеле́точка,
Седлал-уздал узду тесмяную,
Седлал седло зеркальцето.
Двенадцать клал прутов менных,
15 Тринадцату клал через хребётницу,
Не ради басы да ради крепости,
Не ради побежки лошадиноей,
Ради поездки молодецкоей,
Чтобы не разбил, не разметал во чистом поли́.
20 Видели только, как в стремена ступил,
А не видели, как на коня скочил,
Только видит мать — в чистом поли курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом вали́т.
Въехал он да в стольне-Киев-град,
25 Ко тому высоку нову терему,
А князя Владимира в доме не случилося,

Ушел он во божью церкву
Служить обедню воскресеньскую.
Он поехал опеть да во божью церковь,
30 Становил коня не привязанным,
Не привязанным да не приказанным.
Зашел он во божью церкву,
Запел он своим зычным голосом,
Покрывал он всех попов, дьяков,
35 Попов, дьяков, малых поддьяков.
Боярам толстобрюхиим завиду стало,
За велику досаду показалося,
Посылают к нему Олешеньку Поповича.
Олешенька Попович роду невежлива,
40 Невежлива, неочéстлива.
«Какой ты, — говорит, — откуль пришел?»
Молодой-то да Дюк Степанович
Отказал его на первых словах:
«Не то поют, да не то слушают,
45 Читают обедню воскресеньскую».
Когда отошла служба воскресеньская,
Стали люди расходитися,
Расходитися да растекатися.
Подходит к нему удалой добрый молодец,
50 Тот-то старой Илья Муромец:
«Меня-то зовут да Илья Иванович».
Тихохонько старой да поклоняется:
«Какой, откуль, да каким именем звать?»
— «Из той-то, — грит, — я из Нижней Малой Галицы,
55 Из той-то Карелы пребогатыи,
Пречесной-то Омелфы Тимофеевны сын».
Вынял из кармана подарочки — златы перчаточки.
И пошли они из божьей церкви,
Идут они под матушку Неву-реку.
60 А Олешеньке завиду стало,
За великую ему досаду показалося,
Ударились они об велик заклад,
Не во ста рублях, да не во тысяцы,
О своих молодецких буйных головах.
65 Давай скакать да во Неву-реку, да на конях,
Вперед скочить да назад отскочить,
У которого конь обрушится,
Да штобы оторвать у него да буйну голову.
У Олеши-то Поповича конь туды и обрушился.
70 Молодой-то Дюк Степанович
Тут схватил его за желты кудри,
Вытащил его да из Невой-реки.
Тут садились они опеть на добрых коней,
Подъезжали они к высоку нову терему,
75 Заходили они во гриню во столовую,
Садились все они за дубовый стол.
Пир шел полупиром,
Стол стоял полустолом.
Говорит-то сын да Дюк Степанович:

80 «У нас-то, — грит, — во Нижней Малой Галице,
У нашей Корелы да пребогатоей,
У нашей-то родимой матушки,
Печки-то, — грит, — у ней муравлены,
Помёлушки у ней шелковые,
85 Подики у ней менные,
Калацы-то, — грит, — ешь — больше хочетца,
По третьему ешь, сердцу проситца,
А печки-то у вас глиняны,
А подики-то у вас кирпичные,
90 Калацики-то ешь — верхню корочку на стол кладешь,
А нижнюю — под стол мечешь,
Одну-то ешь серёдышку».
Олеше Поповичу за беду стало,
За великую досаду показалося:
95 «Давай щеголять цветным платьем!»
Молодой Дюк сын Степанович,
Написал ярлык да скору грамотку,
Коня послал в Нижню Галицу
Ко матушки родимоей.
100 Матушка увидела из того высока нова терема,
Из окошечка косявчата,
Выбегала скоро она на улицу,
Встречала она коня доброго,
Открывала седёлышко зеркальчато,
105 Вынимала ярлык да скору грамотку,
Направляла ему да платье-шубочку,
Положила в седёлечко зеркальцато,
Отправляла коня она доброго.
Встретил коня да Дюк Степанович,
110 Вынимал шубочку цветистую,
В пятьдесят пуговечек вальяжныих,
Кажда пуговка ревёт своим голосом.
«Я, — грит, — думал хорош, пригож стольний Киев-град,
А в стольном Киеве ничего нету».
115 Взели чернил, бумаг на сто рублей,
Стали описывать богатства Киев-града.
Осталось чернил-бумаги на сто рублей.
Опять взяли чернил-бумаги на пятьсот рублей,
Поехали описывать Нижню Галицу,
120 Ту ли Карелу пребогатую.
Поехали они в Нижню Малу Галицу,
Увидел солнце Владимир-князь:
«Солнышко-то, — грит, — лучи мечот».
Говорит-то Дюк сын Степанович:
125 «То у моей матушки родимой сарай золотой,
От сарая-то лучи мечот».
(Едут гости).
Увидала матушка родимая
Из того высока нова терема,
Из того окошечка косявчата,
130 Да таки слова да выговариват:
«Мое дитя, верно, захвастался,

Захвастался да захрястался».
Выходит сперва мала служаночка,
Здороваетца князь Владимир: «Омелфа Тимофеевна!»
135 Дюк грит: «Это наша мала служаночка».
Выходит потом больша служаночка.
Здороваетца князь Владимир: «Омелфа Тимофеевна!»
Дюк грит: «То больша наша служаночка».
Тут выходит матушка родимая,
140 Причестна вдова Омелфа Тимофеевна,
В красном золоте она, не погнется,
Подол у ней четверы несут.
(Здороваютца).
«Видно, мое дитя молодёхонько да захвасталось,
Захвасталось, да захрясталось».
(Стали пировать).
145 Она стала пьянёшенька, веселёшенька.
«Чо, — говорит, — описывать,
У нас есть, — грит, — три погреба глубокие:
Первый погреб с красным золотом,
Второй погреб — с чистым серебром,
150 Третей погреб — с чистым жемчугом».
Описали-то, описали-то и поехали.

14

ПРО МАРИНКУ

Чурилка пошел стрелятьца вдоль по городу,
Увидел сидят два голуба,
Натягивал он да тугой лук,
Выпускал он стрелочку калёную.
5 Залетала стрелочка калёная
Во стеклышко во хрустальное,
Идолищу да во правой глаз.
Маринушка взяла стрелочку калёную,
По Чурилку ходит-просит:
10 «Уж отдам я тебе стрелочку калёную, возьми меня замуж».
— «Не возьму тебя, баба, за себя замуж».
Она обернула его туром поганым и говорит:
«Ходить тебе в зеленом саду,
Искать тебе шелкову траву».
15 У той бабки у горенки
Были две девушки-чернавушки,
Ходили они в зелен сад,
В зелен сад, чисто поле малинки брать.
Раньше у Маринки девять туров,
20 Нынче стал десятый тур.
Десятый тур к ним приближаетца,
Сам слёзно приплакиват,
Таковы слова выговариват:
«Уж вы гой еси, девушки-чернавушки,
25 Моей вы крёсной матушки дочери,
Вы скажите своей матушке родимоей:

Преж у Маринки было девять туров,
Нынче стал десятый тур,
Десятый тур слёзно приплакиват,
30 Таковы слова выговариват:
„Не могу я ходить в зеленом саду
Не могу есть да шелкову траву,
Не хочу я пить да ключеву воду“».
Сказали девушки-чернавушки своей матушке.
35 Накладывала шубку на одно плечо,
Накладывала шапку на друго ухо,
Забежалася к Маринке на круто крыльцо.
«Уж ты гой еси, Маринка ты б..... гроза,
Ты отверни моего кресника.
40 Оберну я тебя кобылой водовозною,
На тебе чтобы воду возили,
Воду возили, жалились».
Она его не отвёртыват.
Она ее сукой обернула. Все псы за ней волочатца.
45 «Возьмет он за себя замуж, так отверну его».

Он посулился замуж взять. Она после отвернула его, Маринка-то. Она отвернула его, он посулился замуж взять.

Говорит он ей:
«С поганым татарином обнималася,
С поганым татарином целовалася,
С поганым татарином сплеталася».
50 Взял он ей белы руки по локтям отрезал ей,
Губы отрезал, ноги разорвал,
Тулово ей бросил во чисто поле.
Только житья у их молодых было.

15

ДВА ТУРА́

Вниз по матушке по Волге, с-по Невой-реки,
Што да плыли-выплывали да и два тура.
Навстречу им турица златорогая:
«Уж вы, дети, были где, погуляли?»
5 — «Ах, мы были же в городе во Шахове,
Никакого чуда мы не видели,
Только видели чудо право чудное:
Из того из города из Шахова
Выходила девица-красавица
10 В одной рубасецке без пояса,
В одних шиблетках без чулочиков,
Забродила она до колен в воду,
Поглубже того она до пояса,
Ищо поглубже — до белых грудей,
15 Вставала она на сер горюч камень,
Горячими слезами обливаласе,
Тоской-кручиной обтираласе,
На все стороны четыре всё крестиласе,

Отворила книжечку евангелье,
20 С листа на лист перелистыват,
С конца на конец перечитыват».
— «Глупы вы туры, да дети малые,
Кака вам девица-красавица,
То пресвятая божья матерь богородица,
25 Она чуяла над городом несчастьице,
Велико чудо, безвреме́ньице».
Подымается Скурла-царь Смородович
Со своим со зятиком со Ки́ршаком,
Со своим со сынчиком со Конщиком.
30 У их, собак, силы множество.
Церквы хотят взять конюшнями,
Князя Владимира хотят взять во конюхи,
Княгиню-мать Апраксию во кухарочки,
И святы иконы менные хотят на огни разлить,
35 Древенны — на поплахины,
Мосты мостят да всё калиновы.
Ходил калика перехожая
У той матки Елисей-реки,
Хотел он тут огня добыть,
40 Огня добыть, право, котла сварить,
Котла сварить, платье повысушить.
Не успелось ему огня добыть,
Вдруг буря-погода подымаетца,
Не туман с моря занимаетца,
45 Куда Ванька-царь накатаетца.
Мосты мостят да всё калиновы,
Перекладинки кладут мали́новы,
Переносятца они, перевозятца,
Со тиим со зятиком со кривым бесом,
50 Со тиим со сынишком со Ковшиком.
Идет калика перехожая
Ко тому высоку нову терему.
Как увидел старой Илья Муромец,
Старой по полу похаживат,
55 Белыми руками повызмахиват,
Зласлыми перснями приобрякиват,
Такову речь да выговариват:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь,
Во сегодняшню да ночку тёмную
60 Мне-ка спалось, да много виделось».
Стали кликать калику перехожую:
«Где ты был, да что ты видел?»
(Дале не помню).

16

[СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ]

Во славном во городе во Туисе,
У ласкового князя у Владимира,
Было пированье-столованье,

Стол шел полустолом,
5 Пир шел полупиром,
А Рахлинско царство полуцарствием.
Собиралося народу сорок царей со царицами,
Сорок королей с королицами,
Туто все было богатыри могучие.
10 Собиралися на думу на великую,
Собиралися они, приналивалися,
Принапивалися, стали пьянёшеньки.
Один молодец по застолу ходит.
Все молодцы да призахвастались.
15 Умный хвастат да старым отцом, да старой матерью,
Безумный-то хвастат да молодой женой,
Новой хвастат молодой силой,
Новой хвастат своей смёточкой,
Иной хвастат своей храбростью,
20 А иной хвастат золотой казной.
Один молодец по полу похаживат,
Таку речь да выговариват:
«Все вы молодцы поженены,
Белы лебеди замуж повыданы,
25 Я один, молодец, только холост хожу,
Я холост сижу да не женат живу.
Нада мне молода жена,
Чтобы статным-статна да полновозрастна,
Волосой-косой она завесиста,
30 Чтобы сквозь рубашку тело виделось,
Сквозь тело да кости виделись,
Сквозь кости да мозги виделись,
Из кости в кость да мозг переливаетца,
Скопной жемчуг да пересыпаетца».
35 Говорит-то Поташенька:
«За тем морем, морем синиим,
У того царя премудрого
Есть жена, право, хорошая,
Она статным-статна да полновозрастна,
40 Волосой, русой косой завесиста».
Говорит-то да добрый молодец:
«Если, — говорит, — того дело,
Можно ли у живого мужа жену отнять?»
Поехал он за синё море торговать к царю Соломану.
45 Приехали они к царю Соломану,
Царя Соломана дома не случилося,
Уехал он во чисто поле.
Стали звать княгиню на корабль в гости:
«Поедем, княгиня, на корабль в гости к нам».
50 Она взяла девушку-чернавушку, куфарочку свою.
На корабль пришли да стали вино пить.
Стали посылать эту девушку-чернавушку домой вскоре:
«Никуды не ходи, никому не сказывай —
Куплю тебе ленту в пятьсот рублей.
55 Дешева кажетца — куплю за тысячу».
Она пошла, они отвалили домой.

Соломан-царь пришел домой,
Дома жены не случилося.
Стал поезжать за то море синее.
60 Говорит отец Соломану-царю:
«Насидишься ты под бабьей ..... .
Дам я тебе тридцать три богатыря с собой».
Пошел Соломан-царь за женой,
Приехал ко синю морю.
65 Васеньки Поповича дома не случилося.
«Гой еси, моя молода жена,
Пойдем домой да скоро-наскоро».
Говорит она царю Соломану:
«У вас житьё тяжёлое:
70 Утрях встают — долго моются,
Утрях встают — долго богу молятца,
А здесь-то житьё лёгкое:
Утрях станут — рожу не моютца,
Не моютца, богу не молятца».
75 Говорит у ней царь Соломан премудрый:
Гой еси, молода жена,
Как придет Васенька, куда я деваюся?»
Она распорола перину пуховую.

«Вот, — говорит, этто». Сама села. Говорит она:

«Уж ты гой еси, Васенька Окулович,
80 Как бы был-то Соломан-царь,
Что ты над ним сделал?»
— «Я бы им отсёк буйну голову».

Она и развернула перину: «Вот это он будет!»

Говорит Соломан-царь:
«Уж ты гой еси, Васенька Окулович,
85 Не казнят царей, да больше вешают,
Делают рели превысокие,
Вешают три петёлки шелковые,
Перва петёлка — шелковая,
Втора петёлка — пеньковая,
90 Третья петёлка — липковая».
Повели Соломана-царя премудрого вешать.
Говорит-то Соломан-царь премудрой:
«Уж ты гой еси, Васенька Окулович,
Дай мне поиграть да во турий рог,
95 Во турий рог да во первой након,
Проститьца мне да с гусьми-лебеди,
Проститьца мне да со белым светом,
Расстатьца мне да с добрыма людьми».

Вот он играть стал во турий рог, плясал. Все смотрят, радуются. Шли, шли, шли. Он опять стал проситьца:

«Дай мне поиграть во турий рог
100 Да во второй након, —
Проститьца мне да с гусьми-лебеди,
Серы-маленьки утёнышки».

Стал играть опеть. Все в народе скачут, пляшут. Пришли к рельям. Опеть стал проситьца:

Дай мне поигратьца во турий рог
Да во третей након».
105 Говорит-то Васенька Окулович:
«Что это звучит-громит да мать сыра земля?»
— «Летят да гуси-лебеди,
Серы да маленьки утёныши прощатьца со мной».
Говорит Соломан, царь премудрой:
110 «Ой вы гой еси, люди православные,
У кого есть стары отцы,
Стары отцы да стары матери,
Кого растить есть да дети малые,
Подьте скорей домой:
115 Моя смерть будет страховитая,
Страховитая да боязливая».
На первой-то стал играть во три раза.
Так играл, те хоромы рассыпалися,
Новы-то хоромы приклонилися.
120 Тут прилетали гуси-лебеди:
Во-первых-то, бежит стар казак да Илья Муромец,
Во-вторых, — Семен да Леховитый блад,
Во-третьих, бежит Олешенька Попович блад,
Тут всех по имени не вычиташь.
125 Пехнули Васеньку во петелку шелковую,
Молоду жену в петелку пеньковую,
А Поташеньку хромого в петёлку липковую.
Таковы слова да говорили им:
«Два милых вместе и сводник тут».
130 Вот они тут и стали и всех убили.

17

[ДОЛГОРУКИЙ-КНЯЗЬ И КЛЮЧНИК]

Во том во городе во Туисе
У ласкового князя у Владимира
Было пированье-столованье.
Все на пиру да напивалися,
5 Все на чесном да наядалися.
Один ключничек сидит невеселый.
Говорит-то солнышко Владимир-князь:
«Што ты сидишь невеселой,
Не в чесном углу сидишь, не в переднием,
10 Али чары тебе были не доливаны,
Подносчички тебе были невежливы?»
Пошла княгиня-мать Апраксия,
Наливала чару зелена вина,
Подавала молодцу чару зелена вина;
15 Взял онной рукой, выпил к онному духу.
Стал ключничек пьянёшенек,
Пьянёшенек да веселёшенек,
Говорит он таково слово:

«Три года я жил во конюхах,
20 Три года я жил во ключниках,
Нынце три года живу я со княгинею;
Ей-то я на руки сыпал,
На руки сыпал, уста целоивал».
Тут князю Владимиру за беду стало,
25 За великую досаду показалося.
Тут делали рели превысокие,
Вешали петелку шелковую,
Повели его наказывать.
Говорит тут ключничек:
30 «Не ведите меня улицей середнией,
А ведите улицей переднией,
Пусть видит меня княгиня-мать Апраксия».
А княгиня-мать во горнице кончаетца,
Как ключничек во петелке лягаетца,
35 На булатен нож она спускаетца.
Говорит тут ей Долгорукий-князь:
«Прощу я тебе, баба, во-первой вину».
Она таковы слова тут выговариват:
«Куда летит да ясен сокол,
40 Туда летит да лебедь белая».

18

ПРО ЧУРИЛКУ

[СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА]

Пошел он за сине море,
Да он поехал за сине море,
Проститьца надо, покаятьца.
«Есть там три заставы богатырские,
5 Первой застав на во ускок скакну,
Другой застав на ушаг шагну».
Середи пути-дорожечки лежит сер горюч камень,
По праву сторону лежит глава человеческа.
Из речей Чурилка выговариват:
10 «Кака ты лежишь, глава человеческа?
Русска глава — да погрести тя надо,
А погана голова — да проклясти надо».
Говорит глава да человеческа:
«Я лежу подле правый бок камешка,
15 А ты ляжешь под левой бок».
Он ходил во божью церкву,
Простился сходил, покаялся.
Назад пошел да из божьей церквы —
Не пошел он подле правый бок,
20 Не шел он на левый бок,
А скочил на ускок посередочки,
Права нога да прокатилася,
Его у молодца сметочка побилося,
Ударился о камешек своей буйной главой,
25 А тут Чурилке смерть и случилася.

КСЕНИЯ КОНДРАТЬЕВНА ОСТАШОВА

Ксении Кондратьевне Осташовой в 1942 г. было 48 лет. В дер. Уег она пользовалась большим авторитетом, как активная колхозница, работала бригадиром.

Отец Ксении Кондратьевны знал много старин, но она запомнила от него только одну — про Илью Муромца и разбойников.

19

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ]

Ездил старо́й да по чистым полям,
Холмы ронял да ляги спа́лкивал,
Наехали на старого станишники,
Бить-де хотят да старого, грабити,
5 [С] конем, животом его, да разлучить хотят.
Говорит им старо́й да таковы слова:
«Уж вы ой еси, да люди вольные,
Люди вольные да привольные,
Уж вам бить меня да грабить не за что,
10 У меня у старого брать вам нечего,
У старого есь у меня онна́ бу́на-бу́нушка,
На себе она у меня шу́бишка,
Сама-то шуба стоит во пятьсот рублей,
На этой шубы есть у меня тридцать три пуговки,
15 Тридцати пуговкам у меня цена есть —
Ка́жна пуговка стоит пятьсот рублей,
А трем-то пуговкам цены им нет:
Онна́-то пуговка из зла́та-се́ребра.
А втора-то пуговка — чисто золото,
20 А третья-то пуговка — жемцуженя».
Не поверили старому станишники,
Не поверили его рецам богатырскиим,
Сошлись они да сразилисе,
Во чистом поли да во раздольице.
25 Сняли старого они со добра коня,
И схватились они да во охапочках.
Бились они, дрались да трое сутоцек,
Попросил старо́й себе в помочь да добра коня,
Помолил себе он да господа-бога:
30 «Уж ты ой еси, да лошадь добрая,
Лошадь добрая да богатырская,
Помоги-ка-се да моему горю,
Победить этих станишников».
Расходилсе его конь да во чистом поле,
35 Помогать стал своему богатырю-хозяину,
Бить, ломать копытама вострыма
Этих он врагов, станишников.
Помог он своему богатырю-хозяину,
Повыбил старо́й со своим добрым конем,
40 Повыбили они станишников
До единого они да во чистом поли,
Со своим-то он да со добрым конем,
Стал товды старо́й да на резвы ноги.

Помолилсе он да господу богу:
45 «Спас меня да свет небесной царь».
Поехал старой да из чиста поля.

АЛЕКСЕЙ ИПАТЬЕВИЧ ЕРМОЛИН

А. И. Ермолин в 1942 г. — слепой 68-летний старик, житель дер. Уег. Ослеп 24 года тому назад. Грамотный. Грамоте выучился во время службы во флоте.

В 1903 г. — Алексей Ипатьевич, будучи матросом, совершил кругосветное плавание, которое продолжалось шесть с половиной лет, произвело сильное впечатление и оставило о себе богатые воспоминания.

А. И. Ермолин сам пришел к одному из членов экспедиции и спел старину «Про тура золота рога». По его словам, раньше он знал несколько старин, которые в 17-летнем возрасте перенял от старика-односельчанина, но теперь уже не помнил.

20

ПРО ТУРА ЗОЛОТА РОГА

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СКУРЛАТ-ЦАРЬ]

«Ой еси, туры да дети малыи,
Де вы, туры, да были-побыли?»
— «Мы были, матушка, во Шахове,
Были мы во Ляхове,
5 Сорочи́нское поле поперек прошли,
Столен Киев-град да во полночь прошли.
Городовые-то двери да отпиралисе,
Выходила тут красна девица,
В онной рубашецке, без пояса,
10 В онных щеблётках, без чулоциков,
Несет она в руках книгу евангелье.
Забродит она да во Пучов-реку,
Забродит она ровно до пояса,
Кладет она эту книгу на сер каме́нь,
5 Сколько читат, да вдвое плачет же».
— «Уж ой еси, туры да дети малые,
Ой еси, туры да дети глупые,
Тут какая выходила красна девица —
Выходила пресвятая мати богородица,
20 Она чует над городом невзгодушку,
Она чует над городом великую».
Подымаетце на нас да Скурлат-царь,
Скурлат-царь, поганое Издолище,
Со любимым сыном, со Коншиком,
25 Со любимым-то со зятелком, со Киршыком.
У его ли, у собаки, силы множества:
Впереди его, собаки, сорок тысячей,
По праву руку собаки сорок тысячей
По ле́ву руку собаки сорок тысячей,
30 Позади его, собаки, числа-сме́ту нет.
Выходила эта сила, проклята орда.
На то ли поле она на турецкое,
На турецкое ли поле Сорочинское.

От того ли от духу от поганого,
35 От то ли от пару лошадиного,
От то ли от смороду от поганого
Потемнело красно солнышко,
Поблек, бат, светел месяц,
Потемнела луна да божая.
40 Расставали тут они шатры да чернобархатны,
На то ли поле Сорочинское.
Выбирал тут себе да Скурлат-царь
Могучих же себе да три татарина.
Из трех татарина да одного татарина,
45 Посылает его да ко солнышку Владимиру
Во тот же да во стольний Киев-град,
Дает ему в руки да рукописаньице,
Требует его да на то поле,
На то поле, на Сорочинское.
50 Он ему, солнышко, да ответ держит:
«Будет скоро, будет скоро вас смотреть».
Отправилсе тут татарин в обратный путь.
Собирает солнышко Владимир-князь
Он почестен пир,
55 На весь-то он да стольной Киев-град,
Всех хрисьян да всех бояр:
«Помогите да моему горюшку».
Собрались все бояра да хрисьяне и все богатыри
И стали они разговаривать,
60 Кого в поле послать да на заставушку,
На заставушку великую:
«Послать в поле Василия Касемирова —
Василий Касемир да роду непочётного,
Послать нам Олешечку Поповица —
65 Олешенька Попович да роду невежливого,
Послать нам Потанюшку Хроменького —
Потанюшка Хроменькой охоч с девчатами гулять,
Лучше нам послать нам Илью Муромца,
Илью Муромца да Добрынюшку Никитича».
70 Все приговорили тут бояра и хрисьяна
Послать Илью Муромца и Добрыню Никитича.
Солнышко Владимир-князь
Подавает им да зелена вина,
Да турей рог да меду сладкого,
75 На закусочку калач бел крупи́щатой:
«Уж вы ой еси, богатыри сильны, могучие,
Постойте вы за веру православную,
Съездите на заставушку великую,
Подьте вы да на конюшен двор,
80 Выбирайте вы могучих да коней добрыих».
Пошли сильны, могучие богатыри,
Выбрали себе коней добрыих,
Оседлали-обуздали их,
Садились на добрых коней,
85 Взяли они сабли вострые и мечи булатные,
Поклонились на все четыре стороны и на божью церковь,

Стправились в путь-дороженьку.
Выезжают из стольне-Киев-града на то поле Сорочинское.
Встречает их поганое Издолище,
90 Поганое Издолище да Скурлат-царь,
Со своим сыном, со Коншиком,
Со своим зетелком, со Киршаком,
С могучима с татарама со свойма:
«Що вы куда поехали, — спрашиват
(у наших), —
95 Що вы с нами сделаете?
Только на понюшку табаку вы мне!»
Илья Муромец да выговариват таково слово:
«Что ты, поганое Издолище, похваляешьсе,
Выганивай свое войско на то на поле Сорочинское,
100 Побитьце с нами, поратитьце».
Поганое Издолище выговариват:
«Сумеем мы с вами побитьце, поратитьце».
Вышла эта сила, проклята орда,
На то поле Сорочинское,
105 Зялись они за работушку,
За тяжку войну да кроволитскую.
Стали Илья Муромец да Добрыня Никитич поезживать
По тому полю да Сорочинскому,
Покашивать по этому войску.
110 Покосили, прибили всё войско,
Один остался Скурлат-царь,
Он клянятьце стал:
«Не ворошьте меня, робята!»
Поехали они в стольне-Киев-град.
115 Наградил их солнышко Владимир-князь
Орденами да медалями.
Не взяли они ни ордена, ни медали:
«Мы, — грит, — и без их можем жить».

(Много тут говоритце, я онну осень спевал, так мало запомнил).

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ДУРКИН

А. С. Дуркин в 1942 г. — 75-летний больной старик. Служил в царской армии, участвовал в Русско-японской войне. Самоучкой выучился грамоте. В молодости очень любил петь песни и в армии был запевалой.

Былины слыхал от отца Марфы Дмитриевны Дуркиной (о ней см. на стр. 101). Исполнил одну старину «Про тура», хотя знал еще несколько былин, но «не по порядку», поэтому исполнить их отказался

21

ПРО ТУРА

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СКУРЛАТ-ЦАРЬ]

Плыли, выплывали два гнеда тура,
Навстречу турам идет мать родна:
«Где вы, туры, были-побыли,

Чего вы, туры, видели, слушали?»
5 — «Были мы, маменька, во Шахове
И были во Ляхове,
Саратынское поле поперек прошли,
В стольной Киев-град во полночь пришли.
Городские-то ворота открывалися,
10 А не чудо, право, мы видели, —
Девицу, в одной она рубашечке без пояса,
В одних чулочиках без шыблетиков,
Забродила она во Пучай-реку,
Брала она книгу Голубенную,
15 Клала эту книгу на сер горюч камень,
Не читала она, больше плакала».
Говорила ихна тут мать родна,
Та ли турица злоторогая:
«Ой вы гой еси, туры, дети малые,
20 Кака ведь вам тут красна девица?
И не турица злоторогая —
Пресвята мать богородица,
Она чует над Киевом невагодушку,
Чует над городом великую».
25 Нападает на Киев етто Скурлат-царь
С большим сыном со Семёнушком,
Со зятюшком Семёнушкой.
А у его-то, у собаки, силы множество:
По праву руку собаки сорок тысячей,
30 По леву руку собаки сорок тысячей,
Переди его, собаки, сорок тысячей,
Зади его, собаки, числа-смёту нет.
От того-то пару лошадиного,
От того-то топоту конинного
35 Не видно было солнца красного.
Они ставили шатры черна бархата,
Ставили столы дубовые,
Што тот-то царь и Скурлат-царь,
Садился он на стул на ремёщатой,
40 Писал он ярлык-грамотку
Тому-то солнышку Владимиру.
«Кого послать бы к солнышку?»
Выбирали они из трехсот татарина,
Из трех они сот выбрали тридцать татарин,
45 Из тридцати они выбрали три татарина,
Из трех-то выбрали одного татарина,
Татарина они заморского.
Голова-то у его, как пивной котел,
Шорища у его, как больши чашища,
50 Руки у его, как больши граблища,
Ноги у его, как больши кычыжища.
Говорил тут ему Скурлат-царь:
«Поезжай, — грит, — ты в стольне-Киев-град,
Поезжай, — грит, — ты не дорогою,
55 Заезжай, — грит, — ты не воротами,
Заходи, — грит, — ты в дом не дверями».

Тут он занес-от до Владимира, он всю силу прикосил, и взяли они Илью Муромца, старого казака, послали. Прикосил он, — грит, — тут всю святу орду.

(Вот я дальше-то и не помню, не знаю, таки врать не буду. Люблю говорить по делу, а без дела не знаю, так и не баю).

МАРФА ДМИТРИЕВНА ДУРКИНА

Марфе Дмитриевне Дуркиной, крестьянке из дер. Уег, было в 1942 г. 70 лет. Неграмотная, но очень любознательная и сведущая, она любила рассказывать о своей тяжелой жизни: как перенесла смерть мужа, смерть десяти своих детей, как под старость, больной и одинокой, приходилось жить у чужих людей.

От М. Д. Дуркиной записано четыре былинных текста. В недалеком прошлом сказительница исполняла еще несколько былин, знание которых перешло к ней по семейной традиции. Расспросы собирателей о былинах доставили Марфе Дмитриевне большое удовольствие. Она с гордостью вспоминала отца и мать, которые знали очень много старин, что подтверждали многие жители Уега. Ко времени встречи с собирателем М. Д. Дуркина былины уже не исполняла и плохо помнила. В Уеге пользовалась славой хорошей вопленицы.

22

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Поехали прогуливатьце двенадцать молодцев,
Ездили, гулели и стали варить, закусывать.
Постреливат детинка стрелку вверх,
На лету простреливат.
5 «Кого послать ко детинке спросить,
Какого роду он племени?»
— «Послать лучше Олешеньку Поповича,
Если послать Добрынюшку Никитича,
Так он роду невежливого, да не отéчливого».

Послали Олешеньку. Олешенька поехал. Подъезжат к тому добру молодцу.

10 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
Ты какого да роду-племени,
Какого да отца-матери,
Как, детинка, тя именем зовут?»
Он: «Фу», да не здраствует,
15 Всё похватыват да постреливат.

На третий раз Олешенька Попович подъезжает ближе. Иванушка Сокольничек говорит: «Не сказывай да не спрашивай», — говорит.

Поехал Олешенька Попович и подъезжат к товарищам, а стар казак Илья Муромец говорит: «Самому надо съездить, кипятите котлы, а сам я съезжу».

Подъезжат во чисто поле и говорит: «Уж ты ой еси, детина, добрый молодец, как тя именем зовут, какого ты роду-племени?» А он опять не отвечат. На второй раз опять говорит: «Какого ты роду-племени, какого отца-матери, как тебя именем зовут?» А он опять тут не здравствует. Третий раз спрашиват. Тогда Илья Муромец говорит: «Давай, — говорит, — бороться, если ты не отвечашь». Ну и стали боротьца. Боролись,

боролись, зе́млю-мать до пол-ноги́ пробили. Боролись, боролись второй раз — до колена пробили, а третей раз пробили землю до пояса.

Иванушка Сокольник старого казака Илью Муромца и бросил, подколоть хочет. А стар казак Илья Муромец и говорит: «Старому казаку Илье Муромцу смерть во чистом поле не писана». Старому казаку Илье Муромцу силы вдвоем прибыло. Свалил с груде́й Иванушку Соколика, и опять стали боротьца. Боролись они, боролись. Стар казак Илья Муромец бросил Иванушку Соколика, вынимат свой кинжалище и спрашиват: «Как тебя, детинка, зовут, какого ты роду-племени?» — «Я, — грит, тебя валил, не спрашивал, и ты вали меня, не спрашивай». Нож вынимат, а бог не допускат, рука в плечи не дошла, стала. Опять стали снова боротьца. Долго дело деется, скоро сказыватца, опеть Илья Муромец его сбросил, опеть вынимат кинжалище, а рука в локти застоялася, опять говорит: «Я тебя валил, не спрашивал, и ты меня вали, не спрашивай». Потом опеть стали боротьца третий раз. Илья Муромец опеть свистнул — рука у него в кисти отстоялася. «Скажи, — говорит, — детинка, какого ты роду-племени, какого отца-матери, как тебя именем зовут? [У] меня, — грит, — рука отстоялась». А он отвечат: «А я, — грит, — Иванушка Сокольничек. Илья Муромец и заплакал: «Эх, да я, — грит, — тебя прижил. Я у твоего тятеньки жил во конюхах».

Теперь стар казак Илья Муромец стал от его отходить. Стал на лошадь садитьца. Трое сутки ведь они боролись, стягались, сын да отец.

Иван Сокольничек поехал так в избу ту у матери раскатом и говорит матери: «Ты, — грит, — выб..... меня прижила, меня люди корят». Приехал к своим товарищам.

Тут и конец, а мне кривой жеребец.

23

О ДОБРЫНЮШКЕ НИКИТИЧЕ

[ДУНАЙ]

Поехал Добрынюшка Никитич свататьца к Семену Лиховитому. Свадьбу сыграли. Семен не хотел отдавать девки, а девка сама пошла. Поехали и повенчались.

Добрынюшка Никитич поехал во чисто поле искупать коня. Ископыть велика показалась ему, шатер, и лошадь стоит, ест пшено белоярово. Лошадь спустил, кони подрались и быстро помирились и стали есть пшено белоярово из одного мешка. Зашел, в избу вступил, а там богатырица разметалася. Он на сону-ту ей и притворил. Она потом прочухарилась и грит: «Что ты, Добрынюшка, сделал, осквернил меня». А он и отвечает: «Я, — грит, — возьму тебя замуж, поедем со мной». Сели на лошадей да и поехали. А сестра ее за Олешеньку пошла.

Добрынюшка говорит: «Надо коли в реке покупатьца». Оба с женой Марьей Семеновной и выкупались в реке. Покупались и пошли к венцу. Обвенчались и пир стали пировать.

Марья Семеновна напилась пьяна и прирасхвасталась и говорит:

«Уж ты, Добрынюшка Никитич,
Жил ты у нас во конюхах,
Ездить да не во впол меня,
А стрелять-то не во треть меня».

5 Никитичу-то за беду пало,
За досадушку-то показалосе,
Стоптал-то он правой ногой кирпи́шат пол:
«Сряжайся, Марья Семеновна, во чисто поле,
Снимай перстни да обручальные».
10 — «Уж ты ой еси, Добрынюшка,
Поедем да мы во чисто поле
Снимать перстни да обручальные,
Первый раз ты, Добрынюшка, стрели́шь —
Так мне-ка не дострелишь,
15 А второй раз стрели́шь — перестре́лишь».
— «А я, — грит, — стрельню, —
Тебя первый раз сойму».
— «А ты с третьего раза стрельнёшь —
Залетит стрела во белы груди,
20 Размешашь ты кровь со печенью,
Погубишь меня.
А прижил ты мне два отрока,
По локоть-то руки в золоте,
По колен ноги в серебре,
25 Погубишь меня».

этто пуще кажетца. Он топчет в пол: «Сряжайся, да и только!» Поехали в чисто поле, заехали тама-ка, персни на голову поставили. Она как стрельнула — сразу сняла перстень с головы у его. Он стал стрелять — первый раз стрельнул — не дострелил, второй раз стрели́л — перестрелил, в третий раз стрельнул — залетела стрела во белы груди. Пала она с лошади.

Подъехал он ко лошади, распорол ей брюхо, а там два младенца лежат, по локоть руки в золоте, по колен ноги в серебре. Потом взял копьё, ткнул в землю, да грудью-то и пал на копьё-то. Тут в поле поехали с пиру веселого смотреть, а они оба мёртвые лежат.

(Всё рассказала, больше и сказывать нечего).

24

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Вывел Дюк Степанович коня доброго,
На коня руки накладыват — у коня туша гнётца;
Шапочку наложил двадцать пять пудов,
Перчаточки одел тоже двадцать пять пудов,
5 А сапожки одел — те сто пудов.
Накладыват руки на свого коня доброго,
У того туша гнётца.
Проговорил конь, туша добрая:
«Ласковой хозяин, Дюк Степанович,
10 Не сходить будет в Ярослав-город,
Не сносить будет тя, добра молодца,
Широки печоры хвостом не выкрати,
А больши́ моря во скок не выбрати,
Выкопай погреб в девять сажень,
15 Направь ты лестницу в девять ступень,

Насыпь мне пшена белоярова и пой, корми меня,
На девятой заре меня прокатывай.
Слуги те у тя были неверные,
Неверные были да изменные:
20 Сеном-то кормили осотенным,
А водой-то поили болотенной».
Выкопал Дюк Степанович погреб девять сажень,
Направил лестницу девять ступень,
Насыпал пшена белоярого,
25 Кормил, поил, а на девятой заре прокатывал.
Шесть недель кормил, ухаживал,
Вывел своего добра коня
Ехать да в Ярославь-город,
Стал коня по спине потяпывать,
30 У коня спина так и здымаетце — бежать хочет.
Садился он да на добра коня,
Не видели поездки молодецкоей,
Только видели — курева в поли стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит.
35 Приехал в Ярослав-город.

Коня завязал к церковному столбу, службу служат они господню, и он на службу встал. Отслужили и стали со службы выходить. Тут князь Владимир и кланяетце: «Пожалуйста, — говорит, — проходите ко мне, пообедайте, чего бог послал. Пошли обедать.

Дюк Степанович нижнюю корочку под стол кладет,
А верхнюю корочку на стол кладет,
Ест одну середочку.
Князю Владимиру тут неловко стало:
40 «Откуль, — говорит, — ты приехал, какая ты невежа?»
— «У моей-то, — говорит, — матушки Омелфы Тимофеевны
Калачики-то ешь — да пуще хоцетца,
По второму съешь — так пуще хоцетца,
А по третьему — то душа болит».

Тут они стали на спор походить, князья и бояры стали боротьца, и Дюк Степанович всех повыметал. Стали правдатьца — он всих повыправдал: конь широки печоры хвостом выкрыл, больши моря в ускок выбрал, солнышка батюшка Владимира вытащил с конем на землю из воды.

Сошлись они, съехались, сдумали у его коня отбирать. Он говорит: «Седьте, посадите кого на моего коня». Посадили Микитича Добрынюшку. Микитич Добрынюшка шапочку его не может нести, шапочку Дюкову, она весит двадцать пять пудов, перчаточки не может опять снести, тяжелы кажутца.

Письмо написал жены да матери, да и поехал спровéдывать, каков дом да каково место. Сидит он, подъехал к ихному дому. Маменька говорит ронная: «Не наш сидит Дюк Степанович». А Добрынюшка сидел там.

Зашел пить и ись да за столом и заспал. Жена [Дюка] его взяла да и в свою спальню и снесла спать. Трое сутки спал, проспался да и говорит: «Надо быть я долгонько спал, трое суточки спал».

Всё высмотрел — подики медяные, а помелышки шелковые,
Городом назвать — так мал добрé,
А теремом назвать — так велик добрé.

Тут поехал он туда, где был [Дюк] посажен, в тюрьму посажен был. Поехал конём он обратно назад. Приехал, привез записки. Потом посмотрели да и выпустили его. Сел он на своего коня и поехал домой. Приезжал. Мать и жена срадовалися, — стрецали со слезами со горюцима. «Не плачьте, маменька родима и жена молода, приехал я жив и здоров».

Стали жить да поживать. (*И я боле ничего не знаю врать*).

25

ПРО ВАСЕНЬКУ ОКУЛОВИЧА

«Прекрасный Васенька Окулович,
Делай три корабля,
Нос-от делай по-звериному,
А корму делай по-змеиному,
5 Бровеми наклади да черных соболей,
Ресницеми положь да бобров осистыих,
Дай нас с собой да черну кошечку,
Черну кошечку с собой ученую,
На вершину кошечка шла — да песенки пела,
10 На кошелёк идет — да сказки сказыват».
Направлялись три года за сини моря,
Дал бог им ветру попутнего,
Перебежали они за сине море,
Обирали шелковы паруса,
15 Пометали больши якори.
Таракашко купец Заморинян
По улицам пошел широкиим,
Переулочками проведёныим,
Прем царских окон поклоняитце:
20 «Ох ты ой еси, Маринка, лебедь белая,
Приходи-ко ты на царёв корабь
Выбирать товары наши заморские».
Ставала Маринка на резвы ноги
Выбирать товары заморские.
25 Таракашко купец Заморинян,
Он догадлив был,
Наливал он цару зелена вина,
Не большу, не малу — полтора ведра.
Принимала Маринка единой рукой,
30 Выпивала Маринка за единой дух,
Тут пьяна стала да прираспадалась,
Подымали они шелковы паруса,
Убирали они больши якори.
Царя Соломона дома не случилося,
35 Уехал он стрелять гусей, лебедей,
Серых, малыих утёнышков,
Крылистых, пёристых, перелётистых.
Приехал царь Соломенной домой:
«Ой еси, вы слуги верные,
40 Слуги верные да неизменные,
Де же моя молода жена?
Одолело ли ее богачество,

Одолела ли ее скорбь великая,
Ушла ли она за нова замуж?»

«Ушла, — говорят, — ее Таракашка-купец увез за сине море. Ей повезли, так у Васеньки Окуловича ее по сукнам ведут, а сукна же взади завёртывают». (*Эку жену привезли Васеньке!*) Стали поживать. Царь Соло́ман стал собирать дружину и спрашиват:

«Уж вы ой еси, мои братья-товарищи,
Что мне заставите с женой делать?»
Глупой скажет — «потеряй жену»,
Мудрой скажет — «отступись, жена».

Собрал он дружину: «Надо мне войну открыть — по жену итти».

Брал с собой турей рог:
«Ребятушки, братья-товарищи,
Первый раз я сыграю — вы на коней садитесь,
А другой раз сыграю — везите мне скорей да саблю вострую».
Пришел он к жены:
«Уж ты ой еси, Маринка да лебедь белая,
Пойдем назад жить домой».
Она и сказала: «Нет, я не пойду домой,
Здесь жить добро́,
Да здесь служить легко́:
Среды, пятницы здесь не по́стуют,
А великие говеньица не требуют».

Сидят разговаривают: «Ой, Маринка, идет твой новой муж, куды я буду деваться?»

Скакала Маринка на резвы ноги,
Хватала перину пуховую:
«Ложись, я, — грит, — на тя сяду тут».

Он отворил дверь и говорит: «Фу, фу, Маринка, что это меня руськой дух по носу ударил?» — «Это ты за охотой ходил, так вот тебя и ударило. Прекрасен Васенька Окулович, что бы ты стал делать, если бы здесь был царь Соло́монов?»

— «Есть у меня сабля вострая,
Вострая сабля да не обновлена,
Я обновил бы об его шею да Соломенну».
Скакала Маринка на резвы ноги,
Хватала перину пуховую:
«Вот, Васенька, царь Соломенной у меня здеся лежит».
Побежал он по саблю вострую,
Махнул его, да царь Соломенной
Он увертлив был,
Увернулся он под ремёщат стул.
Говорит Соло́мен да таковы слова:
«Не честь-хвала да молодецкая,
Не выслуга да богатырская,
Не казнят царей при доме,
А казнят царей да во чистом поле»

Она и говорит:

«Прекрасен Васенька Окулович,
Казни Соломона царя скоро-наскоро!»
— «Глупа баба да неразумная,
Волос долог, да ум коротенькой,
Сказали, что Соломон и хитёр и мудёр,
А поглядел я на Соломона —
У нас Соломона и глупее нет».

Она и говорит:

«Прекрасен Васенька,
Казни Соломона скоро-наскоро:
Уйдет Соломон с хитросью,
С хитросью да мудросью».
Соломон и говорит:
«Куйте меня в железа крепкие,
Но везите меня в чисто поле,
Выкопайте три ямы глубокие
И поставьте три петли:
Одну петлю шелкову,
Другу петлю пенькову,
А третью петлю липову;
На перекосых петлях меня повесьте».
Повезли царя Соломона во чисто поле казнить,
Говорит царь Соломенной таковы слова:
«Уж и што, братцы, за чудо, за диковина —
Одно колесо катитце, а друго не оставатце.
Вы юрзы-мурзы да вси поганыи,
Вы татары все да кособрюхии,
На моей смертью да вы не радуйтесь,
Моя смерть будет да страховитая».
Завезли царя Соломенна во чисто поле,
Да казнить хотят.
Ступил царь Соломенной на перву ступень:

«Васенька, дай мне-ка сыграть во турьей рог». — «Сыграй».

Юрзы-мурзы все распадались.
Ступил на втору ступень:

«Васенька, дай мне сыграть во второй раз». — «Ну, — грит, — сыграй».

Сыграл — сыры боры да расшаталисе,
Вершинка с вершинкой сплеталисе,
Юрзы-мурзы все распадались,
Прекрасен Васенька едва на ногах стоит:
«Што у меня, царь Соломенной, в поле сделалось?»
— «А летят гуси-лебеди со мной, молодцем, да
распроститисе».
Третей раз сыграл в турей рог.
Подвели ему коня доброго,
Подвезли ему саблю вострую.

Царь Соломенной руками размоталсе, ногами разлягалсе, и все оковы с ног спали. А прекрасного Васеньку он в шелкову петелку и сунул, а Маринку полоненую в пенькову петелку, а Таракашку купца Заморского — в липову.

А сказал он тут таковы слова:
«Два мила тешатся, а и сводник тут».
— «Прекрасен Васенька Окулович,
Сам-то ты погинул да и меня сгубил».
Заскоцил царь Соломенной на добра коня,
Брал тут да саблю вострую,
Нацал юрзов-мурзов всех покашивать:
Куда махнет, туды — улоцка,
Поворотитца — туды переулочек.

«Вы, косы-мурзы, вам сказано было, что моя смерть вам страшна будет». Так оно и было.

ЯКОВ АНДРЕЕВИЧ ОСТАШОВ

Я. А. Осташов в 1942 г. — 65-летний крестьянин из дер. Хабариха. В молодые годы занимался рыболовством, охотой, последнее время работал огородником в колхозе. Очень любознательный, с живым интересом ко всему новому. С большим удовлетворением вспоминал о своем путешествии в 1902 г. по Волге и о недавнем пребывании на курсах по развитию овощеводства в колхозах Севера.

Яков Андреевич хорошо был известен односельчанам как исполнитель былин и песен. Особенно любил он малоизвестную, по его словам, на Печоре песню «У колодечка да у глубокого, у ключика да у студеного». От него записана песня «По дорожечке да по широкоей», которую он пел вместе с рыболовом И. П. Лавринским на берегу Печоры, провожая пароход с призывниками Красной Армии в 1942 г.

Былины начал петь с 12 лет. Сказительству научился, по его словам, от усть-цилемского старика Алексея Носова (по прозвищу Алеха Чижок).[1]

Из своего большого репертуара (десять былин) исполнил только три, сославшись на плохую память. Исполнял былины нараспев, сосредоточенно и серьезно выводя голосом былинный напев.

26

ДУНАЙ

Во стольном во городе во Киеве
У ласкова князя, у Владимира,
Собирал свет солнышко Владимир-князь,
Собирал да он почестен пир,
Почестен пир да похвален стол,
Кабы про всех хрисьян да православных,
Про них бояр да большебрюхиих,
Про руських да про богатырех.
Да кабы день-то идет да ко вецору,
Кабы солнышко идет да ко западу,
Кабы пир-от был да о полу-пира,
Кабы стол-от был да о полу-стола,
А кабы все на пиру стали пьянёшеньки,
А пьянёшеньки стали да веселёшеньки,

---

[1] В кн.: В. Базанов. Поэзия Печоры. Коми ГИЗ, 1943, на стр. 13 — Алеха Чирков.

15 Кабы солнышко да Владимир-князь
Он был хмелён да полурадостен,
А кабы по полу князь похаживал.
А с ножки на ножку переступывал,
Каблук о каблук перестукивал,
20 Менным гвоздиком поколачивал,
Белыма-то руками приразмахивал,
Могучима плечама пошевеливал,
А и желтыма кудрями перетряхивал,
Тиху-смирну речь приговаривал:
25 «А и то ж мои русски богатыри,
Аж вы хрисыяне православныи,
Аж вы бояре толстопузыи,
Аж вы все на пиру да поженены,
Девицы-красавицы за вас да повыданы,
30 А я холост хожу да не женат живу.
А и кто ж из вас мне невесту знат?»
Аж и все за столом приумолкнули,
За дубовыми да все приутихнули,
А и старшой хоронитца за среннего,
35 Аж и сренней-то хоронитца за младшего,
А от младшего князь не мог ответ держать.
А за тем столом да за серённиим,
Молодой-то Дунай да сын Иванович
А и стал говорить Дунай да таково слово:
40 «Аж как солнышко батюшко Владимир-князь,
А позволь-ко мне слово да вымолвить.
А за то слово да не казнить меня,
А не казнить да не вешати,
Не ссылать меня в ссылки дальнии».
45 Говорит тут ему Владимир-князь:
«Говори-ка-се, Дунай, да не упадывай,
Ты не ённого словечка да не утаивай,
Аж не будешь ты казнен, не будешь вешаен.
Не будешь выслан в ссылку дальнюю».
50 Говорит Дунай да таково слово:
«Аж и прежде живал в земли да в дальнеей,
В земли дальнеей да в неверноей,
А у князя я жил да у Лиховатого,
А и жил я у князя да ровно три года,
55 Аж и жил я у князя да конюхом,
Аж и конюхом да и придворником,
Аж и были у князя две дочери:
Аж одна была полянка да преудалая,
А и ездила она по чистым полям.
60 А втора была дочь Опраксея,
Ай Опраксея была дочь Семеновна,
Она особь жила да во горенке,
Она училась только престь и ткать,
Аж и престись да и шелком шить.
65 Аж и полным статна да полновозрастна,
Аж лицом бела да волосом руса,
А коса руса до долга волоса,

Аж и было бы кому перед князем стоять,
А и было бы кого княгиней звать».
70 А и говорил Владимир-князь:
«А и ты, Дунай да сын Иванович,
А и съезди-ко ты да посватайся,
Аж и дам тебе товарища по надобью».
Говорил Дунай сын Ивановиц:
75 «Как не надо мне многи́ товарыщи,
Аж и есть у меня три товарыща,
А и первой товарищ — сабля вострая,
А и второй товарищ — копье булатное,
А и третей товарищ — конь, лошадь добрая.
80 Аж дай-ко мне еще товарища,
А старого казака да Илью Муромца».
Аж стали удалы снаряжатися,
А и стали они собиратися,
А не видели поездки молоде́цкоей,
85 А не видели побежки лошадиноей,
Только видели — курева в поли стоит,
Курева стоит да пыль столбом летит.
Как скоро поехали да в поле чистое.
Как приехали они ко князю Лиховитому,
90 Как зашли во гри́ню княженецкую,
Аж у их там богу не молятца,
На все стороны только нонь поклоняютца,
А князю с княгинею да на особицу:
«А и здраствуй, Лихови́той-князь».
95 Говорил тут Лихови́той-князь:
«Уж ты здравствуй, Дунай сын Иванович,
Ты зачем приехал, сын, зачем пришел?»
Говорит Дунай сын Иванович:
«Я приехал тут нонь посвататьца
100 Ко твоей любимой дочери,
А к Опраксии да к Семеновне,
А за солнышко князя Владимира.
Аж и дашь добром, так добром возьмем,
А не дашь добром, так лихом возьмем да кровол
105 А недолго думали добры молодцы,
Они не сватались князю, не кланялись,
Они сорвали двери замчёные,
Они взяли Опраксею под руки,
Посадили на добра коня,
110 А старой впереди сел,
А Дунай-от позади сидит.
Говорит Опраксея да Семеновна:
«Уж вы есть, удалы добры молодцы,
Уж вы, руськие могучие богатыри,
115 За кого вы меня везёте нонце,
За себя берешь али за товарища?»
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Не за себя беру, не за товарища,
А за солнышко да за Владимира».

(Тут она и кончаетца. Я ее люблю эту старину, так вот и помню).

27

ПРО СТАВРА

В том Нове да в Новом во городе,
Уж как жил тут Ставёр да сын Годи́новиц.
Уж придумалось Ставру да приохотилось
Ему съездить-сходить да в стольной Киев-град,
5 Посмотреть-то князя да со княгинею.
Он стал-да просить да благословеньица
У своей родной матушки:
«Уж ты гой еси, моя родна матушка,
Ай чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
10 Аж ты дай мне-ка благословеньица,
Кабы съездить-сходить в стольной Киев-град,
Посмотреть-то князя да со княгинею».
Говорила ему да родна матушка:
«Ох ты ой еси, мое чадо милое,
15 Молодёшенек ты да зеленёшенек,
Ты поедешь, дитя, да во стольной Киев-град,
Ты не хвастай собой да добрым молодцом,
Ай не хвастай своим да конем добрыим,
Ты не хвастай своей да золотой казной,
20 Ты не хвастай своей да молодой женой,
А похвастай ты да мной, старой матерью,
Старой матерью да ты старым отцом».
У Ставра тут сердце да разгорелосе,
Скоро-наскоро ехать захотелосе.
25 Он-де скоро знуздал да коня доброго,
Он седлал седло черкальское,
Он подстёгивал двенадцать подпруг шелковыих,
А тринадцату подпругу через степь метал лошадиную,
А и не ради басы, ради крепости:
30 Не оставил кабы доброй конь да во чистом поли́.
А и не видели поездки да молоде́цкоей,
Не видели побежки да лошадиноей,
Только видели в поле курева стоит,
Удалой доброй молодец в стременах сидит.
35 Кабы скоро проехал да поле чистое,
Он приехал-де нонь в стольной Киев-град,
Ко той-де ко гри́не княженецкоей.
Он-де ставил коня к дубову столу,
Он вязал-де коня да к золоту кольцу,
40 Заходил-де во гриню да княженецкую,
Поздоровался со князем да со княгинею:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!»
Говорил тут ему солнышко Владимир-князь:
«Уж ты здравствуй, удалый доброй молодец!
45 Откуда ты едешь, куды путь держишь,
И как тя зовут да нонь по имени,
Нонь по имени да по извотчине?»
— «Зовут-то меня да Ставр сын Годинович,
Я живу-де Ставер да в Нове-городе,

50 В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем
И полным лицом живу доверенным.
У нас в Нове да праве городе
Добры молодцы живем да мы не старимся,
55 Светло платьице на нас не носитце.
А хоть износитца на нас да светло платьице,
Уж мы купим ново да лучше старого;
Золота казна у нас не тощитце,
А хоть истощитце у нас золота казна,
60 Так накопим казну больше старого;
Добры конечки у нас не ездятце,
Хоть изъездятца у нас да кони добрые,
Мы повырастим да лучше старых».
(*Я тут сбился, пожалуй*).
Посадили его да за дубовой стол,
65 Угощали его да сладкой водочкой,
На закуску подносили калачики да белкрупи́щаты.
Выпил Ставёр чару да зелена вина,
Он-де закусывал калачиком крупи́тцатым,
Он-де ве́рхню корочку на стол кладет,
70 А нижню корочку под стол гребет,
Серёдку калачика закусыват.
Говорит тут Ставёр да таково слово:
«Калачики у вас пахнут помёлышком,
А у нас-де у маменьки родимоей
75 У ней подики-те менные,
А помёлышки у ей шелковые,
А калачики у ей ешь, да пуще хочетца.
А калачик ешь — другой хочетца».
А эти слова князю да не пондравились,
80 А тут-де князю да за беду стало,
За великую досаду да показалосе.
«Какая-то неве́жа», — грит, — приехала,
Какая ворона да не жереблёная».
Посадил он Ставра сына Годинова,
85 Посадил в тюрьму каме́нную.
Услыхала там Ставрова да молода жена,
Услыхала там Ставрова да его матушка,
Говорит Ставрова ронна матушка:
«Кого же послать да выкупить Ставра?»
90 Говорила тут Ставрова да молода жена:
«Поеду я сама выкуплять Ставра сына Годинова,
Возьму я с собой да золотой казны,
Заплачу я много тысячей да золотой казны,
Уж я выкуплю Ставра сына Годинова,
95 Не возьму золотой казны, возьму сына безденежно».
А и скоро она да снаряжаласе,
Скоро того да собираласе,
Седлала-уздала да коня доброго,
Коня доброго да богатырского.
100 Поехала она да в стольной Киев-град,
Она приехала да в стольной Киев-град,

Она ставила коня к столбу дубовому,
Вязала коня да к золоту кольцу,
Заходила во гри́ню да княженецкую,
105 Говорила она да таковы слова́:
«Уж ты здравствуй, солнышко Владимир-князь да со княгинею».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты здравствуй, удалой доброй молодец,
Уж как тебя зовут, удала добра молодца, по имени?»
110 — «А зовут меня Васенька Акулович,
Еду я да из Нова́-города
Выкупить да Ставра сына Годинова,
Послала меня да Ставрова ронна матушка,
Она много дала мне золотой казны,
115 Золотой казны да много тысяци».
Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
«Отдать-де Ставра — да не видать будет,
А не отдать Ставра — да прогневить посла».
Говорит тут княгиня да мать Апраксия:
120 «А это не есть-де Васенька Акулович,
Это есь-де Ставрова да молода жена,
Она по полу ходит — ца́стенько ступа́т,
На лавочку садитце — коленцы жмет,
Коленцы жмет — знать кому берегёт,
125 А это есь-де Ставрова да молода жена,
Я слыхала да про Ставрову да молоду жену,
Кабы будто она поля́нка да преудалая».
Уж как выпустил тут солнышко Владимир-князь,
Выпустил Ста́вра сына Годинова
130 Из той тюрьмы да из каменноей:
«Уж ты ой еси, Ставёр да сын Годинович,
Я отдам тебя, Ставра, на выкуп да нонь безденежно,
Не возьму за тя да золотой казны,
Уж ты быть-ко мне да слугой верною,
135 Охранять да мой да стольне-Киев-град,
Как от тех богатурей да от неверныих».

(*Больше не знаю, забыл, попомнить не могу*).

28

СТАРИНА

[СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ]

Широка́ мать-Волга да под Казань пошла,
Кабы шире того да нонь под Астрахань,
А кабы долга́ дорожечка сибирская,
Широк переезд через сине море.
5 Протекала тут мать быстра́ река,
По названью-то реченька Смородина,
А по этой по речке нонь корабль бежал.
Да сколь кораблик разукрашеной:

Кабы нос да корма-то позолочена,
На середке стояло жарово баско деревцо,
О середке стояло баско деревцо,
На дереве флюгурка мотается,
Кабы лютая змея да извивается;
Аж как место ушей было привязано
Аж по красной лисице по гулящатой,
Кабы место бровей было прилиплено
По черному бобру да по осистому,
Кабы место хвоста было привязано
По серому волку да по рыскучему.
Корабль-от бежит, как сокол летит.

(*Боле не помню, всё забыл, начисто всё забыл*).

МАКАР ИВАНОВИЧ ЧУПРОВ

Макар Иванович Чупров в 1942 г. — шестидесятилетний крестьянин из дер. Крестовка, расположенной на правом берегу Печоры, в 115 км от Усть-Цильмы. Сюда переехал в 1909 г. с Пижмы из дер. Абрамовской. Одно время проживал в сел. Ерса, неподалеку от Крестовки. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Грамотный.

Знание былин перенял от отца И. Е. Чупрова, известного по сборнику «Былины Севера», т. I (Астахова, 1938, стр. 375—383). Былевой репертуар отца и сына имеет различие: М. И. Чупров исполнил былину о Садко, которую отец, ссылаясь на забывчивость, отказался в свое время спеть собирателям; в отличие от отца М. И. Чупрову свойственна манера придавать повествованию шутливый тон. Былины «Илья Муромец и разбойник», «Сорок калик» (начало) в основном текстуально совпадают с записанными от отца (Астахова, 1938, №№ 59, 62).

Характеристика сказителя И. Е. Чупрова у А. М. Астаховой вполне может быть отнесена к былинам его сына: «Былины Ивана Емельяновича очень характерны для современного состояния печорской традиции; в них еще более усилена вообще свойственная Печоре тенденция к крестьянскому обыденно-житейскому колориту, к сокращению и упрощению повествования» (Астахова, 1938, стр. 375).

29

ПРО СТАРОГО КАЗАКА

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ]

Как да ездил старой да по чисту полю,
По тому ли раздолью, по широкому,
Да стрелял он гусей да белых лебедей,
Побивал да он малых утёнышок.
Наезжают на старого всё станичники,
Как хотят да старика побить-ограбити
И с конем и с животом разлучить хотят.
Говорит тут старой да во первой након:
«Ой еси, ребята вы станичники,
Вы собаки-подорожники!
Уж вам бить-то меня да вовсе не за что,
Вам взять-то у меня теперь нечего:
Как дело-то у меня-то здесь заезжее,
Хлебы-то у меня завозные,
Золотой у меня казны с собой не взято,

Только есть у меня худа гунишка,
Худа гунишка да лисья шубенка,
А немножечко стоит она — восемьсот рублей».
Как тому ли станичники не веруют,
Всё поблизёшеньки к старому подвигаются,
Хотят старика да бить-ограбити,
С конем, животом разлучить хотят.
Говорил тут старой во второй након:
«Ой еси, ребята вы станичники,
Вековые вы собаки-подорожники!
Уж вам бить-то меня да вовсе не за что,
Уж вам взять-то у меня нечего:
Уж дело-то у меня-то заезжее,
Хлебы-то у меня все завозные,
Золотой казны с собой не взято».
Тому ли станичники не веруют,
Поблизёшенько к старому да подвигаются,
А хотят ли старика бить-ограбити,
С конем, животом разлучить хотят.
Говорил старой да в третей након·
«Ой еси, ребята да вы станичники,
Вековые вы собаки-подорожники!
Уж вам бить-то меня да вовсе не за что,
А взять-то у меня теперь нечего:
Дело-то у меня всё заезжее,
Уж как хлебы-ти да у меня все завозные,
Золотой у меня казны с собой не взято».
Тому ли станичники не веруют,
Поблизёшенько к старому да подвигаются,
Как хотят ли старика да бить-ограбити,
С конем и с животом разлучить хотят.
Берет тут старой да как тугой лучок,
Натягиват тетивочку шелковую
И накладыват стрелочку калёную.
Стрелил старой да всё в сырой дуб,
Он разбил, растрепал его в мелки дребезги
Тогда ль станичники приумолкнули,
Приумолкнули они и приужахнулись,
Посмотрели они да промежду собой,
Промежду собой много мёртвых есть.

30

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Во славном во городе во Киеве,
Уж как жили на заставе богатыри.
Атаманом-то был Илья Муромец,
Полутаманом Самсон да Колыбанович,
Алеша Поповиц жил во писарях,
Добрыня Никитич жил по поварах,
А Мишка Торопанец чашки, ложки мыл,
Чашки, ложки он мыл, да повареночки.

31

ПРО САДКА

Как во славном-то было да Ново-городе,
Собиралося народу да много-множество,
Собиралися купцы-гости торговые,
Собиралися попы-отцы духовные.
5 Они пели заутреню успенскую
И читали обедню воскресенскую.
Отходила заутреня успенская,
Отходила обедня воскресенская,
Выходили народ да все на улицу.
10 Уж как был тут Садо́к купец богатой,
Говорил тут Садок да таковы́ речи́:
«Я в Нове́-граде товары да все повыкуплю
И тридцать кораблей червлённых да я повы́гружу,
И на матушку на Волхов их повы́вожу».
15 Говорил-ле тут поп-отец духовный:
«Уж я бьюсь с тобой о велик заклад,
Как не о ста рублях да не о тысяче,
Уж я бьюсь да о своей о буйной голову,
Те в Нове́-граде товары-то все не выкупить,
20 Тридцать кораблей червлённых те не выгрузить
И на матушку на Волхов их не выводить».
Тут они бились с попом да о вели́к заклад,
Как не о ста рублях да не о тысяче,
Они билися о своих да буйных го́ловах.

Потом уже у Садка́ не стало денег, и в Нове-граде товаров больше стало.

32

О КАЛИКАХ

Как во той было во нижней малой Га́лице,
От того было от озера Масле́ева,
Из того было из царства да из Ефи́мова
Как вышли да прошли да все сорок кали́к,
5 Да сорок кали́к да со кали́кою.
Выходили они на чисто́ поле,
Клюки-по́сохи в землю все поты́кали,
Присвяты́е сумки они все развешали,
Говорили они да промежду́ собой:
10 «Мы идем нынче, робята, да в стольний Киев-град,
Мы положим-ко за́поведь тяжелую,
Тяжелую за́поведь, нелегкую,
Да кто из нас да заворуется,
Да кабы кто нынче из нас заблудуется,
15 Или кто еще позволит бабьей прелести,
Мы того будем судить да своим судо́м,
Своим судом мы кале́ческим:
Как глаза-те добудем мы сквозь те́мени,
Язык-говору́н вырвем с ко́реням».

ВАСИЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ НОСОВ

Василий Прокопьевич Носов, постоянный житель Усть-Цильмы, хорошо известен советским фольклористам по сборнику Астаховой, которая в 1929 г. от него записала 5 былин (Астахова, 1938, стр. 407—434).

В 1942 г. Василий Прокопьевич, 78-летний старик, встретил членов экспедиции довольно равнодушно. Однако очень оживился, когда ему показали его портрет в солидной книге и прочли отзыв о нем А. М. Астаховой.

Дребезжащим голосом Носов спел былину на сюжеты «Дуная» и «Скопина». Несмотря на очевидные пробелы памяти, Носов произвел своим исполнением большое впечатление. Былину о Скопине он не смог кончить, заявив: «Вот и все. Дальше не пели». Видимо, гордость профессионала не позволила сознаться, что память изменила ему.

33

О СКОПИНЕ

[ДУНАЙ-СКОПИН]

Во стольном во городе во Киеве,
Ай у ласкового князя да у Владимира,
Собирался тут почестен пир,
Со всех сторон, землей дальниих,
Про всех про русских богатырей,
Про всех христиан да православныих,
Про всех бояр да толстобрюхиих.
А все тут робята собиралися,
И все робята съезжалися
Ко тому ко солнышку Владимиру.
Пируют-столуют трои суточки,
Третьи-то сутки день до вечера.
День-от идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Со той со лавки, дубовой скамьи,
Ставает удалый добрый молодец,
По имени Скопин сын Иванович.
По полу Скопин похаживат,
Буйной-то головой он покачиват,
Желтыми кудрями он потряхиват:
Ти́ху-сми́рну речь приговариват:
«Прежде да я бывал-живал,
Бывал я езжал в земли дальние.
Во той земле да во Турецкие
У того я жил Семена Леховитого.
Три года я жил у него во конюхах,
Три года други жил во кучерах,
И три года я жил у него во писарях.
Немного прошло да поры-времечка,
Прокатилось-прошло-проминовалося,
Ровно как прошло да девять лет.
Были у Семена тогда две дочери,
Большая дочь — Авдотья Семеновна,
Злая полени́ца удалая,
Ездит-гулит всё во чистом поли,
Бьется-дерется со богатырями.

Меньшая — Афросинья дочь Семеновна,
Не бывала Афросинья на святой Руси,
Не видала она да каменной Москвы,
Сидит она да в тюрьмы крепкоей,
А в крепкой тюрьмы сидит в каменноей,
За семи́ма дверями за железными,
За семи́ма замочками немецкими,
За семи́ма оконенками хрустальными,
Не из простого стекла — всё немецкова.
Сидит она за столиком дубовым,
Она шьет-вышнват разны ширинoчки,
Божьи це́ркови со образами
И со попами, со дьяками и со причетниками».
После этого и после этого
Придумалось и приохотилось
Солнышку князю Владимиру
Жениться на Афросинье дочь Семеновне.
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«И кого нам послать да в землю дальнюю,
К тому Семену Леховитому,
Посватать Афросинию дочь Семеновну?»
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«А пошлем мы старого Илью Муромца,
А другого — Чурила Бладопле́нковича».
Говорит тут Добрыня таковы слова:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир-князь,
Чурила-то у нас роду невежлива,
Невежлива и неучеслива,
Не умеет он с людьми сойтись-съехаться,
Не умеет он как поздороваться,
Не умеет он как им честь воздать,
Пошлем-ка Добрыню Никитица:
Добрыня-то у нас роду вежлива,
Вежлива роду был, учеслива,
Умеет он с людьми сойтись-съехаться,
Умеет он с людьми поздороваться,
Умеет он ровно и честь воздать».
И стали тут робята сряжатися
И скоро стали собиратися,
Поезжают во ту землю дальнюю,
К тому Семену Леховитому,
О хорошем деле, о сватовстве,
За того за солнышка Владимира,
Захотелось солнышку пожениться.
После этого скоро робята отправлялися,
Скоро проехали они все болота чистые,
Прогони́ли все леса дремучие,
Подъезжают к тому высоку те́рему,
Ко тому Семену Леховитому.
Становятся к ограде ко дубовоей,
Ко тому крылечку ко косявчату,
Ко тому столбу и ко дубовому,
И ко тому кольцу золочёному.

90 Слезывают удалы добры молодцы,
Вяжут своих добрых коней
За то кольцо золочёное
И заходят на крылечко косявчато,
Заходят в гридни во столовые.
95 Они богу молятца по-писаному,
Молитву прочитали по-ученому,
И всем кругом поклонилися,
Со всема они поздоровались:
«Здравствуйте, Семен Леховитый,
100 Мы приехали к тебе по добру делу — о сватовстве.
Посвататьца вашу дочку Афросинью дочь Семеновну
За того мы за солнышка князя за Владимира,
Вашу дочь Афросинью дочь Семеновну».
Говорит тут Семен таковы слова:
105 «Вы сходите к моей дочке, Афросинье дочь Семеновной,
Во ту во ейну горницу,
За те за двери за железные,
За ти замки за немецкие,
Увидайте Афросинью дочь Семеновну».
110 Пошли робята к Афросинье дочь Семеновной,
Зашли они — поздоровались,
Низко ей поклонилися:
«Здравствуйте, Афросинья дочь Семеновна,
А мы приехали к тебе о хорошем деле — о сватовстве
115 За того за солнышка Владимира-князя».
А да Афросинья дочь Семеновна
На это им ответ держит:
«Да я такая, может, ему не по разуму?
Он со мною не видался,
120 А только слыхал в таких книгах и старинах,
Что есть такие-то у Семена Лиховитого две дочери —
Одна — Авдотья дочь Семеновна,
Зла поляница преудалая,
Ездит-гулит всё во чистом поли,
125 Другая — Афросинья дочь Семеновна
Живет в таком во тереме.
Заперта крепко она, заложена.
Это солнышку Владимиру придумалось-приохотилось
Ему на нас поженитися».
130 Вот они взяли Афросинью дочь Семеновну,
Пошли все к Семену Леховитому,
И порешились они и просватали.
И скоро тут робята отправляютца,
Из того города поезжают в свой стольный Киев-град.
135 И привезли они Афросинью дочь Семеновну.
Выходит скоро солнышко Владимир-князь,
Берет Афросинью за белы руки
И ведет ей во свою во гридню во столовую.
После этого и после этого
140 Сходили они во божью церковь
И скоро они тут повенчалися,
И стали они тут пировать и столовать.

И все на пиру напивалися,
И все на честно́м наедалися,
И все на пиру прирасхвастались.
А глупый-от хвастат своей молодой женой,
А средний-от хвастат своим отцом и своей матушкой,
А мудрый хвастат своей золотой казной.
И говорит Искудра дочь Малютина,
По полу похаживат,
Ти́ху-сми́рну речь она выгова́риват:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
Кого же нам послать Скопина позвать?»
Один говорит Чурила Пленкович:
«Кого мы пошлем Скопина позвать,
Пошлем мы опять Добрынюшку Никитица:
Добрыня у нас был роду вежлива,
Вежлива он был, учéслива,
Умеет он с ним сойтись и поздороватьце,
Умеет он ему честь воздать».
Говорит Добрыня таковы слова:
«Здравствуй, Скопин сын Иванович,
Я послан к вам послом скорым,
От солнышка Владимира,
Позвать просил он вас на почестен пир».
Скоро Скопин у нас тут сряжаетце,
Скоренько он сподобляетце,
Седлал он уздал своего коня доброго,
Закладывал уздечку-от тесмяную,
Накладывал седелышко черка́льчето,
И скоро накладывал на своего коня доброго,
Наложил он на него свой шелко́в пово́д,
И только он в струмена ступил,
И скоро на коня скочил,
И отправились робята до́бры мо́лодцы
Ко тому ко солнышкуВладимиру на почестен пир.
Стали робята пировать и столовать,
Стали они забавлятися разными играми.
Вставает Скопин на резвы́ ноги́,
Говорит Скопин таковы́ слова́:
«Прежде досель я, молодец,
У Искудры-то я на коленях си́живал,
Бе́лы груди у ей в руках де́рживал,
Уста-то у ей целовывал».
И это Искудры за беду́ стало,
За велику ей досаду показалосе.
(*Как была у Владимира в горницах, это ей не понравилось*).

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ КИСЛЯКОВ

Иван Григорьевич Кисляков — постоянный житель Усть-Цильмы. В 1942 г. ему было 67 лет. Кроме былины «Дюк Степанович», от Кислякова записано 16 сказок. Сказки для Ивана Григорьевича — наиболее близкий жанр, и былина о Дюке воспринята и усвоена им как сказка.

34

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Не белая березынька шатаетце,
Не лазоревы цветы расстилаютце,
Молодой Дюк сын Степанович поклоняетце,
Падает своей матушке во резвы ноги,
5 Просит у ей благословеньица
Съездить-сходить в стольний Киев-град,
Посмотреть там князя со княгиною,
Посмотреть там бояр большебрюхиих
И посмотреть там богатырей преудалыих.
10 Не давает ему мать благословеньица
Ехать-итти в стольний Киев-град:
«Молодёшенек ты, зеленёшенек,
Не умеешь ты с людьми сойтись-съехаться,
Не умеешь с ними поздороваться».
16 Во второй раз падает во резвы ноги,
Во второй раз просит благословеньица
Съездить-сходить в стольний Киев-град,
Посмотреть князя со княгинею,
Посмотреть бояр большебрюхиих.
20 Всё-таки мать не дала благословеньица:
«Молодёшенек ты, чадо милое,
Чадо милое, одинокое,
Не смею я тебе дать благословеньица,
Ты рассоришься с людьми проезжими,
25 Да набьют тебя понапрасну ведь»,
В третьей након в ноги падает,
Таковы речи выговариват:
«Если дашь благословеньица, я поеду,
А не дашь благословеньица, я пешком да пойду».
30 Мати родимая заплакала, зарыдала горькима слезами:
«Настойчиво ты, неохотливо».
Дала ему благословеньица:
«Поезжай ты с богом, чем пешком итти».
Мать ему наказывает:
35 «Не пей ты там зелена вина,
Не хвастай своей удачей молодецкоей,
Не хвастай богатством превеликиим,
Не хвастай мной да старой матушкой».[1]
Вот дала благословеньица,
40 Пошел Дюк сын Степанович на конюшен двор.
Пошел на конюшен двор,
Повыбрал себе коня доброго,
Коня доброго, троелеточка.
(*Богатство его было — обценить никто не могли*).
Выбрал коня троелеточка,
45 Седлал-уздал добра коня
Во двенадцать войлышков, во двенадцать потничков,
Не для басы — для крепости.

[1] Стихи 34—38 вставлены сказителем позже.

Наверх клал седёлышко зеркальчато,
В струмена́ ступил, на коня заскочил,
50 Потом не видели поездки молоде́цкие,
Только видели — в поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, да дым столбом валит.
Ме́лки речки конь перешагивал,
Крупны реки перескакивал,
55 Скакал конь с ука́тистой на ува́листой.
Мелки леса он промеж ног брал,
Крупны леса перескакивал.
Выезжал Дюк сын Степанович
На раздолье поля на великое,
60 Вынимал трубочку подзорную,
Смотрел на все четыре стороны;
По западной стороночке — сер каме́нь лежит,
По северной сторонушке — моря широкие,
Под восточноей сторонушке — леса дремучие,
65 Под летней сторонушке увидел стольний Киев-град стоит.
Подъехал к стольне-Киев-граду,
Заехал в стольний Киев-град,

Народу совсем вольного нету, по дороге шляющегося, увидел только малы ребятушки бегают, малят.

«Ох вы, малы ребятушки,
Знаете ли, где палаты белока́менны
70 Солнце-батюшки Владимира-князя?»
Подъехал к палате белока́менной,
Вяжет коня за парадное крыльцо,
За парадное крыльцо, за золото кольцо,
Заходит безо всякого докладица,
75 Безо всякого решения.
Отворят двери широкие,
Молится по старой религии,
Кланяется во все стороны.
Мать выходит княгиня Апракси́ния:
80 «Куда же ты, добрый молодец, направился,
Куда, добрый молодец, путь держишь?»
— «До вас, княгиня великая, посмотреть вас
И посмотреть всех ваших людей подданных,
Где же солнышко, бат, Владимир-князь?
85 Не видать его в палатах белока́менных».
— «Ушел он, сегодня день у нас воскресенье,
Ушел он в церковь божию,
Помолиться да господу-богу».
И пошел Дюк Степанович во божию церкву,
90 Стает Чуриле Никитиче (*главный генерал*) под праву руку,
Солнышку-батюшке под леву руку,
В середину идет, себя не низит молодец.

Потом все богатыри изумилисе, что за такой, растолкал всех. Стали его спрашивать: «Откуль ты приезжал, какого роду-племени?» А он им ответ: «Не то поют теперь, не то слушают, разговора постороннего не может быть, сейчас молятся.

Господу-богу молиться надо с понятием,
С понятием да с усердием».
95 Отошла служба воскресенская,
И пошел народ из храма божьего
По своим домам, всяк во свой дом.

Солнышко повел гостя с собой, народу волнение стало: приехал какой великой человек, не простой, приехал к Солнышку без докладу, в церкви Чурилу отпихнул. По всему городу молва пошла.

У Солнышка пошел почестен пир. Расставляют столы. Собрал гостей самых сильных богатырей, самых почетныих.

Вот на пиру стали все веселёшеньки,
Все стали пьянёшеньки.
100 Дюк Степанович от калачика верхню корочку откладывает,
Нижню корочку под стол кладет,
Серединку откусыват.
«Верхня корочка пригорелая у вас,
Нижня корочка призадымлена,
105 А у моей матушки — помелочко шелковое, подики серебряны,
Один калачик съешь — по другом душа горит».

А богатые бояре его обнесли:

«Что ты за невежа, за скотина такой,
Наш пир не во что кладешь, паря, ничем считашь,
Всех нас богатых да бояр не тем зовешь!

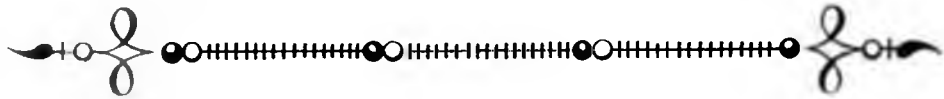
У нас есть богатыри такие — тебя возьмут, на одну долонь посадят, другой долонью придавят».

110 С Чурилой Никитичем они прирасхвастались
Своей удалью великою.
Стали биться о велик заклад:

через Неву-реку который перескочит, а не перескочит — с того голова долой. Наш Дюк Степанович не подаваетце: «Не дорожу я своей головушкой, бьюсь я и документы пишу о своей головы». Поехали к Неве-реки с Чурилой Никитичем на добрых конях. Чурила Никитич скочил — в реку упал со добрым конем, плавает всё там на реке, а Дюк Степанович скочил — через перескочил, перескочил — обратно скочил, Чурила Никитича хватил за белы волосы и со всем конем обратно скочил.

Вот сейчас Дюк Степанович хочет рубить голову Чуриле. Стали его упрашивать: «Первой вины да бог простит». Дюк сын Степанович и простил первой вины. Опять сделали пирушку. А он опять расхвастался: «Вам не описать у меня богатство великое — чернил, бумаги не хватит».

Матушке письмо в погорелку с конем послал. «Мне матушка пришлет одежду чистую, богатую, — вам такой не видать». Матушка заплакала, зарыдала. Нашла самоцветное платье самое дорогое. (*А его уж там заарестовали почти*). Вот привез конь одежду великую. Дюк Степанович обрядился в самоцветную пальто и шапку и всё наложил. Одежда была, как зеркало. А по пуговкам проведет, каждая пуговка своим голосом поет. Цены дать не могли. Пошли конюшен двор описывать. Тоже цены не могут дать. Всё описали и опять сделали пир. Покорил Дюк сын Степанович, покорил он богатырей богатством всех, покорил он стольний Киев-град. И Дюк стал почётный гражданин, по всему земному шару славится.



УСТЬ-ЦИЛЕМСКИЙ РАЙОН

1955 г.

НИКИТА ФЕДОРОВИЧ ЕРМОЛИН

Н. Ф. Ермолин — постоянный житель дер. Трусовской на реке Цильме (Усть-Цилемский район Коми АССР), домовитый, степенный хозяин, уважаемое и видное в колхозе лицо. Грамотный. Здоровый, кряжистый человек, он, несмотря на свой уже преклонный возраст (в 1955 г. ему было 70 лет), отнюдь не выглядел стариком.

Былины Н. Ф. Ермолин знает смолоду, выучившись от сказителей, которых слышал на Цильме и Печоре. Как былинщик известен издавна по всей округе. По словам односельчан, когда он, бывало, прежде певал, сидя на берегу Цильмы, люди вдалеке на пожнях принимали его голос за рев пароходного гудка, настолько «окатистый» был у него голос.

В прежнее время владел разнообразным былинным и песенным репертуаром (сказок не знал), но ко времени записи многое уже было забыто. Все же и в 1955 г., кроме былин, хорошо знал еще много старых песен и прекрасно их исполнял. От него записаны старые солдатские и исторические песни («Поле турецкое» и др.) и ряд бытовых и любовных. Записанные от Н. Ф. Ермолина былины и былинные фрагменты характеризуются выдержанным былинным стилем при лаконичности изложения.

Свое знание былин и песен Н. Ф. Ермолин частично передал младшей дочери, Полине Никитичне Рочевой, живущей в той же дер. Трусовской (в 1955 г. ей было 30 лет).

35

СТАРИНА ПРО СТАРА КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА

* Собиралсе старо́й да в путь-дорожочку,
А во ту он субботу да во христовскую,
А к заутренни поспеть во стольнёй Киев-град.
Ах всё прямым-то путем туда пятьсот тут ве́рст,
Ах окольниим путем дак восемьсот тут ве́рст.
Прямоезжа-то дорожка да заколодела,
Ах калиновы мосты все разворочены,
Заселилсе там Соловей да сын Рахматович.
Ах сряжалсе старо́й да в путь-дорожочку,
Ах как складывал он заповедь великую:
«Как-де бы в пути-то ле мни да во дорожочки
Ах как рук бы ды своих да не кровавити».
Ах поехал старо́й да в путь-дорожочку,
Ах приехал старо́й во Быкето́вец-град.
Ах как те ле мужики да быкето́вския
А все ходят во слезах да во великиих,
Ах напала на них литва поганая.

Ах как стал тут старой да подраздумалсе:
«Ах как всякий-то заповеди вкладыват,
20 Ах не всякий же заповедь испалниват».
Ах начал он тут бити литву поганую,
Не оставил поганыих на семена.

Никита Федорович Ермолин. С портрета художника Л. В. Коргузалова.

Ах как те ли мужики да быкетовския
Ах тащат тут они да злато-серебро.
25 Говорил тут старой да Илия Муромец:
«Мне не надо ведь вашо да злато-серебро,
Попросите-ка вы мне да могучей силы».
А поехал старой да в путь-дорожочку.
Ах заслышил Соловей да сын Рахматович,
30 Как едёт удалой да доброй молодец.
Засвистал Соловей по-соловьинному,

Замызгал тут собака да по-собачьему.
У Ильи ведь тут конь да на колени пал.
Ах как бил-то Илья да по крутым ребрам:
35 «Ах ты волчьяя сыть да травяной мешок,
Не слыхал воронина да всяка граянья,
Не слыхал ты сорочьего кычиканья?
Ах от свиста-то ты да на колени пал».
Ах снимал тут Илья с себя тугий лук,
40 А как вкладывал он стрелочку каленую,
А как вкладывал он стрелку да приговаривал:
«Ах лети-ко, моя стрела каленая,
Ах лети-ко Соловью да ты во правый глаз,
Ах как выйди, стрела, да во лево ухо».
45 Ах свалилсе Соловей да сын Рахматович.
Ах подъехал старой да Илия Муромец,
Ах схватил он Соловья да за белы руки,
Пристегнул он ко стремени булатному,*
Ах поехал старой во стольной Киев-град.
50 Ах приехал старой-то ли ко к обеденке,
Ах отслужили уже службу христовскую.
Говорит тут старому да Владимир-князь:
«Ах как что же ты, Илья, да опоздал сегодня?»
Говорил тут Илья да таковы слова:
55 «Получилось две одержки тут великие:
Ах как первая одержка да вот Быкетовец-град,
Ах напала на него литва поганая,
Ах разбил я их да растоптал да до единого.
А втора одержка да Соловей-разбойничек».
60 Ах говорил тут как солнышко Владимир-князь:
«Ах не ври-ка, Илья, нас не обманывай,
Что Соловей будет у тя да здесь прикованной».
— «Ах идемте со мной вы ко добру коню,
Ах увидите там Соловья-разбойника».
65 Ах пошли тут они ко добру коню,
Говорит тут да солнышко Владимир-князь:
«Засвисти-ка, Соловей, по-соловьиному,
Замызхай-ка, собака, да по-собачьему».
Говорит Соловей да сын Рахматович:
70 «Не твое я пью-ем, не у тя я кушаю,
Не тебя я хочу да нонь ведь слушати».
Говорил тут старой да таковы слова:
«Засвисти-ко, Соловей, да только в полсвиста».
А как солнышко князь тут на колени пал.
75 Ах как вынул старой тогда булатной нож,
А прирезал-приколол Соловья на смерть тогда.

36

СТАРИНА «СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ»

Долга дорожечка сибирская,
Как широк-ы переезд через синё море,
Чрез синё море, как широка ли мать-Волга да под Казань пошла,

Еще шире того пошла под Астрахань.
Тут протекала, пробегала да мать быстра река,
По названию-ту реченька Смородина.
Она устьем-то пала да в Волгу-матушку,
Ах как Волга-то пала да во синё море,
Во синё-то море да во Каспийское,
Во Каспийское морюшко беспроли́вное.
Как по синему-ту морю да нонь корабль бежит,
Ах корабль-от бежит, ровно сокол летит.
Баско-хорошо кораблик да изукрашеной:
Ах как нос-де корма да позолоченой,
Как по дорогу камню да самоцветному
Ах как вместо-то очей да было врезано,
Ах по черному соболю по заморскому
Ах как вместо-то бровей было приклеено,
По сизу еще бобру да по осистому
Ах да вместо ушей было пришитое,
Ах по серому волку да по рыскучему
А как вместо ле ног да было вдолблено,
Ах по черному моржу да по подлёдному
Ах как вместо-то ли туши да было впилено,
Ах по красной лисице да по бурнащатой
Ах как вместо хвоста было привязано.
Ах у этого черлёна да больша корабля
Ах как нос да корма да по-звериному,
Он и хобот-то мечет да по-змеиному.
На середочке стояло жарáво дерево,
Наверх дерева фли́герка шатаетсе,
Ровно лютая змея да извиваетсе.
Ах как скоро добегал да наш черлён корабль
Ах во те еще во летны да тихи гавани,
Ах во те еще пристанища корабельные.
Опускали они паруса полотняны,
Ах метали они якоря булатные,
Ах как сходни-ти клали да концом на берег.
Ах как стал тут Соловей да собиратисе,
Ах как стал тут Будимирович сподоблятисе,
А как брал он с собой тогда гостинечки,
Ах гостинечки он брал с собой подарочки,
Во первых-то, он брал с собой лисиц пару,
Во вторых-то, он брал с собой куниц пару,
Еще сорок сороков да чёрных соболей,
А княгине-то он брал хрущату камку.
Ах пошел тут Соловей да Будимирович,
Впереди-то Соловья да всё сукна стелят,
Позади-то Соловьюшка в трубу катят.
А зашел он в ограду да княженецкую,
Из ограды-то зашел да на круто крыльцё,
Со крута-то крыльца да во новы сени́,
Из новых-то сеней да в нову горницу.
Во первой терем зашел, да тут щелчат-молчат,
Ах щелчат-молчат, да богу молятсе,
Во второй терем зашел, да тут щелчат-молчат,

Ах щелчат-то молчат, да ествы стряпают,
Во третий терем зашел, да ко князю пришел.
Он поклон-от ведет да по-ученому,
Он ведь крест-от кладет да по-писа́ному,
На все стороны Соловей да поклоняетсе,
А князю-те со княгиней да на особину:
«Уж ты здравствуешь, король земли Литовскоей,
Уж ты здравствуешь, княгиня да мать Евпра́ксия».
— «Уж ты здравствуешь, уда́лой да доброй мо́лодец,
Я не знаю, как назвать тебя по имени,
Я не знаю звеличать да по отечеству,
Я не знаю тебя, да вы какой земли,
Ах какого вы села, какого города»?»
— «Ах земли-то ле я буду у Индийскоей,
Ах как города я буду Ростовского,
Ах зовут-то меня да нынче Соловей,
По отечеству зовут да Будимерович».
— «Ты зачем сюда пришел, зачем приехал же,
Уж ты то́рги торговать, али житьем пожить?»
— «Я не то́рги торговать да не житьем пожить,
Я приехал сюда да к вам посвататьсе
На любимой-то на вашей да на племяннице,
Ах на той ли на Аннушке Потятичной».

37

ПРО ЧУРИЛУ

Выпадала пороха да снегу белого,
Ах-ы не пору порошица, не во́времё,
Как серёдь конца лета да о Петро́ва дни.
Ах как по этой по порохе да не ушкан скакал,
Не ушкан тут-то скакал, не горносталь рыска́л,
Ах-ы бежал тут-то Чурила да Бладокле́нкович
Ко чужой-то жене да он к Пермякиной.
Увидала его девушка-чернавушка,
Молодая Пермякина служаночка:
«Уж ты гой еси, Чурило да Бладокле́нкович,
Ты чужу пашню пашешь, а своя-то стоит,
Ты чужу-то жонку любишь, а своя так живет.
Уж я пойду, схожу да Пермяты скажу».
— «Не ходи-ко, служанка, ты еще не сказывай,
Я куплю тебе серёжечки с подвесточкой,
Заплачу я за серёжки да двадцать пять рублей».
— «Мне не дороги да твои златы серёжечки,
Только дорога́ мне да правда да истина».
Ах забралсе Чурила да в теплу спаленку,
Ах разулсе, разделсе да по-домашнему,
Ах сафьяны-ти сапожечки ле под лавочку,
Ах как шапочка, рука́вочки на лавочке,
Ах как цве́тно-то платьице на грядочке.
Увидала его девушка-чернавушка,
Ах молодая Пермякина служаночка:

«Уж ты ой еси, Чурила да Бладокленкович,
Ты чужу пашню пашешь, своя так стоит,
Ты чужу жонку любишь, а своя так живет.
Уж я пойду-то схожу да Пермяты скажу».
— «Не ходи-ко-ся ты еще не сказывай,
Я куплю тебе сапожечки зелён сафьян,
Заплачу я за сапожки пятьдесят рублей».
— «Мне не дороги твои будут сапожечки,
Только дорога мне да правда-истина».
А пошла же тут девушка-чернавушка:
«Уж ты гой еси, Пермята да сын Васильевич,
Заскочил к тебе конь да в зелены сады,
Он ведь топчет твою да шелкову траву».
Ах Пермята на это был догадливый,
Ухватил он с собой да саблю вострую,
Ах бежит тут Пермята да в теплу спаленку,
Ах лежит тут Чурила да с молодой женой.
Ах срубил он Чурале да буйну голову.
«Уж ты кайсе-ко, баба, да во первом грехе,
Я прощу еще твою беду великую».
Говорила Пермяты да молода жена:
«Где бел лебедь лежит, пускай ляжет лебёдушка».

38

СТАРИНА ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА

Ах как прежде Рязань да слободой слылась,
Ах как нонь-то Рязань да славным городом.
Ах во той еще во Рязани да славном городе
Ах как жил тут Никитушка, не старилсе,
Середи веку Никитушка преставилсе.
Ах осталась у Никиты да молода жена,
Молода его жена, сама беременна.
Ах осталось у Никиты да дорого семе,
Уродилось у Никиты да золото чадо,
Ах как дали ему хорошо имечко,
Ах как имечко дали ему Добрынюшка.
Ах Добрынюшка растет, да точно цвет цветет.
Он достиг-то Добрыня да до двенадцать лет,
А и стал он ходить да на конюшен двор,
А и стал он шутить шутки немалые,
Ах немалые шутки да богатырские.

(Дальше было забыто. Добрыня едет на заставу, защищает родную землю и получает звание богатыря. Но спеть про все это исполнитель не смог).

39

СТАРИНА ПРО ВДОВУ ПАШИНУ

*Как была-то жила да молода вдова,
Молода-то вдова да вдова пашина.
Как у той ле вдовы да было пашиной
А как много было да детей малыих,

5 Ах как девять сынов да вот и три дочери.[1]
А как все ли сыновья у ней повыросли,
А как все у ей дочери были на возрасте.
А как ети да робята да во разбой пошли,
А едину сестру взамуж повыдали.
10 А повыдали сестру да за синё морё,
За синё-то море да красовитое,
За купця-то ей выдали за богатаго,
За хресьянина выдали за хорошаго.*
Она год она жила да не стоснуласе,
15 Ах на другой год жила да в уме не было,
А на третьем-то году да сына родила,
А на третьем-то году да ей прискучилось,
А у батюшка она да попросиласе,
У свекровушки молодка да доложиласе:
20 «А кабы съездити нам с мужем да за синё морё,
Посмотреть-то на своих родных родителей».
Как поехали они да за синё морё,
А как ехали с утра да день до вечера,
А как стала наставать-то ноченька темная,
25 Как пристали они ко круту бережку,
А как стали да тут они ноченьку ночевати,
Как напали на них да разбойнички.
Ах как мужа-то взяли да зарезали,
А как мальчика-то взяли, да в воду бросили,
30 А жену-то бедну да пообидели,
А имущество они да всё разграбили.
А как тут же разбойнички напилисе,
А как тут же разбойнички наелисе,
А как тут же разбойнички заснули все.
35 Как один из них разбойничек не спит, сидит.
Говорил тут разбойник таково слово:
«Ты скажи-ка, вдова бедна, обижена,
А какого ты есть да роду-племени,
А какого же есть да отца-матери?»
40 Говорила-то вдова бедна обижена:
«А как есть-то ле я из-за синя моря,
А как той ли вдовы я бедной пашиной».
Говорил тут разбойничек да таково слово:
«Вы ставайте, братья да всё разбойнички,
45 А как что же мы, братья, наделали,
А каку ведь мы обиду что нагрезили,
А как зятя-то мы взяли зарезали,
А племянника-то взяли да в воду бросили,
А сестру-то бедну да пообидели,
50 А имущество у них да всё разграбили».
Ах как тут же разбойнички проснулисе,
А как тут же разбойнички расплакались,
Во грехах-то своих богу раскаялись.
А как с той же поры, с того ли времечка
55 Ах разбой-то они совсем покинули.

[1] Одновременно другой голос пел: «Да младых три дочери».

40

МАЛЕНЬКАЯ СТАРИНА

[КНЯЗЬ ДОЛГОРУКИЙ И КЛЮЧНИК]

Допьяна наш ключник да напиваетсе,
Во хмелюшках-то ключник-то похваляетсе:
«Я у князя-то живу да ровно тридцать лет,
Я с княгинёй-то живу да ровно три года».
5 Скоро-наскоро дослали да самому князю,
Приказал-то ле князь его повесити.
Ах как ключника во петелке повесили,
Ах как ключничок во петелке качаетсе,
А княгиня-то во тереме кончаетсе.
10 Ах как ключника во петелке повесили,
А княгиня та сама себя зарезала,
Ах зарезала себя да по белым грудям,
Ах не жалко ей было да жисть прекрасную,
Только жалко ей было любови ключничка.

ЛАЗАРЬ МОИСЕЕВИЧ НОСОВ

О Л. М. Носове из дер. Кривомежной на реке Цильме как хорошем сказителе было известно еще участникам печорской экспедиции 1942 г. Карело-финского университета. Но Лазарь Моисеевич находился тогда на отдаленной тони и произвести от него записи не удалось. Записаны были лишь 7 былин от его жены, А. А. Носовой (см. в настоящем сборнике №№ 1—7). Из них некоторые она усвоила от мужа.

В 1955 г. это был маленький, приветливый, добродушный старичок 76 лет. Несмотря на свой возраст, он был еще очень подвижен, часто уезжал на разные промыслы. В разговорной речи сыпал прибаутками, глядел весело, бойко. Участники экспедиции встретили его случайно, в пути, и тут же в поле, под дождем, на краю канавы Лазарь Моисеевич, спешащий куда-то по своим делам, охотно спел превосходный вариант былины о Хотене Блудовиче («Фатенко») и начало былины о бое Добрыни с Дунаем. От него записано также несколько старинных песен.

Л. М. Носов грамотный, но на его сказительство книга не оказала влияния, он научился былинам еще смолоду от местных стариков, с которыми хаживал на промысел. В записанной от него былине «Фатенко» очень ясны черты местной устной традиции и вместе с тем обнаруживаются своеобразные детали, по-видимому, внесенные самим исполнителем. Возможно, если бы с ним побыть дольше и в более удобной для записи обстановке, он мог бы сообщить и больше. Но многое из прежнего репертуара уже и забыто, как и он сам об этом говорил. По словам сказителя, он всегда любил больше былины про семейные дела богатырей, чем воинские («про то, как они дерутся»).

До сих пор Лазарь Моисеевич известен в округе, как один из лучших мастеров-сказителей Усть-Цилемского района.

41

ПРО ФАТЕНА

*Как мы сидели на пиру дак две честны вдовы,
Две честны были вдовы дак две боярины,
Как одна была Маринка да Чусова вдова,
Как друга была Овдотия, вдова-то Блудова.
5 Наливала тут Овдотия да чару зелена вина,
Не велику и не малую—полтора ведра,

Подносила она Маринке да Чусовою вдовы,
Как за чарой сама речь дак выговаривала:
«Уж что же нам людьмы с тобой заменятисе,
10 Уж что же нам добрыма да засылатисе,
Как у мня-то ведь есть дак дорого чадо,
Дорогой у мня есть дак сын Фатенушко,
Как у тя-то ле есть дак дорога дочёрь,
Дорога ли твоя Савишна Чусавишна.
15 Как не можно ле с тобою нам их вместях свести,
А вместях-то их свести дак сватовсьво-то завести?»
Уж как тут нонче Маринке да за беду-то стало,
За велику ей досаду да показалосе.
На отмашку ёна чару-ту отводила,
20 Разливала ету чару да зелена вина
Как по всем-де по столам, столам дубовыим,
Как по тем-де по столешенкам кедровыим,
Как по тем-де по скатёрочкам шитым-браныим,
Как по тем-де по питьям-ествам сахарныим:
25 «Как у мня-то ведь есть дак дорога дочёрь,
Дорога ле моя Савишна Чусавишна,
Как у тя-то ведь есть дак сын Фатенушко.
Как отец-от у его был да блудно блудишшо,
Уж как он-то юродилсе дак чудно чудишшо.
30 Он по городу по Киеву шатаетсе,
Будто дикая собака да искитаетсе,
Как вот бродит он под хлёв, под избу, как будто курица,[1]
Где зерна-то ведь найдет, дак и тут и сыт живет,
А зерна-то не найдет — живет он голоден».
35 Уж как тут нонче Овдотии да за беду стало,
За велику ей досаду да показалосе,
Как ставала тут Овдотия да со честна пиру,
Выходила тут Овдотия дак вон на улицу,
Как брала тут Овдотия своёго коня доброго,
40 Как садилась тут Овдотия да на добра коня,
А поехала Овдотия к своёму терему.
Как ведь едет тут Овдотья ко своёму терему,
Повеся дёржи́т свою дак буйну голову,
Потопя дёржи́т свои дак очи ясные.
45 Как взглянул ведь у ей Фатенко да вон на улицу,
Как взглянул ведь он в окошечко косявчато,
Как взглянул ведь он в стеколышко хрустальнёе,
Он увидел свою маменьку родимую:
«Уж как едёт моя маменька со честна пира,
50 Уж как едет ведь родима не по-старому,
Уж как едет моя маменька не по-прежнему,[2]
Повеся дёржи́т свою дак буйну голову,
Потопя дёржи́т свои дак очи ясные».

---

[1] Стихи 32, 42—44, 55 при вторичной записи былины (на магнитофон) пропущены.
[2] Вариант стихов 49—51 в звукозаписи:

«Уж как едет моя маменька не по-старому,
Уж как едет ведь родимая не по-прежному».

Как въезжает тут Овдотья ко высоку терему
55 Выбегает тут Фатенко дак вон на улицу,
Он стречает свою маменьку родимую: [1]

Лазарь Моисеевич Носов.

«Уж и что же, моя маменька, едешь не по-старому,
Уж ты едешь со честна пира да не по-прежному,[2]

[1] Вариант стиха 56 в звукозаписи:

Выбегает он дак и маменьку нонь всё спрашивает:

[2] Вариант стиха 58 в звукозаписи:

«Уж и вся-да ты ведь едешь да не по-прежному».

Повеся дёржишь свою дак буйну голову,
60 Потопя дёржишь свои дак очи ясные?»
Говорит ведь ему маменька родимая:
«Как мы сидели на пиру дак две честны вдовы,
Две честных были вдовы да две боярины,
Как одна была Маринка да Чусова вдова,
65 Как друга была Овдогия вдова-то я Блудова,
Я наливала тут Маринке да чару зелена вина,
Не великую, не малую — полтора ведра,
Подносила я Маринке да Чусовою вдовы,
Как за чарой сама речи да выговаривала:
70 „Уж что же нам людьми с тобой да менятисе,
Уж что же нам добрыми да засылатисе,
Как у мня-то ведь есть да дорогой ведь сын,
Дорогой ли у мня ведь сын да есть Фатенушко,
Как у тя ведь есть да дорога дочёрь,
75 Дорога ли твоя Савишна Чусавишна,
Дак не можно ли с тобой нам их вместях свести,
Как вместях-то их свести, сватовство-то завести?“
Уж как тут нынче Маринке за беду стало,
За велику ей досаду показалосе.[1]
80 На отмашку она чару тут отводила,
Разливала эту чару да зелена вина
Как по тем-де по столам, столам дубовыем,
Как по тем-де по столешенкам кедровыим,
Как по тем-де по скатёрочкам шитым-браныим,
85 Как по тем-де по питьям-ествам сахарныем,
Как за чарой сама речь дак выговаривала:
„Как отец это у его был да блудно блудищо,
Уж как он-то уродилсе дак чудно чудищо,
Как по городу по Киеву шатаетсе,
90 Будто дикая собака да искитаетсе,
Как вот бродит он под хлёв, под избу, как будто курица,
Где зерна-то ведь найдет, дак тут и сыт живет,
Как зерна-то не найдет — живет тут в голоде“».
Уж как тут нынче Фатену да за беду стало,
95 За великую досаду показалосе.[2]
Выходила тут Овдотия вон на улицу,
Как отвязывала своёго да коня доброго.*
Он заскакивал, Фатенушко, да на добра коня,
Погонил он ведь ко Марине ко высоку терему.
100 Она-то была, Маринка, да нынче хитрая,
Она выскакивала она нонь вон да на улицу,
Подняла она ведь форточку кленовую.
Как на то ведь был Фатенушко догадливой,
Как увидел он ведь форточку кленовую,
105 Как ударил своёй палицей буёвою,
Раскатились ейны форточки на мелки дребезги.

---

[1] Стихи 69—70 в звукозаписи пропущены.
[2] Вариант стихов 94—95 в звукозаписи:

Уж как тут нынче Овдотии да за беду стало,
За великую ей досаду да показалосе.

Как приганивал Фатенко к высоку терему,
Как ударил тут Фатенко своей ведь палицей,
Как рассыпалсе у ей терем по окошечкам.
Как ведь тут-то выходила Маринка да вон из терема,
Как схватила она свою дочерь за белой платок,
Как вытаскивала она ей на улицу,
Как запихивала Фатенке на добра коня,
Называла тут Маринка любимым-ле зятём.
Как поехал тут Фатенко во божью церкву,
Тут ведь нынче Фатенко повенчалсе-то.
Тут поехал наш Фатенко ко своёму терему.
Как увидела его маменька родимая:
Уж как едет нонь Фатенко, да поженилсе-то».

42

ПРО ДОБРЫНЮ

*Уж как ездил Добрыня да по чисту полю,
Он завидел, Добрыня, да там шатер стоит,
Уж как русски-те шатры были белобархатны,
А как тот-то-де шатер дак чернабархатнай.
Как поехал Добрыня да ко черну шатру,
Он ведь ставил коня да к дубову столбу,
Он ведь вяжет коня да к золоту, кольцу.
Он заходит, Добрыня, да во чернаей шатер.*
Тут стоит нынь бочка да с зеленым вином.
Он напилсе, наелсе, да стал пьянёшенек,
Пьянёшенек стал да веселёшенек.
Он ведь стал по шатру нынче похаживать,
Он стал шатер нонь подергивать.
Уж как вырвал шатер на мелки дребезги,
Уж как сам тут упал на мать сыру землю,
Он засыпал честным богатырским сном...

ТИМОФЕЙ СЕМЕНОВИЧ ДУРКИН

В 1955 г. это был глубокий старик (84 года), болезненный и слабый. Постоянный житель Усть-Цильмы. Грамотный.

Былины Т. С. Дуркин знал с десятилетнего возраста. Первым учителем-сказителем у него был дядя по матери, Семен Васильевич Дуркин, живший в дер. Кемгорт Усть-Цилемского района. Позднее молодой Т. С. Дуркин пел былины на промысле со стариками, в частности с мастером-былинщиком по имени Анхен Стариковых.

Прежде знал значительно больше былин. В 1955 г. многое уже забыл и от дряхлости и слабости легких спеть не мог. Знал прежде и песни, но давно, по его словам, забыл.

Записанные от него былины «Про Сокольника» и «Про Добрыню» Т. С. Дуркин пробовал на голос, затем, спев несколько стихов, начинал снова и доводил до конца. Также и перед прозаическим своим пересказом былины об Ильи Муромце он спел несколько начальных стихов, очевидно, с целью вспомнить содержание.

Тексты, записанные от Т. С. Дуркина, с одной стороны, содержат некоторые следы забывания сюжетов, с другой — свидетельствуют о том, что Тимофей Семенович в прошлом был несомненно незаурядным исполнителем былин. До сих пор в его небольшом сейчас репертуаре сохранился очень хороший, полный и выразительный вариант былины «Илья и сын».

43

ПРО СОКОЛЬНИКА

Недалёко от города от Киева,
Недалёко ли во чистóм поле за двенадцать верст,
Тут стояла застава богатырская,
Тут стояло тут тридцать удáлых добрых молодцев,
5 Тут стояло тридцать могучих богáтырей.
Уж нáбольший их был да право стар казак,
Стар казак Илья Муромец.
Выезжал Сокольник во чисто́ полё,
Ездит на полях у города у Киева,
10 Не приворотил к заставе богатырскоей,
Не спросилсе славныих богáтырей.
Ездил Сокольник по чисту́ полю́,
Своима утехами забавляетсе:
Подкидыват свою палицу буёвую,
15 Палица была девяносто пудов,
На полёте-то палочку подхватыват,
На землю ей не ураниват;
Из туга лука стрелочку постреливат,
На землю ее не ураниват,
20 На полете стрелочку подхватыват
По праву́ руку́ бегат черной медведь,
По леву́ руку́ бегат серой волк,
На правóм плече сидит млад ясéн сокóл,
На левóм плече — млад сиз орел,
25 На головушке сидит черной кречеток заморской.
Вставал Илеюшко по утру по раннему,
Вот он брал трубочку подзорную,
Выходил он в одну улочку,
Заходил на заставу богатырскую,
30 Смотрел Илья да на все стороны.
Смотрел в сторонку подшелóнную —
Стоят леса темные, дремучие;
Смотрел в сторонку подзападную —
Под западной сторонушкой грязи черные, болота зыбучие;
35 Смотрел в сторонушку подглубничную —
Под глубничной сторонкой снежны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подсеверную —
Под северной сторонушкой стоят сини моря Вохлынские,
Стоят сини моря Вохлынские, Ледовитой океан.
40 Смотрел в сторонку подполу́ночну —
Тут стоят ледяны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подвосточную —
Под восточной сторонкой стоят горы превысокие,
Стоят горы превысокие, места претемные;
45 Смотрел в сторонку подобéдничную —
В подобéдничной сторонке стоят поля зеленые;
Смотрел в сторону теплую подлéтную —
В подлéтной сторонке стоит славной Киев-град,
По чистым полям ездит Издолище поганое.

50 Тогда стар казак зашел да на заставу богатырскую,
Разбудил всех молодцов-богатырей:
«Проспали мы Издолище поганое —
Ездит по чистым полям по киевским».
Сказал стар казак Илья Муромец:
55 «Надо ехати проведати.
Снарядить Алешеньку Поповича!»
(*Худяшший такой был, малосильной!*)
Уж как стал Алешенька сряжатисе,
Стал Попович сподоблятисе.
Выходил Алешенька на улицу,
60 Обуздал коня уздечкою тасмяноей,
Оседлал седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко клал плотны потнички,
На потнички стелил он мягки войлочки,
Застегивал у седла двенадцатую подстеголенку,
65 Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
«Это не ради басы, ради крепости,
Не оставил чтобы конь меня в чистом поле».
На коня скочил, в стремена ступил,
70 Поехал Алешенька ко Издолищу.
Подъезжает, ругает речьми непотребныма:
«Ах ты Издолище, сорока белобокая,
Ты, ворона пустопёрая,
Уж ты ездишь мимо заставы богатырскоей,
75 Нас, богатырей, ничем зовешь,
Нас, богатырей, ни во что кладешь».
Едет Сокольничек помимочок, ему не здравствует,
Своима утехами забавляетсе.
Обгони́л его Алешенька вокруг кругом,
80 Встречает Сокольничка, сам ругаетсе:
«Ты, сорока белобокая, ворона пустопёрая,
Едешь мимо нашей заставы богатырскоей,
Нас, богатырей, ничем зовешь,
Нас, богатырей, ни во что кладешь,
85 Не отдаваешь нам честь молодецкую».
Едет Сокольник помимочок, ему не здравствует.
Обгони́л Алеша Сокольничка во третьёй раз,
Обгони́л, опять ругаетсе:
«Ты, сорока белобокая, ворона пустопёрая,
90 Едешь мимо нашей заставы богатырскоей,
Нас, богатырей, ничем зовешь,
Нас, богатырей, ни во что кладешь,
Не отдаваешь нам честь молодецкую».
Это Сокольничку не по уму пришлось,
95 Это Сокольничку не по разуму,
За великую досадушку показалосе.
Подгонил Сокольничек ко Алешеньке,
Схватил его за черны кудри,
Вытащил его из седёлышка,
100 На ж... положил два отяпышка,
На отяпышки положил два олабушка.

(*Четыре раза хлопнул!*)
Алеша и встать не смог.
Еле-еле взобралсе на добра коня
И поехал на заставу богатырскую.
105 Вышел стар казак из заставы,
Смотрит он на Алешеньку Поповича:
Уж как едет Алеша не по-старому,
Не по-старому едет, не по-прежнему,
Он лягаетсе на коне, как худа ворона.
110 Зашел старой казак на заставу богатырскую:
«Не надо было посылать Алешеньку Поповича,
Алешенька ведь роду он поповского,
Он поповского роду, собачлива,
А надо было послать Добрынюшку Микитича.
115 У Добрыни отец был Никита Романович,
Он ведь роду был-от вежлива, вежлива роду, очестлива,
Умел с людьми сойтись, съехатьсе,
Умел людей именем назвать
И величать из отечества.
120 И Добрынюшка Микитич роду вежливого».
Стал Добрынюшка сряжатисе,
Микитич-бат сподоблятисе.
Срядилсе он скоро-наскоро,
Выходил он вон на улицу,
125 Обуздал коня уздечкою тасмяною,
Обседлал его седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко клал плотны потнички,
На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал двенадцатую подстеголенку,
130 Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
«Не ради басы — ради крепости,
Не оставил чтобы конь да во чистом поле».
На коня садилсе Добрыня, в стремена ступил.
135 Не видали поездки молодецкоей,
Не видали побежки лошадиноей,
Только видят — в поле курева стоит,
Из ушей пар столбом валит,
Из ноздрей искры сыпом сыплютсе,
140 Изо рту пламя-огонь столбом стоит.
Подгонил Добрынюшка к Сокольничку,
Обгонил его вокруг кругом,
Соскочил Добрыня со добра коня,
Снял он шапочку пуховой колпак,
145 Еще кланяетсе понизёшенько:
«Здравствуешь, удалой доброй молодец,
Коя ты села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Какого отца, которой маменьки,
150 Как тебя, молодца, именем назвать
И величать тебя из отечества?»
Едет Сокольничек помимочок, ему не здравствует.

Заскочил Добрыня на добра коня,
Обгонил Сокольничка вокруг кругом,
155 Соскочил со добра коня,
Снял он шапку пуховой колпак,
Еще кланяется понизёшенько:
«Здравствуешь, удалой доброй молодец,
Коя ты села, коя города,
160 Какого роду, какой племени,
Какого отца, которой маменьки,
Как тебя, молодца, именем назвать
И величать тебя из отечества?»
Сокольничек едет помимочок, не разговариват.
165 Тогда заскочил Добрыня на добра коня,
Обгонил Сокольничка вокруг кругом,
Стретаетсе ему во третьёй раз.
Снял он шапочку пуховой колпак,
Еще кланяетсе понизёшенько:
170 «Здравствуешь, удалой доброй молодец,
Коя ты села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Какого отца, которой маменьки,
Как тебя, молодца, именем называть
175 И величать тебя из отечества?»
Тут сказал ему Сокольничек:
«Я не спрашивал вас ни отца, ни матери,
Я не спрашивал ни роду, ни племени.
Только надо мне поединщичка,
180 Старого казака Илью Муромца».
Тогда заскочил Добрыня на добра коня,
Приехал на заставу богатырскую:
«Что Сокольничек со мною не здоровалсе,
Только просит он, Сокольник, поединщичка,
185 Стара казака Илью Муромца».
Тут и стал Илеюшка сряжатисе,
Стал сряжатьсе, сподоблятисе.
Снарядилсе Илейко скоро-наскоро,
Обуздал коня уздечкою тасмяною,
190 Обседлал коня седёлышком зеркальскиим,
Во седелышко клал плотны потнички,
На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал у седла двенадцатую подстеголенку,
Метал тринадцатую через сильную степь,
195 Через сильну степь лошадиную:
«Не ради басы — ради крепости,
Не оставил чтобы конь во чистом поле».
И поехал тогда Илеюшка в стольной Киев-град:
«Надо, надо мне-ка покаятьсе,
200 Надо, надо мне с души грехи снести,
Может статьсе — убьют меня».
Покаялсе Илейко, распростилсе с князем и с княгинею,
Тогда уехал на заставу богатырскую,
Распростилсе со богатырями.
205 Как сказал Илейко таково слово:

«Коли убьют меня, — схороните во матушку во сыру
землю».
Распростилсе он, садилсе на добра коня.
Погонил он в чисто поле к Сокольничку.
Не гора с горой скатаетсе —
210 Богатырь с богатырем съезжаютсе.
Ухватили они по палице буёвоей,
Начали один другого бить палицами буёвыми.
От рук их палочки загорелисе,
По насадочкам извихлялисе.
215 Бросали они палочки на матушку сыру землю.
Схватили тогда по копейцу бурзомецкому,
Начали дратьсе копьями бурзомецкима.
Дрались они копьями бурзомецкима,
От рук у их копейцы загоралисе,
220 По насадочкам извихлялисе.
Бросили они их на матушку сыру землю.
Схватили они по сабельке по востроей,
Нещарблёны, некровавлены,
Начали рубитьсе саблями вострыми.
225 От рук их сабельки загорелисе,
С носка до пяты исщербалисе,
По насадочкам извихлялисе.
Бросили их на матушку сыру землю.
Соскочили тогда со добрых коней на матушку сыру землю,
230 Схватились в рукопашной бой.
Дралисе они, помесили матушку сыру землю до колена.
У старого права нога да прокатиласе,
Лева рука да прохватиласе.
Улетел старой на матушку сыру землю.
235 Взлетел Сокольничек ему на белы груди,
Вытащил чанжалище булатен нож,
Хочет распороть у старого белы груди,
Вытащить лёгка, печень и ретиво сердцо,
Предать старого злой смерти.
240 Тогда взмолился старой богу-господу:
«За что выдали меня поганому татарину на поруганье?
Стоял я сорок лет за церкви за соборные,
Стоял за веру за крещеную,
За пресвяту я божью матерь богородицу
245 И за всю силу небесную,
Стоял я за тех младенцев троелётныих,
За тех девиц сорокалётныих,
Не выдавал поганым татарам на поруганье».
Вдруг у старого силы прибыло.
250 Схватил Сокольника за черны кудри,
Свистнул его с себя на сыру землю,
Взлетел ему на белы груди,
Вытащил чанжалище булатен нож,
Хочет у него распороть белы груди,
255 Вытащить вон ретиво сердцо.
Замахнулсе, хочет всадить ему булатен нож в белы груди —
В плече у его рука застояласе.

Стал Илеюшка выспрашивать:
«Кто ой еси, удалой доброй молодец,
260 Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Как тебя именём назвать, величать по отечеству?»
Говорит Сокольничек таковы слова:
«Когда я сидел у тебя на белых грудях,
265 Я не спрашивал у тебя ни роду, ни племени,
Ни отца не спрашивал, ни матери.
Пори мои груди белые,
Тащи вон мое ретиво сердцо, лёгка и печень».
Во второй раз замахнулсе старой казак Илья Муромец —
270 Во локтю у Ильи рука застоялосе.
Опять старой стал выспрашивать:
«Кто ой еси, удалой доброй молодец,
Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
275 Как тебя именём назвать, величать по отечеству?»
Говорит Сокольничек таковы слова:
«Когда я сидел у тебя на белых грудях,
Я не спрашивал у тебя ни роду, ни племени,
Ни отца не спрашивал, ни матери.
280 Пори мои груди белые,
Тащи вон мое ретиво сердцо, лёгка и печень,
Представляй меня да злой смерти».
Третьей раз замахнулсе старой казак Илья Муромец —
В кисти рука застоялосе.
285 Тогда стал он опять Сокольничка спрашивать:
«Кто ой еси, удалой доброй молодец,
Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Как тебя именём звать, величать по отечеству?»
290 Тогда сказал ему Сокольничек:
«От того я от моря, моря синего,
От того я от камешка от Латыря,
От той от матушки Золотыгорки».
Соскакивал старой на резвы ноги,
295 Брал Сокольничка за белы руки,
Ставил его на резвы ноги,
Целовал его в уста сахарные,
Называл его сыном любимыим.
Говорит Сокольник таково слово:
300 «Как ты мог меня прижить моей маменьке?»
— «Я у твоей маменьки жил в таю три месяца,
Туг я тебя прижил, мой сын».
— «Я съезжу, спрошу у маменьки,
Верно ли ты ею хвастаешь».
305 На коня скочил, в стремена ступил,
Погонил Сокольничек во своё место.
А старой казак поставил шатер белобархатной,
Лег спать с великого побоища,
Захрапел, как порог зашумел.
310 Пригонил Сокольник ко свою месту,

Не приказывал коня, не привязывал,
Как бежал он в палаты белокаменны.
Повстречалась ему маменька родимая.
Говорит Сокольник таковы слова:
315 «Был я на полях на киевских,
Видел старого казака Илью Муромца,
Он тебя назвал б. . . .ю, меня зовет вы. . . .ком».
— «Не пустым старо́й похваляетсе:
Жил со мной в таю три месяца,
320 Тут тебя мне-ка прижил».
Схватил Сокольничек сабельку вострую,
Нещарблёну, некровавлену,
Срубил у матери буйную голову.
Схватил копейцо бурзомецкое,
325 Как бежал он вон на улицу,
Как садилсе на добра́ коня,
Как он ехал во чисто́ поле́ ко ста́рому.
Ста́рой спит, как порог шумит.
Заскочил Сокольник в шатер белобархатный,
330 Ткнул ста́рого копьем бурзомецким в ретиво́ сердцо́.
А у ста́рого погодилсе на груди чуден крест.
В крест взошло копейцо и сломилосе.
Ото сну старо́й прохва́тилсе,
Соскочил старо́й на резвы́ ноги́,
335 Как схватил Сокольничка за черны́ кудри́,
Свистнул его в вышину поверх,
Поднял повыше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего,
Не подхватывал его на белы́ руки́.
340 Пал он на матушку сыру землю́.
Тут Сокольничку смерть случиласе.
Поймал Сокольничкова коня старо́й казак,
Привязал Сокольничка к коню за хвост,
Пустил Сокольничка во чисто́ поле́:
345 «Е́зди, гуля́й по чисты́м полям».
Тогда собрал свой бело́й шатер,
Склал в седёлышко зеркальское,
Вскочил старо́й на добра́ коня,
Сам поехал на заставу богатырскую.
350 Собрались тогда русские могучие бога́тыри
И поехали во стольной Киев-град.
Приезжали они в стольной Киев-град,
Сделал тогда князь им почестен пир,
Пировали они, столовали трое суточки.
Тогда и конец.

44

ПРО ИЛЬЮ

Из того еще из города да ныне из Мурова,
Из того еще села было Карачагова
Уж жил тут и был Иван сын Тимофеевич,

Кабы было у его едино чадо, едино милое,
Как едино было родно, едино любимое,
Уж звали его Илеюшко сын Иванович.
Как лежал нынь Илейко да право тридцать лет,
У его не было под собой же резвых-де ног,
Уж держал Иван Тимофеевич нянечку-служаночку,
Обирала она едино чадо милое, едино любимое.

Тридцать лет лежал — ног не было. И пришел к нему старец, к Илье свету Ивановичу. Попросил его квасу попить, либо пива. Он говорит: «Есть у отца моего пива бочки, да я тридцать лет лежу». — «А попробуй, пошевели ногами». Он шевелит — ноги действуют. Соскочил, в погреб кинулсе. Бочку пива из погреба выкатил. Подал старцу. «Спасибо, — говорит старец, — будешь ездить по чистым полям. Только не дерись с Вольгой. Вольга —

По черным лесам ходит серым волком,
По пенью, по коренью скачет черным горносталем,
По синёму морю ходит рыбой щукою,
Он возьмет тебя хитростью.
Не дерись и со Святогором,
Он возьмет тебя силою».

И потерялсе старец. Оделсе Илейка и пошел в поле к отцу, к матери. Они в поле работают. Узнать его не могут. Пришел Илья: «Здравствуйте, я ваш сын. Идите домой, я вам напашу». Речка Муравленка пошла через луга. Отправился Илейка домой: «Ну, отец, выберу я себе коня по себе. Поезжу по полям, по городам, по селам».

Выбрал конёчка-семилеточка. Говорит конь: «Ой ты гой еси, Илья свет Иванович, я не могу тебя носить: меня кормили худой травой осотою и поили водой болотною. Покорми меня пшеной белояровой, пои водою ключевою».

Через три месяца стал он поигрывать. Илья клал на него потнички, клал седло зеркальное. Зашел в комнату, взял у родителей благословение и поехал.

Приехал ко чисту полю, а там столб с надписью: «По одной дороге поедешь — богату быть, по другой поедешь — женату быть, по третьей поедешь — живым не быть». Говорит Илья: «Богатому мне не надо быть. И женатому не надо — жена сбалуется. Поеду, где живому не быть. Перечитал я много книг. Мне на поле смерть не писана, на море не явлена».

Дорожка заросла, замутиласе. Ясён сокол тридцать лет не пролётывал, зверь не прорыскивал.

Поехал Илья, до грязей доехал. Начал по грязям мост мостить, замостил речку Смородину: «Если меня мост понесет, то и всех понесет». Поехал, вынес его мост. Приехал Илья к городу Чернигову. Там стоят разбойнички. Стал с ними Илья битьсе, всех перебил. Предлагает ему народ быть в Чернигове воеводою. Отказался Илья.

Едет дальше, видит — гнездо Соловьиное на семи дубах, на восьми падубках. Подъехал он.

Засвистал Соловей. Упал конь под Ильей. Илья его бил, ругал. Поднялся конь, подъехал ближе. Опять Соловей засвистал. Опять упал конь. Снова Илья его бил, ругал. Конь поднялсе. Подъехали к Соловью за пять верст. В третий раз упал конь. Поднял его Илья, натянул лук, стреле на-

казал: «Лети, моя стрела, стрелочка каленая, выше облака ходячего, попади Соловью во правой глаз». Залетела стрела Соловью во правой глаз, вышибла стрелочка правой глаз Соловью. Пал он на землю. Илья схватил его, к седлу привязал. Сломал дуб Соловья Рахматовича, разломал всё гнездо, всё спалил, чтобы не отросла трава. Поехал к Соловьиному дому. Жена выбежала, стала подворотню поднимать. «Повешу тут, ворон пугать», — Илья говорит. Заревел Соловей: «Прости, только отпусти меня — всё отдам». Илья убил жену, убил семью, весь дом сжег, поехал с Соловьем к князю Владимиру.

Оставил коня с Соловьем во дворе, взошел в гридню, помолилсе, поклонилсе всем боярам, князю с княгиней по-особому. «Откуда ты, богатырь? Кто ты?» — «Я молодой Илейка сын Иванович». — «Как сюда ехал?» — «По дороге, где тридцать лет никто не проезживал. Я речку замостил, разбойников у Чернигова убил, Соловья поймал». Пошел Илья во двор, принес за кудри Соловья напоказ. «Если ты им владеешь, пусть он засвистит, заревет». Приказал Илья Соловью, — тот засвистел, заревел. Все обмерли. Долго без памяти лежали. И князь тоже. Других он, Соловей, свистом убивал, а с Ильей ничего не может сделать. Хватил его Илья об пол и убил Вытащили Соловья за Киев, завалили в яму, хряща-каменя навалили сверху. Князь прочунел. Пир устроил.

45

ПРО ДОБРЫНЮ

*Значит прежде Казань дак слободой стоял,
Кабы нынче Казань дак славной город стал.
Как во том ище в Казани да славном городе
Уж и жил тут и был Никитушка Романович.
Он же жил ле Никитушка девяносто лет,
Как состарилсе Никитушка а периставилсе.
(*Помер.*)
Как оставаласи у его дак молода жона,
Молода его жона дак ле, ой ле, люба семья,
Как осталась она беременна:
Уж носила она сорок неделечок,
Как проносила она сорок неделечок,
Как исполнила она дак девять месяцов,
Уж родила она себе сына да ясна сокола.
А собирала она себе ль нынче попов и дьячков,
Как всех церковныих она дак ныне причетников.
Как задумали имечко назвати мальчика,
А же назвали его Добрынюшкой.
Ах ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад! *
Стал Добрыня растеть, матереть
Не по годам, не по месяцам — по неделюшкам.
Вырос Добрыня до трех годов,
Стал Добрыня по улице похаживати,
С малыми ребятками стал поигрывати,
На кого осердитсе — возьмет за руку, рука прочь,
Кого возьмет за ногу — нога прочь,
Кого возьмет за голову — голова прочь,
Посередке возьмет — живота лишит.

Стали людишки ходить, на Добрыню жалитьсе:
«Проказит Добрыня, убиват ребят».
30 Не стал больше Добрыня по улице похаживать,
Запретила его маменька родимая.
Стал ходить Добрыня во божью церковь,
Стал учиться божьей грамоте.
Ходил он, училсе три года,
35 Выучилсе божьей грамоте.
Тогда вздумал прогулятьсе на добром коне на родительском
По чистым полям, зеленым лугам.
Стал просить у матери благословленьица
Съездить ко синю морю,
40 Пострелять гусей, белых лебедей,
Побить серых малых уточек.
Не дават ему маменька благословленьица:
«Молодёхонек ты, зеленёхонек,
На расцвете травка шёлкова,
45 На прочите листики малиновы».
Падает Добрыня во второй-от раз,
Просит Добрыня благословленьица.
Не дает маменька родимая.
Падает Добрыня в третий раз:
50 «Дашь — поеду, и не дашь — поеду».
Тогда дала ему матушка благословленьице
Со буйной головы до сырой земли.
Соскочил Добрыня на резвы ноги,
Он бежал вон на улицу,
55 Он бежал на конюшен двор,
Он имал себе коня по свою плечу,
Обуздал его уздечкою тасмяною,
Обседлал его седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко он клал да плотны потнички,
60 На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал двенадцать подстеголенок,
Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
«Это не ради басы — ради крепости,
65 Не оставил чтобы конь меня в чистом поле.
Молодёхонек я, зеленёхонек,
Шести лет я ведь от роду».
Положил в седёлышко он палицу буёвую шестьдесят пудов,
Положил копейцо бурзомецкое,
70 Положил сабельку вострую,
Положил тугой лук и стрелочки калёные.
Пошел тогда в палаты белокаменны,
Зашел Добрыня к своей маменьке.
Срядилсе Добрынюшка скоро-наскоро
75 Он во платье во дорожное,
Распростилсе он со всеми нянечками, служаночками
И простилсе с маменькой родимоей.
Вышли спровожать его на крылечушко,
Вынесла маменька его плеточку шелковую

80 Семи шелков, семи разныих заморскиих:
«Много людей к морю ездило,
А мало приезживало.
У тя отец с этой плеточки всегда живой приезжал.
Станешь стрелять гусей, белых лебедей,
85 После — малых серых уточек,
Как приедешь ко синю морю —
Там тебе и припотеетсе,
Станешь в морюшке купатисе.
Перва струя хороша, а друга еще лучше того,
90 А третья струя зла-относчива,
Отнесет тебя во синё морё.
Распростилсе Добрыня с родной маменькой,
На коня скочил, в стремена ступил.
Не видали поездки богатырскоей,
95 Не видали побежки лошадиноей,
Только видят — в поле курева стоит,
Курева стоит, пар столбом валит,
Из ноздрей искры сыпом сыплютсе,
Изо рту пламя-огонь столбом стоит.
100 Начал гонять Добрыня по чистым полям.
Вот он приехал ко синю морю,
Стрелял гусей, лебедей, малых серых уточек.
Вот задумал Добрыня искупатисе.
Поплыл по первой струе, а друга еще лучше того.
105 Тогда придумал поплыть на третью струю.
А третья струя была относчива,
Отнесла молодца на синё морё.
Стал Добрыня по морю поплавывати,
Стал во синё морё поныривати.
110 Надлетает на него змея лютая,
Небылыми речьми она похваляетсе:
«Хочу я тебя, молодца, теперь в воде стоплю,
Хочу тебя в огне сожгу,
Хочу тебя в смоле сварю».
115 Плават Добрынюшка во синём морё,
Плават Добрыня, сам печалитсе.
Собрал он все силы богатырские,
Нырнул тогда он в быстру струю злу-относчиву,
Вынырнул Добрыня на доброй струе,
120 Нырнул, выскочил на берег к добру коню,
Натянул себе только одни штаны,
На босу ногу сапожечки сафьянные.
Не успел надеть шубу енотову —
Налетела змея лютая,
125 Стары хоботы намётывает.
Ухватил Добрыня копьецо бурзомецкое,
Начали они тут ратитьсе.
От руки его копейцо загоралосе,
По насадочке извихалосе.
130 Бросил его Добрыня на мать сыру землю,
Ухватил он палицу буёвую,
Палицу буёву шестьдесят пудов,

Начал лупить змею палицей буёвою.
От руки его палочка загораласе,
135 По насадочке извихаласе.
Бросил палицу Добрыня на матушку сыру землю,
Схватил он тогда сабельку вострую,
Он начал рубить змею той саблей вострою.
От руки его сабля загораласе,
140 По насадочке извихаласе,
И с носка до пяты вся исщербаласе.
Бросал ее Добрыня на матушку сыру землю,
Схватилсе он со змеюшкой в рукопашной бой.
Во одних Добрыню суточках
145 Из силы Добрыню выбило.
Стала змеюшка его да всё потарзывать,
Стала змеюшка посвистывать.
Пала в ум Добрыне плеточка шелковая,
Что давала родна матушка.
150 Сунул праву руку во правой карман —
Попала плеточка ему в руку шелковая.
Вытащил Добрыня плеточку шелковую,
Начал бить-лупить змею он лютую.
Стала змеюшка взвиватисе,
155 Стала Добрынюшке канатисе:
«Спусти меня на свет живой».
Говорит Добрыня таковы слова:
«Когда вышел я из синя моря,
Не дала ты мне срядитисе,
160 Не дала ты мне сесть на добра коня.
Нет, тебе боле спуску не будет от меня».
Застегал змею Добрынюшка до смерти.
Нарвал там сырых дубов, развел огонь
И взвалил он змею люту на огоничек.
165 И докуль не сгорела змея лютая —
Не ложилсе спать Добрынюшка.
Тогда выкопал яму преглубокую,
Пепел срыл туда, захоронил землей,
Навалил поверх хряща-каменя.
170 Вот тогда Добрыня попил, поел, чего бог послал,
Привязал коня к себе за праву ногу
И лег спать под сырой дуб.
Спал Добрынюшка трое суточки
Со побоища великого.
175 Разбудилсе он, направилсе,
Тут садилсе Добрыня на добра коня,
Поехал в дальний путь-дороженьку —
Искать змеиной дом, где жила змея лютая.
Долго ездил Добрыня по чистым полям,
180 По чистым полям, по темным лесам,
И нашел он змеиной дом.
У змеи была унесёна красавица,
По всему свету забавница.
Выручал себе Добрынюшка красавицу,
185 Позабрал он у змеи злата-серебра

И каменьев драгоценныих
И сожог Добрыня змеиной дом.
Отправлялсе во свое место Добрынюшка.
Скоро сказка скажетсе, долго дело деетсе.
190 Еще ездил Добрыня двенадцать лет,
А уехал он в шесть годов,
А приехал домой в восемнадцать лет.
Он привез себе жену красавицу,
По всему свету забавницу.
Тут и конец.

(*Шутово дело, старины-то, да ведь вот как долго*).

45а

ПРО ДОБРЫНЮ

Как прежде Казань и дак слободой и стоял,
Уже нынче Казань дак славной город стал.
Во том во Казани ли да славном городе
Уже жил тут и был Микитушка Романович.
5 Уже жил тут Микитушка девяносто лет,
Как состарилсе Микитушка, преставилсе.
Оставалась у его ныне молода жена,
Оставалась она нынь дак всё беременна.
Как сорок недель она брюхо износила,
10 Уже девять месяцев она исполнила.
Уж родила она тогда дак сына сокола,
Уж собрала она тогда всех попов и дьяков,
Как церковныих всех она духовников,
Уж они думали имечко целы суточки,
15 Нарисовали ему, младеню, имечко Добрынюшкой:
«Ах, ты ли ой еси, Добрынюшка э Микитич-бат!»

ГАВРИЛА ВАСИЛЬЕВИЧ ВОКУЕВ

Г. В. Вокуев, 73 лет, — постоянный житель Усть-Цильмы. Грамотный. Былинам учился с детства от деда, Петра Ивановича Вокуева, который пел их очень много, и от отца, Василия Петровича Вокуева, певшего вместе с дедом. Сам стал исполнять былины с пятнадцати лет.

Впоследствии слыхал многие былины и выучил некоторые из них на рыбных промыслах у моря, но перечислить хотя бы сюжеты этих былин не смог — забыл.

Сказок и песен не исполнял.

46

ПЕРВОСТОЛЬНОЙ БОГАТЫРЬ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как во том-де во городе во Мурове
У того было Ивана да Тимофеева
У его-де одно было чадо милое,
Оно хворое было да нездоровое,
5 Не ходили у его да ноги резвые,
Не служили у его да руки белые,
Не говорил у его да говорок-язык.

Жил Иван — состарилсе
И того еще скорей переставилсе.
10 Осталось у его едино чадо,
Едино чадо единокое,
Звали его Илья сын Иванович.
Он сидел без рук, без ног и без очи ясныих,
Немного времени сидел он — тридцать лет,
15 Не служили его ноги резвые,
Не служили его руки белые.
Во тридцатом-то году да во последнеем
Приходила калика да перехожая
И та еще сиротинушка убогая,
20 И попросила она его милостыни ради Христа небесного.
«Я не то тебе подать — готов сам принять,
Я сижу не много, не мало — тридцать лет,
Не служат мои ноги резвые,
Не служат мои руки белые».
25 — «Если ты не можешь подать, я тебе подам».
Отломила краюху хлеба белого:
«Если ты готов принять, так я тебе подам».
И подала ему краюху дара божьего.
Тогда стал он с мягка места,
30 И заслужили тогда его ноги резвые,
И заслужили руки белые,
И увидел тогда он вольной белой свет.
Тогда уже калика утерялась.
Тогда он стает на резвы ноги́,
35 Выходит из своей комнаты.
Зашел он ко свою отцу-родителю,
Звать отца Иван да Тимофеевич:
«Что же ты, чадо милое,
И как у тебя заслужили ноги резвые,
40 Отчего же у тебя заслужили руки белые,
Для чего же у тя заслужил говорок-язык?»
— «Во тридцатом-то году в последнеем
Зашла ко мне калика перехожая,
Попросила у меня на милостыню.
45 Я сказал: „Я не то тебе подать, готов сам принять“.
Нет ли у тебя, отец, доброй конь,
Нет ли у тебя, отец, латы булатные?
Дай ты мне, добру молодцу.
Хочу съездить в стольной Киев-град
50 И посмотреть там князя с княгинею,
И посмотреть там всех русских богатырей».
У его-то отца-то был доброй конь.
Стоял он в погребах ровно тридцать лет,
Он ел пшену да белоярову.
55 «Я тебе могу дать того добра коня».
Тогда говорил Илья Муровец:
«Пойдем-ко, отец, на твой конюшен двор,
Посмотрим мы с тобой добра коня».
Вот тогда они пошли на конюшен двор,
60 Посмотрели они добра коня.

Он стоял, конь, ровно тридцать лет,
Ел пшену белоярову.
«Да нет ли у его еще латы булатные,
Да нет ли у его палица буёвая,
65 Нет ли у его приспехи богатырские?»
Говорил тогда отец таковы слова:
«Есть у его палица буёвая,
Есть у его копьецо буржумецкое».
Тогда говорил он отцу таковы слова:
70 «Дай ты мне, отец, все приспехи богатырские,
Поеду я в стольной Киев-град,
Проеду я дорожкой прямоезжею,
По которой дорожке тридцать лет никто не хаживал, не не проезживал,
И белой лебедь туда не пролётывал,
75 И черной горносталь не пропрыгивал».
Дал тогда ему отец добра́ коня,
Уж и как дал ему приспехи богатырские.
И тогда он садилсе на добра́ коня.
Не видали поездки молодецкоей,
80 Не видали посадки богатырскоей,
Только видели во чистом поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, ну дым столбом валит.
Ехал он дорожкой прямоезжею,
Приехал он к грязям черным
85 И проехал он эти грязи черные.
Одной рукой он добра́ коня ведет,
А другой рукой он мост мостит.
И проехал эти он грязи черные.
Он опять приехал ко второй за́ставе великоей.
90 Тут были мужички новото́кманы,
Эти мужички за его стали грабитьсе.
«Уж вы ой еси, мужички новото́кманы,
У меня, у старого казака, взять-то нечего,
Только есть у меня один доброй конь,
95 Сто́ит мой-от конь рублей тысячу.
Есть у меня шуба кунья —
Стоит шуба пятьсот рублей,
И чуден крест стоит тысячу».
А мужички еще с того пуще за его стали грабитьсе.
100 Он и вырвал дубинку тяжеловесную,
Потом начал косить мужичков новото́кманов в обе стороны.
И их всех побил до единого,
И проехал вторую за́ставу.
И потом он подъехал к третьей за́ставе великоей.
105 Тут сидел на этой за́ставе Соловей Рахматович.
Он сидел Соловей на семи дубах,
На семи дубах, на восьми па́дубках.
Услыхал Соловей добра молодца,
Заревел Соловей по-змеиному,
110 Закричал Соловей по-соловьиному.
У старого казака добра молодца
Упал доброй конь с ног на колени.

Бьет старой добра коня по тучным ребрам:
«Уж ты ой еси, мой доброй конь,
115 Неужели не слыхал ты во чистом поле вороньего граянья?»
Бьет коня по тучным ребрам:
«Ставай, конь, на резвы ноги».
Тогда у его был с собой тугий лук да калена стрела.
Заряжал он калену стрелу в тугий лук
120 И спускал стрелочку, и к стрелочке приговаривал:
«Уж ты ой еси, моя стрела калёная,
Лети-ко, стрела, ты пониже облака ходячего,
И пониже красна солнышка,
Залети ты Соловью в правой глаз».
125 Молодец на то был ухватчивой,
Налету он Соловья подхватывал,
И взял он Соловья, положил в карман
И поехал опять вперед по той дорожке прямоезжеей.
Потом у его пал конь с резвых ног на колени.
130 Бьет коня по тучным ребрам:
«Уж ты мой доброй конь, не можешь нести меня, богатыря?»
— «На мне сидит вас два богатыря».
Тогда догонул старой доброй молодец,
Что есть у меня в кармане Соловей Рахматович.
135 Тогда старой на это был догадливой,
Да вынул он Соловья из кармана,
Привязал его к хвосту конскому,
И тогда поехал опять старой преспокойно по своей дорожечке.
Он приезжат к Соловью во высокой дом,
140 Увидала Соловьева молода жена,
Говорила она своим дочерям:
«Дочери мои родные, едет наш Соловей,
Везет, наверно, добра молодца».
Увидали тогда его родны дочери:
145 «Не отец наш везет — доброй молодец отца везет».
Заходила жена на ворота высокие,
Поднимала подворотницу тяжелую.
Подъезжал старой казак к подворотнице тяжелоей,
Тогда говорит Соловей Рахматович своей жене:
150 «Уж ты ой еси, молода жена,
Не изнимай ты подворотницу тяжелую,
Не раздражай ты добра молодца».
Тогда она упустила подворотенку тяжелую.
Говорит тогда Соловей своей молодой жене:
155 «Отпирай-ка ты подвалы глубокие,
Выпускай оттуда ты добрых молодцев
И давай добру молодцу золотой казны».
Вот тогда она отворила подвалы глубокие,
Выпустила она тридцать молодцев
160 И потом давала ему золотой казны.
— «Не надо мне ваша золота казна,
Отпускайте вы добрыих молодцев
По своим местам да к молодым женам».

Тогда старой казак не дал им Соловья Рахматьевича,
165 Отправлялсе старой тогда с ним в стольной Киев-град.
Приезжал старо́й в стольной Киев-град
К тому солнышку Владимиру.
У солнышка Владимира был почестен пир.
Тогда заходит старой во горницу на почестен пир:
170 «Уж ты здравствуешь, солнышко Владимир-князь,
Уж ты здравствуешь, княгиня-мать Апраксия».
— «Приходи-ка ты, удалой доброй молодец,
Какой ты страны да какой орды,
Какого ты отца, какой матери?»
175 Говорит на то старо́й казак Илья Муровец:
«Приехал я из города из Мурова,
Из того села Карачегова.
Ехал я дорожкой прямоезжеей,
По которой дорожке никто не прохаживал
180 И серой заюшка не проскакивал,
И белой горносталь не прорыскивал».
Тут молодцы на это не поверили.
— «Я привез Соловья Рахматовича».
Вот побежали смотреть Соловья да Рахматовича.
185 Говорят: «Ну, как же он ревет у тя по-змеиному,
По-змеиному, по-соловьиному?»
Тогда старо́й казак Илья Муровец
Приказал Соловью зареветь в полу́свиста́.
Тогда заревел Соловей полу́свисто́м.
190 Все на пиру устрашалисе.
Тогда выходит солнышко Владимир-князь:
«Уж твой Соловей ли Рахматович,
А зареви-ка еще полу́свисто́м».
Отвечает на то Соловей да Рахматович:
195 «Не твое я ем, кушаю, не тебя я и слушаю».
Старой казак заставил его зареветь во весь свист.
Тогда Соловей заревел во весь свист.
У Владимира-князя все зданья поколебалисе,
Все столы пошаталисе,
200 И все яства на столах прирассыпались,
И дороги вина все разливалисе.
Тогда старого старика на пир все приняли
И все его принахвалили.
Тогда приказали ему окончить Соловья ли Рахматовича.
205 Тогда старо́й прикончил Соловья Рахматовича
И принял он от князя Владимира дороги дары,
Дороги дары и великие.

Эта старина вся.

АКИМ ЕВПСИХЕЕВИЧ МИХЕЕВ

А. Е. Михеев, житель Усть-Цильмы, в 1955 г. 89-летний старик, оказался не столько исполнителем былин, сколько сказочником. В год записи от него былин помнил еще более десятка сказок волшебных и бытовых. Рассказывая сказки, начинал каждую с веселых остроумных присказок. Как сказочник, он был, по-видимому, хорошо известен

местной детворе: она быстро заполнила всю избу, как только стало известно, что дед Михеев что-то рассказывает.

В молодости Михеев певал и старины, знал также духовные стихи. Узнав о цели прихода собирателей, он живо спустился с печки и охотно стал сказывать. Но из былин мог вспомнить только две.

Былины и сказки А. Е. Михеев усвоил от разных лиц, с которыми встречался на промыслах и других работах. В молодости Михеев много ездил и подолгу не живал дома.

В семье Михеева никто больше не пел былин и не рассказывал сказок. Дочь его, Устинья Акимовна Ончукова, 47 лет, славилась в Усть-Цильме как певица, но знала только лирические песни.

47

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ]

Как ездил стар да по чисту полю,
По широкому да по раздольицу,
Он стрелял да гусей, да белых лебедей,
Он и серых ли маленьких утятышов.
Как наехали на старого станишники,
Как хотят-де старого бити-грабити.
Уж и говорил им стар да во первой након:
«Уж и бить вам меня да нынче не за что,
Уж и взять у старого да нынче нечего,
Золотой казны да с собой не взято,
Только есть у стара худа шубишко,
Дорогой ценой да стоит сто рублей,
Дешевой ценой — да ровно двадцать пять».
Как станишники на то оне не варуют,
Как хотят старого бити-грабити.
Говорил им старой во второй након:
«Уж и бити вам меня да нынче не за что,
Уж и взять у меня да нынче нечего,
Золотой казны с собой не взято, —
Только есть у стара худа шляпишко,
Дорогой ценой — да ровно двадцать пять
Дешевой ценой — да ровно двадцать пять».
Как станишники на то оне не варуют,
Как хотят да старого бити-грабити.
Говорил им старой во третьей након:
«Уж и бити вам меня не за что,
Уж и взять у меня да нынче нечего,
Золотой казны с собой не взято.
Только есть у стара сабля вострая,
Сабля вострая есть да некровавлена».
Как станичники на то же не варуют,
Как и стали за старого приниматися.
Говорил им старой во четвертой раз:
«Уж и бити вам меня не за что,
Уж и взяти у меня да нынче нечего,
Золотой казны с собой не взято.
Только есть у стара конь бел, как снег».
Туто стал старой по силушке поезживать,
На праву руку махнёт — цела улица,
На леву руку махнёт — переулочек.

Сколько рука секёт, столько конь топчёт.
Станишники стали ему конатися:
«Уж ты гой еси, старой казак Илья Муромец!
Ты оставь из нас хошь три имени!»
— «Я оставлю вас да нездоровыих!»
Как у первого глаза-те вытыкал,
У второго отсек да руки белые,
У третьего отсек да ноги резвые.

48

ДОБРЫНЯ [БУТМАН]

*Как про бедного сказать, да всё про белого,
Про удалого сказать про добра молодца.
Как гуляёт Добрыня, доброй молодец,
Во царевом гуляёт в большом кабаке.
По кружалу гуляёт в осударевом.
Он сам много-то пьет да зелена вина,
Он не чарами пьет да не стаканами,
Он откатыват бочки-сороковочки.
Во хмелю-то детина выпиваетсе,
Из речей-то юдалай вышибаетсе:
«Уж я силушкою да я сильняя всех,
Уж и я смёточкою царя посметистей».*
Тут и были у царя люди придворные,
Как придворные люди — губернаторы.
Они пошли-то скоро царю доносили:
«Уж ты гой еси, надёжа, православный царь!
Ты не быть нас казнить дай речи вымолвить.
Как гуляет Добрыня, доброй молодец,
По царéву гуляёт в большом кабаке,
По кружалу гуляёт государеву,
Он сам много-то пьет да зелена вина,
Он не чарами пьет да не стаканами,
Он откатыват бочки-сороковочки.
Во хмелю-то детина выпиваетсе,
Из речей-то ён да вышибаетсе:
„Уж я силушкою да я сильняя всех,
Уж я смёточкою царя посметистей!“»
— «Уж подите, ребята, приведите-ко,
Приведите Добрыню, добра молодца!»
Закипелась у царя да кровь горячая,
Расходились у царя да руки белые.
Уж пошли туто да все искать его,
Как нашли тут Добрыню во царёв кабак,
Уж и стали его звать к самому царю:
«Царь тя требует да на почестен пир!»
— «Уж постойте-ко, робята, поманитесь-ко,
Я зайду в кабак да выпью чару я,
Я не малую чару — полтора ведра.
Не омыла у мня чара ретивó серцó,

40 Не взвеселила у мня чара буйну голову.
Уж пойдемте, робята, к самому царю!»
Вот подходят к тому дворцу да царскому,
И заходят в те палаты белокаменны.
Упадает Добрыня на резвы ноги,
45 Как на те же колени богатырские.
Уж берет-то ли царь да саблю вострую,
Он срубити хочет буйну голову.
«Уж ты гой еси, надёжа, православной царь,
Ты не быть мне казнить, дай речи вымолвить,
50 Как во той же земли да проклятой орды
Уже кто тебя оттуль повыкупил,
Уже кто же тебя оттуль повыручил?»
Как упали у царя да руки белые,
Как утихла у царя да кровь горячая:
55 «Уж ты гой еси, надежда, доброй молодец!
Ты возьми-ко города да с пригородками,
Ты возьми-ко села да со деревнями».
— «Мне не надо села да со деревнями,
Мне не надо города да с пригородками.
60 Ты доверь-то ли мне да зелена вина,
Зелена мне вина да пить безденежно».

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ПОЗДЕЕВА

Т. И. Поздеева в 1955 г. — 70-летняя жительница дер. Рощинский Ручей (близ Усть-Цильмы), куда вышла замуж (родом же из дер. Сергеева Щелья, девичья фамилия — Кириллова). Жила с дочерью и внучкой, вела домашнее хозяйство.

На расспросы собирателей о былинах и песнях Т. И. Поздеева сперва ответила, что она «не мастерица» и «не певица», но затем призналась, что раньше певала старины и знала их более десяти. Но могла вспомнить и пропеть лишь одну былину и один былинный отрывок. Хорошо помнила духовные стихи.

Былинам научилась в семье свекра. «Старин-то больше десятка знала, — рассказывала она. — Все от свёкора перенимала. Тот много знал; целые сутки, бывало, певали. Старики-те ране всё уже старины да стихи пели... Доверья певали же со свёкром-то. Были Василий, да Яков, да Захар; знали же и оне старины те. А тожно уж весь род перемёр. Самой-то мне уж 70 лет!» [1]

49

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СИЛА НЕВЕРНАЯ]

* Зачиналсе у солнышка Володимера
Да зачиналсе ле втунови испочестен пир,
Да вот почестен пир, право, похвальнёй-от стол,
Да собиралисе еще мальчички богатыри,
5 Да девяносто ле петь руських богатырей,
Да ведь Лука ле, Матвей, дети Петровичи.
Да уж ли вси ли на пиру да наедалисе,
Да уж ли вси ли на честном да напивалисе.
Да вот [2] всё старый казак да Илья Муромец,

---

[1] Запись З. И. Власовой.

[2] Исполнительница, начав стих словами: «Да вот вси солнышки», запнулась и затем продолжала, как в тексте.

10 Да он сидит ле ничем, право, не хвастает,
Да повеся ле держит да буйну голову,
Да потупя ли держит свои очи ясные.*
Да уж как все ли на пиру да порасхвастались:
Да умной-разумной — старой матерью,
15 Да глупой-безумной — молодой женой,
Да кто похвастался да могутой силой,
Да уж кто похвастал конем добрым,
Да уж кто ли похвастал золотой казной.
Да уж как солнышко ли Владимир-князь поднимается,
20 Да стал он по полу похаживать,
Да стал старого казака Илью Муромца выспрашивать:
«Да что же ты сидишь, старой, ничем не хвастаешь?
Не доходили до тебя, видно, чары винные?
Чары винные, стаканы пивные?
25 Или собраны тебе друзья-приятели не по уму?»
Берет солнышко Владимир-князь чару зелена вина,
Не малу, не большу чару — полтора ведра,
Подавает старому казаку Илье Муромцу:
«Старой казак, Илья Муромец!
30 Выкушай чару зелена вина!»
Тут берет стар чару во праву руку,
Выпивает чару за единой дух,
Ковригу хлеба берет за щеку.
Стал стар казак Илья Муромец по полу похаживать.[1]
35 Да сапог о сапог стал пощалкивать,
Да за рукав шубу стал поволакивать.
Тут и все на пиру приудрогнули,
Да друг за дружку хоронятся:
Да уж как малой хоронится за середнёго,
40 Середнёй хоронится за большего.
Стал просить старой казак Илья Муромец
У солнышка князя Владимира лошадь добрую,
Лошадь добрая, бурушка косматенькой,
Косматенькой бурушка, расхматенькой.
45 И просит у его благословеньица
Во чисто поле ехать биться-ратиться.
Пошел он выбирать на конюшен двор
Лошадь добрую, бурушка косматого,
Косматого бурушка, расхматого.
50 Одного тяпнул — спина дыблится,
А второго-та взял.
Поезжает стар казак Илья Муромец,
Берет себе тугой лук и калену стрелу,
И берет себе палицу буёвую,
55 Особливо берет шашку вострую.

[1] Дальше запись сделана со слов, а не с голоса. Голос больше «не бежал», старушка устала и не могла петь.

Поехал казак во чисто́ полё,
Не видали поездочки богатырской,
А только видели — в поле дым стоит,
Дым стоит да курева́ валит,
Из ноздрей да искры сыплются,
Из ушей у ёго да дым столбом валит.
Ездил, бился трои суточки, ратился,
Вперед махнёт — дак цела улица,
Назад махнёт — переулочек.
Побил, потоптал всю силу неверную.

50

[ТУРЫ И ТУРИЦА]

С-по матушке с-по Волге, с-по огневой реки
Да тут ли плыли-выплывали два гнедых тура́,
Да два гнедых тура́, два круторогиих.
Им навстречу турица, родна матушка:
«Уж вы здравствуйте, туры, дети малые!»
— «Уж ты здравствуешь, турица, родна матушка!»
— «Уж вы где, туры, были, чего видели?»
— «Во чистоё полё во полночь прошли,
В стольный Киев-град во полдён пришли,
Мы не чудо там чули, диво видели:
У высокого баскова нова терема
Тут не красная девица выходила
В одной рубашечке, без пояса,
На босой ноге штиблеты без чулочков.
Выносила она книгу-евангелие».
— «Это не чудо, не диковинка —
Пресвятая мати божья богородица
Спускалась во матушку огневу реку
Со своей книгой со евангелием.
Она чула над городом невзгодушку,
Забродила в воду до колен,
Клала она книгу-евангелие
На серой да на горюч камень,
Плакала, рыдала, всё причитывала».
Бежала калика о синё морё,
Вся калика прибродилася,
Вся калика приумоклася.
Не успела калика огня добыть,
Не успела калика котла сварить,
Не успела калика платье высушить,
Как перевозится Курвин-царь Смородина
Со своим зятелком Кирпищиком.
У его же силы множество:
Впереди его — сорок тысячей,
По правой руки — сорок тысячей,
По левой руки — сорок тысячей,
Позади его — конца счёту нет.

ЛЕОНТИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ЧУПРОВ

Л. Т. Чупров (в 1955 г. — 52 года) — постоянный житель дер. Боровской на реке Пижме (Усть-Цилемский район Коми АССР), внук сказителя Семена Денисовича Чупрова (очевидно, брата Анны Денисовны Осташевой, от которой Н. Е. Ончуков записал очень хорошую былину о Василии Игнатьеве, см. «Печорские былины», стр. 69).

От деда Леонтий Тимофеевич и усвоил былины еще с детства, но ко времени записи от него большим репертуаром уже похвалиться не мог, многое уже забыл. Пел спокойно, истово, с твердым знанием текста и напева.

Кроме былин, Л. Т. Чупров знает старинные местные песни. Сказок не рассказывает.

Первую из публикуемых былин («Про Илью Муромца») пели вместе с Л. Т. Чупровым его жена Анна Лукинична, 43 лет, и Маркел Маркелович Чупров, 72 лет, слабый и дряхлый старик из дер. Абрамовской, бывший в это время в гостях у Леонтия Тимофеевича. Оба самостоятельно былин никогда не пели, но охотно подпевали знающим исполнителям. Анна Лукинична знает старинные лирические песни, Маркел Маркелович — духовные стихи, которые поет один и не отличает их от былин, называя одинаково «старинами».

51

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА

* Ой недалёко от города от Киева,
Ах, недалёко, не близко, да за двенадцать верст
Стояла застава да богатырская,
Не велика, не мала — тридцать со богатырем.
Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Тут не конной, не пешой не прохаживал,
Не рыскучой зверь да не пробегивал,
Ни ясён сокол да не пролётывал,
А жил за старшого да Илья Муромец.
Поутру вставал да он ранёшенько,*
Умываетсе старой да ключевой водой,
Вытираетсе старой да полотеничком,
Богу молитсе да не по множеству,
Одевал козловы-те сапожки на белы чулки,
А кунью шубу да на плечи,
А пуховой колпак да на головушку.
А брал он трубочку подзорную
И зрел-смотрел на все стороны.
На севере стоят да ледяны горы;
А еще зрит в сторону восточную —
На восточной стоят да леса темные;
А еще зрит-смотрит в ту да южную —
А на юге там стоят луга зелёные;
А еще зрит-смотрит во сторону во западную —
А на западе стоит да поле чистое,
Поле чистое да все Куликово.
Там славной Буян-остров он шатаетсе,
А не Саратовски там горы да воздымаютсе,
А ведь едет богатырь да забавляетсе:
Во руках держит да свой лук тугой,
Он стрелочку калёну да сам постреливат,
На лету ее подхватыват,
На землю ее да не ураниват.
На левом колене у его чернильница,

35 На правом колене его бумажечка.
А и пишет он арлык да скору грамоту.
Он подметыват да ко белу шатру.
Выбегат старой да он скорёшенько,
Брал он записочку легошенько,
40 Давал читать Добрынюшке Никитичу.
Где читал Добрыня, да усмехаетсе:
«А не идет богатырь, да похваляетсе:
„Уж я еду к вам в стольной Киев-град,
Пошуметь-пограметь да в стольном Киеве,
45 Я божьи церкви на дым спущу,
А церковны-те иконы на поплав воды,
А медны кресты я во грязь стопчу,
Владимира-князя под меч склоню,
Апраксию-княгиню за себя возьму,
50 Крупну силу да я повыбью всю,
Мелку силу я повыгоню,
Да Добрынюшку Никитича да во писари“».
Закричал старой громким голосом:
«А не время спать, да нам пора вставать,
55 Не от великого хмелю да просыпатисе,
Не от крепкого сна вам разбужатисе.
А кого же мы пошлем да за богатырем,
А кого же мы пошлем да за могучиим?
А послать-то не послать Самсона да Колыбанова?
60 А Самсон-от Колыбанов роду да он сонливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать-то Мишку ле Турупанишка?
А Мишка Турупанишка роду ле да торопливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
65 А послать-то не послать Алешеньку Поповича?
А Алешенька Попович роду заговорлива,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитича?
А Добрынюшка Никитич роду вежлива,
70 А сумеет он с богатырем ведь съехатьсе».
А не видели, как Добрыня да на коня скочил,
А не видели, как Добрыня да в стремена ступил,
Только видели — в поле копоть стоит.
Где догнал Добрынюшка богатыря,
75 Он кричал ему да во первой након:
«Если русский богатырь, да поворот держи,
А не русский богатырь, да я напус даю».
А на это тут детина да не ослушалсе.
А закричал Добрыня да во второй након:
80 «Если русский богатырь, да поворот держи,
А не русский богатырь, да я напус даю».
А на это тут детина да не ослушалсе.
А кричал Добрыня да во третий након:
«Если русский богатырь, да поворот держи,
85 А не русский богатырь, да я напус даю».
А на это детина да не ослушалсе.
А тут стал Добрынюшка ругатисе:

«А едешь, гадина да перегадина,
А летишь, ворона да пустопёрая,
90 А летишь, машешьсе, сорока да загумённая,
А была у нас у барина коровка набозыкова,
По загуменьям коровина волочиласе,
Олавиной корова да подавиласе.
А верно те, собаке, да то же надобно».
95 А на это тут детина да поворот дает,
О-да брал он Добрыню да за желты кудри,
А бросал его да на сыру землю,
А дал ему да тут по тяпышу,
А прибавил еще да по олабышу:
100 «А поезжай, — грит, — ты назад да во белой шатер,
А скажи-ка старику да ты низкой поклон,
А что он вами, г. . .ами, да заменяетсе:
Ему самому со мною да не поправитьсе».
А и едет Добрыня да не по-старому,
105 А и конь его бежит да не по-прежнему,
А повеся держит Добрыня да буйну голову,
Потопя его да очи ясные.
А-де стал старо́й Добрынюшку выспрашивать,
А Добрынюшку выспрашивать, его выведывать.
110 — «Видел в поле да я богатыря,
А шлет он тебе да он низкой поклон,
А говорит — что он вами, г. . .ами, да заменяетсе,
Ему самому со мною да не поправитьсе».
А завидело око да молодецкое,
115 А заслышало ухо да богатырское,
Расходились его плеча могучие,
Рассердилось его да ретиво сердцо.
«Оседлайте мне да вы добра коня,
Уберите его да вы со трех цепей,
120 Укладите восемь подпружичек,
А девятую кладите да через хребе́тину.
А на шею кольчужечку серебряну,
А не ради красы дак молодецкоей,
А ради крепости да богатырскоей,
125 А чтобы не оставил доброй конь да во чистом поле́.
А не успеете вы щей котла сварить,
А привезу я вам погану да буйну голову,
На поганенье вам дам, на поруганье».
А не видели, как старой да на коня вскочил,
130 А не видели, как он да в стремена вступил,
А только видели — в чистом поле копоть стоит,
Из-под копыт коня да искры сыплютсе,
А из рота да коня да пламя мечетсе,
Не золотиста грива да расстилаетсе,
135 Хвост трубой его да завиваетсе.
О-де наговаривал Сокольник да он своим слугам,
Он своим слугам да своим верным:
«Уж выбирайте вы себе хозяина поласковей,
А поласковей хозяина, повежливей,
140 А со старым-то съехатьсе да не с родным отцом,

А со старым-то съехатьсе да мне не брататьсе,
А со старым-то съехатьсе да дело да под молитвою,
День под молитвою да чья божья помощь».
Тут не две горы да там столкнулисе,
А два богатыря да съехались.
А копья их да повихалисе,
А сабли их да пощербалисе,
Ухватились они да там в охабочку.
Они бились, дрались да целы суточки.
А-де старому похвально да слово встретилось,
А лева рука да проказнуласе,
А права нога да подломиласе,
А-де упал старой да на сыру землю,
Где взмолилсе старой да богородице:
«А я за вас стою, да я за вас борюсь,
А я стою-борюсь за верушку христовую,
А выдали вы меня поганым да на погаленье,
А на погаленье выдали, на поруганье».
А тут не ветер полосочкой возмахиват —
У старого силы вдвое да тут поприбыло.
Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил его да на сыру землю.
Он вытащил ножичок булатныей,
Возорвал его латы железные,
А хотел он ему резать да груди черные,
А смотреть его да ретиво сердцо,
А в плече его рука да остояласе.
Он стал выспрашивать богатыря:
«Уж ты кой земли, да коей матери,
А как звать тебя да нынь по имени?»
«Когда я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
А режь меня да ты, не спрашивай».
А замахнулсе старой ведь во второй разок,
А в локтю рука его да остояласе:
«Уж ты гой еси, да доброй молодец,
Коей ты земли, да коей матери,
А как тебя зовут да нонь по имени?»
— «Я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
А режь меня да ты, не спрашивай».
Замахнулсе старой да во третий разок,
А в заведи его рука да остояласе:
«Уж ты гой еси, да доброй молодец,
Коей земли да коей матери,
А как тебя зовут да нонь по имени?»
— «Есть за морем поляница да одинокая.
Есть за морем поляница да одинокая,
Та поляница моя матушка».
Тут соскакивал старой на резвы ноги,
Брал Сокольника за белы руки,
Называл его сыном любезныим.
Говорит Сокольник таково слово:
«А и как ты прижил меня моей маменьке?»
— «Я у маменьки твоей прожил в таю три месяца,

Тут тебя и прижил я, мой сын».
195 Говорит Сокольник таково слово:
«А поеду я, спрошу у моей маменьки,
Верно ли ты ею похвасталсе».
Погонил Сокольничек к своей маменьке,
А старо́й поставил шатер белобархатной,
200 Лег он спать с великого побоища.
Пригонил Сокольник к своему двору,
Говорит матери таковы слова:
«Был я на полях на киевских,
Видел старо́го казака Илью Муромца.
205 Назвал он тебя б. . . .ю, меня вы. . . . . .м».
— «Не пустым старо́й похваляетсе:
Он со мной жил в таю ровно три месяца,
Тут тебя мне-ка прижил».
Тут схватил Сокольник саблю вострую,
210 Срубил у матери буйну голову.
Он садилсе на добра́ коня,
Ехал во чисто́ поле́ ко старому.
Заскочил Сокольник в шатер белобархатной,
Старой спит, как порог шумит.
215 Ткнул Сокольник старого копьем в ретиво́ сердцо́.
А у старого погодилсе на груди чуден крест.
Копьецо в крест вошло да и сломалосе.
Ото сну старо́й пробуждаетсе,
Как схватил Сокольника за черны́ кудри́,
220 Поднял повыше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего,
На белы́ руки́ его не подхватывал.
Пал Сокольник на матушку сыру́ землю.
Тут Сокольничку смерть случиласе.
225 Тогда собрал старо́й свой белой шатер,
Скочил старо́й на добра́ коня,
Сам поехал на заставу богатырскую.

52

ПРО БАТМАНА

Про белого сказать царя, про верного,
Про удалого сказать да добра молодца,
Про удалого да добра молодца.
Ой-де ходит Батман да во царёв кабак,
5 Ой ходит Батман да во царёв кабак
Он помногу пьет да зелена́ вина,
Он помногу пьет да зелена́ вина,
Пьет не рюмками да и не стаканами,
Пьет-откатыват да бочки-сороковочки.
10 Во хмелю-то был детина несурядливой,
Из речей Батман да вышибаетсе,
Сам собою он да похваляетсе:
«Я на силушку да посильней царя,
Я на смёточку его посме́тливей».

15 Погодились у царя слуги верные,
Слуги верные всё губернаторы,
Они скоро пошли, царю доложили:
«Уж ты гой еси, Владимир красно солнышко,
Пьет Батман да во царёвом кабаке,
20 Пьет не рюмками, не стаканами,
Пьет-отхватыват бочки-сороковочки.
Во хмелю-то он да несурядливой,
Из речей он сам да похваляетсе:
„Я на силушку да посильней царя,
25 Я на смёточку его посмётливей“».
Говорит Владимир красно солнышко:
«Уж связать, сковать да горьку пьяницу,
Привести его да ко мне на суд».
Уж они пошли, слуги верные,
30 Слуги верные да губернаторы:
«Уж ты гой еси, да доброй молодец,
Как зовет тебя царь на почестен пир».
Как уж пошел тут Васенька Буслаевич,
Как пошел ко Владимиру-царю на почестен пир.
35 Уж как стал его спрашивать Владимир красно солнышко,
Отвечает Василий сын Буслаевич:
«Не могу ведь я с вами речь говорити,
Речь говорити, слово молвити,
Уж вы дайте мне опохмёлитьсе».
40 Наливает тут Владимир красно солнышко
Наливает чару зелена вина,
Подает ему обеим рукми́.
Он берет ее одною рукой,
Выпивает ее к одину духу:
45 «Не оммыло у Васьки ретиво сердце,
Не возвеселило мою буйну голову».
Наливает царь вторую чару зелена вина,
Подает ему обеим рукми́.
Он берет ее одиной рукой,
50 Выпивает ее к одину духу:
«Не оммыло у Васьки ретиво сердцо,
Не возвеселило мою буйну голову».
Наливает царь третью чару зелена вина,
Не велику, не малу — полтора ведра,
55 Подает ему обеим рукми́.
Он берет ее одиной рукой
И выпивает ее к одину духу:
«Уж оммыло у Васьки ретиво сердцо
И возвеселило мою буйную голову.
60 Нонь могу я с вами речь говорити,
Речь говорити, слово молвити.
Как у вас была война со турками,
Кто вас от бедушки повыручил,
Кто вас от великой повыкупил?
65 Не я ли вас от бедушки повыручил,
Не я ли вас от великой повыкупил?»
Поклонилсе царь добру молодцу:

«Будь царем, я тебе прислугою,
Отдам тебе города с пригородками
И дам тебе села с присёлками,
И дам тебе судна с пришлюпками».
Говорит Василий сын Буслаевич:
«Не надо мне твои города с пригородками,
И не надо мне твои села с присёлками,
И не надо мне твои судна с пришлюпками,
А дай мне пить вино безденежно».

ЕРЕМЕЙ ПРОВОВИЧ ЧУПРОВ

Едва ли не самый выдающийся мастер-былинщик всего района средней Печоры, известный в литературе еще по записям 1929 г. (Астахова, 1938, стр. 366—374). Исключительно одаренный певец, исполняющий свой небольшой былинный репертуар с необычайно тонкой артистичностью и огромным эмоциональным подъемом. По сравнению с записями 1929 г. репертуар Е. П. Чупрова не расширился, но и не стал хуже: обе былины, спетые в 1929 г., были им повторены в 1955 г. почти дословно. Пел Е. П. Чупров очень охотно, с громадным увлечением, видимо, не обращая никакого внимания на то, что при этом шла запись на магнитофон и что изба была полна народу, который, затаив дыхание, слушал сказителя.

Кроме былин, знает много песен и охотно поет их. Он остался единственным певцом в прежде большой семье: старшие братья, Яков и Климентий, с которыми он раньше пел (Астахова, 1938, стр. 366), очень стары и дряхлы, сын Ларион Еремеевич живет в Карелии, служит на военной службе и, по словам отца, продолжает петь былины в кругу семьи. В Абрамовской с Е. П. Чупровым поют его двоюродные братья Малафей Иванович и Семен Иванович Чупровы.

Внешность Е. П. Чупрова (см. статью, стр. 23) производит большое впечатление, напоминая образы могучих вольных древних новгородцев. Весь облик Е. П. Чупрова в сочетании с его творческой манерой певца совершенно незабываем и неповторим.

53

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

* Ай да во стольнём во городе во Киёве,
Как жили на заставы богатыре,
Каравулили-хранили стольнёй Киев-град.
Не видали они ни коннаго, ни пешаго,
Не прохожего они да ни проезжаго.
Да не серой-от волк да не прорыскивал,*
Да ни черной медведь да не пробегивал.
Ставает старо́й да поутру ранёшенько,
Да выходит старо́й да он на улицу,
Да берет он подзорну свою трубочку.
Он смотрит под сторону под западну:
Кабы там-де стоят горы ледяные.
Он смотрит под сторону под северну:
Кабы там-де стоит да море синее.
Он смотрит под сторону под летнюю:
Кабы там бы стоит да поле чистое.
Не туман ведь в поле да полыхаетсе,
Ездит богатырь, забавляетсе.
Он кверху-то стрелочку постреливат,
На сыру землю не ураниват,
На лету-то стрелочку подхватыват.

На одном-то колене дёржит чернилочко,
На другом-то колене дёржит бумажечку,
Да и пишет богатырь скору грамотку.
25 Подъезжает богатырь ко белу шатру,
Он подбросил эту грамотку старому казаку.
Берет да старой эту грамотку
Да заходит старой да во белой шатер.
Заревел, закричал он громким голосом:
30 «Уж как не время спать, да пора вставать,
От велика сона пробуждатисе,
От великой хмелины просыпатисе».
Вскочили ребята на резвы ноги,
Умывались они все ключевой водой,
35 Утирались они да полотенышком.
Вот и стал тогда старой их спрашивать:
«Уж я еду к вам во стольнёй Киев-град
Я греметь, штурмовать что ваш стольнёй Киев-град,
Что Владимира-то князя я под меч склоню,
40 Молоду его княгиню за себя возьму,
Я Алешу Поповича во конюхи,
А Добрынюшку Микитича во писари,
Кабы Мишку Торопанишка чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки ему мыть да поварёшки,
45 А святы ваши иконы на поплав спущу».
Вот и стал тогда старой их спрашивать:
«Да кого мы пошлем да во чисто поле,
Во чисто полё пошлем да за богатырем?
Да послать бы нам Мишку Торопанишка —
50 У нас Мишка да роду торопливого,
Зря ведь он потерят свою буйну голову.
Мы пошлем лучше Добрынюшку Микитича.
Добрыня-то роду у нас вежливого,
Он сумеет с богатырем-то съехатьсе,
55 Он сумеет богатырю всю честь воздать».
Вот и стал-то Добрынюшка сряжатисе,
Вот и стал-то Никитич сподоблятисе.
Да не видели Добрыню, как на коня когда скочил,
А увидели — Добрыня в стремена ступил,
60 Да увидели — в чистом поле курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит.
У коня-то из роту пламя мечетсе,
У коня из ноздрей искры сыплютсе,
А хвост трубашкой возвиваетсе.
65 Полетел тут Добрыня во чисто полё,
Во чисто полё поехал да за богатырем.
Подъезжает Добрыня ко богатырю.
Заревел тут Добрыня во первой након:
«А куда же ты едешь, куда путь дёржишь?
70 Не воротишь ты на заставу караульную?»
А на это богатырь не вослушалсе.
Заревел тогда Добрыня да во второй након:
«Ах ты летишь, ворона да пустопёрая,
Ах ты летишь, сорока загумённая,

75 А ты нас, богатырей, ничем зовешь?»
На это богатырь поворот дает,
Нападает тут богатырь да на Добрынюшку,
Схватил он Добрыню да со добра коня,
Свистнул он его да на сыру землю,
80 Да дал ему по ж... да два тяпыша,
Да прибавил он два олабыша,
Посадил его назад да на добра коня:
«Поезжай ты назад да во белой шатер,
Да скажи старику от меня да низкой поклон,
85 Да пусть вами, г...ами, не заменяетсе,
Самому ему со мной не поправитьсе».
Видят — едет Добрыня не по-старому,
А конь-то бежит да не по-прежнему,
Повеся он дёржит да буйну голову,
90 Потопя он дёржит да очи ясные.
Подъезжает Добрыня ко белу шатру,
Заходит Добрыня во белой шатер.
Вот и стал его старой да тут выспрашивати,
И стал ему Добрыня рассказывати:
95 «Посылает он тебе со мною низкой поклон,
Не велел нами, г...яками, да заменятисе:
„Самому ему со мной не поправитьсе“».
У старого глаза да помутилисе,
А могучие плеча да расходилисе.
100 Заревел тут старик да громким голосом:
«Уздайте, седлайте коня доброго,
Коня доброго да со восьми цепей.
Не успеете, говорит, горшок щей сварить,
Привезу сюда боярскую да буйну голову».
105 Вот и стал тут старой тут сряжатисе,
Надеват-то латы богатырские,
Надеват он шляпу да на одно ухо,
На правом плече у него орел сидит,
На левом у него черной ворон.
110 Да не видели старика, на коня когда скочил,
Не увидели — старик в стремена скочил,
А увидели — в чистом поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
У коня-то из роту пламя мечетсе,
115 У коня-то из ноздрей да искры сыплютсе,
А хвост трубашкой завиваетсе.
Полетел да старой да во чисто полё,
Во чисто полё поехал да за богатырем.
Подъезжает старой да ко богатырю,
120 Заревел тут старой да во первой након:
«А куда ты же едешь, куда путь дёржишь?
Не воротишь ты на заставу караульную?»
А на это Сокольник да не ослушалсе.
Заревел тогда старой да во второй након:
125 «Ах ты летишь, ворона пустопёрая,
Ах ты летишь, сорока загумённая,
Ах ты нас, видно, богатырей, ничем зовешь?»

На это Сокольник да поворот дает.
Не две тучи столпилисе,
130 Два богатыря тут да солеталисе.
Задрожала тогда да мать сыра земля.
Они бились, хвостались да целы суточки,
У их палицы все да изломалисе.
Они бросили тут бой да на сыру землю,
135 Да и повыхватили сабельки булатные.
Они билисе, рубилисе да вторы суточки,
У них сабельки все да исщербалисе.
Они бросили тут бой да о сыру землю,
Да соскочили тогда да со добрых коней,
140 Да схватились тогда они в охабочку.
Они бились-боролись да третьи суточки.
Да старого похвально да слово спутало.
Одна-то нога да подскользнуласе,
А друга-то нога да подломиласе,
145 А столкнул Сокольник его на сыру землю,
Да разорвал он у его латы богатырские.
Да вытащил чинжалище булатное.
Замахнулсе Сокольник да во белы ему груди.
Взмолилсе старой тогда богородице:
150 «Пресвятая ты мать да богородица,
Почему ты меня выдала
Черным воронам да на раслёванье,
Лютым зверям да на растасканье?»
Вдвое-втрое у старого силы прибыло.
155 Сосвистнул он Сокольника со белых грудей,
Соскочил он ему да на черны груди,
Он разорвал его латы богатырские,
Да и вытащил чинжалище булатное.
Замахнулсе Сокольнику во белы груди.
160 А в маханье рука да застояласе.
Он и стал его тогда он и выспрашивать:
«Да какого ты роду, да какой племени,
А как же тебя зовут по имени?»
Отвечал Сокольник да таковую речь:
165 «Когда был я у тебя да на твоих грудях,
Я не спрашивал ни роду у тя, ни племени».
Замахнулся старой да во второй након,
А в маханье рука да остояласе.
Он и стал его опять да тут спрашивать:
170 «Да какого ты роду, да какой племени,
А как же тебя зовут по имени?»
«Есть там за морем богатырица да одноокая,
Я ей буду сын, а отец у мня прихожий молодец».
Скочил тут старой да на резвы ноги,
175 Схватил он Сокольника за белы руки,
Поставил его на резвы ноги:
«А ты будешь сыном, да я отец тебе».

(На этом месте исполнитель, певший всю былину с огромным увлечением, устал и дальнейшее передал в кратких словах: Сокольник едет к ма-

тери за проверкой, узнает от нее правду, сердится, убивает ее, возвращается к Илье, спящему в шатре, и пытается убить его копьем. Илью спасает крест на груди. Богатырь просыпается, убивает Сокольника, выбрасывает из шатра и снова засыпает).

54

ПРО БУТМАНА

Как про белого сказать царя про бедного,
Про удалого сказать да добра молодца,
Ах ты ой еси, удалой доброй молодец,
А ты часто-де ходишь на царев кабак,
5 Он помногу пьет да зелена вина,
Он не рюмками пьет да не стаканами,
Он откатыват бочки-сороковочки.
Во хмелю-ту сам детина несурядливой,
Из речей-то детина вышибаетсе,
10 Он ведь силушкою да похваляетсе:
«Уж как силушкой я буду царя сильней,
Уж как смёточкою буду посмётливей».
Погодилисе у царя люди придворные,
Вот придворные люди губернаторы,
15 Вот пошли они к царю, скоро доложили.
Вот позвал тогда ведь царь да слугов верныих,
Слугов верныих позвал да неизменныих:
«Вот и связать и сковать да горьку пьяницу,
Привести его сюда да на допрос ко мне!»
20 Вот пошли тогда бояра толстобрюхие:
«Ах ты ой еси, удалой доброй молодец,
Уж как звал тебя ведь царь да на почестен пир».
Приходит Бутман да сын Иванович.
Заходил туда Бутман да сын Иванович,
25 Вот и стал тогда ведь царь его допрашивать,
Ай и стал ему Бутман да всё загадывать:
«Ты подай пока мне чару зелена вина,
Не велику и не малу — полтора ведра».
Вот и дал ему царь да чару выкушать.
30 Выпивает-то Бутман да эту чарочку:
«Не оммыло у меня да ретиво сердцо,
Не взвеселило у мня да буйну голову».
Наливает ведь тут царь да ему водочки.
Выпивает Бутман вторую чарочку:
35 «Вот когда война была со турками,
Тогда-то тебя от смерти повыручил».
— «Ах ты ой еси, удалой доброй молодец,
Ах ты будешь у нас царем, а я слугой твоей.
Уж я дам тебе города все с пригородками,
40 Я отдам тебе корабли да все со шлюпками».
— «Мне не надо города твои с пригородками,
Мне на надо корабли твои со шлюпками,
Разреши ты мне пить да зелено вино
Вот бесплатно вино да бескопеечно».

45 Вот пошел тогда Бутман да сын Иванович,
Заревел он, закричал да громким голосом:
«Ах вы ой еси, товарищи кабацкие,
Вы пойдемте со мною да опохмéлимсе».

МАЛАФЕЙ ИВАНОВИЧ И СЕМЕН ИВАНОВИЧ ЧУПРОВЫ

М. И. Чупров, 68 лет, и С. И. Чупров, 67 лет, — родные братья, постоянные жители дер. Абрамовской на реке Пижме, грамотные, двоюродные братья Еремея Прововича Чупрова, с которым вместе поют. Малафей Иванович издавна входил в ту замечательную семейную группу певцов, от которой в 1929 г. были записаны песни и былины (см. фотоснимок этой группы в кн.: Астахова, 1938, стр. 368—369). Но былины в 1955 г., как и раньше, оба брата знали слабо, ни одного цельного текста самостоятельно вспомнить не могли. Знали и пели старые песни, в основном солдатские и исторические (про князя Долгорукова, Платова и др.).

55

КАК ПРО БЕЛОГО СКАЗАТЬ

[БУТМАН]

* Как про белого сказать, царя про бедного,*
Про удалого сказать да добра молодца.
Во хмелю-то сам детина вышибаетсе,
Из речей-то Бутман да вышибаетсе:
5 «Уж я силушкою да до царя сильней,
Уж я смёточкою буду посмéтливей».
Пригодилисе слуги царя...

56

ПРО СКОПИНА

* Дак и много Скопин да по землям бывал,
А и много Скопин дак городов видал,
Не боялся Скопин да двадцати полков,
Двадцати пяти полков, да сорок тысячей.*

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЧУРКИН

Д. Ф. Чуркин был постоянным жителем дер. Чуркино на реке Пижме. В год записи ему было 79 лет, в 1958 г. он умер.

Среди местного населения Д. Ф. Чуркин издавна был известен как знаток былин Однако в 1956 г. помнил только «Старину про Скопина». Ее он спел охотно, уверенно, с увлечением. Видно было, что к исполняемому он относится серьезно, с любовью и пониманием. Д. Ф. Чуркину пришлось для записи петь при большой аудитории, и его слушали с большим вниманием и уважением. Сказок и песен Д. Ф. Чуркин не исполнял.

57

ПРО СКОПИНА

* Как во стольнём во городе во Киеве,
Как у ласкова князя да у Владимира,
А столованиё было пированьё.

Уж как много на пиру да собиралися,
5 Кабы много на честнóм да соезжалися,
Уж как много царей, много царевичей,
Уж как много князей, много князевичей,
Много королей, много королевичей,[1]
Сильных могучиих богáтырей
10 И думных бояр толстобрюхиих.
И все на пиру да напивалися,
Как бы все на честнóм да наедалися,
Ай и все на пиру были пьяны-веселы,
И все на пиру да прирасхвастались,*
15 Кабы все на честнóм да приразляпались.
А иной хвастат да золотой казной,
А иной хвастат высоким новым своим теремом,
А иной так хвастат дак чистым сéребром,
А иной дак нынь хвастат своим добрым конем,
20 А мудрой похвастал своей матерью,
А и глупый-то похвастал да молодой женой.
А похвастал Скопин да сын Иванович:
«Уж я много, Скопин, да на земле бывал,
А и много Скопин да городов видал,
25 Не боялсе Скопин да двадцати пяти полков,
Двадцати пяти полков да полков тысячных.
Я Малюту-то князя во служки брал,
А Малютову жену да во служаночки,
Чашки-ложки мыть да поварёночки».
30 Как тут Малютовой жене за беду стало,
За великую досаду показалосе.
Побежала она ко князю Владимиру:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь,
Как вчера-то мы с кумушкой кумилисе,
35 А сегодня надо крестничка поздравити,
Разреши ты налить чару зелена вина,
Не великую, не малу — в полтора ведра».
И дал-от он-то ей да разрешеньице.
Побежала она да в тёмны погреба,
40 Наливала она да чару зелена вина,
Положила она да зелья лютого
И положила она сала змеиного
И подносит Скопину сыну Ивановичу.
А вся чара вина да как огонь горит,
45 По краям-то у чары словно ключ кипит.
Берет-то он да единой рукой,
Говорит он да таково слово:
«Уж вы ой еси, дружинушка хоробрая,
Дружинушка хоробрая да заговорная,
50 Уж как пить мне чару — живым не быть,
А не пить мне чару — виноватым быть.
Выпью я чару да зелена вина,
Вы тащите меня вон на улицу,
Привяжите меня да ко добру коню

[1] Стихи 8 и 10 при записи на магнитофон были пропущены.

55 И отправьте коня да к моему двору».
Привозит его конь да полумертвого.
Видит мамаша Омельфа Тимофеевна:
«Что же ты, сын, едешь не по-старому,
Не по-старому едешь, не по-прежнему,
60 Повеся ты дёржишь буйну голову,
Потопя ты дёржишь да очи ясные,
Потопя ты дёржишь в мать сыру землю?»
Тут Скопину и злая смерть пришла.

ДЕМИД ФАТЕЕВИЧ БОБРЕЦОВ

Постоянный житель дер Степановской на реке Пижме Бодрый, красивый старик 71 года, с пышной бородой, бывший солдат дореволюционной армии Хорошо знает местные старинные песни, а также песни революционные и старые солдатские

Мастером-былинщиком Д Ф Бобрецов никогда не был, но пел раньше то же, что и многие другие жители дер Степановской, в репертуаре которых издавна бытовали наряду со старыми песнями популярные по всей Пижме былины о Бутмане и об Илье и Сокольнике Ко времени записи от него позабыл и то немногое, что знал, и помнил только отрывки былинных текстов

58

ПРО БУТМАНА

* Он не рюмками пил да не стаканами,
Он откатывал бочки-сороковочки.
Во хмелю-то детина выпивается,
Из речей-то удалой вышибается:
5 «Уж я силушкою да посильней царя,
Ох, я смёточкою царя посмётистей».*

ПАВЛА МАРКЕЛОВНА ЧУПРОВА

В 1956 г. это веселая, здоровая, молодая женщина 30 лет, родом из дер. Абрамовской на реке Пижме, живущая в дер. Скитской, куда выдана замуж. Дочь знатока духовных стихов, а в прошлом и старых песен, Маркела Маркеловича Чупрова (см. о нем в заметке о Леонтии Чупрове, настоящий сборник, стр. 158).

Былины слышала от отца, но могла припомнить только небольшой фрагмент из былины про Сокольника. Хорошо знает некоторые исторические песни («Поле чистое турецкое», «Платов»), а также много лирических, святочных и игровых.

59

ПРО БОГАТЫРЯ

* Уж как не видели, старой наш на коня скочил,
Да только видели — старой наш в стремена ступил,
А по чистому полю да только пыль и стоит,
И только пыль стоит, да дым столбом валит.
5 У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
У коня-то изо рта да пламя мечется.*
Подъехал старой ко белу шатру.
(*Это не с краю, из середки*).

СИДОР НИЛОВИЧ АНТОНОВ

С. Н. Антонов, постоянный житель дер. Скитской на реке Пижме, в 1955 г. крепкий, здоровый, 63 лет, но на вид — человек средних лет. Грамотный, начитанный, знаток древних книг, которые собирает и хранит. Хорошо знает старое церковное пение по крюкам и пользуется репутацией весьма уважаемого в округе человека. Знает местные исторические предания и легенды, интересуется историей. Произвел впечатление человека умного, рассудительного. В обращении приветлив, хотя и сдержан. Беседовал с участниками экспедиции охотно, с чувством собственного достоинства.

Былины знал слабо, только в отрывках, ни одной полностью вспомнить не мог.

Сидору Ниловичу подпевала его жена Агафья Григорьевна, 47 лет, тоже исконная жительница дер. Скитской. Сама она былин не знает.

60

ПРО СТАРОГО

[БУТМАН]

* Как про старого сказать, да про юдалого,
Про юдалого сказать да добра молодца,
Где он ходит-гуляет в большом кабаке.
Он не рюмками пьет да не стаканами,
А накатывает-от бочки-сороковочки.
Во хмелю-то сам детинка да выпивается,
Из речей-то сам удалый дак похваляется:
«Уж я силушкою буду сильнее всех,
Уж я сметочкою буду посмéтливей.
Уж ты, великой мой царь,[1] да православнай бог,
Уж ты дай-ко, асударь, да правосудьице».*

ФЕДОСЬЯ ФЕДОРОВНА ОСТАШОВА

Ф. Ф. Осташова, 52 лет, — постоянная жительница дер. Скитской на реке Пижме. Былины слыхала в своей деревне, где многие жители знают в отрывках некоторые тексты, но полностью ни одной былины спеть не могла. Хорошо знает местные старинные песни.

61

ПРО БУТМАНА

* Как про старого сказать, да про юдалого,
Про юдалого сказать да добра молодца,
Он ведь пил вино да сам не рюмками,
Он не рюмками пил дак не стаканами,
Он откатывал бочки да сороковочки.
Во хмелю детинка да выпиваитсе,
Он ведь силушкой да похваляитсе.
Он ведь силушкой будто сильней царя,
Он ведь смёточкой будто посмéтливей.*
Как они пошли к царю доложили:
«Уж ты царь ты мой царь, Владимир-князь»...

---

[1] Другой голос пел: «Уж что царь, ты мой царь».

НАРЬЯН-МАРСКИЙ РАЙОН

1956 г.

НИКАНДР ИВАНОВИЧ СУСЛОВ

Н. И. Суслов — постоянный житель дер. Лабожское Нарьян-Марского района. Рыбак. Живет очень обеспеченно в доме из трех комнат, обставленных по-городскому, с женой, дочерью, зятем и внуком.

Никандр Иванович — малограмотный самоучка, но большой любитель чтения. «Без газет жить не могу», — говорил он. В доме есть «Печорские былины» Н. Е. Ончукова с оторванными первыми и последними страницами, но Суслов слышал в молодости многих живых исполнителей былин (В. П. Тарбарейского, Ф. М. Пономарева и др.) и от них, по его словам, «понял» те старины, которые поет сейчас. Однако несомненно и влияние текстов сборника Ончукова. Бесспорно одаренный сказитель, Н. И. Суслов творчески объединяет взятое им из устной традиции с усвоенным из книги. К записи от него былин он отнесся с большим чувством ответственности. Характерен следующий факт: когда записывали от него балладу «Молодец и горе» на магнитофон, он «чтобы не соврать» держал перед глазами книгу Ончукова с раскрытым текстом этой баллады, хотя перед тем спел ее совершенно свободно (см. № 64).

62

СТАРИНА «ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА НА ДОБРЫНИНОЙ ЖЕНЫ»

*Как случилоси Добрыни в полё ехати,
И не на много, не на мало ему — на целый год.
Оставляет он жену да свою милую:
«Если год-то пройдет, да я не вёрнуся —
Тогды можь и ты итти да толькё взамуж-то,
Только за кого хоть ты поди, дак мне-ка как всё равно,
Только не ходи ты да за Олёшенькю Поповича, —
Ведь он-то мне-ка ведь как нонь да как двоюрод брат».
Тут уехал-то удалый добрый молодец.
Как задумал-то Олёшенька женитися.
Он прошел-то к Ильи да ле ныне к Муромцу:
«Я желаю жениться на Добрыниной жены».
Ах ведь тут ли-то старо́й да Илия Муромец
Говорит ли-то сейчас да таково слово:
«Может быть-то Добрыня-то жив-то быть».
А Олеша-то и тут да выговариват:
«Я уж и ездил по чистому по полю-ту,

Я ли видел-то труп да нонь Микитича:
Сквозь его-то сейчас да ведь трава ростет,
20 Как трава-то ростет, да ведь и цветы цветут».
Тут и старый-то казак и дак Илия Муромец
Согласилсе женитьсе нынь Поповичу.
Они стали собиратьсё за невестою
Как ведь и в ту же пору вот да нонь среди ночй:
25 «Как добром-то пойдет — дак возьмем с радостью,
А добром не пойдет — так возьмем нéчестью».
Вот и тут-то пошли нынь к Добрыниной жены,
Ах и старой Илья да ныне Муромец:
«Уж ты ой еси, ты матушка Добрынина,
30 Мы всё ли шли-то ведь к вам да нынь посватать цо
На Добрыниной жены да на за Поповича».
А она ведь говорит дак таково слово:
«Можот, жив-то Добрынюшка Мекитич блад».
А Илия-то тепере да нынче Муромец
35 Говорит: «Уж неживой да ныне Добрыня-та,
Сквозь его уже сейчас дак если трава растет,
Если трава ле растет, да как цветы цветут.
А добром-то пойдет — дак возьмем с радостью,
А добром-то ле не пойдет — дак возьмем нéчестью».
40 Тут пошла нынче матушка Добрынина
Ко своей-то снохи да в спальню светлую: *
«Уж ты ой еси, вставай да нынче, сноха милая,
Тут и пришли за тобой да нынь посватать же.
Тут Олёшенька пришел и со старым Ильей.
45 И добром пойдешь — возьмут с радостью,
Иль добром не пойдешь — возьмут нéчестью».
Тут ведь стала собиратьсе молода вдова.
Повели ее да на почестен пир.
Тут и пили-столовали на честном пиру.
50 Как во ту пору было да как в то времечко
Как Добрыня ехал по чисту полю,
Остановилсе он да во белом шатре,
Как бы спал да храпел, как река шумит.
Как и в это время да прилетел ворон,
55 Как бы первой раз он воскуркал же —
Молодой спит как крепким сном.
А второй-то раз воскуркал же —
А сухое пенье поломалосе.
А во третьей раз воскуркал же —
60 А в озерах вода да сколыхаласе.
Тут проснулся удалой доброй молодец:
«Видно, есть-то над городом незгодушка».
Как ведь едет сейчас да ко свою двору,
Ко свою двору, к высоку тéрему.
65 Не встречат его нынь дорога семья,
Дорога его семья да молода жена.
Он заходит-то сейчас да в гридню светлую,
Он здороватсе да нынь да с родной матушкой:
«Уж и где же моя да дорога семья,
70 Дорога ли семья да молода жена?»

— «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
Уж ты милое мое да нынче чадо милое,
Увели-то ее да на почестен пир,
Да взяли же за Олешенькю за Поповича».
Он и просит да у матушки благословеньица
И сходить-то на свадьбу посмотрети-то.
А ведь мать ему-то говорит таково слово:
«Понапрасну потеряшь свою буйну голову».
Отвечает он-то матушке родимоей:
«Я не буду ничего нынь разговаривать,
Я надену нынь платьице калическо».
Тут пошел же Добрынюшка на свадьбу-то.
Как пришел-то Добрыня нынь на свадьбу-то,
Как ему наливали зелена вина,
Как чару-то дают да невеликую,
Невелику-то чару — полтора ведра.
Подает-то ему да старой казак Илья Муромец.
Как берет-то Добрыня по праву руку,
Он и пьет-то ее да единым духом,
Сам за чарой-то слово выговариват:
«Дай бог больше тебе да ходить тысяцким».
Тогды наливает чару-то Олёшенька,
Подает-то он ее ныне Добрынюшке.
Он берет-то ведь чару во праву руку,
Он не малую-ту чару, не великую —
Полтора-то ведра да зелена вина:
«Тебе дай-то бог да во совете жить».
Подает-то ему и невеста же и чару ему да зелена вина,
Как не малу, не велику — полтора ведра.
Тогда берет-то ведь Добрынюшка Микитич млад,
Выпивает-то чару единым духом,
Сам за чарой-то слово выговариват:
«Тебе дай же ведь бог во согласьи жить».
Сам снимает платье калическое
И снимает перстень обручальной же,
Подает-то своей да дорогой жены.
Как стает-то она на резвы ноги,
Раздвигает столы да всё дубовые
И выходит к Добрынюшке Микитичу.
Тогда Добрынюшка Микитич проздравляти стал:
«Как тебе, старой казак Илья Муромец,
Тебе стыдно у жива мужа жену-то брать.
А тебе и здравствуй, Олёшенька ты Попович млад.
Здорово женившись, да не с кем спать».

Конец.

63

СТАРИНА «ЖЕНИТЬБА СОЛНЫШКА ВЛАДЫМИРА»

Как во славном во городе во Киеве,
А у ласкового князя у Владымира,
Заводилосе столованье-пированье
Ак на всех же купцей, попов, отцов духовныих,

5 Как на русских могучих всё богатырей,
На крестьян всех, бояр да толстобрюхиих.
Как бы все-то ль на пиру да пьяны-веселы,
А не все ли на пиру да развесёлые.
Как бы все-то на пиру да прирасхвастались:
10 Как иной-от ведь хвастат чистым серебром,
Как иной-от бы хвастат скатным жемчугом,
А иной-от бы хвастат-ы добрым конем,
Как иной-от бы хвастат саблей острою,
Ак иной ведь хвастат палицёй буёвою,
15 А иной-от ведь хвастат копейцем бурзомецкиим,
А ведь умный ведь хвастат старой матерью,
А безумный ведь хвастат молодой женой.
Как бы все-то сидят да развесёлые.
Абы солнышко князь да по полу ходил,
20 Он ножка о ножку поколачивал,
Он сапог о сапог да нынь пошалкивал,
Он белыми руками принамахивал,
Он русыма кудрями принатряхивал,
Он ясныма глазами приразглядывал:
25 «Уж вы ой еси, удалы добры молодцы,
Уж вы русские могучие богатыри,
Уж вы все-то сейчас да развесёлые,
Уж вы все-то у нас да припожёнены,
Уж красны девушки да замуж выданы,
30 А один-то я у вас да нынь холост хожу,
Я холост-то хожу, да без жены живу.
Вы не знаете ли кто мне поединщицу,
Вы не знаете ли кто да мне невесту-ту?
Мне статным-то надо статна, да как лицом бела,
35 А лицом-то бела да волосом руса,
А походочка бы ей да тихосмирная,
Ейна речь лебедина тихосмирная».
А один-то удалой доброй молодец
Как по имени Дунай да сын Иванович:
40 «Уж ты ой еси, ты солнышко Владымир-князь,
Не моги меня казнить, моги помиловать.
Я бы знаю-то тебе да нынь невесту-ту.
Как статным-то она статна, да полна возрастом,
Ак лицом-то она бела, да волосом руса,
45 Ей походочка была да тихосмирная,
Ейна речь-то бы была да лебединая:
Есть и за морем Семен да Лиховинскиих,
Есть и дочь у него да распрекрасная,
Как по имени она Ефросинья да Се-Семеновна».
50 Как послали Дуная за невестой-ту.
Он и взял с собой могучих богатырей,
Он корабль нагрузил да златом-серебром,
Он приехал ко Семену да Лиховинскиих:
«Как мы русские могучие богатыри,
55 Что из стольнёго из города Киёва,
Я приехал к вам за дочерью Ефросиньею
Ей за князя за Владымира взамуж везти.

А добром отдадут — возьмем с радостью,
А добром не отдадут — возьмем нéчестью».
60 Согласилсе тут Семен да Лиховинскиих:
«Еще дочь моя, Ефросинья Семеновна,
Приезжает богáтырь за тебя свататьсе
Что за русского за князя за Владымера.
Говорит: добром даем — возьмут с радостью,
65 А добром не отдаем — возьмут нéчестью».
Еще стала Ефросинья нынь сряжатисе,
Во цветное свое платье наряжатисе,
Собираетсе во стольнёй Киёв-град
Она за русского за князя за Владымера.
70 Привозили Ефросинью в стольнёй Киёв-град,
Тут пошло у их пировáнье великое.

64

СТАРИНА «МОЛОДЕЦ И ГОРЕ»

Хотел молодец горя избегнути,
А горюшко всё впереди его.
Овернулсе молодец ясным соколом,
А горюшко овернулось нехорошей птицею-сорокою.
5 И хотел молодец горя избегнути —
Овернулсе молодец да рыбой-щучкою,
А горюшко овернулось нехорошею рыбою-сорогою.
Хотел молодец горя избегнути —
А всё горюшко впереди его.
10 Как во ту было пору да как в то времечко
А случилось молодцу да полем ехати.
Уж и зла-лиха свекровушка неласкова
Не давала снохе она ни жить, ни быть,
Не давала снохе она ни есть, ни пить.
15 Как во ту ли пору, во то времечко
А как зла лиха свекровушка неласкова
Овернула сноху белою березою.
Как стоит-то во поле нынь березонька,
Прутье-ветье у березоньки серебряно,
20 А вершинка у березки позолочена.
А случилось молодцу да полем ехати:
«А несчастьице ли мне да повидалосе,
Видно, горюшко да мне да повстречалосе:
Как стоит-то во поле нынь березонька,
25 Прутье-ветье у березоньки серебряно,
А вершинка у березки позолочена.
А то ль несчастьице мне да показалосе.
Я срублю ли у березоньки вершиночку».
Не поспел молодец да слова вымолвить —
30 Только свистнула рука да молодецкая,
Отрубил он у березоньки вершиночку
И поехал удáлой ко свою двору,
Ко свою ныне двору, высóку тéрему.
Не стречает его да молода жена,
35 Молода его жена да дорогá семья.

Только встретила его да мать родимая.
«Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
Уж ты милое мое да чадо милое,
Отошла у тебя жена да во чисто́ полё,
40 Овернулась она да нынь березонькой.
Как без ветру березонька шатаетсе,
Прутье-ветье по земле да расстилаетсе.
Прутье-ветье да у березоньки серебряно,
А вершинка-то у березы позолочена».
45 — «Уж ты ой еси, ты матушка родимая,
Ведь ты зла-лиха сама ведь ты волшебница,
Не она ведь овернуласе березою,
А ведь ты овернула ее березою.
То ль несчастьице мне ль да повидалосе,
50 Видно, горюшко мне да повстречалосе,
Я отсек ведь у березы вершиночку,
Отсеку я у тебя да буйну голову».

А потом подумал:

«А ведь можно найти еще молода жена,
Не найти-то ведь будет родной матери».
(*И не отсек, воздержалсе*).

Всё!

ТИМОФЕЙ СЕМЕНОВИЧ ИЖЕМЦЕВ

Т. С. Ижемцев — в 1956 г. ему было 67 лет — постоянный житель дер. Бедовое Нарьян-Марского района. Оставшись сиротой в раннем детстве, долго жил среди староверов. В школе не бывал, самоучкой научился читать, но овладел грамотой слабо.

Встретился с экспедицией на пароходе между Великой Виской и Лабожским, куда ехал в гости к дочери. Сначала долго смущался и не решался петь, затем спел начало былины о Василии Игнатьеве, а по приезде в Лабожское — «Кострюка».[1]

На роду у него никто былин не пел. Откуда знает то, что спел, не мог сказать, не помнил. Смолоду слышал пение стариков на путине и сказки о богатырях от них же, но сам активно петь не учился. Других эпических произведений, кроме спетых, припомнить не мог. Былины называл «старинами». «Кострюка» спел на былинный напев.

Две его дочери, жена и сын былин не знают совершенно. Одна из дочерей — Евдокия Тимофеевна Сумарокова в Лабожской — знает много старых песен, заученных от отца. Сам Т. С. Ижемцев, кроме песен, хранит в памяти много библейских рассказов (о потопе, Моисее и фараоне, гибели Содома и Гоморры), называя их сказками, а также знает много быличек, в достоверности содержания которых убежден.

65

СТАРИНА

[ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ]

* «Уж вы где же, туры, да нонче спобыли?
Уж вы где же, туры, да нонче спобыли?»
Отвечали туры да дети малыя,
Дети малы туры да златорогия:
5 «Уж мы были, туры, да нонь во Шахове,
Уж мы были, туры, да нонь во Ляхове,

[1] См. сб.: Исторические песни XIII—XVI вв. М.—Л., 1960, № 147, ноты 32.

Уж мы видели, туры, да дети малые,
Дети малые, туры да златорогие,[1]
Уж мы видели, туры, да чудо чудное,
10 Уж мы видели, туры, да диво дивное:
На пятах-то двери да открывалися,
Да на крюках-то тут двери да остоялися,
А тут вышла девушка в одной беленькой рубашке без пояса,
В одних беленьких чулочиках без чоботов.
(*Вот тут я пропустил*),
15 Она видела над городом невзгодушку,
Она видела над Киевом великую».
Собирается собака злой Тугарин нонь,
Собирается силы да много-множество,
Собиралася сила да сила сильская,
20 Ай и множество силы да силы триста тыщ.
А как в осенну ночь серу волку не обрыскать,
А как в вешной день черну ворону не облететь.

(А вот дальше я... спотел! Больше петь того уже не знаю... Ну, ладно, довольно и тово уж — что делать!).*

НИКАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ТАРБАРЕЙСКИЙ

Н. В. Тарбарейский, 63 лет, постоянный житель дер. Лабожское Нарьян-Марского района, — сын известного в свое время сказителя-певца Василия Петровича Тарбарейского, от которого в 1938 г. произвел записи русских былин Н. П. Леонтьев (см. его книгу «Печорский фольклор». Архангельск, 1939, где помещены 5 былин и 2 исторические песни В. П. Тарбарейского). Ненец по отцу, русский по матери, Никандр Тарбарейский сохранил в своей наружности характерные национальные черты ненцев: очень черные волосы, широкие скулы, желто-смуглый цвет лица. Неграмотен.

Вопреки сообщению редактора сборника «Печорский фольклор» В. М. Сидельникова (очевидно, со слов собирателя), что все три сына Василия Петровича — Гавриил, Никандр и Константин «успешно перенимают от отца тексты былин и манеру их „пропевать"», Никандр Васильевич почти ничего от отца «не понял» (т. е. не перенял), хотя и слыхал от отца много. Из других сыновей знал былины, по словам Никандра, только Гавриил, который пел с отцом.

Сам Никандр Васильевич был очень смущен настойчивыми расспросами членов экспедиции и своим незнанием былин. По-видимому, с трудом вспомнил отрывки разных былин и соединил их вместе в довольно бессвязный текст, который спел на былинный напев. Спел, кроме этого, еще одну старую рекрутскую песню. Больше ничего не знал. Сын его, 26-летний Федор, поет хорошо новые массовые советские песни и ничего старого не знает.

66

СТАРИНА

[ИЛЬЯ И СОКОЛЬНИК]

Как во стольнём во городе во Киеве
Как у ласкова князя у Владымира
Заводилосе пированье-столованье,
Как пированье-столованье, почестен пир.
5 Как бы все-то на пиру да напивалисе,
Как бы все на честном да наедалисе,

---

[1] Стих 8 при записи на магнитофон был пропущен.

Только есть один не пьян да он невéселый,
Он-то ходит теперь да вдоль по гриденке,
Он-то ножечка о ножечку похлопыват,
10 Он каблук о каблук да поколачиват:
«Уж ты ой еси, наш солнышко Владымер-князь,
Ты позволь-ко мне, позволь-ко слово вымолвить.
«Уж ты ой еси, наше солнышко Владымер-князь,
Ты-то дай-ко-се-ка мне-ка поединщика,
15 Мне-ка съездить на чистóе мне нá поле,
Мне-ка надобно мне-ка поединщика,
Мне побитьсе-ка надо с ним-ка подратисе».
(*Он не дал ему поединщика пока-то*).
«Уж ты ой еси, солнышко Владымир-князь,
Мне-ка дай-ко-се топеря поединщика,
20 Я поеду я по чистому по полюшку,
Я поеду бы я с ним да поздороваюсь».
А старóй тот же час выходит он на улицу,
И берет он своего коня доброго.
Поезжает старóй да не прощаетсе,
25 Уезжает старóй да в чисто полюшко.
Он уехал старóй да далекёшенько,
Он раскинул шатер белополóтняной,
Забираетсе на отдых во чистó полё.
Он забралсе в шатер белополóтняной,
30 Тут немного поры-время миновалосе,
Как ко старому приехал поединщичек.
Он приехал ко старóму он подратисе,
А старóй же топеря спит он крепким сном.
Он к старóму он забралсе на белую грудь,
35 Вынимает он кинжалище булатной нож.
И спустил бы старóму он во всюю грудь,
И старóй бы проснулсе своим крепким сном,
И старóй обтер свои очи ясные,
И старóй-от бы сел бы да он на ту землю,
40 И старóй-от вставает да на резвы ноги:
«Ой ты ой еси, мое чадо, чадо милое,
Ты почто же ты приехал к твоему отцу,
А не тут же тебе напасти было-то».
И берет его старóй да за русы кудри,
45 Он бы поднял его старóй повысокохонько,
Опустил бы старóй да на сыру землю:
«Ой ты ой еси, мое чадо, чадо милое,
Тогды знай бы вперед да приезжай ко мне,
Ты мое ведь, мое да чадо милое,
50 Ты мое же да племя нашее».

(*Тут и всё, больше не знаю*).

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПОНОМАРЕВ

А. Ф. Пономарев в год записи от него былин — здоровый, бодрый, веселый старик 72 лет, тип старого солдата. Седой, с огромными мохнатыми бровями и живым острым взглядом. Родом из Лабожского, он вскоре после Великой Отечественной войны переселился в Нарьян-Мар, в дер. Калюши, где его и нашли участники экспедиции. Жил

Андрей Федорович Пономарев

с дочерью, зятем — мотористом Рыбкоопа и внуками на покое, нянчил двухлетнего внучонка. По-видимому, был в семье любим и почитаем. Неграмотен.

Как сказитель Андрей Федорович оказался очень одарен. По высоким художественным качествам своих текстов и по исполнению он не уступает многим прославленным мастерам конца XIX и начала XX вв. Пел былины охотно, с увлечением, вдохновенно. В молодости он пел вместе со своим отцом, Федором Михайловичем Пономаревым, и его товарищем, Василием Петровичем Тарбарейским, на путине и в дер. Лабожское.

Кроме былин, публикуемых в настоящем издании, А. Ф. Пономарев спел песню о Кострюке в превосходном варианте, близком к записи 1938 г. из дер. Лабожское (Леонтьев, 11), но с некоторыми своеобразными и очень выразительными деталями.[1]

Пономарев был очень доволен, что от него записывали былины, радовался, что его былины попадут в книжку и станут достоянием читателей.

67

ПРО СОКОЛЬНИКА

У того же было у моря, моря синего,
У того же было у камешка холодного,
У той же у матушки Колмбри́голки
У ей-то было чадо у ней милое,
А по имени Сокольник сын Иванович.
Еще он стал бы детинушка на возрасте,
Да на возрасте детинушка, на возлете,
Он стал просить вот у матушки благословеньица
Как бы с буйной головы до сырой земли.
Не дават ему да ехать во чисто́ поле:
«Ты и сын мой, чадо мое глупое».
— «Уж давашь благословеньице великое,
Хошь не дашь благословеньице великое —
Я поеду нынь, детина, да во чисто полё
И посмотрю я нынь, детина, да свету белого,
Посмотрю всё долинушки широкие».
— «Уж поедешь нынь, детина, да во чисто́ полё,
Уж ты чадо, ты детина бы любимое,
Уж по имени Сокольник сын Иванович,
Ты увидишь нынче старого-седатого,
Ты сойди-ко-се со добра́ коня бы на землю,
Ты сойди-ко-се со добра́ коня бы на землю,
Поклонися ему нынче, как родну батюшку».
Отправлялся, суряжался Сокольник сын Иванович,
Он уздал тут, седлал он коня доброго,
Он прощался тут с родной да своей маменькой.
Вот отправился детина да во чисто́ полё,
Он взял себе утехи все великие:
Впереди-то его бежит да ныне серой волк,
Позади-то его бежит да черной медведь,
Ведь он сам-от ти пишет ярлыки несет.
Он долго же тут ехал ли, коротко ли —
Подъезжает тут ко крепости великоей,
Ко могучим тут богатырям ко русскиим.
Он ничем их зовет, да не во что кладет,
Всё своими бы утехами утешается,

[1] См. Исторические песни XIII—XVI вв., № 115, ноты 24.

Белый-те песок ныне да всё размётыват.
Тут вставал да тут Илья старой Муромец,
Он взглянул бы вот во трубочку вот подзорную,
40 Он смотрел все четыре да нынче стороны,
Там завидел удала добра молодца:
«Он ведь едет верно мимо нас, ничем не зовет,
Да ведь нас ныне, богатырей, ни во что кладет.
Он ведь едет, всё утехами своими утешается,
45 Впереди его бежит да нынче серой волк,
Позади-то его бежит черной медведь».
Как отправлялся старой да Илья Муромец,
Ныне спрашиват нынче да добра молодца:
«Ой, куды же нынь всё едешь, да куды путь держишь,
50 Проезжаешься верно нынче всё во стольной град?»
Он настигал бы удала добра молодца,
Его спрашиват старой да Илья Муромец:
«Ты куды же нынче едешь, куды путь держишь?»
И тут детинушке теперь не до утех стало,
55 Тут он складывал те утехи все хорошие,
Ярлыки-то стал писать да скоры грамотки.
Тут бы схватывал Илья да свой булатен меч,
Как свалил-то он удала добра молодца,
Да упал бы Сокольник на сыру землю.
60 Тут схватились ребята да в рукопашную.
Тут свалился бы Сокольник да на сыру землю.
Вынимал тогды Илья кинжалище булатное,
Хочет нынче пороть его груди белые,
Да хочет мешать его кровь со печенью.
65 Остоялася рука нынче во первой во раз.
Еще хочет бы колоть его груди белые,
А рука нынь остоялась во второй тут раз.
И тогда бы нынь старой да выговаривал:
«Ты бы чей, молодец, как именем зовут,
70 Именем-то зовут да величают по отечеству?
Ты скажи-ко-ся, удалой доброй молодец,
Ты какого бы отца, которой матери?»
Говорит Сокольник таковы слова:
«От того же я от моричка от синего,
75 От того бы от камешка холодного,
Я от той же матери Златыгорки».
Говорил бы старой таковы слова:
«Абы ты мне-ка сынок родной.
Воевали да мы с твоей родной матушкой,
80 Со Комбригалкой, твоей да родной матерью».
Ну и стал тут Илья да со белых грудей,
Целовал тут детинушку в уста сахарные.
Распрощалися тогда, тут разъезжалися.
Как поехал бы Сокольник да в свою сторону,
85 А Илья бы поехал назад в крепость ту.
Ведь он поехал тут Сокольник, добрый молодец,
Осержается удалый добрый молодец:
«Как бы этот-то зовет мать б...кою,
Да меня-то называет верно вы....ком».

90 Он поехал нынь к родимой своей мамоньке.
Он приехал нынь, детинка, к родной матери,
Говорит тогда бы мать ему да таковы слова:
«Ты бы видел же, дитя, да старого, седатого?»
Отвечает ей удалый добрый молодец:
95 «Да и видел я верно стара седатого,
Он зовет верно тебя нынче б...кою,
Величат меня да как бы вы....ком».
Говорит детине мать да таковы слова:
«Да не пустым ведь он, детинка, да похваляется:
100 Верно, было дело так, верно солучилося».
Тут детинушка схватил свою да родну матушку,
Он схватил-то ее и живота лишил.
И он поехал опять где-ка в ту сторону,
Да где-ка в крепости живет Илья бы Муромец.
105 Он и хочет-то опеть с ним да повидатися,
Он и хочет его бы живота лишить.
Он и долго ли ныне ехал ли, коротко ли —
Вот и едет мимо их, да их ничем зовет,
Он ничем-то зовет, да их в ничто кладет.
110 Вот и смотрит старо́й да во все стороны,
Говорит бы старо́й да таковы слова:
«Он заехал к нам, собака, во чисто́ полё,
Верно, тот был удало́й да добрый молодец».
Он садится Илья нынь на добра́ коня,
115 Уж берет себе приправу да богатырскую.
И как съезжаются уда́лы да добры молодцы.
От и спрашиват старо́й да Илья Муромец:
«Ты куды же нынче едешь, да куды путь держишь?
Или едешь ты, детинушка, биться-ратиться?»
120 Говорит ему Сокольник таковы слова:
«Да, хочу я бы нынче да биться-ратиться,
И хочу бы у тебя да голову сложить».
Ну бы съехались ребята друг со дружкою,
Они билися тут теперича, сохватилися,
125 Они бы тут штыки да нынь поломали,
Они вострые сабельки повыщербили,
Они палицы буёвые поломали же.
Тут скакали бы ребята да на сыру землю,
Они стали бы биться в рукопашный бой.
130 Дак у старого рука тут промахнулася,
Как бы левая нога да бы подвернулася,
Тут упал бы старо́й да на сыру землю,
Тут зашел бы Сокольник ему да на белы груди,
Он вот хочет бы пороть его груди белые,
135 Еще хочет бы мешать бы кровь со печенью.
Вынимает нынче бы детинушка булатен нож,
Он и тыкнул ему-то во белу грудь.
Подхватил бы нынь тут его да как бы чуден крест.
Тут взмолился старо́й да Илья Муромец:
140 «Ты ли ой еси, создатель ты небесный же,
Пресвятая божия матерь богородица,
Ты не выдай меня собаке на поруганье».

Тут бы вдруг ему силушка случилася,
Он бы справился да нынче, Илья Муромец,
145 Он схвостнул детинушку да с белой груди,
Заходил-то ему сам на груди белые,
Вынимал бы теперь да он булатен нож,
Попорол бы теперь да груди белые,
Помешал его нынь кровь со печенью.
(*А и всё, больше нету*).

68

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

*Да бывало Казань слободой была,
Ныне Казань — славным городом.
Да во Казани был Микитушка,
Он, Микита, девяносто лет.
5 Всё до смерти он наказывал,
Своей жены младой наговаривал:
«Ты останешьси беременной,
У тя родится чадо милое,
Чадо мило, единакое,
10 Нарекем именем Добрынюшкой,
Да Добрынюшкой Микитичём.
Когда будет он на возрасте,
Да он будет на возлете,
Он заможет конем владать,
15 Он конем владать, копьем шурмовать,
Он захочёт бы за охотою,
За охотою погулятисе,
Да бы съездить во чисто полё —
Не давай благословеньица
20 Ему ездить во чисто полё,
Да выезжать за охотою.
Ну хошь и дашь ему благословеньице
И не дашь благословеньица —
Он захочет он бы ездить же,
25 Он ведь съездить во чисто поле.
Он найдет он дороженькю,
Всё дороженькю широкую,
По которой я бы ездил нынь.
В ширину была вот коса сажень,
30 В глубину как до пояса.
Чтой нападут жары-маревы
Как бы те большелётные,
Как захочет он купатисе,
Он захочет нырятисе.
35 Всё пусть не ездит нынь к Оки-реки:
Да река Ока зла-относлива,
Отнесет его, Добрынюшку,
Отнесет за перву струю,
Отнесет за другу струю,
40 Как ко тем горам высокиим

И горам Сорочинскиим.
Тут прилéтит змея к нему,
Она хочет его целкóм бы съись,
И целкóм когда съись, в хобота складёт,
45 Где-то он пущай сорвет полынь-траву,
Да полынь-траву горкюю,
Он сплетет ныне плéточкю,
Он бы плéтку троепрядную,
Троепрядну, троехвосткую,
50 Ён тогда нырнет во быстрý рекý,

(*Так или этак змея вишь ты людоедная хочет его сгрóмать: «Целкóм, — говорит, — я тебя хочь сгромать, али в хобота склоню»*).

Он нырнул во Оку-реку,
Он нырнул во другую струю,
А опять прыгнул в быстрýю реку,
Он очутился на крутых горах,
55 Ко своёму коню к доброму».

(*И так наказыват: что он будет [плетку плести]... А эта прилетит змея-то опять сзади, так эту плетку-то... смажет пущай ей, дак... он побьет ей, а так не убить будёт*).

Тут невдолге Микиты смерть случилася.
Тут осталась молода жена,
Тут жена его беременна,
Тут и стала нынь беременна.
60 Как и стала на вóзности,
Как родила сына милого,
Сына мила одинакого,
Да Добрыньку Микитича.
Тут бы стал нынь детина на возрасте,
65 Да на возрасте, на вóзлете,
Захотелось ему ныне вить
Как бы съездить во чистó полё,
Нынь погулять по чистý полю,
Где-ка ездил родный батюшка.
70 Говорила родная матушка:
«Молодой ты Добрынюшка,
Ты не езди во чистó полё,
Потеряешь буйну голову.
Тебя съест нынь змея лютая».
75 — «Ну-ка ты дашь благословеньице,
Я поеду во чистó полё,
И не дашь благословеньица
Ты с буйной главы до сырой земли,
Мне бы ездить во чистóм полé,
80 Во чистóм полé за охотою».
Ну и дала ему благословеньице
Ему матушка родимая
Да с буйной главы до сыроей земли,
Чтобы ездить во чистóм полé,
85 По котору ездил батюшка.

Тут уздал он, седлал коня,
Седлал коня ныне доброго,
Распрощался с родной матушкой.
Вот наказывала нынь его бы мать,
90 Его родная матушка:
«Ты поедешь нынь, Добрынюшка,
Ты найдешь ли ты дорожечкю,
По которой ездил батюшка,
В ширину-то нынь косая сажёнь
95 В глубину добру молодцу до пояса,
Там нападут как на тебя жары-марева,
Как бы те большелетные,
Ты захочёшь купатисе,
Ты захочёшь нырятисе,
100 Там найдешь нынь Оку-реку,
Да Ока-река зла-относлива,
Да не купайси в Оки-реки —
Отнесет тебя за перву струю,
Отнесет за другу струю.
105 Еще наказывал твой батюшка,
Он наказывал, говаривал:
„Там ведь есть-ка полынь-трава,
Там полынь-трава горькяя,
Ты сорви-ко полынь-траву,
110 Да сплети-ко ты бы плеточку,
Троепрядну, троехвостую.
Ты положь во правой карман“».
Он-то простился с родной матушкой,
Он поехал во чисто полё.*
115 Тут напали жары-маревы,
Как бы те большелетные,
Захотелось ему купатися,
Захотелось нырятися.
Он подъехал к Оки-реки,
120 Скидавал честно платьице,
Оставлял тут добра коня,
А он спустился во Оку-реку,
Да нырнул во быстру реку.
Отнесла его да перва струя,
125 Отнесла и да другая струя
Да ко тем горам высокиим,
Тем горам Сорочинскиим.
Тут вылетает змея лютая,
Всё змея лютоедная,
130 Тут бы хочет съесть Добрынюшку:
«Я хочу тебя силком сглотать,
Хочу тебя да в хобота склонять».
Тут нырнул бы наш Добрынюшка,
Отпрыгнул ко круту бережку,
135 Выходил ведь ко добру коню,
Тут надел он цветно платьице,
Находил Добрынюшка да ведь полынь-траву,
Он сплетал бы плетку троепрядную,

Троепрядну плетку, троехвостую,
140 Он смолил смолой ту плетку троепрядную
И садился на добра коня.
Как летит тут змея лютая,
Тут змея лютоедная,
Она хочет съесть Добрынюшку,
145 Да Добрынюшку Микитича.
Он и вытащил нынь ту плеточку,
Да котора бы полынь-травы,
Стал стегать ее ведь крепко тут.
Как змея бы извивается,
150 Всё Добрыне канается:
«Ты прости меня, Добрынюшка,
Я и дам тебе города,
Города всё с пригородками,
И сёла со деревнями».
155 — «Мне не нать от тебя да ничего,
Застегаю тебя до смерти».
Тут убил он змею-те лютоедную,
Застегал ее ныне до смерти.

Всё!

69

ВАСИЛИЙ КАСИМИРОВИЧ

Заводилосе пированье-столованье
Да у ласкова князя у Владимира,
Заводился почестен пир.
Все сидят гости, хвастают,
5 Промежду собой похваляются.
Тут выходит наш Владимир-князь.
Он ходит по гриденке,
Он каблук о каблук поколачиват,
Он и ясныма очами приразваживат,
10 Тихо-смирну речь выговариват:
«Вот все сидите, гости званые,
Все сидят, потешаются,
Промежду собой похваляются.
Есть на вас ныне служебка,
15 На того же бы Васильюшка,
Да Василья Касимирова.
Он и съездит в землю дальнюю
Свезти дань нынче пошлины,
Да которы завалились за двенадцать лет,
20 Да не русским ли не выплатить
Всё казне мурзомецкоей
Да Батую Кайманову.
Ныне сколько ездило богатырей,
Оттуль никто не ворочался.
25 Че нынь надо съездить туда
Да свезти дани-пошлины,
Да которы завалилисе,
Завалились за двенадцать лет:

Вы сорок сороков черных соболей,
30 Да бы сорок тысяч больших жеребцов,
Сорок тысяч золотой казны,
И рассчитаться нам начисто».
Что тут ставал наш Василий нынь,
Да Василий Касимирович,
35 Он вставал на резвы ноги,
Говорил таковы слова:
«Ты ли ой еси, наше солнышко,
Ты бы солнышко, Владимир-князь,
Еще дай мне товарища,
40 Мне товарища Добрынюшку,
Нам двоим-то ребятам весело будёт».
Тут ставал так Добрынюшка,
Он ставал на резвы ноги,
Говорил таковы слова:
45 «Ой, еще дайте Олешеньку,
Нам троим весело будёт».
И согласились тут ребятушки,
Им бы дал нонь Владимир-князь.
«Нынь Владимир-князь, наше солнышко,
50 Ныне дай нам волюшку,
Снаряжай нам черлен кораб.
Вы грузите добрых коней,
Вы отсчитывайте золото,
Всю бы дань нам бы пошлины,
55 Нам бы съездить в землю дальнюю,
Нам свезти бы дани-пошлины
Ко Батую Кайманову».
И снаряжались добры молодцы,
Отправлялись наши молодцы,
60 Им грузили же дани-пошлины.
Тут примал у нас Василий Касимирович
Всю бы дань ныне пошлину,
Да котора завалилась нынь,
Завалилась за двенадцать лет,
65 Рассчитаться ему начисто.
Ведь сряжалися ребятушка,
Сподоблялись в дальнюю дорожку.
Они пошли бы нынь ребятушка
Ко создателю небесному,
70 К пресвятой богородице:
«Не пособит ли нам нынь она,
Нам свезти бы дани-пошлины,
Да которы завалилися,
Завалились за двенадцать лет,
75 Рассчитаться с им бы начисто».
Да тут пошли бы трое ребятушка,
Помолилися создателю,
Как создателю небесному,
Как святой богородице.
80 И они брали коней добрыих,
Заводили они на корабли,

И брали всё дружинушку,
Всё дружинушку хорошую,
Всё хорошую, послушную.
85 Распростилися ребятушка
Нынь с Владимиром-солнышком,
Да бы нать со Апраксией,
Тут с Ильем старым Муромцем,
И распростилися с богатырями
90 С малыма, могучима,
Отправлялись все на корабли,
Распростилися, поехали.
Да поклали они сходенки,
Они подняли якоря,
95 Распустили белы паруса.
Они бежали день до вечера,
Темну ночку до бела́ света.
Пробежали трое суточки
И тут завидели нынь ту землю,
100 Да землю-ту Батуеву.
Там стоят чёрны корабли.
Они подобрали себе место,
Тут бы местечко подоткрытое,
Они пристали на свое место:
105 «Не схватали хошь бы татары ведь,
Нынь татары нечестивые».
Выводили коней добрыя,
Становили белы шатры,
И распростилися с дружинушкой,
110 Да с дружинушкой хорошею:
«Если буде мы когда живы —
Мы воскликнем вам громким голосом,
Вы спешите тогда к нам скоро-наскоро.
Не давайте-ко-ся татарам нынь,
115 Подьте ныне в море синее,
Там бы плавайте во море вы.
Мы повезем дани-пошлины,
Мы расплатимся Батуевы».
Выносили дани-пошлины,
120 Ай тут отправились ребятушка,
Нынь ребята во синё морё.
Те осталисе на крутом бережку:
Да Василий Касимирович,
Да Олешенька Попович брат,
125 Да Добрынюшка Никитич же.
Они пировали тут бо суточки,
Ай столовали они двое тут.
Да на третьи просыпалисе,
Отправлялисе к Батую нынь,
130 Как везти бы дани-пошлины,
Да которы завалилисе,
Завалились за двенадцать лет,
Да не русским ли не выплатить
Всё казне мурзомецкоей.

135 Поезжает нонь Василий Касимирович,
Распрощался с братьями.
Они друг с другом побратовалися,
Назвались родныма братьями,
Чтобы друг друга в горе не выдать бы.
140 Он поставил стальной бы нож,
Он заткнул нынь в столешницу:
«Если буду я живой — не будет нож бы ржавети,
Если буду я в неволюшке —
Тут прокаплет кровь бы красная».
145 И он бы сел добрый молодец,
Распростился с товарищам,
Он поехал в столицу нынь,
Нынь к Батую, ему дань везти.
Разъезжал-ко добра́ коня,
150 Он скакал он теперь через башню угольную,
Через стену городовую.
Конь копытами да не задел.
Он поставил коня доброго,
Не привязывал коня теперь;
155 «До моего коня и дела нет».
Он пошел к Батую в гридню светлую.
Под им лесенки сгибаются,
Да от рук вереюшки шатаются.
Он не спрашивал у дверей придверничков,
160 У ворот приворотничков.
Он идет в гридню светлую.
Он заходит в гридню светлую
И здоровается с товарищем
Да с тем же с Батуем же.
165 «Ты гой еси, добрый молодец,
Ты куда же ныне правишься,
Ты куда перепуть дёржишь?
Ты приехал биться-ратиться,
Али нонь ты за добрым делом,
170 За добрым делом, за сватаньем?»
— «Я приехал к тебе с данью-пошлиной,
Я не биться, не ратиться,
И с тобой не кровавиться.
Я привез тебе дань-пошлину,
175 Завалилась за двенадцать лет,
Рассчитаться с тобой начисто:
Что как бы сорок сороков больших жеребцов,
Сорок тысяч черных соболей,
Сорок тысяч золотой казны.
180 Примай от меня да дани-пошлины
Да без бою, без кроволития».
— «Я не приму от тя дани-пошлины
Без бою и без кроволития».
Говорит нынь Василий наш:
185 «Принимай нынь дани-пошлины
Без бою, без кроволития.
Давай теперь играть со мной:

Мы играть станем нынь во шахматы».
Да во первый раз Василий ступил,
190 Во второй раз Батуй-от сходил,
А во третий раз ступить не мог.
Тут схватил Батуй Васильюшка,
Он брал за праву руку,
Он повел вон на улицу,
195 Посадил в башню заугольную,
Он навесил замок тяжелый тут.
У Добрыни нож стал ржавиться,
Стал он ржавиться, кровавиться,
Говорит Добрыня Олешеньке:
200 «Знать он, добрый молодец,
В неволе сидит-то посаженой».
И он скочил на добра коня,
Покатился во чисто поле.
Он оставил Олеше нож,
205 И поехал наш Добрынюшка
Ко Батую Кайманову.
Он скакал через стеночку,
Через стену городовую,
Он поставил коня доброго,
210 Он оставил не приказана,
Не приказана, не привязана:
«До моего коня и дела нет».
Прямо идет он в гридню светлую.
Он не спрашиват у дверей придверничков,
215 У ворот приворотничков.
Как осердился наш Васильюшко,
Расходилась кровь горячая,
Распалилось ретиво сердцо.
Он вставает на резвы ноги,
220 Отворяет дверь с ободвериной:
Перед им ведь Добрынюшка Микитич же.
Впереди идет Добрыня нынь,
А позади его Васильюшка.
Они бежали в гридню светлую
225 Ко Батую Кайманову:
— «Принимай дани-пошлины,
Завалились за двенадцать лет,
Без бою, без драки, без кроволития».
— «Не принимаю я так дани-пошлины
230 Без бою, без кроволития».
Говорит нынь Добрынюшка Микитич же:
«Ну и теперича нам бы да Олешеньку».
Тут Олеше не стерпелося,
Он поехал в тое времечко
235 Ко Батую Кайманову.
И они так же пришли да нынь
Да во гридню во светлую,
Да во лежню во теплую.
Собирались тут богатыри,
240 Нынь богатыри могучие:

«Примай дани, примай пошлины
Без бою, без кроволития».
— «Я не примаю нынь так от вас
Без бою, без кроволития».
245 Тут говорят сколько ребята же,
Побегает наш Добрынюшка,
Наш Добрынюшка Микитич же,
Он ко своему коню ко доброму,
Навалилась тут сила татарская,
250 Как бы ныне в поле чернь чернеется,
Все наскакивают на Добрынюшку,
Не давают ему волюшки.
Он и сел на добра́ коня,
Он рубил, косил силу великую.
255 Как и сколько он бьет,
Друга́ столько конь топчет.
Тут рубил, топтал у нас Добрынюшка,
Да Олешенька Попович млад.
Да ничего не разговариват,
260 Подбегает он ко своему коню доброму,
Ко добру́ нонь коню стоялому,
Тут татары на его наскакивают.
Он бы взял татарина да за резвы́ ноги,
Он и тут приговариват:
265 «Как кость на кость ныне не сломится,
Еще жила на жилу не по́гнется».
Он татарином помахиват,
Ко коню приближается,
Заскакиват Олеша на добра́ коня,
270 Он секёт, рубит силушку татарскую,
Забивает нынь силу великую.
Тут поехали ребятушки,
Один идет по ту руку́,
Он рубит другой другу́ сторону,
275 Они идут ко Бату́ю в гридню светлую.
Тут Василий уговариват,
Всё Бату́ю дань наваливат.
Рассердился наш Васильюшко,
Побегает вон на улицу,
280 Он садился на добра́ коня,
Он рубить стал эту силушку.
Они бились нонь, ратилися
Они с утра день до вечера,
Еще темну ночку до бела́ света.
285 Нет устатку добрым молодцам
И добрым коням отдо́ху нет.
Они трое суточек тут билися,
Всех они выбили до единого.
Воротилися ребятушки
290 Ко царю ко Кайманову,
И заскакивают ребятушки
Как во гридню во светлую,
Как во ле́жню во теплую,

Говорят таковы слова:
295 «Принимай от нас дани-пошлины
Без бою, без кроволития».
— «Нет, не приму я нынь дани от вас
Без бою, без кроволития».
Тут схватился Васильюшка,
300 Он бросался к Добрынюшке,
Да Добрыня к Олешеньке,
Да Олеша живота лишил.
Тогда поехали к белым шатрам,
Ко дружинушке хорошоей.
305 Ее кличут они громким голосом,
Глядят во трубочку подзорную,
Закричали громким голосом:
«Подбегайте, наши друзья-товарищи,
Нынь теперь ко шатрам белыим,
310 Вы не бойтеся теперь силы татарские».
Подбегают тут ребятушки
Ко крутой горы, ко бережку,
Как бы к тем ко белым шатрам.
Тут ребятушки возрадовались:
315 «Что у нас воротилися».
Говорит тогда Васильюшка Касимирович,
Говорит таковы слова:
«Вы, дружинушка хорошая,
Нынь заводите на корабли добрых коней,
320 Побежим в стольний Киев-град».
Нагрузили чистым золотом,
Нагрузили целы корабли,
Наклали двенадцать кораблей,
Побежали в стольний Киев-град.
325 А там давно старой ходит, посматриват,
В золотую трубочку поглядыват:
«Наш Василий Касимирович бежит,
Целы корабли золота тащит».
Тогда встречали все радёшеньки.
330 И подбегает сам Владимир-князь.
Тут встречают добрых молодцов
Поленицы приудалые,
Да они люди торговые,
Тут встречают добрых молодцов,
335 Тут пошел у них почестен пир,
Тут пошло пированье-столованье.
Вот тут и конец.

70

ИВАН ГОРДЕНОВИЧ

Заводилося пированье-столованье
Да у ласкова князя да у Владимира,
Заводилося пированье, почестен пир.
И все нынче сидят все гости-ти званые,
5 Все сидят бы нынче там люди добрые,

Ой промежу собою бы нынче да похваляются,
Сидят бы богатыри могучие,
Той бы нынче поляницы да приудалые.
Как новой бы нынче хвастат да конем добрыим,
10 Да другой бы похвалятся да золотой казной,
Да новой бы понахвастат силой богатырской,
А ведь новой похваляется удачей молодецкоей.
Да бы все сидят ребята да потешаются,
Тут один бы детинушка не пьет, не ест,
15 Он ничем бы, детина, да не похвалится,
Он повесил бы, детина, да буйну голову,
Потупил бы свои нынь очи ясные.
Тут выходит наш Владимир да наше солнышко.
Он каблук бы о каблук всё да покалачивает,
20 Он бы ясныма глазами да всё разваживат,
Как бы белыми руками да приразмахиват,
Тиху-смирную речь да выговариват:
«Кабы все бы ныне все сидели да гости званые,
Все сидят бы ныне гости да похваляются,
25 Промежду бы нынь собой все похваляются,
Как один у нас бы гость да он не пьет, не ест,
Он не пьет бы, не ест, да он не тешится,
Да ничем бы детина не похваляется,
Те по имени Иван сударь Горденович.
30 Еще что же нынь тебе ныне не по уму,
А в чем же ныне молодца обнесли,
А и чем же молодца да приобхулили?
Да у тя нету разве ныне да коня доброго,
У тя нету разве седёлка да бурзомецкого,
35 У тя нет нынче штыка да ныне острого,
У тя нету разве сабли да у тя остроей,
У тя нету разве палицы буёвоей,
Разве у тя нету каленой стрелы,
Каленой бы стрелы да нет тугá лукá,
40 У тя нету разве ныне да красна золота,
У тя нету разве ныне да скатна жемчуга?
У тя есть бы родна матушка,
У тя нету только нынче да молодой жены».
45 Вот тогда бы наш детинка выговаривал,
Тут ставал тогда детинка да на резвы ноги,
Говорил тогды детинка да таковы слова:
«Есть у меня бы нынь у молодца и добрый конь,
У мня есть бы приправа всё богатырская,
50 Есть бы всё у мня ныне да чистого серебра,
У мня есть бы нонь, у молодца, красного золота,
Еще есть и у меня да скатна жемчуга,
У мня есть бы удача да молодецкая,
Еще есть бы у мня нынь да сила богатырская,
55 У мня есть да бы родна матушка,
Только нету у меня нынь молодой жены.
И захотелось бы мне, детинушке, женитися,
Захотелось мне, детинушке, повенчатися.
Я бы знаю себе да богосужену,

80 Богосужену себе бы, богоряжену,
Она собой-то статна да лицом белая,
А снаряжена она во чисто сéребро.
У ней нынче глаза как ясна сóкола,
Да ресницы бы у ей да как черна вóрона,
65 Да насквозь бы нынче видны у ей мóзги-ти,
Как словно из косточки в косточку переливаются.
У того же бы у Федора Чернигского
У его же есть две дочери любимые.
Быть бы старшая да та сильна полянúца приудалая,
70 Да бы меньшая бы в самый мне-ка в самый раз.
Я на меньшей хочу бы ныне да повенчатися,
Еще с ей бы нынче бы с девицей погулятися».
Отвечат тогды у нас красно солнышко,
Что по имени Владимир наш уж батюшка:
75 «Если хочешь ты женитися теперича,
Ты когда же бы будешь на ей свататься,
Ты когда же ты будешь да нынь венчатися?»
— «Я хочу теперь, Владимир-князь, я посвататься,
Мне-ка дай мне-ка сватóм нынь Добрынюшку,
80 Да бы тысяцким дай да мне стара Илья Муромца,
Да еще дай ты в поезжана Дуная сына Ивановича,
Еще дай-ка Алешеньку Поповича».
Ну и стали тут ребята да сряжатися,
Да бы стали тут ребята да сподоблятися.
85 Они брали бы винá да сороковками,
Как бы сладкого меду да они бочками.
Отправлялись ребята да во чистó полё
Да по ту же невесту да богосужену,
Богосужену невесту да богоряжену,
90 Как к тому бы ли царю да ко Чернигскому,
Как по ту же бы девицу да душу красную,
Да по имени зовут Маремьянушкой,
По извотчине называют да как бы Федоровной.
Они ехали тут день да ночь до вечера,
95 Они ехали всю ночку до белá свéта,
И на утро они, ребята, да становилися.
Как поставили шатры белополотняны,
Они стали пировать, они стали столовать.
Они много пировали да трое суточки,
100 На четвертые бы сутки да пробуждалися,
И тут ставал бы Иван да сын Горденович:
«Уж вы гой еси, богáтыри могучие,
Не пора ли нам бы ехать да ныне свататься
Да на той ли Маремьяне да нынче Федоровны?»
105 Говорил тут Иван да таковы слова:
«Нынь поедет у нас Добрынюшка тут свататься.
Коли пойдет она тут честью — возьмем с радостью,
Не пойдет она тут честью — да возьмем нéчестью».
И суряжался, снаряжался тут добрый молодец,
110 Он уздал бы, седлал тут коня да доброго,
Он бы взял с собой приправу всю богатырскую,
Он поехал, наш Добрыня, да во чистó полё

Ко тому бы нынь царю да ко Чернигскому
Да по ту же Маремьяну да нынче Федоровну.
115 Только не видели поездки да молодецкоей
И не слышали поступки же богатырскоей,
Только видели во поле да курева стоит,
Курева-то те стоит, да дым столбом валит.
Он не спрашиват в воротах приворотников,
120 Он разъезживал своего да коня доброго,
Он скакал бы через стену да городовую,
Поезжал бы он к крылечику прекрасному,
Ко прекрасному крылечику ко царскому,
Становил-то нынь да коня доброго,
125 Не приказывал коня да не привязывал,
Он по лесенкам теперича поступывал,
Лесенки под им да подгибаются,
Да от рук бы реюшки шатаются,
Он не спрашиват у двери всё придверников,
130 И не спрашиват у ворот и приворотников,
Он идет бы теперь да в гридню светлую,
Ко тому бы нынь царю да бы Чернигскому.
Тут заходит он во гридню да низко кланятся,
Да о все бы он четыре да нынче стороны,
135 Самому бы царю да на особицу.
И тут спрашиват бы царь ныне Черниговский:
«Ты откуль ты нынь, удалый добрый молодец,
Ты заездна, залетна да точно птиченька?
Ты за добрым ли ты за делом — за сватаньем,
140 Или биться приехал нынче ратиться?»
Отвечает Добрыня да таковы слова:
«Я не биться бы приехал к тебе, не ратиться,
Бы за добрым делом бы нонь — за сватаньем
Бы на той бы на Маремьяне нынче Федоровны
145 За Ивана бы нынче за Горденовича.
Есть дайте ей ныне честью — берем с радостью,
Не даете нынь честью — возьмем нéчестью».
И тут пошел бы царь да тут Черниговский
Ко своей-то он дочери любимоей:
150 «От приехал бы теперь да добрый молодец
Да по имени Добрынюшка Никитич млад,
Он бы сватается на тебе нынь за Иванушка,
За Иванушка кабы теперь да за Горденовича.
Коли пойдешь ты честью — берут с радостью,
155 Не пойдешь ведь честью — берут нéчестью».
Отвечает ему ведь нынче дочь любимая:
«Да не Иван поставил ныне плёночку,
Не Ивану бы попала в плёнку уточка,
Да запуталася утка не ему теперь,
160 Да попала ко Батую да ко Кайманову».
(*Не хочет за его итти, за Батуя желат!*)
И приходит ей да родной батюшка к Добрыне же,
Говорит тогда бы всё он да таковы слова:
«Не Иван-то ставил плёночку, —
Ко Батую бы запуталась утка в плёночку».

165 Тут стоптал наш Добрыня да о кирпищат пол:
«Отдавайте-ко теперь честью с радостью,
Не отдашь теперь да сорву я голову».
И пошел бы тут бы отец да сам проплакал же,
Говорит тогда он дочери любимоей:
170 «Если дашь мне-ка веку долгого —
Походи-ко-ся теперь да нынче с радостью».
И снаряжали, суряжали да красну девицу,
То во золоте, во серебре не пóгнется,
И подводили тут Добрынюшке Микитичу.
175 Говорила тут нынь Маремьяна да нынче Федоровна:
«Не поеду я теперь с ним да на одном коне,
Мне давайте мне теперь да коня доброго».
Снарядили, обуздали тут коничка доброго,
А садилась бы Маремьяна да на добра коня,
180 И поехал наш Добрыня да ко белу шатру.
Он ведь ехал тут бы долго ли, коротко ли —
Маремьяны всё в умы да нехорошее.
Прижимала нынче своего коничка доброго,
Она хочет у Добрыни разбити голову.
185 Да наехала на Добрынюшку да во первой након,
Она съездила Добрыне да его по плечам.
Тут ответ держал Добрынюшка Микитич млад:
«Думал, во поле нынче да комаров-то нет,
А комар меня кусает али муха ли».
190 А наехала она да во второй након,
Она стукнула Добрынюшку Микитича
По его ли по буйной нынь головы.
Говорит тогда Добрынюшка ей таковы слова:
«Ты еще ли будешь шутить да ныне шуточки?»
195 Осердился тут Добрынюшка да теперь сильно же,
И схватил бы ныне ей да со добра коня,
Отпустил бы у ей коня да во чисто полё,
Потащил ее Добрыня ко белым шатрам.
Подъезжает он теперь да ко белу шатру:
200 «Ты ставай-ко-ся, Иван сударь Горденович,
Я тебе бы нынь привез да богосужену,
Богосужену ныне да богоряжену».
Тут выскакивал Иван сударь Горденович
В одной беленькой рубашке да в одних чоботах
205 И брал-то Маремьяну да за белы руки́,
Целовал тут Маремьяну да в уста сахарные,
И заводил бы Иван в шатер белополотняный.
И тут пошел у их бы пир да нынь на весь мир.
Пировали-столовали да трое суточки,
210 На четвертые-ти сутки да пробужалися,
Тут ставал бы Иван сударь Горденович:
«Не пора ли нам ехать да в путь-дорожечку?»
Ну суряжались, снаряжались добры молодцы,
Убирали бел полотняный шатер,
215 Поезжали ребята да нынь во стольный град,
И отправились ребята да нынь в стольный град.
Тут поехала Маремьяна тут с Иванушкой,

Со Добрынюшкой Микитичем удалыим,
Со старым нынь казаком Ильей Муромцем
220 И со всей теперь дружиною хороброю.
Они ехали тут долго ли, коротко ли —
Перепала им дорожечка кровавая,
Да кровавая дорожка да поперечная.
Пропустил бы эту нынь дорожечку кровавую
225 Да Батуй же теперича Кайманович.
(*Волшебник был, так знал, что ее увезли-то*!)
И тут здумалось Иванушку изведати
Да дорожку бы эту попроведывать:
«Еще по этой съезжу нонь дорожечке
Еще с той же Маремьяной нынче Федоровной».
230 Становили тут ребята да коней добрыих,
Говорили бы ребята да таковы слова,
Говорил бы старой нынь Илья Муромец:
«Ты напрасно поезжаешь во чисто полё
Еще с той же с Маремьяной нынче Федоровной.
235 Ты поедем-ко-ся с нами да во стольный град,
Ты поедем-ко нынь ты с нами же:
Ты поедешь нынь, Иван, да ты в дорожечку —
Потеряешь ты, Иван, нынь буйну голову.
Ты свези-ко-ся-ко ты да молоду жену,
240 Воротися нынь, Иван, в свою родну сторону».
Как не слушает Иванушка да Горденович:
«Я надеюсь нынь на силу богатырскую,
А еще на копье бы бурзомецкое,
Я изведаю дороженьку кровавую».
245 Говорит еще старой да Илья Муромец:
«Ты послушай еще нас да во второй након,
Потеряешь ты, Иван, нынь буйну голову».
Там поехал ведь удалый добрый молодец.
Распрощались, разъезжались да добры молодцы.
250 Говорил еще старой да всё наказывал:
«Когда будешь ты топерича ты на времени,
Расставаться будут очи да со белым светом,
Еще спомяни хошь нас топерича с Добрынюшкой,
Да с Добрынюшкой теперича с Микитичем».
255 Распростились, разъезжались добры молодцы:
Те поехали ребята да нынь во стольный град,
А Иванушка поехал да во чисто полё
Со своею он теперь да с молодой женой.
Они долго ли тут ехали, коротко ли,
260 Там-от видит он — о полюшке шатер стоит,
Тут шатер стоит да чернобархатный.
Тут лежит бы собака, змея лютая,
Что Батуй лежит теперь да он Кайманович.
Подъезжал тогда Иван сударь Горденович:
265 «Ты ставай-ко, ворона да пустопёрая,
Мы теперича с тобой да поотведаемся».
Тут скакал бы нынь детина да добрый молодец,
Он скакал же теперь да на коня добра.
Разъезжались, разлетались добры молодцы,

270 Соезжалися удалы да добры молодцы.
Кабы палицы буёвы да изломалися,
А копейца бурзомецкие да изогнулися,
Ихни сабли нынче востры да исщербалися.
Тут скакали ребята на сыру землю,
275 Они бились теперь да в рукопашный бой.
Как Батуя бы теперь рука промахнулася,
Да бы левая нога его подвернулася,
Тут бы пал он нынь, собака, да на сыру землю.
И заходил тогда Иван да на черны груди.
280 Он хочет нынь пороть его груди черные,
Он хочет мешать да кровь с печенью.
Говорит тогда Батуй да сын Кайманович:
«Ты нынь ой еси, Маремьяна да нынче Федоровна,
Почему же ты пошла да за чужéнина?
285 У его-то будешь жить ныне работницей,
У меня-то будешь жить да нынь царицею.
Пособи-ка мне стряхнуть его да со своей груди».
Вот послушалась Маремьяна да нынче Федоровна,
Пособила стянуть туда Иванушка,
290 Да Иванушка теперича Горденовича,
Той запутала Ивана во шелковы повода.
Говорит Батуй-собака да таковы слова:
«Не ссекем бы у его да буйну голову?»
Говорит Маремьяна да таковы слова:
295 «Мы привяжем его да ко сыру дубу,
Мы бы лягем-ка с тобою во черлен шатер,
Мы откроем мы теперь двери наполу,
Тогда мы будем мы с тобой да обниматися,
Да над ним бы мы будем изгилятися,
300 Ему тошно тут буде, да и смерть придет».
Тут послушался Батуй да сын Кайманович,
Привязали его тут во путы шелковые
Как о те же пеньки о ядрёные,
Привязали его, добра бы молодца,
305 Тут улеглися они спать они двоими надвое.
Тут Иванушка глазами-то что посматриват,
Уж как они любуются, целуются.
Тут Иванушка тогда да осержается,
У его тут дуб да потрясается,
310 Он не может он сорвать да пеньки ядрёные.
Как бы стал он прощаться да со белым светом,
Он и хочет расставаться нынь с своим веком.
Ему пало бы на ум да в уме-разуме,
Поминает он Добрынюшку Микитича,
315 Поминает он Илеюшку ведь Муромца:
«Говорили они мне-ка наказывали».
От немного тут поры да миновалося,
Прилетают к нему два черных ворона.
Как садились бы они да на тот же дуб,
320 Где Иванушка теперь да привязаный,
Они стали вороны да всё раскуркивать,
Они зачали вороны и пограявать,

Не давают бы Батую спать с молодой женой.
Тут Батуй бы нынь да осержается,
325 От младой бы жены он да пробуждается,
Он берет бы в руки да нынче тугой лук,
Тут накладыват Батуй да калену стрелу,
Он и хочет бы стрелить да черных воронов.
Натянул-то он теперича тугой лук,
330 Он и стрелил бы теперь да каленой стрелой.
От их бы от воронов стрелка обратилася,
Да собаке бы Батую в грудь да тут вразилася.
Тут Батую теперича и смерть пришла.
Она ходит ноне Маремьяна молода жена,
335 Она плачет сколь ноне, да умер муж,
Еще того боле плачет да у жива мужа.
Говорит тут Иван сударь Горденович:
«Отпусти ты, Маремьяна нынче Федоровна,
Я тольки тебе дам нынь поученьице,
340 Поученьице теперича великое,
Поученьице теперича как бы мужево».
Сколько плакала, не плакала Маремьянушка,
Да заставил отвязать тогда Иванушка.
Тогда бы наш Иван да говорил таковы слова:
345 «Теперь дам тебе я да поученьице,
Поученьице великое да как бы мужево».
И раздумался Иван сударь Горденович,
Он раздумался теперь да о своем уме:
«Не позволю я теперь ей да нынь во стольный град».
350 Тут поехали они долго ли, коротко ли,
Захотел тогда Иванушка воды испить теперь.
«Ты сойди-ка, Маремьяна да нынче Федоровна,
Почерпни-ко-сь воды мне-ка ключёвоей.
Я хочу напиться да холодной воды».
355 Да не сходит Маремьяна да со добра коня:
«Ты не хочешь, видно, спить воды ключёвоей,
Только хочешь испить моей крови горячеей».
Сколько времечка она тут да отпиралася —
Всё слезала да Маремьяна да нынче Федоровна,
360 Подала она ему воды ды ключёвоей.
Он и выпил теперь воды холодноей,
Он и взял бы нож себе булатен же,
Он и взял ее теперь да за белы руки,
Он обрезал у ей теперь уста сахарные,
365 Он обрезал у ей руки нынче белые:
«Ты с поганыим татарином нынь да целовалася,
Ты с поганыим татарином нынь да обнималася,
Ты с поганыим татарином нынь да оплеталася».
Он обрезал у ей нынь да по колен ноги,
370 Он и выкопал могилу ей глубокую,
Позарыл ей теперь да по белой груди,
Долго ли он жил теперь, коротко ли —
Посадила нынче утка ей гнездо на голову.
Тут повадился теперича да серый волк,
375 Уж и съел бы он да ныне молоду жену.

Он тогда только поехал нынь во Киев-град.
Он и ехал еще долго ли, коротко ли,
И приехал нынь Иванушко во стольный град.
Тут сидят бы бояра на честно́м пиру,
380 Проздравляют тут Иванушка да с молодой женой:
«Ты здоров, Иван, женился, нынче не с кем спать».

71

СВЯТОГОР

* Святогор-то ездил по Святым горам,
Тут и встретился Илья к ему,
Тут Илья сын Иванович.
Они ехали долго ли,
5 Они долго ли, коротко ли
Они е[хали]. . .

(Вот я тут не знаю, он его в карман из-за какого вроде вот [дела] взял-то в карман-то запихал).

Он поло́жил во правой карман,
Он везет конём добрыим.
Он, конь, стал-то потыкатисе,
10 Он и стал попрекатисе:
«Свет ты мой нонь, Святогор ты мой,
Ты хозяин ли ныне мой,
Нонь ты сидишь вишь сам на коне,
Да вёзешь ты бога́тыря,
15 Ты коня и с бога́тырём.
Он тяжелым мне ли кажишься.
Ну он схватился да Святогор теперь,
Он и вынял Ильюшенькю,
Он и вынял совсем с конем.
20 Они поехали к Святым горам,
Они ехали не долго ле,
А не долго ле, коротко ле,
Там завидели они трех человек,
Они строят нынь но́вой гроб.
25 Становились тут ребятушка,
Да ребята не долее,
Тут ведь спрашивают нынь ведь их:
«Кому строите вы новый гроб,
Вы кому этот достанется,
30 Еще кто это ложиться будет тут?»
— «Да мы строим для того нынь,
Для своёго бога́тыря,
Святогора тепереча,
Ему судить ему бог теперь
35 Ему легчи и в этот гроб».*
Говорит Святогор Илье,
Говорит таковы слова:
«Вот попробуй ты, Ильюшечка,
Не тебе ли будет годен нынь?»

40 Вот ставал тут Илья теперь,
Он ставал со добра коня
И ложился во новый гроб.
Как Илья тут — робеночек,
Его худо бы видно им.
45 Говорит как Илья теперь:
«Мне великоват этот гроб будёт,
Мне только в углу одном,
Верно, он-то Святогору строился,
Тебе будет верно в самый раз».
50 Тут вставал Святогор-то нынь
Со добра бы он с коничка,
Он ложился в этот новый гроб.
Как ему тут в аккурат пришел.
Тут покрышка нахлопнулась,
55 Святогор тут и лег теперь.
«Посеки-ко ты, Ильюшечка,
Не могу покрышку снять теперь.
Ты секи покрышку новую,
Не смогу ли я выбраться».
60 Он и сек нынь Ильюшечка
Тут саблей новой вострою,
Он и тюкал по гробу нынь.
Тут наскакивали железны обручи.
Он тюкал Илья да во второй након,
65 И наскакивали железны обручи.
Верно, Святогору смерть пришла,
Верно, судил ему бог теперь
Ему лежать на Святых горах.
Говорит-то Святогор теперь:
70 «Во гробу-то ведь есть дырочка,
У тя силы маловато же,
Я те дам силу бо́льшую тут.
Из гроба нынь пойдет пенушка.
Первая-то выйдет пенушка —
75 Не замай эту пенушку.
И втора выйдет пенушка —
Не замай эту пенушку:
Ты ведь лопнешь от силушки,
Разорвет Илью в кусочки же.
80 Ты возьми пенку последнюю,
Еще в самый раз тебе-ка будёт».
Тут с Ильей распростился он,
Тут и смерть ему случилася.

72

ПРО ЛУКУ СТЕПАНОВИЧА

Уж ли было у детины да у возлюбленна
Он наделся нынь перёд да в цвётно платьице
И пошел он, Лука, да во божью церкву.
И подходит к волтарю да нынь подслушиват,

5 Да каки же ныне поют пенья церковные?
Да поют бы нынь пеньё последнее.
Ему совестно бы стало да добру молодцу,
Он бы проспал обедню да воскресенскую:
Он пошел бы, Лука, да вдоль бы о́ море,
10 Он ходил бы, Лука, да вдоль о́ моря.
Тут летит-то змея да лютоедная,
Лютоедная змея да всё сорокопе́яя:
«Я хочу тебя, Лука, да бы силком сглотну,
Да хочу тебя, Лука, да в хобота складу».
15 И схватила бы Луку да Степановича,
Забрала бы нынь во хоботы широкие,
Унесла нынь Луку да за синё морё.
Как на те же бы горы на высокие,
Да на ту же земельку на Турецкую.
20 Тут разоспалася бы змея да серопёрая,
Тут распахнула хобота свои, большие хобота.
Выходил-то Лука нынь сын Степанович,
Он смотрел бы он теперь да во все стороны.
Да в одной бы стороны да море синее,
25 Во другой бы стороне да поля чистые,
Да по третьей стороны горы высокие,
Во четвертой стороны ой да ле́сы темные.
Он подыскивал себе ныне поле́тничко,
Вот полено бы оно да бы теперь бревно,
30 Он бы взял то бровешко да во белы руки,
Воздымал бы то бровешко да выше головы,
Опускал то бровешко да во люту змею,
Он разбил бы, разломил ей телечь голову.
Тут пропала так змея ныне лютоедная.
35 Он отправился, детинка да добрый молодец,
Не долго́ ли он шел, не коротко ли —
Он сам всё, детинка, да прирасплакался.
Он и сел тогда, детинка, да на сыру землю:
«Привязалось верно горюшко ко добру,
40 Да ко доброму всё да к добру молодцу,
Да который он бы может да горе мыкает,
Горе мыкати и детина да слёзно плакати».
Он выходит бы, детина, да на круты горы,
Он и смотрит, детина, да во все стороны.
45 Да в одной бы стороны горы высокие,
Да в другой стороны там поля чистые,
Во третьёй стороны море синее.
Там и видит — впереди сила стоит,
Стоит силушка великая.
50 Сосчитал он, сосметкал всех бы до единого,
Их немножко тут стоит, да тридцать тысячей.
Тут пошел бы Лука да сын Степанович
Да на эту бы ныне силушку великую:
«Еще что стоите, удалы да добры молодцы?
55 Вы какой же земли, какого царства вы?»
— «Мы того же турецкого мы того царя,
Мы из той же земли со всё Турецкоей».

— «Каковой же ваш-от царь ле нынь приимчивый,
Он приимчивый ле царь ай ле хороший той?»
60 — «Да приимчивый царь наш бы хороший той,
Он примат таких людей да заходящих,
Заходящих людей да заблудящиих».
Распростился Лука дак с силой великоей,
Он держит еще бы тут путь, вперед идет.
65 Он долго ли тут шел ли, не коротко ли,
Завидел нынче силушку великую.
Сосметал он, сосчитал всех до единого.
Он подходит нынь ко той силы великоей,
Он здоровается со силоей великоей:
70 «Уж вы здравствуйте тут, удалы добры молодцы,
Вас немного стоит — двадцать тысячей,
Сосметал я теперича до единого.
А каков же бы ваш теперя ваш-от царь?
Принимает ли таких людей заходящиих,
75 Заходящиих бы людей заблудящиих?»
— «Наш хорошой бы царь, нам бы нравится,
Принимат бы таких людей, ему надобны».
И распростился Лука, он пошел вперед.
Он и долго шел теперь, коротко ли,
80 Он ведь вышел на горы да на высокие,
Тут завидел теперь бы ихний стольный град
И кругом его силы-то много-множество.
И подходит нонь ко силушке великоей,
И здоровается со силой со великоей:
85 «Вы примаете ли таких людей заходящиих,
Заходящиих людей бы, заблудящиих?»
— «Принимают у нас всех людей хорошиих,
Заблудящиих людей да заходящиих».
— «Запустите-ко, ребята, мня во ваш-от град,
90 Да спустите вы меня да к самому царю».
И тут бы взяли тут ребята да добра молодца,
И вели его теперь да к самому царю.
Как бы царь бы он тут нынь взрадовался же:
— «Да такого бы сынка да принимать можно».
95 И говорил бы Лука да сын Степанович:
«Да прими хошь ты меня во стольнички».
Принимал-то тогда его царь во стольнички.
Он и долго ли тут жил да не коротко ли,
На честных бы он пирах он всё бы стольничал.
100 Тут с царевною они всё соглашались бы.
Как царевна тут его нынь возлюбила она.
Как бы ложечку хошь сронит — она тут кланяется.
Вот они тут бат да согласилися.
Вот и стали тут бояра жалиться,
105 Тут и стали на его всё да возноситися:
«Как бы все у нас служат ды службу царскую,
Еще нету только службы ему царскоей».
Да удумали они бы нынь царю соврать,
Чтоб послать его бы в земли во дальние,
110 Сослужить бы ему службу царскую

Да во том бы царстве да во дальныем:
Как бы есть там бы хитрости-мудрости,
Разузнати бы ему хитрости-мудрости, —
Не убьют ли его тут бы, не уходят ли,
115 Не воротится он да бы назад потом.
Призывал бы царь его да нынь турецкий же,
Он и сказыват ему бы службу царскую,
Поезжать бы ему во земли дальние,
Там узнать бы все хитрости-мудрости:
120 «Сосходить бы тебе в землю дальнюю,
Разузнать бы тебе хитрости да мудрости».
Отправлялся детина да суряжался он,
Отправлялся детина да в землю в дальнюю,
Распознати те хитрости бы мудрости
125 Как к тому бы царю да земли дальноей.
Он приехал во земли во дальние,
Показали ему все хитрости-мудрости:
Там накопаны копы да земли медныей,
Там отправлены мины нынче с порохом.
130 Не спускают к этим минам бы с порохом
И направляют эти мины да с порохом.
Это списал он все эти хитрости-мудрости,
Все бы эти нынче мины бы с порохом,
И узнал бы, как ныне снаряжают их,
135 Еще как бы эти мины их спущают их.
Обратиться нынь теперича назад ему.
И приехал нынь к царю да ко турецкому:
«Сослужил я те нынче службу верную,
Тебе верную службу да неизменную,
140 Я смотрел все эти хитрости-мудрости:
Там заряжены бочки нынь бы с порохом,
Разрывают нынче землю да они всё
поверхнюю».
Опять дал ему царь волю вольнюю.
Тогды взял он царевну себе взамуж же.
145 Долго ли он жил да не коротко ли,
Его стала жена нынче беременна.
Принесла ему, детинушке бы, двух сынов.
Долго ли он жил тут, не коротко ли,
Его стали нынче дети да дивны умницы.
150 И накинули опять на его служебку.
Как несутся бояра кособрюхие:
«Он живет у царя во чужом царстве же,
Он хозяином живет нынь, не работает.
Он пущай-ко съездит во земли во дальние,
155 Он изведает пущай да хитрости-мудрости,
Привезет пущай птичку заморскую».
И вернулся нынь Лука да сын Степанович
Он к тому ли ко царю да ко турецкому,
Говорит ему тогда да таковы слова:
160 «Сослужил-то бы теперь я службу верную,
Сослужил я теперь да неизменную,
Я привез тебе, чего ныне надобно».

Тогда жил он теперь долго ли, коротко ли,
Тут бы стал он с женою соглашатися,
165 Они зачали промеж собой разговаривати,
Да ко своей ли стороны домой итти:
«И над нами бы бояра все выгаляются,
Выгаляются они да нынче зуб грызут,
Все они бы нонь царю да нынче кляузят
170 И хотят-то упекчи́-то нас до смерти же.
Мы направим-ко теперича черлен кораб,
И отправимся теперь мы во свою землю,
Ко тому бы ко князю ко Степанову».
И суряжался, снаряжался добрый молодец,
175 Он забрал жену да чадов милыих,
Распрощался бы теперь нынь с родом-племенем,
Распрощался с царем да всё турецким же
И отправился детина да о синё море.
Тут бежал он долго ли, коротко ли,
180 Он бежит о горы да всё высокие,
Тут играют богатыри всё могучие,
Они играют нонь как бы мячиком.
Как бы старшему сыну захотелося
С богатырями бы поиграть бы нынь,
185 А этого бы мячика похватать бы нынь.
Соскочил он с кораблика же наземь нынь,
Он скочил бы на гору да на высокую.
Тут бы зачали играть они ныне мячиком.
Как бы кинул бы Илья да во первой након —
190 Тут схватил его мальчик во белы руки.
Во другой раз теперь да перекинулся.
Осердился тут бы Илья да Муромец:
«Да какой же мальчишка нынь играт со мной,
Да кака же у мальчишки нынче сила же,
195 Да не подхватыват нынь мальчишка мячика».
Со сноровки он кинул нож во белу грудь.
Тут и пал его сынок бы на сыру землю.
Пристал ко горы Лука да сын Степанович:
«Ой ты ой еси, Илья, да Илья Муромец,
200 Помешал у мня дитяти на сырой земле.
На что ж было тебе грудь ножом садить,
Ножом садить со сноровкою?»
И тогда бы нонь Илья да извиняется:
«Есть же у тебя тут чадо милое,
205 Чадо милое твое да одинакое,
Тебе можно на него бы насмотретися».
И отправился Лука да сын Степанович,
Да оставил тут дитя чада милого,
Он отправился теперь к себе домой,
210 Да приехал бы Лука да к своему отцу.
Он стал бы жить тут веки вечные
И княжить теперь да нонь с княгинею.

ФОМА АЛЕКСЕЕВИЧ ЧУПРОВ

Ф. А. Чупров — постоянный житель дер. Угольное около Нарьян-Мара, племянник сказителя Еремея Прововича Чупрова из дер. Абрамовской. В 1956 г. это был 56-летний очень бодрый, подвижный человек: ходил на охоту, работал в Союзпушнине. Любознателен, прост и спокоен в обращении. Неграмотен, умеет лишь немного разбирать древнерусский текст.

Записанную от него, частично в прозаическом пересказе, частично с пения, былину Фома Алексеевич выучил от своего дяди Еремея Чупрова. Исполнял ее с некоторым смущением, очень добросовестно, стараясь все припомнить, не напутать и дать возможность правильно записать. Кроме былины, спел по старопечатной книге псалмов «Плач Иосифа» и «Умоление матери своему чаду» — почти наизусть, так как читать ему трудно. Знает и песни, но считал неудобным исполнять их после былин и духовных стихов. Вообще же хорошо понимал важность дела собирания народного творчества и стремился в меру своих возможностей содействовать работе членов экспедиции.

73

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК]

Жили, хранили Киев-град двенадцать богатырей. Из них, конечно, старший-то был Илья Муромец. Как они столицу хранили, было ли, нет ли, кто его знат. Подъезжал один богатырь и стрелки постреливал к воздуху, и не давал падать на землю, подхватывал. Вызывал их поратиться, а богатыри в шатре были. Потом они стали беседовать: «Кого нам послать за богатырем этим?» Стали выбирать, кто бы мог поехать: «Послать бы Мишку Торопанюшку — он роду торопливого, незави́дь где потеряет свою буйну голову. Того нужно отставить». Потом послать хотели Алешу Поповича: «Алеша Попович роду сонливого, тоже отставить». «Послать, — говорят, — Добрынюшку Никитича. Добрынюшка Никитич роду вежливого, сумеет с богатырем съехаться, сумеет честь воздать».

Поехал Добрынюшка Никитич в чистое поле, наезжает на Сокольника. Это Сокольник наезжал. И закричал он своим громким голосом: «Если русский богатырь, отворот давай, а если не русский, то напуск держи». А Сокольник не оглянется. До трех раз-то повторял Добрынюшка. Потом поворот дает Сокольник. Подъезжает к Добрынюшке Никитичу, берет коня его за повод и поворачиват в обратну сторону. «Поезжай, — говорит, — обратно. С тобой мне делать нечего. Скажи старому казаку Илье Муромцу низкой поклон. Никем г. . . .м заменяется, ему старику не поправиться». [Коня-то тяпнул по тяпышу, добавил по олабышу. От евовного тяпанья лошадь присела].[1] Поехал Добрынюшка Никитич ко белу шатру обратно.

Подъезжает ко белу шатру обратно, остальные смотрят. Конь бежит не по-старому, а Добрыня сидит не по-прежнему. Подъезжает Добрынюшка и сказывает старому казаку низкий поклон. «Никем ты г. . . .м заменяешься, ему старику не поправиться».

А мне старичку да за беду стало,[2]
За беду ли стало, да за великую,
За великую досаду показалося,
За великою досаду показалося,
5 Могучия плеча росходилися,
А могучия плеча росходилися,
Кровь горячая да роскипеласи,

[1] Фразы, взятые в квадратные скобки, вставлены женой исполнителя.
[2] Начало записи на магнитофон.

Кровь горячая да роскипеласи,
Очи ясныя да возмутилися:
«Уздайте, седлайте коня, да коня добренького,
Уздайте, седлайте коня, да коня добренького»,
Уздали, седлали коня да со семи цепей,
Уздали, седлали коня да со семи цепей.

Он тогда вот и сказал: «Не удастся, — гыт, — вам горшка скипятить, я привезу татарску буйну голову».

Не видно было старого — на коня скочил,
Только винно было — струмина ступил,
А не винно было поездки молодецкоей,
Только видно было — в чистом поле курева стоит,
Только винно было — в чистом поле курева стоит,
Курева-де стоит, да дым столбом валит,
У коня-то из роту да пламя мечется,
У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
У коня-то хвост да он столбом стоит.
Нагони́л старо́й да на Сокольничка,
Нагони́л старо́й да на Сокольника,
Закричал он своим да громким голосом,
Закричал он своим да громким голосом;
«Если русский богатырь, оворо́т давай,
Если русский богатырь, оворо́т давай,
А не русский богатырь, ты напу́ск держи».
А на это Сокольник не оглянится,
[А][1] на это Сокольник не оглянится,
А стал старо́й да всё ругатися,
Стал старо́й да всё ругатися,
Стал ругатися да всё бранитися:
«Ворона ты летишь пустопёрая,
Ворона ты летишь пустопёрая,
Сорока ты летишь загумённая,
А нас, добрых молодцо́в, да ты ничем зовешь.
А нас, добрых молодцо́в, да ты ничем зовешь.
(Потом я уж немножко, извините, неловко)
Бились-драли́сь да цельны суточки,
Они бились-драли́сь да цельны суточки,
А не ранились да не кровавились,
А не ранились да не кровавились,
А копейца по насадкам извихнулися,
А копейца по насадкам извихнулися.[2]

Они тогда слезли со добрых коней и потом стали бороться. Как ни боролись, старого казака лева нога подвернулась, упал. Похвально слово его попутало: чем похвалишься, тем и подавишься. Наскочил тогда Сокольник на белы груди и махнул его булатом в грудь. Он вроде как крест носил, то ле в броню попало, не мог пробить его. Вдвое, втрое силы прибыло у Ильи Муромца, он смахнул богатыря и скочил ему на белы груди. И тоже махнул он булатом, но рука в локте отстоялась, он не мог его

[1] Звук сливается с окончанием предшествующей строки.
[2] Конец записи на магнитофон.

убить. Стал его спрашивать: «Откуда ты явился, какого ты роду-племени, что не слышно было раньше про тебя?» А он с гордостью богатырской говорит: «Я, когда сидел на белой груди, не спрашивал роду-племени. Уж ты победил, не расспрашивай». Но он опять спрашиват. Вынужден сказать Сокольник. «Мать была богатырица-паляница, а отца, — говорит, — не знаю, какой был отец». Потом, конешно, Илья Муромец сознался ему отцом. Сокольнику было тринадцать лет, но чувствовал таку силу, что не мог сидеть, поехал поратиться.

Илья Муромец спустил Сокольника, но Сокольнику показалось неловко, что он оказался в.....к. Он поехал и мать убил. *(Так ли оно было, бог его знает)*. Потом вернулся обратно, поехал и на отца. А с битвы Илья ехал, лег в чистом поле отдохнуть, заспал богатырским сном, а коня рядом спустил. Когда конь богатырский заслышал, конь стал копытами землю бить, Илью будить, чтобы на сонного не наехал. Всё же добудился, успел Илья уехать в белой шатер. И нагони́л Сокольник во белом шатре и наскочил на отца. Тогда Илья наступил на одну ногу и разорвал его, прикончил, что нахальный сын его был.

(Больше не знаю, так от стариков слыхал).

СОФЬЯ СТЕПАНОВНА МАРКОВА

С. С. Маркова, которой в 1956 г. было 78 лет, постоянная жительница дер. Качгарт под Нарьян-Маром. Жила с дочерью и внуком.

Записанные у нее богатырские сказки Маркова когда-то читала в книге, которую назвала «Старое время на Руси», но уже лет пятнадцать назад книга была утеряна. Слышала также былины и сказки о богатырях и в устном исполнении. Рассказывала она охотно, не заставляя себя упрашивать, хотя была больна и в этот день с постели не вставала.

Кроме богатырских, знала и другие сказки, тоже частью из устной традиции, частью из книг. Особенно любит и часто рассказывает сказку «Золотое ведерко». Зн
рые крестьянские песни.

74

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ]

Илья-то Муромец сиднем сидел тридцать три года. Пришли к нему калики перехожие, а отца-та и матери дома не было, на пожне корни ворочали. Они и говорят ему: «Полно, Илья, нежиться, подай нам чару меду сладкого». — «Что вы смеетесь надо мной? Я ведь тридцать три года сиднем сижу, ни руками, ни ногами не владаю». — «Сойди, подай меду сладкого!» И на третий раз говорят ему: «Полно, полно, Илья, нежиться, неси меду сладкого!»

Илья, как птичка, соскочил. Соскочил с печи, побежал в погреб, принес меду. Они дали сперва ему пить и спрашивают: «Много ли силы чуешь?» — «Много», — говорит. — «Неси еще цару зелена вина!» Подали ему, выпил Илья чашу, всё до дна. «Много ли чуешь силы?» — «Был бы столб, а на ём кольцо, за что ухватиться, дак я бы перевернул мать сыру землю». — «Много, — говорят, — силы-то наделили». Опять подали ему меду, выпил он, калики и спрашивают: «Много ли убыло силы?» — «А силушка стала половинушка, половинушка стало силушки». — «Тебе, Илья, и того хватит. На битве тебе смерть не писана, не убьют в бою-то». —

«А на чем я поеду, у меня коня нет, а дома я сидеть не буду». Калики сказали: «Купи жеребенка вшивого, паршивого, тот тебя заможет, другой не заможет».

Пошел Илья, купил вшивого, паршивого, худущего жеребенка. Куды поезжат с таким? Пустил его в поле пастись. Три дня покормил, дак не узнал. «Ты ли?» — спрашиват. — «Я, — говорит, — отъелся. А ты-то, такой ли был?» Три дня ведь прошли, он-от сбегал на поле, все коренья очистил. Трое суток прошли, он поехал дорогою прямоезжею. Залегла дорога прямоезжая ровно тридцать лет от того Соловья-разбойника Будимировича. Сидит он, собака, на девяти дубах. А Илья-то клятву клал, до Киева-града не вынимать чтобы стрелы и лук. А к дубу подъехал, зашипел Соловей по-змеиному, засвистел по-соловьиному. Конь-то у его на коленки пал.

«Что ты, собака, травяной мешок, не слыхал ты шипу змеиного, а посвисту соловьиного?» Илья стрелил, дак Соловья прямо в правой глаз угодил. А Соловей сошел, прямо пал кубарем. Кубарем пал, дак он его приторокал ко стремени кривого-то, да и поехал. Дочери выскочили (мимо дома Соловья-то разбойника ехали) да и говорят: «Папа едет, русского богатыря везет». А мать посмотрела и говорит: «Несите подарки да золото, то отца какой ле незнакомой человек везет». — «Да нет, то папа русского богатыря везет». Подъехал Илья. «Не надо мне подарков», — говорит. После подъехал к Чернигову, а у Чернигова сила-армия татарская. Он опять татар выбил. Они вынесли ему подарки. «Не надо, — говорит, — отдайте сиротам».

Тоже приехал в Киев-град, вошел в палату, стал на середину, поклонился всем, а князю с княгиней в особинку. Это Чурила-то Пленкович говорит: «В очах детина завирается, кого-сь ограбил, дак пришел чужого одел». А Илья говорит: «Посмотрите, князь, мою удачу богатырскую, залегла дорога ровно тридцать лет, а я тебе во двор Соловья привез». Князь вышел, увидел Соловья и говорит: «Посвисти». А Соловей говорит: «Не твое пил-ел, не тебя и слушаю». Илья и велел Соловью засвистать вполголоса, а он засвистал во весь свист. Все и попадали, князя-то и княгиню он под полу взял, дак не упали. Он убил Соловья: не мотай добрых людей, не сироти детей.

Стал Илья служить верой-правдой князю Владимиру. Калин-царь подходил войной, дак его не случилось. Как кречет, летит Илья, едет. Приехал от Калина татарин. Говорит, требует, чтобы всё отдали, дак ведь силы — сметы нет. Калека перехожая Иванище какой ле богатырь был. Встретился с Ильей, рассказал ему. «Ты, Иванище, силой боле меня, а удалью хуже меня». Не дават ему Иванище сапоги, в них бриллианты были, дорогу показывали. Илья взял платье каличье, а Иванища привязал к коню. А сам прибежал в Киев-град. Там никого не пускали милостыню просить. А он пришел и заревел под окном: «Подайте милостыну, Христа ради». А Идолище сидит у князя Владимира и говорит: «Я вам запретил, чтоб сироты не ходили». А Илья в комнату зашел. Идолище спрашиват: «Какой у вас Илья, много ли ест да пьет, много ли кушает?» — «Как и я, калека». — «А я вот по семи ведер пью, по быку кушаю». — «У моего батюшка была корова обжорлива, обожралась корова и лопнула». Идолищу это обидно показалось, кинжал в Илью всадить хотел. А Илья увертлив был, нож перехватил и в его всадил.

Князь послал его просить сроку на три дня, чтоб панихиду отслужить. Илья пошел. Он просил сроку на неделю и на три дня, а они не дают. Илья говорит: «Не даете, дак всех переколочу, лысой бес».

Его связали, стал ему Калин-царь в очи плевать, дак не поглянулось (*нам бы и то не поглянулось, а то так*). Схватил он татарина: куда махнет — улица, перемахнет — переулочек. Крепок татарин — не ломится, крепок — не вернется. Всех перебил, не знали, куда бежать, заклинаются: «Чтобы нам боле в Киеве не бывать!»

Потом ездил, ездил, он ведь не женат был, поехал в поле поляковать. Одно время просмотрел заставу, молодой богатырь какой ле проехал. Добрыня отказался ехать за им: «Некем мне старику замениться, надо стряхнуться». А едет Сокольник, лютой паляницы сын, стали биться. Подвернулась нога у Ильи, пал он, а Сокольник на грудь сел. Вынул Сокольник нож, хочет вынуть ретиво сердце. Илья думает: «Мне на поле смерть не писана». Он ему стукнул, тот улетел выше дерева стоячого, ниже облака ходячого. Сел Илья на него: «Чей ты сын, какого отца-матери?» Тот не сказал, распорол Илья ему груди белые, а на руке повязка была, сын его был. Убил сына-то.

А потом он на Святые горы поехал. Увидел богатыря, а конь-от ему и говорит: «Берегись, ядрен он, затопчет тебя и меня, не могу против его коня, заберись на дерево». Он влез на дерево. Едет Святогор да ящик хрустальный возит, а в ящике жена его. Сел под дерево закусывать, потом он отдыхать лег, а жена косы заплетать села, да в зеркале и увидела Илью. Увидела и говорит: «Он тебя убьет, я тебя и с конем в карман положу». Святогор трое суток ездил и не знал, конь спотыкаться стал. «Что ты, волчья сыть, не замог носить меня?» — «Я тебя и жону носил, а теперь с богáтырем и конем ношу». Он вынул, Илья ему поглянулся. Побратались.

Поехали на Святые горы. Нашли гроб. «Илья, ляг, не тебе ли сделан?» Илья лег. Широк и глубок ему гроб, велик очень. Святогор лег — по ём как раз, да и доска тут. «Илья, закрой меня». — «Что ты, как ето!» Тот не закрыл, он сам натянул, дак доска сама приросла. «Руби, Илья!» — «Меч мой не берет». — «Руби моим мечом!» — «Дак силы нет». — «Пей, у меня пена потечет».

Хлопнул Илья три раза: и поперек обруч стал, а вдоль обруч нарос. Илья заплакал: «Вот сам себя ты захоронил». Самый сильный богатырь всё по Святым горам ездил, мать-земля не носила.

Ездил Илья, наехал на погреб с золотом и серебром. «Куда мне с золотом и с серебром?» Взял и церковь поставил. Приехал к князю, у его гостьба. И Илью не признали, оборвался ездил-то. «Где мне место?» — «Да вон в запечьи, где скоморохи». Он как двинул — все железные-то стулья поломал. Князь говорит: «Ты это для чего? То для богатырей было изготовлено. Уходи!» Он ушел да с голями стал по маковкам стрелять. Что наделал-то! Князь похватился. Кого к Илье послать? Добрыню послал. Добрыня боится: «Смерть моя, спереди подойти — убьет! Как быть?» Подошел Добрыня сзади: «Брателко названый, не оскорбись, князь тебя не узнал, пойдем на пир». — «Ты пришел обходительной, а то я бы убил». Пошли.

Князь Владимир всё разгневался опять снова. Приказал его заточить во глубок погреб и засыпать песком, чтоб никто не заходил. Три года прошло, како ле войско пришло. У князя Владимира дочка была хорошая. Прокопала ход и носила пищу Илье. Стал князь тужить. Княгиня и говорит: «Пойдем, может Илья жив». — «Дура баба, волос долог — ум короток». Дочка тоже говорит: «Пойдем, папа, может жив Илья-то». А богатыри-то в то время уехали все, как Илью-то князь посадил, испугались, что и им то будет. Пришли, а он сидит и свечка горит. Князь в ноги пал.

А он говорит: «За тебя не иду, за царицу не иду, а знаю, за кого иду».

Потом поехал к етому кресту, приехал, где церковь-то стоит, тут и умер. *(Окаменел, так говорят, а кто его знает? Говорят вот, в церкви лежит, а сапоги на ём розны делались, всё меняли. А в третей или четвертой год подметки подбили, дак не стал ходить-то).*

75

[ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ]

Добрыня-то ведь поляковать ездил, дак богатырь был. Добрынюшка Никитич у матери без отца рос. Тоже[1] Омелфой Тимофеевной звали. Он три года жил стольником у князя, три года жил ключником. Он просился на трое суток по Киеву гулять. Ходил, гулял, постреливал, в окно к Маринке-волшебнице стрелил и приятеля убил. Осердилась она, говорит: «Взамуж возьми». А он не взял. Она обернула его ослом.

У его тетки были дочери, в лес за ягодами ходили. Пришли, говорят: «Осел какой-то к нам пристал, трется и трется, плачет всё». Тетка-то догадалась, что то не осел, да и отговорила его.

Тогда поехал поляковать и Настасью Микулишну встретил. Она тоже воевала ездила. Тоже вот женился он, дак поехал на Пучай-реку купаться, а мать его не спускала. «Ты, — говорит, — можешь утонуть». *(Это он холостой ездил, забыла ведь).* Он поехал, плават: «Мама сказала, Почай-река сердитая, а она, как лужица».

Вдруг видит, змей летит. Он нырнул, а слуга его убежал и с платьем. Наг остался. Когда он вышел, клятву со змеем дал, чтоб не летать на Киев-град. Не успел Добрынюшка выкупаться, а змей уж Путятичну тащыт.

Собирает князь гостьбу, кто выручит Путятичну. Старший хоронится за младшего, а у младших ответу нет. Алеша Попович и говорит: «Я видел, на Пучай-реке Добрыня со змеем братался, он поедет».

Пошел Добрыня, заплакал. Мать и говорит ему: «Ладно, я тебе сплету плеточку из семи шолков, ты этой плеточкой помахивай. Как приедешь на горы Сорочинские, станут змеи бурушке ноги подтачивать, ты его постегивай. Он станет плясать, змей стряхивать». Поехал Добрынюшка на горы Сорочинские. Перескакивал конь Почай-реку. А Почай-река была на два поприща. Змеи ноги у коня подъедать стали. Конь стал прыгать, змей топтать. Долго ли, коротко ли ехал, всех детей притоптал. Змей летит торопится домой: «Ты зачем ко мне на съедение приехал?» — «А ты зачем ко мне в Киев летал?»

Стали биться-ратиться. Три головы отсек, стоит он в змеиной крови. Мать земля змеину кровь не принимает. Он стал плеткой хлестаться — кровь да мать сыру землю: «Мать земля, чего не примашь кровь змеиную, я уж замерз» *(видно, холодно было).* Мать земля приняла кровь-от. Пошел в жилье, а княжна висит на стене, руки роспялены. Выпустил всех: «Идите, не тронет вас змей». Благодарили его.

Долго ли, коротко ли ехал, опять на заставу поехал. Он стоит на заставе три года: это чтобы богатырь не проскочил. А жена уже была взята. Они, бат, без свадьбы женились, как теперь, видно. Он ей, поезжая, сказал: «Жди меня три года, а тогда выходи замуж, только не за Алешу Поповича, он, собака, мне крестовой брат».

---

[1] Сказывала после сказки о Дюке, мать которого Омелфа Тимофеевна.

Она ждала три года, потом шесть лет ждала. Стали сватать. Она говорит: «Я двенадцать лет буду ждать». Тогда ее стали силком замуж брать.

А Добрыня поил коня в Рябинке-реке, конь воду не пьет, стал говорить ему: «Езжай в Киев, силком жену отдают Алеше Поповичу». Поехали. Он скачет через стену городовую. Коня бросил, пришел к матери: «Дай гусли». Мать не узнала: «Что ты, смеешься!» — «Я Добрыня». — «У Добрыни были тапочки шелковые да бриллиантами усажены, а ты оборванец, какой ты Добрыня?» — «Я воевал, приоборвался». Она посмотрела родинку: на груди у его была. Узнала, дала гусли.

Пришел он на пир, со скоморохами в запечье сел. Все пьют, едят, веселятся, а Настасья Микулишна слезы льет. Он в чару зелена вина кольцо спустил и говорит: «Дайте невесте поднести». Она пить стала, кольцо под губы подкатилось. Она говорит: «Не этот мой муж, а тот, что в запечье сидит».

Он вышел: «Здорово, Алеша Попович, оженился, а спать не с кем».

Пир-от рассыпался.

76

[ДЮК СТЕПАНОВИЧ]

Дюк-то Степанович ведь три года у матушки без отца рос, отца-то богатыри убили. Как стал он трех годов, стал коня искать. Он-то всё хочет в Киев-град ехать, а мать-то не пускат, коня не дават. А он всё коня искал, на которого руку наложит, так конь-то шататца, всё не выбрать коня-то.

А подрос до шести годов, дак пошел по городу искать коня, кто укажет. Идет, стоит старуха, он ее и спрашиват, где коня взять. «Конь в глубоком погребе стоит, тот тебе подойдет». Пришел Дюк к погребу, спихнул чугунную доску, доской погреб-от накрыт был, да песками присыпан. Взял он коня, поехал на горы таки коло Киева. Смотрит: «Ничего в Киеве хорошего нет, белое все, церкви белые, а у нас все золотое». А конь пал на колени и говорит: «Не могу тебя носить, спусти меня пастись». Спустил коня-то, а сам зашел в погреб, тут питера и ядера всяко. Напился, наелся и спать лег. Сколько спал, две ли, три ли недели, не знаю, свидетелей-то не было. Проснулся, а платье-то на нем все лопнуло, розлезлось. Вышел из погреба, а коня нет, стал его кликать, а конь-то говорил: «Я сам прибегу».

Опять пошел Дюк в погреб, напился, наелся, надел новое платье и спать лег. Сколько проспал, проснулся, а платье опять лопнуло. Вышел на улицу, а коня всё нет. Снова в погреб спустился. Долго ли спал, три года, тут и жил. Выспался, вышел на улицу. Тут конь прибежал, говорит: «Ехать можно, ты отъелся». А Дюк смотрит и не узнает: «Ты не мой конь». — «А ты на себя посмотри, тоже не похож на себя. Одни кости были». Сел он на коня, прибежал к матушке Омелфе Тимофеевне, она выскочила: «Кто такой?» А он прощаться приехал: «Прости, матушка, Омелфа Тимофеевна, я поеду в Киев-град, ко князю Владимиру». Поехал он к Киеву, приехал на горы, конь говорит: «Ничего там хорошего, белым белешенько, а у нас в Золотой Орде всё в золоте». Все равно поехали, конь его скачет, озера и реки меж ног спускат. Хотел Дюк к обедне в Киев приехать, пришел в церковь, а князя в церкви нет. Пошел в полаты ко княгине Апраксин, видит, сидит она, он и говорит: «Здравствуй, княгини портомойница». — «Что ты, кака, — говорит, — я портомойница, я княгиня». — «А у нас так-от портомойницы ходят».

Пошел Дюк в церковь, стал, а сам все на сапоги поглядывает, сапоги-то в песке припылились. Князь стал на пир приглашать, пришли в палаты, а Дюк всё на сапоги поглядывает. Чурила-то Пленкович насмешник был и говорит: «Какой-то нахальник приехал к нам, с кого-сь сапоги да платье стащил, так всё поглядыват». А Дюк-от и говорит: «У нас в Золотой Орде впереди-то идут лопатники, а потом стельщики, сукна стелют, дак сапоги-то только чистятся, а тут в песке всё». А Омелфа-то Тимофеевна дала ему перцатоцки, жемчугом шитые, велела подарить Илье Муромцу, старому казаку: «Ты ведь дитя хвастливое, дак он за тебя заступится».

Вот стали все есть. Он ест, верхнюю-то короцку на стол кидат, а нижнюю-то короцку под стол мецот. А Чурила-то и говорит: «Откуда такой нахальник к нам явился, хлебушко под стол кидат?» — «А у вас вот, господа, пеци-то глиняны, а у нас —

Один съешь, дак другой хочется,
Второй съешь, дак душа горит,
Третей съешь, дак и сыт».

Всё поспариват с Чурилой. Заложились они об заклад: «Давай ездить каждый день на новом коне». — «У меня кони-то в Золотой Орде в проклятой». Пошел к Сивушке-Бурушке за помощью. Конь и говорит: «Я буду кататься на заре, шерсть менять». Стал Чурило биться не о ста рублей, не о тысячи, о буйной голове — Почай-реку перескочить, да и назад отскочить. А Почай-река на два поприща змеиных, на два поскака лошадиных. Илья и Добрыня смотреть пошли. Чурила вперед скочил да назад не доскочил, Дюк его за волосы вытащил. Хотел снести голову, да князь и княгиня отмолили.

Стали опять биться, стали платья носить, всё чтоб новое. Он послал записочку в Золотую Орду, коню под седло положил. Мать прислала ему платья. Стали среди церкви: Чурила повел палочкой по пуговкам, дак с одной стороны мальчик, а с другой девочка, дак поцелуются. А Дюк провел, дак все райские птички поют. Опять перещеголял его, дак о головах ведь бьются.

Чурила решил о богатстве биться. Описывать добро пошли Добрыня Никитич да Илья. «А Олешу Поповича не посылай, он роду поповского, руки загребущие, он еще загребет казну-то мою, ограбит». Еще Потанюшку Хроменького послали. «Я ехал три дня, а вам косой-то дорогой три года». Вот ехали три года, да богатыри ведь все. Приехали. Зашли в комнату, говорят: «Здрасте, Омелфа Тимофеевна». — «Кака я Омелфа Тимофеевна, я портомойница». Во втору комнату зашли: «Здрасте, Омелфа Тимофеевна!» — «Кака я Омелфа Тимофеевна, я ее рукомойница, а она в церкви стоит. Да вы всем-то не кланяйтесь. Как пойдет Омелфа Тимофеевна из церкви, впереди-то пойдут лопатницы, потом-то пойдут метельщицы, а сзади стельщицы. Потом Омелфа Тимофеевна».

Пошли они, видят — дорогу разметают, сукна стелют, потом Омелфа Тимофеевна идет. Поздоровались они, а она и не посмотрела. Зашли в дом. «Зачем пришли?» — «Именье твое описывать». — «Како у меня именье? Описывайте ложки да вилки!»

Три года писали, не могли описать. Она говорит: «Поезжайте к князю, пусть на бумагу продаст Киев-град, а на чернила Чернигов-град».

И вернулись, ничего не вышло у них. Опосля смирились с Чурилом, дак и свататься вместе ходили за двух девок.

ТИМОФЕЙ СТЕПАНОВИЧ КУЗЬМИН

В 1956 г. Т. С. Кузьмин — 68-летний колхозник-рыбак дер. Тельвиски Нарьян-Марского района в пяти километрах от города. С виду маленький, невзрачный, с небольшой бородкой и, несмотря на свой возраст, совсем еще не старик, он привлекал своей приветливостью и доброжелательством. Жил скромно, небогато с женою, дочерью и внучкой-школьницей. Имел еще внука — офицера Советской Армии, служившего в Туркмении. Сам Т. С. Кузьмин в годы первой мировой войны был в армии, затем всю жизнь прожил дома в Тельвиске. Грамотный с 9 лет.

Т. С. Кузьмин — совершенно исключительный мастер-сказитель с большим и своеобразным былинным репертуаром, в котором усвоенное Кузьминым из местной устной традиции объединяется с материалом других областных традиций, воспринятом из печатных изданий былин. Искусству сказывания он учился у своего отца Кузьмина (см. об этом в статье), но слыхал не раз и исполнение былин другими сказителями. Вместе с тем он, по его словам, еще в детстве видел «московские книги с былинами», бывшие у местного священника отца Евгения. Возможно, читал былины в книгах и позже и, обладая острой памятью, невольно запоминал прочитанное. Книжные влияния в его сказительстве отличают его от другого лучшего исполнителя былин современной Печоры, Андрея Пономарева, истоки знания которого — исключительно в местной традиции.

Кузьмин пел твердо, истово, уверенно. Исполняя былины подряд, он держал один напев, но при перерыве в исполнении напев менял или сильно варьировал.

К былинам Т. С. Кузьмин относится с большой любовью. Петь стал просто, безо всяких особых просьб и уговоров и, видимо, был очень доволен вниманием, оказанным ему как сказителю. Два раза он выступал с былинами на смотрах художественной самодеятельности в Оксино (в 1954 г.) и в Нарьян-Маре (зимой 1955—1956 г.) и, хотя имел большой успех и получил оба раза денежную премию за выступление, остался очень обиженным отношением к былинам: администрация смотра просила, чтобы «все было покороче, без пения», и ему пришлось не петь былины, а «рассказывать сказками». Сетовал он и на невнимание к былинам молодежи.

Кроме былин, знал несколько сказок («Про Еруслана Лазаревича и другие какие пустяковины») и песен, преимущественно рекрутских и солдатских «под ногу». От него записана песня о Кострюке, опубликованная в сб.: Исторические песни XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, № 148, ноты 33.

77

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Во славном-то городе во Муроме,
Во селе-то ведь было Карачарове
Тридцать лет уж и с лишком
Сидуиом-то сидел да тут крестьянский сын
По прозванью тут да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
И во ту ли пору да вот летьнюю,
И во летьнюю пору да вот во жаркую
Как приходят калики да перехожие.
Постучались они да у окошечка:
«Уж ты гой еси, Илеюшко Иванович,
Ты подай-ко-ся нам да-я испити же».
Говорит тут Илья да вот Иванович:
«Я без рук-то сижу да я без ноженек
Тридцать лет уж и даже с лишкою».
Говорят тут калики да перехожие:
«Ты, Илеюшка, нас да не обманывай».
Как и стал-то Илья да тут рукой шевелить,
Еще стал-то Илья да тут рукой шевелить,
Еще стал-то Илеюшко на резвы ноженьки.

Как берет-то братыню да полтора ведра,
Еще спускается в погреба да во глубокие,
Наливает-то братыню да полтора ведра
И подносит братыню каликам перехожиим.

Тимофей Степанович Кузьмин.

25 Говорят-то калики да перехожие:
«Уж ты гой еси, Илеюшка, выпей сам до дна».
Выпивает тут Илеюшка чару полную.
Говорят тут калики да перехожие:
«Ты налей-ко, Илеюшка, втору чарочку».

30 Он спускается Илья да в погреба глубокие,
Наливает-то он верно втору чарочку,
Что не малу, не велику — полтора ведра,
Наливает-то он верно втору чарочку
И подносит он каликам перехожиим.
35 Говорят тут калики да перехожии:
«Уж ты гой еси, Илеюшка, выпей сам до дна».
Выпивает-то Илеюшка втору чарочку,
Говорят-то калики да перехожие:
«Много ль силы, Илеюшко, в твоих рученьках?»
40 Говорит тут Илеюшко Иванович:
«Кабы столб да в земле да мне до небушка,
А к нему-то было кольцо червлёное —
За кольцо-то бы взял да я ведь рученькой,
Повернул бы святорусску да землю-матушку».
45 Говорят тут калики перехожие:
«Ты подай, Илья Иванович, нам третью чарочку».
Опустился он да в погреба глубокие,
Наливает-ко братыню в полтора ведра
И подносит каликам перехожиим.
50 Говорят тут калики да перехожие:
«Уж ты гой еси, Илеюшко, выпей сам до дна».
Выпивает-то Илья да третью чарочку,
Говорят ему калики перехожие:
«Много ль силы, Илеюшко, в твоих рученьках?»
55 Отвечает им Илья да сын Иванович:
«Во мне силушки наполовину приубавилось».
Говорят ему калики перехожие:
«Выбирай же ты теперь себе жеребчика,
Поезжай ты, Илеюшко, на святую Русь
60 Защищать свою да землю-матушку,
Басурманов поколачивать».
Распростилися калики перехожие,
Отошли они нонь от окошечка.
Как возвращаются с поля да отец с матерью,
65 Тому диву они верно да сдивовалися:
Ходит на ногах у их да Илеюшко Иванович,
Говорит отцу он, матери:
«Покупайте мне, родители, худа верно жеребчика,
Еще буду я в росы его выкатывать».
70 Как отец ему купил худа жеребчика.
Стал Илеюшка за им верно ухаживать.
Бытто выростил Илеюшка жеребчика.
Одевается Илья в доспехи богатырские,
Доставал себе он палицу буёвую,
75 Доставал себе он саблю вострую,
Доставал еще себе он стрел колчан и тугой лук.
«Дайте мне, отец верно да с матушкой, благословеньице,
Я поеду в стольной Киев-град,
Я поеду поглядеть князя Владимира».
80 — «Бог тебя благословит, наше чадо милое.
Поезжай ты, наш Илеюшко, во стольный Киев-град,
Злом не мысли на татарина,

А тем паче на крестьянина».
Распростился нонь Илья с отцом и с матерью
85 И отправился Илейко в путь-дороженьку.
А лежала путь-дороженька через Чернигов-град.
Подъезжает он к Чернигову.
Круг Чернигова-то града тут черным черно,
Окружают нонь Чернигов-град черны вороны,
90 Черны вороны да злы татарове.
Нарушает Илейка заповедь отцовскую,
Вынимает он свою да саблю вострую
И пошел рубить он силушку татарскую.
Порубил Илья всю силу верно татарскую.
95 Отворяются воротички у города Чернигова,
Приглашают ноне в гости Илью Муромца,
Говорит ему народ да таковы слова:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Как по имени тебя звать, величать по отечеству,
100 Будь у нас ты во Чернигове воеводою».
Говорит Илья Иванович:
«Уж вы гой еси, люди черниговцы,
Мне не быть у вас да воеводою.
Укажите мне дорожку в стольный Киев-град».
105 Говорят Илье черниговцы:
«Прямоезжая дорожечка во Киев-град
Запала да заколодела,
Серый зверь по ней не рыскиват,
Черный ворон не пролётыват.
110 А у той у грязи черные,
У березки у покляпые,
У креста ли Леванидова
Одихмантьев сын злодеюшка
Соловей засел разбойничек.
115 Он сидит-то на семи дубах,
Он свистит по-соловьиному,
Закричит он по-звериному,
Зашипит он по-змеиному,
С гор сползут пески сыпучие,
120 Лесы, рощи к земле склоняются».
Говорит Илья Иванович:
«Уж вы гой еси, люди черниговцы,
Не поеду я околицей,
Околицей ехать верно две тысячи-то верст,
125 А прямоезжей-то дорожкой ровно тысяча.
Я поеду по дорожке прямоезжеей.
Не страшён мне Соловей верно разбойничек».
И поехал Илья Иванович прямоезжею дорожечкой
Приезжает он ко грязи черные,
130 Ко березке он ко покляпые,
Ко тому кресту Леванидову.
Увидал его тут Соловей верно разбойничек,
Засвистал он по-соловьиному,
Закричал он по-звериному,
135 Зашипел он по-змеиному.

Пал жеребчик на коленочки —
(Это у Ильи-то)
У Ильи тут у Ивановича.
Говорит Илья Иванович:
«Ах ты волчая сыть недосытана,
140 Травяной мешок нескладенный,
Не бывал ты, конь, во темном лесу,
Не слыхал ты на своем веку
Соловьиного ты посвисту,
Что звериного ты голосу,
145 Что звериного, туринного,
Или шипу ты змеиного?»
Вынимает он стрелу калёную,
Натягает он лук, шелкову ниточку,
Говорит стреле калёноей:
150 «Ты лети, моя калёная стрела,
Ты не попадай ни на землю, ни на воду,
Попади ты в глаз разбойничку».
И попала стрела калёная
Соловью-разбойнику прямо в правый глаз.
155 Полетел тут с дуба старого
Комом на землю разбойничек.
Подхватил Илья Иванович разбойника,
Привязал его к праву стремени
И поехал он в путь-дорожечкю,
160 И поехал прямо в стольный Киев-град.
Приезжает он в стольный Киев-град,
Соскочил он с добра коня,
Привязал его к столбу да золочёному.
Как заходит он ко князю Владимиру в гридню светлую.
165 Поклонился он князю Владимиру и княгинюшке Апраксин,
Поклонился он верно всем чудо-богатырям,
Всей собравшейся нынь да братии.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты садись-ко, добрый молодец,
170 Ты откуда нынче едешь, куда путь держишь,
Ты приехал к нам какой дорожкою?»
Говорит Илья Иванович:
«Я из города из Мурома,
Из села я Карачарова,
175 А зовут меня Илеюшко Иванович,
А прозванье мое Муромец».
Посадили тут Илеюшку за дубовый стол,
Наливали ему чару зелена вина,
Не малую, не велику — в полтора ведра.
180 И берет он чару единой рукой,
Выпивает он чару единым духом.
«Уж я ехал, Владимир-князь стольно-киевский,
Повидать тебя и всех славных богатырей.
Уж я скажу, не утаю ничего:
185 Ехал я сюда дорожкой прямоезжею».

Подивились тут князь и со княгинею,
Подивилися могучие богатыри:
«Как прямая-то дорожечка
Запала да заколодела,
190 Там сидит да на семи дубах
Соловеюшко да разбойничек».
Говорит Илья Иванович:
«Соловей-то ведь разбойничек
Он висит у меня нонь у правой стремени».
195 И Илье тут верно не поверили,
Выходили все да на широкий двор,
Выходил князь Владимир со княгинею.
Говорил тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
200 Что Илеюшка Иванович,
Вели Соловью засвистеть в полсви́ста соловьиного,
И закричать в полкрика звериного,
И зашипеть в полшипа змеиного».
Говорит Илья Иванович:
205 «Уж ты гой еси, Соловеюшко-разбойничек,
Засвисти ты в полсви́ста соловьиного,
Закричи ты в полкрика звериного,
Зашипи ты в полшипа змеиного».
А тогда Соловей да не послушался:
210 Засвистел он во весь свист да соловьиный,
Закричал во весь он крик верно звериный,
Зашипел во весь он шип верно змеиный.
Все околенки во Киеве потрескались,
Все-то маковки с домов посыпались,
215 Князь с княгиней на коленочки попадали,
И весь народ тут приужахнулся.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, добрый молодец Илья Иванович,
Ты уйми-ка Соловья-разбойника,
220 Будем мы тебя дарить да будем чествовати,
Ты очистил нам дорожку да прямоезжую».
Заходил Илья Иванович в палаты белокаменны,
Угощали его, потчевали.
Князь Владимир стоял стоя перед ним,
225 А княгиня Апраксия ему кланялась,
А другие богатыри радовались, веселилися,
Называли его своим братом старшиим.
Выходил тут Илья Иванович на широкий двор,
Он садился на добра коня,
230 Он поехал с Соловьем-разбойником да во чисто полё,
Говорит он Соловеюшку-разбойничку:
«Соловей ты свет да разбойничек,
Прослезил ты много детей, матерей,
Сгубил много ты народа православного.
235 Тебе смертный конец верно пришел сейчас».
Вынимал он саблю вострую,
Отрубал он Соловью да буйну голову.
Воротился Илья в стольный Киев-град.

Выбирал он себе Илья товарищев
240 Что по силе по своей, по своей ловкости:
Выбирал он Добрынюшку Никитича,
Выбирал он ведь Алешеньку Поповича,
Да семь братьев Сбродовичей.
Поезжают они во чисто полё,
245 Они делают заставу богатырскую,
Стали жить да быть богатыри на заставушке.

78

ИЛЬЯ И НАХВАЛЬЩИК

Еще жили на заставы богатыри.
Еще ездил Добрынюшка во чисто полё,
Увидал он ископыть великую:
Ездит в поле богатырь, похваляется.
5 Приезжает Добрынюшка на заставу:
«Уж ты гой еси, наш старший брат,
Старший брат да Илья Муромец,
Видел я на поле ископыть великую —
Ездит во поле богатырь, похваляется».
10 Говорит Илья Иванович:
«А кого послать нам за нахвальщиком?»
Собирали они думушку великую:
«Нам послать буде Алешеньку Поповича».
Говорит Илья Иванович:
15 «У Алеши глаза поповски, завидущие,
Позавидует Алеша на богачество,
Понапрасну потеряет буйну голову».
— «Нам послать буде Василья Долгополова».
Говорит Илья Иванович:
20 «Вы неладное, богатыри, удумали:
У Василья полы долгие,
Ходит Васька — заплетается,
Заплетется в битве полами,
Понапрасну потеряет буйну голову.
25 А и лучше бы послать Добрынюшку Никитича».
Тут садится Добрыня на добра коня,
Поезжает на нахвальщика.
Выезжаст он на гору Сорочинскую,
Он глядит в трубу серебряну.
30 Видит он — нахвальщик в поле тешится:
Саблю вострую вымётыват,
Булаву бросает он под облако,
Принимает одною рукой
Ту булаву стопудовую,
35 А другою саблю вострую.
Закричал тут Добрынюшка Никитич млад:
«Ты собака самохвальщина,
Ты зачем верно заехал к нам
Через русскую заставушку?»
40 Услыхал его нахвальщичек,

На добром коне сворачивал.
Сколебалась мать сыра земля,
Из озер вода повыбилась.
Испугался тут Добрынюшка Никитич млад:
45 «Унеси меня ты, господи,
От злодея от нахвальщика».
Приезжает он обратно на заставушку,
Говорит Илья да таковы слова:
«Больше некого послать нам на нахвальщичка,
50 Самому пришло старому ехати».
Тут садился Илейко на добра коня,
Он поехал на нахвальщика.
Выезжает он на гору Сорочинскую,
Он глядит в трубу серебряну
55 И увидел старой да тут нахвальщика.
Булаву бросал он выше облака,
Саблю вострую вымётывал.
Закричал Илья Иванович:
«Эй ты, вор-собака, самохвальщина,
60 Ты зачем в чисто поле заезживал
Через русскую заставушку,
Илье Муромцу не бил челом,
И не бил челом Добрынюшке
И всей братье богатырскоей?»
65 Услыхал его нахвальщичек,
На Илью коня сворачивал.
Сколебалась мать сыра земля,
Из озер вода повыбилась,
Тут и съехались два могучиих богатыря.
70 Они сшиблись верно копьями булатными —
Копья длинны изогнулися,
Они сшиблись да саблями булатными —
Сабли востры зазубрилися.
Соскочили тут богатыри да со добрых коней,
75 Они схватились в рукопашный бой.
Бились день они до вечера,
Бились-дрались до полуночи,
От полуночи до солнышка.
Как махнет Илья свет Муромец
80 Ручкой правою единою —
Проскользнулся ноженькою левою
И упал на землю верно матушку.
Тут насел нахвальщик на его на груди белые.
Вынимает он булатный нож,
85 Хочет резать он Илейке груди белые.
Говорит ему нахвальщик же:
«Не тебе бы, старцу старому,
В поле чистое выезживать,
Или некем замениться тебе?
90 Ты бы келейку себе повыстроил
При пути да при дороженьке,
Собирал бы божьи милости,
Был бы сыт ты мне, старинушка».

Говорит Илья Иванович:
95 «Да не так в писанье писано,
У апостолов удумано:
В чистом полюшке, в раздольице
Не бывать Илье убитому».
У Ильи тут силы, лёжучи,
100 Втрое, вчетверо прибавилось.
Как махнул Илья свет Муромец ручкой правою
Прямо в грудь ему, нахвальщику —
Вышибал он тут нахвальщика
Выше дерева стоячего.
105 Соскочил Илья на резвы ноженьки,
Подбегает он к нахвальщику,
Вынимает он булатный нож,
Отрезает по плеч голову,
Вынел сердце с черной печенью.
110 Тут садился Илья на добра коня,
Подымает он голову нахвальщика
На свое ли на копье бурзуменское
И поехал на заставу богатырскую.
Приезжает Илья на заставу богатырскую,
115 Он кидает на землю ту голову,
Говорит он богатырям да таковы слова:
«Уж ты гой еси, моя дружинушка хоробрая,
Сколько лет я в поле езживал,
А таких нахвальщиков не видывал».

(Вечная слава нашим предкам, и нашим богатырям, и нашим вождям, и вечная слава нашим непобедимым войскам).

79

СВЯТОГОР

*Выезжал ведь Святогор на чисто полюшко,
Ничего-то Святогор да не нахаживал,
С кем бы силою своей да он померялся,
Увидал-то Святогор да в чистом полюшке
5 Как идет-то старик да ноне с сумочкой.
Наезжает Святогор да на старичика.
Старичок-то ведь сумочку наземь бросил он.
Наезжает Святогор да вот на сумочку,
Своей плеткою он да сумку потрогиват, —
10 Лежит сумка на земле да не шелохнется.
Тут слезает Святогор со своего добра коня
И берет-то ведь сумку в обе рученьки,
Поднимает-то сумку да до колен своих.
По колен-то в землю да он угряз-ы с ей.
15 Говорит-то Святогор да таковы слова:
«Уж ты гой еси, ведь старый многосильный же,
И чего у тебя в сумочке накладено?»
Говорит-то ему старец таковы слова:
«Тяга в сумочке у меня да от сырой земли».

20 Как поехал Святогор нынь тут на горушку,
Увидал-то его да Илья Муромец,
Видит — едет богатырь да свет великий же,
Голова-то его в облак-тучу подпирается,
И наехал тут Илья на добра молодца,
25 И ударил Святогора своей палицой.
Святогор-то его взял да ведь за честны кудри
И положил в карман да Илью Муромца.
Говорит-то ведь конь да таковы слова:
«Уж ты гой еси, хозяин мой великий же,
30 Не могу я носить да двух богатырей».
Охватился Святогор да видит в кармане своем,
Вынимает тут Илью да из кармана же:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Мы поедем с тобой на гору да Сорочинскую».
35 Как ведь въехали на гору да Сорочинскую,
Видят — гроб там стоит да как немалый же.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты ложись-ка во гроб да невеликой жо».
40 Еще лег-то Илья — да в половину гроба.
Соскочил Святогор да нонь с добра коня,
Еще лег-то во гроб — да ему враз пришел.
Как нахлопнулась крышка да гробова на его.
Говорит-то Святогор из гроба Илеюшке:
45 «Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты бери-ко мой меч да свет булатный же,
Ты ударь-ка по крышке да скоро-наскоро,
Ты разбей-ко-ся крышку да вот железную».
Как ударил Илья да свет ведь Муромец
50 Как по крышке-то этой по железноей,
Как ударит-то раз — да круг ей обручи,
Как ударит другой — да другой обруч же.
Говорит Святогор ноне из гроба же:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
55 Мне-ка смерть пришла здесь да неминуема.
Поезжай-ко-се ты к моему отцу-матери,
Ты скажи-ко-се им да на прощаньице
И скажи, что ваш сын помер на горы Сорочинскоей
И во гробе лежит нонь погребенный же».*

(Ну небольша, худяшша былинка-то, маленька!)

89

ПРО СУХМАНА

Как во стольном-то городе во Киеве
И у ласкова князя да у Владимира
Пированье-то шло, да шел почестен пир
На бояр-то князей да добрых молодцов.
5 На пиру-то ведь все да прирасхвастались:
Сильный хвастает верно да своей силою,
А богатый-от хвастат золотой казной,

Умный хвастает да старой матушкой,
А безумный-от хвастает супругою.
10 За столом-то сидит да призадумавшись
Свет Сухмантьюшка сын да Одихмантьевич
И ничем-то в пиру да он не хвастает,
Белой лебеди он да не кушает.
Как Владимир да князь стольно-киевский
15 Сам по горенке он да вот похаживат,
Золотыми-то кудрями да он потряхиват,
Одихмантьевичу он да выговариват:
«Уж ты гой еси, Сухман да Одихмантьевич,
Ты не пьешь-то, не ешь да вот не кушаешь,
20 Белой лебеди у нас да ты не рушаешь
И ничем-то в пиру да ты не хвастаешь».
Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
Привезу-то тебе да я похвастаю
25 Лебедь белую нонь да не кровавлену,
Не кровавлену лебедь да не ранену».
Как садился он да на добра коня
И поехал он да ко Днепре-реке.
Глядь — течет-то Днепра-река не по-старому,
30 Не по старому она течет, да не по-прежнему.
Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:
«Что течешь ты, река, да не по-старому,
Что течешь нонь не по-прежнему?»
— «Я теку, река, не по-старому,
35 Я теку, река, да не по-прежнему:
Как за мной-то стоят да за Днепрой-рекой
Сорок тысяч да злых татаровей.
Они мост мостят да с утра до ночи.
Что в день намостят, то в ночь я вымою».
40 Переехал тут Сухман через Днепру-реку,
Бился-дрался он с татарами до вечера,
Бился-дрался с ними до полуночи
И побил-то он да всех татаровей.
Три татарченка в лес попрятались,
45 В Одихмантьевича да стрелки спустили,
И попали ему стрелочки в белу грудь, во бока.
Тут Сухмантьюшка он стрелки выдернул,
Листом маковым раны да призатыкивал,
И поехал Сухмантьюшка в стольный Киев-град
50 И без лебеди едет да он без белоей.
Говорит тут да верно князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты хвастался, Сухман, да привезть лебедь белую,
Не привез ты, Сухман, да белой лебеди,
Посажу я тебя да в тюрьму да затюремную».
55 Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:
«Не привез я, Сухман, да лебедь белую,
Повстречалися мне за Днепрой-рекой
Сорок тысяч злых верно да татаровей,
Они мост мостили с утра да ведь до ночи,
60 И побил я всех их да до единого».

А на это князь Владимир не поверил же,
Посадили Сухмана да в темну камеру.
Тут Сухман листьё да верно выдернул
Из своих-то боков да из кровавых ран,
65 Говорил тут Сухман да таковы слова:
«Потеки, река, да от моей крови,
От моей ли крови да от горючие,
От горючие крови да от напрасные.
А Сухман-река да будь Днепре-реке,
70 Будь Днепре-реке да ты родна сестра».

81

КАК ДОБРЫНЯ ЖЕНИЛСЯ

Что во стольном городе во Киеве
Еще жил молодой боец Добрынюшка,
Свет Добрынюшка Никитич млад
Со своею родимою со матушкой
5 Да со Анною верно Александровной.
Было в пору-времечко во летнее,
Что во летнее времечко да во жаркое,
Как задумал удалый добрый молодец
Погулять-то в чистом поле да потешиться.
10 Как седлает он да коня доброго,
Надевает он доспехи да богатырские,
И поехал он гулять да в чисто полюшко.
Выезжаючи Добрыня во чисто́ полё
Он увидел да ископыть великую.
15 Он поехал по следу да богатырскому
На своем ли Добрыня на добро́м коне.
Видит — едет богатырь да по чисту́ полю,
На нем платье на бога́тыре да женское.
Тут Добрынюшка выхватывал свою палицу,
20 Свою палицу буёву — шестьдесят пудов
И разъехался — ударил богатыря сзади палицей.
Не дрогну́л богатырь да не ове́рнулся.
Говорит себе Добрынюшка Никитич же:
«Видно, сила у Добрыни да всё по-старому,
25 Только смелость у Добрыни да не по-старому».
Как разъехался Добрынюшка во второй раз,
И ударил он бога́тыря по го́ловы.
Не ове́рнулся богатырь, не сворохнулся.
Тут разъехался Добрыня ко сыру дубу,
30 Он ударил его палицей буёвою.
Сырой дуб тут на ла́стенья рассыпался.
Говорит себе Добрынюшка Никитич млад:
«Видно, сила у Добрыни всё по-старому,
Только смелость у Добрыни да не по-старому».
35 Наезжает он Добрыня да во третий раз
И ударил своей палицей богатыря великого.
Тут бога́тырь ове́рнулся к Добрыне же,
Он берет тут Добрыню за честны́ кудри,

Он кладет Добрыню в мешок кожаный.
40 Еще едет богатырь на добром коне,
Говорит он сам с собою таковы слова:
«Коли молод в мешке — будет брат родной,
Коли старой в мешке — да голову сниму,
Коли ровня мне, так я замуж пойду».
(*Ишь, не разглядела, кого хватат!*)
45 Вынимает из мешка удала добра молодца:
«Еще как тебя звать, да добрый молодец,
Как зовут тебя да всё по имени,
Величают тебя да по отечеству?»
«Я Добрыня есть да стольно-киевский,
50 По отечеству да всё Никитьевич».
— «Ты возьмешь меня замуж, так не сниму головы».
Тут Добрынюшка с ей да обручился же,
Они кольцами да поменялись же,
«Хочешь знать мое имя женское?
55 Я Настасия да дочь Никулична.
Ты бери своёго коня доброго
И поедем с тобою в стольный Киев-град
Ко твоей ли родимоей ко матушке,
Повенчаемся с тобой да в церкви божией».
60 Приезжают они да в стольный Киев-град,
Зрадовалася тут да его матушка,
Свет Анна да верно Александровна:
Сын приехал домой да с молодою женой.
На другой же день гостили они свадебку.
65 Собиралися на свадьбу да все богатыри,
Приезжал-то старой казак Илья Муромец,
Приходил князь Владимир со княгинею Апраксией.

81а

КАК ДОБРЫНЯ ЖЕНИЛСЯ

Во стольном-то городе во Киеве
Еще был молодец Добрынюшка Никитич млад
Со своей-то родимой со матушкой,
Свет ведь Анной-то верно с Александровной.
5 Как во ту ли пору было во летнюю,
Что во летнюю пору во жаркую,
Как выходит Добрыня на широкий двор,
Оседлал-то коня да своёго доброго,
И надел-то доспехи да богатырские,
10 И поехал гулять да в поле чистое.
Увидал он-то ископыть великую
И поехал по следу да богатырскому.
Видит — едет богатырь да не оборачивается.
И наехал тут Добрыня со своею палицей,
15 И ударил он раз да вот богатыря.
И назад не оглянулся богатырь его.
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Еще сила-то у меня да всё по-старому,

Еще смелость у Добрыни не по-старому».
20 И наезжает он второй раз, ударяет же
Своей палицей он да вот буёвою.
Как сидит тут богатырь да не шелохнется.
Отъезжает тут Добрыня ко сыру дубу
И ударил палицею да во сырой-от дуб.
25 Раскололся тут дуб да всё по ластеньям.
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Еще сила у Добрыни всё по-старому,
Еще смелость у Добрыни не по-старому».
Разъезжается Добрынюшка во третий раз
30 И ударил он богатыря да еще в третий раз.
Овернулася Настасья да Никулична
И берет-то Добрыню да за честны кудри,
И спускает тут Добрынюшку в мешок кожаный.
И проехала немного Настасья Никулична,
35 Говорит-то она сама с собою же:
«Еще молод-то детинка, да себе брат будет,
Еще старый-от кто будет — голову сниму,
Еще ровня мне будет, да и замуж пойду».
Вынимает из мешка да ведь Добрынюшку.
40 Увидала она молодца да ведь хорошего:
«Еще как тебя звать, да добрый молодец,
Еще как величать да по отечеству?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Я из стольного города, из Киева,
45 А зовут меня Добрынюшка Никитьевич».
— «Ты возьмешь меня замуж, али не хочется?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич же:
«Поменяемся же кольцами золочёныма».
Поменялися они, поцеловалися.
50 Отыскал тут Добрыня своего коня,
И поехали они да в стольный Киев-град.

82

ДОБРЫНЯ НА ЧУДЬ ПОЕХАЛ

Как и жил добрый молодец Добрынюшка,
Что Добрынюшка свет да он Никитьевич,
Со своею он да с молодой женой,
Что с Настасией он да со Никуличной.
5 Как зовет его князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад,
Сослужи-ка мне да службу верную,
Поезжай-ка ты в земли татарские,
Ты повыбей там чудь да белоглазую,
10 Ты повыбей сорочи́ну долгополую».
Тут Добрынюшка князю поклонился же,
Он приходит Добрыня в дом родительский:
«Уж ты гой еси, матушка родимая,
Свет ты Анна да верно Александровна,
15 Дал мне службу князь Владимир стольно-киевский:

Съездить в земли мне во татарские,
Мне повыбить там чудь белоглазую,
Мне повыбить сорочи́ну долгополую.
Еще дай ты мне благословеньице.
20 Ты поди-ка сюда, да молодая моя жена,
Что Настасия свет да Никулична.
Я скажу тебе слово прощальное».
Тут приходит к нему Настасья свет Никулична.
«Ты скажи-ко, скажи, да молода моя жена,
25 Ты мне будешь ли верна да ровно три года?»
Говорит ему Настасья свет Никулична:
«Я Добрыне до могилы жена верная».
Говорит Добрынюшка Никитич млад:
«Еще жди меня да ты три-то года,
30 Еще жди ты меня да и другие три,
Выходи тогда замуж, за кого схочется,
Ты за князя выходи или за боярина,
Не ходи за моего брата названого,
За Алешу ты да за Поповича».
35 Распростился Добрыня с ро́дной матушкой,
Распростился нонь Добрыня с молодой женой,
Он садился на добра́ коня скорёхонько,
Еще видели посадку молодецкую,
Да не видели поездки богатырскоей.
40 Как поехал Добрынюшка Никитич млад
Он во земли во татарские,
Ему бить буде чудь да белоглазую,
Ему бить буде сорочи́ну долгополую.
Не воротился Добрыня через три года,
45 Не воротился Добрынюшка в другие три.
Стали сваты заходить к Настасье свет Никуличны.
Ходит князь Владимир сватом со княгинею,
Еще сватают ее за Алешеньку Поповича.
Говорила тут Настасья Никулична:
50 «Я Добрынина слова наземь не роняю же.
Прождала я Добрыню ровно шесть годов,
Подожду я Добрыню и другие шесть».
Как проходит всего времечка двенадцать лет,
Ходит князь Владимир снова сватать ей
55 За того же за Алешу да за Поповича,
Говорит ему Настасья свет Никулична:
«Я нарушу мою заповедь великую,
Я пойду за брата его названого,
За Алешу всё да за Поповича».
60 Приезжает тут Алешенька Попович млад,
Говорит Алеша Анны Александровны,
Что Добрыниной родимоей матушке:
«Еще твой ли Добрынюшка Никитич млад
Он лежит на поле чистоем:
65 Его буйная головушка проломлена,
Плечи сильно прострелены,
А сквозь кудри его да желтые
Проросла трава мурáвая с цветочками».

Запечалилась, слёзно вот заплакала
70 Свет ведь Анна Александровна,
И дает она свое благословеньице
Еще дочери любимой Настасьи свет Никуличны
Ей итти за Алешеньку да за Поповича.
Начинается тут да пированье-столованье
75 У того ли князя да у Владимира
Во палатах его да белокаменных.
Еще спит Добрынюшка во чистом поле,
Еще спит, ничего да вот не чует он.
Бьет копытом его конь о сыру землю.
80 Тут выходит Добрыня из бела шатра,
Из бела шатра белополотняна:
«А уж ты гой еси, мой верный добрый конь,
Уж ты что бьешь копытом о сыру землю,
Не даешь ты мне спокою во белом шатре».
85 Говорит ему конь да таковы слова:
«Уж ты гой еси, хозяин мой, Добрынюшка Никитич млад,
Ты незгодушки да вот не ведаешь.
Как твоя-то молода верно жена,
Что Настасья свет Никулична,
90 Она замуж идет да за Алешеньку,
За Алешу идет да всё за Поповича.
Ты садись на меня, на добра коня,
Мы поедем с тобою да в стольный Киев-град».
Тут садился Добрынюшка да на добра коня,
95 Он поехал прямо в стольный Киев-град.
Его конь бежит, да как стрела летит,
Мелки речки конь да перескакиват,
Крупны реки конь да перелётыват.
Приезжает Добрыня в стольный Киев-град.
100 Он соскакиват со своего добра коня,
Не привязыват коня да ко столбышку точёному,
Он идет-бежит да в свои теремы.
У приворотничков Добрыня да не спросился же,
У придверничков он да не сказался же,
105 Всех он взашей прочь отталкиват.
Как заходит Добрыня в палаты светлые,
Как бегут сзади приворотнички,
Как бегут за Добрынюшкой придвернички:
«Уж ты гой еси, наша верно матушка,
110 Свет ведь Анна да Александровна,
Как приехал на твой широкий двор
Богатырь он незнаемый да неведомый,
Уж он всех нас взашей да прочь отталкиват».
Говорит тут Анна верно Александровна:
115 «Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Был бы жив Добрынюшка Никитич млад —
Еще не дал бы тебе над нами смеятися».
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
«Я с Добрынею сейчас да приразъехался,
120 Я поехал в стольный Киев-град,
А Добрынюшка заехал во Чернигов-град,

Должен быть сейчас ведь он скорехонько».
Говорит тут да Анна Александровна:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
125 Или врешь ты, или правду сказывашь.
Ведь Добрынюшка Никитич млад
Он лежит во поле чистоем,
Его буйная головушка проломлена,
Плечи сильные прострелены,
130 А сквозь кудри его да желтые
Проросла трава муравая с цветочками».
Говорит ей тут Добрынюшка Никитич млад:
«А и кто тебе про это сказывал?»
— «Ездил в поле чистое Алешенька Попович млад,
135 Прослезил он меня, грешную».
Говорит да тут Добрынюшка Никитич же:
«Уж ты гой еси, родима моя матушка,
Не признала ты богатыря незнаема».
Говорит ему свет Анна да Александровна:
140 «Я не знаю тебя, удалый да добрый молодец,
Как зовут тебя да по имени,
Величают да по отечеству?»
Говорит тогда Добрыня таковы слова:
«Я твой сын, Добрынюшка Никитич млад.
145 Уж ты знаешь ли приметы на моем да теле белоем?»
Говорит ему свет Анна да Александровна:
«Я знавала приметы на белом теле да у Добрынюшки».
Тут Добрыня раздевает епанчу боёвую,
Раздевает он платье да богатырское,
150 Он снимает нательную верно рубашечку,
Он показыват на белом теле приметочки.
Увидала тут Анна свет да Александровна,
Увидала, слёзно да она заплакала,
Обняла свое да чадо милое.
155 В ту пору у князя Владимира стольно-киевского
Идет пир честной, идет свадьба, столованье.
Тут сидит Алешенька Попович млад
Со своей Настасьей со Никуличной.
Говорит Добрыне Анна да Александровна:
160 «Уж ты гой еси, родное мое дитятко,
Как выходит твоя да молодая жена
За Алешу замуж за Поповича.
А и прослезил меня Алешенька да Попович млад,
Он соврал про тебя на чистом да на полюшке».
165 Говорит нонь Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, родная моя матушка,
Уж ты дай мне-ко платье скоморошеское,
Уж ты дай мне-ко гусельки звончатые,
Я пойду ко князю да на почестен пир».
170 Одевается он во платье да скоморошеское,
Он берет ведь гусельки звончатые,
Он приходит ко Владимиру на почестен пир,
Он заходит в гридню да во светлую,
Он садится ко печке да ко муравленке.

175 Как гостей-то во палаты полным-полно.
Еще сидит тут старой казак Илья Муромец,
А еще сидит тут Алешенька Попович млад.
Он сидит за столом да за дубовыим,
Он сидит за столом да с молодой его женой.
180 Князь Владимир со княгинею их ведь чествуют,
Им подносят чары да зелена вина.
Заиграл тут в свои гусельки да звончатые
Что Добрынюшка Никитич млад.
Он играет да он выигрыват —
185 Да как встречался он с молодой женой во первый раз,
Со Настасьей свет да со Никуличной.
Услыхал тут князь Владимир да стольно-киевский:
«Ой ты гой еси, преудалая да скоморошина,
Ты садись-то за наши столы да за дубовые,
190 Что за скатерти да за браные,
Что заества да за сахарные.
Еще перво-то место буде подле меня,
Еще место второе-то супротив меня,
А еще третье-то место да куда сам пожелашь».
195 Тут садился Добрынюшка Никитич млад
Что не подле он князя да Владимира,
Что не супротив он да стольно-киевского,
А садился Добрынюшка Никитич млад
Он супротив Настасьи да свет Никуличны.
200 Говорит Добрыня да таковы слова:
«Уж ты гой еси, князь Владимир да стольно-киевский,
Ты позволь мне налить чару да зелена вина».
Наливает чару Добрыня да свет Никитич млад,
Опускает он в ту чару да золото кольцо,
205 Подает он чару Настасьи да свет Никуличны,
Говорит тут Добрыня да таковы слова:
«Еще кто чару пьет до дна — тот увидит добра».
(*Никто на пиру-то не признал его, вот беда!*)
Еще тут Настасья свет да Никулична
Она пьет чару зелена да вина,
210 Она пьет чару вот до донышка.
Прикатился тут перстень да ко устам ее.
Как берет она перстень, да встает на ноги,
Говорит она да таковы слова:
«Как не тот мой супруг, да что подле меня,
215 А тот мой супруг, да что насупротив меня».
Как закипело у Добрынюшки сердце молодецкое
Тут соскакиват Добрыня да на резвы ноги,
Он хватает Алешеньку да за честны кудри,
Он бросает Алешеньку да о кирпищат пол,
220 Говорит тут Добрыня да таковы слова:
«Не слезить бы тебе было всё родной моей семьи,
Не слезить бы да моей родной матушки.
Не дивую я да уму женскому,
А дивую князю я Владимиру со княгинею Апраксией:
225 Обманули ведь Настасью да свет Никуличну.
Как убью я, растопчу Алешеньку да Поповича».

Тут старой казак да Илья Муромец
Он соскакивает со стула со ремянчата,
Он захватыват Добрыню да за белы руки;
230 «Ты оставь, Добрынюшка Никитич млад,
Не губи Алешу да ты Поповича».
Тут Добрынюшка Никитич млад
Он берет свою да молодую жену,
Он ведет ее в свои палаты да белокаменны.
235 Этим и песня кончится.

83

ПРО ВАСИЛИЯ ТУРЕЦКОГО

[ИДОЙЛО СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА]

Как во той ли то земли да во Турецкоей
У Василия-то было у турецкого,
Пированье-то шло да шел почестен пир.
Говорил тут Василий сын турецкий же:
5 «Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович,
Уж ты съезди-ко, Идойло, в стольный Киев-град,
Уж ты сватай-ко, Идойло, Анну дочи Путятишну
За меня-то есть в законное супружество».
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
10 «Уж вы гой еси, колдуны да колдуни́цы же,
Вы сколдуйте-ко Идо́йлу вы во первый раз
И какая мне ведь путь будет счастливая,
А счастливая бы путь да несчастливая».
Сколдовали и сказали скоро-наскоро:
15 Как вперед-то Идо́йлу путь счастливая,
А назад-то Идо́йлу несчастливая.
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуни́цы же,
Вы сколдуйте-ко Идойле мне да во второй раз».
20 Сколдовали и сказали скоро-наскоро:
Как вперед-то Идо́йлу путь счастливая,
А назад-то Идо́йлу несчастливая.
Как садился тут Идойло на черлен кораб,
И поехал тут Идойло да в стольной Киев-град.
25 Приезжает он-ы да верно в стольной Киев-град.
Еще кладут-то ведь сходни да верно на берег,
Как соходит тут Идойло сам он на берег
И идет-то он ко князю ко Владимиру.
Как заходит тут Идойло в гридни светлые,
30 Богу русскому Идойло вот не кланятся
И челом-то не бьет да он Владимиру.
Говорит тот Идойло таковы слова:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
Я не гость-то пришел, да не гостити зашел,
35 Я пришел-то к тебе да вот-ы за сватовством
Как на Анны-то верно на Путятичны:
Как отдашь-то ли честью — возьмем с радостью,

Не отдашь-то ведь честью — возьмем нечестью».
Как запечалился Владимир стольно-киевский,
40 На одно-то плечо надел он шубочку,
На одно-то ухо надел он шапочку
И пошел ко своей к любимоей племянницы,
Как к Анны-то верно ко Путятичны.
Увидала-то его да вот племянница,
45 Говорит-то ему да таковы слова:
«Еще три года солнце не каталося,
На четвертый-от год закатилося».
— «Уж ты гой еси, любимая племянница,
Еще Анна ты верно дочь Путятична,
50 Как пришел-то слуга да непрошоный к нам
От Василия-то сына от турецкого,
Еще сватает тебя Василий он турецкий же».
Говорила-то ему да дочь Путятична:
«Уж ты ой еси, любимый мой да дядюшка,
55 Ты сряжай-ко ты да три корабли:
Еще первый-от кораблик свинцу-пороху,
Еще второй-от кораб вина заморского,
Как вина-то заморского, зелья лютого,
Еще третий-от кораблик силы ратноей.
60 Еще дай-то Добрынюшку Никитича,
Еще дай-ко мне Олешеньку Поповича».
Как садилася она да на кораблики,
Выходила-то она да в море синее,
Побросали-то они якоря булатные,
65 Побросали они да якоря булатные.
Говорит тут ведь Анна дочь Путятична·
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад,
Ты сними-ко-се верно шляпку белую,
Поезжай-ко ты к Идойлу на черлен кораб,
70 Ты скажи-ко Идойлу таковы слова:
Как у нас-го рули верно не правятся,
Паруса-ти у нас не надуваются,
Как у Анны-то сегодня именинный день,
Еще милости-де просим хлеба кушати».
75 Поезжает тут Олеша на черлен кораб,
Говорит тут Олеша таковы слова:
«Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович,
Как у нас-то рули да нонь не правятся,
Паруса-ти у нас не надуваются,
80 Как у Анны-то сегодня именинный день,
Еще милости-де просим хлеба кушати».
Как на это Идойло не соглашается.
Как приехал тут Олеша на черлен кораб,
Говорила тут ведь Анна дочь Путятична:
85 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад,
Уж ты съезди-ко к Идойлу на черлен кораб,
Ты зови-ко Идойла на честной-от пир».
Как поехал тут Добрыня на черлен кораб,
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
90 «Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович,

Еще милости-де просим к нам хлеба кушати,
Хлеба кушати, вина заморского пробовати».
Как на это Идо́йло соглашается.
И спускает тут Идо́йло шлюпку черную.
95 И отправился Идо́йло на черлен кораб.
Как заходит тут Идо́йло в гридню светлую
И садился-то он верно за стол дубовый же.
Как подносят тут Идо́йлу чару зелена вина,
Как не малу, не велику — в полтора ведра.
100 Берет тут Идо́йло единой рукой,
Как выпивает тут Идо́йло единым духо́м.
Как подносят тут Идо́йлу втору чарочку,
Как не малу, не велику — в полтора ведра,
Полтора-то ведра да зелья лютого.
105 Говорит тут Идо́йло сын Идо́йлович:
«По серёдочке чарочки огонь горит,
По краям-то ведь чарки струйки струятся».
Как от чары тут Идо́йло не отказывается.
Как берет-то он чару единой рукой,
110 Выпивает тут Идо́йло единым духо́м.
Как выходит тут Идо́йло на черлен кораб,
Еще стало тут Идо́йлушку помётывать,
Еще стало тут Идо́йлушку посвистывать,
Еще стал тут Идо́йло за снасточки похватываться.
115 За какую снастку схватится — снастка порвется.
Говорит тут Олешенька Попович млад:
«Уж ты гой еси, поганое Издойлище,
Не тобой-то были ведь снасти снащены,
Не тобой-то были деревца ставлены,
120 Не тебе-то, проклятому, обрывати же».
Еще стало тут Издо́йлушку помётывать,
Еще стало его ведь пуще посвистывать.
За каку снастку схватится — снастка порвется.
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
125 «Уж ты гой еси, поганое Издойлище,
Не тобою-то были ведь снасти снащены,
Не тобою-то были деревца ставлены».
Вынимает тут Добрыня саблю вострую,
Отрубает тут Идо́йле буйну голову.
130 Как оттуда-то ведь Анна поворот держит,
Поворот-то держит да в стольный Киев-град.

84

ПРО ДЮКА

* Еще кто бы нам, братцы, старину сказал,
Старину ту сказал да на старинный лад,
Еще кто бы-то ль, братцы, давнюю песню спел,
Всё песню ту спел да под гуслярный звон?
5 Как во той-то ли было малой Галичи,
Во Карелы-то было пребогатоей
Молодой-то жил боярин Дюк Степанович

Со своей ли-то родимоей со матушкой,
Со Мамельфой-то верно Александровной.
10 Говорил-то ведь Дюк да ведь Степанович:
«Уж ты гой еси, любима моя матушка,
Свет Мамельфа-то верно Александровна,
Уж как дай-ко-си мне благословеньице
Еще съездить-то мне-ка в стольний Киев-град,
15 Поклониться-то ведь мне князю Владимиру
И княгинюшки верно да Апраксии».
Говорила-то ведь мать да Мамельфа Александровна:
«Уж ты гой еси, любимо мое дитятко,
Молодой-то боярин Дюк Степанович,
20 Еще есть-то на пути горы толкучия,
Еще есть-то на пути птицы клевучия».
Говорит-то ей верно Дюк Степанович:
«У меня есть-то ведь Бурушко-косматушко,
Не боюся я ведь горы ведь толкучии,
25 Не боюся я верно птицы клевучии».
И дала ему тут мать благословеньице,
И поехал он ведь в стольный верно Киев-град.
Подъезжает-то ведь Дюк да верно Степанович,
Подъезжает он к горам да вот толкучиим.
30 Не успели тут горы как раздвинуться —
Проскакал-то его ведь и Бурушко.
Подъезжает он к птицам да вот и клевучиим.
Не успели тут птицы крылья распустити же —
Как проскакиват-то верно его Бурушко.
35 Приезжает-то Дюк да вот Степанович,
Приезжает он да верно в стольный Киев-град.
Заходил-то ведь он во церковь божию,
Еще стал-то ведь он да к праву клиросу.
Еще кончилась обедня вот и господня же.
40 Как выходит-то верно Дюк Степанович,
Приглашают-то на пир к князю Владимиру.
Как идет по мостовым-то Дюк Степанович,
Еще сам-то на сапожки он поглядыват,
Говорит-то ведь да Дюк Степанович:
45 «Еще-то всё-то ведь здесь да не по-нашему,
Мостовые-то ведь всё да деревянные.
И песочком-то ведь да не присыпаны,
Как сапожки-то сафьянны я упачкаю».
Приглашают-то его на честен пир к князю Владимиру.
50 Еще был тут во стольном Киеве
Молодой-от боярин Чурила Пленкович.
Как идет-то Чурила как по Киеву,
Еще зонтиком Чурила призакрылся жо,
Еще девушки глядят, да все заборы трёщат,
Еще молодушки глядят, да как оконницы звенят,
55 Еще старые старухи костыли грызут.
Посадили за столы да за дубовыя
И за скатерти его верно браные.
Подносили-то ведь Дюку да Степанычу
Подносили-то чару зелена вина,

60 Еще полчарочки-то пьет, друга под стол он льет.
Как берет-то калачик, призакусыват,
Как ведь верхнюю-то корку съест, нижню под стол мечет.
Говорит-то ему да князь Владимир же:
«Уж ты гой есь, молодой ведь и боярин же,
65 Молодой ле ты боярин, Дюк Степанович,
Почему ты ведь чарочки под стол-то льешь,
Почему ты калачики под стол мечёшь?»
Говорит-то ведь Дюк да верно Степанович:
«Еще всё-то у вас в Киеве да не по-нашому.
70 Как у вас-то ведь в Киеве печки все глиняные,
А помялышки верно как сосновые,
Еще калачики пахнут верно сосенкой.
Как у нас-то ведь верно в малой Галичи,
Во Карелы-то верно пребогатоей
75 Еще печки-то у нас да все муравлены,
Еще помялышка у нас да все шелковые,*
Еще водичка у вас да призадохлася, —
Мочат у нас помялышки да в медовой воде,
А водочка у нас в погребах стоит,
80 На серебряных цепях она качается,
Никогда наша вода не задыхается».
Говорит тут молодой боярин Чурила Младопленкович:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
Еще молодой-то боярин призахвастался,
85 Я советую его да посадить в тюрьму
И послать-то туда да нынь разведчиков».
Как взяли-то ведь тут Дюка да Степановича
Посадили же его да во тюремку же.
Выбирают нонь да верно всё разведчиков.
90 Посылают-то Илью да верно Муромца,
Посылают-то другого что Добрынюшку Никитича.
Собираются ведь наши бояры живёхонько,
Поезжают-то они во малу Галичу.
И поехал Добрынюшка Никитич же
95 И со Ильей-то старым да со Муромцем.
Как ведь выехали на гору Сорочинскую
И глядят верно в трубу они серебряну,
Говорит-от Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, Илеюшко Иванович,
100 Ведь наверно мала Галича огнем горит».
Говорит-то Илья да верно Муромец:
«Уж мы скажем-то, Добрынюшка Никитич млад,
Неужели посылал Дюк Степанович вести же,
Чтоб спалили его да малу Галичу?»
105 Вот и съехали с горы да с Сорочинскоей,
Подъезжают-то они да к малой Галиче,
А на домах-то кровли всюду золоты,
Крыши золоты да как огонь горит.
Как слезают они с добрых коней же
110 И привязывают коней к столбам дубовым же.
Еще заходит Илья да со Добрынюшкой
И заходят да в палаты белокаменны.

Как проходят-то они да перву горницу,
Еще сидит-то нонь тут да баба старая,
115 Еще вся-то одета она в шелка заморские.
Говорит тут Илья да верно Муромец:
«Уж ты здравствуй, ты Дюкова да матушка».
Говорит-то ему да баба старая:
«Я не Дюкова да верно матушка,
120 Уж я Дюкова-то верно калачница».
Еще входят они да в другу горницу,
А сидит-то нонь тут да баба старая,
И одета баба да вся в серебро.
Говорит тут Илья да верно Муромец:
125 «Уж здравствуй, ты Дюкова да матушка».
Говорит-то да баба верно старая:
«Я не Дюкова да верно матушка,
Уж я Дюкова да верно ноне нянюшка».
Говорит тут Илья да свет Иванович:
130 «Уж скажи нам, да Дюкова верно нянюшка,
Еще где-ка увидеть Дюкову ту матушку?»
Говорила-то ведь им да баба старая:
«Еще Дюкова матушка да у обеденки».
Как немножко тут времечка проходит же
135 И идет-то ведь Дюкова да матушка.
Ее ведут-то ведь трое верно под руки,
И одета она вся вот в жемчуг скаченой.
По мосточкам-то всё да по калиновым
Впереди-то ей сукна верно стелются,
140 Позади-то ее сукна обираются.
Как приходит да верно Дюкова матушка,
Поклонился ведь ей да Илья Муромец:
«Уж ты здравствуй, Дюкова верно матушка.
Еще мы приехали к тебе да приразведати.
145 Еще твой-от сын да призахвастался,
Призахвастался, ноне во тюрьме сидит».
Говорит ему да Дюкова верно матушка:
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы,
Проходите ко мне да во палатушки».
150 Провела она их в столову нову горницу.
Во столовой полы да все хрустальные,
Под полами-то верно жива рыбица.
Наливала им Дюкова верно матушка
Что по чары зелена вина заморского,
155 Как по чары-то пьешь, да второй хочется,
Еще другу-то пьешь — да третьей хочется.
Повела их Дюкова да верно матушка
Животы свои да им показывать.
Как писал Добрынюшка Никитич млад,
160 Как писал Добрыня на бумажечке,
На бумажечке верно да скорописчатой,
Он писал-считал сбруи конские,
Как одних-то сбруй записать не мог,
Не хватило у Добрынюшки бумажки ведь.
165 Говорила тут им Дюкова матушка:

«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы,
Вы скажите-ка вашему князю Владимиру:
Еще пусть-ка на чернила он Чернигов-град продаст,
На бумагу-то он славный Киев-град,
И тогда-то присылат ко мне описывать».
Распростился Илья-то и Добрынюшка
Как со Дюковой да верно они с матушкой
И поехали домой да в стольный Киев-град.
Приезжают они верно ко князю Владимиру.
Рассказали-то богатыри, чего видели.
Еще выпустили Дюка вот Степановича,
Угощают-то его да зеленым вином.
Тут Чурила-то верно Младопленкович
Он задорный был, завистливый,
Говорит Чурила да таковы слова:
«Уж мы будем биться о велик залог,
Не о ста-то рублях, не о тысяче —
О своих-то буйных со мной головах:
Уж мы ездить будем на добрых конях,
На добрых конях верно двенадцать дней,
Чтоб о каждый день были кони сменные,
Кони сменные да переменные».
Говорит-то Дюк верно Степанович,
Говорит-то таковы слова:
«У меня-де Бурушко завозный конь».
А от залога он-де не отказывается.
Станет поутру ранёшенько,
Выйдет на росу верно холоднёхоньку
И выводит свово Бурушка-косматушку.
На Бурушке шерсть переменится.
Так проездили они двенадцать дней.
На двенадцатый день пришло скочить
Через Почай-реку верно глубокую,
Скочить с конем да обратно отскочить.
Первый скочил тут Чурила Младопленкович —
И обрушился Чурила засередь реки.
Второй скочил Дюк Степанович —
Реку перескочил и обратно скочил
И Чурилу за волосья вытащил.
Говорит-то верно Дюк Степанович,
Говорит-то таковы слова:
«Что ты, князь Владимир стольно-киевский,
Ты кому прикажешь голову рубить?»
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты оставь нам Чурилу хоть для памяти,
Не руби ему да буйну верно голову».
А Чурила был завистливый,
Говорит он да верно таковы слова:
«Уж мы будем ходить да в церкви божии,
Уж мы будем ходить да всё двенадцать дней,
И на каждый день чтоб было платье сменное,
Платье сменное да переменное».
Говорит-то Дюк Степанович:

«У меня-де, Чурилушко, платье завозное».
220 А от залога не отказывается.
Садится он на ремянный стул,
Пишет Дюк да ярлыки он скорописчаты
Что своей ли родимоей матушке,
Зашивает он в сумки перемётные,
225 Отправляет он своёго Бурушка косматого.
Прибегает Бурушка верно в малу Галичу.
Увидала тут Мамельфа Александровна:
Нет у ей родного сына Дюка ведь Степановича.
И горько она ведь тут заплакала.
230 Посмотрела она в сумки перемётные,
Увидала ярлыки да скорописчатые,
Прочитала ярлыки да скорописчатые,
Наложила ему платья она цветного,
Что цветного платья переменного,
235 Переменного платья на двенадцать дней.
Стали ходить тут в церковь божию
Дюк Степанович верно с Чурилушкой.
Как Чурилушка ставал на правый клирос,
Как Дюк Степанович на левый клирос.
240 Пришло время на двенадцатый день,
Собралось народу множество.
Как Чурила Младопленкович застегнет пуговки —
Молодец с красной девицей обоймутся,
Расстегнет Чурила пуговки — да поцелуются.
245 Тут глядит Чурила на Дюка да Степановича,
Тут и думат — проиграл он буйну голову.
Как и кончилася тут обеденка церковная,
Вынимает Дюк Степанович плетку шелковую,
Как ударил Дюк Степанович по своим пуговкам —
250 Как вот заревели звери лютые,
Как и зашипели змеи ползучие,
А народ-то весь тут с ног попадали,
Князь Владимир с княгиней Апраксией чуть живы ушли.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
255 «Уж ты гой еси, молодой-то боярин, Дюк Степанович,
Переиграл ты нашего Чурилу Пленковича».
Говорит тут Дюк Степанович:
«Уж ты гой еси, Владимир князь стольно-киевский,
Ты кому прикажешь рубити буйну голову?»
260 Говорит Владимир стольно-киевский:
«А оставь нам Чурилу хоть для памяти».
Говорит тогда Дюк верно Степанович:
«Эх, Чурила, ты млад боярский сын,
Не с богатырями бы тебе, Чурила ведаться,
265 А водиться бы с киевскими бабами».
Распростился он с князем со Владимиром
И поехал на Бурушке косматоем
Ко своей матушке Мамельфе Александровне.

85

САДКО

* Был во том ли во Нове да нонь во городе
Был Садко-то купец да вот богатый гость.
Снарядил-то он да верно кораблики
И отправился-то он во синё морюшко,
В сине море-то верно во Хвалынскоё.
Как на том ли на море да на Хвалынскоём
Остоялисе корабли его могучие.
Говорит-то Садко да ведь богатый гость:
«Уж вы гой еси, друзья мои, приятели,
Насыпайте-ка бочку да верно золота,
Насыпайте другую да верно серебра,
Насыпайте-ко третью да скатна жемчуга.
Уж вы бросьте-ка верно в море синее:
Не платили-то мы царю подводному».*
Насыпали-то бочку да красна золота,
Насыпали другую да чиста серебра,
Насыпали третью да скатна жемчуга
И кидали в синее морюшко.
А Садков-то кораб да тут не движется,
Волны бьют его нонь бурные,
Ветер снасти рвет шелковые,
А Садков-то кораб да он не движется.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Уж вы гой еси, мои товарищи,
Режьте жеребьи ветляные:
Чей потонет, тот и праведен,
Чей всплывет, тому итти к царю подводному».
Тут метали они жеребья ветляные,
Тут и сам Садко закидывал,
Он закидывал палицу тяжелую.
Все-то жеребья ветляные ко дну пошли,
А Садкова палица гуляет поверху.
Говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Уж вы гой еси, друзья мои приятели,
Видно, мне итти к царю подводному».
Опускайте вы сходни нонче на воду
И спустите меня в синее во морюшко».
И спустили в сине морюшко Садка-купца богатого.
Подхватил тут его да сам подводный царь,
Заводил его в палаты белокаменны.
Говорит подводный царь Садку, гостю богатому:
«Спор идет у нас, Садко, с царицею:
Что ценней — железо крепкое
Иль ценнее красно золото?
Говорит царица — ценно ведь железо крепкое,
А я говорю — ценнее красно золото.
Растолкуй наш спор, Садко-купец, богатый гость»
Говорит ему Садко да таковы слова:
«В одно времечко ценней железо крепкое,

50 В друго времечко ценнее красно золото».
Говорит царица-матушка подводная:
«Вот недаром было мне с царем спорити,
Что ценней железо крепкое».
Осердился тут подводный царь,
55 Он выхватывал свою да саблю вострую,
Хочет он отсечь царице голову.
В это времечко Садко-купец, богатый гость,
Он ударил по своим верно струночкам,
Заиграли его гусли серебряные.
60 Стал подводный царь да тут приплясывать
По своей ли палаты белокаменной.
Шубой машет царь да соболиноей,
Бьет полами царь да в стены белые.
Говорит Садку царица-матушка,
65 Подошла она к Садку богатому:
«Перестал бы ты, Садко, наигрывать,
Ты разбей-ка свои да гусли звонкие,
Разорви-ка струночки серебряны:
Не в палатах верно царь да нонь выплясыват,
70 А по краям да по бережку
Заволновалось море синее Хвалынское,
Тонут бедные верно кораблики,
Еще тонут с ними души неповинные».
Разорвал Садко тут струночки серебряные.
75 Говорит ему подводный царь:
«Коли хочешь ты, Садко, да поженитися,
Приведу тебе я нонь да красных девушек».
Говорит царица-матушка Садку-купцу, гостю богатому:
«Приведет тебе царь да триста девушек —
80 Ты их всех тогда пропускивай.
Приведет тебе другие триста девушек —
Ты их всех тогда пропускивай.
Приведет тебе третьих триста девушек —
Ты их всех тогда пропускивай.
85 На конце увидишь верно девушку,
Всех с лица да хуже черную,
Ту бери себе да во княгинюшки».
Тут идет нонь царь в палату белокаменную,
Он ведет нонь царь да триста девушек.
90 Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Нету здесь мне-ка княгинюшки».
Вот ведет нонь царь другие триста девушек,
Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Нету здесь мне-ка княгинюшки».
95 Вот ведет нонь царь третьи да триста девушек,
Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Нету здесь мне-ка княгинюшки».
На конце увидел он да девушку,
Всех с лица да хуже черную.
100 Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Уж как эта будет мне княгинюшка».
Взял себе он во княгини ту ведь девушку,

Лег он спать на постелюшку.
Как заснул Садко под водою же,
105 Утром встал-проснулся на берегу он Нова-города.

85а

САДКО

Был-то во славном Новом-городе
Жил Садко-купец, богатый гость.
Снарядил-то он да три кораблика,
Он пустился в сине морюшко,
5 Во сине морюшко Хвалынское
Со своими да товарами великима,
Со своей-то дружинушкой, с работниками,
Со своима слугами верныма.
Как на том ли на море на Хвалынскоем
10 Остоялись корабли его могучие.
Волны бьют их ноне бурные,
Ветер рвет их снасти верно шелковы,
А Садков кораб не движется.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
15 «Уж ты гой еси, дружинушка моя хоробрая,
Вы-ка насыпайте бочку золота,
Вы вторую чиста сéребра,
А что третью бочку скатна жемчуга,
Вы кидайте в сине морюшко.
20 Сколько лет я плавал по морю —
Не платил царю подводному я дани-пошлины».

86

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Во славном-то было Нове-городе
Жил молодой-то боец Василий сын Буслаевич
Со своей-то родимоей со матушкой,
Со Мамельфой-то верно Тимофеевной.
5 С новгородскима мужиками он не ладился.
Наварили мужики да пива пенного,
Накурили мужики да зелена вина,
Свет Василья-то Буслаевича они не чёствовали.
Стали пир пировать да угощатися.
10 Как приходит тут Василий сын Буславьевич,
Говорят тут мужики да новгородские:
«Еще званым-то гостям еще место есть,
А незваному гостю ноне места нет».
Говорит тут Василий сын Буславьевич:
15 «Еще званым гостям да много места надобно,
А мне-то придется сидеть на лавочке.
Уж давайте, мужики да новгородские,

Уж и будем биться со мной да о велик залог,
Не о ста рублях будем да о тысячи —
20 О своих-то буйных да вот головушках.
Еще завтра пойдем да мы на Волхов мост,
Вот на Волхов-от мост ведь побрататься.
Наварю-то я пива да ноне пьяного,
Накурю-то я верно зелена вина,
25 Еще милости прошу ко мне закусывати».
Наварил тот Василий да пива пенного,
Накурил тот Василий зелена вина,
Разослал-то ярлыки да скорописчаты,
Приглашал он на пир да мужиков своих.
30 Как идут-то ведь стары да всё ведь малые,
Все на пир-то идут они к Василию.
На дворе-то стоят чаны полнёхоньки,
Во чанах-то спущены ковши золочёные.
Как выходит Василий со своею палицей,
35 Еще с палицей — пудов на ней двенадцати,
Говорит-то Василий таковы слова:
«Уж вы гой есь, мужики да новгородские,
Кто истерпит-то мой да вот червлёный вяз,
Тот и будет мне другом, братом названым».
40 Посмотрели мужики да новгородские
Всё на пиво, на вино да всё на кушанье,
Обратилися обратно в путь-дорожечку.
Как навстречу им бежит Потаня Хроменькой.
Еще спрашиват у их да таковы слова:
45 «Уж вы гой еси, мужики да новгородские,
Много ль было с Васькой пито да много ль едено?»
— «Мы не пили-то с Васькой да вот не кушали,
А только видели увечье одинокое».
Прибегает тут Потанюшка ведь Хроменькой,
50 Уж он черпает из чана медным ковшиком.
Выбегает тут Василий сын Буслаевич,
Еще бьет он Потаню по головушке,
Еще бьет Потанюшку по плечикам.
Как Потанюшка стоит да не шелохнется,
55 Синь кофтанчик на Потане да не сколыхнется,
Чарка полная не оплéснется.
Побратались тут Василий с Потаней Хроменьким.
Как прибрал себе Васильюшка Буслаевич
Тридцать молодцов без единого,
60 Сам тридцатым сел детиною.
Как во праздничек во божий день
Собирались мужики да новгородские на Волхов мост
Тут и драться с Васильюшкой Буслаевичем,
Не о ста рублях, не об тысяче,
65 О своих они буйных головах.
Как узнала тут его матушка,
Свет Мамельфа Тимофеевна,
Говорила она таковы слова:
«Ох ты гой еси, мое чадо милое,
70 Свет Васильюшко да сын Буслаевич,

Еще что же, дитятко, ты делаешь?
Жил отец твой, Буслай, старинный дед,
Он со Псковом-то не здорился,
С Новым-городом да он не спорился,
75 Ты в кого же уродился, чадо милое?»
Заперла она его во темну темницу
(*Мать-то егова*),
Заперла она дверь верно дубовую,
Позадвинула рогатками.
Собралися мужики тут да новгородские на Волхов мост,
80 Силой с Васенькой померяться.
Как выходят тут его товарищи —
Что Потанюшка Хроменький,
Еще Костя Новотарженин.
Выходили они тут на Волхов мост,
85 Стали биться-драться с мужиками новгородскими.
Как одолевать их стали мужики-ти новгородские,
Как и шла тут девушка-чернавушка за водой на реку.
Увидал Потаня Хроменькой,
Закричал он зычным своим голосом:
90 «Уж ты девушка-чернавушка,
Позови-тко ты к нам сюда Васильюшка,
Брата старшего к нам Васеньку Буслаевича.
Наши головы ноне прощёлканы,
Наши ноженьки ноне поломаны,
95 Наши ручки нонь да перевернуты».
Побросала девка ведрица,
Разметала коромыслица,
Побежала она с Волхова моста,
Закричала да громким голосом:
100 «Уж ты Васенька сын Буслаевич,
Спишь ты дома, а незгодушку не ведаешь:
У твоей ли нонь да у дружинушки
У них головы нонь да прощёлканы,
У них быстры ноженьки поломаны,
105 У них белы ручки да перевернуты».
Услыхал ведь тут Васильюшка сын Буслаевич,
Соскочил он в одной рубахе, в одних чоботах,
Еще дверь дубовую выдавливал,
Все рогатины выламливал,
110 Выбегал он на широкий двор.
Не нашел Василий палицы тяжелоей,
А попадалась Васильюшку ось тележная,
Ось тележная, ось тяжелая.
Побежал Васильюшко на Волхов мост,
115 Закричал он зычным голосом:
«Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая,
Отдохните нонь, остановитеся».
Тут пошел махать Василий сын Буслаевич
Своей осью подтележною.
120 Где махнет — ложится улица,
Поворотит — переулочки.
Собирались мужики-ти новгородские,

Собирались малы детушки,
Насыпали они чару красна золота,
125 Насыпали другую чиста сéребра,
Подносили эти чары что Васильюшкову крестному,
Честну старчищу Андронищу:
«Уж ты гой еси, честное старчище Андронище,
Ты уйми-ка чадо милое,
130 Чадо милое, любимое,
Свет Васильюшку Буслаевича:
Он побил нас всех до единого,
Пусть оставит хоть для семени».
Как пошел тут старчище Андронище,
135 Надевал он на свои-то плечи старые
Монастырский медный колокол.
Он идет, Андронище, на Волхов мост,
Язычищем нонь да подпирается.
Увидал его Василий сын Буслаевич:
140 «Уж ты гой еси, ты старчище Андронище,
Уж ты крестный мой верно батюшка».
Подбегает тут Василий ко Андронищу,
Ударяет он нонь осью прямо в колокол.
Как ударил верно Васенька по колоколу —
145 Загудела мать сыра земля, растрескалася,
Той минутой дед Андронище
Ко сырой земли припадывал.
Заглянул Василий верно нонь под колокол —
А у деда очи вылезли.
150 Тут заплакали мужики да новгородские.
Насыпали они чашу красна золота,
Насыпали другую чиста сéребра,
Приходили они к Мамельфы да Тимофеевны:
«Уж ты гой еси, честна вдова, Мамельфа да Тимофеевна,
155 Ты уйми свое да чадо милое,
Свет Василья сына Буслаевича
И оставь нас хоть для семени».
Услыхала свет Мамельфа да Тимофеевна,
Услыхала, слёзно заплакала.
160 Побежала она на Волхов мост.
Как подбегает Мамельфа Тимофеевна
Она сзади к сыну Васильюшку,
Ухватила она его да за рубашечку:
«Уж ты гой еси, мое чадо милое,
165 Свет Василий да сын Буслаевич,
Что ты делаешь да нонь, не ведаю».
Овернулся да тут Васильюшка Буслаевич:
Позади его стоит да родна матушка.
Говорит он ей да таковы слова:
170 «Уж ты гой еси, моя матушка родимая,
Хорошо ты, матушка, удумала,
Что ко мне ты сзади бросилась:
Второпях да по озорности
Не спросил бы я, Васильюшка, и матушки,

175 Я убил бы тебя, родная,
Вместо парня новгородского».
Выпадала у его из рук да ось тележная,
Ось тележная, тяжелая,
Взял Васильюшка родную мать нонь за руку
180 И отправился в родимый дом.
Собирал Васильюшка дружинушку хоробрую
И оста́льных мужиков да новгородскиих,
Он велел по убиенным панихиды петь.

86а

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Как во славном Нове-городе
Еще жил да был молодой боец,
Молодой боец Василий сын Буслаевич
Со своей он родной матушкой,
5 Со Мамельфой Тимофеевной.
Еще Васеньку мужики-ти новгородские не жаловали,
Еще Васеньку да мужики-ти не полюбливали.
Наварили мужики-ти пива пенного,
Накурили мужики-ти зелена вина,
10 Начали дак мужики-ти пировать-столовать, —
Не позвали они Василья на почестен пир.
Как заходит к им Василий да сын Буслаевич,
Говорят-то мужики новгородские:
«Званым гостям на пиру-де верно место есть,
15 А незваному и места нет».
Говорит сын Буслаевич:
«Еще званому-то гостю много места надобно,
А незваному немножечко.
Уж вы гой еси, мужики вы новгородские,
20 Еще станем со мной биться о велик залог,
Не о ста рублях, не о тысяче —
О своих буйных головушках:
Наварю я пива пьяного,
Накурю я зелена вина,
25 Приходите, мужики вы новгородские,
Кушать зелено вино к Василию Буслаевичу».
Как приходит домой Василий сын Буслаевич,
Наварил он пива пенного,
Накурил он зелена вина,
30 Разослал он ярлыки скорописчаты по Нову-городу:
«Собирайтесь, мужики-ти новгородские,
Ко мне пиво пить, зелено вино кушати».
Собиралися мужики да новгородские.
Идут старые, да идут малые,
35 Все идут на двор к Васильюшке Буслаевичу.
У Васильюшки верно у Буслаевича
На дворе стоят чаны полные,
Зелена вина чаны накурены,
Пива пенного чаны верно наварены,

40 И поспусканы в чаны ковшики медные.
Как выходит Васильюшка сын Буслаевич:
«Уж вы гой еси, мужики вы новгородские,
Кто истерплет мой черлёный вяз,
Тот и будет мне другом, братом названым,
45 Наливайте ноне чару полную».
Как его черлёный вяз пудов двенадцать же,
А держит его Васильюшка единой рукой.
Увидали мужики-ти новгородские:
«Что не пиво пить пришли мы ко Васильюшку Буслаевичу,
50 Что не пиво пить, не зелено вино —
Мы на смерть верно пришли на неминучую».
Разбежалися обратно по своим домам.
Как навстречу им идет Потанюшка Хроменький:
«Уж вы гой еси, мужики вы новгородские,
Много ль с Васькой было у вас выпито,
55 Много ль с Васькой было съедено,
По нутру ли вам пришлось весельице?»
Говорят тут мужики-ти новгородские:
«Мы не ели да и не пили,
60 Мы одно увечье видели».

87

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

Говорил Василий свет Буслаевич
Своей матушке Мамельфы Тимофеевны:
«Уж ты гой еси, родима моя матушка,
Ты мне дай-ко-се свое благословеньице
5 Еще съездить мне с дружиной на Фавор-гору,
Мне проститься во своих грехах великиих».
Ему матушка дает благословеньице.
Поезжает он с дружиной на Фавор-гору.
Как идут они с дружиной по Фавор-горы,
10 На пути лежит голова да человеческая.
Эту голову Васильюшка да верно пнул ногой.
Говорит ему голова да таковы слова:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Я не хуже был тебя, а нонь в пыли лежу,
15 И тебе будет лежати тут, Васильюшко».
Как идут они с дружиной по Фавор-горы,
На пути лежит-ы серый камешек.
Он длиной-то будет двух саженей,
Шириной-то камень сажень достал.
20 Что на камне том написано:
«Кто у камня будет тешиться,
Тот и сломит свою буйную головушку».
Говорит Василий сын Буслаевич:
«Уж вы гой еси, моя дружинушка хоробрая,
25 Вы скачите поперек камня,
А мне будет, Василью, скакать да верно вдоль камня».

(Ишь ты, тешиться хочет!)
Тут стала дружина скакать поперек камня,
А Василий сын Буслаевич скочил вдоль камня,
Он задел, Василий, своим чоботом о серой камень,
И сломил он себе да буйну голову.
Тут Васильюшке и славу поют.
Воротилася его дружинушка хоробрая
Без Василия Буслаева.

ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА ШАЙТАНОВА

Уроженка дер. Лужки бывш. Онежского уезда Архангельской области, Е. И. Шайтанова еще в начале XX в. переселилась с мужем в Пустозерск, куда ее муж был завербован на работу. В 1956 г. она жила в дер. Устье под Пустозерском с семьей сына, И. М. Шайтанова, председателя животноводческого колхоза. Евдокия Ивановна сама долгие годы служила на телеграфе и лишь за несколько лет перед встречей с ней участников экспедиции вышла на пенсию из-за повреждения слуха. Несмотря на свои годы (85 лет), она не утратила живости и красоты, очень любознательна, всегда в курсе современных общественно-политических событий. Веселая, приветливая и остроумная, Евдокия Ивановна пользуется уважением домашних и односельчан. Награждена медалями «За материнство» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне.

Е. И. Шайтанова известна как замечательная песельница далеко за пределами своей деревни. От нее записаны в 1956 г. старинные песни, многие из которых переняты ею от бабушки. От нее Евдокия Ивановна усвоила и публикуемую балладу «Как женился князь», в местной печорской традиции неизвестную. Эту балладу исполнительница отнесла к тем «безгрешным» песням, которые, по указанию бабушки, можно было петь в великом посту.

88

КАК ЖЕНИЛСЯ КНЯЗЬ

[КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ, СТАРИЦЫ]

Как женился князь в восемнадцать лет,
Как он взял-ы княгиню лет-ы пятнадцати,
Уж он жил-ы с княгиней ровно три года,
Ровно три года, ровно три месяца,
На четвертый год князь воевать пошел.
Воевал-ы тот князь да ровно три года,
Ровно три года, три месяца,
На четвертый год да князь домой пошел.
И навстречу князю идут старицы,
Идут старицы да две монашицы,
Черноризицы да чернокнижницы.
Уж и стал бы князь у них выспрашивать,
Стал выспрашивать да всё выведывать:
«Уж вы старицы, да вы монашицы,
Чернокнижницы да белоризницы,
Вы говорите да всю правду мне,
Вы давно ли с моего двора,
С моего двора со княгинского,
Как живет да моя молода жена,

20 Свет княгинюшка да Катеринушка?»
— «А живет жена да Катеринушка
Не от бога грех ли, от людей ей смех:
Ходит в тоненькой рубашечке без лётничка,
Ходит в тоненьких чулочках да без чоботцов.
25 Во покой взойдешь — колыбель стоит,
Колыбель стоит — мала деточка.
Дорога парча вся поизношена,
Золота казна да вся истрачена,
Слуга верные да все разосланы,
30 Все добры кони да по колен в грязи,
Они пьют воду да всё навозную,
Да едят траву да всё осотливу».
Как скочил тут князь да на добра коня,
Погони́л тут князь да сломя голову.
35 Подъезжает князь да к своему двору,
К своему двору да ко княгинскому,
Ко княгинскому да к Катеринскому.
Выбегает тут да молода жена,
Свет княгинюшка да Катеринушка,
40 В одной тоненькой рубашечке без лётничка,
В одних тоненьких чулочиках да без чоботцев.
Вот схватил тут князь да саблю вострую
Уж он сек, сказнил да буйну голову
С молодой жены да со княгинюшки,
45 Со княгинюшки да с Катеринушки.
Во покой зашел — да колыбели нет,
Колыбели нет да малых деточек.
Тут стояли пяла да золочёные,
Да не столько шито, сколько плакано,
50 Всё князя домой да всё дожи́дано,
Во второй зашел — да колыбели нет,
Колыбели нет да малых деточек,
Тут стоят пяла да золочёные,
То не столько шито, сколько плакано,
55 Всё князя домой дожи́дано.
Дорога парча не испроношена,
Золота казна не истрачена,
Слуги верные да не разогнаны,
Все добры кони стоят не загнаны,
60 Они пьют воду да все ключёвую,
Все едят траву да всё шелковую.
Как скочил тут князь да на добра коня,
Полетел тут князь сломя голову.
Догонил тут князь да этих старицей,
65 Этих старицей да двух монашицей,
Черноризницей да белокнижницей.
Уж он сек, сказнил да буйны головы.
Повернул тут князь да саблю острую,
Себе прямо князь да во белую грудь.
70 Покатился князь да со бела коня.

АРИСТАРХ ИВАНОВИЧ СУСЛОВ

А. И. Суслов — житель дер. Андег Нарьян-Марского района. В 1956 г. служил сторожем на складе Рыбкоопа. Малограмотный (учился один год в школе).

Молодым слушал на путине хороших сказителей — В. П. Тарбарейского и Ф. М. Пономарева, певал сам, но теперь давно все забыл. Помнил, как старики пели («Кострюк какой-то там был да Илья Муромец»), но спеть сам смог только отрывок о Добрыне.

Очень стеснялся своего незнания и неумения петь, но, по-видимому, действительно ничего, кроме спетого, не знал.

89

ПРО ДОБРЫНЮ

* Как во стольном было городе во Киеве,
Как у ласкова князя да у Владимира
Заводилося пированьё-столованьё,
Как пированьё-столованьё, почестен пир.
Как бы все нынь на пиру да напивалися,
Как бы все нынь на честном да наедалися,
Как бы все нынь на пиру да пьяны-веселы,
Как один-то добрый молодец
Он не пьет, не ест, нешто не кушает,
Он ничим, молодец, не восхваляется.
Как ведь выходит Владимир-князь по комнаты,
Он ножка о ножку-те похлопыват,
Как каблук о каблук да поколачиват,
Из речей-то Владимир да выговариват:
«Уж вы гой еси, гости все вы званые,
Как бы все на пиру вы да напиваетесь,
Как бы все вы на честном да похваляетесь,
Как один-то Добрыня да доброй молодец
Он не пьет-то чару топерь заздравную *
Да за царя православного,
За царицу благоверную.

(Дальше ничего не помню).

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА ХАБАРОВА

А. П. Хабарова, жительница дер. Андег Нарьян-Марского района, в 1956 г. — очень живая, здоровая, веселая старуха-шутница, 69 лет, с большим чувством юмора, с живыми, умными, ясными глазами. Неграмотная. Работала, где придется (носила в школу дрова из тундры, помогала соседям по хозяйству и т. п.). Один сын убит на войне, другой живет в Мончегорске с семьей и помогает матери.

Былин не певала. Спетый отрывок вспомнила в связи с разговором о песне «Нам не дорого злато, чисто серебро»: «Это не из песни, а из старины», — сказала она про первые слова песни и спела отрывок былины, которую ни с начала, ни дальше спетого не знала.

Других былин вспомнить не могла. От нее записано много песен, особенно свадебных и лирических.

90

ПРО ДОБРЫНЮ

*Уж ты ой еси, Добрынюшка, добрай молодец,
И не упито у меня было, не уедено,
Хорошо-то, баско[1] было у меня да не унюшено.
Мне не дорого не злато, да мне не серебро,
Дорога-то мне любовь была молодецкая
И не выслуга мне да богатырская.*

(Не осудите, больше не знаю).

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ПОЗДЕЕВ

П. Н. Поздеев переселился в дер. Осколково Нарьян-Марского района из дер. Бутаева Усть-Цилемского района около 10 лет назад. Рыбак. Грамотный. В 1956 г. ему было 64 года. Жил в достатке с женой и сыном-школьником. Это домовитый, благообразный человек, очень сдержанный и скромный.

В молодости слыхал часто пение былин, певал и сам, но немного. Смог передать только старину «Илья и Соколик», причем напев был им позабыт, и он петь не решился, боясь «наврать в машину». Текст же знал хорошо и прочитал его, как по книге. Других былин передать не мог, но вспоминал, что старики в лесной промысловой избушке рассказывали про поганое Издолище, которое сидело на дороге, дорога заросла — 30 лет никто по ней не ездил, а Илья Муромец убил Издолище, — под эти сказки молодежь засыпала.

О былинах (называл их старинами) рассуждал разумно, толково, понимая их ценность. Говорил про них грустно: «Это дело само потихоньку отходит».

91

ПРО ИЛЬЮ И СОКОЛИКА

Жило-было тридцать два богатыря могучиих,
Они жили на заставушке,
Охраняли на посту да славный Киев-град.
За старшого был старой казак,
Старой казак, Илья Муромец.
Вот сидят они, богатыри, у заставушки,
У заставы сидят у великоей,
А в чистом поле Соколик-богатырь.
Он к заставы не приворачиват,
Богатырям челом не бьет, головы не гнет.
Как пошли тут богатыри, Илье доложили:
«Ездит в чистом поле богатырь незнаемый,
Он к заставы не приворачиват,
Нам, богатырям, челом не бьет, головы не гнет».
Рассердилсе старой казак Илья Муромец,
Стали думать они, кого в чисто поле послать,
Во чисто полё, во раздолие:
«Нам послать буде Алешеньку Поповича —
Алеша роду невежливого, неочестливого,

---

[1] При записи на магнитофон слово *баско* было пропущено.

20 Не сумеет он слова молвити,
Разумную речь говорити.
А послать нам будет послать Добрынюшку Никитича:
Он, Добрыня, роду вежлива,
Роду вежлива, очестлива,
25 Он сумеет с богатырем съехаться,
Он сумеет ему речь держать.
Поезжай, Добрыня, во чисто полё».
Не видали тут, как Добрыня коня седлал,
Не видали, как Добрыня на коня скочил,
30 Только видят — в чистом поле курева стоит.
Подъезжает Добрыня ко богатырю:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Как тебя по имени зовут,
Величают из отечества?
Куда едешь, куда путь держишь?»
Богатырь ему ответа не дает,
Он челом не бьет, головы не гнет.
В другой раз Добрыня спрашивал:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
40 Как тебя по имени зовут, величают из отечества?
Куда едешь, куда путь держишь?»
Богатырь ему ответа не дает,
Он челом не бьет, головы не гнет
Рассердилсе тут Добрынюшка:
45 «Ох ты гой еси, невежа неучёная,
Ты пошто мимо заставы поезжаешь,
Сам челом не бьешь, головы не гнешь?»
Тут богатырь оборот давал,
Дал Добрынюшке по тябышу, по олабышу,
50 Сам поехал во чисто полё.
Едет по полю Добрынюшка,
Повеся держит буйную голову,
Приезжает на заставу он:
«Еще дали мне по тябышу, по олабышу».
55 Говорит тут Илья Муромец:
«Некого послать нам в чисто поле за богатырем,
Видно, самому мне ехати.
Не сварить вам котла пива пьяного —
Привезу я вам вора-татарина».
(Похвастался, значит).
60 Не видали, как Илья на коня скочил.
Только видят — в поле курева стоит.
Подъезжает Илья ко богатырю.
А Соколик с им не разговариват,
Он челом не бьет, головы не гнет.
65 Говорит ему Илья Муромец:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
На заставы нас тридцать два богатыря,
Куда едешь мимо, нам челом не бьешь, головы не гнешь?»
А Соколик ему ответа не дает.
70 В другой раз говорит Илья:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,

На заставы нас тридцать два богатыря,
Куда едешь мимо, нам челом не бьешь, головы не гнешь?»
А Соколик ему ответа не дает.
75 Рассердился Илья Муромец:
«Ох ты гой еси, невежа неучёная,
На заставы нас тридцать два богатыря,
Куда мимо едешь, нам челом не бьешь, головы не гнешь?»
Тут схватил Соколик свое копье бурзомецкое,
80 Они стали биться-ратиться.
У их копья изломалися,
У их сабли извихлялися,
У их мечи поисщербалися.
Захватилися они в рукопашный бой.
85 У Ильи тут нога подскользнулася,
Говорит Илья Муромец:
«Не была мне на роду смерть в поле написана,
Ох, неужто ко мне смерть пришла?»
Тут у его силы вдвое прибыло.
90 Повалил Илья Соколика,
Еще сел к ему на белы груди:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты чьего нынь роду-племени,
Как тебя именем зовут,
Величают по отечеству?»
95 Отвечает Соколик таковы слова:
«Я сидел у тебя на белых грудях,
Ничего у тебя не спрашивал,
Режь и ты меня, не спрашивай».
Вынул нож Илья Муромец,
100 А рука у его в плече остоялася.
Говорит он таковы слова:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты чьего нынь роду-племени,
Как тебя именем зовут,
105 Величают по отечеству?»
Отвечает Соколик таковы слова:
«Я сидел у тебя на белых грудях,
Ничего у тебя не спрашивал.
Режь и ты меня, не спрашивай».
110 Вынул нож Илья Муромец,
А рука в локте остоялася.
Говорит он таковы слова:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты чьего нынь роду-племени,
115 Как тебя именём зовут,
Величают по отечеству?»
Отвечает Соколик таковы слова:
«Из того я роду-племени,
Только знаю я свою мать родимую».
(Марьей ли ее звали, как ли — он назвал).
120 Поднимат его Илья Муромец,
Говорит ему таковы слова:
«Ты сынком мне-ка приходишься».

И пошел старо́й спать во белой шатер.
Тут Сокольник нынь разгневался,
К своей матери он кинулся,
Приезжает, говорит ей таковы слова:
«Видел я старого казака Илью Муромца,
Тебя назвал б....ю, меня вы.....м».
Тут убил он мать родимую,
Снова едет во чисто полё ко заставушке.
Там увидели его опять богатыри:
«Не опять ли тот невежа к нам спешит?»
А Соколик привернул ко шатру,
Размахнулся — хотел старого убить,
Да попало его копье в чудотворен крест.
Пробудился Илья Муромец,
Разорвал тогда Соколика, в поле выбросил.

(Тут и конец. Боле не помню, дале-то.
Быват, боле ницо и не было).

ЗИМНИЙ БЕРЕГ

1937—1948 гг.

ПАВЛА СЕМЕНОВНА ПАХОЛОВА

П. С. Пахолова (1879—1946) родилась и всю жизнь прожила в Нижней Зимней Золотице. Она — вторая дочь сказительницы Аграфены Матвеевны Крюковой и младшая сестра сказительницы Марфы Семеновны Крюковой. Двадцати двух лет Павла Крюкова вышла замуж за В. Я. Пахолова. У нее было одиннадцать детей, из них остались в живых только четверо — три дочери и сын. Всю жизнь очень много работала. Вся летняя домашняя работа лежала на ней. П. С. Пахолова работала в колхозе с его основания до 1941 г., а после жила на средства детей и М. С. Крюковой.

П. С. Пахолова знала былины с тех пор, как себя помнит. Она любила пропевать былины за «сижачей» работой и в долгие зимние вечера, но всегда считала, что она как сказительница ниже Аграфены и Марфы Крюковых. Былинное мастерство Павла Семеновна перенимала в своем Крюковском роду, а также у лучшего сказителя Верхней Золотицы Федора Тимофеевича Пономарева (уличное прозвище — Почошкин).

Уже А. В. Марков в сборнике «Беломорские былины» сообщил, что Аграфена Крюкова переняла две былины от дочери Павлы. Но как Маркову, так и другим собирателям до 1938 г. П. С. Пахолова наотрез отказывалась исполнять былины для записи. В 1938—1940 гг. и в 1945 г. от Пахоловой были записаны 33 текста былин, баллад, старших исторических песен и несколько духовных стихов.[1] Как происходила запись, и о некоторых особенностях сказительницы рассказано в очерке Э. Г. Бородиной-Морозовой «Сказительница Павла Пахолова».[2]

В детстве Павла нянчила детей местного священника Красновского и получила от него в подарок хрестоматию А. В. Оксенова «Народная поэзия», где было помещено много былин и духовных стихов. Будучи грамотной, П. С. Пахолова, несомненно, была знакома с текстами этой книги, что сказалось в какой-то мере на ее вариантах (см. комментарии). Но до 1938 г. сказители Крюковы считали неудобным говорить о том, что в их доме бывали книги с былинами, хотя еще А. В. Марков догадывался об этом. Он даже высказал свои предположения об этом в письме к А. В. Позднееву (1915 г.).

Из детей П. С. Пахоловой только старшая дочь ее Пелагея Васильевна Негадова помнит былины.

92

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА, КАК ОН БЫЛ, ЖИЛ И РОДИЛСЯ

А в одной деревне было во Качарове,
А во городи-то было всё во Муроме,
Ише жил-то был боярин Иван да свет
Тимофеевич-свет.
А и была у его молода жена,
5 Молода жена Епестенья Яковлевна,
У них было да чадо милое,

---

[1] Кроме публикаций в данном сборнике, см.: Исторические песни XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, №№ 120 и 249, а также: Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 146.

[2] Альманах «Север», Архангельск, 1952, стр. 166—178.

Чадо милое да всё любимое,
И как по имени Илья да сын Иванович.
И не ходил-то он на своих на резвых ножечках,
10 Не владели в его да ножки резвые,
И не служили у его да ручки белые,
И он сидел-то ровно тридцать три годичка
У его же родна батюшка,
У Ивана да Тимофевича.
15 И уходили его да родной батюшка,
Да со родимой да со своей же с матушкой,
На чисто-то поле на работушку,
Убирали хлебы они да годовы запасы,
И тут оставляли они да своего да чада милого,
20 И как оставляли чада милого,
Как того ли они да Илью Ивановича
В своем они доми одиноконького.
И сидел-то Илья да свет Иванович.
Подходили ко его ко терему высокому
25 Как же три-то калики перехожия,
А не калики же были — три же ангела,
И три же ангела да три архангела.
Говорили да Ильи же Муромцу,
Ише Муромцу сыну Ивановичу:
30 «Ты подай-ко нам, Илья, да пива сладкого».
Говорил же Илья им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, калики перехожия,
Уж я рад бы вам подать да пива сладкого,
У мне не служат-то ножки резвые,
35 Не ходят-то у мня да ножки же резвые».
И говорили Ильи калики перехожия:
«Ты бери-ко, Илья, брагу ты да поди скоре́
Во глубокие во погреба скоре́».
И тут ставал Илья скоро да на резвы ноги,
40 Он же брал скоро брагу в свои белы руки,
И как пошел-то Илья да сын Иванович
На своих же он скоро на резвых ногах,
И как пошел скоро он, спускался в погреба глубокие,
Начерпывал скоро брагу да пива сладкого,
45 И вот наливал скоро да подносил же он,
Ко тем ли каликам перехожим-то.
И тут же брали калики перехожия
Во свои руки брагу, пиво сладко же,
Ише подавали брагу Ильи Муромцу
50 И сыну же всё Ивановичу.
И брал Илья же брагу да единой рукой,
Выпивал же он да за единой дух.
И тут говорили-то калики перехожия:
«Ты поди-ко, Илья, да Илья Муромец,
55 Уж ты Муромец да сын Иванович,
Ты неси вторую брагу пива сладкого».
И тут пошел Илья да на бегу же он
(Вот видишь, силушки-то ему прибавилось)
И во те ли погреба да во глубокие,

Почерпывал пива всё же сладкого,
60 Он же сладкого пива да всё похмельнего,
Подносил он чарочку да каликам перехожим-то,
Они брали-то чарочку и подавали Илье.
Брал Илья да одиной рукой,
Выпивал же чарочку да за единой дух.
65 Тогда стали калики же да у его же спрашивать:
«Ише много ли, Илья, ты Илья Муромець,
Ише много ли в себе да силы слышишь-то?»
— «Уж вы ой еси, калики перехожия,

Сестры Марфа Семеновна Крюкова и Павла Семеновна Пахолова.

Кабы был бы стоял столб иже до неба,
70 У того столба бы было кольцо бы всё, —
И поворотил бы я матушку всю Россиюшку».
Говорили тогда калики перехожия:
«Ты поди, Илья, сходи да во третей же раз,
Принеси же нам же пива сладкого».
75 Тут пошел Илья скоро во погреба глубокия,
И почерьпал-то он чарушку да пива сладкого,
Подносил же он каликам перехожим-то.
Ише брали калики перехожия
И подавали калики Ильи Мурамцу,
80 И выпивал Илья же чару ону же до дна же.
И тут спрашивали Ильи калики перехожия:
«Ише много ли, Илья Мурамець,

Илья Мурамець да сын Иванович,
Ише много ли в себе силушки да слышишь же?»
85 И тут говорил же Илья да Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, калики перехожия,
У мня силушки да палавинушка убавилась».
Тут не стало-то калик да перехожих-то,
А тут Илья-то стал по комнаты похаживать.
90 А в ту же пору же в то же времечка
Приходил-то его да родной батюшка,
Со родимой его да с родной матушкой,
Со работушки да со тяжолою,
И увидели они да чада милого,
95 Чада милого да всё любимого,
Своего-то они да Илью Мурамца,
Ише ходит-то он да на своих ногах.
И возрадовалсе да отець с матушкой,
И от радости же были очунь рады они,
100 Ише ходит его чадо милое да на ногах же всё.
Ише с радости же с той да со великою
Собирал его да родной батюшка
Как почесен пир да он на радости,
Ише заходило на ногах да его чадо милое.
105 И тут же Илья да Илья Мурамец
Говорил же он да своему да родну батюшку,
Как Ивану-ту же свет да Тимофевичу:
«Уж ты ой еси, ты мой родной батюшка,
Ты Иван же да свет да Тимофевич же,
110 Ты купи-ко мне-ка всё же коничка,
Мне-ка коничка купи да из-под матушки,
И жеребенышка купи да из-под матушки».
Тут пошел Иван да Тимофевич свет,
Он пошел-то по городу по Мураму,
115 Он купил ему да жеребеночка,
Жеребеночка купил да из-под матушки,
Он платил только за его да один рублик-от,
И не велик же был да всё да жеребеночек,
Он малёхонек же был очунь же всё.
120 И он покатал его да в трех росах,
А перьву росу-ту катал да всё Иваньскую,
А вторую росу-ту катал Петроськую,
А третью росу-ту катал Ильиньскую,
Он кормил его пшеницой белояровой,
125 Он кормил-то его да всё досыта же,
Он поил его свежой водой ключовою,
И этот жеребенок стал очунь хорошой,
И очунь бойкой стал да очунь быстрой стал,
Ише стал же походить на коничка.
130 Ише говорил Илья да Илья Мурамець,
Говорил же он своему да отцу батюшку,
Как Ивану-ту же свет да Тимофевичу:
«Уж ты ой еси же, мой да родной батюшко,
Мне-ка надо же коничку же всё поезживать,
135 Во чисто поле же мне надо проведывать,

Во широкое же мне да всё да во роздольице,
Мне-ка надо-то сбруда да лошадиная,
Лошадина сбруда мне же надо крепкая,
Мне-ка узда же всё же сделати».
140 И говорил тогда Ильи родной батюшко,
И Иван же всё да Тимофевич же:
«Уж ты ой еси, мое да чадо милое,
У мне есь, да чадо милое,
У мне сбруда же тебе да лошадиная,
145 Запасеная висит же всё она да она новая,
И узда висит у мне да всё серебренна,
А повод-от у мне да всё шелковой есь,
И седелышко у мне есь всё церкальское,
Церкальско седелышко да красна дерева,
150 И бери-ко-се да ты да поезжай же всё».
И тут Илья-то, да Илья Мурамец,
И он пошел-то скоро да на широкой двор,
Он же брал узду со спицьку-ту серебренну,
Ише брал он сбруду-ту да лошадиную,
155 И запрягал коня скоро он да быстро же,
И сам заскакивал же на коня быстро,
И он поехал попроведать во чисто поле,
Во чисто поле да во широкое роздольицо,
И он ездил во чистом поли, поезживал,
160 Он во все-то четыре-то сторонушки посматривал.
Приезжал Илья да Илья Мурамец
Ко своему же он да к родну батюшку,
И к Ивану-ту же он да Тимофевичу,
И он к родимой же своей матушки,
165 И ко Епестеньи же он да ко Яковлевны,
И говорил же он ей да таковы слова:
«Уж ты ой еси, мой да родной батюшка,
Уж ты Иван же да Тимофевич же,
Ты родима же моя родна матушка,
170 Ты Питенья же всё Яковлевна,
О чем я вас да попрошу же всё,
Уж вы дайте-ко же мне да благословленьица,
Мне-ка ехать ко славну городу ко Киеву,
И ко ласкову князю да ко Владимеру,
175 Посмотрять-то мне-ка да хочитце да города же Киева,
И посмотреть-то мне-ка хочетсе князя Владимера,
Как Владимера да Святослаевича».
Говорил-то Ильи, Ильи Мурамцу,
И говорил-то ему да родной батюшко:
180 «Уж ты ой еси, мое да чадо милое,
Ты любимое да ты любимое,
Ты Илья у мне да всё ты Мурамець,
Уж ты Мурамець да сын Иванович,
Я не держу тебя же ехать в красной Киев-град,
185 Не проехать-то тебе будет путем-дорожечкой
Как во славной же да город Киев-от,
Ета дорожка залегла равно тридцать три года,
Как на тех-то горах да всё лесах на Брыньских же

Как сидит-то Соловей да сын Рохматьевич,
190 Он сидит-то же всё да на семи дубах,
Он кричит-то же всё да по-звериному,
Он свистит же всё да по-соловьиному,
Он своим криком да всих да перепуживат,
Некого же он да не пропускат же всё,
195 Он днем сам сидит да караул держит,
Не пропускат он не конного, не пешего же,
Убиват-то всех да он да до единого,
И нехто не ходит той дорожкой и не ездит же».
А как же тут Илья сидел да всё Мурамець,
200 Илья Мурамець да всё Иванович,
И говорил же он да своему да отцу-батюшку:
«Уж ты ой еси, да мой да родной батюшко,
Уж ты дай-ко мне свое родительско да благословленьицо,
Ты родима моя да родна матушка,
205 Я поеду же всё да во чисто поле,
Я ко славному ко городу ко Киеву,
Я очишшу дорожечку да прямоезжую».
И тут благословил-то Илью да Илью Мурамца,
Как его-то же всё да родной батюшко,
210 И Иван-от же свет да Тимофевич же,
И родима его да родна матушка.
И тут Илья-то да Илья Мурамец
Одевал он на себя платье да богатырьское,
Одевал на себя латы да богатырьские,
215 Ише брал же он копье да копье вострое,
Ише брал же он скоро да палицю булатную,
Ише брал-то скоро да он поехал же,
Он проехал прямо путем-дорогою,
Он ко тем лесам да всё ко Брыньским же,
220 Где сидел-то Соловей да сын Рохматьевич,
Он сидел-то да на семи дубах,
На семи дубах да на семи верстах.
Услыхал Соловей-разбойник сын Рохматьевич,
Што едет-то Илья Мурамець,
225 Закричал он да по-звериному,
Засвистел же он да по-соловьиному,
Мать сырая земля да потрясалася,
У Ильи-то да Ильи Мурамца
Его доброй конь да испугалсе же,
230 На колени падал скоро на матушку сыру землю.
Брал-то Илья-то, Илья, да Илья Мурамец,
Он скоро-то брал же плеточку шелковую,
Он хвостал коня да своего Белеюшка:
«Ах ты волчья сыть да травяной мешок,
235 Не слыхал разве ты свисту соловьиного,
Не слыхал разве ты крыку всё звериного?»
И тут же ехал скоро он да ко семи дубам,
Где сидел разбойник Соловей же всё,
Соловей же сын да всё Рохматьевич.
240 Ише брал Илья скоро да всё тугой же лук,
И тугой же лук же брал в ручки свои белые,

Он же клал скоро стрелочки каленые,
Он стрелял-то скоро да во сырой же дуб,
Во сырой же дуб да всё стрелочка летела же,
245 Из сыра дуба да Соловью-разбойничку
Во правой же глаз прямо ему же розлетеласе,
Тут же падал Соловей да со дубу на матушку сыру землю,
И тут скакал Илья скоро да со добра коня,
Со добра коня скакал да богатырьского,
250 Ише брал он Соловья да приковал к своему же
стремечку булатному
И привязывал его крепко-накрепко,
И повез же его ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю Владимеру.
Уж как ехал Илья, да Илья Мурамец,
255 Ко Соловью-ту ко разбойнику к его ко терему.
Увидала Соловья да сына Рохматьевича
Как его-то же всё да молода жона,
Говорила она своим же дочерям любимым же:
«Уж вы ой еси, мои вы дочери любимые,
260 Вы подите-ко же вы скорёхонько,
И посмотрите-ко едет ваш да родной батюшко,
Ише тот ли разбойник Соловей да сын Рохматьевич,
Он везет какого-то да мужичонка-то».
Тут пошли скоро ее три дочери любимыя,
265 Они смотрять-то пошли скоро да всё россматривать.
Россмотрили дочери любимые:
«Ой ты матушка же наша всё родимая,
Не наш же едет родной батюшко,
А едет какой-то мужик, везет нашого да родна батюшка,
270 А как Соловья сына да все Рохматьевича,
У коня же он да всё привязан же».
Говорила-то тогда им родна матушка:
«Уж вы ой еси, мои вы дочери любимые,
Вы берите-ко со спицьки же ключи же всё,
275 Отмыкайте-ко-се вы глубокие же погреба,
Вы берите миски золотыя же,
И насыпайте миску вы да чиста серебра,
А вторую миску дорогого красна золота,
А третью миску дорогого скатна жемчуга,
280 Вы несите-ко да мужичонку всё ударивайте,
Вы ударивайте его да низко кланяйтесь,
И откупите же вы да родна батюшка,
А Соловья-то вы сына всё Рохматьевича».
Подъезжал Илья да ко ихному ко терему,
285 Выходили Соловья да родны дочери
Со подарками да с дорогима же,
Они низко ему да всё же кланялись:
«Ты прими, прими, богатырь всё же русьские,
Дороги наши подарочки же всё от нас,
290 Ты отдай же нам да родна батюшка,
Уж ты разбойника Соловья сына Рохматьевича».
Говорил-то им да Илья Мурамець:
«Мне не надо ваши дороги подарочки,

Не отдам же я вам да родна батюшка,
295 Уж как то ли разбойника да Соловья Рохматьевича».
И тут же стояла его да дочь любимая,
Ише та же была у его немая-то,
Она брала она да всё же стрелочку брала каленую,
Натегивала лук, она брала в руку,
300 [О]на стреляла прямо же да в Илью Мурамца,
Мимо стрелочка да мимо пролетела Ильи,
Не хватила Ильи, да Ильи Муромца,
И его-то коня да богатырьского.
Тут скакал Илья скоро да со добра коня,
305 Он тут стрелил-натегивал да свой тут каленой лук,
Он стрелял-то в его дочь любимую,
Он подстрелил-то всих и взял свою палицу булатную
И отрубил же у их да буйны головы,
И он зажог взял ихно же всё подворьицо,
310 Сам поехал ко славну городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Приезжал скоро да он во красной Киев-град,
Ко терему-ту приезжал да княженеському,
И ко тому ли ко столбу да ко точеному,
315 Ко тому же колечушку золоченому,
И он пошел-то скоро во грины княженеские.
Он заходил-то скоро во грины княженеские,
Он же клал-то крест да по-писанному
И поклон-от вел же всё да по-ученому,
320 Он во все чотыре стороны да низко кланялсе,
Он могучим всё руським богатырям,
Ише князю-ту Владимеру челом же бил да в праву рученьку:
«Уж здрастуй, здрастуй, князь Владимер Святослаевич».
— «Уж ты здрастуй, здрастуй, доброй молодець».
325 Говорил же князь Владимер Святослаевич:
«Я не знай же как тебя назвать по имянну,
Я не знай как назвать вас по отечесьву».
— «А мня звать-то, красно солнышко Владимер-князь,
Я же еду из города из Мурома,
330 Из села-то еду я да из Качарова,
Уж я же сын же да всё кресьяньской же!»
Говорили князю да всё Владимеру,
Што его-то бояре же любимые:
«Уж ты ой, ты князь Владимер Святослаевич,
335 Этот наехал же да скоморошина,
Он неправду тебе, князь, сказыват,
Ише как мог из города из Мурома приехати:
Ише та дорога была — некто наезживал,
Она залегла ровно же тридцать три же годичка,
340 И некто не мог той дорогою проехати.
И как сидел-то Соловей да на семи верстах,
Соловей-разбойник сын же всё Рохматьевич,
На семи верстах да на семи дубах,
Некого он же не пропускал же всё,
345 Не проезжого да не прохожего,
Не перелетного же да ясна сокола,

Он своим крыком звериным да всих сгонял же он,
Он соловьиным свистом да умертвлял же всех,
Ише как же он же мог да всё проехати?»
350 Тогда говорил да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сын же всё Иванович:
«Уж ты ой еси, ты князь Владимер Святослаевич,
Ты не веришь моим речам да всё же вы,
Подем-ко-се же всё да на широкой двор,
355 Посмотри же ты у мня да Соловья сына Рохматьевича,
Привезён он у мня, у добра коня же всё.
И ты подем». Скоро князь стал да походить же всё
На широкой двор да одеватися,
Они пошли скоро смотреть да Соловья сына Рохматьевича.
360 Говорил-то князю Илья Мурамець,
Илья Мурамець же всё Иванович:
«Уж ты ой еси же, князь Владимер Святослаевич,
Уж ты дай-ко мне да зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
365 У Соловья-разбойника да запеклись уста же кровью у его,
И што у его запеклись, да всё дай ему напитисе».
Тут же князь Владимер велел скоро же подать Ильи.
И брал Илья наливал скоро да зелена вина,
Выливал разбойничку Соловью сыну Рохматьевичу,
370 Выпивал же он всё да за единой дух,
Приказал Илья ему крычать да по-звериному,
И приказал ему свистеть да по-соловьиному.
Закрычал-то Соловей-то разбойничок да сын Рохматьевич,
Закрычал же он да по-звериному,
375 Зашипел же он да по-змеиному,
И тут-то князь Владимер-от да испугалсе же,
И тут же подломились у его ноги же резвые,
Не слыхал-то он такого страху великого,
И он крыку-ту не слыхал же всё звериного,
380 Шипотку-ту не слыхал змеиного.
Он не слыхал-то свисту-ту да соловьиного,
Тут стояли-то бояре княженеськие,
Они держали-то князя Владимера за рученьку за правую,
И держали-то князя да всё под левую,
385 Ише стали унимать да Илью Мурамца,
Э што же унес он Соловья сына Рохматьевича.
И тут уж зачал унимать его да Илья Мурамец,
А он униманьица да всё не слушает,
Он ведает его да всё не слушает,
390 И тут некак не мог Илья его унять же всё.
Он хватал Илья свою ту палицу булатную,
Он отсек у Соловья сына Рохматьевича,
Он отсек у его взял да всё буйну голову,
И тут же ему-то смерть да всё ему случиласе.
395 И тогда повел-то князь Владимер его во грины княженеськие,
Он садил его за те ли за столички за дубовые,
Он за те ли то за скатерти за бранные,
А как за те ли всё заества-ти всё сахарные,
И как попить, поисть, покушати.

93

МЛАДОЙ ПОДСОКОЛЬНИЧОК

И как был-то жил Илья да Илья Муромец,
Ише сын-от всё Иванович.
А как он вздумал-то Илья да Илья Мурамец,
А и он ездил-то далеце во чисто поле,
5 Во чисто поле, во широкое раздольицо,
Он ко заставы ездил своей богатырьскою,
А и как тут-то атаманом был Илья Мурамец,
А податаманье-то был Добрынюшка Никитич млад,
Асаулом-ту же был Алешенька Поповиць млад.
10 И собиралисе могучи наши русьски богатыри
А и на заставу свою да богатырьскую,
А и они роскинывали белы шатры полотьнены,
А караул они держали да очунь крепко же,
Ашшо не заехал какой в ихну заставу богатырьскую,
15 А какой чужой земли богатырь же пресильней же,
А ише в ту же пору, во то времечка
И-и как наехал-то на заставу премладой
Подсокольничок.
И они всё-то спят во белом шатру в полотьненом,
А только же не спит у них старой-от седатой-от,
20 А как Илья-то же всё сын да сын Иванович.
А он ставал-то по утрику, утру ранному,
И до восходу-ту ставал да соньця красново,
И умывал-то он свое да лицо белое,
А он свежой-то водой умывал да всё ключовою,
25 И вытирал-то свое лицо бело да белым полотеньцом же,
А и на восток он же осподу-богу молилсе же,
И скоро брал же он же в руки трубочку подзорную,
И выходил же он скоро да из бела шатра,
И он смотрял-то он заставушку богатырьскую,
30 А как у заставы-то богатырьскою ездит младой
Подсокольничок,
А как под им-то же конь, как будто лютой зверь,
А на нем-то на кони сидел, как куча сенная-то
(Вот сколь тоненькой был!),
А свою палицу булатну мечот единой рукой,
А он выше лесу-ту кинал да выше стоячего,
35 А выше облака кинал да всё ходячего,
А другой рукой подхватывал.
А он же с собой да сам выговаривал:
«А я верчу свою палицой да я булатною,
А уж я так же буду вертеть богатырем Илейкой
Мурамцом».
40 И как стоял тогда старая стареньщина призадумалсе,
И сам говорил же он всё да таковы речи:
«Мне послать ли, послать да старому-седатому,
Уж мне брателка послать да всё крестового,
Не того ли же Добрынюшку Никитича?
45 А пусть съездит-то в заставу богатырьскую

И поборитисе да с тим ли со младым Подсокольничком».
Тут ставал Добрынюшка да всё Никитич млад,
Он ставал скоро да на резвы́ ноги,
Побежал-то мытьсе да на Пучай-реку,
50 Он свое-то да лицо белое,
Лицо белое да молодецькое,
Вытирал лицо он же да всё он да полотеньцом же.
Тут садилсе Добрыня на добра́ коня,
Ише брал с собой Добрынюшка да копье вострое,
55 И брал Добрынюшка да саблю же всё булатную,
Он скакал скоро да на добра́ коня да богатырьского,
Он поехал скоро ко заставы богатырьскою,
И приезжал же он к заставы богатырьскою,
Ко премладенькому да Подсокольничку.
60 И говорил Добрынюшка да млад Никитич же:
«Уж ты ой еси, премладой Подсокольничок,
Ты зачем к нам заехал в заставу всё да богатырьскую,
Без позволеньица да атамана-то,
Атамана-то да Ильи Муромца?
65 А податаманью мне, Добрынюшки Никитичу,
Асаулу-ту Алешеньки Поповицю
Не кладешь-то ему злата же ты, се́ребра».
Поворачивал премла́дой Подсокольничок
Он своего добра коня да богатырьского
70 На Добрынюшку же всё да на Микитиця.
Тут сыра-то земля да потрясаласе,
Из озер, из рек вода да возливаласе,
И уж тут же сидел Добрынюшка Микитич млад,
А и как он-то увидел премла́да Подсокольничка,
75 А и покатилисе у Добрынюшки горючи́ слезы́ из глаз,
А и тут заплакал сам, возго́ворил:
«А мне, мне с этим с богатырем не состоять будет».
А и заворотил-то Добрынюшка своего-то добра́ коня,
А и он поехал ко белу́ шатру поло́тьненому,
80 А и он ко старому-то всё да ко седатому,
А и ко Ильи-то он приехал да всё к Ивановичу:
«Уж ты ой еси, мой брателко крестовой же,
Етот богатырь-от же очунь, очунь сильней-от,
Очунь сильней же он да очунь силой порато против меня
есь-то.
85 А у его же конь да всё ровно как лютой зверь,
А на кони же он сидит равно как сенна́ куча,
А он свою палицу булатную покинывает одино́й рукой,
А другою рукой же всё подхватывает,
А ише сам же с собой да приговаривает:
90 «Я лёкко верчу же своей палицой булатною,
Я лёкко буду вертеть Илейкой Мурамцом».
А тут же говорил же Илья Мурамец:
«Не послать же разве Алешеньку Поповиця,
И же съездить-то к заставы богатырьскою?»
95 И говорил же тут Илья, Илья же Мурамец,
Илья Мурамец да сын же всё Иванович:
«Уж ты ой еси, Алешенька Попович млад,

Уж ты съезди-ко, поезжай да ко заставы богатырьскою,
И поборись-ко-се со младеньком да Подсокольничком».
100 Тут ставал Алешенька же всё Попович млад,
Он ставал скоро да на резвы ноги,
Умывалсе Алешенька свежою водой ключевой же он,
Вытирал свое да лицо бело белым полотеньцом же,
Он садилсе скоро Алешенька скоро да на добра коня,
105 На добра коня же вон да богатырьского,
Он поехал скоро же к заставы богатырьскою,
Ко тому премладенькому Подсокольничку,
Он крычал-то зычал Алеша звонким голосом:
«Ах ты ой еси, премладенькой да Подсокольничок,
110 Как же ты смел заехать в нашу заставу богатырьскую,
Атаману нашому ты Ильи Мурамцу,
А податаманью же всё Добрынюшки Никитичу,
Асаулу же мне, Алешеньки Поповичу,
Не кладите мне-ка злата же вы всё же серебра!»
115 Поворачивал премладенькой Подсокольничок
А он своего-то добра коня богатырьского,
А и на Алешеньку-ту же он всё Поповиця,
А и тут сырая-то всё земля под нем потрясаласе,
А из озер-то, из рек вода возливаласе,
120 А и перепалсе тут Алешенька Попович млад,
И он заплакал-то Алеша горючима слезьми:
«И сколько я же, Алешенька млад Попович же,
А и сколько я ко заставы богатырьскою
А я же езживал, такого вот богатыря не видывал».
125 А и поворачивал Алешенька млад Попович же
А он своего коня же он да богатырьского
А ко белу шатру же ко полотьнену,
А как ко старому атаману ко Мурамцу,
И приезжал-то тут Алешенька со слезами же:
130 «Уж ты ой еси же, старой наш седатой же,
А уж Илья ты у нас да Илья Мурамець,
Илья Мурамец же сын да всё Иванович,
А и этот богатырь-от очунь, очунь же сильней же,
А как под им-то конь же у его да как же лютой зверь,
135 А как он же на кони сидит, как сенна куча,
А ише он же сам-то с собой да приговариват:
„А я лёкко верчу своей да палицой булатною,
И уж я так буду вертеть Илейкой-то я Мурамцом“».
И тогда говорил-то же старой-то седатой-от:
140 «И мне-ка старому-ту седатому заменитисе неким же,
Мне надоть ехать самому к заставы богатырьскою,
И мне-ка надо поборотьсе с премладеньким
с Подсокольничком».
И выходил он скоро старой-от седатой-от
Из бела шатра полотьнена,
145 И он же брал своего конеюшка Белеюшка,
И одевал он на себя латы богатырьские,
И он скакал скоро на своего же добра коня,
Он поехал-то скоро в заставу богатырьскую,
А и приезжал-то он к заставы богатырьскою,

150 А и он крычал-то зычал своим голосом богатырьским же:
«Уж ты ой еси, премладенькой Подсокольничок,
И ты зачем заехал к нам в заставу богатырьскую,
И ты без моего-то всё ты без приказаньица,
А податаманья-те Добрынюшки Никитича,
155 Асаулу-ту Алешеньки Поповича,
И не кладешь ты ему много счётненькой золотой казны?»
А и тут премладенькой тут да Подсокольничок,
А тут же он поворачи́л да своего добра́ коня
А богатырьского на Илью, на Илью же Мурамца,
160 И тут Илья-то же сын же всё да всё Иванович
Не убоялсе, не устрашилсе он,
И он премла́дого же всё да Подсокольничка,
И он же ехал прямо на него да на своем коне.
Э и они друг с другом же скоро всё съезжалисе,
165 А они вострыма копьями всё и билисе,
А они ихны-ти востры копьица потупилисе,
И потупилисе у их да всё помялисе.
И они скакали скоро на матушку на сыру́ землю,
И они хватались-то друг с другом да рукопашной бой,
170 А они билисе-боролисе трои суточки,
А они в полуколен в землю да всё стопталисе,
А как же старой-от седатой Илья Мурамец,
А он умел-то правой ножочкой подкорючивать,
Подкорючил еще премла́дого Подсокольничка,
175 Тут же падал Подсокольничок на матушку сыру́ землю.
А как садилсе Илья Мурамец на белы́ груди,
И он хотел-то у его пороть да груди белые,
И вынимать-то же хотел у его ретиво́ серьцо́,
А и сам говорил же он ему да таковы слова:
180 «А уж ты ой еси, премладенькой Подсокольничок,
Ты скажи-ко мне да ты какого отца, матушки,
Ише хто у тя да есь да ро́дной батюшко?
А ише хто у тя же есь да ро́дна матушка?»
И ответ держал премла́дой Подсокольничок:
185 «Я бы был бы у тя да на белы́х грудя́х,
Не спросил бы я не роду всё, не племени,
Я порол бы у тя да белы́ груди,
Вынимал бы я у тя да ретиво́ серьцо́».
Говорил-то Илья да на второй же раз,
190 Говорил же Илья да на третей же раз,
Ише он ему да всё не сказывал.
Он увидел у его да на правой груди
Золотой-от крест-от был всё с надписью,
Шшо написано было имя-те отечесьво
(Его имя Ильи Мурамца было подписано),
195 А на правой руки да золотой перстень,
А с дорогима-ти со ставочками драгоценныма.
И тут увидел Илья свое имя всё, отечесьво,
Подымал его со матушки да со сырой земли,
Он своима-ти да ручкам белыма,
200 А человал же он его в уста сахарные,
Называл его да чадом миленьким:

«А чадо милое мое да ты любимое,
А ты из города идёшь же всё из Кóнцыря,
От королевы едешь всё от Маринки дочь Кандальевны,
Ты приедешь, мое чадо же любимое,
Во белóй же мой шатер да во полóтьненой,
Э ко своему же ты да к рóдну батюшку,
А й ко Ильи же ты да всё ко Мурамцу,
Ты ко Мурамцу да всё ко Ивановичу,
И побеседуешь да с рóдным батюшком,
Во белóм же шатри да во полóтьненом,
А мы попьем с тобой же водочек сладких заморьских же».
И тут они же пили, ели во белых шатрах да во полотьненых,
Трое суточки сидели они всё беседывали,
На четверты же суточки же он поехал же,
Во свой же город он же всё во Кóнцырь-от,
И тут наказывал же и им же старой-от седатой-от
Королевы да целобитьицо,
Так его-то же да родной матушки,
А и как Маринки-то дочери Кандальевны,
И наказывал же он да чаду милому,
Уж как милому да всё любимому,
Как премладенькому да Подсокольничку:
«А ты не езди дале во чистó поле,
И во широкое всё да во роздольицо,
Ише к тем же к заставам богатырьским же,
На какого же ты богáтыря да всё навéрнишьсе,
И положишь ты во чистом да свою буйну голову».

94

ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА ВО ЧИСТО ПОЛЕ

Ише жил-то был Илья, да Илья Мурамец,
Ише ездил Илья да по чисту полю,
По широкому ездил да по роздольицу.
Он наехал-то к трем же всё дорожечкам,
И к трем наехал да ко расстанюшкам.
У росстанюшок стояло три железных-то столбика,
На етих столбиках было всё подписано:
«Прямо ехать да быть-то богату быть,
Вправо ехать да всё жонату быть,
Влево ехать да всё убиту быть».
Призадумалсе старой-от седатой-от,
Ише тот ли богатырь, Илья Муромец сын Иванович:
«Мне-ка, братцы, да во чистом-то полюшке была смерть не писана,
Мне святыма ангелами было всё предсказано».
Он же думал, сидел да на добрóм кони,
На добрóм кони сидел да на богатырьском же:
«Я поеду разве старой-от седатой-от,
Где женату да мне-ка съездить всё узнать надо,
Я поеду попроведаю да во ту дорожочку».

20 Тут поехал старой-от седатой-от,
Ехал он же не малое же время-то,
Приезжает — королесьво стоит очунь-от прекрасное,
Приезжал-то ко терему он королеському,
Выходила на крыльцо да королева-то прекрасная,
25 Она кланялась же старому-седатому низёхонько:
«Уж здрастуй-ко, здрастуй-ко, доброй молодець,
Ты могучой, славной руськой богатырь же,
Ты по имени Илья да сын Иванович,
Приходи же ты ко мне в мои покои королевьские».
30 А проводила Илью премладая да королевисьня
В свои-то она в полаты в королевьские,
[О]на садила Илью да на диваны-ти заморски-ти да на ковры его,
На дорогие-то ковры заморские,
И ко столичку садила она да всё ко окольнему,
35 За салфеточку садила за шелковую,
За шелковую салфеточку заморьскую,
И угощала Илью она кушаньеми всё сахарныма,
И дорогима-ти напиточками всё заморскима.
Наливала ему чарочку да золоченую,
40 Золоченую чарочку да королевьскую,
И дорогого напиточку заморьского;
Подносила ему да низко кланялась:
«Уж ты могучой ты славной русьской же богатырь же,
А Илья ты да свет Иванович,
45 От меня же ты чарочку да кушай королевьскую».
Ише брал Илья чарочку да в ручку правую,
Он не пил же чарочки да под стол же лил,
А не видела всё премладая да королевисьня,
Она думала, что же он выпил ей,
50 Наливала она чарочку да во второй же раз,
Подносила же чарочку опять да Ильи Мурамцу,
Она кланялась ему да всё низехонько:
«Уж ты кушай-ко от меня, да доброй молодець,
Ты могучой же русьской же богатырь же,
55 А дорогого напиточку заморьского».
Принимал Илья от премладой королевисьны,
Принимал же он правой рученькой,
Уж он пить он не пил, всё сам под стол же лил.
Она думала, что он выпил же.
60 И наливала премладая да королевисьня,
Опять чарочку свою да золоченую,
Золоченую чарочку да королевьскую,
Подносила Ильи, да Ильи Мурамцу.
Он брал Илья у премладою да королевисьни,
65 А он брал же ету чарочку да во праву рученьку,
И он не пил-то дорогого напитку заморьского,
А выливал же он под стол да всё до донышка;
Не знала премладая да королевисьня,
А что она думала Илья да всё же пил же у ей.
70 И говорила тогда премладая королевисьня:
«И уж ты ой еси, Илья, да Илья Мурамець,

И не желаешь ты со мной да ночку ночевати же,
И на моей ли ты полати королевьскою,
И на моей ли ты на кроватушки на кисовою?
75 И на моей ли ты на перинушки на пуховою?»
И говорил тогда Илья-то, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець говорил да сын Иванович:
«И ты ложись-ко ты наперед, прекрасная королевисьня,
Э и на кроваточку вались да на кисовую,
80 А на периночку ложись ты на пуховую».
А премладая прекрасная королевисьня
Не ложится она на кроваточку,
На кисовую на перинушку на пуховую,
Говорила премладая королевисьня:
85 «А и ты ложись-ко-се наперед же, сам богатырь же».
Тут же брал Илья же Мурамец,
Уже брал и скоро прекрасную королевисьню,
Уже брал он в охапочку,
Он кинал ей скоро на кроваточку,
90 И на ту ли на кроваточку на кисовую,
И на периночку кинал ей на пуховую,
Полетела скоро прекрасная королевисьня,
Полетела она скоро в испод же она,
Она на те ли полетела подкопы глубокие,
95 Она на те ли полетела копья на вострые,
Там кричали, что «летит, ребята, сама прекрасная королевисьня».
Над кроватою-ту прямо весли спицьки же,
А и как весли-то ключи да золотые же,
И он же брал Илья, Илья да же Мурамец,
100 И брал он со спицьки ключи скоро золотые же,
Он пошел скоро, спускалсе по лесенкам,
И он по тем ли по калидорам пошел королевским же,
И он по лесенькам спускалсе всё в испод же он,
И нашел он тут же подкопы глубокие,
105 Он нашел тут замки заморские,
И отмыкал скоро ключами золотыма же,
И отпирал же он скоро двери же на пяту.
Как народу-ту сидело тут бесцисленно,
И как премладых-то сидело всё королевицей,
110 И премладеньких сидело всё царевицей,
А што хресьяньского народу сидело православного.
И говорил тогда же им да Илья Мурамець,
Э Илья Мурамець же говорил да сын Иванович:
«Э уж теперь вам, братцы, воля-та, воля вольная,
115 И хоть подите вы теперь домой на свою родину,
И вы берите-ко добрых коней своих же всё,
И вы садитесь-ко на их да поезжайте же,
И ко своим вы ко отцам да ко матушкам,
Ко своим вы поезжайте к молодым жонам,
120 И молодым жонам да к малым деточкам»,
И как-от взял он тогда копьице же вострое,
И брал он взял же в руки свою палицю булатную,
И он отсек у прекрасной у премладою королевисьни,

Он отсек у ей-то взял да буйну голову,
Э и тогда взял он ей зажог да всё королесьво же,
Э и не королева-та была да всё прекрасная,
А ето была-то всё же ведьма, змея проклятая,
А наводила она красоту на себя прекрасную,
И она прельшшала-то премладых-то королевицей,
И она премладеньких прельшшала да всё царевицей.

95

МИКИТУШКА ЗАЛЕШАНИН

Как во славном было во городи во Киеви,
И как у ласкова у князя было у Владимера,
И заводилсе у его почесён пир,
И на пиру-ту с им было сидели его бояра любимыя,
А всё бояре его, дворяна всё любимыя.
И тут у Ильи-то Муромца велось с князем Владимером,
У их ссора шла с князём всё великая,
Отказал Илью князь его Владимер же:
«И не евлейсе ко мне боле да во красён Киев-град».
Тут не долгоё же времечка прошло оно,
Захотелосе старому-седатому,
А и как тому ли всё Ильи да сыну Ивановичу,
Попроведать да про город Киев-от
И про князя-то Владимера,
Ишше что тако у князя Владимера делаитце,
И он пошел нарядилсе Микитушкой Залéшанином,
И што не узнал его да князь да всё Владимер же.
Приходил-то Никитушка Залéшанин
Он ко терему-ту всё да княженеському,
И заходил-то он во грины княженеськие,
И заходил скоро Никитушка Залéшанин,
Где сидел князь Владимер да Святослаёвич,
Он с боярами сидел да всё с дворянами,
И они пили, ели сидели да веселилисе.
А и тут Микитушка Залéшанин приходил же к ним,
И он молилсе-то же осподу, низко кланялсе,
И он же князю-ту Владимеру поклонилсе же:
«Уж ты здрастуй, здрастуй, князь Владимер Святослаёвич».
— «Уж ты здраствуй, здрастуй, Никитушка Залéшанин,
И ты садись-ко-се ко мне к князю Владимеру,
И ты попить, поисть да всё покушати,
Ише беленькой лебёдушки порушати,
И порушати лебёдушки, покушати».
И говорил-то князю Владимеру
Как Никитушка-то говорил Залéшанин:
«Ты же, князь Владимер, сидишь всё с воронами,
А меня садишь да всё да с воронятами!»
Ето князю Владимеру да не злюбилосе,
Он закричал-то всё зычным своим голосом:
«Уж вы ой еси, да слуги вы да княженеськие,
Вы подите-ко зовите могучих русьских всё богатырей,

Чтоб убрали отсюль Микитушку Залéшанина!»
Говорил тогда Микитушка да сын Залéшанин,
Говорил же он князю Владимеру да таковы слова:
45 «Уж ты ой еси же, князь Владимер же,
Ты сидишь да всё с воронами,
А меня садишь, Микитушка Залéшанина, да с воронятами!»
Говорил-то князь Владимер таковы слова:
«Уж вы ой еси, богáтыри могучие,
50 Вы возьмите Микитушку же выведите
Из моей-то грины всё да княженеською».
Тут богáтыри к Никитушки же прибежали к нему,
Ишше стали Микитушку попехивати,
Микитушку-ту Залéшанина попинывать,
55 Тут же взял Микитушка Залéшанин,
Взял богáтырей пинул одной ногой своей,
Тут же падали богáтыри да на кирпичной пол,
Они лежат, да стать не могут всё поднятисе.
Говорил-то князь же на третéй же раз:
60 «Уж вы ой еси, мои богáтыри пресильние,
Вы подите-ко Никитушку же выведите вон».
Прибежало три богáтыря,
Ишше стали Никитушку попехивати,
Стали Залéшанина попинывать,
65 Они не можут его некак столконуть,
Он стоял да не ворóхнулсе,
С буйной головы колпак да не шевелилсе у его,
И тут Микитушка жа всё Залéшанин,
Он взял богáтырей правой ногой да их попинывать,
70 Они падали скорó да на кирпичной пол,
И все лёжат они, стать не могут некак.
И тут приходил-то Добрынюшка Никитич млад,
Он ко князю-ту выходил к Владимеру:
«Уж ты ой еси же, нашо да красно солнышко,
75 Ты Владимер-князь да Святослаёвич,
И не шуточку же ты зашутил же,
А и эта шуточка тебе да как же с рук сойдет.
А и это не Никитушка пришел к тебе,
Не Залéшанин у тя, сказать строго,
80 Эта беда теперь будёт тебе да неминучая,
Ето старая же всё стареньшина,
Ишше тот ли у тя Илья да сын Иванович:
А ты тепере как етого гостя же будёшь звать его?
И некак его теперь да созовёшь же к тебе?
85 И некого послать да некому позвать,
Не послушат он теперь да некогó же он».
А и говорил тогда же князь Владимер же,
И как Владимер-князь да Святослаёвич:
«Не послать-то тебя, Добрынюшку Микитича,
90 Э и не послать-то тебя, да свет Микитича?»
И так у Добрынюшки же было с старым же с седатым же,
С Ильей-то да сыном Мурамцом,
У их кладена была же заповедь великая,
Што старшому же будет слушать младшого,

95 Ише старшому же слушать младшого.
«И ты поезжай, Добрынюшка Микитич млад,
Ты зови-ко-се старого-седатого,
Ты ко мне, ко князю ко Владимеру,
На почесён пир да пировать ко мне,
100 И не узнал я его некак же всё,
Я [в]место Микитушку почтил вместо Залёшанина».
И тут скоро Добрынюшка Микитич млад,
Он пошел скоро на широкой двор,
Он же брал-то своего добра коня,
105 Он добра коня скоро же брал да богатырского,
Он садилсе Добрынюшка скоро же да на добра коня,
Он поехал далече во чисто поле́,
Во чисто полё широкоё раздольицо,
Где-ка был-то старой-седатой-от,
110 Ише тот ли Илья, Илья же Мурамець,
Илья Мурамець да сын Иванович.
Он налаживал на князя-то Владимера,
Он на его на грины княженеськие,
Он же клал-то стрелоцьки калёныя,
115 Он [в] свой же он да во тяжолой лук,
И он хотел устрелить прямо во грины княженеськие,
И тут говорил Добрынюшка Микитиць млад:
«Уж ты ой еси, мой брателко крестовой же,
Уж ты старой седатой Илья Мурамець,
120 Илья Мурамець да сын Иванович,
И ты послушай-ко меня, брата крестового,
Ты Добрынюшку ишше же всё Микитича:
У нас с тобой была кладена да заповедь великая,
Што старшому же брату слушать младшого,
125 А ише младшему же слушать брата старшого,
И тебе звал-то нашо красно солнышко,
Как великий князь Владимер Святослаевич,
На почесён пир да пировать тебя».
Говорил тогда же Илья Муромець,
130 Илья Мурамець да сын Иванович:
«Ишше знал же князь Владимер кого послать,
Кого послать да кого позвать,
У мне наложена сечас же стрелоцка калёная
И на князя Владимера во грину его да княженеськую».

96

КАМСКОЕ ПОБОИШШО

Был-жил-от Камское велико побоишшо,
Собиралось сорок королей да сорок королевичей,
Ише сорок-то царей было, сорок царевицей,
Ише сорок было атаманов, сорок атаманишшков,
5 И под каждым королем было силы сорок тысяцей,
И под каждым королевичом сорок тысяцей,
И под каждым-то царем было сорок тысяцей,
И под каждым-то царевичом было сорок тысяцей,

И под атаманами было сорок тысящей,
10 Под атаманшиками было сорок тысящей.
Как от духу-ту было тотарьского
Не пекло сонцо красное,
И не дули-то ветры буйные,
Красно солнышко да помрачилосе,
15 Светел месяц не светел же.
И как от пару-ту от кониного-лошадиного
Мать сыра земля да потрясаласе,
Из озер-то вся вода из рек да выливаласе,
Приближались они ко красному городу ко Киеву
20 И ко ласковому князю ко Владимеру.
Услыхал-то тут да нашо красно солнышко,
Как Владимер-от князь да Святослаевич,
Что приближаетсе-от сила-то неверная,
И неверна сила, Камское побоишшо,
25 Как ко городу славному Киеву.
У князя-то Владимера
Как во Киеви богатырей не случилосе,
Не случилосе, не пригодилосе,
Они розъехались да по своим местам,
30 По своим местам да по своим домам,
Ко своим к отцам да ко своим родным матушкам,
К молодым жонам да к малым деточкам.
Одевал-то князь Владимер-от
Он печальне платье черное,
35 И он пошел-то в божьи в церкви,
Он служить-то обедни с панахидами.

(Это я слышала от своего дедушки от Гаврилы Леонтьевича, как он Маркову пел, славное там, а я слушала).

И служили, пели всё отцы-попы духовные,
Во больших церквах служили, во соборах же,
А и нашо красно-то же солнышко молилсе богу-осподу,
40 И пресвятой-то он да богородицы.
Выходил-то скоро да из божьей церквы,
И заходил-то он во грины свои княженеськие,
Приходил-то он же во свою-ту княженеськую,
И говорил же он да таковы слова:
45 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
У тебя, Добрынюшка, да рука лёккая,
Рука лёккая да перышко да лебединое,
Ты пиши скоре же ты, Добрынюшка Никитич млад,
Ты пиши-ко-се скоре же ярлычки да скорописцеты,
50 Ты зови-ко-се могучих русьских же богатырей,
Ты ко мне ко князю ко Владимеру да на почестен пир,
Как попить-поись же у мня да всё покушати,
Ише беленькой лебедушки порушати,
А порушати лебедушки, покушати,
55 А на Камское зло великое побоишшо побитисе.
И во перьву же голову пиши, Добрынюшка Никитич млад,
Ты пиши-ко-се богатыря Самсона сына Колыбаева да со
племянником,

Ише во-вторых же ты пиши же Россишшу Росшиби
колпак да со племянником,
И ты ише пиши-ко Пересмяку со племянником,
60 Ты ише пиши Перемяку со племянником,
А ты пиши-ко-се ише старого-седатого,
Ты того ли богатыря пресильного,
Как Илью-ту пиши сына Ивановича,
Ты пиши еше Святогора-то богатыря,
65 Ты пиши еще Васильюшка да Богуслаевича,
Ты пиши ише Дуная сына да всё Ивановича,
Ты ише пиши-ко-се да двух же братьицей,
И двух Сбродовичей-Петровичей,
Ише пиши-ко-се Иванушка сына Гоненовича,
70 Ты пиши-ко-се Алешеньку сына Поповича,
Ты пиши-ко-се Ваньку сына да енералова,
Ты пиши же Ваньку сына хрестьяньского,
Ты пиши-ко-се Гаврилушку да Долгополого,
Ты пиши-ко-се Чурилу сына Пленковича.
(Тут быват и какой есь да забыла может быть).
75 И кого послать же мне съездить да трои суточки,
Развозить же ети ярлычки да скорописцеты?
Мне послать-то же надо Михайлушка Егнатьевича,
У его есь же коничок да Голубанушко,
Очунь быстрой, очунь он же бойкой же,
80 Он же можот объездить трои суточки,
Обозвать же всех могучих русьских богатырей.
Уж ты клади-ко-се, Добрынюшка Никитич млад,
Скоры ярлычки клади да скорописцеты,
Уж ты в сумочку же клади во котомочку».
85 И как говорил тогда же всё Владимер-князь:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатьевич,
Поезжай-ко-се ты же всё на своем на конички на
Голубанушки,
Ты бери же скоры ярлыки да скорописцеты,
Ише суночку бери скоро котомочку,
90 И поди скоре да на широкой двор,
Ты бери-ко своего же коничка да Голубанушка».
Тут пошел скоро Михайлушко да сын Егнатьевич,
Он пошел скоро да на широкой двор,
Ише брал-то узду скоро да серебренную,
95 Одевал же на своего коничка да на Голубанушка,
И он одевал на его двенадцать опружинок серебренных,
А как тринадцату-ту клал же ремняную,
Он не для ради красы, а ради крепости,
Шго его доброй конь не выронил,
100 А не выронил с седелышка с церкальского,
Из церкальского седелышка да богатырьского.
Одевал Михайлушко Егнатьевич
На себя-то он же платье богатырьское,
И одевал же на себя латы да богатырьские,
105 Ише брал с собой да копье вострое,
Ише брал с собой он сабельку булатную,
А булатну сабельку же всё же вострую,

Он скакал скоро на своего добра коня,
На добра коня да богатырьского,
110 На своего же он на Голубанушка,
Он поехал скоро во чисто поле,
Во чисто поле, в широкое в раздольицо.
Заприезжал-то ко Самсону сыну Колыбаеву,
Ко его ко терему да ко высокому,
115 И ко высокому ко терему, к окошечку косисцетому,
Он крычал-то зычал да зычным голосом,
Э и он голосом крычал да богатырьским же,
И подал-то же ярлычки да скорописцеты,
Поклонилсе он да низко ему:
120 «Уж ты еси, Самсон же сын да Колыбаев же,
Тебя звал-то нашо красно солнышко,
Как Владимер-князь да Святослаевич,
На почесен пир да попировати же,
А на Камское побоишшо побитисе».
125 Отворачивал Михайлушко да сын Егнатьевич,
Он своего всё добра коня да Голубанушка,
Он поехал скоро за другима же,
За богатыреми за могучима,
Он их звать-то всих же всё да на почесен пир,
130 А на Камское побоишшо побитисе.
Ише скоро же Михайлушко же сын Егнатьевич,
Он объездил на своем же он на коничке,
На своем же он да на Голубанушке,
Трои суточки же всё да всех обозвал он.
135 Ише скоро тут богатыри да снаряжалисе,
Они скоро же да одевалисе,
Они скоро вси да вдруг они поехали,
Как поехали скоро ко славному ко городу,
[О]ни ко Киеву да подъезжали же,
140 Как сыра-то земля да потрясаласе,
Из рек, из озер вода да розливаласе,
Приезжали они ко терему да княженеському,
Тут стречал же их да князь Владимер Святослаевич,
Он стречал-то же их да низко кланялсе:
145 «Приходите-ко вы, дороги мои гости любимые,
Вы могучие все богатыри пресильние,
Во мою же во грину княженеськую,
За ти ли за столички дубовые,
И за те ли за скатерти за браные,
150 И за те ли всё за ества сахарные,
К дорогим-ти напиточкам заморским-то,
Вы попить, поисть да у мне же всё покушати,
А на Камское великое побоишшо побитисе».
Тут садились же богатыри могучие,
155 Как могучие богатыри пречудные,
Вони пили, ели трои суточки,
(Не порато торопились),
Они все-то были всё веселые.
Тут приходил-то нашо красно солнышко,
Как Владимер-от Святослаевич:

160 «Уж вы ой еси, мои богатыри любимые,
Вы любимы мои же все пресильния,
Вы же долго сидите да проклаждаитесь,
Над собой-ту же вы нечего всё не знаите:
Как не вешная вода да розливаитсе,
165 Как погана тотарьска сила приближаитсе,
Как ко славному городу ко Киеву».
Как приходил-то князь Владимер Святослаевич,
И говорил-то он же им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, мои богатыри любимые,
170 Уж вы рыцари да все пресильние,
Уж вам полно сидеть да проклаждатисе,
Вам пора же ехать, нужно собиратисе
А на Камско-то побоище, да приближается
Как ко городу да всё они ко Киеву».
175 А тут-то да Илья Мурамец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Он говорил-то князю всё же он Владимеру:
«А ты Владимер-князь да Святослаевич,
Убирайсе ты ко своей княгины Апраксеньи-то,
180 Апраксеньи да королевисьни,
И ты ей же да всё роспоряжайсе же,
А до нас-то тебе да всё же дела нет».
А как тут-то они пили, ели, проклаждалисе,
Не торопилисе да они не думали.
185 Боле не смел-то князь Владимер боле им да сказать нечего.
А и как тут-то пришло да времечко же всё,
А и как тут-то выходил старая стариншина из-за тех
столов из-за дубовых,
Ише крест он клал по-писанному,
Он поклон-от же вел да по-ученому,
190 Он молилсе же богу-осподу да низко кланялсе,
И князю-ту Владимеру да поклонялсе же
Со Апраксеньей-то же он да королевисьней.
И тут говорил-то старец-стареньшина:
«Ище нам полно, братцы, проклаждатисе
195 И сидеть же што да веселитисе,
И пора нам ехать во чисто поле.
Во широкое да во роздольице,
На Камское же нам да всё побоишшо,
Нам поотведатьсе надо да всё побитисе».
200 Говорил тогда да Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Самсон да сын да Колыбаев же,
Уж мы будем-ко же мы да жеребей метать,
Кому достанитсе да рука правая,
А кому достанитце силы середка же».
205 А говорил тогда Илья, Илья же Мурамец:
«Поезжай-ко, Пересчёт да со племянничком,
Сосчитайте-ко вы Камское побоишшо,
Ише сколько силы-то ихной тотарьскою».
Тут поехал Пересчёт-то со племянником
210 И сосчитать-то силу неверную,
Приезжали они к силы поганою,

Как поганой силы же всё тотарьскою,
Сосчитали силушку, не могли же счету дать,
И некак нельзя да всё подумати,
215 Ише как всё равно вешная грезь да подымаласе.
И назадь же они да воротилисе,
Ко своим-то могучим русьским же богатырям,
Они ко тем ли шатрам да всё к полотьненым,
Приезжал-то Пересчёт да со племянничком,
220 Говорил-то же им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, Самсон да сын да Колыбаев же,
Уж ты Илья ты да свет Иванович,
Ише силы-то поганою тотарьскою
Нельзя некак же да всё подумати,
225 И некак же я тут не мог да сосчитать же всё,
И погана сила всё да подымаетсе
И как вешная грезь да розливаетсе,
И как им некак нельзя да всё подумати».
Говорил тогда да Илья Мурамец,
230 Илья Мурамець да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Самсон же сын да Колыбаев же,
Поезжай со своим любимым же племянницком,
В руки правую да приезжай в лесу,
А я поеду в середку в самую,
235 А в саму середку в Камское побоишшо.
Тут же стали богатыри да розъезжатисе,
[О]ни поехали во все четыре стороны,
И поехал-то старой-от седатой-от,
Ише тот ли Илья да свет Иванович,
240 Он садилсе скоро на своего-то добра коня,
На добра коня садилсе богатырьского,
И он брал в руки копьицо да свое вострое,
Они брали с собой сабельки же булатныя,
И тут зачал старой-от седатой-от,
245 И своей саблей он вострою да он помахивати,
И направо, налево стал он их отмахивати.
Он рубил-то их, метал ровно да как же мог.
И тут они билисе, дрались да трои суточки,
Не едаючи они да не пиваючи,
250 Их же тут же они да силушку великую,
Перебили всех тотар да до единого.
И тут они роскинули белы шатры полотьнены
И заснули же снами богатырьскима.
И тут не спал Алешенька Попович млад,
255 И не спал Ванька да сын да енеральской же,
И не спал Гаврилушко да Долгополой же,
И говорили они да таковы слова:
«Кабы был бы здесь бы столб до неба,
Перебили бы мы всю силу поганую,
260 А не един бы не оставили на семена».
А в ту пору же да в то же времечка,
Ише вся сила поганая да подынуласе,
Она подынулась опять снова завоевала же.
Тогда-то Алешенька Поповиць млад,

265 И Гаврилушко да Долгополой же,
И Ванька же да сын да енеральской-от
Испугалисе от страху от великого,
Розбужали они богатырей могучих же
От крепкого сна же их да богатырьского.
270 А пробужалисе богатыри же все,
Они не знают, шшо ето где сделалось,
Ише что тако с има тако приключилосе.
Они садились скоро на своих добрых коней да
богатырьских же,
Они билисе-дралисе трои суточки.
275 И они вси-то же из сил да всё повыбились,
А как они тогда же все богатыри
Как подъезжали-то ко стенам да ко каменным,
А какой приедет-от тут да тут же всё окаменет.

97

ПРО ЦАРЯ КУДРЕЯНКА

И подымалася туча темная, грозная,
А и грозна туча находила на морё на Черноё,
А и как на тот ли находила на славной Киев-град,
А и находила туча грозная на Непр-реку,
5 А и как на Непр-реку ту же да на ту ли заставу
богатырскую,
А и как на те ли на пороги всё на Непреськие.
И подходил-то тут царь да Кудреянко-то,
Кудреянко царь да всё немилосьливой,
А сы он всей-то гвардиёй силой великою.
10 А и силы-то было гвардеи-силы много у его,
А и ясну соколу не облететь будёт,
А добру молодцу будет не обьехати.
А и как ко городу-ту шел царь Кудреянко-то,
Он ко славному-ту шел да всё ко Киеву,
15 Он ко князю-ту же шел да ко Владимеру,
Ко Владимеру ко князю Святослаевичу.
Ешше сам-то он, собака царь Кудреянко-то,
А он же сам же всё да он похваляется:
«А я теперь возьму же красен Киёв-град,
20 Я своей-то гвардией да своей силою,
А вси я церквы-ти, храмы божии огню предам,
А ишше всех-то я во Киеви повыбью их,
А и не оставлю я ни младого, ни старого!»
А и как накладывал-то царь да Кудреянко,
25 А и он накладывал да калены стрелы,
А и он спускал-то калёны стрелоцьки во Киев-град.
А и он стрелял-то, крепки стрелы были у их.
А и тут же князь Владимер испугалсе же,
А и всё невéселой ходил да он печальнёй-от,
30 А у его-то жа во Киеви во городи
А што богатырей не случилось, не приключилосе.
А и тут же князь-от Владимер скоро одевалсе он.

Он во теплую одежду, надевал на себя,
Ишше брал с собой да всё туриной рог,
35 И выходил-то князь Владимер на ту стену городовую,
Он на ту ли-то на башню наугольнюю,
А и он брал-то в руку в правую туриной рог,
А и он во левую-ту рученьку струночки золоченые,
А и он вострубил-то князь да во туриной рог.
40 А й услышали-то тут ездили богатыри
А и как по той ли-то они заставы богатырскою.
И во-первых услышали они по игрышшам,
Как у князя-та Владимера говорил-то он,
А и зазывал-то он богатырей могучих он,
45 А и во-первых-то он богатыря Илью Муромца,
А во-вторых-то он Добрынюшку Никитича,
А во-третьих-то звал Иванушка сына Годиновича.
А в четвертых-то же звал Алешеньку Поповича,
А и он звал-то ишше Дуная сына Ивановича,
50 И ешше звал-то он и Васильюшку Богуслаёвича.
И тут услышали-то богатыри могучие,
Они скоро-то они да скакали же
Со белых шатров они да одевалисе,
И они садилисе богатыри на добрых коней,
55 Э они поехали ко городу ко Киеву,
А и ко той ли заставы они богатырскою.
Э и как приезжали они ко князю ко Владимеру,
И как стречал-то их-то князь Владимер всё,
А и повел-то князь Владимер их во полаты княженеськие,
60 А и он садил-то их за столички за окольние,
А и он поил-то их дорогима-ти водочками,
А и как дорогима-ти же всё же он заморьскима,
И угошшал-то их же ествами сахарныма,
А и они пили, ели богатыри досыта же,
65 А они допьяна же они да напивалисе,
И они попили-то же тут они, покушали.
И говорил-то им же князь да всё Владимер-от:
«А и уж вы ой еси, мои вы могучи русьские богатыри,
А и я скажу-те вам же што да всё же то:
70 А вы съездите да всё в заставу богатырьскую,
А и как к заставы богатырьскою пришел-то царь Кудреянка сам,
Как Кудреянка-царь пришел да всё немилосьливой,
Он поставил свои лагери тотарьские,
А и как пришла-то с им-то сила-та же гвардея,
75 А много-много силушки да царя Кудреянка,
А и нельзя думушкой нельзя да всё подумати,
А и крепким разумом нельзя да всё подумати,
А и ясному-ту соколу не облететь будёт,
А добру молодцу не объехати».
80 И тут говорил Илья да Илья Муромець,
А и Илья Муромець же сын да всё Ивановиць:
«А и уж ты ой еси, ты князь да всё Владимер же,
А й ты Владимер-князь же у нас да Святославёвиць,
А и не тужи ты об том, тебе осподь не велел!
85 А и тут не твоя печель же, князь Владимер же!

А теперь наше дело то да богатырьскоё,
А мы теперь знам да шшо же нам да дело делати,
Э и уж как надо всё нам да со царем с Кудреянком-то,
С Кудреянком-то царем да всё немилосьливым.
90 А мы поступим-то с им да как нам надобно,
А мы подумам-то своим умом богатырьским же».
И говорил-то тогда да Илья Муромець:
«А и уж ой еси, мои богатыри все могучие,
А и мы подумам-ко, подумам своим умом же разумом,
95 Ишше как нам ловче да всё же ехати
Э и за Непр-реку-ту нам да за заставу богатырьскую
А и ко тому ли ко царю да Кудреянку-ту,
А и Кудреянку-ту царю да всё немилосьливому.
А и ты во-первых-то поедем-ко, Добрынюшка Никитиць млад,
100 А и во-третьих-то ты поедем, Дунай же сын Ивановиць,
А и ты ишше-то поедем, Иванушко сын Гонёновиць,
А и ты ишшо-то же поедем, Алешенька Поповиць млад!»
А и выходили-то из-за столицьков окольних же,
А они молились-то, богу-осподу же кланялись,
105 А князю Владимеру челом били в праву рученьку
Со княгиною Апраксеньей-королевисьнёй.
А выходили они же скоро на широкой двор,
На широкой двор же они да на княженейской-от,
Ко своим-то они к добрым коням богатырьским же.
110 А они же брали-то же их за повода шелковые,
Они садились на своих коней богатырьских же,
А они брали-то с собой свои сабли вострые,
А они же брали с собой копьица булатные,
Они садились скоро на своих-то коней богатырьских-то,
115 Они поехали-то скоро за Непр-реку,
На заставу поехали богатырьскую,
А ишше к тим-то лагерям-шатрам тотарьским-то,
Ко тому ли ко царю да Кудреянку-ту.
А и тут подъезжали-то могучи русьски богатыри.
120 Как смотрял-то тут Илья да Илья Муромець,
Ишше Муромець Илья да сын Ивановиць,
А он смотрял-то брал в рученьку да свою правую,
А и брал он трубоцьку-ту брал да всё подзорную,
А и он смотрял-то же во трубоцьку в подзорную,
125 А и как с которой сторонушки да им же ехати,
Э и где не мало же есь да силы-армии,
Э и как с которой со сторонушки им ехати.
Розглядел тогда Илья да Илья Муромець:
«Э и уж тут надо ехать, братцы, с правой стороночки,
130 Э и надо брать-то в руки сабли вострые,
Э и нам рубить-то надо царя да Кудреянка же,
Э и всего его со силой да всё со армиёй,
Э и не оставлять-то да всё на семена!»
А ишше тут-то же садилисе могучи русьски богатыри
135 А и на своих-то они же скоро на добрых коней,
Э и они брали-то в руки сабли вострые,
А они поехали прямо в силу, в армию.
А как Илья тоже поехал, Илья Муромець,

Э и он поехал-то в серёдку силы-армеи.
140 А и как зацял-то Илья да Илья Муромець
А и как своей саблею-то своей же вострою помахивать,
А как на праву-ту махнет — да лежала улица,
А на лево отмахнёт — да переулками.
А как с левой-то с руки зацяли богатыри,
145 А ишше зацял тут Иванушко сын Гоненовиць,
А и тут зацял-то Добрынюшка Никитич млад,
Тут же зацял-то Васильюшко Богуслаевиць,
А и тут же зацял-то Алешенька сын Поповиць же,
И перебили они силу-ту всю армею,
150 А и как того ли они царя да Кудреянка же,
А и перебили до единого, не оставили.
А и вси во городи во Киеви взволновалсе народ
А и на того ли на царя да на Кудреянка же,
Побежали за им кто кому желательнёё,
155 А хто с топорами же за им да кто с орудиёй жа.
А Кудреянко-царь немилосьлив испугалсе он,
А испугалсе он же сам, воротилсе же,
А и воротилсе он назадь, да всё уехал от их,
А и не могли-то они найти царя Кудреянка-та.
(Спряталсе где-то!)

98

КАК ЖЕНИЛСЯ ДОБРЫНЮШКА МИКИТИЧ МЛАД

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ, ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ, ДОБРЫНЯ В ОТЪЕЗДЕ]

Как не белая березёнька к земле клонитце,
Единородной-от доброй молодец перед матушкой низко кланяетсе,
Как могучой наш руськой богатырь-от,
Как Добрынюшка Микитич млад,
5 Говорил тогда Добрынюшка родной матушки:
«И благослови-ко меня, родна матушка,
Ты чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Мне-ка съездить-то далече во чисто полё,
Во чисто полё, в широкоё роздольицо,
10 На Пучай мене речку быструю,
Мне-ка съездить, младому, да покупатисе».
Говорила тогда Добрынюшки родна матушка,
Как чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Я да чадо ты моё младоё,
15 Уж ты младоё моё же всё любимоё,
Ишше как Пучай-от речка быстрая,
И то есть у ней да три струёчки:
Как перьвая-то же струечка очунь быстрая,
Ишше как-то огненно пламя пышет-то,
20 А как вторая-та же струйка всё ровно как столб огненной,
Как третья-то струйка очунь быстрая,
Не купайсе ты же, Добрынюшка Микитич млад,
Ты послушай своей же да родной матушки:

Не купайсе ты, Добрынюшка, нагим телом».
25 Благословила тут Добрынюшку родна матушка,
Провожала его Микитича далёшенько.
Как поехал скоро Добрынюшка Микитич млад,
Он поехал-то на Пучай да речку быструю,
Приезжал скоро Добрынюшка Микитич млад,
30 На Пучай же он на реченьку быструю,
Ишше скоро он розделсе же нагим телом,
Он спускалсе скоро-то да во Пучай-реку,
Он купалсе-то Добрынюшка он долгёшенько,
Ишше же захотелосе Добрынюшки,
35 Захотелосе всё же Микитичу
На серой камешочик посидеть же ему,
Посидеть же, отдохнуть да добру молодцу,
Всё могучому же русьскому богатырю,
Ишше смотрил же тут Добрынюшка Микитич млад
40 Он на все-то четыре же всё на стороны,
Он во летную смотрял да всё, во северну,
Он в восточную смотрел стороночку, во западную;
Как со западной сторонушки туча тучилась,
Туча грозная же всё да подымаласе,
45 И не дождь дождил, не всё погодушка же великая падала,
Налетела тут-то змея да змея лютая,
Змея лютая же, всё же она проклятая.
Она говорила Добрынюшки Микитичу:
«Я летаю ишшу Добрынюшку Микитича,
50 Я теперь тебя, Добрынюшка, водой затоплю,
Я теперь тебя, Микитича, во свои возьму хоботы змеиныя,
Унесу я тебя на съеденьицо на те ли горы Сарачиньские
Я к своим же всё малым тебя змеёнышам.
Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
55 «Ах ты змея, ты же да всё проклятая,
Ты не хвастай-ко, змея да всё же лютая,
Ишше как же мне тебе да осподь выдает».
Как укурнул-то Добрынюшка Никитич-то,
Он укурнул взял на донышко,
60 Ко бережку крутому же выкурнул,
Выбегал скоро, выскакивал на добра коня,
Одевал скоро на себя платьё богатырьское,
А ишше надевал-то Добрынюшка
На себя скоро он же латы богатырьские,
65 Он скакал скоро на своего коня на богатырьсково,
Он поехал-то скоро далече да во чисто полё,
Он стегал-то своего добра коня же всё,
Он своего шелковой всё же плёточкой,
Настыгла-то Добрынюшку Никитича,
70 Как настыгла-то его жадна змея лютая,
Змея лютая проклятая:
«Ты теперь у мня, Добрынюшка, в моих в руках,
Я теперь тебя, Добрыня, в хоботы возьму в змеиныя,
Я теперь тебя, Добрынюшка, на раз сголону,
75 Унесу я тебя, Добрыня, на ти ли горы Сарачиньския,
Ко своим-то я ко малым-то ко деточкам,

Я ко малым ко змеёвишам».
Ишше тут-то Добрыня Микитич брал,
Уж он брал-то в руки плёточку семишолкову,
80 Ишше ахнул-то взял он змею же лютую,
Он ушиб ей, взял-то три крыла змеёных-то,
Они тут-то взяли друг с другом съезжалисе.
Как Добрынюшка Микитич млад
Он скакал скоро же со своего с добра коня,
85 Со добра коня да с богатырьского,
Они бой держали с змеёю,
С змеёй проклятою,
Они боролисе с змеёю, всё же браталисе.
Как свалил-то взял Добрынюшка Никитич млад,
90 Он свалил-то взял же змею да всё проклятую
Он на матушку её да на сыру землю,
Он садилсе-то скакал на чёрны груди,
Он хотел у ей пороть да груди чёрные,
Вынимать-то же хотел у ей да ретиво серцо.
95 Ишше лютая змея тогда змолиласе,
Она змолиласе Добрынюшки Микитичу:
«Ты не губи-ко-се меня, Добрынюшка Микитич млад,
Мы положим-ко, Добрынюшка, с тобой заповедь,
Уж мы заповедь с тобой да всё великую:
100 Тебе, Добрынюшка, не ездить на ти горы да Сарачийския,
Не губить-то моих же да малых деточек,
Ишше тех ли всё моих змеёнышей,
Мне не лететь-то же боле на святую Русь,
Не носить-то мне боле руських людей;
105 Назову я тебя, Добрыня, старшим братом-то,
Я тебе теперь, Добрыня, младшою сестрой».
Тогда Добрынюшка Никитич млад
Он поверил-то змей лютою,
Змеи лютою, проклятою.
110 Ишше Добрынюшка же был да очунь же младой он,
И Микитич же ума-разума не крепкого,
Он поверил змеи лютою,
Думат: «Ладно ето будёт же».
Он спускал-то её скоро же,
Подымаласе змея да змея лютая,
115 Змея лютая проклятая,
Высоко да поднялаcе всё под небеса,
Выше лесу-то она стоячего,
Выше облако ходячого,
Полетела она, сама похвастала:
120 «Я полечу теперь в славной Киёв-град,
Унесу я князя Владимера
Я любиму-ту его племянницу,
Ишше молоду Забаву доць Путятисьню».
Полетела тогда змея проклятая
125 Она во славной-то во Киев-град.
Во ту пору, во то времечко
Как ходила молодая-то
Как Забава дочь Путятисьня

Она со нянюшками, со мамушками,
130 Она гуляла-то в зеленом саду;
Она схватила ей змея лютая,
Змéя лютая, проклятая
Ишшу молоду Забаву доць Путятисьню
Во свои же крылья змеиныя,
135 Унесла же на горы Сарачийския
Ко своим она к маленьким змеёнышам.
Во ту же пору, в то же времечка
Красно солнышко Владимер-князь
Стал ыскать-то он свою любимую племянницу,
140 Ишше молоду Забаву дочь Путятисьню,
Он негде не мог ей не найти же всё.
Ише зачал Владимер клúкать-кликáти,
Призывать-то стал волшебницей, —
И те-то не могли сыскать ее.
145 Собирал тогда князь же Владимер же,
Собирал же он почесен пир,
Зазывал-то всех богáтырей могучих-то:
Ишше кто можот достать его любимую племянницу,
Ишше молоду Забаву доць Путятисьню?
150 И тут на пиру-ту у князя у Владимера
И нехто-то не мог зыскать, сказать.
Как на том-то пиру сидел же тут,
Как сидел-то Алешенька Попович млад,
Говорил-то он ко князю Владимеру:
155 «Уж ты ой еси, князь Владимер же,
Ты Владимер-князь же Святослаевич,
У Добрынюшки с змеёй да была заповедь у его положона:
И шшо не летать-то змеи лютой на святую Русь,
Не носить-то боле людей да всё русьских же,
160 А Добрынюшке не ездить на те горы Сарачийския,
Не топтать-то ее змеенышей малых деточек».
Э тогда говорил-то князь Владимер-от:
«Уж ты ой еси, Добрыня Микитич млад,
Уж ты съезди, достань мою племянницу любимую,
165 Ишше молоду Забаву дочь Путятисьню».
Тут ставал Добрынюшка Микитич млад,
И ставал скоро из-за тех ли столичков окольних же,
Выходил же скоро из-за столов же вон,
Ишше князя-то Владимера благодарил его,
170 Ишше за хлеб его, за соль,
И пошел домой Добрыня Никитич нерадосьнёй,
Он нерадосьнёй пошел да всё невéселой
Ко своей же он да к родной матушки,
Ко чесной вдовы Амельфы Тимофеевны.
175 А как стречала его да родна матушка,
И как Амельфа Тимофеевна,
И говорил тогда Добрынюшка Никитич млад,
И говорил-то он своей-то родной матушки:
«И ты пошто меня, родима моя матушка,
180 И мня бессчастного Добрынюшку спородила?
А и мне накинул он службу великую,

А и мне накинул он службы великую,
А и мне-ка съездить-то на те горы Сарачийския,
И к проклятой-то мне съездить змеи проклятою,
И как достать-то, привезти от ей его любимую племянницу,
185 Ишше ту ли-то Забаву-ту дочь Путятисьню».
И тут заплакала Добрынюшкина да родна матушка.
И как чесна-то всё вдова Амелфа Тимофеевна вот говорила,
А во слезах-то она речь ему говорила:
«Уж мой мило ты моё чадо милоё,
190 А и чадо милоё моё же ты любимоё,
А и ты Добрынюшка у мня да всё Микитич млад,
А и я спородила тебя да млада Добрынюшку,
Э и без родителя-то я возростила тебя, батюшка,
А я без князя-то Никиты-то Ивановича,
195 Э и я скажу тебе, Добрынюшка Микитич млад,
Э и ты поди-ко-се во конюшенку стоялою,
И где стоит-то твоёго-то дедушка родимого конь,
Он стоит у мня зарошшен полуколен в назиму,
А и как насыпано у него пшеници белояровой,
200 И ты бери, бери его, коня же дедушкова,
А и как дедушков же конь да очунь бойкой был,
Вот и он можот-то он съездить на ти горы Сарачийския,
Притоптать-то можот у змеи проклятой всех змеёнышей.
И тут пошел скоро Добрынюшка Никитич млад,
205 И ишше брал скоро со спички узду серебренную,
И надевал-то на коня да всё дедушкова,
И выводил-то он коня добра из конюшонки,
И надевал на его узду да повод-от шолковой-от,
И вон насыпал-то к добру коню пшеници белояровой,
210 И сам заходил-то в конюшенки княженеськие,
И ко родимой ко своей же он ко матушки,
И ко чесной вдовы к Омельфи Тимофеевны.
И говорила тогда Добрынюшки родна матушка:
«Уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
215 А и чадо милоё моё да ты любимоё,
А и што скажу тебе я да всё поведаю:
А и ты возьми, возьми-ко-се да семишолковую,
А и семишолкову возьми да ты же плеточку,
А и твой родной-от батюшка без плеточки не езживал,
220 А она можот-то тебя выручить от лютой змеи».
И ишше брал-то же Добрыня от родной матушки,
Ишше брал-то он плёточку шелковую.
И говорила-то Добрынюшки,
Говорила ему да родна матушка:
225 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
Уж ты будёшь на тих горах да Сарачиньских же,
Ишше будёшь бой держать да всё с лютой змеёй,
Ишше будёшь со змеёй же ты же боротисе,
И боротисе будёшь с змеёю да воеватисе,
230 И победишь же ты да змею лютую,
И змею лютую да всё проклятую,
Вот от крови-то будёт всё от змеиною,
И мать сыра земля да всё наполнитсе,

Не подымать-то ее крови будет всё змеиною
235 Ишше матушка да всё сыра земля,
И ты ударь-ко, ударь же мать сыру землю,
Ишше три же раз ударь да проговори же ей:
„Ты роздайсе, росступись, да мать сыра земля,
И прими-ко, прими да кровь змеиную“».
240 И тогда Добрынюшка Микитич млад,
Он же падал родной матушки да во резвы ноги,
Как чесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
Благословляла его да родна матушка,
А она сама же всё слезно плакала,
245 И провожала его да родна матушка
В путь-дорожочку же всё во дальнюю,
И провожала она да слезно плакала,
И вот поехал-то Добрынюшка Микитич млад.
Ехал Добрынюшка да по чисту полю,
250 По широкому он ехал всё роздольицу,
Повстречаласе с Добрынюшкой да змея лютая,
Змея лютая да всё проклятая:
«А и Добрынюшка да ты Никитич млад,
У нас была-то с тобой заповедь же кладёна,
255 Что те не ездить боле-то на те горы да Сарачийския,
Не топтать-то, не бить моих да малых деточек,
И ты не по слову, Добрыня, всё же делаёшь».
— «Ах ты змея, ты змея да лютая,
Змея лютая да ты проклятая,
260 Ты зачем, проклята змея ты лютая,
Не по слову ты сама сделала?
А улетела же ты да в славной Киёв-град,
Унесла у князя ты да у Владимера
И унесла у его любиму племянницю,
265 Ишше молодую Забаву доць Путятисьню!»
И тут Добрынюшка да всё Никитич млад,
Он же брал-то брал в руки да саблю вострую,
Саблю вострую да богатырьскую,
Он махнул-то же саблей вострою,
270 Он отшиб у ей-то шесть хоботов змеиных-то.
Ишше тут змея лютая,
И тут лютая змея да всё проклятая,
Она падала на матушку да на сыру землю.
Он скакал, Добрынюшка, скоро да на сыру землю,
275 И тут брал он же хотел пороть у ей да груди черные,
Вынимать-то хотел у ей ретиво серьцо.
И как он у ей не верил сушши правды-то,
И он порол у ей скоро да груди черныя,
И тут не спрашивал ее он молья-та
(Она к нему взмолилась, чтобы оставил в живых),
280 И вот спорол у ей же да груди черныя,
И от крови-то было змеиною
И мать сыра земля наполниласе,
Ишше тут-то его доброй конь,
И стоял-то он полуколен в крови,
285 И так не можот Добрынюшка кровью убратисе.

Ишше тут она Добрынюшке наказывала,
Ему наказывала его да родна матушка:
«Ишше хто будёт-то убьёшь-то ты змею проклятою,
И ударь, ударь ты плёточкой шелковою,
290 Ишше три-то раз во матушку сырую землю».
И проговорил Добрынюшка да змеиным голосом,
Ударил в землю он да сам возговорил:
Ты росступись-ко-се, ты мать да ты сыра земля,
Ты прими, прими же кровь же ты змеиную,
295 Што змеиную кровь же проклятую!»
И тут три-то раз-то Добрынюшка хлопнул же
Он по матушки да по сырой земле,
Тут убралась скоро же кровь змеиная
И как во матушку да всё да во сыру землю.
300 И тут Добрынюшка скоро всё Никитич млад
Он скакал скоро на своего добра коня,
На добра коня скакал да богатырьсково,
Он поехал скоро на те горы да Сарачийские,
Он к малым-то да всё змеенышам,
305 Ишше стал-то он приезжать да к норам ко змеиным-то,
Ишше стал-то он топтать да всех змеенышей,
А ишше топтать стал своим да всё добрым конем;
Ишше топчёт-то его доброй конь,
Ишше от шшоточок-от с ног да всё их стряхиват,
310 И вон перебил их, штоптал да до единого.
Заходил-то же он да скоро в ти норы да змеиные,
Он шел-то, увидел-то же в той пешшеры,
А и пешшеры-то же всё змеиною,
Как стоит-то князева любима племянница,
315 Ишше та ли Забава дочь Путятисьня.
У ей у белых грудей всё да по змеёнышу,
Ишше ссют у ей ея груди белыя.
А ишше тут Добрынюшка Микитич млад,
Ишше брал он Забаву дочь Путятисьню
320 За белы руки всё ей из норы да всё змеиною,
И садил-то ей на добра коня ее,
На добра коня садил да на богатырьского,
И повез-то ей в славной Киёв-град,
Ишше князю-то повез да ко Владимеру,
325 Ишше вез-то же ей да молоду Забаву доць Путятисьню,
И говорила тогда Забава доць Путятисьня:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець,
Я не знай тебя же как назвать по имени,
По имени назвать же, по отечесьву».
330 Ишше говорил Добрынюшка Микитич млад:
«Уж ты ой еси, молода Забава дочь Путятисьня,
Меня зовут-то же Добрынюшкой,
Меня Добрынюшкой зовут же всё Микитицем».
— «Э и как я за твою заслугу за великую,
335 Назову тебя, Добрынюшка, да родным брателком.
За твою ли услугу я, Добрынюшка,
А я, Микитич млад, иду за тебя в замужесьво».
Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад,

Ишше молодой Забавы дочери Путятисьни:
340 «Уж ты ой еси, Забава доць Путятисьня,
Ты же роду ты всё да княженеськово,
Ишше князя Владимера племянниця,
Ишше брать-то мне тебя да всё не под линию,
И я привезу тебя к родимому дядюшки,
345 Я ко князю ко Владимеру да Святослаевичу.
И ты я сдам тебя к ему на руки!»
Ишше тут-то же приезжал Добрынюшка,
Приезжал же да всё Микитич млад,
И он привозил ко князю ко Владимеру.
350 И стречал-то их Владимер-князь же Святослаевич.
Он стречал-то их же с радости, с весельица.
И сдал Добрынюшка Микитич млад,
Он же сдал-то князю Владимеру на руки,
А сам поехал же он далече во чистоё полё,
355 Во чисто полё, в широкоё в роздольицо.
Увидал Добрыня во чистом поли́
Ишше проехано у богатыря могучого,
А проехано, да земля вся же выворочона,
Ишше поехал Добрынюшка доганивать,
360 И поехал Микитич настыгать скоре́, —
Ишше какой ето ездит же богатырь же,
По чисту полю да ездит, полякуёт?
Он настиг скоро же он богатыря.
Во чистом поли́ ездит богатырь-от,
365 И то не богатырь-от сидел на кони, да как сенна куча,
Вертел-то свою палицю булатною,
Выше лесу кинал-то он стоячего,
Ишше сам же он всё да приговаривал:
«Я кинаю свою же палицу булатную;
370 Есь ли супротив меня силой, богатыря,
Ишше езжу я да по чисту полю!»
И не богатырь тут же был да не могучей же,
Поленица-та была же всё да преудалая,
Э преудалая поленица-то Настасья-та,
375 Шо Настасья была да дочь Никулисьня,
Она ездит-то по чисту полю,
Она ишшот себе да сужоного-ряженого,
И сужоного-ряжоного да себе же жениха она,
И он не можот негде розыскать же себе.
380 Подъезжал-то Добрынюшка Микитич млад
Ко Настасьи-то же он да ко Микулисьни,
Он же хлопнул своей палицею булатною
Во ту шляпу на головы же у ей.
Ета шляпа-то была ей да земли гречеськой,
385 И весом-то у ей шляпа да девяносто пудов.
Ишше хлопнул, ударил Добрынюшка
Он Настасью-ту же доць Микулисьню,
И сидит Настасья-та доць Микулисьня,
С буйной головы колпак да не своротитсе.
390 Э ишше тут-то Добрынюшка Микитич млад
И призадумалсе же он да призаплакалсе:

«Видно у мня, Добрынюшки, силы стало да не по-старому,
Не по-старому стало всё, не по-прежнему».
Тут стоял сырой-от дуб да всё же он,
395 Он ударил в дуб во всей же мах.
Он росшиб этот дуб на мелки части весь,
Ишше тут-то взял опеть да на второй же раз,
Он поехал на Настасью же Никулисьню,
На поленицю-ту поехал на преудалую,
400 Он изо всей силы хлопнул, сколько надобно,
Она сидит же всё да на добра коня,
Она сидит же всё да не ворохнетсе,
Не ворохнетсе, назадь не оглянетсе.
А и тут-то Добрынюшка да призадумалсе,
405 Призадумалсе Никитич, призаплакалсе:
«Видно у мня, Добрынюшка, силы стало да не по-старому,
Не по-старому стало силы, да не по-прежному».
Тут стоял, лёжал во чистом поли́,
А лёжал-то серой белой камешок
410 Ишше век-то по веку да без шевелимости.
Он ударил серой камешок же всё,
Он росшиб-то его да ишше всё.
Тут же сделал же напуск во третей же раз,
Он поехал опять на поленицу преудалую,
415 Он же хлопнул своей палицой булатною,
А сидит поленица на добром кони,
Она-то сидит-то на кони да не ворохнется,
Она назадь-то же всё оглянитсе:
«Я думала, што лютыя комарики покусывают,
420 Но же так же руськия богатыри пошалкивают».
Она скакала скоро да со добра коня,
Она хватала Добрынюшку да за жолты кудри,
Она кинала Микитича в кожаной мешок
И привязывала да ко своему копью да богатырьскому.
425 Как повез-то ее же всё доброй конь
И как саму-ту Настасью всё Никитишну
И богатыря Добрынюшку Никитича с конем.
Проговорил-то ей да всё же доброй конь:
«Уж ты ой еси, моя хозяюшка любимая,
430 А поленицяже ты да преудалая,
А ты Настасья же доць да всё Микулисьня,
Не могу я тянуть всё по чисту полю,
Ишше двух-то вас я же всё богатырей».
И тогда Настасья всё же тут Микулисьня
435 Говорила же тут да таковы слова:
«Как против меня богатырь же всё силою,
Я спушшу тогда его да всё на белой свет,
А как красотой-то же богатырь супротив меня,
А я тогда же поленицяя преудалая
440 А и я тогда за его да я замуж пойду,
А как не супротив меня богатырь —
Я на долонь положу,
На долонь-то положу, другой сверьху прижму,
Не оставлю я его да на овсяной блин».

445 И тут выпускала-то Настасья доць Микулисьня
И выпускала из кожана мешка,
И тогда-то ей понравился Добрынюшка,
А и как Добрынюшка же ей да всё Никитич млад.
«И уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
450 И я же езжу-то по чисту полю поленица же,
И я же езжу-то я сколько-то годичков,
Я ишшу-то себе сужоного-ряжоного,
А и не могу-то негде да отыскать же себе.
И отыскала я тебя да всё Добрынюшку,
455 А отыскала я тебя да всё Микитича,
А и красотой-то ты же со мной же парной же,
А уж ты силой-то со мной да очунь сильнёй же,
Я теперь-то за тебя за Добрынюшку взамуж иду!»
И как повез Добрынюшка да всё Микитич млад,
460 Он повез Настасью дочь да всё Микулисьню
Ко своей-то он же да к родной матушки,
И ко честной вдовы Омельфы Тимофеевны.
И тут стречала-то Добрынюшкина родна матушка
Она с радости-то стречала его, с весельица
465 Со Настасьёй со Никулисной,
И проводила их во высокия новы горницы.
И тут на радости-то было у чесной вдовы,
Как у Амельфы Тимофеевны,
Тогда скоро-то Добрынюшка Микитич млад
470 Он пошел скоро ко князю ко Владимеру,
И он пошел ему сказать: «Да всё же я, же я».
Он сказать, штобы шел он к ему же тысяцьким,
А княгину Апраксенью-королевисьню же свахою.
Ишше тут-то князь Владимер Святославёвич
475 Он стречал Добрынюшку Микитича,
Он стречал-то, ему да низко кланялсе:
«Проходи-ко-се, единородной доброй молодец,
Ты по имени Добрынюшка Никитич млад,
И ты ко мне же в полати в княженеськия
480 Посидеть попить у мня же всё, покушати,
Ишше сладких же водочок попить же всё».
А ишшу тут-то князь и собиралсе же он да одевалсе же
В дорого платье да княженеськоё,
Со княгиной с Апраксеньей-королевисьной
485 Они скоро да одевалисе,
А пошли к Добрынюшки да всё Никитичу,
А заходили к Добрынюшки да на широкой двор,
На ты ли на высоки новы горницы.
Тут Добрынюшку же всё Никитиця,
490 Повезли же их да во божью церковь,
Ишше богу-ту их да всё помолитисе,
Золотые венцы да держати им,
И чудной крест да им же да человати же.
И скоро Добрынюшку Микитича
495 Зачали попы-отцы же всё духовные,
Все причетники же всё церковныя
А они венчать-то стали Добрынюшку Микитича да со Настасьёю,

А ишше тут-то они скоро повезли же их
А ко Добрынюшкиной родной матушке,
500 Пречесна-чесна Амельфа Тимофеевна.
Ище шли у Добрынюшки да пиры весёлыя,
Ишше тут же пировали они же чинно-то.
И проздравлял-то Добрынюшку Никитича
Ишше князь Владимер его со княгиною,
505 Ишше тут-то Добрынюшка Микитичь млад,
Оне немного-то же сидели кушали,
Ишше кушали сидели, веселилисе,
Ишше все они с пиру с веселого розъехались.
Ишше тут Добрынюшка Никитич млад
510 Он же жил со Настасьей со Никуличной,
И три денёчка с нею только прожил-то.
И тогда князь Владимер собирал почесной пир,
Зазывал-то всих могучих руських всё богатырей:
Ишше же съездить-то же кто можот во Чахово, во Ляхову?
515 Ишше в ту же прокляту Литву,
И в прокляту Литву да всё поганую,
Ко тому ли ко его тестю к любимому,
Ишше тому ли королю да Верьхоминскому,
А очистить чудь да белоглазую же всё,
520 А и белоглазую чудь да долгополую,
И очистить да у его короля да Верьхоминьского?
Ишше все на пиру призагунули,
Ишше призагунули все, братцы, да призамолкнули,
Ишше от старшого ответу не было,
525 А от средней-от тулилсе за младшого,
А и как от младшого же ответу всё князю не было.
А ишше тут-то за столами-то сидел же всё
А единородной доброй молодец Алешенька,
А шшо Левонтьевич Алешенька Попович он,
530 Он сказал-то всё князю-ту Владимеру,
А и Владимеру-ту князю Святославичу:
«Как и можот-то ведь съездить-то во Чахово,
А как во Чахово, во Ляхово,
А и ко его-то ко любимому ко тестю-то,
535 А как ко тому королю да Верхоминьскому
А и как Добрынюшка Никитич млад».
Ишше-то накинывал нашо красно солнышко,
Как Владимер-от князь да Святославичь
Службу великую Добрынюшке, немалую,
540 А и как съездить-то к ему-то к шурину любимому,
А и ко тому ли королю да Верхоминьскому,
А как очистить-то чудь да белоглазую,
А ишше белоглазую чудь да долгополую.
А тут накинывал князь на Добрынюшку службу великую.
545 А как Микитич-от Добрынюшка не мог усидеть,
А и он не мог-то за столами-ти за окольныма,
И он повесил буйну голову с могучих плеч,
А покатились у его да из очей ясных-то
А горючи слезы из глаз его — заплакал же.
550 И он пошел скоро да к своей к родной матушки,

Ко чесной вдовы ко Омельфы Тимофеёвны.
И приходил-то Добрынюшка к родной матушки,
А ко чесной вдовы к Амельфы Тимофеёвны,
И говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
«Уж ты ой еси, моя да родна матушка,
Ты чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Ты пошто меня бессчастного спородила,
А на белой-от свет да всё поростила?
Лучше спородила меня ты, родна матушка,
А чесна вдова Амельфа Тимофеёвна,
Во чистом поли́ меня же всё прекрасным чистым деревом,
Я стоял бы, прекрасное да деревцо,
Уж я век бы по веки да без шевелимости.
А и к етому деревцу съезжаютце
Вси могучия же русьския богатыри,
Я стоял бы век по веки без шевелимости.
Ишше тут бы меня, родна матушка,
Ты чесна вдова Амельфа ты же Тимофеёвна,
Ты спородила да меня да во Пучай-реки́,
На Пучай-то реки лёжит серой же камешок,
Он же век лежит да без шевелимости.
И лучше бы, моя матушка меня родимая,
А несчастного на сём свети не спородила!»
Тут заплакала его да родна матушка,
Как чесна вдова Амельфа Тимофеёвна:
«Я же рада тебя, дитятко, спородити
Уж я учасью-таланью в Илью Муромца,
Уж я рада тебя, дитятко, спородити
Я-то как хитросью в царя в Соломана,
А как я рада тебя же, дитятко, спородити
Я богасьвом-ту в Садка да Новгородского,
Ишше рада я тя, дитятко, спородити
Уж я смелосью в Алешеньку Поповиця,
Я же тебя же, дитятко же, всё спородила
Вежоством-то тебя в самого-то Добрынюшку Никитича,
А боле мне-то во статьях да господь дити́ не дал же,
Мне-ка не дал осподь, боле да не пожаловал».
И тогда побежала его родна матушка,
Побежала она скоро во высоки свои новы горьницы,
А и ко богоданному своёму она дитятку,
И ко Настасьи-то она до ко Микулисьни:
«А и ты богоданно моё любимо ты дитятко,
Ты Настасья у мня да свет Никулисьня,
А и ты што во высоких новых горницах,
А и во подвалышах сидишь-то во широких же,
А над собой ты невзгодушки не ведаешь, —
И уезжат-то укатитсе нашо да красно солнышко
За крутыя горы высокия,
А за темны-ти леса да всё дремучие,
А и он во неверны-ти земли поганыя,
А и он ко тому ли королю да Вельхоминьскому.
Ты бежи скорее ко моему да чаду милому,
Ты ко милому моёму любимому.

А как к Добрынюшке бежи скоре́ Микитичу,
605 И он у нас же всё же на широко́м дворе́.
И ты говори Добрынюшки да со упадкою,
Со упадкою да со великою,
И садись-ко-се Добрынюшки да с права стремюшка,
И так садись к ему же ты близёшенько,
610 Говори же ему да же ты жалёшенько,
И ты спроси в его, его же всё же то,
А когда домой будёт да когда путь дёржа́ть?
Э и ты спроси у его да у Добрынюшки Микитиця».
Скоро Настасья-та доць Никулисьня
615 [О]на ставала скоро да на резвы́ ножки,
Недосуг-то Настасьи-то Микулишни
Одеватисе же ей да оболокатисе,
Побежала она в одных беленьких чулочках без башмачок-то,
В одной беленькой рубашочки без пояса,
620 Тогда ко своёму-ту да Добрынюшки Микитичу,
Ко своему-ту супругу она верному,
Она верному да неизменному.
[О]на заходила-то же всё да со права́ стремечка,
Как научала ее да ро́дна матушка,
625 Как чесна вдова Амельфа Тимофеёвна,
Говорила она ему да со упадкою,
Со упадкою да со весёлою: [1]
«Уж ты ой еси ты, мой супруг ты верной же,
Уж ты верной супруг мой неизменной же,
630 И ты куда будёшь домой, когда путь дёржа́ть,
Когда велишь же мне тебя да дожидатисе?»
Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад
Он своей-то же всё да молодой жоне,
А и Настасьи-то всё же он Микулисьни:
635 «Уж я жив буду́, я назадь буду,
А не жив буду́ — да ждать меня нечего,
И тут же подожди меня, Настасья дочь Микулисьня,
Подожди меня, Добрынюшку, ты три года́,
А три года я не приеду, ишше жди еще три года́,
640 А через шесть годов не буду, жди еще три года́,
А через девять годичков я не буду да из чиста́ поля,
Не ожидай тогда меня, Настасья дочь Микулисьня,
И тогда живого меня не будёт же,
А тогда тебе, Настасья, воля вольняя,
645 Воля вольняя да хоть вдовой сиди,
Хоть вдовой сиди да хоть взамуж поди,
Хоть за князя поди да хоть за боярина,
Хоть за купца поди гостя торгового,
Хоть за хресьянина поди да за прожитосьнего,
650 А не ходи взамуж только за Алешеньку Поповиця,
А за бабьёго не ходи просмешницька,
Ты послушай своего супруга милого,
Ты Добрынюшки послушай всё Микитича».
И прошшалсе Добрынюшка да с молодой женой,

[1] Обмолвка сказительницы — великою.

655 С молодой женой Настасьёй со Микулиснёй,
И прошшаласе Настасья дочь Микулисня
Она беленьким платочком-то Добрынюшки Микитичу,
Горючима-ти слезами обливаласе.
И тут скоро ли далёко время катитсе,
660 Всё равно как речка же всё же быстрая,
И как зелена трава ростёт шолковая,
И год за годом скоро же катитсе.
Тут наехал Алешенька да из чиста поля,
Он скорым гонцом да и сказоват
665 И ишше князю-ту же всё Владимеру,
Што нету Добрынюшки во живности:
«Я же видел Добрынюшку,
Лёжит да во чистом поли́ убит,
А буйна голова у его вся пристре́лёна,
670 А ворона-ти тело бело всё его разносили по чисту полю».
Э и тут прошла-ка весть по всему же городу Киеву,
И дошла-то весть до его до родной матушки,
А и до чесной вдовы Амельфы Тимофеевны.
И тут заплакала его родна матушка,
675 Она плакала, ревела о чаде миленьком,
А о Добрынюшки она же всё Микитичи.
И тогда Алешенька Поповиць млад
Говорил-то же он князю Владимеру:
«Уж ты ой еси же, красно нашо солнышко,
680 Ты великий князь Владимер Святославич,
И ты поди-ко же сватайсе на Настасьи же Микулисни,
Я желаю ее взять за себя взамуж».
Тут же красно солнышко Владимер-князь
А не ослышилсе, скоро да стал сбиратисе,
685 Одевал на себя же шубочку да соболиную,
Одевал он же шляпочку пуховую,
Одевал же сапожечки сафьяныя,
И пошел же он ко чесной вдовы Амельфе Тимофеевне.
Заходил-то к ей скоро во комнаты,
690 Говорил-то же ей он таковы слова:
«Уж ты ой еси, чесна вдова Амельфа Тимофеёвна,
Я пришел к тебе, к твоей любой снохи,
А ко богоданному твоему же дитятку,
А ты отдай, отдай же ей взамуж за Олешеньку Поповиця.
695 А и уж как нету Добрынюшки во живности,
А как наехал Алешенька Попович млад,
«Из чиста поля наехал он скорым гоньцём,
А и привез-то мне же весточку нерадостну:
Ишше нету Добрынюшки во живности,
700 И лёжит-то Добрыня во чистом поли́,
Во чистом поли́ да под ракитов куст,
А й буйна голова у Добрынюшки пристре́лёна,
У Микитича же всё бело тело у воронов розношено».
Э тут заплакала чесна вдова Амельфа Тимофеевна:
705 «Я не знай того, князь Владимер, дела же,
Я не могу дёржать ей,
А сама про то знает и про то ведаёт,

Ище пусть она сама тебе скажот же».
Тут пошел же ко Настасьюшки Микулисни,
710 Заходил-то к ей во горницы высокия,
Во подвалыши заходил всё же он широкие,
И говорил-то Настасьи-то Микулисне:
«Уж ты ой еси, Настасья дочь Микулисня,
А поди-ко замуж за Алешеньку Поповиця».
715 И говорила Настасья дочь Микулисня,
Говорила же князю всё Владимеру:
«Уж ты ой еси же, князь Владимер красно солнышко,
Подожду еще же я Добрынюшку же три года,
Мне тогда што будёт, тогда подумаю».
720 Тут пошел же князь Владимер скоро домой.
Ишше год за годом всё равно как речка текёт,
Ишше как река текёт да как же трава растёт,
И прошло тому времени да три же годичка,
И как у всёго исполнилось да шесть же годичков,
725 Приезжал скоро Алешинька да из чиста поля,
Привозил опять весточку нерадосьню.
«Уж я проведал, нашо красно солнышко,
Я, Владимер-князь да Святославёвич,
Ишше нет Добрынюшки в живых негде.
730 И ты поди скоре же, красно солнышко,
Ты Владимер же князь да Святославёвич,
Ты засватайсе на Настасьи на Микулисьни,
И нет Добрынюшки да нет Микитича,
И нет Добрынюшки да нет во живности,
735 А лежит Добрыня во чистом поли.
Я достовер узнал тепере — нет его.
А ты поди, поди, князь же всё Владимер же,
Ты засватывай Настасью дочь Микулисню».
А тут пошел же князь же Святославёвич,
740 Он ко чесной вдовы к Омельфы Тимофеевны,
Заходил-то в ее терем в высокие,
А во те ли во горницы во новыя,
А ко той ли к Настасьи ко Микулисни,
Говорил-то ей же князь да всё Владимер-от:
745 «Ты же всё, Настасья же Микулисня,
Ты надумалась взамуж итти за Алешеньку да за Поповиця?»
А и как прошло тому времецька да девять годицьков,
Она исполнила наказаньице Добрынино,
И она же спомнила же всё Микитича,
750 Она пошла взамуж да не за князя, не за боярина,
Не за купца пошла она за богатого,
Не за хресьянина пошла да за прожитосьнёго,
Она пошла взамуж за Алешеньку Поповиця,
Она за бабьёго пошла же всё просмешшицька.
755 И пошли пиры у их да всё на весели
У князя в дому да всё Владимера.
Ишше в ту пору, во то же времечка
Ехал Добрынюшка во чистом поли.
Он поставлён был белой шатёр полотненой,
760 Как он спал крепко же сном же богатырским же.

И тут забил Добрынюшки его же доброй конь
Он своею-то же ножкой правою,
И загремел-то же си́льнё же,
Розбудил от сна Добрынюшку Микитича.
765 Скоцил Добрынюшка Никитич скоро на резвы ноги,
Ишше брал-то скоро он плёточку шелковую,
Ишше бил коня своего он богатырьского:
«Ах ты волчья сыть да травяной мешок,
Ты зачем мене не даёшь да всё же пролежатисе,
770 А мне поспать-то же всё да отдохнуть же мне».
Тут говорил Добрынюшки его же добрый конь,
Ишше доброй конь его да богатырьской он:
«А и ты не бей меня же, мой хозяин мой любимой же,
А и Добрынюшка же тогда всё Микитич млад,
775 А как у тебя люба да молода жона,
Как люба семья да молода жона,
Настасья-то доць да всё Микулисня
Она взамуж пошла да за Олешеньку,
И за Олешиньку пошла да за Поповиця,
780 А за бабьего пошла да за просмешничка».
Тут скакал скоро Добрынюшка да на резвы ноги,
Он же кланялсе добру коню да во праву ногу:
«Уж ты конь ты мой, да лошадь добрая,
Ты вези-ко скоре́ меня же домой».
785 И тут живо садилсе Добрынюшка Никитич млад
На своёго-то же он да на добра коня,
А и поехал скоро да лошадь добрая,
Ишше стал реки-озёра перескакивати,
И приехал Добрынюшка да к родной матушки,
790 Ко чесной вдовы ко Амельфы Тимофеевне.
Он стучал стоял да у крылечушка,
У крылечушка стоял у крашоново,
И не отпираёт ему двери родна матушка.
Он не спрашивал у двери не караульшичков,
795 Проходил же мимо их да не долаживался,
Открывала двери ему да родна матушка,
Открывала она да слезно плакала:
«Ище ой еси, удалой доброй молодец,
А и ты наехал же из чиста поля, да скоморошина,
800 Не спросил ты моих же всё придворничков,
Ты придворничков да караульшичков,
А надо мной, чесной вдовой Амельфой Тимофеевной,
А ты посмеиваешьсе же всё надо мной.
У мня было бы моё живо да чадо милоё,
805 Чадо мило моё любимоё,
У мня Добрынюшка же был у мне Никитич млад,
Недосуг бы тебе надо мной сиротиною смеятися».
И заплакала Амельфа Тимофеёвна,
Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад,
810 Говорил-то же он да родной матушки,
Всё чесной вдовы Омельфы Тимофеевны:
«Уж ты ой еси, моя ты родна матушка,
Ты чесна вдова Амельфа Тимофеевна,

А ишше я твоё да чадо милоё,
815 Я, Добрынюшка, приехал всё Микитич млад,
Я из той земли неверною, из поганою,
От того ли короля да от Верхоминьского,
Я очистил-то же всё да чудь да белоглазую,
Белоглазую чудь да долгополую».
820 Тут не верила да родна матушка,
Как чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Моё-то чадо мило было очунь красивоё,
А у мня у Добрынюшки лицо́ко было очунь белоё,
У его шшочки-ти же были как же маков цвет!»
825 Говорила Добрынюшки да родна матушка,
А как чесна вдова Амельфа Тимофеевна:
«На моём-то дитятки была одежда-платьё цвётноё,
А у тебя же одежда всё же рваная,
У моёго-то чада милого Добрынюшки Никитича
830 А была у его на головы-то шапочка пуховая,
А у тебя же она да всё рваная,
У моёго-то чада милого любимого
И были сапожечки на ножочках сафьяныя,
А у тя сапожки на ножочках всё рваныя».
835 А как говорил Добрынюшка да родной матушки,
Как чесной вдовы Амельфы Тимофеевне:
«Уж ты ой еси, моя да родна матушка,
У мня бело лицо да красным солнышком да опекло же всё,
А частым дожжичком да всё смочило же,
840 Ветрами буйныма у мня да всё завеяло,
Цвётно платьицо о сучьё да всё повырвало,
Ишше всё частым дожжидем смочило,
Ишше всё оно у мня истлело же, —
Девять годочков же поры тому времечка!»
845 — «Я не верю, скоморошина, что ты моё чадо,
Чадо милоё Добрынюшка Микитич млад!»
— «Уж ты ой еси, моя же родна матушка,
Ты неси мене же, матушка родимая,
Мне умыть-то же всё да ли́цё белоё,
850 Учесать же мне да русы кудри же,
Ты неси мене, же татушка родимая,
А и дорогого же мне-ка всё да платьё цвётноё,
Одетьсе мне да посрядитисе».
И возговорила тут Добрынина же родна матушка,
855 Как чесна вдова Амельфа Тимофеевна:
«А у моёго-то же дитятка было родимого
А как у Добрынюшки у мня было Микитича
А и на правой груди же у его приметочка,
А и как предметочка была у его раковинка,
860 А и как раковинка была у его родимо пятно».
Итут показал-то же Добрынюшка родной матушки,
Как чесной вдовы Амельфы Тимофеевне,
А и тут поверила тогда его да родна матушка,
Как чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
865 А она поплакала-то горючима слезами же.
«Уж ты гой еси, родима моя матушка,

А ты чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Где моя да молода жона,
А молода жона моя Настасья-то дочь Никулисня?»
870 — «А твоя-то молода жона замуж пошла,
А она за Алешеньку пошла да за Поповиця,
А она за бабьёго пошла да за просмешницька.
Ишше сватал-то же ей ходил князь Владимер-от,
А ишше сватом-то же был да князь Владимер же,
875 Ишше свахою Апраксенья-королевисня.
А у них идут-то теперь свадьба-та весёлая,
А у них ко венцю скоро итти им во божьи церквы».
А говорил тогда Добрынюшка Микитич млад,
Говорил-то же он да родной матушки:
880 «Уж ты ой еси, моя да родна матушка,
Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна,
А неси-ко ко мне-ко платьё скомороцкоё,
Я оденусь-оболокусь скоморошиной,
Ты неси мои гусли́ весёлые,
885 Э весёлы гусли́ же всё, игромыя,
А ты неси-ко скоре́ же мне сюда».
Приносила Добрынина да родна матушка,
Ишше пошел Добрынюшка Микитич млад
Он ко князю-то пошел да ко Владимеру
890 На почесен пир же всё да на весёлый-от,
Заходил же во грины княженеськие,
Где сидел-то князь Владимер со обручёныма,
А и за столами-ти сидели да за окольнима,
А и за скатертями-ти сидели всё браныма,
895 А за е́ствами сидели всё за сахарныма,
Они пили-то сладки же водочки,
А и сладки водочки сидели пили заморские.
Заходил тогда Добрынюшка всё во кне́жеськи во грины,
Он крест-то клал да по писанному,
900 Он же поклон-то вел Добрынюшка да по-ученому,
А к(ы)нязю со княгиной низко кланялсе,
Говорил-то Добрынюшка Никитич млад,
А и как же тут-то говорил он же да таковы слова:
«Уж ты князь Владимер свет да Святослаевич,
905 Ишше где нашо место скомороцкоё?»
— «Вашо место же скомороцкоё, —
Говорил тогда князь ему Владимер-от, —
А и как на пецьки же всё да на муравленки».
Заскочил Добрынюшка Микитич-от
910 Он скоро на печеньку да на муравлену,
Заиграл-то же во весёлы гусли,
Э ишше играл-то же он да всё выигрывал,
Он выигрывал да наговаривал
Ишше князю-то Владимеру да со княгиною,
915 Со Апраксеньёй да всё же королевиснёй:
«Вам не стыдно ли, князь Владимер-от,
Ты Владимер-князь же всё да Святослаёвич,
А княгиня Апраксея-королевисня,
У жива мужа всё жону отнять

920 А как за Алешиньку отдать да за Поповиця,
И за бабьёго же всё же всё просмешничка!»
И князь Владимер не знат, не понимал нецего,
Поняла его да молода жона,
Ишше та ли Настасья дочь Никулисня:
925 «Ета игра — играит как Добрынюшка Микитич млад!»
Й она поняла же всё же, всё выглядывала,
Она поглядывала да всё посматривала,
Она слушала игры же всё весёлыя,
Поняла-то всё, шшо он да выговаривал.
930 Она умом своим да всё подумыват:
«У мне прежде так выграл мой супруг любимой он,
Как Добрынюшка же у мня Микитич млад,
Ты позволь-ко, нашо красно солнышко,
Мне подать-то скоморошины же чарочку да меду сладкого!»
935 И дозволил ей же князь Владимер Святослаевич,
Подавала Настасья дочь Никулисня,
Подавала-подносила своему-ту мужу милому,
Мужу милому, Добрынюшки Микитичу,
Подносила ему да низко кланялась.
940 Ишше брал Добрынюшка-то чарочку-ту золочёную,
Выпивал эту чарочку до дна же всю,
Он во чарочку клал да золотой перстень,
А и которым он же с ей да обручалисе,
А как со именём было да со отечесьвом,
945 И говорил-то Добрынюшка Микитич млад,
Он же князю-ту же всё Владимеру:
«Уж ты ой еси, красно солнышко,
Ты Владимер же князь же Святослаевич,
Мне дозволь-ко налить же чарочку да золоченую,
950 Мне подать-то же всё Настасьи-то Микулисни».
Говорил-то Владимер Святослаевич:
«Уж те полная воля, скоморошина,
Наливай-ко чарочку ты ей да золоченую».
Наливал Добрынюшка Никитич млад,
955 Подносил-то чарочку да золоченую
Он своей-то же к молодой жоны,
А и к Настасьи же да все Микулисни:
«Уж ты ой еси, Настасья дочь Микулисня,
Уж ты выпей чарочку досуха,
960 А ты выпьёшь — и найдёшь добро,
А не выпьёшь чарочки — да не видать добра».
Тут брала Настасья дочь Никулисня
Она брала от Добрынюшки да чарочку да золоченую,
Она меду-то брала сладкого,
965 Выпивала же чарочку досуха она,
Она же увидела да золотой перстень,
Он, которой с нею обручалисе,
Тогда надевала Настасья дочь Никулисня,
Одевала на свою да руку правую,
970 Выходила из столичков окольних же,
Ко своёму мужу любимому,
Ко Добрынюшки же она Микитичу,

Она падала ему во праву ножечку,
Она прошшалась ему да со слезами же:
975 «Ты прости, прости меня, моя ты лада милая,
Лада милая моя, любимая,
Ты Добрынюшка же всё Микитич млад,
Я по твоёму же слову я не сделала,
Не по твоёго приказаньицу же не исполнила,
980 Я пошла взамуж за Алешеньку Поповиця,
Я за бабьёго пошла да всё насмешницька,
А прости меня да виноватую,
Пред тобой я дела да не исполнила».
Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
985 «Я не дивлю-то уму да уму бабьёму,
У бабы волос долгой, да же ум короткой-от,
А куды бабу ведут, туда баба идёт,
А куды бабу везут, туды она ёдёт.
А дивлю-то князя Владимеру,
990 Со княгыной дивлю Апраксеньёй же да королевиснёй,
Они у жива мужа да жону отняли,
Жону отняли же ей, засватали
За Алешеньку же всё Поповиця,
И за бабьёго же всё просмешницька!»
995 Тут же князь Владимер со княгиной сидят молчат.
Выходил тогда Алешенька з-за стола же вон,
Он же падал-то Добрыни во резвы ноги:
«А и ты прости, прости меня, да крестовой брателко,
Ты, Добрынюшка, прости меня, Микитич млад,
1000 А й посидел я возле любу твою семью же всё,
А и возле любу посидел да молоду жону,
А и возле ту ли я Настасью дочь Микулисню».
И говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
«А я прошшаю за то тебя, брателка крестового,
1005 Я Алешенька тебе да всё Поповиця,
Я не прошшаю тя за то, што ты ездил-то,
Уж ты ездил далече во чисто поле́,
А и привозил-то всё же весточку нерадостну
А ишше князю-то Владимеру да со княгиною.
1010 А моя матушка родима об мня же плакала,
А и как чесна моя вдова Амельфа Тимофеевна,
А она слезила-то своё да лицё белоё,
А она портила свои да очи ясныя,
А и обо мне-то она же моя да родна матушка!»

99

КАК ДОБРЫНЯ МИКИТИЦЬ ПОСТРЕЧАЛСЕ С ИЛЬЕЙ МУРАМЦОМ

Как был жил во славном городи во Рязани-то,
А и ишше жил да был князь Никита сын Иванович.
А э как была у его люба семья — молода жона,
А молода жона Амельфа Тимофеёвна,
5 Было чадо у его да чадо милое,

А э как Добрынюшка Никитич млад.
И как жил-то князь Никита не состарилсе,
И не состарилсе же, не скоро преставилсе,
Вон оставил своего да чада милово,
10 А как того ли он Добрынюшку Микитича,
Оставил-то свою да молоду жону,
Ищше ту ли жа Амельфу Тимофеёвну.
Э и ка шла-то шла же славушка по всей да по святой Руси,
А и как до того-то дошла до города до Мурома,
15 И до того ли до села да до Качарова,
А и как до того ли до с(ы)тарого до седатого,
А как до русьского могучево славна богатыря,
А и до Ильи-то до Ильи сына Ивановича.
Как сидел-то старой-седатой за столом же он,
20 Э как за тим он сидел столом за дубовым,
Э и за тима ли он за скатертеми за браныма,
Он за тима ли всё за е́ствами сахарныма,
Э как он сидел-то кушал старой-седатой-от,
Ишше тот ли всё богатырь Илья Мурамець,
25 Э-э ишше Илья Мурамец сидел да сын Иванович,
А со отцом-то со родителём своим-то батюшком,
Со Иваном-то он сидел кушал с Тимофеёвичом,
Со родимой-то со своей же всё матушкой,
Как со той ли со Пестеньёй-то со Яковлевной,
30 Как дошла-ти слава-та вся великая,
Што во том ли в славном городи во Рязани,
Как ведь есть славной руськой богатырь-от,
Как по имени Добрынюшка Микитич млад.
Э и недосуг тут старому да всё седатому,
35 Недосуг-то ему сидеть за столом дообедывать,
И-и он ставал скоро выходил из столичка дубового,
Из-за тех-то из-за скатертей за браные,
Из-за тех-то он еств сахарных-то,
Из-за тех ли из-за пива, пива сладково.
40 И он крест-то клал же он да-писанному,
Он поклон-от вёл же всё да по-учёному,
А и он родителю-то батюшку бил челом, низко кланялсе:
«Уж как свет Иван Тимофеев сын,
Э и как со своею восударыни родной матушки,
45 Епистеньей-то же он да всё же Яковлевной».
И он же кланялся им низёхонько во резвы ноги,
Как пошел он скоро-то да на широкой двор,
И ище брал старой-седатой узду серебреную,
Ище одевал он на своего коня на богатырьского,
50 На богатырьского коня да на Белеюшка,
Он накладывал на коня двенадцать тугих подпругов,
Он клал же на него серебряных,
А и он тринадцато он клал ременноё,
Не для красы он клал — ради крепости.
55 И как заходил старой-седатой в светлы свётьлици,
Скинывал он со себя дорого же платье цветное,
Одевал же он платьё да богатырьскоё,

И надевал он на себя латы богатырьския,
И как пошел скоро он да на широкой двор;
60 Он простилсе со родителём-отцом-батюшком,
Со Иваном-то простилсе с Тимофеёвичом,
Со родимой-то своей да он же матушкой,
С Епистеньей он же всё со Яковлевной.
Тут садилсе скоро он да на своего добра коня,
65 А и только видели старого да всё седатого,
Э и как садилсе он на своёго коня богатырьского, —
Э и во чистом поли курева скуриласе, только дым стоит,
Только пыль стоит, дыма столб стоял до неба,
И тогда ехал старый-седатый до того ли города до Рязани-то,
70 И тут ли до Добрынюшки Никитичу
Ко широкому его да княжеському подворьицу.
Приезжал-то он старой-от седатой-от,
Ише тот ли всё богатырь Илья же Мурамець,
Э-э Илья Мурамец же сын же всё Иванович,
75 Ко Добрынюшки Никитичу,
К широкому-ту его да ко подворьицу,
И он к окошечку подъезжал да ко косисцяту,
Он кричал-зычал старой-седатый да зычным голосом,
Зычным голосом кричал да богатырьским всё:
80 «А ишше дома ли Добрынюшка Никитич млад?»
А и услыхала тут Добрынюшкина родна матушка,
Как чесна вдова Омельфа Тимофеёвна,
Отпирала она окошечко косисцято,
Э-э и она кланялась старому-седатому во всю спину:
85 «Э-э уж ты здрастуй ты, старой всё седатой всё,
И как по имени Илья да Илья Мурамець,
По отечесьву тебя звать да сын Иванович,
И заходи-ко, залезай ко мне на моё вдовиное подворьицо,
Как попить ко мне, покушати».
90 Э-э и говорил тогда и старой ей седатой всё:
«Э уж ты ой еси, чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Э-э ище как ты знашь меня старого-седатого?
Э-э ты по имени называшь меня, по отечесьву?»
— «Э-э как же не знать мне тебя да добра молодца,
95 Э-э я жила-то у твоёго-то родна батюшки,
А и у свет у Ивана-то сына я Тимофеевича,
У твоей-то я жила да у родной матушки,
У Епестеньи жила ведь с ней же с Яковлевной,
Я с тобой-то с маленьким водиласе,
100 Э-э я водиласе с тобой да всё же с малым-то,
Э как-то твой-то родной батюшко да мне же всё,
За водню-то он дарил да золотой перстень,
Э и он со ставочками дарил мне драгоценныма, —
И как у моёго-то чада милого любимого,
105 Э как у Добрынюшки Микитича на правой руки,
На правой руки у его же всё,
Как подписана на перстни всё да фамилья его,
У моёго-то у чада милого любимого,
У Добрынюшки у мня да у Никитича,
110 Э и на белой груди́ у его да золотой висит крест

Со цепоцькой он да золотою-то,
А и етот крест-от мне достал твой родной батюшка,
Как Иван дарил свет Тимофевич-то,
Э-э етот крест у моего чада на белой груди.
115 Э как и нету моего да чада милого,
Как Добрынюшки нету у мня да всё Микитича.
Э и он уехал у меня по утру ранному,
А и как до сходу-ту уехал соньця красного,
А и он далеце-далеко да во чисто полé,
120 Во чисто поле уехал, во широкоё роздольицо,
И он стрелять уехал-то да на Пучай-реку,
И на Пучай-ту реку ехал всё на быструю,
А и он стрелять-то всё гусей да белых лебедей,
Перелетных-то он да серых уточок,
125 И заходи ты ко мне, старой ты, седатой же,
Э посидеть-то ты ко мне да со мною попить-покушати».
— «Уж как нет у те Добрынюшки Никитиця,
Я поеду-то к нему да во чисто полé,
Во цисто полё поеду, во широко роздольицо,
130 Стречу его на пути его же дорожечки».
Э тут кланялась чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Э и она старому-седатому низко же кланялась:
«Э и пожалей ты меня, старой же седатой же,
Э и ты чесной вдовы Омельфы Тимофеёвны,
135 Э-э уж как стретитце тебе моё чадо милоё,
Э и как премладой-от Добрынюшка Никитич млад,
Э и как оно неуступчиво у мня да неуважливо,
Э и пожалей-ко ты меня, молодой вдовы,
Молодой вдовы меня, Омельфы Тимофеевны,
140 Не губи его премлада у мня Добрынюшки Никитиця,
Он у мня-то не в полном ище уми-разуми,
Що он у мня же в молодых летах, не в полных же».
Вот отворотил старой-седатой да своего коня да богатырьского,
Э и поехал старой-от седатой далеце во чисто полё.
145 Э и как ехал старой-седатой Илья Мурамец,
А постречалсе-то Добрынюшка Микитиць млад,
И постречалсе ему настречу да во чистом поли,
Э и тут да постречалсе Добрынюшка Никитич млад,
И он ехал, отворачивал своего-то он да добра коня,
150 Своего коня да богатырьского
А и он на старого да на седатого,
На Илью-то он да всё на Мурамца,
А и он на сына же всё да на Ивановича.
И вынимал Добрынюшка да саблю вострую,
155 Э и он ехал на старого-седатого,
Они добрыма конями тут съезжалисе,
Ихни сабли вострыя да всё помялисе,
И тут они скакали со добрых коней,
А и на матушку скакали на сыру землю,
160 Они билисе-боролись рукопашным боём,
И они друг друга да всё не можот всё побороть же всё,
Ишше тут старой-седатой Илья Мурамець

Он умел правой ножечкой да подкорючивати,
А и подкорючил взял да ножкой правою,
165 Э и тогда падал Добрынюшка да на сыру землю,
И садилсе старой-седатой да на белы груди,
И вон хотел спороть у его да груди белые,
И говорил-то старой-седатой таковы слова:
«Ты скажи-ко, скажи, да удалой да доброй молодець,
170 Уж ты руськой, я вижу, могучой да есть богатырь же,
И какого роду, какого ты же племени?
Ты какого отца да какой матери?»
— «Я бы был на твоих грудях,
Не спросил бы у тя роду и не племени,
175 Я спорол бы у тя груди белыя».
Говорил старой-седатой да Илья Мурамець,
Говорил ему во второй же раз,
Говорил он ему старой-седатой да во третей же раз,
Он не сказывал ему же всё,
180 Он увидал у его на белой груди,
Увидал он на правой груди золотой же крест,
И он увидал на белой груди была раковинка родимая,
И он увидал-то на правой руки золотой перстень,
И он со ставками увидел драгоченныма,
185 И подписано на персни имя-та,
Уж отечесьво было написано,
Как говорила ему Добрынина родна матушка,
Как его Омелфа Тимофеевна.
Он тогда подымал старой-седатой-то,
190 Подымал Добрынюшку же всё Никитича
Он своей-то правой рученькой его же всё,
Целовал его в уста жа да он сахарные,
И обнимал его-же старой-от седатой-от,
Называл-то его крестовым же брателком,
195 Как по имени Добрынюшкой Никитичом.
[О]ни крестами-ти золочёныма менялисе,
Надели на свои да на белы шей,
И говорил тогда старой ему седатой-от,
Ише тот ли могучой русьской богатырь же,
200 Ише тот ли Илья да Илья же Мурамець,
Илья Мурамець же свет да он Иванович:
«Мы положим-то с тобой, брателко крестовой мой,
Ты крестовой брателко же мой названой же,
Ты Добрынюшка Никитич млад,
205 И мы положим с тобой заповедь великую:
Уж нам слушать старшему же младшого,
А младшому с(ы)лушать брата же старшего,
Мы положим таку клятву с тобой великую».
Тут говорил же Добрынюшка да всё Микитич млад:
210 «Ты поедем-ко, мой же брателко крестовой мой,
Ко моей-то к родной матушки к родимою,
Ко Амельфы-то поедем к Тимофеёвны,
Мы попить-то к ей, покушати».
Тут поехали два могучи руськи богатыри,
215 [О]ни поехали скоро к Добрынюшкину подворьицу.

И тут стречала-то Добрынюшкина родна матушка,
Как чесна вдова Амельфа-то Тимофеевна,
Выходила она выбегала на красноё крылечушко,
Она низко кланялась старому-седатому,
220 Как тому ли Ильи, Ильи Ивановичу:
«Приходи ко мне, ты гось дорогой, небывалой мой,
Небывалой мой, крестово ты моё дитятко,
И тут же приходи-ко-се, дорогой мой гось».
И повела-то его же Омельфа Тимофеевна
225 А и во высокие вела его новы горници,
Э и она садила-то гостя старого-седатого:
«И ты садись-ко-се, садись, мое чадо милоё,
Чадо милоё мое да ты крестовоё,
А и ты Илья ты мой же всё да ты же Мурамець,
230 Сын же ты садись да всё Иванович,
А и ты садись-ко-се, садись, мое чадо милоё,
И ты премладенький мое ты да чадо милоё,
А и ты Добрынюшка у мня да всё Микитич же.
А и вы за столичок садитесь за дубовый же,
235 А и вы за скатерти всё за бранные,
Вы за ествы-ти садитесь за сахарные,
Уж попейте напиточки медовы же всё».
А тут жил-то гостил старой-седатой-от,
А она стала тогда распрошшать про своего же
240 И она про брателка родимого,
А про Ивана-то же она да про Тимофеевича,
И про его-то родну матушку Апистенью Яковлевну.
И тут же она подносила-то мёды сладкие,
И тут подносила Амельфа-то Тимофеевна
245 Дорого-то питья да мёду сладкого,
А дорогому она гостю да небывалому,
Она крестовому своему да всё же дитятку,
Как она старому-седатому Ильи Мурамцу сыну Ивановичу,
[О]на своёму-ту чаду милому премла́дому,
250 Она Добрынюшки же всё Микитичу.
А и подносила она же им да низко кланялась:
«Уж вы кушайте, дороги мои гости милые».
И тут жил-гостил старый-седатой он челой месяць у них,
И он гостил у их жил-то у его во доми же,
255 У Добрынюшки же он да у Микитича,
Как у брателка у крестового,
Обучал старой-седатой Илья же Мурамець
Как по силам поезкам всё богатырским его,
Как ездить ему в чистом поли́,
260 Как боротисе да не с приятелеми.

100

ВАСЬКА ДА ГОРЬКА ПЬЯНИЦА

Как во славном было во городи,
Во славном же было всё во Киеви,
И жил-то был да князь Владимер стольне-киевьский,

А и стал-то князь Ладимер
5 Стал же он пре старости,
А он пре старости ж был же всё, пре древности,
Буйна голова у князя была да при седины стала,
Ретиво серьцо же было у его пре скорбести.
Ише у князя Владимера же все могучи русьски же все богатыри
10 Они уехали из города из Киева,
Они оставили князя без всякой его да без зашшиты же,
А они уехали да ко своим к отцам да к своим матушкам,
К своим же они да к молодым жонам
И к малым детоцькам.
15 И тут прошла же та же слава всё великая,
А и по всей-то пошла да по святой Руси,
А прошла слава до неверных городов,
До того ли города же всё арабского.
И тут же царь арабской скоро услыхал же он,
20 Шшо во городи во славном Киеви
Все могучи-ти руськи богатыри уехали,
А оставили-побросили князя Владимера
Безо всякой его да всё да без зашшиты же,
Отправлял царь арабской царишшо Грубиянишшо
25 Он же черны же карабли заморские,
Он грузил же орудью всё же крепкую,
Он-то отправлял премладых карабельшичков
А и премладых арабских всё матросиков.
И как князь Владимер-от да Святославич
30 Он ставал-то скоро по утру ту ранному,
До восходу-то ставал да красна солнышка,
Водевалсе он в платье же во цветное,
Во цветно платье да княженеськое.
Он же брал-то скоро в руки свою трубочку да золоченую,
35 Золоченую трубочку да княженеськую,
И пошел-то потихошеньку на ту ли стену городовую,
Он на ту ли на башню наугольнюю,
Он смотрял во трубочку во вси чотыре стороны,
А пушше смотрял же во свою, во гавань княженеськую,
40 Где его же стояли черны карабли,
А он увидел во гавани княженеською
А как стоят-то, пришли черны карабли,
А черны карабли пришли же всё заморские,
А он смотрял-то во трубочку в подзорную,
45 Не мог признать-то какое знамя,
Да из какого города.
А сам призадумалсе да князь да припечалилсе;
«Ужли [у мня], у князя, стало не по-старому,
Не по старому же стало у мне да не по-прежному,
50 Я не могу признать знамена в караблях да всё в заморьских же».
Он пошел скорёхонько со стеночки да городовую,
Он пошел же всё да потихохонько,
Он спускалсе по ступенькам да потихохонько,
Он держалсе за перилочки да золоченые,

55 Приходил вон в терем же да княженеськие,
Он говорил своим послам да княженеським же:
«Уж вы ой еси, послы да княженеськие,
Вы подите-ко ишшите Ваську горьку пьяницу,
Вы найдите-зыщите его по княжеським всё кабакам же я,
60 Приводите Ваську вы да горьку пьяницу
Вы ко мне, да князю Владимеру, да в светлу свéтлицю».
А послы княженеськие да не ослышались,
Они скоро побежали искать да Ваську горьку пьяницу,
Они нашли-то Ваську горьку пьяницу:
65 Под углом лежал-то Васька горька пьяница,
Без вниманьица лежал он, без и чусьвица
Со своима со товаришшами любимыма,
А со Костей лежал да он, со Ванькою.
А ише послы же княженеськи его розбужали-то
70 От крепка с(ы)на-то его да розбужали же:
«А такой Васька ты же горька пьяница,
Ты ставай скоро да на резвы ноги,
Тебя звал-то нашо красно солнышко,
Как Владимер же князь же Святослаевич.
75 Ты пойдем, пойдем скоро же к князю ко Владимеру».
А ише тут-то Васька горька пьяница
Ставал же он скорёхонько,
Говорил же он же всё да таковы речи:
«Уж вы ой еси, послы да княженеськия,
80 Уж я рад итти же к князю же ко Владимеру,
У меня, у Васьки горькой пьяницы же, нет на плечах всё рубашочки,
У мня на себе да всё подштанничков,
У мня нет на себе же брюк же всё,
У мня нету же на ножочках сапожочек же всё сафьянных же,
85 Мне-ка стыдно князю Владимеру да показатисе».
Тут послы же княженеськи скоро назадь пошли
Они ко князю-ту Владимеру с ответом же,
Приходили ко князю ко Владимеру:
«Уж ты ой еси же, князь Владимер Святослаевич,
90 Ише Васька горька пьяница лежит же в кабаку же он;
На плецях у Васьки горькой пьяницы
У его же нет же на плечах всё рубашочки.
У его нет-ка подштанничков,
У его нет же не брюк да не сопожочек,
95 Показаться к тебе ему же совестно».
Говорил же князь Владимер им же таковы слова:
«Уж вы ой еси, послы да княженеськие,
Вы берите-тко со стенки ключи золотые же,
Отмыкайте мои вы кладовы да княженеськие,
100 Вы берите-тко же платье дорогое цвéтное,
И оденьте Ваську горьку пьяницу,
Выбирайте вы сапожочки да всё сафьянные,
Вы сафьянные сапожочки да самолучшие,
Принесите же скоро к ему, одевайте его,
105 И ведите его ко мне скорей его».
Тут пошли послы да княженеськие,

Они пошли да всё же скоро они,
Понесли одежды Васьки горькой пьяницы,
А как одевали скоро Ваську горьку пьяницу.
110 Они скоро его одели в платье цветное,
Повели скоро ко князю да ко Владимеру.
А ише тут-то стречал князь Владимер-от да Святослаевич,
Он стречал-то Ваську горьку пьяницу,
И кланялсе он Васьки горькой пьяници:
115 «Уж ты здрастуй-ко, ты Василей свет Иванович,
Проходи же ты ко мне ко князю ко Владимеру,
Во мои же во грины княженеськие,
Посидеть же попить со мной с князем всё, покушати».
Заходил-то скоро же Васька горька пьяница,
120 Он во грины же всё да княженеськие,
Садилсе за столицки точеные,
За точеные да всё дубовые,
И за белы скатерти же всё за браные,
А за е́ствы же всё да за сахарные,
125 Говорил тогда же всё князь да всё Владимер же Святослаевич:
«Уж ты ой еси, Василей ты же свет Иванович,
Ты пойдем-ко со мной на ту стену да городовую,
А на ту ли на башню наугольнюю,
Ко моей-то ко гавани да княженеськую.
130 Как пришло-то же три да черных карабля,
Э три черных же карабли заморские,
Я не мог узнать да знамя из какого города,
У мня зреньице у князя стало не по-старому,
Не по-старому же стало, не по-прежному».
135 Тут пошел же скоро с им же Васька горька пьяница
На ту ли на стену городовую,
А на ту ли на башню же угольнюю,
Он же заскакивал да поскорёхоньку,
Князь Владимер оставалсе же да позади же всё,
140 Брал же трубочку в руки же княженеськие,
А княженеську трубочку да золоченую,
Он смотрел-то на карабли на черные,
На ти ли на карабли же всё заморские,
Он узнал-то же Васька горька пьяница
145 Ишо это знамя же всё арабское,
Из того ли из города арабского,
От того ли царишша Вохрамеишша.
Ише как-то на караблях народу нет некого,
Они всё же сидят да проклаждаютсе.
150 Говорил тогда же Васька горька пьяница:
«Уж ты ой еси же, нашо красно солнышко,
Ише Владимер-князь же всё да Святослаевич,
Мне-ка надо ехать на ти карабли на арабские,
Ко тем ли карабельщичкам арабским же,
155 Нужно поговорить с има же всё же мне».
Говорил тогда же князь Владимер же:
«Уж ты ой еси, Василей ты же свет Иванович,
Уж бери моих тих бояр да всё любимых же,

Ты бери мою шлюбочку да кнéжеськую,
160 Ты бери-ти весельица да всё серебренные,
Вы берите-ко да поезжайте-ко».
Говорил тогда Васька горька пьяница:
«Мне не надо, князь Владимер, твоих бояр да кособрюхих же,
У мне есь у мне два моих товаришша любимыя,
165 Один Костя, второй Ваня же,
Я же их возьму да с имá же всё поеду же,
И тогда же я сам схожу да за има же всё».
— «Ты подёшь, Василей же да свет Иванович,
А ты поскоре ходи, да поскоре же всё,
170 Надо дело да всё доделати».
Тогда пошел скоро Васька горька пьяница
Он ко кнéжеському да к кобаку же,
Он нашел своих дружьей да он Костю же, Ваню же,
И привел скоро же к князю ко Владимеру,
175 Садились во шлюбочку да княженеськую,
Костя с Ваней сел во весьлица передняя,
А же Васька горька пьяница да на корму же сел,
На корму садилсе, брал же руль да золоченой киязев-от.
Он поправливал рулем, скоро да приезжали же,
180 И ко тем же кораблям к арабским же,
У кораблей-то нет некогó, всё же глухо же,
Закрычал же Васька горька пьяница
Он же голосом кричал же всё арабским же:
«Ах вы карабельшички, матросички арабские,
185 Што пришли во гавань княженеськую
Безо всякого вы без спросу без князевьского,
Ише хто же вам да всё приказывал?
Вы сходите-ко с кораблей же всё с арабских же,
Вас же требовал же князь же всё Владимер всё
да Святославич,
190 Ише хочет посмотрять вас, премлáдых корабельшичков,
И премладеньких же всё вас матросиков,
И арабских же вас могучих пресильных всё богáтырей,
Ише хотце узнать ему же всё, поведати,
Вашой силой-то же всё арабскою,
195 Как побрататьце с его же всё с богáтыреми,
У его нет у князя всё же его богáтырей,
Во городи во Киеве да не случилосе,
Не случилосе, не пригодилосе».
Тут арабские же карабельшички
200 Они скоро же все обрадовались,
Они скоро же скакали со черных же кáраблей,
Они во шлюпочки скакали во дубовые,
И поехали ко пристани да княженеською.
Приезжали ко пристани княженеською,
205 Они выскакивали на пристань-ту скорёхонько,
Они бежали на гору-ту быстрёхонько.
Тут Васька же горька пьяница:
«Уж вы ой еси, арабские да карабельшички,
Вы позвольте-ко со мною всё побрататьсе,
210 А побрататьсе да поборотисе,

Уж мы силою да всё попробовати.
Вы пресильния арабские богатыри,
Я же не богатырь — Васька горька пьяница,
У мне силы же нет во мне да богатырьскою.
215 Мня же вы да поборо́тите,
Мне не стать с вами будет да не поправитьце».
Он хватал же их да одной рукой,
Он бросал их на матушку да на сыру землю,
Они падали, лежат и стать не можут некак.
220 Он хватал другого, третьего, четвертого,
И хватал-то их да до десяточка,
И бросал их кинал да сколько мог же всё.
Как арабские карабельшички да испугалисе,
На убег от Васьки горькой пьяницы,
225 На убег убежали они пешком же от него,
И бросили свои ка́рабли арабския,
Со грузом со всей они же всё,
Со орудней всё они оставили со крепкою,
И убежали в город-от в орабской-от,
230 Ко своему ко царишшу Грубнянишшу,
Говорил тогда же Васька горька пьяница,
Он же князю-ту же всё Владимеру,
Ему ума-то князю в голову да всё давал же он:
«Уж ты ой еси же, наше красно солнышко,
235 Ты Владимер же князь да Святославич,
Нужно нам же скоро дело делати,
Нужно выгружать с караблей орудью крепкую,
Как на ту ли нам стену городовую,
На ту ли на башню наугольнюю,
240 Арабской царишшо Грубиянишшо,
Он пойдет, проклятой, на тебя, на красный Киев-град,
Он узнат, что теперь нет у тя богатырей».
Как прибежали его премладые да карабельшички,
Затопал царишшо Грубиянишшо,
245 Закрычал-то же голосом немилосьливым:
«Ах проклятые вы собаки, всё негожие,
Вы посланы были да в красен Киев-град,
Не лежать, не спать посланы, да дело делати.
Уж я же клал-грузил вам же орудь крепкую,
250 А вас нешто же всё дело да всё не сделалось,
Уж вы проспали, прокляты вы собаки всё негожие».
Приказал тогда царишшо Грубиянишшо
Налаживать караблей же флот же всё
И грузить-то орудю же всё крепкую,
255 И же сам пошел на черненых ка́раблях заморьских же,
Он с орудией пошел же всё со крепкою,
Красной Киев-город хотел весь же головней сожечи́,
И пошли скоро из города из арабского,
Ише шли по морю, морю Хвалыньскому,
260 Увидали они да славной Киев-град.
В ту пору же во то же времечко
Ише Васька же горька пьяница
Он стоял на той ли на стеночки да городовою,

Он на той ли на башни наугольнею
265 И смотрял-то стоял во трубочку в подзорную
И караулил царя всё арабского,
Того ли царишша Грубиянишша,
Не сходил же он со той башни всё да наугольнею.
Ише стрелял царишшо Грубиянишшо
270 Они крепкой орудией да во славной Киев-град.
А Васька горька пьяница просматривал
Он во трубочку же всё подзорную,
На котором шел царишшо Грубиянишшо,
Он налаживал орудию саму лучшую,
275 Само лучшую, котора была крепкая,
Он улаживал, примеривал
Да устрели́ть царишшо Грубиянишшо.
Угодил-то, устрели́л да прям в его царя,
Ише падал царишшо Вахрамеишшо,
280 Ише тут-то ему да смерть случиласе,
И брал Васька же горька пьяница второе ружье,
Второ ружье да очунь было крепкое,
Устрели́л-то взял-то он да на черном ка́рабли,
Много, много народу всё тут сгинуло,
285 Черной ка́рабль же всё ко дну ушел,
Он опять же брал да он третье ружье,
И он стрелял опять да черной ка́рабель.
Устрели́л-то взял опять арабских как народа карабельщичков,
А тут карабли тут вси ко дну ушли,
290 Перестрелял же Васька горька пьяница,
Как убил-то всех арабских да народа же,
Оцистил Васька горька пьяница
Он зашшитил же красной Киев-град.
Тут же князь Владимер ему да низко кланялсе:
295 «Уж ты ой еси, Василей свет Иванович,
Заходи ко мне во грины княженеськие,
Да попить-поисть же всё, покушати,
И белой лебедушки же всё порушати».
И тут князь Владимер скоро обирал же всё почесен пир,
300 Для того ли Васьки для горькой пьяницы,
Он садил его да во большо место:
«Уж ты кушай, ешь, да доброй молодец,
Ты по имени Василей свет Иванович,
Ты пречудной, прехитрой, мудрой всё богатырь же,
305 Оставайсе-ко, Василей ты же свет Иванович,
У меня же будь ты всё во городи во Киеви,
Сохраняй меня, князя Владимера,
Оставляю я тебе да всё свое же княжесьво».
Тогда говорил же Василей свет Иванович:
310 «Уж ты ой еси же, красно солнышко,
Ты Владимер-князь же Святославич,
Я нейду, нейду кне́жить да в красный Киев-град,
У мне было у моего родна батюшка,
У его именьицо-богасьвицо да сколько надобно,
315 Некуды ушло оно да некуда же всё,
Я был малёшенек тогда да был глупёшенек.

А когда отдал мня-ко родной батюшка,
Он учитьце-то на славны острова же всё да Милитрийския,
К прехитрым-премудрым учителям,
320 Я училсе, они меня учили же,
Прехитрой-то всё же меня грамотки,
Я в ученьицы же был очунь же хитрой же,
Мне ученьицо давалось очунь скорое,
Не учили меня они да хитростям всё же мудростям,
325 И же всё не научили всё образованьицу, всё же рыцарьскому,
Я осталсе от батюшка да всё молодёшенек,
Молодёшенек осталсе я, глупёшенек,
Мое богасьвицо именьицо добры люди всё разносили,
А добры люди были у моего же батюшка да богатырьские,
330 Все принадлежности были ведь да всё же рыцарьски,
Всё у мня украли да унесли же у мне,
Я осталсе теперь же сиротинушкой,
И с ехтой печали с того горя пью я зелено вино,
Не могу скрепить я ретива серьца».

101

СТАРИНА ПРО СУХМАНА СЫНА СУХМАТЬЕВИЧА

Как во городи было во Киеви
А и как у князя у Владимера да Святослаевича
Зашло соньцё, всё же шло красно ко западу,
Весёлой-от пир у князя шел на весели.
5 Во пиру были бояра-ти, дворяне-ти,
И могучия руськия богатыри.
Йшше все на пиру сидели досыта наедалисе,
Допьяна они да напивалисе,
Ише все они на почесном всё росхвастались,
10 Уж как умной-от хвастал родным батюшком,
Как разумной-от хвастал родной матушкой,
Как неразумной-от хвастал молодой женой,
А безумной-от хвастал сидел родной сестрой,
А богатыри хвастали силой да богатырьскою,
15 А как один богатырь сидел нецём не хвастал-то,
Он потупил буйну голову в кирпичной пол.
Тут ходил-то нашо красно Солнышко,
Он по гривины ходил да княженеською,
Он серебрениыма подковочками с ножки на ножечку приступывал,
20 Золотыма-ти шпорами набряживал,
Он на право-то ухо всё прислушивал,
Он жа правым глазом весело поглядывал
На же те столы да всё окольния,
Он на те ли скатерти да бранныя,
25 И за те лиества сахарныя,
И за те питьица заморския.
Он князь Владимер Святослаёвич
Он же весёлой он да всё поглядывал,
Ише речь же он всё возговорил:
30 «Уж ты ой еси, единородной доброй молодец,

И по имени Сухматий сын Сухматьевич,
Ише что же ты, доброй молодец могучой-от,
А и ты могучой наш руськой всё богатырь-от,
Ты по имени Сухматей сын Сухматьевич,
35 И сидишь у мня, доброй молодец, нецём же ты,
А и ты нецём же мне, князю Владимеру, не хвастаешь?
То тебе ли, добру молодцу могучому руському богатырю,
И разве тебе же, добру молодцу, похвастать разве нецем-то?
И тут нечём же ты мне, князю Владимеру,
40 И нечём же ты мне да всё не хвастаешь?»
И ставал Сухматей сын Сухматьевич
На резвы скоро он же ножочки,
Он же кланялсе, бил челом князю всё Владимеру:
«Уж ты ой еси, нашо красно солнышко
45 Ты Владимер-князь да Святославёвич,
Я похвастаю тебе, да доброй молодець,
Я Сухматей сын да всё Сухматьевич,
Уж я привезу те лебёдушку же белую
Я на тихих на тих на заводях всё ей,
50 Я на тех-то ей да на Пучай-реки.
Эта лебёдушка есть она да очунь белая,
Вочунь белая лебёдушка, есть у ей да два же крылышка,
Перьво крылышко у ей да всё серебрено,
А второ же крылышко в ей золочёноё».
55 Ети слова князю Владимеру очунь полюбилисе:
«Уж ты ой еси, Сухматей сын Сухматьевич,
Ты могучей у нас сильнёй богатырь же,
Привезёшь мне лебедушку белу в живых в руках,
Ета лебёдушка у тя будёт да не кровавая,
60 За твою ли я за [у]слугу за великую
Награжу тебя я трема городам же,
Нагружу тебя я золотой казной долюба».
А и тут ставал Сухматей сын Сухматьевич,
Выходил скоро он из тих столов из окольних же,
65 Он же крест-то клал да по-писанному,
А поклон он-то вёл по-учёному,
Он пошел скоро он да на широкой двор,
Ише брал в руки узду да всё серебренную,
Одевал на своёго коня богатырьсково,
70 Одевал на себя же он платьё богатырьскоё,
И одевал он на себя латы богатырьския,
И только видели мы добра молодца, как на коня же сел,
Только видели добра молодца, как курева скурела,
Курева скурила да только столб стоял.
75 Приезжал тогда Сухматей сын Сухматьевич
Ко Пучай он приезжал он к реки ко быстрою,
Он там ко тихим же да всё ко заводям,
Где-ка [о]дна плавала да лебедь же белая.
В том же в мести не случилосе,
80 Не случилось ей, не пригодилосе.
Тут роздумалсе богатырь Сухматей сын Сухматьевич,
И что нет ей тут лебёдушки, нет же белою.
Захотелось тогда Сухматью сыну Сухматьевичу

Во тихих заводей же ехати,
85 Как искал он ездил лебёдушку же белую,
Он не мог ей не найти негде.
Он поехал прямо он да ко Пучай-реки́,
Как Пучай-река стоит очунь мутная же,
Вся она смутиласе.
90 Тут возговорила Пучай-река:
«Уж ты ой еси, богатырь сын Сухматьевич,
Ты Сухматей сын Сухматьёвич!»
Говорил же тут Сухматей сын Сухматьёвич:
« Уж ты ой еси, Дунай ты, да речка быстрая,
95 Ты пошто ето очунь да помутиласе?»
Тут проговорила Сухман-река:
«Уж ты ой еси, богатырь Сухматей сын Сухматьёвич,
Как за мной-то речкой-то за быстрою,
Как сила-то стоит да всё тотарьская.
100 Ище днём они мостят мосты-ти всё калиновыя,
Уж и ночью-ту, река, я всё повыбью мосты,
Я из сил всё, река, повыбиласе».
Тут Сухматей-от богатырь всё Сухматьевич
Он немного доброй молодець же думал же,
105 Он же брал в руки плеточку шелковую,
Он как зачал-то стегать своего добра коня,
Ише скорый мах перескоцил его добрый конь.
Как поехал Сухматей сын Сухматьёвич,
Он приехал скоро, тут стояла сила тотарьская,
110 Ише сорок тысяць стояло поганых тотаровей,
(*Вот сколько!*)
Они шли скоро ко городу-то Киеву,
Как ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Ише божьи церквы они хотели на дым спустить,
И монастыри-ти они спасёны розорить же всё,
115 Ише князя-то Владимера сгубить же хотят.
Ише у Сухматья-то сына всё Сухматьевича
При ём сабельки вострой не пригодилосе,
Ише взял он ломал он дубиночку да со сырой земли,
Ише сел он скоро да на добра коня да богатырьсково,
120 Ише зачал дубиночкой помахивать,
И на право стал, на лево их же всё повёртывать,
И перебил-то их-то всих да до единого.
Ише два тотарина поганыя
Убежали они да за рокитов куст,
125 Они налаживали же стрелоцьки калёные
На богатыря Сухмана на Сухматьёвича.
И-и попала Сухматью сыну всё Сухматьёвичу
Калена стрела да в правой бок ему.
Недосуг же тут Сухману Сухматьевичу
130 Недосуг ему много же розговаривать,
Потекла у его да из ран да кровь кровавая.
Он нарвал листочков всё малиновых,
Он приклал [к] ранам да всё к кровавым же,
Перевязал взял он своим платочиком же беленьким.
135 Тут садилсе богатырь сын Сухматей всё Сухматьёвич

На добра своёго коня да богатырьского,
Недосуг ему боле искать-розыскивать
Ишо беленькой ему лебёдушки,
Привести к к(е)нязю Владимеру,
140 Он поехал скоро он да в красён Киёв-град,
Он ко грины-то поехал к княженеською,
Ко крылечушку поехал скоро к княженеському,
Й ко столбичку поехал всё к точёному,
Ко колечушку да к золочёному.
145 Тогда стречал его да князь Владимер же,
Он встречал-то богатыря Сухматья сына Сухматьёвича,
Уж он с радости стречал его, с весельица:
«Уж ты здрастуй-здрастуй, Сухматей сын Сухматьёвич,
Ты привез ли мне-ка лебёдушку же белую?
150 Уж как беленьку лебёдушку не кровавую?
Я тогда-то буду добра молодца же жаловать,
Уж я буду тебя тогда миловать
Золотой казной до долюба!»
Тут возговорил богатырь Сухматей сын Сухматьевич:
155 «Уж ты ой еси, нашо ты красно солнышко,
Ты великой князь Владимер же Святослаевич,
Не до лебёдушки же мне-ка было до белою, —
Как за Непрёй-то речкой быстрою стояла сила неверная,
Как неверная стояла сила, тотарьцкая,
160 Ише сорок тысячей стояло поганых всё тотаровей,
Они же шли поганыя тотарова
Как во славной шли город, к Киеву,
Ише красной Киев-град розорить хотели,
Тебя, князя Владимера, во плен же взять;
165 Перебил я всих же их да до единого».
Тогда не поверил князь Владимер Святослаевич:
«И не может быть, неправды мне-ка сказывашь».
Приказал он засадить Сухмана сына Сухматьёвича
Как во тёмну его во темницу,
170 Заключить его в злодейку в заключебную.
Говорил тогда Сухматей-от сын Сухматьёвич:
«Уж ты ой еси, князь же всё ты Владимер Святослаёвич,
Ты не веришь што моим словам же всё же вы,
Ты пошли, пошли-ко моих же брателков двух крестовых же:
175 Во-первых пошли старого-седатого,
Как того ли ты Илью-та Мурамца,
Илью Мурамца сына Ивановича,
Во-вторых пошли Добрынюшку Микитича.
Ише пусь они досмотрят всё, доглядят же они.
180 Не посылай только Алешеньку Поповича,
А Алешенька Попович правды не скажот же».
Тут же скоро старой-от седатой-от,
«Уж ты ой еси, старой-седатой Илья Мурамец,
И-и сын же ты всё Иванович,
185 Уж ты съезди-ко далече во чисто полё,
Во чисто полё съезди во широкоё в раздольицо,
Ише к той же ты реки ко Непр-реки́,
И ты же съезди, съезди-ко,

Добрынюшка Микитич млад,
190 Посмотрите вы-ко, доглядите-ко,
Ише правду ли мне сказыват
Сухматей всё Сухматьёвич».
Тут же скоро старой-от седатой-от,
Ише Илья же сын же Мурамец
195 И они скоро с Добрынюшкой сбиралисе,
Они брали с собой всё палици буёвые,
Они брали с собой копьица же востры богатырьские,
И садились скоро на добрых коней да богатырьских же,
Они сели на добрых коней да богатырьских же,
200 [О]ни поехали за ету реку за Непр же всё,
Увидали во чистом поли силы набито же,
Набито силушки поганой счёту-сметы нет,
Они нашли-то дубиночку, котору Сухматей сломал
ей да из сырой земли.
Ета дубиночка да вся она обломана,
205 И тогда же ета дубиночка же вся изломана,
Она весом-то была да девяноста пудов,
И привозили князю они да ко Владимеру
Показать ему да всё каж было же.
Тогда князь Владимер поверил же,
210 Говорил князь Владимер Святославёвич:
«Уж вы ой еси, послы вы княженеськие,
Вы берите-тко ключи да золотые-ко,
Отмыкайте же вы да тёмны тёмници,
Выпускайте-ко Сухматья сына же Сухматьёвича
215 Из той ли яго же всё же тёмной тёмнице,
Вы ведите его да добра молодца,
Как могучого руського ко мне богатыря,
Как в мою-ту во грину княженеськую,
Как ко мне, князю, ведите, ко Владимеру.
220 Уж я буду его, добра молодца, и жаловать,
Буду жаловать его я, миловать
За его ли всё за услугу за верную,
Уж я золотой казной дарить его долюба!»
Тут княженеськие послы да не ослышались,
225 Они пошли скоро выпускать Сухматья сына
Сухматьёвича
Из тёмной-то его да всё из тёмницы.
Выходил тогда Сухматей-от сын Сухматьёвич
И говорил же он тогда да таковы слова:
«На приезди-то у мня гостя да не учёстовали,
230 На отъезди-то меня да не учёстуешь».
Тогда выдергивал Сухматей-от сын Сухматьёвич
Из своих-то ран он листочки малиновые,
Тогда потекла у его из ран кровь кровавая.
Тогда возговорил Сухматей-от сын Сухматьёвич:
235 «Протеки же тут река, да всё река Сухман же всё
От моей крови горячою».
Протекла тогда Сухман да речка же быстрая.

102

КАК ЖЕНИЛСЯ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Как во славном было во городи во Киеви,
Как у ласкова у князя-та у Владимера
Заводилсе у его почесён пир для всех же он,
Приказал-то нашо красно солнышко Владимер-князь,
5 Приказал он звать да гостей князьей-бояр же всё,
Ишше звал он всё купьцей-гостей торговых-то,
Ишше звал же он попов-отцов духовных же,
Ишше звал-то нашо красно солнышко Владимер-князь,
Ишше звал-то он прожитосьных хресьян-то всё,
10 И он же звал же черного пахоря — землю пахал, —
Ишше тут же всех приглашал князь Владимер же.
Он садил их за свои столы за окольние,
За те ли за скатерти всё за браные,
Всё заества садил их за сахарные,
15 За браги-ти всё садил, водочки заморьские,
Ишше белую лебёдушку же рушати,
Уж как рушати лебёдушку же, кушати.
И все-ти у князя Владимера на пиру у его,
И вси на почесном да наедалисе,
20 Ишше все они допьяна да напивалисе,
Ишше все они на пиру, братцы, росхвастались:
Ишше умной-от сидел хвастал да родным батюшком,
Как разумной-от сидел хвастал да родной матушкой,
Ишше глупой-от как сидел хвастал да всё молодой женой,
25 Неразумной-от сидел хвастал да всё родной сестрой,
Ишше богатыри-ти сидели хвастали своей силою богатырьскою,
Как богатой-от сидел хвастал-от золотой казной,
Кто сидел прохвастал, братцы мои, хоромами,
Кто хвастали сидели добрыма конями.
30 Ишше нашо-то красно солнышко Владимер-князь
Он по грини по княженеською похаживал,
Он желтыма-ти кудрями сам ростряхивал,
Он серебрянымa подковочками нежно пристукивал,
Золотыма-ти он же шпорами сам набрякивал,
35 Золотыма-ти перстнями с руки на руку перемякивал.
Ише тут-то же нашо-то красно солнышко
Подходил ко тем столам окольним же,
Он ко тем ли скатертям бранным-то,
Он возговорил им да красно солнышко,
40 Как Владимер-князь всё да Святославич:
«Уж вы гой еси, мои гости приезжия,
Вы приезжия и гости мои да всё приглашонныи,
А вы на пиру у мня до досыта да наедалисе,
Уж вы на почесном у мня допьяна да напивалися,
45 Ишше вси у мня да вы росхвастались.
Уж вам скажу реци я всё, я вам возговорю:
Есть же вот у нас в славном городи во Киеви
Ишше вси у нас во городи во Киеви приженилисе,
И хороши-ти девицы у нас замуж повыданы.

50 А я скажу вам рець да вам вымолвлю —
Выбирайте-тко мне, князю Владимеру, обруцницу,
Мне обруцницу-невесту красну девицу,
А вот штобы была росту не малого,
Штобы было мне князю кого княгиной звать,
55 И как бы вам кому было да поклонитисе.
А и што походочка была у ей павиная,
У ей речь была лебединая,
А и у ей личико было да как порошка снежку белого,
А у ей шшочки-ти были да как же маков цвет,
60 А и уж и брови-ти же были соболя сибирьского,
А как глаза-ти у ей были у сокола перелетного!»
(Вот вишь как князь Владимер выбирал невесту!)
А и тут-то на пиру, братцы, все призамолкнули,
А на почесном-то вси сидели, братцы, да призагунули,
А и как старшой-от тулилсе за середнёго,
65 А как середнёй-от тулилсе всё за младшого,
А как от младшого ответу ише не было,
И говорил-то нашо красно солнышко на второй же раз:
«И еще што же вы, братцы, вси у мня на пиру призамолкнули?
И ишше што же вы у мня на почесном призагунули?
70 А и выбирайте мне обрусьницу-подвенесницу,
А мне, князю-ту Владимеру мне, княгину,
А и што личико-то было у ей как порошка снежку-то белово,
А и шшочки-то у ней были как же маков цвет,
А у ей и брови-ти же были у соболя сибирского,
75 А и у ей глаза-ти были как у сокола перелетного,
А и как у ей рець-та же была тихая лебединая,
А как походочка у ей была же всё павиная,
А и ише было мне жа, князю, княгиной назвать,
А ишше было кому вам да поклонитисе!»
80 Ишше все же тут на пиру, братцы, празагунули,
Ише все же на почесном призамолкнули,
Ише старшой-от тулилсе всё за среднёго,
А как середнёй-от тулилсе всё за младшого,
А как от младшого, от малого ответу не было.
85 И э говорил-то князь Владимер им же на третей након.
И тут из-за тех ли из-за столичка окольния
Как ставал-то единородной молодец,
И и как умной-от ставал-то, братцы, разумной-от,
А и как могучой-от наш русской да всё богатырь,
90 А как по имени Добрынюшка Микитич млад,
Он ставал скоро на резвы да на свои ноги,
А он же бил чолом князю Владимеру, низко кланялсе:
«А уж ты ой еси ты, нашо красно солнышко,
А ты великой князь Владимер Святослаевич,
95 Я же скажу тебе да всё поведаю,
Я же знаю тебе невесту не во славном городи во Киеви,
Есть у тою ли у проклятой Литвы,
У того ли короля да Лихоминского,
Ишше есть у его да две-то дочери любимыя:
100 А перьва доць-то есть у его Настасья-королевисьня,
Та не тебе слега да не тебе жона,

А та Дунаю сыну-та [Ивановича] слега,
Она ему слега да ему будёт да молода жена,
Она полениця всё преудалая.
105 Ишше есть-то [у] короля-те вторая дочь,
Што вторая дочь его любимая,
Ишше та ли Апраксенья дочь же королевисьна,
Она тебе слега да состоить будёт твоей да молодой жоной,
А я не сам видал же, от людей слыхал.
110 Уж ты ой еси, да красно солнышко,
Как Владимер-князь же всё же Святослаевич,
Я слыхал-то от своёго брателка крестового,
От того ли я Дуная сына Ивановича:
Ишше жил-то Дунай да сын Иванович
115 Он в проклятой Литвы да всё в неверной земли,
У того ли короля да Лихоминьского
При его двори на королевском-то,
Он же три года же жил он всё при дворниках,
Ишше три года он служил во ключниках,
120 И он же три года [у] короля Лехоминьского
Утешал-то его любимых дочерей,
Во свои-ти во весёлые гусли-ти играл же он,
Во гуселки играл он во золочёныя,
При обеди-то [о]ни сидели кушали,
125 Они ели кушанья сидели всё сахарныя,
Они сладкия пили мёды-ти да очунь дороги,
И засажон у тя же, красно нашо солнышко,
Ты Владимер-князь же Святослаевич,
Как Дунай-от всё у тя Иванович,
130 Понапрасному он засажон да в тёмници».
И тут приказал же князь Владимер же,
Он же брать-то им да золоты ключи
И отмыкать-то приказал им тёмны тёмници,
Выпускать-то Дуная сына всё Ивановича,
135 Он велел вести его во грину княженеськую
И за те ли за столички да за окольния,
И за те ли за скатерти же всё за браныя,
И за ества садить его за сахарныя,
За дороги-ти же водочки же всё заморския,
140 И приказал им чарочку же наливать ему,
И как Дунаю-ту сыну всё Ивановичу.
И выпускали Дуная сына же Ивановича,
Выпускали его из тёмницы из тёмною,
И призаходил Дунай да сын Иванович,
145 Он во грины же всё да княженеськия,
Он же крест-то клал Дунай да по-писанному,
Ише он поклон-от вёл Дунай да по-ученому,
А челом-то бил князю да низко кланялсе:
«А и уж здрастуй, здрастуй, князь нашо красно солнышко,
150 А и ты великой наш князь Владимер Святослаевич!»
А и уж тогда нашо красно солнышко Владимер-князь
А и наливал-то Дунаю сыну да всё Ивановичу,
А и наливал же ему же чарочку же полтора ведра,
Э и наливал-то ему же чарочку вина горьково.

155 А и брал-то Дунай-от сын Иванович правой рукой,
А и выпивал он чарочку Дунай сын Иванович за единой дух.
А и как втору-ту наливал нашо красно солнышко
А и как великой наш князь Владимер да Святославич,
А и он вторую-ту же чарочку пива сладкого,
160 Ише брал Дунай-от сын Иванович единой рукой,
Выпивал же тут Дунай сын Иванович за единой дух.
Наливал-то князь Владимер вот третью чару,
Вот третью-ту чару дорогих водок заморских-то.
Ишше брал Дунай чарочку единой рукой,
165 Выпивал же Дунай сын Иванович за единой дух.
Ишше тогда же наш Дунай же сын Иванович,
Ишше стал же он тогда же да всё весёлым же,
Ише стал у нас Дунай же сын Иванович,
Ише стал-то он же с князём да поговаривати,
170 Ише стал тут Дунай же сын Иванович
Веселыя-ти речи с князём поговаривати.
Говорил-то князь Владимёр Святославич:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович,
Што я тебе скажу же, речь да тебе же вымолвлю:
175 Ты знашь ли мене, князю Владимеру, невесты же?
Ишше княгину мне взять же да всё в супружесьво?
Ишше вси у нас во славном городи во Киеви
Ишше вси у нас да приженилисе,
Только я у вас, князь Владимер, да всё холост хожу,
180 Я холост хожу у вас да нежонат слыву,
Выбирай-ко мне, Дунай да сын Иванович,
Ты везде бывал во всих городах же всё,
Ты у неверных землях бывал да в проклятой в Литве,
В проклятой Литве живал да их же всих видал;
185 Ты выбирай-ко мне княгину-ту князю взять.
Ты не знашь ли мне, Дунай да сын Иванович,
Мне невесты-то князю Владимеру Святославичу,
Штобы росту-ту она была мне не малого,
Што умом-то была она да всё разумная,
190 Вот разумна была, — у ей походочка павиная,
У ей-то шея же была всё да лебединая,
У ей личико было как порошка-та снежку белого.
У ей шшочки были как же всё маков цвет,
У ей же брови же были как у соболя сибирьского,
195 Как глаза-ти у ей были — у сокола перелетного».
Ише тут Дунай-от сын да всё Иванович:
«Уж ты ой еси, нашо ты красно же солнышко,
Ты великой князь Владимер Святославич,
Уж я знаю тебе невесту-ту в проклятой в Литвы,
200 В проклятой в Литвы, в неверной земли в поганою,
У того ли я короля да Лихоминьского.
Уж я жил у его девять-то я жа годичков,
Как есь у его, у короля, да у его две дочери любимыя
Как перьвая-то дочь есть Настасья-та королевисьна,
205 Та не тебе слега, не тебе она будёт жона,
Та же мне будет жона да она моя слега,
Она поленица-та Настасья-та дочь королевисьна,

Полени́ца она же всё преудалая,
Она ездит полякуёт по чисту полю,
210 По чисту полю ездит, по широкому раздольицю;
Ишше ес[т]ь у короля да есть вторая дочь,
Как вторая у его же дочь да всё любимая,
Апраксенья-та всё же есть да королевисьня,
Ише-та тебе слега́, будет твоя жона.
215 У ей личико как порошка-та снежку белово,
У ей личико у ей да как же маков цвет,
Уж как брови-то у ей — у соболя сибирского,
Как глаза-ти всё у ней, как у сокола перелётного».
Уж и говорил тогда же князь Владимер-от,
220 Говорил-то он Дунаю сыну Ивановичу:
«Уж ты съезди-ко, Дунай ты да сын Иванович,
Ты в неверную в землю да в прокляту Литву,
Ко тому ли ты королю да Лихоминьскому,
Уж ты свататьсе на его же любимой дочери,
225 Как на той ли ты на Апраксеньи-то королевисьни».
Ише тут скоро́ Дунай да жа Иванович
Он пошел скоро́ же он да на широкой двор,
Ише брал он своего добра́ коня да богатырьсково,
Он выводил же его скоро́ да на улицю,
230 Он садилсе скоро́ же он да на добра́ коня,
Только видели до́бра мо́лодца, как на коня садилсе,
Только видели до́бра мо́лодца во чистом поли́,
Во чистом поли́, в широком во роздо́льици,
Только курева́ скутела, только же столб стоял.
235 Ишше ехал тут Дунай да сын Иванович,
Он скоро ли, долго ли тут же поездка его,
Ише ехал-то он в неверну-ту прокляту Литву,
В прокляту Литву в неверную,
Ко тому ли он королю же Лихоминьскому.
240 Приезжал скоро́ ко дворцу он королевьскому,
Ко тому ли к столбу да ко точёному,
Ко точёному к столбу да к золочёному.
Он скакал Дунай сын Иванович со добра́ коня,
Он вязал своёго добра́ коня богатырьского
245 Ко тому ли он ко колечушку золочёному,
Насыпал же он пшеницы ему белояровой,
Он пошел-то скоро в покои-ти в королевския,
Он не спрашивал ни придворников, ни караульнишков,
Шел мимо их, низко кланялсе.
250 Заходил-то Дунай сын Иванович
Во покои-ти королевские,
Он не кстил-то всё своего лиця белого,
Королю-ту бил да низко кланялсе,
Корлеви-то ему жоны да пожилой жоны.
255 Говорил-то ему король Верхоминьской-от:
«Уж ты здрастуй, здрастуй, Дунай да сын Иванович,
Ты приехал-то ко мне, королю к Верхоминьскому,
Ты служить ко мне с верой с правдой всё по-старому?
Што по-старому же мне да всё по-прежному?»
260 Тут возговорил Дунай да сын Иванович:

«Уж ты ой еси, король да Верхоминьской же,
Я приехал же к тебе служить не по-старому,
Не по-старому, не по-прежному,
Я приехал-то к тебе да со святой Руси,
265 Со святой Руси приехал, из славна города,
Из славна приехал я из Киёва,
Я от князя еду от Владимера,
Я от красного своего же я от солнышка:
Тут я свататьсе на твоей любимой дочери,
270 На Апраксеньи-то я приехал свататьце на королевисьни,
Ты отдай, отдай свою дочь да всё любимою,
Как за нашого князя да всё Владимера,
Вот Владимера же отдай да за Святослаевича».
Говорил тогда Дунаю сыну Ивановичу
275 Король ему, король да всё Верхоминьской-от:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович,
У мне засватана она да дочь любимая,
Ише та ли у мне Апраксенья-то королевисьня
За поганого Идолишша за проклятого,
280 Белы ручушки у ней да призадаваны,
Золотыма-ти перснями да поменялисе».
Ише говорил тогда королю Дунай же всё,
Как Дунай-от говорил всё же Иванович:
«Уж ты ой еси, король да Верхоминьские,
285 Я говорю тебе не раз, не д(ы)ва же всё,
Ты засватывай-ко свою же доць любимую
За того ли за нашого князя всё за Владимера,
Как за красного нашого солнышка!»
Говорил тогда король да все Верхоминьской-от:
290 «Уж ты ой еси, Дунай да всё Иванович,
Ще каково-то есть у вас на святой Руси,
На святой Руси во славном городи во Киеви, —
Как пекёт у вас красно солнышко на кучах на навозных-то!»
Тут Дунаю-то сыну Ивановичу за беду пало,
295 За беду пало ему да за великую,
Што король-от Верхоминской назвал нашого красна солнышка,
Ише загорелось у Дуная сына Ивановича,
Разгорелось у его серьцо богатырьское,
И расходились у Дунаюшка могучи плечи,
300 Ише брал Дунай в руки саблю вострую.
Ише говорил король да Верхоминьской-от:
«У мня засажона моя доць любимая,
Ише та ли Апраксенья-королевисьня,
За семидесятью семью замками всё заморскима,
305 Она сидит-то с нянюшками, с мамушками,
А и со сенныма со красныма девицами,
А и как у кажного замка да всё заморского
И стоит по сторожу да всё по тотарину».
Ише брал Дунай да сын Иванович,
310 Ише брал в руки саблю же он вострую,
Ише пошел скоро он в покои в королевские,
Он во те ли в калидоры-ти во тёплыя,
Ише стал-то он слева направо-то помахивать,

Он же в праву сторону махнёт, да лёжит улица,
315 Он в левую махнёт — лёжит да переулками,
Тут наехали Идолишшо поганое,
Как поганое Идолишшо проклятой-от,
Он наехал скоро же да из чиста поля,
Из широкого наехал из роздольица,
320 Ише зачал-то же он возговорил,
Таковы слова же он да таковы речи:
«Ише кто такой хочет взять мою невесту же,
Ише Апраксенью у мня королевисьню?»
И тут же зачали Здунай да сын Иванович
325 Они с поганым-то Идолишшом с проклятым же,
Он же бой дёржать с им да воеватисе,
Они добрыма конями тут же всё съехалисе,
Вострыма саблями они друг на друга да всё замахивалисе,
Ихны острыя-ти сабельки да притупилисе,
330 Ище стали добрыма-ти конями да съезжатисе,
Ишше друг на друга вострыма копьями,
Ихны копьица да поломалисе,
Ишше стали битисе-боротисе,
[О]ни скакали скоро же да со добрых коней,
335 Они билисе-дрались да в полуколен землю да всё стоптали-то,
Оборол Дунай да сын Иванович поганого Идолишша,
Э и поганого Идолишша проклятого,
Он садилсе скоро Идолишшу да на чёрны груди,
Он спорол у его да груди черныя,
340 Вынимал у его да ретиво серцо.
Ише тут же Дунай да сын Ивановиць
Он пошел скоро к покоям королевским же,
Заходил же где была Апраксенья-королевисьня,
Она сидела Апраксенья-королевисьня,
345 На ковре-то сидела на рытом всё же бархати,
Против зеркала сидела она заморьсково,
Вышивала ширинку красным золотом,
Красным золотом высаживала шириночку да чистым серебром
Она поганому Идолишшу проклятому,
350 И отпирал Дунай Ивановиць двери же [в] комнату,
И говорил-то он ей таковы слова:
«Уж ты ой еси, Апраксенья-королевисьня,
Ты одевайсе-ко же в платьицо в дорожноё,
В дорожноё в платьё же всё в тёплоё,
355 И повезу я тебя да на святую Русь,
На святую Русь да в славной Киев-град,
Я ко князю тебя да ко Владимеру,
Ко Владимеру везу да Святослаевичу».
Проговорил Дунай да сын Иванович,
360 Говорил-то он королю да Верхоминьскому:
«Уж ты ой еси, король да Верхоминьской же,
Собирай-ко дочь свою да ты любимую,
Апраксенью-ту провожай да королевисьню
На святую ты Русь да в славной Киёв ты город,
365 Ты ко князю ей ко Владимеру,
Ты ко Владимеру же ей да ко Святослаевичу,

Собирайте-ко ей да снаряжайте же,
А и вы приезжай на пиры да на весёлые,
На веселы пиры к князю ко Владимеру.
370 И как повезу ей да в славной Киев-град,
А как нас стретит же князь Владимер Святославич,
Ишше будёт он во соборах-то, во храмах божьих-то
Принимать-то будут-то они с Апраксеньей-королевисьнёй,
И по злату веньцю будут содержать да на главах своих,
375 И приезжай король да ты же с королевой своей,
С королевой да с пожилой жоной,
Ко князю ко Владимеру да на весёлой пир,
На весёлой пир да пировать же будём,
Пировать же будём за здравия князя-та да всё Владимера,
380 Со княгиной будём да с Апраксеньёй-то же королевисьнёй!»

103

ПИР У КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

И как во славном-то было во городи во Киеви,
А и как у ласкова у князя было у Владимера,
И заводилсе-то у князя почесен пир,
А и для богатырей-то могучих русьских-то же всё,
5 А и для бояр-то князя для любимых же.
А и на пиру-ту вси сидели пели, веселилисе,
А и на почесном-то пированьицы пили, ели они,
Пили, ели они, кушали,
Беленьку лебедушку они рушали.
10 А и на пиру-то сидел удалой доброй молодець,
А и как могучой-от русьской-от богатырь-от,
А и как Добрынюшка-та сидел же Микитич млад,
Он же брал в руку свои гусьлици веселые,
А и он натягивал тетивочки золоченые,
15 Тетивочки золоченые, струночки серебрены.
Как Алешенька Попович сидел пропевал же всё,
А пропевал Алешенька старины старинные,
А и всё старинные старинушки, бывалые,
А всё же князь-от сидел Владимер всё прослушивал,
20 Он прослушивал и весело поглядывал,
И ему ндравились-то былины ему старинные
А и как про князя-та Владимира Святославича.
Тут пиры-ти всё же стали росходитисе,
А и могучи-ти богатыри стали выходить с пиру,
25 А и как со тех ли всё со столичков с окольних-то,
Из-за тех ли из-за скатертей из-за браных-то,
А из-за тех ли из-за еств из-за сахарных-то,
Дорогих-то водочек заморских-то.
А и выходили князь со княгиной, благодарили же,
30 Князю Владимеру подавали да праву же рученьку,
А княгины Апраксиньи-королевисьни
Подавали-то ей они да руки левые.
И они выходили скоро да на широкий двор,
Они брали-то своих добрых коней же всё,

35 А они садились на своих коней богатырских-то,
Э-э они садились в стремена, стремена булатные,
А они брали с собой да копья вострые,
А и копья вострые брали басурманские,
И провожал-то их же князь Владимер со княгиною,
40 А и со княгиною со Апраксеньей-королевисьной.
Разъезжалисе бога́тыри могучие
По чисту полю́ они, по широкому роздольицу,
А и во все-то они четыре-то стороночки,
А и по своим-то они подвигам богатырским-то,
45 А и ко своим они к отцам да к своим матушкам,
А и ко своим тоже они да молодым жонам,
К молодым жонам да к малым деточкам.

104

ГОВОРИЛ-ТО ДЯДЮШКА ПЛЕМЯННИЧКУ

[ИВАН ГОДИНОВИЧ]

Говорил-то дядюшка племянничку:
«Ише что же ты, мой любимой же племянничок,
Ише что же ты долго у мня не женишьсе?»
— «Уж я рад бы, дяденька, женитисе,
5 Мне во городи во Киеви невесты нет,
Э мне-ка молоду взять — будёт чужа корысть,
А и мне-ка старую — разве́ на пёчи лежа́ть».
И говорил дядюшка племянничку:
«Я тебе знаю, мой любимой же племянничок,
10 Уж я знаю тебе невесту в неверно́й земле,
В неверно́й земли, в проклято́й Литвы;
У того ли короля же Митрия да Митрияновича
Ишше есть у его да дочь любимая,
Дочь любимая Настасья-королевисня,
15 И она тебе взять да замуж за себя».
И тут скоро племянничок ставал да на резвы́ ноги,
Он послушал своёго́ да дяденьку родимого,
Он пошел скоро́ да на широкой двор,
Он же брал в руки узду всё серебренную,
20 Ишше брал-то своего добра́ коня,
Он добра́ коня же брал да богатырьского,
И одевал на его седёлышко черкальское,
Одевал двенадцать подпруги серебренных,
А тринадцату клал же всё ремянну,
25 Он не для ради красы, ради крепости,
Што его-то доброй конь да не вырутил
(Не выронил).
И как пошел скоро́ в покои он в свои высокие,
Скинывал с себя да платьё цветное,
Одевал на себя платьё да богатырьское
(Тоже вот видно какой-то богатырь был, а не прописано вот имя)
30 Одевал на себя латы да богатырьские,
Ишше брал-то с собой палицю, саблю вострую,

Ишше брал с собой да копьё востроё,
Копьё востроё да басурманскоё,
А и он прошшалсе со своим дядюшкой родимым-то.
35 И провожал его дядюшка родимой-от,
Провожал-то его да он наказывал:
«Ты поедёшь, мой любимой же племянничок,
Ты в неверну землю, в поганую,
Ты в погану, в проклятую,
40 Ко тому ли королю да всё Митрию да Митреяновичу,
Вот зайдешь-то в полаты в королевския,
Ты бей челом да ему низко кланяйсе.
Говори же королю да со упадкою,
Со упадкой говори да со великою —
45 Уж ты сватайсе на его же дочери любимою,
Как на той ли Настасьи Митрияновны».
Тут поехал-то племянничок же скоро он,
Он поехал далече во чисто полё,
Во чисто полё, в широкоё роздольицо,
50 И приезжал-то он в землю неверную,
Он в неверну землю, в проклятую,
Ко тому ли королю же Митрию да Митреяновичу,
Он ко тому ли к столбу да всё к точёному,
Ко точёному столбу да к золочёному.
55 Он вязал добра коня за колечушко да золочёноё,
Насыпал-то пшеници белояровой.
Он пошел скоро в покои в королевские,
У дверей-то он не спрашивал не придворников,
Всих толкал, пехал да их да за белы груди;
60 Заходил скоро в покои в королевския,
Он не кстил-то своего да лица белого,
Он королю-ту да низко кланялся
С пожилой женой да с королевою.
Ише к королю-ту Митрию да Митрияновичу
65 Как придворнички идут да всё со жалобой:
«А уж ты ой еси, король да Митрей Митреянович,
Как наехал какой-то же скоморошина со святой Руси,
Да идет всё до нас да не докладываитце,
Не докладываитце у нас, не спрашиваитце,
70 Нас толкал, пехал да за белы груди,
Он же идёт же к вам же в королевские полаты белокаменны».
И тут королю же Митрею да Митреяновичу
За беду ему пало да за великую,
За досадушку же всё да показалосе:
75 «Уж ты ой еси, единородной доброй молодець,
Ты наехал к нам же ты какой же, откуль?
Некак не докладываишьсе, не долаживаишьсе,
И моих ты всё же караульшишков,
Караульшичков же всё у мня да королевских же
80 И ты пихашь, толкашь же их да за белы груди!»
Ишше говорил король да таковы слова.
А и говорил же тут племянничок да королю же он,
Ише Митрею да Митреяновичу:
«Уж ты ой еси, король да Митрей Митреянович,

85 Мне не чесь-те будёт, похвальба да молодецькая,
И мне не честь-те же всё да богатырьская,
Что я буду кланятьсе твоим придворникам,
Я придворникам да караульшичкам!»
А ише тут же король Митрей Митреянович
90 Он подкладывал ему свой стул да королевской-от:
«Ты садись-ко, садись единородный доброй молодец,
Ты на мой же стул садись да на королевьской-от».
А и тут садилсе-то племянничок да королевськой-от,
Ишше стул-то под ним да королевьской сломалсе же,
95 Ешше тут-то королю да за беду пало,
Что сломал его же стул да королевьской-от:
«А у мня стул же был да всё же дедушков,
На память был же мне же он оставлён мне!
А и ты откуль наехал, удалой да доброй молодець?
100 А и ты ли со святой Руси наехал ты?
Али какой сам сбеглой солдат да со службы государевой?
А и ты наехал ко мне служить верой-правдою,
А и королю же ты мне, Митрею да Митреяновичу?»
Говорил-то же тут же всё племянницёк,
105 А и говорил-то королю же Митрею да Митреяновичу:
«Я приехал к тебе же королю, да Митрей Митреянович,
Я служить-то со святой Руси,
А я из города наехал всё из Киева,
Я от красного солнышка от князя всё Владимера!»
110 И говорил король же Митрей-от Митреянович:
«Ишше какой же у вас есть во городи во Киеви
Ишше красно же вашо красно солнышко?
Красно солнышко у нас на кучах пекёт на навозных же!»
Это племянничку же таковы слова да не слюбилисе.
115 Роскипелось у племянницька да ретиво серьцо,
Расходились у его да могучи плечи,
Лепета-то в лици да переменилисе,
А и пошел-то он же тут да выговаривать:
«Уж ты ой еси, король да Митрей Митреянович,
120 Я к тебе приехал всё да не служить же всё,
Я не с верой-то приехал да не с правдою.
Я приехал к тебе да сватом свататьце
На твоей-то любимою на доцери,
Я на той на Настасьи-королевисни».
125 — «Уж ты ой еси, единородной доброй молодец,
Ты могучой же русьской всё богатырь же,
У меня засватана да дочь моя любимая,
Как же та у мня Настасья Митреяновна,
За поганого царишша Вахрамеишша.
130 Белы ручушки у ей да призадаванные,
Золотыма-ти персьнями поменялисе,
И засажона у мне, засажона моя да дочь любимая,
Ише та ли Настасья Митреяновна,
[О]на за семьдесятью семью замками всё заморскима,
135 А у кажного замку стоит по сторожу,
Что по сторожу стоит что по татарину».
А говорил-то тут ей же всё племянничок:

«Уж ты гой еси, король ты Митрей Митреянович,
Отдавай-ко ты за мене да свою дочь любимую,
140 Уж ты с радости отдавай, со веселия,
И не отдашь ты за меня, король ты Митрей Митреянович,
И своей ты дочери любимою,
Ишше той же ты Настасьи Митреяновны,
Я тебя же, король, стругóм повыстружу,
145 Я стругóм же тебя повыстружу,
А возьму твою дочь любимую,
За себя взамуж возьму же всё».
Ишше говорил король да Митрей Митреянович:
«Ише как нельзя да моей-то дочери любимою
150 Она засватана у мне, Настасья-та Митреяновна».
И тут-то племянничок не много розговаривал,
Роскипелось у éво ретивó серьцо,
Побежал он скорó на широкой двор,
Он же хлопнул-то дверью во весь же мах,
155 А королевьска палата вся же потрясаласе,
А из рам-то стеколышка попадали.
И перепалсе король тогда да Митрей Митреянович,
И не мог сказать племянничку некакова слова.
Ишше тут он пошел да ко своему да ко добру коню,
160 Ишше брал он скорó саблю в руки вострую
И пошел скорó калидором королевьским же,
Ишше зачал своей он палицой булатною
И стал он на праву сторону помахивать,
И на левую стал он отмахивати,
165 И прирубил-то всих поганых всих татаровей.
А ишше тут-то перебил племянничок да всех татаровей,
И он прерубил всих их да до единого.
А ишше отпирал ту же комнату да королевьскую,
Где сидела Настасья Митреяновна,
170 Óна со мамушками сидела, с нянюшками,
Она со сенныма с красныма же с девушками,
Ишше сидела вышивала она ширинoчку,
Ишше разныма шелкáми она заморьскима,
И [о]на росшивала дорогим да красным золотом,
175 А усаживала да чистым сéребром
И дорогим-то да скатным жемчугом
Да поганому царишшу Вархамеишшу.
И тут сидела Настасья Митреяновна
И на ковры-то она сидела на рытом бархати,
180 Против зерькала сидела всё заморьсково.
И заходил тогда, говорил-то ей племянничок:
«Уж ты ой еси, Настасья-королевисьня,
Королевисьня Настасья Митреяновна,
А и одевайтесь вы-то скорее да в платьё дорожноё,
185 А и што в дорожное в платьё всё во тёплоё,
И ты поедёшь же со мной да на святую Русь,
А и на святую ты Русь, в славной Киев-град».
И тут нянюшки-мамушки зачали одевать же ей
В дорогоё они платьё, в платьё дорожноё,
190 Как в дорожноё в платьё да всё во тёплоё,

А и одевали ей же шубочку соболиную,
И одевали-облокали ей скорёхонько.
Они одели-облокли Настасью Митреяновну,
И как повел скоро ей да всё племянничок
По тёплым калидорам да королевьским же.
А и тут заплакала Настасья да Митреяновна
Она королю-ту своему да отцу-батюшку,
Она тому ли королю же Митрею Митреяновичу:
«Уж ты ой еси, мой ты да родной батюшко,
И ты король же всё Митрей ты Митреянович,
И ты умел меня споить-скормить, повыростить,
И не умел меня взамуж-от повыдати
А и как без драки ты меня да без кроволитною!»
А тут король-от Митрей-от Митреянович
А и перепалсе он со страху-ту с великого,
Он под стол-то король, он да запехалсе же,
А и он же кунъей-то же шубой сам закрывалсе же,
И говорил тогда король да королевы своей,
А и королевы он своей да пожилой жоне:
«А уж ты ой еси, моя ты королева да пожила жона,
Ты поди, поди скоре́ да провожай же ты
Э и ты свою-ту дочь любимую, Настасью Митреяновну,
Э и ты давай с собой приданно-то сколько надобно:
Э и ты давай перьву телегу красна золота,
И насыпай втору телегу чиста серебра,
А и ты третью-ту телегу насыпай дорогого скатна жемчуга».
И тут пошла-то королева его пожила жона,
Она пошла скоро в полаты-ти в королевьския,
Она кланялась племянничку низёхонько:
«Уж ты ой еси, единородной ты доброй молодец,
А и ты бери, бери у нас Настасью Митреяновну,
Ты бери придано, сколько надобно,
Ты бери, бери перьву телегу красна золота,
А и ты втору телегу бери да чиста серебра,
А ты третью у мня телегу бери да скатна жемчуга».
А ишше тут-то говорил же, говорил же королевы-то,
Говорил же тут племянничок: «Мне не надобно,
Э и мне не надобно вашо красно золото,
Э и мне не надобно вашего да чиста серебра,
Мне на надобно-то вашого дорогого скатна жемчугу».
Э и он садил скоро Настасью-ту Митреяновну,
Он садил-то скоро ей на добра коня,
На добра коня садил да богатырьсково;
Э и тогда поехал племянничок в славной Киев-град.
Э они день едут, другой едут,
Э тут заговорила племянничку Настасья Митреяновна:
«Уж ты ой еси, дородней доброй молодец,
Э не могу я боле сидеть на твоём добром кони,
Э у мня заболела-то моя буйна голова».
А остановил тогда племянничок своего же добра коня,
И он роскинул скоро белой шатер полотьненой,
И повалились они отдыхать в белой шатер полотьненой.

И в ту же пору, во то же время наехало царишшо-то
Вахрамеишшо,
И к королю-ту же наехал к Митрею Митреяновичу,
Он кричал-то, зычал королю да зычным голосом:
«Уж ты ой еси, король да Митрей Митреянович,
Уж как дома ли у тя Настасья Митреяновна?
Я тогда тя, короля, стругом повыстружу,
Не оставлю в живых тебя, отсеку да буйну голову».
Тут отвечал король да Митрей Митреянович:
«Уж я ой еси, ты царишшо Вархамеишшо,
У мня нет Настасьи-то да Митреяновны,
Наехал-то какой-то могучой-от богатырь-от
Со святой Руси из города из Киева,
Увёз у мня мою же дочь любимую,
Ише ту ли Настасью Митреяновну».
Тут скоро царишшо Вархамеишшо
Отворачивал своего добра коня,
Он поехал скоро да во чисто полё,
Он же тут настыгал да всё племянничка
Со Настасьёй да с Митреяновной.
Он настыг-наехал во чистом поли,
Во чистом поли да во белом шатру,
Тут крычал-зычал царишшо да Вархамеишшо:
«Ах ты ой еси, русьской могучой же богатырь же,
Ты зачем приехал, у мне увёз мою невесту-ту,
А Настасью у мне да королевисьню,
Королевисьню Настасью Митреяновну?»
И как заснул тут племянничок да сном же богатырьским же,
Он не слышит крыку царишша да Вархамеишша.
Тут забудила его Настасья королевисьня,
А как сбудила она племянничка:
«Ты ставай-ко, ставай, единородной доброй молодець,
От крепка сна да забудушшого:
Наехал царишшо Вархамеишшо,
Он же просит с тобой да бой великой-от,
И бой великой-от да кроволитной-от».
Тут ставал-то же скоро всё племянничок,
И на резвы ноги же скоро ставал молодец,
Ишше садилсе скоро на своёго добра коня,
А и брал с собой же саблю вострую,
Ишше брал с собой же копьё востроё.
Они поехали да тут боротисе,
Боротисе да всё воеватисе,
Боротисе, воеватисе.
Они держали-то скорой же бой,
И они съезжали двума конями,
А и востры сабельки у их да потупилисе,
А востры копьица у их да всё же смялисе,
А они друг друга не ранили.
А и они зачали рукопашной бой,
А и они зачали боротисе,
И друг друга они не можут сбороть,
А и как по колен в землю втопталисе;

295 А и как укользнула у племянничка ножка правая,
А и тут царишшо Вархамеишшо его скинал скоро,
А и он садилсе на сыру землю
И садилсе к нему скоро да на белы груди,
И он хотел пороть у его да груди белые.
300 При ём-то не случилось да ножа вострого,
А и тогда-то говорил царишшо Вархамеишшо:
«А и ты подай, подай, Настасья Митреяновна,
Мне подай, подай же мне острой нож».
А и тут сидит-то Настасья Митреяновна,
305 А она с места да не шевелитсе же.
И говорил царишшо Вархамеишшо на второй же раз,
И как тут-то говорил ей же да на третей же раз, —
И не подала ему Настасья Митреяновна
Ишше вострого ножичку царишшу Вархамеишшу.
310 Говорил-то царишшо Вархамеишшо:
«Уж ты ой еси, Настасья ты да Митреяновна,
А ты же да везёт тебя-то да могучой русьской
богатырь-от,
Он везёт тебя да на святую Русь,
На святую Русь да в славной Киев-град,
315 Ишше к князю-ту везет тебя да ко Владимеру,
А и вон везёт-то тебя да во кухарочки,
Будёшь на князя со княгиною стирать бельё.
А у их-то на святой Руси да вера всё тяжолая,
Всё тяжолая вера, богомольняя,
320 Ишше надо ходить тебе будёт да во божьи церквы,
Всё ко ранным ходить да ко заутренням,
Ко поздым ходить надо будёт да ко обедням-то,
А и слушать петья-читья да всё черковного,
Всё постом-то надо будет же тебе поститисе,
325 Э и не едят-то они по средам, по пятьницам,
Не едят-то они да всё скоромного,
У мене-то же да будёшь-то жить да всё царицой,
А и всё царица будёшь жить да всё ты
с нянюшками, с мамушками,
Всё со сенныма да ты с красныма девушками.
330 У мня вера-то ведь лёккая,
Вера лёккая да всё не надо будёт
У меня ходить тебе да во божьи церквы».
И не подала Настасья Митреяновна,
Не подала царишшу она Вархамеишшу
335 Она же вострого ножа ему.
Она сидит-то же всё да призадумаласе,
А и призадумаласе да призаплакаласе.
И тогда говорил же племянничок
Он царишшу-ту да Вархамеишшу:
340 «Уж ты ой еси, царишшо Ворхамеишшо,
И ты послушай-ко-се, что у нас да на святой Руси,
На святой Руси да в славном городи,
В славном городи же всё во Киеви
Как звонят-то всё во все колокола,
345 И идут-то у нас-то у заутрены же всё же ранные,

А и идут-то у нас все-ти обедни-ти всё же поздыя».
И тут устал царишшо Вархамеишшо,
И тут же он да всё ослышилсе.
Ишше тут племянничок же скоро он
350 Под царишшом же он да Ворхамеишшом
И росшевелились, росходились у его да могучи плечи,
Он как взял же, росходилось-роскипелосе
У его же всё ретиво серцо,
И он как взял омахнул своей да рукой правою,
355 Рукой правой взял, во левою,
Он скинул со себя царишша Вархамеишша;
Ишше тут скакал скоро же тут племянничок,
Он скакал скоро на резвы ноги,
И ён кинал царишша Вархамеишша,
360 Он кинал скоро его на матушку же да сырую землю,
И садилсе скоро ему да на чёрны груди,
Он хотел пороть-то у его да груди чёрныя
Вынимать хотел у его да ретиво серцо, —
У его ножа при себе да не случилосе,
365 Не случилосе да не пригодилосе.
И говорил-то племянничок Настасьи Митреяновны:
«Уж ты ой еси, Настасья Митреяновна,
Ты подай, подай же мне же всё же вострой нож
Мне спороть царишша Вархамеишша да у его черны груди».
370 Тут и говорил племянницок да на второй раз,
Говорил же племянничок да на третей же раз,
Говорил же царишшо Ворхамеишшо:
«Не подавай, Настасья ты да Митреяновна,
Не подавай-ко-се ты да ножа вострого,
375 Он везет тебя, Настасья, на святую Русь,
На святую Русь да в славной Киев-град,
А ты ишше к князю-ту везет тебя да ко Владимеру,
Он везет тебя да во кухарочки
А ко княгины же всё Апраксеньи-королевисьни,
380 И как стирать на князя, на княгину же их да всё белье будёшь!
У меня-то будёшь жить да всё царицою,
А и царицою он да жить же всё распоряжатисе,
Ише все тебе будут же поклонятисе!»
А и сидит-то Настасья Митреяновна,
385 Она сидит-то с места не шевелитце-то,
А горючима-ти слезами обливаитце,
Не подала-то ему же вострого ножа,
И подошла подала ему да вострый нож,
И тогда племянничок порол да груди черные,
390 Вынимал у его да ретиво серьцо,
Ишше тут же он взял Настасью Митреяновну,
Привязал-то ей за ногу ко сыру дубу,
И он постелил ей же всё же обрез большой:
«И на етот обрез и слез налей».
395 И тут Настасья же Митреяновна
Она осталасе да во чистом поли,
И тогда племянничок поехал скоро домой он,
И он скоро домой поехал в город Киев,

И приезжал-то он во славной Киев он.
400 И стречал-то его да родной дядюшка,
И он стречал-то его да с радости, с весельица,
И говорил же дядюшка племянничку:
«Уж ты ой еси, мой дорогой же племянничок,
Ишше где твоя да всё невеста же,
405 Ишше та ли Настасья Митреяновна?»
— «Уж ты ой еси, мой дядюшка родимой же,
А моя невеста Настасья Митреяновна
А она оставлена у мня да во чистом поли́
У того ли у кустышка да у рокитова,
410 У того ли дубу у стоячего,
И [о]на повешена, привязана у мне да русой косой
И за свои-ти подвиги за невеликия».
И как тут же дядюшка же скоро сам пошел,
Он пошел скоро да на широкой двор,
415 Он же брал скоро узду серебренну,
И он седлал-то же скоро всё добра коня,
Он садилсе скоро сам же на добра коня,
Он поехал далече во чисто полё,
Во чисто полё поехал, в широкоё роздольицо,
420 И где привязана была Настасья Митреяновна,
Он привязал к тому ко кустышку да ко рокитовому,
Ко тому-то столбу да ко дубовому.
Он отвязывал же ей да всё русу косу,
Он садил же ей скоро на добра коня,
425 Он повез же ей да в славной Киев-град.
И тут привез же он ей во свой ко дворцу княженеському,
А и там и привез же, скоро вел да во полаты княженеськие,
А и он садил-то ей да на диваны-то на теплыя,
И тогда стали ей снаряжать-то,
430 Снаряжать-то, одевать да во божью церковь,
И как тут-то же ей венчать же всё
А со тем любимым всё да со племянничком.
А всё Владимер-князь да был же всё же тысяцьким,
А княгина Апраксенья-королевисня
435 А была-то она да всё же сватьёю.
И повели же ей скоро во божью церковь,
Во божью церквы да присвяшшенные
Содержать-то же ей они да золоты венци,
Золоты венци содержали всё.

105

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Подошла Корела-та река под Индею богатою,
Под богатую Индию да именитую.
Ише жил-то был боярин Дюк да сын Степанович,
А и жила-была да [его] родна матушка,
5 Как боярина Елена Костентиновна.
А и как у Дюковой было родной матушки
Ише подворотице было на семи вёрстах,

А на семи вёерстах да семидесяти семи столбах,
Ише кажной-от столбичок-от был да всё точёной-от,
10 Што точёны столбички были да позолочены.
А и у Дюка у Стёпановича да родной матушки,
Как Елены-то было да Костентиновны,
На домах-то крыши были да золочёные.
Как у Дюковой было родной матушки,
15 Как у Елены же было Костентиновны,
А и как именьице-богасьвице было да очунь много же.
Ишше сорок-то было у ей прислужниць-то,
Как ужжа сорок-то было у ей да рукомойницей
А и как у Дюковой родной матушки,
20 И стирали на ей да всё рубашочки,
А на Дюка-то сына боярина.
А и сорок-то было у их да всё колачницей,
А и пекли-то всё колачики белы-круписьцеты,
А круписьцеты колачики да перьвосортные.
25 А и как у Дюка-то было у Стёпановиця
У его-то всё родной матушки,
А и как Елены-то всё да Костентиновны,
А ишо было лошадиной сбруды много-то.
А и было у Дюка сына да всё Степановича
30 Ишше было у его на дворе текла да быстра реченька,
Быстра реченька текла, берега были да всё золоченые,
Золочены бережка, на другой стороне были серебряныя.
Ишше у Дюка-то было у Стёпановича
У его-то же всё да родной матушки,
35 Как у Елены-то было Костентиновны,
Ишше хлебом-ти анбары были всё наполнёны.
Как не беленька березка к земли клонитце,
А не мурава трава да поклоняитце,
А ише боярин-от Дюк да сын Степанович
40 Пред родимой своей родной матушкой да низко кланяетце:
«Благослови-ко меня, родна матушка,
Ты чесна вдова Елена Костентиновна,
Мне-ка съездить-то боярину Дюку сыну Степановичу
Как во славной-от во город ко Киеву,
45 А ко ласкову князю к Владимеру,
И ко Владимеру-князю да Святослаевичу,
Посмотрять же мне-ка хотце города же Киева,
А не сравнять ли можно с Индиёй богатою,
Со богатой Индиёй да именитою».
50 Говорила же Дюку родна матушка,
Ише та ли всё Елена Костентиновна:
«Уж ты ой еси, моё ты чадо милоё,
Чадо милоё же ты, любимоё,
Ты младенькой боярин Дюк да сын Степанович,
55 Ише ты же у меня да ише да очунь младой-от,
Очунь младой-от да очунь глупой-от,
Ише ума-разума да ты не полного.
Ты уедёшь да во славной город-от во Киев-от
Ты ко ласковому князю ко Владимеру,
60 Ко Владимеру да Святослаевичу,

И наговоришь ты всё таких речей, каких не надобно.
И ты мла́денькой у мня ише всё да у мня глупенькой,
Ты же будёшь хвастать князю ты Владимеру,
Моим именьицом, богасьвицом сиротским-то!
65 А и ты не хвастай-ко, да млад боярин Дюк Степанович!
И наедут ко мне да во Индею богатую,
Во богатую во Индею да именитую,
И пошлет-то князь Владимер мне обценщичков,
Описывать будут моё сиротско имущесьво!»
(*Бабке казалось, што бедна!*)
70 Тут благословляла боярина да Дюка всё Степановича
Как его же да родна матушка,
А и как боярина Елена Костентиновна,
И провожала его самого, ему наказывала:
«А и ты не хвастай-ко, моё дитетко сердесьнёё,
75 Ты премладой боярин Дюк да сын Степанович,
И ты своим именьицом сиротским же.
И ты послушай-ко меня, свою да родну матушку,
Как боярину Елену Костентиновну».
Ише говорила Дюку да родна матушка,
80 А как боярина Елена Костентиновна:
«Уж ты ой еси, моё ты чадо милоё,
Ешо есь-то до города до Киева
Есь же три-то заставушки великие:
А как перьва-та заставушка великая —
85 Есть таки леса, леса дремучие,
Они дремучие, они очунь темные,
Ише ти-то леса да всё они расходятся,
Они расходятце да всё надо их проехати.
Добру коню да всё надо их пробежать скоре́.
90 А ише есь заставушка великая —
Есь такие горы высокие,
А гора с горой да всё расходятце,
А ишо в ту пору надо в то времячко проехать их,
Надо коню твоему да пробежать скоро.
95 А третья заставушка да есь великая —
Ише очунь есь река да очунь она быстрая,
А ише бежит она да как из облака,
Нужно проехати тебе да и успеть же всё».
А и тут говорил боярин Дюк да сын Степанович
100 Он своей-то да родной матушки,
Как боярины Елены Костентиновны:
«А не страшшай меня, да родна матушка,
Я поеду — сам знаю да сам же ведаю».
Как приезжал же Дюк да сын Степанович
105 Он ко тем-то горам да ко высоким-то,
А гора-то с горой да разошласе тут.
Брал он в руки скоре́ да плёточку шелковую,
Он махал на Бурушку скорёшенько,
Приезжал-то Дюк-от сын да всё Степанович
110 Ко другой-то ко заставушки великою,
А и он ко тем-то ко лесам, лесам дремучим-то.
А и перед им-то, добрым молодцом Дюком сыном Степановичем

А и во ту же пору, в то же времечка разошлись леса,
А и как леса, леса дремучие.
115 А и как стегал коня, своего коня богатырьского,
Проезжал-то он втору заставушку великую.
Проезжал-то он к третьей заставы богатырьскою,
Как ко той ли ко реченьки ко быстрою
(Я думаю ко Муравленки),
А и речка очунь быстрая, очунь широкая.
120 А и она свирепа очунь, она-от великая.
А и тут проезжал-от Дюк же-от сын да всё Степанович
На своём добром кони да богатырьском-то,
А и он же брал в руки свою плеточку шелковую,
А и он ударил своего добра коня да богатырьского.
125 А и как зачал его доброй конь да перескакивать
А и через реченьку-ту быструю,
А и перескочил-то Дюка сына Степановича
Скоро-быстро-то его да доброй же конь.
Приезжал-то Дюк же сын да всё Степанович
130 А ко городу ко славному ко Киеву,
А как ко ласкову ко князю ко Владимеру,
А ко его-то ко грины княженеською.
А и он скакал скоро-то Дюк Степанович со добра коня,
А и со добра коня скакал с богатырьского
135 Ко тому ли ко столбичку к золоченому,
Ко тому ли ко колечушку золоченому.
А и он же привязывал своего да он добра коня
А и он ко тому ли ко колечушку золоченому,
А и насыпал коню пшеници белояровой,
140 А и он пошел скоро на крылечушко на княженейское.
А и как стречали тут у князя у Владимера,
А и как стречали-то его всё да караульшшички.
А и как же кланялисе Дюку сыну Степановичу:
«А ишше, ишше здрастуй, здрастуй,
145 Единородный добрый молодец!
А и мы не знам-то как тебя называть по имени,
А и как по имени называть тебя, по отечесьву?»
А и говорил тогда же им Дюк да сын Степанович,
И говорил-то им же он да всё же спрашивал:
150 «А и уж вы ой еси, караульшшички же княженейские,
А ише где у вас же князь Владимер Святослаевич?»
А и отвечали караульшшички вси княженейские:
«А и у нас нет князя Владимера Святослаевича,
А и он ушел у нас по утру-ту, утру ранному,
155 А и до восходу-ту ушел да соньця красного
Во божью-ту церковь он молитисе,
А и он ко ранным-то ушел да ко заутренням
И ко поздым-то ушел да ко обеденкам».
А и как и тут же Дюк да сын да всё Степанович,
160 А и не заходил-то он во княженеськи во грины-то,
И поворотилсе он обратно, пошел во божью церковь,
А и как пошел-то он по улици же, по мостам,
А и как во Киеви во городи грязь была да всё осённая,
А и часты-ти дождички же шли да всё очунь же они.

165 И не подправилосе Дюку сыну Степановичу,
И он взял свою соболиную шубочку
И заздынул-то ей, штобы не замарать-то ей,
А и берег-то он своих башмачиков сафьяных-то,
А и штобы не замарать-то их в грязи во грязною.
170 А и сам же думат собою думушку же крепкую:
«Што сказали — Киев-город-от хорошой-от!
А во Киеви во городи всё нехорошое:
А уж как мосты-ти стоят да всё простыя-ти,
А и уколачены, нечем они не обтянуты.
175 А и как у меня-то же во Индеи богатою,
А во богатою во Индии именитою,
А и как у родимой-то у моей да родной матушки,
А и как у той ли всё у Елены Костентиновны,
А уж как мосты-ти насланы всё хорошие,
180 А и как разосланы ти ковры сукна заморские, —
А не замарать будёт негде башмачок сафьяных же».
А и приходил-то Дюк сын Степанович
А во божью-ту церковь да присвяшшенную,
Он же крест-от клал да по-писанному,
185 Он поклон же вел Дюк да сын Степанович да по-ученому.
И тут огляделисе во церквы всё народ же весь,
Как весь народ-от ти люди да всё же добрые,
А и вси попы-отци-ти все да всё духовные,
А и все причетнички-ти огляделисе церковные,
190 А и тут же князь же всё Владимер-от смотрял стоял.
А и подходил-то Дюк Степанович ко князю-то,
А и он ко князю ко Владимеру Святослаевичу,
А и он-ко брал же в рученьку его же правую,
А и он же кланялсе да челобитьицом.
195 А и тут же спрашивал его князь да всё Владимер-от:
«А и ты скажи-ко-се м(ы)не, да доброй молодець,
Ишше как тебе всё по имени назвать?
А и как по имени назвать да по отечесьву?
И ты королевич ли наехал, царевич ли?
200 А и ты из каких землей наехал да из каких же стран?»
И говорил-то князю Владимеру Дюк Степанович:
«Я не королевич, князь, да не царевич же,
А и не из дальних стран и всё да не приезжих же,
А из той ли той из Индии богатою,
205 Как богатою же Индии, именитою,
Как боярины же я да Елены Костентиновны
(Сын-то!)
А и уж я Дюк же сын Стёпанович!»
А и отходили тогда службы же церковные,
А и вси расходилисе народ да люди добрыя.
210 Ише тот-от князь Владимер Святослаевич
Ише стал звал Дюка сына Стёпановича
И как во свой-от-то во терем княженеськой-от
И как попить-то всё, покушати.
И тогда пошел-то к им же Дюк да сын Степанович.
215 Он пошел скоро по улицам славна города,
Он пошел с князём же всё со Владимером.

Заходили-то скоро во грины княженеськие,
И он садил-то Дюка сына всё Степановича
Он за те все столы да за окольния,
220 Он за те ли всё за скатерти за браныя,
И за те ли-то садил за ествы сахарные,
Как за те ли всё за питья за дороги заморские,
И он усадил его во большо место во почесьноё.
А они сидели пили всё да и кушали,
225 А и только Дюк-от сын Степанович сидел не ел, не пил,
А и вон не ел, не пил сидел да всё не кушал-то,
А он колачик-от мякиш ел да корку под стол бросал.
А и тут Владимёр-князь Святослаёвич,
А и он увидал-то, заметил Дюка Степановича:
230 «Што же, Дюк сын да всё Степанович,
А и ты у мня ешь-то хлеб, мякиш-то под стол бросашь?»
И говорил-то тут боярин-от Дюк сын Степанович:
«А и уж ты ой еси же, князь Владимер Святослаевич,
И што у вас-то колачики ем я всё, кушаю,
235 А у вас пахнут-то колачики на серу еловую.
А как у нас-то во Индии во богатою,
А как у моей-то у родной матушки у Елены Костентиновны,
А у ей-то колачик-от съешь, другого хочитце,
А другой-от же съешь да третий с ума нейдет!
240 А как у моей-то у родной матушки Елены Костентиновны
А как же печки-ти у ей да всё муравлены,
А и как помёлышки да у ей у родной матушки,
А как помёлышка у ей да всё шелковыя.
А она мочит моя родна матушка Елена Костентиновна,
245 А она мочит-то медовою водой же на под-то!
А и как уж ты ой еси же, князь Владимер Святослаевич,
А у вас опечки-ти все в комнатах да всё кирпичные,
(Уж начал хвастать-то, а мать-то не наказывала!)
А и как кирпичныя же печки же ти, помёлышка сосновыя!
А уж вы мочите помёлышка водой святой
250 Со Дунаю-то речки быстрою.
А и как у моей-то родной матушки
У нас во Индеи богатою,
А во богатою во Индеи, именитою,
А у моей-то у родной матушки у Елены Костентиновны,
255 Как у моей-то родной у матушки сорок калацьницей,
Ай они пекут-то у ей колацики круписькетые,
А и пекут-то также всё да как ись хочетсе.
А и как у вас-то, князь Владимер, во городи во Киеви
Ай ише улици у вас да всё же грязныя,
260 Как уж как грязныя же всё грязью осённою,
А и у вас мосты-ти всё во Киеви нехорошие,
А и замарал свою дорогую шубочку соболиную,
Замарал я свои башмачки-ти всё сафьяные.
А и как у моей-то у родимою у матушки,
265 Как у Елены у Костентиновны, улици всё хорошие,
А и как у вас-то всё во городи во Киеви
Ишо дома-ти все настроили всё нехорошие.
А и как у той ли у нас во Индеи богатою,

Как богатою во Индеи, именитою,
270 А и как у моей-то у родной у матушки, у Елены Костентиновны,
А и как именьица-богасьвица не сосцитать будет,
А и так же, князь же всё Владимиру, не подумати, —
А и как у моей-то родной у матушки Елены Костентиновны
А и одной сбруды счету не дать будёт,
275 А и как моих-то подвиг да всё же рыцарьских,
А ище рыцарьских-то моих да богатырьских всё».
А уж как тут говорили князю Владимеру,
А и говорили тут его бояра любимые:
«Уж ты ой еси же, наш князь Владимер же,
280 Ты Владимер-князь же всё да Святослаевич,
А ето наехала скоморошина из чиста поля,
А он убил, я думай, короля-царя,
А он снял с них дорого платьё же цвётноё.
А он веком же етого платья не видывал,
285 А потому, шшо он смотрит на себя, усматриват,
А он веком его да всё не нашивал!»
И князю-ту Владимеру за беду пало,
За беду пало да за обидушку показалосе, —
А што пустым-то нетом наехал скоморошина
290 Из чиста поля, расхвастал, расхвастался.
И говорил-то князь Владимер таковы слова:
«А уж вы ой еси, кого послать мне во Индею богатою?
А во богатою во Индею именитую?
Послать-то всё обценшичков обценить же всё,
295 И пусь обценят-то всё его именьицо-богасьвицо!»
А говорил тогда боярин-от Дюк сын Степанович,
И говорил же он же князю всё Владимеру:
Уж ты ой еси, к(ы)нязь Владимер Святослаевич,
И не посылай-ко-се обценщичков во Индею,
300 Как во Индею ешшо да во богатою,
А во богатою во Индею именитую,
А не посылай-ко-се Алешеньку Поповиця,
Как Алеши-то Поповицю не выехать будёт,
А он же роду-ту же всё да он попоського,
305 А и попоського роду-ту всё завидного.
А посылай-ко-се же ты Илью, Илью Муромца,
А Илью Муромца же сына всё Ивановича,
А во-вторых-то посылай Добрынюшку Никитича,
А они оценят-то, опишут ихнее именьицо-богасьвицо!
310 А уж ты ой еси же, князь да всё Владимер же,
А на чернила ты продай город Чернигов-от,
А на бумагу-ту продай да славной Киёв-град.
А ты тогда-то посылай обценшичков описывать,
А ты описывать же Индею богатую,
315 А как богатую же Индею, именитую!»
И тут же скоро князь Владимер посылал же он,
А он обценшичков же Илью да Илью Муромца,
Добрынюшку-ту всё же он Никитича,
А во-третьих-то посылал Олешеньку Поповиця.
320 А и тут садилсе Дюк-от сын да всё Степанович,
Он садилсе скоро он да на ремчатой стул,

И брал в руки скоро он перышко лебединоё,
А и он писал-то скору грамотку скорописцету
Он на той ли-то на беленькой бумажочки
(На ербовой белой бумажочки),
325 А он писал скоро своей матушки родимою
Как Елены-то писал да Костентиновны,
Скорописцету писал он ей же грамотку,
Описал што видел всё во городи во Киеви.
Он привязал свою-ту грамотку ко добру коню,
330 Ко добру коню своёму богатырьскому,
И он ко тем-то к стременам да ко золоченым-то.
А и он спускал своего добра коня да богатырьского,
А и он спускал его домой во Индею богатою,
А и как богатою во Индею, именитою,
335 А и ко родимой ко своей да родной матушки,
Как ко той ли ко Елены Костентиновны.
Побежал его да доброй конь далече же,
И далече побежал да во чисто полё,
А и зар(ы)жал-то он же голосом кониным-то,
340 А и расставалсе со своим любимым хозяином,
А и как со Дюком он же со Степановичем.
И засадил тогда же князь Владимер Дюка Степановича
А он во тёмную садил его во тёмницу,
А и заключил его в злодеюшку заключебную.
345 И прибегал-то ёго доброй конь во Индею,
Во богатою во Индею, именитою,
Ко его-то родной матушки к Елены Костентиновны.
А и как заржал-то он же голосом лошадиным-то,
Услыхали тут же Дюковы караульшшички,
350 Выбегали скоро они да всё на улицю,
Увидали-то добра коня богатырьского
Как же Дюкова сына да всё Степановича.
Как у коня-то увидали суночку-котомочку,
Ише суночка-котомочка была рыта бархата,
355 А и дорогим-то росшита была красным золотом,
А и россажена была ета суночка дорогим да скатным жемчугом.
А и как тут отвязывали суночку-котомочку,
А из суночки-то розвязывали, вынимали они,
Вынимали скору грамотку скорописцету,
360 И они прочитывали грамотку скорописцету.
А й они пошли скоро долаживаться
А ко Дюковой-то родной матушки,
А и как до Елены-то Костентиновны:
«Уж ты ой еси, наша любима боярина,
365 Ты Елена всё у нас да Костентиновна!
Как прибежал-то из города из Киева
А ише конь-от, лошадь у нас да богатырьская.
А и как же Дюка нет у нас Степановича,
А и как у нас он посажон во тмны тёмници.
370 А и как у князя-то же всё да у Владимера
Заключили его в злодеюшку заключебную,
А и он же хвастал-то своим именьицом-богасьвицом.
А и как же едут-то из города из Киева,

Как от князя-то да едут от Владимера,
375 Как обценивать твое всё именьицо-богасьвицо!»
А и тут Елена-то Костентиновна скоро вставала она
А со той ли со кроваточки кисовою,
Она со той ли со периночки пуховою.
А и одевали ей нянюшки всё же, мамушки,
380 Ишше сенны ей да красны девушки.
А ишше тут же говорили ей, россказывали,
А она тяжелёшенько воздохнула, сама проплакала:
«И говорила я своёму да чаду милому,
Уж я милому своему, родимому,
385 А и я премладому же Дюку сыну Степановичу:
„Ты поедешь во славной город Киев-от,
Ты не хвастай своим именьицом сиротским-то,
А то пошлет-то князь Владимир нам обценшичков,
И всё опишут нашо именьицо-богасьвицо!“».
390 И в ту же пору, в то время едут обценшички,
И они не можут найти Индеи богатою,
А што богатою же Индеи, именитою.
Ездят, ездят по темну лесу дремучему,
А как остановили-то своих добрых коней богатырьских-то,
395 А они привязали-то их ко лесиночкам-то дремучим-то,
(Уж Илья Муромець был не хитрой-то!)
А и вылезли-то на лесину они высоко-то,
И смотрели во трубочки подзорныя,
Увидали-то же они Индею богатою,
И а што богатою же Индею, именитою, —
400 А как будто на домах пекёт да красно солнышко.
А как видно Дюк-от да сын Степанович
Послал скору-ту же он да всё да скору грамотку
Ко своей-то он да же и родной матушки,
А ко Елены-то же он да Костентиновны.
405 А и как завидели они Индею богатою,
А и тут приехали скоро они во Индею богатою,
Как ко Дюку-ту ко Степановичу,
И ко его-то они наехали к родной матушки,
И ко Елены-то вони да Костентиновны,
410 И ко его-то они наехали подворьицю,
И где-ка жил-то же Дюк да сын Степанович.
Ишо што у Дюка-та подворьицо на семи верстах,
И на семи верстах, на семидесяти семи столбах,
А ише кажной же столбичок был же точёной,
415 А ише точёны были же да золочёные.
А на дому-ту у его крыши всё золоты блестят,
А и застречали тут же Дюковы караульшшички,
А и как стречало их тут да счету не дать будёт.
А и стречали-то Дюковы всё придворнички,
420 И они шли-то заходили по тёплым каледорам-то,
А и постречали-то Дюковы всё привратницы,
Ай они все-то принаряжоны в рытом бархати.
Уж тут кланялись обценшички Дюковой родной матушки:
«Уж ты здрастуй-ко, здрастуй, Дюкова родна матушка!
425 Ты Елена-то всё да Костентиновна!»

А ответили же тут Дюковы прислужницы:
«А мы не Дюковы же всё да родны матушки, —
Уж мы Дюковы же всё да мы прислужницы!»
И-й оны идут опять по тёплым каледорам же.
И как постречалисе же Дюковы рукомойницы, —
Много-много их же тут, да счет не дать будет.
И они в шелку идут, всё убраны все в серебри.
И тут же кланялись общеншички Дюковой родной матушки:
«Уж ты здрастуй, здрастуй, Дюкова родна матушка,
И ты Елена же всё здрастуй Костентиновна!»
Отвечали же тут всё да рукомойницы:
«А и мы не Дюковы же всё да родны матушки!
А уж мы Дюковы же всё да рукомойницы,
А мы стирам бельё да на Дюка сына Степановича,
На его стирам же мы да родну матушку,
А на Елену ту же мы да Костентиновну!»
Тут идут опять общеншички по каледорам всё, —
И постречалисе тут Дюковы колачницы,
А идут они вси в серебру, в жемчугу,
А они кланялись же низёхонько:
«Уж ты здрастуй-ко, здрастуй, Дюкова родна матушка,
А ты Елена же всё да Костентиновна!»
Отвечали тут же Дюковы колачницы:
«А и мы не Дюковы же всё да родны матушки,
Уж мы Дюковы же всё да мы колачницы,
А мы пекём-то про Дюка сына Степановича,
А про его-то мы пекём да родну матушку,
Мы Елену-ту пекём да Костентиновну.
Уж мы беленьки им пекём да всё колачики».
А и как пошли опять как вперед да всё общеншички, —
А и постречалась Дюкова родна матушка,
А и как ей двое-трое ведут под руку праву,
А под леву-ту ведут да всё же мамушки.
И вся во золоти идёт Дюкова родна матушка,
Как блестит на ей всё как да платьё цвётноё,
И тут подходили-то общеншички ко Дюковой родной матушки,
Как ко Елены-то они да Костентиновны,
А и кланялись они ей да всё низёхонько:
«А уж ты здрастуй-ко-се, Дюкова родна матушка,
Ты Елена всё здрастуй Костентиновна!»
А и говорила тогда Дюкова родна матушка:
«Уж вы здрастуйте, мужики общеншички,
А вы приехали ко мне во Индею богатую,
А во богатую во Индею, именитую,
А вы описывать моё именьицо сиротскоё.
А пусть князь Владимер продаст да всё Чернигов-град,
А на бумаги-ти пусь продаст да славной Киёв-град»,
И тогда-то приезжайте всё описывайте
И моё именьицо тогда, моё богасьвицо.
И вы пойдемте, мужики вы всё общеншички,
А засадили вы моего да чада милого,
Засадили во темницы во тёмные
Вы премладого у мня Дюка Степановича.

А за чего его засадили? Всё за правду-ту.
480 А он же хвастал всё именьицом своим богасьвицом,
Он князю Владимеру же сказывал же правду сушшую,
А не поверили вы его словам же верным же.
И вы подемте-ко я покажу своё именьицо!
И вам писать будёт три годика, не описать будёт
465 А моего именьица же моего богасьвица!»
А и повела она общеншичков-мужиков же всё,
А повела она к своей да золотой казны.
А как на том белом на двори
Висят бочки-сороковки всё с красным золотом,
490 На цепочках-то весят на серебрянных,
А на другой стороны весят бочки с цистым серебром.
А как повела она по белу двору открытому,
А и как бежала реченька не очунь глубокая,
А как на реченьки выливалось у их чисто серебро.
495 А и повела тогда же Дюкова родна матушка
Их где в избу, где-то вéсла сбруда лошадиная
И от тех-то от коней богатырьских же,
И весло, вéсло-то премножествьо — счет не дать будёт,
И как не дать счету, не описать будёт.
500 И она блестела ишшо сбруда вся на золоти,
И она блестела вся на серебри.
А и тут же повела она тут где было Дюково цвéтно платьице,
А и отпирала она же комнаты же высокие,
Где как было его платьё было цветнос,
505 И как завешено же все спички, наполнено.
И тут говорила-то общенщичкам родна матушка,
Как Елена говорила им Костентиновна:
«А уж вы ой еси, мужики же вы общенщички,
И поезжайте вы во славной город Киев вы,
510 И вы скажите-ко вы же князю всё Владимеру,
А как Владимеру же князю Святослаевичу,
И нехорошо ему же так да всё же делать-то —
А позасадить-то моего да чада милого,
Чада милого моего любимого,
515 Да рыцаря-то у мня его прехитрого,
А у мня прехитрого у мня Дюка, премудрого,
А и как могучего же его да всё богатыря!»

(Тут всё кончагтсе. Боле не могу вспомнить).

106

ПРО ХОТЕЮШКА БЛУДОВИЧА

Как было во славном городи,
Как во славном во Киеви,
И как у князя-то у Владимера,
И как у Владимера Святослаёвича,
5 Заводилсе у князя почесён пир.
Говорил-то князь Владимер своим-то он да кнéжеським слугам:
«Вы поди-ко, зовите ко мне, князю, да на почесен пир,

Во-перьвых, зовите мне на пир да Часову жену,
Во-вторых, зовите вы да Блудову жену».
10 Часова жона была князя Владимера родна сёстра,
А Блудова жона была да королю сёстра.
Тут прислуги скоро они сбиралисе,
Они скоро-то да одевалисе,
Пошли-то звать да Часову жону,
15 А приходили к ней в высокие да в новы горницы:
«Уж ты ой еси же, Часова жена,
Вас же звал-то нашо красно солнышко,
Как Владимер-от же князь да Святослаёвич,
На почесен пир попить, покушати».
20 А и пошли послы скоро да княженеськия,
[О]ни пошли скоро да к Блудовой жоны,
[О]ни ишше звали ей да Блудову жону
На почесен пир ко князю ко Владимеру:
«Уж ты, Блудова жона, же звал вас нашо же красно солнышко,
25 И Владимер-князь да Святослаёвич,
На почесён пир да посидеть к ему».
Ишше скоро они да собиралисе,
Собиралисе да одевалисе
В дорогоё-то платьё в цвётноё,
30 И одевали на себя шубочки да соболиные,
И пошли ко князю ко Владимеру да Святослаёвичу,
На почесен пир скоро подходили ко грины княженеською,
Ко тому ли ко крылечушку да ко паратному,
Ко тому ли ко колечушку да золочёному;
35 От встречали-то же их да кнéзя Владимера да вси придворнички,
Вси придворнички стречали, караульшички,
Проводили их во грины княженеськие.
И сам стречал-то их нашо красно солнышко,
Как Владимер-от да князь да Святослаевич,
40 Он садил-то их за дубовы столы,
Он за те ли всё за скатерти за браные,
И за те ли за éствы сахарные,
За дороги-ти за водочки заморския.
И садил-то князь Владимер Часову жону
45 Возле себя же он да по праву руку,
А Блудову жону садил да под леву руку,
Они пили, ели да на почесном пиру,
Ени забавныма речами всё да розговаривали.
Со улыбочкой со весёлою говорил-то князь Владимер Святослаёвич
50 Он своим-то же слугам да слугам верным же:
«Уж вы ой еси, мои послы да княженеськие,
Вы налейте-ко по чарочки да дорогих напиточок заморских же,
Вы кладите-ко берите поднос да золочёной же,
Вы по чарочки да Часовой жоны,
55 Часовой жоны да Блудовой жоны,
Поднесите-ко же им по чарочки да всё заморских пив».

Тут послы же княженеськия наливали же чарочки да золочёныя
И подносили они да Часовой жоны,
И подносили же чарочку да Блудовой жоны,
60 И низко же им да «пейте, кушайте,
Часова жона да Блудова жона,
А и как от князя же вы да от Владимера».
Тут брала же чарочку да Часова жона,
И брала же чарочку да Блудова жона.
65 Говорила же Блудова жена,
Говорила же да таковы слова:
«Уж ты ой еси, да Часова жона,
Уж мы выпьём с тобой да полчарочки да мы да мёду сладкого.
Мёду сладкого же всё заморьского.
70 И я скажу тебе, да Часова жона,
Уж мы выпьём с тобой да всё по рюмочки,
Я посватаюсь у тя да на твоей ли всё любимой дочери,
Как на той ли я на Лебедь Белою,
Как на Чаясни, отдай ты ей, Часовисню,
75 Отдай взамуж за моёго сына любимого,
За того ли ты отдай да за Хотеюшка за Блудовича».
И тут же Часовой жоны да за беду пало,
Она взяла чарочки да золочёною,
Дороги напиточки из ей на ей всё вылила
(На Блудову-ту жону, облила всю),
80 Как облила у ей всю шубочку да соболиную,
А и на шубочки у ей было же три же пуговки.
Перьва пуговка была да во пятсот рублей,
А втора пуговка была у ей во тысяцю,
А третьёй пуговки у ей да цены не было.
85 А и говорила тогда да Часова жона:
«Я не отдам-то своей же дочери любимою,
У мня дочь-то Чаясня Часовисня да девяти братéй,
И девяти братéй, могучих руських богатырей,
А у тя же отець всё был Блудишшо-то,
90 А у тя сын-от Хотеишшо,
Ишше ездит у тя вон по городу по Киеву,
Он же ездит да всё да уродливаг,
Ишше кто бы Хотеюшку рубашку сошил,
Ишше кто бы Хотеюшку порточки дал!»
95 Ише тут-то Блудовой жоны да за беду стало,
Что обнесла ее да чада милого,
Чада милого и ее любимого,
Как того ли Хотея сына Блудовича.
А Хотей-от был же сын же Блудович,
100 Он богатырь же-от же был очунь пресúльнёй-от,
От пресúльнёй-сúльнёй, очунь был премудрой всё,
И то не посидела тогда да Блудова жона,
И она пошла с пиру от князя от Владимера,
И благодарила князя Владимера.
105 И как провожал-то он Владимер Блудову жену,
Провожал-то он с калидора с княженеського,

Со крылечушка провожал ей со паратного,
Низко кланялсе князь же всё Владимер ей,
Спроводил же тогда князь да Блудову жону.
110 Приходила Блудова жена ко своёму терему,
И заходила она на крылечушко паратноё,
И она за то ли запирала колечушко золочёноё;
И стречал-то ей чадо всё же милоё,
Ишше тот ли всё Хотей да сын же Блудович,
115 Брал он свою матушку родимую,
Брал он ей за белы рученьки, вёл же ей,
И всё во комнату-ту ей да во высокия,
Как во горници-ти вёл да всё во новыя,
И он садил-то свою матушку родимую
120 Он на ту ли на кроваточку кисовую,
На перинучку садил ей на пуховую,
Скинывал он со своей да с родной матушки,
Скинывал он с ней шубочку да соболиную,
Он же вешал матушкину шубочку всё на спичечку.
125 Говорил-то тогда да он же родной матушки,
Говорил Хотей же всё же Блудович:
«Уж ты ой еси, ты моя матушка родимая,
И ты ишо пришла от князя с пиру всё не ве́сёла?
И не ве́сёла пришла же всё, не радосьня?
130 У те бежат-то по лицю да слёзы капали,
А и разве тебя-то князь Владимер на пиру да худо угостил?
Разве место тебе да было да посажона ниже всех?
Разве, матушка родима, какой над тобой невежа насмеялсе он?
Ты скажи-ко мне да всю сушшую правду же,
135 Отмешшу я ту насмешочку великую».
Тут заплакала его да родна матушка,
А и говорила Хотею сыну Блудовичу:
«Уж ты ой еси, моё ты чадо милоё,
Уж ты мило чадышко всё любимоё,
140 А Хотей же ты у мня же сын же Блудович,
Мне-ка место у князя было всё почесноё,
И угошшал меня да сколько мне-ка надобно,
И некакой невежа надо мной да не насмеялсе же,
Насмеялась надо мной да Часова жона,
145 Пристыдила меня при князи всё Владимери.
И как послы же всё княженеськие
Поднесли же нам по чарочки да мёду сладкого,
И с Часовой же нам да нам же вместе с ней,
И говорила тогда же Часовой жене:
150 „Уж ты ой еси, да Часова жона,
Ты отдай, отдай же Чаясню Часовисню,
Одинакую свою дочь любимую,
За моёго-то сына всё любимого,
За Хотеюшка отдай да всё за Блудовича“.
155 А она облила у мня взяла мою-ту шубочку да соболиную,
А и облила она на шубочки у мня да три же пуговки,
А и говорила-то она мне таковы слова:
„Не отдам я своей дочери любимою,

Уж я девяти братéй да ясных соколов,
За твоего сына да за Хотеюшка,
А как отець-от был Блýдишшо всё,
А сын-от всё Хотеишшо.
Он ездит уродуёт у тя по славну городу по Киеву,
Ишше хто бы Хотеюшку рубашку сошил,
Ишше хто бы Хотеюшку порточки дал!“».
И говорил тогда Хотеюшко сын же Блудович,
Он валил-то свою маменьку любимою,
На кисóвую валил ей на кроваточку,
На пухóвую перинушку,
А и он на те ли валил на подушочки пухóвые,
А и он закутывал родну матушку одеялышком соболиновым,
И говорил тогда Хотеюшко рóдной матушки:
«Уж ты матушка моя да всё родимая,
Отмешшу я ту насмешочку я Часовой жоны».
И он пошел скорó Хотеюшко сын же Блудович,
И он пошел скорó на широкой двор,
И брал он скоро в руки узду да всё серебренную,
И одевал он на своёго коня на богатырьского,
И одевал он скорó на себя латы богатырьския,
И одевал он на себя да платьё богатырьскоё,
И ишше брал скорó сабельку же булатную,
Ишше брал Хотеюшка с собой да копьё востроё.
Он садилсе-то Хотей же сын же Блудович
Он на своёго-то коня да богатырьского,
Он поехал-то далече да во чисто полё,
Он взял убил в чистóм поли девять быков всех же их,
И он снял взял с их кожу да на ремни же всё,
И тогда он ети ведь ремни же выкроил,
А и как взял он тогда поехал далече во чисто поле;
А там ее-то девять сынов Часовой жоны,
Они ездили по чисту полю поляковали,
И приезжал скорó Хотей же сын же Блудович,
Он же взял девять братьицей родимых всё,
Он связал их взял за ремни-ти за бычие,
Приковал он взял к седёлышку к черкальскому,
Ко своёму он дóбру коню к богатырьскому
И он повез тогда он в Киев-от ко городу
Мимо Часову жену да мимо терем ее.
Увидала тогда да Часова жона,
Што едёт Хотеюшко да сын же Блудович,
Он везёт-то ее девять сынов да ясных соколов,
Они привязаны у его к своёму ко добру коню.
И тут увидела же Чаясня Часовисня
Она своих же всё родимых девять братьицей,
Отпирала окошечко косисцето,
[О]на крычала-зычала зычным голосом:
«Уж отець же был же Блýдищо,
Ище сын-от еще Хотеищо,
Ище ездишь по городу по Киеву,
Ище ездишь да всё уродуешь,
Ище хто тебе, Хотею, рубашку сошьёт,

Ище хто бы Хотеюшку порточки дал!»
Ище ехал Хотеюшко да сын да же Блудович,
Не глядел-то на ихной терем всё высокой-от,
Тогда побежала скоро Часова жона,
[О]на ко князю побежала ко Владимеру,
И она заходила во грины княженеськия,
Она падала [В]ладимеру да во резвы ноги,
Она падала, слезами горючима обливаласе:
«Уж ты князь ты наш, да красно солнышко,
Ты Владимер же всё да Святослаевич,
В чем я тебя да попрошу тебя,
И пожалей-ко ты меня да родной сéстрици,
Уж ты дай-ко мне силы да всё достать моих да ясных соколов,
И премладеньких моих девять да сыновей же всё
От Хотеюшка сына от Блудовича:
И он взял моих-то девять сынов-то да ясных соколов,
Он убил девять быков да всё во чистом поли,
Он связал всих моих премладеньких ясных соколов,
Приковал он ко седёлышку церкальскому,
И ко своему-ту он коню да богатырьскому.
Тогда сказал-то князь Владимер же Часовой жоны:
«А и поди, поди к Хотеюшку сыну Блудовичу,
А ты и поди, поди да извинись-ко-се,
А и ты простись, што обругала ей понапрасному,
А и отдавай-ко-се свою-ту дочь любимую
За Хотеюшка отдавай за сына за Блудовича,
Отдавай ей и скоро ей в замужесьво;
А я не буду понапрасному народа за ей губить».
И тогда пошла Часова жона скоро домой,
Она пошла тогда к Хотеюшку сыну Блудовичу,
И подходила ко Хотеюшкову высокому терему,
А и ко тому ли она ко крылечушку ко паратному,
Ко тому ли ко колечушку золочёному,
Отпирала она скоро двери косисцеты,
Заходила-то Часова жона во горницы высокия,
А и она кланялась Хотеюшку сыну Блудовичу,
Она кланялась ему да во праву ножечку:
«Ты прости, прости мня ты, Хотеюшко,
Прости мня же, сын же всё же Блудович,
Што обругала тебе всё да понапрасному.
Ты бери, бери замуж мою дочь любимую,
Уж как любимую Лебедь Белую,
Уж как Чаясню бери у мня Часовисню».
Тогда сказал ей в ответ Хотеюшко сын же Блудович:
«Мне не надо твоя дочь да всё любимая,
Мне не надо таку — злая така, ругачлива,
Я найду, найду невест да кроме твоей дочери».
И стала говорить тогда же Хотеюшку сыну Блудовичу
Как его-то ему же да родна матушка:
«И ты послушай-ко, послушай, Хотей ты сын же Блудович,
Ты своей ты послушай родной матушки,

Ты бери, бери-ко Чаясню Часовисню,
Ты бери ей за себе же в замужесьво
265 Ты прости, прости вины же всё,
Вины-то ей да виноватою.
Она умом ишше она да очунь младая;
Ты отдай, отдай, отвяжи-ко-се девять братьей,
Ты отдай, отдай же да Часовой жоны».

107

ГЛЕБ ДА СЫН ВОЛОДЬЕВИЧ

А как во матушки было в каменной Москве
Жил-то был князь Глеб Володьевич.
И отправлял-то князь да Глеб да сын Володьевич
Он черны карабли же всё да он заморские,
5 За то отправлял премладеньких да карабельшичков,
И премладеньких-то отправлял матросичков
И за дорогима-ти товарами заморскима.
И они походили-то его да черны карабли
И за дорогима товарами заморскима.
10 И как шли-то они по морю Хвалыньскому,
Ише падала погодушка немалая,
И зачало у их да паруса же рвать белы-полотьнены,
Паруса же рвать да карабли ломать,
Заметало их же погодушкой великою,
15 Их же в тот же город во Концырь-от,
В том же в городи во Концыри не король королил, не царь *царил,*
Королила же царица Маринка б.... безбожница

(Уж так пел Ганя Крюков, так и я пою, старинных слов не выкинешь)

И б.... безбожница да дочь Кандальевка.
Закинали они скоро на воду якоря булатные,
20 Спускали шлюпочки дубовые.
Забрала у их Маринка б.... безбожница
Дороги же ихны карабли заморскии,
А за карабли брала с их дани-пошлины,
За карабли брала дани-пошлины да сорок тысяцей,
(Вот сколько залупила!)
25 За якоря булатные брала дани-пошлины да сорок тысяцей,
За шлюпочки дубовы брала дани-пошлины,
И за премладеньких карабельшичков да брала сорок тысяцей,
И за премладеньких матросичков да брала сорок тысяцей,
Отобрала у их же карабли заморские,
30 С дорогима-ти с товарами заморскима,
И засадила премладеньких же корабельшичков
Во тюрьмы-то засадила заключебные,
Она морила их да смертью же всё голодною.
Тут садилисе премладые да карабельшшички
35 На ремчаты струночки да они скорёхонько,
И же брали в руки перышка да лебединыя,
Они писали же грамотку да скорописцету,

[О]ни во матушку во славну в каменну Москву,
Своему-ту князю всё любимому,
40 А любимому к(ы)нязю Глебу сыну всё Володьевичу:
«Уж ты ой еси, наш князь любимой же,
Уж ты Глеб же сын да всё Володьевич,
Мы же шли же по морю, морю Хвалыньскому,
Ише падала погодушка очунь великая,
45 А как зачало у нас рвать белы-ти паруса полотьнены,
И ломать же стало у нас да черны карабли заморские,
Закинало нас же в тот город во Концырь-от,
А в том городи во Концыри не король королил,
Не король королил же всё, не царь царил,
50 И царила-королила же Маринка б.... безбожница,
А безбожница Маринка дочь Кандальевна,
Отобрала же у нас да вси же карабли заморьские,
С дорогима же товарами заморьскима,
Как везены те ко князю Глебу сыну всё Володьевичу,
55 В подареньице тебе же всё трои перчаточки,
Эти перчаточки же были у нас же очунь дороги,
Из семи шолков же были разных же,
Они расшиты же были красным золотом,
Россажоны дорогим были да скатным жемчугом,
60 Во серёдочке было по дорогому камешку да драгоценному,
Этим камешком да цены не было,
Цены не было, было да не обложоно.
Отобрала у нас же Маринка б.... безбожница,
Как безбожница дочь Кандальевна,
65 Она за черны карабли же всё заморьские,
С нас брала она да дани-пошлины,
По сороку же брала да она тысяцей,
И же с нас, мы по горы пройдем, брала да сорок тысяцей,
А она с якорей брала с булатных по сороку тысяцей,
70 Со шлюпочек с дубовых брала сорок тысяцей,
Засадила она нас да в темны темницы,
Заключила же нас в злодейку в заключебную,
И морит же нас она же смертью всё голодною».
Тут же князь Глеб сын же Володьевич
75 Принимал же он скоро грамотку да скорописцету,
Он читал скоро же, быстро прочитывал,
Побежал брал в руки же туриной рог,
Брал с собой же он всё туриной рог,
А туриной же был у ей золочёной же,
80 Побежал он скоро князь же Глеб да сын Володьевич,
Он на ту ли на стеночку да городовую,
Он на ту ли на башню наугольнюю,
Он во пёрьвой раз трубил да во туриной рог —
Его храбрая дружиночка от крепка сна да пробужаласе,
85 Во второй-от раз трубил да во туриной рог,
Его храбрая дружиночка скоро да одеваласе,
Скоро одевалась в платье в богатырьское,
В богатырьское платье одевалась она, латы да богатырьские,
Они брали скоро копьица же вострые,
90 Ишо брали они да сабли вострые,

Поскакали скоро они во матушку да в каменну Москву,
Ко своему князю любимому,
И ко князю ко Глебу сыну же Володьевичу.
Приезжали ко его к дому да княженеському,
95 Ко тому ли ко крылечушку да ко точёному,
Ко тим ко перилышкам да ко золочёным,
Как стречал-то их да князь да Глеб же сын Володьевич,
А он низко же им да всё же князь Глеб да сын Володьевич
Он же кланялсе дружиночки же храброю:
100 «Уж вы ой еси, дружиночка моя же храбрая,
Уж вы храбрая моя да очунь верная!»
Поезжал-то князь да сын Володьевич,
И наказывал же он дружиночки хороброю:
«Уж я буду во городи во Концыри,
105 У той ли у Маринки дочери Кандальевны,
Я перьвой раз струблю да во туриной рог —
Вы же скоро от крепка сна пробужайтесе,
Во второй струблю — да одевайтесе,
110 Во свое же вы платье богатырьское,
А во третей я раз струблю да во туриной рог —
Уж наскакивайте да в город во Концырь-от,
Вы рубите, бейте до старого до малого,
Не оставляйте же их же всё на сёмена».
115 И одевалсе князь же Глеб да сын Володьевич,
Скинывал с себя дорогое платье цвётное,
Одевал же на себя да богатырьское,
И одевал он на себя латы да богатырьские,
И он садилсе же князь да Глеб же сын Володьевич,
120 На своего коня да богатырьсково,
И же брал с собой копьице же вострое,
И же брал с собой же саблю вострую,
И поехал скоро в славной в Концырь-город,
Где царила Маринка же да б.... безбожница.
125 А подъезжали скоро ко городу ко Концырю,
А ише тут же оставлял свою же он друженочку хоробрую,
Оставлял же их он же да во чистóм полѝ,
Во широком же всё в роздольици,
Во белых шатрах же всё полотыненых,
130 А поехал же князь да Глеб Володьевич,
Он во город-от поехал же во Концырь-от,
Где царила-королила же Маринка б.... безбожница,
И Маринка же дочь Кандальевка.
А и приувидала же Маринка б.... безбожница,
135 Ише едет князь же Глеб да сын Володьевич,
Выходила на крылечушко да королевьское,
Оперлась во перилышко да золочёные,
Золочёные были, точёные,
Брала в руки же трубочку да золочёную,
140 Она смотряла же во чисто поле,
Ише едет князь же Глеб да сын Володьевич,
Он же едет на своем кони да богатырьском-то,
А у его же конь да очунь быстро бежит.
Приезжал ко крылечушку да королевьскому,

145 И он ко терему же всё да королевьскому,
Ко той-то к Маринки дочери Кандальевки,
Ише кланялась Маринка дочь Кандальевка:
«Уж ты здрастуй, князь же Глеб да сын Володьевич!»
— «Уж ты здрастуй, здрастуй, б.... Маринка дочь Кандальевка».
150 И тут говорил-то князь же Глеб да сын Володьевич,
Он Маринки дочери же всё Кандальевки:
«Ах ты Маринка же б.... безбожница,
Ты зачем у мне отобрала двенадцать кораблей заморьских же
С дорогима же товарами заморьскима?
156 Мне везены, князю Глебу сыну же Володьевичу,
Трои перчаточки же мне да в подареньицо,
Ети перчаточки же очунь были дороги,
Из семи-то шолков разных заморских-то,
Эти перчаточки росшиты были красным золотом,
160 Россажоны были дорогим да скатным жемчугом,
И посажоно было по дорогому камешку да драгоценному,
Драгоценному было, бесценному,
И цены-то же ему же всё же не было,
Цены не было же всё да не обложоно.
165 Ты зачем, Маринка же ты б.... безбожница,
Убрала мои карабли, товары да всё заморьские,
Ты брала с меня да дани-пошлины,
Дани-пошлины брала да сорок тысяцей,
За якоря булатные брала да сорок тысяцей,
170 Ты за шлюпки мои брала да сорок тысяцей,
За премладеньких карабельшичок брала да дани-пошлины,
А сорок же брала же с их да с их же тысяць же,
Засадила моих премладых карабельшичков,
И премладеньких моих же всё матросичков
175 Во темные же ты их да всё во темницы,
Заключила во ту ли во злодеюшку да заключебную
И моришь же их же всё смертью голодною?»
Говорила же тут Маринка дочь Кандальевка:
«Уж ты ой еси же, князь да Глеб же сын Володьевич,
180 Отгадай-ко ты у мня да три хитрых мудрых загадочек,
Отгадаешь же мои же ты загадочки,
Я отдам тебе же все да черны карабли заморские,
С дорогима-то товарами заморскима,
Я отдам тебе трои перчаточки,
185 Которы везены тебе да в подарочки,
И я выпушшу твоих премладеньких же карабельшичков,
Уж я выпушшу твоих премладеньких матросичков,
Я тогда же за тебя же, князь же Глеб да сын Володьевич,
Я тогда же сама за тебя взамуж иду,
190 Отгадай-ко, князь же Глеб же сын Володьевич,
Ишо у вас во матушке да в каменной Москве
Краше свету есь да краше свету есь?»
— «Не хитра-мудра», — да говорил тогда,
Говорил-то князь же Глеб да сын Володьевич.
195 «Не хитра-мудра твоя же всё загадочка:
У нас во славной матушки да в каменной Москве
Краше свету у нас да красно солнышко».

— «Ише втора загадочка:
Да што же выше лесу же?»
200 — «А у нас во славной матушки да в каменной Москве,
Светет светел месяць-от».
— «А что же чашше лесу-ту?»
— «А чашше лесу часты звездочки».
— «А без замочков у вас во славной матушке во каменной Москве?»
205 — «Не хитра да мудра, да Маринка б.... безбожница,
Не хитра-мудра твоя же всё загадочка:
А у нас во матушки же в каменной Москве
А Дунай, а Непр-река да очунь быстрая».
А и говорила тут Маринка дочь Кандальевна:
210 «Уж ты князь да Глеб Володьевич,
Я теперь же за тебя да я замуж иду».
И выносила Маринка дочь Кандальевна,
И выносила она чарочку золоченую.
Наливала дорогого напиточку заморьского,
215 Подносила Глебу сыну Володьевичу:
«Выпей, выкушай ты, князь да Глеб да сын Володьевич,
От меня же напиточку да всё заморьского».
Ише брал же князь да Глеб да сын Володьевич,
Он же брал-то своей рученькой же правою,
220 Он хотел же пить да из чарочки да золоченою,
Дорогого напиточку да всё заморьского.
Его доброй-от же конь да богатырьской-от
Взял потолконул своей да ножкой правою
Как его-то чарочку да золоченую,
225 Он же вылил из чарочки на матушку да на сыру землю,
Сырая земля да загорела же
От того напиточка да всё заморьского.
Тогда разгорелось князя Глеба сына все Володьевича
Розгорелось у его да ретиво серьцо,
230 Росходилисе у его да могучи плечи,
А могучи плечи же всё да богатырьские,
Он же брал скоро в руки сабельку же вострую,
Он же отсек у Маринки дочери Кандальевны,
Вот отсек у ей да буйну голову.
235 Он струбил же тут скоро да во туриной рог.
Его дружиночка же всё храбрая
Вот со крепка же сна скоро да пробудиласе,
Во второй же раз струбил же он да во туриной рог —
Она скоро же одеваласе
240 Во свое же она платье богатырьское,
Во третей же раз струбил же князь да Глеб Володьевич, —
И скоро его дружиночка наскакивала
На добрых конях же всё да богатырьских же,
Она рубила во городи во Концыри
245 Она до старого рубила и до младого,
Не оставили же они же всё на семена.
Вог тогда же князь да Глеб да сын Володьевич
Он пошел скоро во те во темницы во темныя,
И во те ли злодеюшки да заключебныя,

250 Он топтал-ломал да скоро двери же,
Выпускал своих премладеньких да карабельшичков,
Выпускал же он премладеньких матросичков,
Отправлял же он черны карабли,
Черны карабли с товарами заморьскима,
255 Он во славну матушку же в каменну Москву.
А сам поехал же своей с дружиночкой,
Он с хороброю да во чисто поле,
Во широкое поехал да во роздольицо,
Они ко славной ко матушки,
260 Да в каменну Москву.

108

ПЕТРОВИЧИ-СБРОДОВИЧИ

А и как во славном-то было в городи во Ростови-то
У того ли у попа-отца духовного
Ишше было у его да чадо милоё,
Чадо милоё любимоё Алешенька Поповиць млад.
5 Ездил Алешенька Попович по чисту полю,
По широкому ездил да по роздольицю
На своем добром кони да богатырьском-то.
Он ездил по чисту полю поляковать,
А серых-то уточек стрелял же всё,
10 Ишше белых-то он да всё лебёдушек.
Он же рыцарь-от же был очунь пресильнёй-то,
И пресильнёй Алешенька, премудрой-от.
Ишше ехал Алеша мимо славной Киев-град,
Мимо то подворьицо да княженеськое.
15 Призадумался Алешенька Поповиць млад:
«Што я приворотил к князю Владимеру
На почесен пир, идет у князя всё Владимера
Для богатырей, идет для могучих-то,
Приворочу я ко князю ко Владимеру
20 На почесен пир да посидеть к ему,
Посидеть, попить-то мне да всё покушати,
Ишше разных заморских водочек попить же всё».
Поворотил Алешенька да своего добра коня,
Он добра коня да богатырьского
25 Он ко терему да княженейскому,
Он ко тому ли ко столбу да ко точеному,
Ко тому ли ко колечушку да золоченому.
Он скакал скоро да со своёго со добра коня,
Брал за повод его да за шелковой-от,
30 Он вязал за колечушко да золоченое,
Насыпал добру коню пшеницы белояровой,
Сам пошел скоро во грини княженеськие
Его встречали, Олешеньку послы да княженеськие,
Низко кланялись Олешеньки Поповичу:
35 «Уж здрастуй, здрастуй же, могуч русьской же богатырь-от,
Ты Олешенька да сын Леонтьевич!
И проходи-ко-се скоро во грини княженеськие,

А у нас у князя-та Владимера да Святослаевича
И пиры-ти идут да всё на радостях,
40 И сидят ёго да дороги гости очунь же важные,
Э и все могучи-ти славны русьские богатыри».
Заходил Алешенька Поповиць скоро во грину да княженеськую,
Он поклон же вел да по-ученому,
Он же князю Владимеру-та чесь ту же всё воздал да низко кланялсе
45 Он во праву ёго рученьку,
А княгине Апраксеньи-королевисьни
Он ей кланялсе во ручку в левую,
Всем могучим-то русьским богатырям да низко кланялсе,
Ишше всё-то чесь им воздавал же он.
50 И тут князь Владимир-от да Святослаевич,
Он садил-то Олешеньку Поповича
За столы садил же он да за окольние,
За скатерти садил за браные,
За ествы садил его да за сахарные,
55 За напиточки садил дорогие всё заморские
А попить, поись его да всё покушати,
А ишше белою лебёдушки порушати.
Он садилсе Олешенька за те ли столички окольние,
Он за те ли за скатерти за браные,
60 Он за те ли садилсе за ествы за сахарные,
Он садилсе возле своёго крестового да он же брателка,
А к могучему руському всё богатырю,
Ко тому ли ко Ильи, Ильи ко Муромцу,
А ко Муромцу Ильи, к сыну к Ивановичу.
65 [О]ни сидели пили всё же кушали,
А ишше сладки-ти водочки заморски они пили же.
Ишше все-то на пиру досыта наедалисе,
На почесном допьяна да напивалисе.
Ишше тут же они всё на пиру все росхвастались
70 А и князю-ту же всё Владимеру,
Владимеру князю да Святослаевичу.
Ишше умной-от сидел хвастал да родным батюшкой,
А розумной-от сидел и хвастал родной матушкой,
А неумной-от сидел хвастал да молодой женой.
75 А и как богатыри-ти хвастали своей силой богатырьскою,
А хто сидели хвастали своим именьицом-богасьвицом,
Многочётненькой они хвастали да золотой казной,
Ишше хто сидел хвастали своима добрыма конями богатырьскима,
Хто сидел, братцы, хвастал своей силой богатырьскою.
80 Ишше князь-от Владимер всё сидел послушивал,
Всё послушивал же князь да всё поглядывал
На ихны рассказы, розговоры богатырьские.
А сам же князь Владимер всё да Святослаёвич,
Он ставал скоро со стула с княженеського,
85 Он пошел по грины скоро княженеською,
Серебрыныма подковочками всё приступывал,
Золотыма же шпорами всё набрякивал,
Он желтыма-ти кудрями всё ростряхивал,

Он по грины-то да всё погуливал,
90 На окольни-ти столы да сам посматривал,
На могучих-то русьских богатырей поглядывал, —
Ише хто же чем они же хвастали?
И подходил-то князь ко столичкам окольним-то,
Он ко тем ли ко скатертям ко браным-то,
95 Он ко тем ли ко ествам всё ко сахарным-то,
Он ко тем ли ко водочкам заморским ли,
Он возговорил же князь да таковы слова:
«Уж вы ой еси, два брателка родимые,
А родимы два могучих русьских два богатыря,
100 Уж вы два же вы братьицей Петровичей,
А Петровицей же всё Сбродовицей,
Ишше что же сидите у мня, у князя у Владимера,
На пиру сидите ницим не хвастаите
Мне же, князю всё же Владимеру,
105 Владимеру же мне да Святослаёвичу?
Ишше есь чим вам, добрым молодцам, похвастати,
У вас чого в доми есь у вас хорошого?»
Тут ставали два же брателка родимые
На резвы ноги они да всё скорёхонько,
110 Они кланялись князю же Владимеру низёхонько:
«Уж ты ой еси же, князь да наш Владимер же,
Ты Владимер-князь да Святослаевич,
Уж ты знашь, что у нас домы очунь хорошие,
У нас именьица-богасьвица да много есь,
115 А многосчётненькой да золотой казны,
У нас жоны очунь молоды,
Нам похвастать, да добрым молодцам,
Нам могучим да всё русьским богатырям,
Мы похвастам тебе, князь Владимер же,
120 Мы родимой тебе да родной сестрицой,
Ишше той ли Святославой-ту Петровисьнёй,
А Петровисьнёй же всё Сбродовисьнёй.
У нас хороша сестриця наша родимая,
А красота у ей очунь прекрасная,
125 А умом-то у нас она очунь же умная,
Уж как хитросью у нас очунь прехитрая.
А у нас сестрица родимая — никто да ей не видывал,
А нехто да ей, нашой сестрицы, не сматривал,
Ишше той ли Святославы той Петровисьни,
130 Красно солнышко у ей да не пекёт некак,
Буйны ветры ей бела лиця не обдули-то,
А часты дожжички да ей да лиця белого не смочили,
А она сидит у нас, девиця, родна сестриця,
Ишше та ли Святослава да Петровисьня,
135 Во высоком-ту она сидит в новом тереми.
У нас построен-то ей терем-от высокой-от
А на тих ли на двадцати семи же столбичках,
Ишше на тих ли... столбички же точены,
Ишшо точёны были золочёные».
140 Тут заслушал князь Владимер очунь их же всё.
А ишше в том пиру сидел Алешенька Попович млад,

Во хмелю-ту Алешенька повыпил сидел,
Сам возговорил Алеша таковые слова:
«Уж ты ой еси же, князь Владимер же,
145 А Владимер-князь же Святославич,
Ты не верь-ко-се-от Петровицей-Сбродовицей,
Они неправду тебе, князю, всё же сказывают,
А у их же сестра всё нехорошая,
Нехорошая же всё да некрасивая,
150 Уж я езжу к ихной родной сестрицы,
Уж я езжу к ей всё в гости, посешшаю ей,
Ешше ту ли Святославу всё Петровисьню,
А Петровисьню да всё Сбродовисьню.
А среди-то езжу к ей да ночки тёмною,
155 Я сижу у ей да до утрика до ранного,
До восходу-та сижу да солньця красного,
Я лежу у ей да на кроваточки кисовою,
Я на той ли на перинночки пуховою,
Я челую, милую ихну родну сестрицу,
160 Ишше ту ли Святославу-ту Петровисьню».
Тут Петровицям братьицям Сбродовицям
За беду пало им да за великую,
За досадушку же показалосе да непомерную,
Они хватали скоро они да вострой нож,
165 Они кинали скоро во Олешеньку в Поповиця:
«А и ты не хвастай-ко, не ври да нашой сестрицой,
А и ты любимой нашой Святославой-то Петровисьной».
А хватал-то нож скоро да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць,
170 Во свою-ту он хватал ручку правою;
И тут Алешеньки да за беду пало,
Тут Поповицю да за его стало да страху-ту,
А правой рученькой Алешенька помахивал:
«Ах вы Петровици, братья Сбродовици,
175 Я скажу же вам да всю да сушшу правду-ту,
А у вас-то есь да жоны молоды взяты,
Молоды взяты, они сгуляли у вас же всё,
А к одной-то ездит Пересмякин-от родной племянничок,
А к другой-то ездит Пересчота-та племянничок».
180 И тут Петровицам-то родным братьицам
И за беду палось-то им да за великую,
За обидушку пало да за великую,
Что обнес-то их Алешенька Попович млад,
Он при князи-то обнес да при Владимире.
185 Со стыду-то они всё стали да на резвы ноги,
А со князем со Владимером прошшалисе
Они во праву рученьку,
Со княгиной Апраксеньей-королевисьной во левую,
Со могучима с богатырьми роспрошшалисе,
190 И пошли скоро да на широкой двор,
Они брали своих добрых коней,
Добрых коней брали да богатырьских же,
Они заскакали на коней скоро да богатырьских-то,
Они поехали из города из Киева,

195 От князя-ти поехали да от Владимера,
Ко своим они домам да ко своим высоким теремам,
И ко своим-то они да к молодым жонам.
Приезжали они да ко крылечушку да ко передьнему,
А и заходили то скоро да на новы сени,
200 Отпирали скоро свои да они комнаты,
У одной сидел в гостях да Пересмякин-от родной
племянничок,
И у второй жоны сидел да Пересчота-то племянничок,
Заходили тут Петровици-Сбродовици
В свои они в комнаты в высокие,
205 Они брали своих молодых же жон,
Они брали-то их да за русы косы,
Повели-то они их да на добрых коней,
На добрых коней садили на богатырьских же,
Повезли-то они их на то полё да на Куликово,
210 И они отсекли у их да буйны головы,
Захоронили их во полё на Куликово.
(*Вот сколь яры были богатыри прежде!*)
Приезжали ко терему да к родимою сестрици,
Ишше той ли Святославы-то Петровисьни,
Они стучалисе у ей у дверей же,
215 Не отпирала она им дверей косисцатых,
Они брали в ручки глызку снежку белого,
А кинали ей да всё во стеночку.
А ишше тут она услыхала ихна родна сестриця,
Ишше та ли Святослава всё Петровисьня,
220 Отпирала двери косисцаты,
Увидала она двух своих да родных братьицей,
Двух Петровицей она да всё Сбродовицей,
У ей ухнуло да ретиво серьцо,
А ишшо чуть ли с ног не пала же.
225 А и тут ее же братьица да родные,
Заходили к ей во терем-от высокой-от
Ей же брать хотели за русу косу
И вести хотели во чисто полё да на Куликово,
Отрубить у ей хотели буйну голову.
230 В ту же пору, в то же времечко
Как наехал то да Илья Муромець,
Илья Муромець наехал сын Ивановиць
Со Алешенькой наехал со Поповицом,
Захватил у братьицей Петровицей
235 Ишше ихну-ту они родну сестрицю,
Ишше ту ли Святославу-ту Петровисьню,
Они не дали вести ей во чисто полё,
Во чисто-то полё да на Куликово.
Говорил-то же тут да Илья Муромець:
240 «Уж вы ой еси, да вы братьица всё Петровици,
Не губите-ко вы своей родной сестрици,
Ишше той ли Святославы всё Петровисьни,
Отдавайте-ко ей за Алешеньку Поповича,
Отдавайте-ко ей всё в замужесьво,
245 Вы прошшайте ей вины да виноватою,

Ишшо у бабы волос долгой, да ум короткой бывает».
И тут же Петровици-Сбродовици
Пожалели они да родной сестрици,
Им же страх напал великой губить им родну сестрицю,
250 Отдавали за Олешеньку Поповиця.

(А и тут я не знаю. Дале што было, Марфа? Я боле не помню. Годов тринадцать не пела).

109

ПРО ЦАРИЦУ СОЛОМАНИХУ

Ише был-то жил во городи Цари-гради,
Ише был-то жил царь прекрасной-от Иван Микульевич,
Собирал-то же царь Иван Микульевич,
Собирал же он всё почесен пир.
5 А на пиру-ту же было у его народу же много всё,
Ише те были же столички окольние,
И сидели за салфеточками шолковыма,
Да шелковыма дорогима-ти заморскима,
Пили-кушали сидели кушанье сахарное.
10 А прекрасный царь Иван Микульевич
Он по царьским полатушкам похаживал,
Сам таковы-ти речи да всё выговаривал:
«Уж вы ой еси же, вы мои да слуги царьские,
Уже все в Цари-то гради приженилисе,
15 Все хороши девицы взамуж повыданы,
Только я у вас же, царь, не жонат хожу,
Не жонат хожу да холостым слыву
(*По-нашому — нахожусь, а по-прежному — слыву*),
Вы не знаете ли мне невесту взять царицу же?»
А их тут в пиру сидел же Васька сын да Торокашков же,
20 Торокашков сын сидел да всё заморскии,
Говорил же он да таковы слова:
«Уж ты ой еси, прекрасной царь Иван Микульевич,
Я же знаю тебе невесту же,
Во том ли в городи да в Ерусалими же,
25 У того ли у царя да у Соломана,
Ише есь у его жона царица Соломаниха,
Она тебе взято, царю Ивану же Микульевичу».
Говорил тогда же царь прекрасной Иван Микульевич,
Говорил же он Васьки сыну Торокашкину,
30 Торокашкину сыну Заморенину:
«Уж ты ой еси же, Васька сын да Торокашков же,
Каковы же ето дела всё же царьские,
И нельзя ето нам некак же дело делати,
У жива мужа жону некак нельзя же взять».
35 Говорил тогда и Васька сын да Торокашков же:
«А не хитро украсть у царя Соломана,
А как царицу ту же всё да Соломаниху.
А уж ты ой еси, прекрасной царь Иван Микульевич,
Я на своем веку украл жон от мужьев до сотни-то».
(Вот сколько! Молодець!)

40 И говорил тогда же Васька сын да Торокашков же:
«Уж ты ой еси, прекрасной царь Иван Микульевич,
Дай мне-ка черных же да заморских караблей,
Уж ты дай мене матросичков да карабельшичков,
И грузи-ко черны карабли заморские,
45 Дорогима-ти грузи товарами заморскима.
А перьвой карабь грузи дорогима разныма же шолками,
А второй грузи да дорогим ты красным золотом,
А третей грузи да цистым серебром,
И дорогим грузи да скатным жемчугом».
50 Тут прекрасной царь Иван же всё Микульевич,
По приказу по Васькиному дело сделал же,
А наладил он черны карабли заморьские,
С дорогима с товарами с заморскима,
И отправлял же их, провожал же всё,
55 И пошли-то же черны карабли заморские,
Они шли-пришли во славной город в Ерусалим,
Подходили ко гавани ко царьской,
И ко пристани приходили государевой,
Туг же караульшички царя Соломана
60 Не пропускали же Васьки сына Торокашкова:
«Уж ты Васька сын да Торокашков же,
И как пришел да в гавань нашу во царьскую
И без приказу ты без царьского царя же всё Соломана?»
И говорил тогда же Васька им Торокашков сын:
65 «И попустите вы, караульшички вы царьские,
И мне до царицы допустите до Соломанихи».
— «А как мы можем те же, Васька же сын Торокашков же,
Допустить мы тя до царицы Соломанихи,
А как мы можем те же, сын Торокашков же,
70 Допустить мы тя до царицы Соломанихи,
И у нас нету-то царя, царя Соломана,
А он уехал у нас во дальняя во нарция
(*Нарция — разные по-старинному*),
Во разные города же он неверные,
И собирать-то он уехал дани-пошлины».
75 Ише тут-то же говорил им Васька же сын Торокашков же:
«И пропустите вы, послы царьские,
До царицы нас допустите Соломанихи,
И привезли же мы царю да Соломану,
Привезли мы ему дани, дань же пошлину,
80 Ише пусь замен царя принимат же всё,
Принимает-то царица Соломаниха».
И гут пропустили же послы же их же царьские,
И тут приходили-заходили они во царьские,
Они во царьские полаты белокаменны,
85 И проводили их же караульшички до царицы же,
И до царицы до Соломанихи.
И как сидела-то царица Соломаниха,
А она против зеркала сидела всё заморьского,
И на ковры-то она сидела на рытом бархати,
90 И на дорогом коври сидела всё заморьском же,
Она с нянюшками сидела всё, со мамушками,

Ана со красныма сидела всё со девушками,
И вышивали они сидели всё ширинoчки.
А как заходили тут же Васька сын Торокашков же,
95 А увидала тут же царица его Соломаниха:
«Ах ты вор, ты Васька сын да Торокашков же,
Ты зачем пришел сюда без приказаньица без царьского?
Те же хто приказал зайти сюда?
Али украсть хочешь царя же ты Соломана
100 Ты царицу хошь украсть да Соломаниху?
А ты вор Васька сын да Торокашков же,
Перевозил мужних жон ты да за чорта же,
Увозил же за моря за дальние!»
Говорил тогда же Васька сын да Торокашков же:
105 «Уж ты ой еси, царица Соломаниха,
Я пришел к царю да всё Соломану,
Я привез ему да всё дань и пошлину,
Не застал его я во царьсви же,
Он уехал да в разны города в неверные,
110 Собирать же уехал дани-пошлины,
А замен его поди получай, царица Соломаниха,
И ты бери-ко у нас дороги товары всё заморьские,
Ты бери разны шолки́ да всё заморьския».
Тут царица Соломаниха взяла она во вниманьицо,
115 Призадумалась сидит да припечалилась,
Приказала она нянюшкам же мамушкам
Одевать на ей шубочку да соболиную,
Приказала застёгивать на пуговки,
Перьва пуговка же была у ей во пятьсот рублей
120 Втора пуговка же была у ей во тысяцю,
А третьей же и пуговки да цены не было,
И приказала одевать да шаль же теплую,
Приказала одевать башмачики сафьяныя,
Она взяла же с собой нянюшок же мамушок,
125 Она пошла скоро ко гавани ко царьскою,
Ко пристани пошла да огударевой,
Подходила ко черним же караблям заморским же.
Тут стречал же ей Васька сын Заморенин,
А и Заморенин да Торокашков же,
130 Ей же брал царицу Соломаниху да за белы руки,
Проводил-то ей да во каюты-ти да в корабельния,
Сам дороги-ти шолки́ стал ей же всё выкладывать,
Золоты перстни да стал на столи покотывать,
Он со ставочками драгоценныма,
135 Со камешками-ти очунь были дороги,
А и стал же с ей да поговаривать,
Золоты-ти берлеты стал показывать,
А сам выбежал скоро же на палубу,
И он глазом мигнул да карабельщичкам,
140 А и карабельщичкам же всё, матросицькам,
Што выкатели якоря булатныя,
Поднимали белы паруса полотьнены,
А сам побежал в каюты в карабельния,
А ко царицы побежал да Соломанихи,

145 Они нянюшок, мамушок да не пустили их,
И оставили их же всё на пристани.
А и тут же стали они паруса, якоря булатные доставать же,
А и паруса белы полотьнены да подымать же всё
И пошли скоро из города да Ерусалима же.
150 А уж говорила тут царица Соломаниха:
«Уж ты ой еси же, Васька сын да Торокашков же,
Ише что у тя черны карабли стали шататисе?
С боку на бок стали кривиться?»
Говорил тогда же Васька сын Торокашков же,
155 Говорил же он царицы Соломанихи:
«И уж ты ой еси, царица Соломаниха,
И пала погодушка же пала всё великая,
А и с моря вольны-ти приходят очунь великия!»
И говорила же тут царица Соломаниха:
160 «А ты неправду мне-ка, Васька сын Торокашков, говоришь».
Она скоро побежала из каюты карабельнею,
А и она вышла-то на палубу,
Э и не видать-то же города Ерусалиму же,
Тут заплакала царица Соломаниха:
165 «Ах ты вор, ты вор-собака, Васька ты сын Торокашков же,
И ты украл у царя живою царицу Соломаниху,
И ты куды, куды мене повез, во каки в края?»
И тут и шел скоро Васька сын Торокашков же,
И приходили они во Царь же град,
170 А и как стречал-то тут их прекрасной царь Иван Микульевич,
И заходили же они в гавань во царьскую,
И они ко пристани приходили да осударевой,
И тут стречал их царь прекрасной Иван Микульевич;
А он же брал скоро царицу Соломаниху,
175 И за белы-ти он брал всё да он за рученьки,
И человал он ей же всё в уста сахарные,
И он повел-то ей во свои полаты во царьские,
И тут же он же брал же ей да за себя взамуж.
А и тогда приезжал же царь Соломан же,
180 Он во город-от приезжал скоро в Ерусалим он,
Что нету царицы же всё да Соломанихи,
Россказали царю же всё Соломану
Ише мамушки ему нянюшки:
«Што приехал, пришел Васька сын да Торокашков же,
185 На кораблях был же он всё на заморских же,
Он увез у тя царицу же Соломаниху».
Тут же царь Соломан скоро он скорёхонько,
Недосуг ему с пути же всё, со дорожечки
Отдыхать ему да всё он же скоро стал же всё сбиратисе,
190 Он собирал свою дружиночку же храбрую,
Он поехал с ей скоро да в чисто поле,
Во чисто поле, в широкое в роздольицо,
И поехал он скоро да во Царь же град,
Ко прекрасному царю к Ивану же Микульевичу,
195 Оставлял же он дружиночку же храбрую,
Во чистом поли оставлял да во роздольици,
Он же сам же дружиночки наказывает:

«Уж вы ой еси, моя дружиночка же храбрая,
Я же буду же всё да во Цари в гради,
200 Как струблю же я всё да во туриной рог,
Во перьвой я раз струблю — вы ставайте от крепка же сна,
И побужайтесь же вы да поскорёшенько,
Во второй раз струблю — да одевайтесь же,
Во третей раз я струблю да во туриной рог —
205 И вы приезжайте вы поскорее да во Царь же град,
И рубите же вы их до старого и до мла́дого».
И тогда же царь Соло́ман нарядилсе он,
И нарядилсе он же странником же скоро же,
И одевал же он на себя платье каличое,
210 И одевал он на себя сапожецьки каличия,
Ишшо не узнали-то царя, царя Соло́мана,
И он пошел скоро под окошинько царицы Солома́нихи,
И где была царица Солома́ниха,
А й она сидела-то во комнаты во царьскою,
215 И он пришел же к ей же он да под окошечко,
Просил же у ей милостыни спасеною,
И подала ему царица Соломаниха,
И подала царю Соло́ману милостину спасеную,
И она узнала, шшо же ето царь Соло́ман всё,
220 И проговорила она же с ним да слово ласково,
И говорила она ему да таковы слова:
«А и ты ой еси же, царь, ты царь Соло́ман же,
Э и куды тебе же спрячу царя Соло́мана же?
А у меня-то есь-то большой сундук во комнаты,
225 И ты садись-ко-се в сундук да всё ко мне же всё».
Посадила-то царица царя Соло́мана в сундук,
А она заперла его же крышкою в сундук же всё,
(*А это уж правда ли? Много ли в сундуку посидишь?*)
Заперла сундук, сама на его задницой села же.
Тут приходит-то царь Иван-от свет Микульевич,
230 А как приходит тут же Васька сын Торокашков же,
И они обеду-ту приходят всё обедати,
И тут же сели они есь да всё же кушати,
И розговорилисе тут царь Иван Микульевич,
И тут сидела-то царица Солома́ниха,
235 Она кушала с има да всё же ела она,
И завела она же рець да розговоры же:
«И уж ты ой еси, Иван прекрасной царь Микульевич,
И што я вам скажу, царица Солома́ниха,
А и со святой Руси налетели гуси,
240 А же как пришел-то к вам как пришел-то царь Соло́ман же,
А и он посажо́н-то у мене сидит же в сундуку».
А и тут заграял же царь прекрасной Иван Микульевич:
«А што сказали, што хитре-мудре царя Соло́мана,
А што хитре-мудре на свети нет,
245 А и как глупе-то нет царя Соломана на свети нет —
Как бы умной был разумной, не сел бы бабы под гнузно».
И тогда отмыкала царица Солома́ниха,
Выпускала царя да тут Соло́мана,
Выходил же царь Соло́ман из сундука же он,

250 Говорил же Иван царь ему Микульевич:
«Что сказали хитре-мудре царя Соломана на свете нет,
А глупе тебя, царь Соломан, же на свети нет,
Ты бы хитрой-мудрой был, не сел бы бабы под гнузно».
И тут говорил же царь Соломан же
255 Он царю же прекрасному Ивану всё Микульевичу:
«Уж ты ой еси, царь Иван Микульевич,
Уж ты сделай-ко-се мне ты да тут же всё,
Ише тут мне сделай вроди лисеньки,
И ты лисеньки сделай, три же грядочки,
260 На тех-то грядочках же ты же всё
Сделай мне да три же петелки:
А перьву петелку да делай ты воровану
(*Смоляную*),
А второй ты петелку мне делай липину
(*Толстая, она скоро не затянитсе, он хитрой был царь Соломан, всё тереди же высмотрел*),
Ише ту третью петелку сделайте шелковую».
265 И говорил тут царю-ту царица Соломаниха:
«А ты прекрасной царь Иван же всё Микульевич,
А царь Соломан отойдет он своей хитросью же мудростью».
Говорил же царь Иван же всё Микульевич:
«Уж ты ой еси, царица Соломаниха,
270 А какой же царь Соломан хитрой, мудрой?
Он бы хитрой, мудрой был, не сел бы тебе под гнузно,
А вот нету его некакой же хитрости».
А говорила опять царица Соломаниха,
Говорила царю прекрасному Ивану-ту Микульевичу:
275 «Уж ты ой еси же, царь ты прекрасной Иван Микульевич,
Он омманит тебя да своей хитросью!»
Говорил тогда царь Иван Микульевич:
«Я не верю, шшо царь Соломан хитрой, мудрой же,
Я считаю, шшо нет у царя Соломана некакой хитрости».
280 И тут пошел-то царь, Соломана повели-то,
Повели его на ти мары, на лисеньки
(*Мары — какие были приделаны к лисенькам*),
И тут стал-то привели царя Соломана,
Говорил тогда же царь Соломан же:
«Уж вы ой еси же, царь Иван же всё Микульевич,
285 Ты позволишь-ко мне в последний раз да вострубить же мне,
Вострубить же мне да во туриной рог,
С светом белым же мне да всё проститисе».
И он позволил царь Иван же всё Микульевич.
Говорила царица Соломаниха
290 Всё царю прекрасному Ивану-ту Микульевичу:
«Уж ты ой еси, Иван да царь прекрасной всё Микульевич,
Отойдет же царь Соломан своей хитросью же мудросью!»
И говорил-то прекрасной царь Иван Микульевич:
«Нет, царица же Соломаниха, был бы хитрой-мудрой, не сел бы тебе под гнузно,
295 И глупе царя Соломана на свети нет!»

Вострубил царь Соломан во перьвой же раз:
«Уж вы умной которой, разумной,
Вы подите домой да не ходите вы
И смотрить-то смерти царя же всё Соломана,
300 Вам страшна будет смерть Соломана».
А которой умной-от назадь да воротилисе,
А которой безумной бежал всё же радовалсе.
Во второй раз трубил царь-от Соломан-от,
Он во туриной рог трубил — скоро его дружиночка храбрая
305 Она скоро-то же да одеваласе,
А во третей-от раз он трубил да во туриной рог —
А его дружиночка же храбрая,
А и она наехала во Царь же она во град же всё,
А она рубила-то до старого да малого всё,
310 Не оставляла она да их на семена,
И приезжали они скоро к царю к Соломану,
И тут Соломан-от царь сходил скоро со мар же он,
Он по лисенькам сходил, скоро соскакивал,
А он же приказал-то Ваську сына Торокашкова
315 И ише положить во ту петлю всё воровану,
А как царицу-ту Соломаниху-то...
А как прекрасного царя Ивана Викульевича
А и как положить-то его во петелку в шелковую.

(*А в шелковой-то скоро задавилсе царь Иван Микульевич, а в воровaной Васька Торокашков, а в липиной царица Соломаниха долго не давились, всё дёржал их царь Соломан — «вот знайте-ко-се!»*).

110

КОЗАРУШКА ПЕТРОВИЦЬ

Как во славном было во городи Коромыслови
Ише жил-то был князь да Пет[р] Коромыслов-от.
А и у его-то было чадышко же милое,
Уж как милое чадышко нелюбимое,
5 И на роду-то было к(ы)нязю Петру Коромыслову,
И на родах-то ему, да братцы, пошучоно,
И не залюбил-то он своего да чада милого,
А он того ли-то Козарушку сына Петровиця,
И он не залюбил-то, приказал своим-то он слугам верным-то,
10 И отвести-то как Козарушку Петровиця
А и как ко бабушки отдать да всё задворенки,
И приказал-то князь же Пет[р] да Коромыслов-от
А и не кормить его не поить его, хлебом же солью же,
А и заморить его смертью голодною.
15 И скоро слуги-ти княженеськие снесли Козарушку,
Они Козарушку Петровиця к бабушке-задворенке,
И как наказывал им же князь Пет[р] Коромыслов-от,
И тут как была-то у Петра князя Коромыслова,
У его да дочь любимая,
20 А ише та ли же Настасья дочь Петровна-то,
А и как Настасья-то Петровна, она ходила-то ко бабушки-задворенки,

А она Козарушки Петровицю носила же,
А уж как носила ему-ту кушанья же разные,
А и как кормила-то, поила, што сама ела.
25 И говорила-то она же бабушки-задворенки:
«Уж ты пой, корми же, бабушка-задворенка,
А у меня-то ты Козарушку Петровиця».
И тут поила-то кормила бабушка-задворенка,
А и наблюдала-то она Козарушку Петровиця,
30 Ише стал тут Козарушку ростеть-матереть,
А ише стал тут же Козарушка Петрович млад,
А он по улочки-то стал он ходить поигрывать,
Он со маленькима с деточками поигрывать,
А ише зачали же деточки маленьки ребяточки
35 А ише зачали Козарушку Петровиця,
Ише зачали Козарушку укорять его:
«У тя нету, Козарушка, да на роду же всё
Родного у тя да всё же батюшка,
И родимою у тебя всё же матушки,
40 И ты найденной зауголыш на улици.
И тут Козарушки же всё Петровицю
Ети же слова ему не пондравились.
Он кого хватит за руку, у того рука же прочь,
Кого хватит за ногу, у того нога же прочь,
45 И кого пехнет, тот и же встать некак не мог.
Ише тут же стали на Козарушку же жаловатьсе
И тому ли князю Петру Коромыслову,
Што етого чтоб не было Козарушки,
Што во нашом же всё во городи а в Коромыслови,
50 Что нас всех же он уродами же сделает.
Ише тут же Пет[р] же князь да Коромыслов же,
И приказал же он скоро Козарушки Петровичу,
Не ходил што же он да всё на улицу,
Не играл же со ребяточками с маленькима всё на улочки,
55 И не губил же их да не уродовал.
Э и тут узнала-то его да родна сестрица,
Ише та ли же Настасья доць Петровисьня,
И пошла она ко бабушки-задворенки,
Попроведати да про Козарушку Петровиця,
60 Ише што Козарушка Петровиць млад.
Приходила она скоро же к ему же,
И тут говорил-то ей же всё Козарушка,
Говорил же всё да млад Петрович же:
«Уж ты ой еси, моя ты родимая да мила сестрица,
65 Уж Настасья ты же свет же всё Петровисьня,
О чем я тебя да попрошу же всё,
И попрошу у тя же я да всё поведаю,
Уж ты дай-ко мне, сестрица ты родимая,
Ты Настасья же дочь да всё Петровна,
70 Уж ты дай-ко мне да коня да богатырьского,
Э-э богатырьского коня дай мне да очунь быстрого,
Уж ты дай-ко мне, сестрица ты родимая,
Уж ты дай-ко мне да сбруду всё да лошадиную,
Уж ты дай-ко мне, сестрица же родимая,

75 Ты Настасья же да дочь Петровна же,
Ты мне копьицо дай да богатырьское,
Уж ты дай-ко мне, сестрица же родимая,
Уж ты Настасья ты дочь да всё Петровна же,
Мне-ка сабелку же дай да мне-ка всё булатную».
80 И говорила Козарушки да родна се́стриця,
Ише та ли же Настасья дочь Петровисьня:
«Уж и дам я те, брателко родимой мой,
Ты Козарушко у мне да ты Петровиць-свет,
Уж я дам тебе коня да самолучшого,
85 И прикажу отдать своим же конюхам любимым же,
Уж и дам тебе всю же сбруду лошадиную,
Лошадину сбруду всё тебе да богатырьскую,
Ише всю я принадлежнось тебе да богатырьскую,
Уж я дам тебе да копьицо же вострое,
90 Уж я дам тебе да саблю булатную,
И провожу я тебя сама да как те надобно,
Во чисто́ поле в широкое в раздольицо,
Обучайсе ты поезкам всё да рыцарьским».
И тут пошел Козарушка да млад Петровиць же,
95 Со своей же он со родимой со се́стрицой,
Со Настасьею со Петровною,
Они ко батюшкову ко высокому ко терему,
Оставляла его да родна се́стрица
У крылечушка да княженеського.
100 И говорила она своим да слугам верным же:
«Не отганивайте у мне Козарушки,
Вы Козарушки у мне же всё Петровиця,
Он же пусь стоит да до меня же всё».
[О]на пошла скоро да на широкой двор,
105 Ко своим же она ко конюхам:
«Уж вы ой еси, вы конюхи же милые,
Вы дайте налаживайте коня же лошадь богатырьскую,
Уж што была она очунь статна, очунь быстрая,
И отдавайте сбруду всю да лошадиную,
110 Што же сбруда была очунь хорошая,
А хороша очунь была же она крепкая,
И подайте-ко седёлышко церкальское,
Ише то седёлышко было да не простое же,
И было седёлышко же всё серебренное,
115 А же пряжки у седёлышка были да золотые же».
Ише скоро конюхи ее любимые
И тут же слов ее да не ослышились,
Они быстро же всё дело сделали,
Они брали узду скоро серебренную,
120 А повод-то же был да из семи шелков,
И тут повели они скоро на улицу.
Ише сама Настасья дочь княже́висьня
Она сама за има очунь быстро всё усматривала,
Они выводили коня всё на улицу,
125 Ко тому Козарушки Петровицю,
Подавали ему скоро да коня доброго,
Коня богатырьсково за повод-от да семишолковой,

Брал Козарушка коня за повод правой рученькой,
Да подавали ему платье да богатырьское,
130 Тут садилсе Козарушка Петровиць млад,
Он садилсе скоро на коня да богатырьского,
Он благодарил свою да родну сестрицу,
Он Настасью-ту дочь Петровисьню,
Што она сделала ему как же надобно,
135 Роспрошшалсе же он да с родной сестрицей
Со Настасьей да со Петровисьней,
Провожала его да родна сестриця,
Ише та ли Настасья доць Петровна же,
Заезжал он ко бабушки-задворенки,
140 Роспрошшалсе же с бабушкой-задворенкой,
Провожала его же бабушка-задворенка,
Провожала она да слёзно плакала,
Она плакала, горючима-ти слезьми да уливаласе:
«Уж ты ой еси, Козарушка же млад Петровиць сын,
145 Ты-ка будто же сын да не кнéженьской же,
Позаришьсе ездить всё да по белу свету».
И поехал тут Козарушка да во чисто поле,
Во широкое поехал во раздольицо,
Обучатьсе-то поезкам всё да богатырьским же.
150 В ту же пору, в то же было же во времечко,
Как пошла-то Настасья дочь княжéвисьня,
Во мыльню она да жарку банечку,
Она со нянюшками же пошла, с мамушками,
Она шла во своем саду прекрасном же.
155 В ту же пору же, в то же времечко
Как наехало же тут да три тотарина,
Же три тотарина поганых всё проклятых-то,
[О]ни схватили да княжино дитя,
Ише ту ли Настасью доць Петровисьню,
160 Ей схватили скоро-быстро за белы руки,
Унесли-то ей да они до своих добрых коней,
Увозили же ей далече во чисто поле,
Во широкое же ей да во роздольицо,
Во белы шатры же всё да во тотарьские,
165 И посадили ей да между себя да во середки же.
Ише стали вони же дель делить,
Мез собой-ту зацяли же жеребей метать:
«И кому же ты из нас, да красна девица,
Ты кому ты в жеребью же нам же выпадешь».
170 Ише перьвой-от тотарин говорил же он:
«Увезу я тебя, да красна девица,
Я во свое место да во свою тебя же всё на родину,
Я же буду тебя кормить-поить да кобылятиной,
А поить-то буду со болот водой».
175 А как другой-от тотарин говорил да таковы слова:
«Уж ты ой еси же, красна девица,
Ты в делу же мне да всё достанишьсе,
А в жеребью же ты да всё же выпадешь,
Увезу я тебя да во свое место,
180 На свою я в Неверию в поганую,

Во погану Неверию же всё в тотарьскую,
И отсеку я у тя да буйну голову».
А третей же тотарин говорил же всё:
«Уж ты мне-то, девица, ты достанишьсе,
185 А ты в делу же мне да ты да всё повыпадешь,
Увезу я тебя да во свое место,
На свою же увезу я на неверну землю,
А я в неверную землю всё в тотарьскую.
Я увезу тебя, да красна девица,
190 Я возьму тебя да за себя взамуж,
А я же буду тя кормить да белым хлебом всё круписцятым,
А круписцятым же хлебом первосортным же,
А я поить же тя буду да медовой водой».
А ише в пору, в то же времечко
195 А и наезжал же тут Козарушка Петровиць-от,
И от же сидела Настасья доць Петровисьня,
А и она сидела во белом шатру в тотарьском же,
Она плакала да заливаласе:
«Уж бы был бы у мня мой брателко родимой-от,
200 Был бы у мне здесь Козарушко Петровиць-от,
Не сидела бы же я, да лебедь белая,
Ише тот ли богатырь всё могучой-от,
И я не сидела бы, да красна девица,
Под началом поганых-то да всё тотаровей,
205 Кабы был бы у мне здесь брателко же мой родимой-от,
Ише тот ли богатырь всё могучой-от,
Как Козарушка у мня да всё Петровиць млад,
Не взяли меня бы красной девицы в плен.
Я сегоднешной денёчик свету белого
210 Не умыто у мня да лицо белое
А у нянюшек у мня да всё у мамушок,
Всё у сенных же да красных девушок,
Не учёсана у мня да буйна голова,
Не заплетена модна у мне да трубцята коса,
215 Дорогима-ти да семишолковыма алыма ленточками,
И не я сижу, да красна девица,
А княжино дитя Настасья доць Петровисьня,
Не пересыпана моя да трубцята коса
Дорогим-то у мне да скатным жемцюгом».
220 В ту же пору же, в то же времечка
Как не ясной-от сокол всё вылетывал,
Не удалой-от доброй молодець
На добром кони да всё же едет-то,
Как могучой-от и славной богатырь-от,
225 Ише тот ли Козарушка же всё Петровиць млад.
Подъезжал-то он да ко белу шатру,
Ко белу шатру да всё да он к тотарьскому.
Услыхали же тут татарове поганые,
Ише едет богатырь святорусьской-от,
230 А под им же под богатырем да лошадь очунь быстрая,
Он поехал же к им скоро да ко белым шатрам,
Ко белым шатрам да всё полотьненым.
Тут выскакивали три же всё разбойничка,

Ише три же тут татарова поганые,
235 Он одного тотарина копьем стоптал,
А второго тотарина мечом ссек,
А третьего тотарина в живых спустил,
Которой хотел увезти да во свое место,
На неверну землю да всё в тотарьскую,
240 Он хотел поить-кормить белым хлебом круписцятым,
И круписцятым хлебом да первосортным же,
И поить ей хотел да медовой водой,
Он в живых спустил его: «Да ты поди да во свое место,
Во свою же во Неверию в тотарьскую».
245 И тогда заходил он во белой шатер в тотарьской же.
Ише брал он свою да родну сестрицу,
Ишу ту ли Настасью доць Петровисьню,
Он же брал ей скоро да за белы ручки,
Он повел ей скоро да из бела шатра,
250 И с того шатра повел да из тотарьского,
Он садил же скоро себя[1] да на добра коня,
На добра коня садил да богатырьского,
Ише сам садилсе возле ей же всё,
Возле родиму же свою милу сестрицю,
255 Возле Настасью же всё Петровну-ту,
Говорил же тогда Козарушка Петрович млад:
«Уж ты ой еси, моя сестрица ты любимая,
Ты княжно дитя Настасья дочь Петровна же,
А куда везти да красну девицу?»
260 Говорила и Козарушки да княжно дитё,
Как Настасья же всё Петровна же;
«Ты вези-ко же, мой ты брателко родимой мой,
Ты Козарушка же всё Петрович млад,
Ты вези меня ко терему да княженеському,
265 Ко родителю же ты к моему родну батюшку,
Ко Петру же князю всё да Коромыслову.
Я скажу же своему да родну батюшку,
Я же князю же Петру Коромыслову:
„У тя было ли на роду да чадо милое,
270 Чадо милое — твое же всё любимое,
Ише у мне ли же мой да родной брателко,
Ише был ли на роду да родной брателко,
Как Козарушка да всё Петровиц млад?“»
И приезжал Козарушка ко терему да княженеському,
275 Он крычал-то зычал да голосом же богатырьским же:
«Уж ты ой еси же, князь да Пет[р] да Коромыслов же,
У тя был ли на веку да чадо милое,
Чадо милое же всё любимое,
Как Козарушка да сын Петрович млад?»
280 Отпирал-то князь да Петр да Коромыслов-от
Он окошечко да всё косисцето,
Отвечал, шшо «не было у мня на роду да чада милого,
Как Козарушки у мня да все Петровиця!»
— «А была ли у тя да дочь любимая?

[1] Явная оговорка — ее.

285 Ише та ли Настасья дочь Петровисьня?»
— «У мня была-то доць Настасья доць Петровисьня».
— «А была она да ты бери ей себе нá руки».
Брал-то же князь свою-ту дочь любимую,
Ише ту ли Настасью дочь Петровисьню,
290 За белы-ти ей ручки белые.
Говорил тогда Козарушка Петрович млад:
«Уж ты ой еси же, князь же Пет[р] да Коромыслов же,
У тя же не было твоего да чада милого,
Я воткну свое да копье вострое
295 Я во матушку же всё да во сырý землю,
Ты насыпь ето копьицо да наполни всё же золотом».
А он вниманьице да некакого не брал же,
Отпиралсе, шшо «у мня его же не было.
Я оставлю свое княжесьво на свою я дочь любимую,
300 Я на ту ли Настасью же Петровну же,
Я тебя некак не могу же взять».
Говорила тогда княж(е)нá Настасья дочь Петровна-та:
«Уж ты ой еси, мой батюшко родимой князь,
Уж ты Пет[р] же да Коромыслов же,
305 Ише как же у тя не было да чадо милое,
Как любимой мой же брателко Козарушко Петрович млад.
Он же спас меня от гибели от смертною,
Он от тех-то татаровей от поганых же».
Говорил-то тогда князь-от Пет[р] Коромыслов же:
310 «Уж ты ой еси, моя ты дочь любимая,
А и уж княжнó ты дитя Настасья Петровна же,
Поделисе ты именьицом-богасьвицом,
Воля твоя же, Настасья доць Петровна же,
А на тебя я всё княжесьво да оставлю же,
315 А ты дели сама да как тебе же надо-то».

111

ПРО ДОМНУШКУ ФАЛИЛЕЕВНУ

Жил-был во городи во Киеви
Ишше жил-то был князь Митрей Митрёвич,
Говорил-то князь же Митрей Митрёвич
Он своим-то послам говорил да княженеським же:
5 «Уж вы ой еси, послы мои княженеськие,
Вы сходите же ко Домны Фалилеевны,
Как к ее-то к рóдной матушки к родимою,
Ише Софьи-то сходите же к Ывановны,
Уж вы сватайте за меня за князя за Митрия Митриёвича,
10 Уж вы сватайте всё за меня уж за князя же».
Тут пошли скоро послы да княженеськие
Как ко Домны Фалилеевны к рóдной к матушки,
Ишше ко той ли всё Софьи ко Ивановны.
Как пришли они к ее да к рóдной матушки,
15 Как ко той ли ко Софьи ко Ивановны,
Они кланялись же ей да всё низёхонько:
«Уж здрастуй-здрастуй, Софья-то Ивановна,

Мы пришли же к вам жа свататьце
На твоей любимой дочери на Домны Фалилеёвны
10 Мы за князя-то за Митрия за свет Митрёвича».
Говорила-то же ее да родна матушка,
Ишше та ли всё же Софья же Ивановна:
«Уж вы ой еси, послы же княженеськие,
Я не знаю того же как подумаю,
25 Я схожу да опрошу свою дочь любимую,
Ише ту ли я Домну Фалилеёвну,
[О]на желает ли итти же всё в замужесьво
[О]на за князя-то за Митрея за Митрёвича».
Тут пошла же ее Домнина родна матушка,
30 Она приходит ко Домны Фалилеёвны:
«Уж ты Домнушка же дочь ты моя любимая,
На те сватаютсе пришли послы же княженеськие,
Ишше князь-от сватаетсе Митрей Митреевич,
Ты желаешь ли итти да всё в замужесьво
35 Ты за князя-то за Митрея за Митрёвича?»
Приводила же Домнина родна матушка,
Приводила Домну-ту да Фалилеевну
Ко послам-то приводила княженеським же,
Говорили Домны-то да Фалилеёвны,
40 Говорили ей послы да княженеськие:
«Уж ты Домна Фалилеёвна,
Поди, поди замуж за нашого князя за Митрея же Митрёвича,
Он желает вас взять за себя в замужесьво».
Тогда Домна Фалилеевна низко поклониласе
45 Она послам же [о]на да княженеським же:
«Я нейду, нейду взамуж за князя за Митрея,
Я за Митрея Митрёвича,
Не желаю за его итти, да всё же он у вас
Некрасивой сам собой очунь же, мне не парной,
50 У его-то нос ровно палка дровокольняя,
И глаза-ти у его как чара винная,
Волоса-ти на голови у его как соломенны».
Тогда пошли-ти послы вон княженеськие,
Приходили к Митрею князю же Митреевичу,
55 Говорили они ему да таковы слова:
«Уж ты ой еси, князь наш да Митрей Митрёвич,
И нейдёт, нейдёт Домна да Фалилеёвна,
Она нейдёт аз тебе взамуж да всё ругаится,
Она говорит она же таковы слова:
60 „Я нейду, нейду за князя за вашого за Митрея за Митриёвича,
У вас князь-от Митрей он Митреёвич,
У его-то на головы волосы соломенны,
А глаза-ти у вас у князя винны чары-ти,
Ише нос-от у князя у вас палка дровокольняя“».
65 Говорил тогда же князь же Митрей Митрёвич:
«Уж вы ой еси, мои послы княженеськие,
Как завтрошного утра ранного
Вы сходите тогда, сходите к Домны Фалилеёвны,
Вы скажите ей, што зовёт ей посидеть к нам в дом Марфа-то дочь Митревна,

70 Посидеть-то с ею да повеселитися,
А вы скажите-ко тогда, что нет мня, князя же,
Уж как Митрея Митрёвича,
Что уехал князь-от Митрей же-от Митрёвич,
Он по утру ту же уехал он по ранному,
75 До восход-от же уехал соньца красного,
Он уехал далеце да во чисто́ поле,
Во цисто́ полё, в широкое в роздольицо,
На Пучай уехал на реченьку быструю,
Он стрелять-то уехал белых ле́бедей,
80 Он себе на свадьбу-ту ехал он стрелять да гу́сей-ле́бедей,
Перелетных-то малых уточок».
Тогда пошли скоро́ послы да княженеськие,
Они ко Домны-то пошли да к Фалилеёвны,
Приходили-то ко Домны Фалилеёвны:
85 «Уж ты Домна, Домна же да Фалилеёвна,
Ты поди, поди кы нам да звала же вас,
Как звала же душочка Марфа дочь же Митревна,
[О]на звала-то вас посидеть с ею побеседовать,
Уж как нету-то князя Митрея Митреевича,
90 У нас уехал он по утру-ту, утру ранному,
До восход же он уехал соньця красного,
Он стрелять уехал на Пучай же речку быструю,
Он же белых-то уехал стрелять белых ле́бедей,
Перелетных-то уехал серых уточок
95 Он себе же тут на свадьбу же».
Не спускала-то Домнушки ро́дна матушка:
«Не ходи же ты, Домна у мня Фалилеёвна,
Не ходи, послушай же да ро́дной матушки,
Я сегодне же во сне да сон чудной видела,
100 Как будто у мня-то на правой груди́ золотой же
крест россыпалсе».
Не послушала Домна да Фалилеёвна,
Не послушала она да ро́дной матушки,
[О]на пошла скоро чесать свою буйну голову,
Заплетала она в свою да всё русу́ косу́
105 Дороги-ти шолковыя ленты-ти,
Пересыпала она свою русу́ косу́ дорогим жемчугом,
Надевала на себя да парцево пла́тьё,
[О]на пошла ко князю Митрею Митрёвичу,
[О]на ко терему же шла да княженеському,
110 Как стречали-то ей слуги да княженеськие,
Во вторых-то сенях в каледорах стречали же
Как стречали ей нянюшки, мамушки,
На трегьих сенях стречал да ише князь же ей,
Ише Митрей-от стречал да ише Митрёвич,
115 Он же кланялсе низко, поклонялсе же:
«Здрастуй, Домна, здрастуй, да Фалилеёвна,
Ко сутулому, горбатому,
К головы, волосам пришла да ко соломенным,
Ише к палки же пришла да дровокольнёю,
120 Ише глазам да ты пришла да к чарам винным же».
Ише брал князь Митрей же Митревич,

Ише брал-то Домну Фалилеёвну
Он за правую рученьку,
Человал он ей в уста сахарные,
125 Тут Домна Фалилеёвна испугаласе,
Она скоро со резвых ног же падала.
Говорил тогда князь же Митрей же Митрёвич:
«Уж ты ой еси, Домна Фалилеёвна,
Мы пойдём-ко теперь с тобой да во божью церковь,
130 Уж мы примем с тобой по злату венцю».
Тут же Домна Фалилеёвна
Говорила она же таковы слова:
«Уж ты ой еси же, Митрей же,
Уж ты Митрёвич,
135 Уж ты дай мне-ка сходить да ко матушки;
Мне-ка взять от ней благословленьице,
С родной матушкой мне проститисе».
Тут спустил-то ей князь же Митрей же Митрёвич,
[О]на пошла скоро во свой же дом;
140 Не дошла она до дому до родной матушки,
Она зашла во кузнецю в железную,
Она сковала три-то ношшичка булатныя,
Три булатныя, железныя,
Тут взяла да закололасе.

(Мама говорила, что она была не из простых родов, князь не поехал бы вататься к простой. Может она была енеральска дочь, может быть натаорьска).

112

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Жил-то был да князь Михайло.
Поезжает князь да Михайло
Он далеце, далеко-то
Во чистое поле,
5 Во широкое да раздолье,
Ко заставы богатырьской.
Ише на заставы богатырьской
Ише съехались короли, королевици,
И цари и царевици,
10 Ише требовали князя Михайла
Со учетами годовыма.
Говорил-то князь да Михайло
Своей маменьки да родною,
Восударины в доми большою:
15 «Ише маменька моя родная,
Восударыня да большая,
Ты храни мою да княгину,
Молоду мою да Марфиду,
Ты корми ей пой белым хлебом,
20 Белым хлебом перьвосортным,
Ише пой мою да княгину,

Молодую Марфиду,
Медовою ей да водою».
Поклонилась князю Михайлу
25 Его маменька да родная,
Государыня в доми да большая:
«Буду, буду, князь я Михайло,
Буду, буду я сама же
Ей же я наблюдати,
30 Я твою да княгину,
Молоду твою да Марфиду».
Не успел-то князь да Михайло,
Он же да отъехати,
Ко чисту полю да приехати,
35 Пало князя Михайла,
Пало несчастьицо у его велико:
Права оглоблечка да поломаласе.
Призадумалсе князь да Михайло,
Призадумалсе, призаплакалсе:
40 «Ише у мня, у князя Михайла,
У мня дома видно да несчасье,
Родна маменька рознемогаитсе,
Восударыня в доми большая».
Не успел-то князь да Михайло,
45 От двора-то он да отъехати,
Его маменька да родная,
Восударыня в доми большая,
По три на день банечки да топила,
По три веничка на день да хвостала,
50 Горюч камень докрасна дожигала,
На груди к ней же она клала,
[О]на младеня из утробы потребляла,
Она сходила его маменька да родная,
Восударыня в доми большая,
55 Она к братьям к рыболовам;
«Уж вы братцы-рыболовы,
Уж вы сделайте мне колоду,
Вы колоду положити
Молоду мою да княгину,
60 Молоду же ей да Марфиду со младенем».
Ише братцы рыболовы,
Они не ослышились,
Они скоро это дело сделали,
Они сделали ей колоду
65 И положили да княгину,
Молодую-ту да Марфиду
Со младенем во колоду.
Приказала же его маменька да родная,
Восударыня в доми большая:
70 «Спустите ту да колоду
Во синее же море,
Ты неси, неси да колоду
(Она голосом да кричала,
По синему морю по волнам),

75 Не выкинывай же колоды,
Не к тому бережку, ни к другому».
Приезжал-то князь да Михайло,
Из чистого же поля,
Из хорошого да роздолья,
80 Из заставы богатырьской.
Как встречала князя Михайла
Его маменька да родная,
Восударыня в доми да большая,
Она с радости да с веселья.
85 Говорил-то князь да Михайла,
Говорил он своей маменьки да родною:
«Уж ты маменька моя родная,
Восударыня в доми большая,
Ише где моя да княгина,
90 Молода моя да Марфида,
Меня, князя Михайла, не стречает?»
Говорила князю Михайлу
Ему маменька да родная,
Восударыня в доми большая:
95 «Уж ты князь, ты князь да Михайло,
Што горда, горда твоя да княгина,
Молодая да Марфида.
[О]на сидит во горницах да высоких,
Во подвалышах сидит да глубоких,
100 Она тя, князя Михайла, не ожидает,
С чиста поля не стречает».
Тогда пошел-то князь да Михайло
Во свои княжеськи да полаты,
Заходил-то он да тихонько,
105 Скинывал с себя богатырьско платье,
Скинывал с себя латы богатырьски,
Он скоро в высокие во горницы,
Во подвалы-ти да глубоки, —
Ише нет его да княгины,
110 Молодой жены да Марфиды,
Ише нет его да княгины,
Нет ее, не случилосе,
Не случилось, не пригодилосе.
И пошел князь да Михайло
115 Он из горницы да высоких,
Из подвалышов да глубоких,
И ко своей маменьки да родною,
Восударыни да большою:
«Уж ты маменька да моя родная,
120 Восударыня да большая,
Вижу, много у тя есть неправда,
Ты же сказывашь мне не ладно,
Ише где моя да княгина,
Молода моя да Марфида?»
125 — «Я скажу те, князь да Михайло,
Всю я сушшую правду:
Как твоя-то же да княгина,

Молода твоя да Марфида,
Она ушла ко суседу на беседу,
130 У суседа собрана беседа».
Туда пошел-то князь да Михайло
Ко суседу на беседу, —
Ише нет его княгины,
Молодою ей же Марфиды,
135 Не случилось ей, не пригодилосе.
Да пошел-то князь да Михайло
Ко своей маменьки да родною,
Восударыни да большою:
«Ах ты маменька моя да родная,
140 А ты скажи же мне, князю Михайлу,
Всю же сушшую ты же правду:
Куда девала мою княгину,
Молоду жену да Марфиду?»
Говорила маменька да родная,
145 Ише князю она да Михайлу:
«Уж ты ой еси, князь Михайло,
Я скажу те сушшую правду:
Как ушла твоя да княгина,
Молода твоя да Марфида,
150 Во божью ту церковь богу молитьце,
За тебя, за князя Михайла».
Тогда пошел-то князь да Михайло,
Он пошел-то в божью церковь,
Приходил он в божью церьковь,
155 Заходил он во крылос направо,
Помолилсе он осподу-богу
И смотрел на все четыре стороны, —
Ише нет его княгины,
Нет дорогой его Марфиды,
160 Не случилось ей, не пригодилосе.
Подходил тогда князь Михайло
Ко отцам-попам да духовным,
Ко причетникам да духовным,
Он же низёхонько им же кланялсе:
165 «Уж вы ой еси, отцы-попы духовные,
Вси причетницки да церковные,
Вы не знаете ли, где моя да княгина,
Молода же моя жена Марфида,
Куда ей маменька моя родная,
170 Она куда же ей да девала?»
Отвечали-то отцы-попы духовные,
Все прицетницьки да церковные:
«Уж ты ой еси, князь Михайло,
Уж мы скажом тебе сушшую правду:
175 Ты уехал, князь да Михайло,
Ты далеце во чисто поле,
Во широкое да во роздолье.
Твоя маменька да родная,
Восударыня да большая,
180 Твою-ту да княгину,

Молоду твою да Марфиду,
Она ей с сего света да сгубила,
Во сине море да пометала,
Пометала ей со младенем».
185 Тогда князь да Михайло,
Он-то им три раза поклонилсе,
Из божьей церквы пошел скоро,
Он пошел, слёзно да заплакал.
Приходил-то князь да Михайло
190 Во свой княжеськой да терем,
Ко своим нянюшкам да мамушкам,
Он ко сенным красным девицам:
«Уж вы нянюшки, мамушки,
Уж вы сенны мои красны девушки,
195 Вы скажите мне, князю Михайлу,
Сушшу правду не утайте,
Ише где моя да княгина,
Молода моя да Марфида?»
— «Уж ты ой еси, князь да Михайло,
200 Уж мы скажом тебе сушшу правду:
Когда поехал ты в чисто поле,
Во широкое да раздолье,
Ты к заставы богатырьской,
Твоя маменька да родная,
205 Восударыня в доми большая,
По три на день банечки да топила,
По три веничка да хвостала
Молоду твоя да княгину,
Молоду твою да Марфиду,
210 Три она камня докрасна раскаляла,
На белы ее груди клала,
И младеня из утробы потребляла.
[О]на сходила ко братцам-рыболовам,
Заказала им да колоду,
215 Ише братцы-рыболовы,
По приказанью они по ее сделали,
Они сделали да колоду,
[О]ни положили твою княгину,
Молоду твою да Марфиду,
220 Со младенем со княже́вицом.
Приказала маменька твоя да родная,
Ише бросить ее, ту колоду,
Во синее море,
Во глубокую пучину,
225 На большия на волны,
Сама она по бережку да бегала,
По россыпцетому песоцьку,
Зычным голосом да кричала:
„Нет, нет да колоду,
230 Как княгину со младенем,
Не выкинывай некуда же ей,
Не к тому же бережку, ни к другому“».

Тогда пошел-то князь да Михайло,
Он пошел скоро к рыболовам:
235 «Уж вы ой, вы братцы-рыболовы,
Закажите шолков невод,
Уж вы выловите да княгину,
Молоду моя жену да Марфиду,
Шшо Марфиду со младенем,
240 Со премла́деньким с моим с княже́вицом».
Тут же братики-рыболовы
По приказаньицу князя Михайла
Они тут они не ослышились,
Ише скоро дело делали,
245 Они скоро шолков невод кинали
Во синее во море,
Во пучину морьскую,
Они во волны-ти да велики.
Уж выловили да колоду
250 Из-за синего моря.
Тут-то князь да Михайло
Приказал же им да колоду
Как россекце-то да скоренько,
Ише тут-то братцы-рыболовы
255 Скоро, скоро они россекли,
Как младеня из колоды вынимали,
Молодую княгину,
И княгину-ту да Марфиду.
Тогда пошел-то князь да Михайло,
260 Он во кузницу да в железну,
Он сковал три ножечка да булатных,
Вот пришел князь да Михайло,
Ише сам тут закололсе,
Ко своей княгины Марфиды,
265 Ко своем-ту да младеню,
Ко премла́дому да княже́вицю.
Его маменька да родная,
Восударыня да большая,
[О]на по бережку да ведь бегала,
270 Нежным голосом да кричала,
[О]на кричала же да плакала:
«Ой тошнёхонько мне порой-то —
Уж я три души сгубила,
Три души я да напрасно;
275 Я во-перьвых да сгубила
Своего я чада милого,
Чада милого да любимого,
Уж я князя да Михайла;
Во-вторых я да сгубила
280 Я премла́дого да княже́вица,
А во третьих-то я да сгубила
Я премла́дую да княгину,
Молоду жону его да Марфиду».

113

ЖИЛ КНЯЗЬ ДЕВЯНОСТА ЛЕТ

[КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ, СТАРИЦЫ]

Как было во городи во Киеви,
Ише жил-то был же князь да девяноста лет,
Ише брал себе княгину молоду жону,
Молоду жону девяти же лет.
5 Поезжал-то князь девяноста лет на три годичка
Он в Неверию, в неверную, в поганую
Собирать-то он же всё да дани-пошлины
Оставлял-то он свою княгину девяти же лет.
Говорил-то же ей наказывал:
10 «Уж ты ой еси, моя княгиня девяти же лет,
Ты корми-ко пой моих да малых деточек,
Ты сама-то за има да всё ухаживай,
Ише пой-корми да их же да белым хлебом круписцятым,
И корми-ко ты белым хлебом перьвосортным всё,
15 Ише пой-ко их же медовой водой».
Говорил-то князь же всё да девяноста лет
Он своей-то он княгины девяти же лет:
«Уж ты ой еси, моя княгиня девяти же лет,
Береги же ты мои хлебы, анбары же,
20 С годовыма же всё с запасами,
Шшо к анбарам-то к моим были дороженки не уторены,
Не уторены дорожечки, не утоптаны,
Годовы же хлебы из анбаров были не изъедены,
И дороги-ти же водочки заморьские не выпиты».
25 Говорил-то князь да девяноста лет,
Говорил-то он своей княгини же,
Молодой княгины девяти же лет:
«Уж ты ой еси, княгиня девяти же лет,
Ты послушай моего, князя, наказаньица,
30 Шшо мои-ти все добры кони стоят же у мня,
Они стоят-то у меня да во полуколен в шолку,
И насыпано у их пшеницы белояровой,
Не уедают-то они у мне же, всё же стоят,
Как медовой водой напоены,
35 Уж ты так же их пой-корми, как же я же их».
Тут и слушала княгина же девяти же лет;
Говорил-то же князь же ей девяноста лет:
«Уж ты ой еси, княгиня моя молода жана,
Молода жана девяти же лет,
40 Никого к дому не пускай же ты,
Некого же ты прохожого,
А милостыну спасенную подавай же всё,
А ночевать-то не пускай во грины княженеськая».
И прошшалсе князь девяноста лет,
45 Распрошшалсе он со своей с княгиной молодой женой,
Молодой женой да девяти же лет.
Провожала его кнегиня девяти же лет,
Провожала его, сама она слёзно плакала.

Уезжал тогда же князь да девяноста лет,
50 Он далеко-далече да он в неверны земли,
Собирать-то всё он с их да дани-пошлины,
Он оставил свою княгину молоду жону,
Молоду жону да девяти же лет.
Прошло тому время очунь, очунь скорое.
55 В ту же пору, в то же времечко
И пришло-то тут ко терему княженеському
И пришло-то три манашины,
Они просили-то княгины-то девяти же лет,
Они просили у ей милостины спасенною,
60 Подавала им же милостину спасеную,
Они просилисе три манашины,
Они просилися у ей да начевати-то,
Говорила тогда княгиня-те девяти же лет:
«Уж вы ой еси, три манашины,
65 Не велел-то мне же князь да девяноста лет,
Не пускать да некого начевать».
Тут же три манашины разгневались
На молоду княгину девяти же лет,
И говорили же ей да таковы слова:
70 «Уж ты ой еси, княгиня девяти же лет,
Как приедет князь да девяноста лет,
Выходи его стречать в единой же беленькой рубашочки,
В одных беленьких чулочках всё без башмачков».
И тогда манашины пошли же прочь,
75 Ани пошли же всё далече во чисто поле,
В путь-дорожочку они же всё отправились,
И постречалсе им же князь да девяноста лет:
«Уж вы здрастуйте же, три манашины».
Поклонилисе манашины низко князю:
80 «Уж ты здрастуй, князь же девяноста лет».
— «Вы откуль едете же три манашины?»
— «Мы идем же города же всё из Киева».
— «Ише што во городи же всё во Киеви
Что хорошое всё да всё же делаитсе?»
85 Говорили калики перехожия:
«А князь же ты да девяноста лет,
И как во городи же всё во Киеви
А твоя княгиня молодая девяти же лет,
[О]на гуляет-то во городи во Киеви,
90 А тебя, князя девяноста лет, не ожидает же.
И как у тя-то были твои же всё добры кони,
Они стояли же всё полуколен в шолку,
Насыпано было у тя пшеницы белояровой,
Не уедали они же у тебя, они же стояли,
95 Медовой воды же всё не упивали,
Они теперь стоят полуколен в грязьму.
Не насыпано у них пшеницы белояровой,
А не налито им же воды медовою,
[О]ни стоят у тя голодны всё голоднёхоньки,
100 Как твои же малы деточки ревут же всё,
Они ревут-то от голоду же смертного.

Как и князь же всё девяноста же лет,
К твоим годовым анбарам хлебным уторяны
И уторены дорожечки, утоптаны.
105 Годовы хлебы в анбарах вси приедены,
И сладкия заморски водочки повыпиты».
И тут князь же девяноста лет,
Он едва же на своем добром коне
Он же чуть же усидел же всё,
110 Он поклонилсе манашинам же всё:
«Ну спасибо же вам же, всё манашенки,
Россказали мне да про мою княгину,
Про мою княгину же да девяти же лет».
Говорили манашины князю девяноста лет:
115 «Уж ты ой еси же, князь да девяноста лет,
Когда приедешь ты к своим ко гринам княженеським же,
Тебя стретит княгиня да девяти же лет,
В одной беленькой рубашечки без пояса,
В одных беленьких чулочках без башмачек-то».
120 Тогда князь же да девяноста лет
Ише брал в руки да саблю вострую,
Отрубил княгины же да девяти же лет,
Отрубил у ей да буйну голову,
Тогда пошел скоро же князь да со добра коня,
125 Он пошел во свои-ти конюшенки в стоялыя,
Где стояли же его же всё добры кони,
Как добры кони стояли всё же его пречудные,
Они стояли же да всё полуколен в шолку,
Насыпано было им пшеницы белояровой,
130 Не могли они да уедать же всё,
Медовой воды же было всё наполнено.
Он пошел-то князь скоро во свои во грины княженеськие,
Ко своим же он к малым деточкам,
Они спят-то все до единого,
135 Ише нянюшки же у их да всё же мамушки.
Приходил же князь же к нянюшкам, ко мамушкам,
Говорил же им же таковы слова:
«Уж вы нянюшки же мои, мамушки,
Какова моя княгиня девяти же лет?
140 Наблюдала моих же малых деточек?
Она кормила их же поила же их?»
Говорили же нянюшки же, мамушки:
«Уж ты ой еси же, князь да девяноста лет.
Кормила-поила твоя княгиня девяти же лет,
145 Она ходила за има да всё ухаживала,
Она своима глазами всё доглядывала».
Тут пошел же князь да девяноста лет,
Он из грины-то пошел да княженеською,
Он же брал ключи от анбаров он же всё,
155 Он пошел-то же ко анбарам же,
А как дорожечки к анбарам были не уторены,
Не уторены дорожечки, не утоптаны,
А заморские замочки не приломаные,
Годовы-ти хлебы в анбарах не приеденные,

160 А заморски дорогие водочки не выпитыя.
Тут пошел же князь девяноста лет,
Он повесил буйну голову с могучих плеч,
Покатились у его да горючи слезы из глаз.
Брал-то он скоро из конюшенки стоялою,
165 Он же брал скоро запрягал же его,
Он садилсе-скакал да на добра коня,
Он поехал далече во чисто поле,
Во чисто поле, в широкое раздольице,
Он настиг-то да трех манашин-от.
170 Перьву-ту манашину конем стоптал,
А вторую манашину мечом сосек,
А третья-те манашина змолиласе,
[О]на змолиласе князю девяноста лет,
А в праву ножечку она да поклониласе,
175 Таковы слова она ему да говорила же:
«Не губи мене же, князь да девяноста лет,
Я сослужу тебе же службу великую,
Я схожу тебе да за живой водой,
Оживу твою княгину девяти же лет».
180 Уж же тут же князь да девяноста лет
Говорил же ей манашины да таковы слова:
«Уж ты ой еси, манашина же всё,
Уж ты можешь мне достать же ты живой воды,
Оживить мою княгину девяти же лет,
185 Я спушшу тебя тогда да на божью волю».
Тут манашина да говорила князю девяноста лет:
«Сослужу я те же, князь, да помогу же я».
Она дала ему ковчаг да со живой водой.
А тогда брал же князь же девяноста лет,
190 Он спустил в живых же всё манашину,
А приезжал же князь да девяноста лет
Ко своему ко терему да княженеському,
Тут плеснул же взял на княгину девяти же лет,
Он плеснул на ей да три раза,
195 Тут княгина его да девяти же лет,
Ожила она да стала всё по-старому,
Стала по старому да всё по-прежному,
Тогда князь же да девяноста лет,
Он обрадовалсе да радосью великою,
200 Шшо ожила его же княгина девяти же лет.

114

МОРЯНОЧКА

Была-жила да молода вдова,
И молодая вдова,
Как у той вдовы было девять сынов,
И девять сынов ясных соколов,
5 Што десята та дочка красна девица.
И как это ясны соколы
Задумали дело нехорошее,

И во разбой пошли да во разбойнички.
И после ихного житья-бываньица
10 И матушка дочку возростила,
И возростила, замуж она повыдала
За богатого купца-морянина.
И она год живет, другой живет,
Прижила себе она же малого детишша.
15 Захотелосе моряночки
Ехать в гости в Киев-город,
К родимой к своей маменьки.
И тут купець-морянин-от
Приказал своим да слугам верным-то
20 Готовить-то да лошадь добрую.
Лошадь добрую да богатырскую.
Ише тут приказал запрегчи́ же он
Свою корету золоченую.
Приказал садить свою моряночку
25 Со малым ее да всё со детишшом,
Сам садилсе купець-морянин же,
Он садилсе скоро на своего добра́ коня
И поехал он скоро в красен Киев-град,
Ко своей они к родимой маменьки.
30 И скоро [о]ни день едут, другой едут,
Тут да моряночки премла́дою
Захотелось ей да отдохнуть же всё,
Отдохнуть ей же да во чистом поли,
Во широком ей да во роздольици.
35 Заговорила тут моряночка:
«Уж ты ой еси, купець богатой же,
Ты морянин, я же утомиласе,
Мне-ка хочитце да отдохнути-то.
Заболела у мне да буйна голова,
40 Шшо без отдо́ху мы едем во всё времечка,
Нашому премла́дому же детишшу
Нужно отдо́х ему дать да просыпатисе».
Тут морянин-от моряночку слушал-то,
Он же скоро скакал да со своего добра́ коня,
45 С Воронеюшка да с богатырьского,
Он же его скоро становил же он,
Ко тому дубу да ко сырому же,
И привязывал его да за дубиночку,
Насыпал ему пшеницы белояровой
50 И сам же скоро делал бел шатер полотьненой.
И увалила премла́дого своего детишша
Во белой шатер да во полотьненой,
Молоду свою жену-моряночку
Он же повалил, купець-морянин же,
55 На постелечку да он скорёхонько,
И заснул скоро сном да богатырьским же.
Как во чистом поли не гам гамел,
И не гам гамел да не шум шумел,
Как наехали да всё разбойнички,
60 Девять человек их ясных соколов,

Как моряночкины да родны братьица,
Увидали они да бел шатер полотьненой,
Они скоро к им да приезжали же,
Взяли купца они морянина,
65 Отсекли у его да буйну голову,
Как мала-то ихного же детишша
Пополам они его разорвали,
По чисту полю да розметали его.
Как родиму свою они сестрицу,
70 Молоду они же всё моряночку,
Они в плен взяли, запленили ей,
Сами повалилисе да во белой шатер,
Во белой шатер да во полотьненой,
Тут заснули они да снами богатырьскима.
75 Только один разбойничок премладенькой
Он же спать не спал, да всё же так лежал.
Тут моряночка да всё премладая,
Уж как ихная да родна сестрица,
Она плакала, ревела же
80 О своем мужи да о любимом же,
О богатом купци да всё морянины,
О своем же да сыне любимом же,
Она плакала да слёзно выговаривала:
«Ой горе, горе великое,
85 А теперь мы были в красном городи,
В красном городи были мы во Киеви,
У любимой родимой у родной маменьки,
Я не ладно же да дело сделала,
Уняла своего мужа я премладого да всё морянина.
90 И как была-побыла в славном городи во Киеви молода вдова,
У той ли вдовы было девять сынов ясных соколов,
Они дело сдумали всё нехорошее,
Нехорошее дело — в разбой пошли,
Во разбой пошли да во разбойнички.
95 После ихного житья-быванья
Меня матушка да дочку возростила,
И возростила, взамуж повыдала,
За богатого купца-морянина.
Уж я год жила да уж я два жила,
100 Заприжила себе мала детишша,
И захотелосе мне, моряночки,
Съездить в красной Киев в город же
Показать своего млада детишша
Своей маменьки да мне родимою.
105 Уж мы поехали же всё,
Мой морянин-купець да всё богатой-от,
Он приказал заложить лошадь же,
И Воронеюшка своего всё премладого,
И премладого да богатырьского.
110 Мы же день ехали, да всё другой ехали,
Не отдали отдох мне,
Да стало жалко мне своего коня да Воронеюшка».

Тут же премладой-от разбойничек
Он же спать не спал да всё же так лежал:
«Уж не ладно это мы, братья же, сделали,
Мы не маленькую шуточку нашутили,
Эта шуточка же как же с рук сойдет,
Когда же мы же приедем в славной Киев-от,
К своей маменьки же мы же всё родимою?
Мы любимого родимого же зятелка,
Мы убили его же, погубили же,
Как богатого купца же всё морянина,
Как родимого же мы племянницька любимого
Пополам его розорвали и по чисту полю розбросали,
Как родимую сестрицу мы премладую,
Мы же в плен ее же взяли и запленили;
Ише как же ета нам шуточка же с рук сойдет,
Когда же будем мы во городи во Киеви,
У родимой мы же всё у своей же мы у маменьки?»
Ише ставали тут разбойницьки скоро на резвы ноги
И кланялись родимой своей сестрици,
И как премладою моряночки во резвы ноги:
«Ты прости, прости же нас, да родна сестриця,
Ты премладая моряночка в таких делах.
Не знали ето, што тебя наша родна маменька
После нашего житьица тебя возростила,
[О]на возростила, взамуж же всё повыдала
За богатого купца же всё морянина».

115

ПРО ПЕТУХА И ЛИСИЦУ

Как бежала-то лесицинька со крутых же гор,
А она бежала темныма лесами дремучима,
А по чисту полю бежала, по широкому роздольицю,
А услыхала-то лесицинька, што петух сидел,
А и петушок сидел на седели с цыплятами в одном мести-то.
А и говорила-то петушку лесичка-то:
«Эй же, петуше, чадо мое,
А ты имешь жен по двадцати, по тридцати же всё,
А ты имей одну жену наложную,
А как другую ты имей да всё законную,
А без третей-то обойтись некак нельзя!»
А и петушок тут закокурекал: «Кокуреку-то!»
А и тут сцепила его лесицька во свои когти,
И понесла его петушка да во чисто поле,
А и во темны-то леса понесла дремучия,
А и на круты горы понесла она высокие,
А и тут петушок-то заговорил лесицьке таковы слова:
«А и лесицька, ты лесицька, ты же всё меня несешь,
А и во своих когтях несешь да во темны леса,
Во темны леса несешь да за круты горы.
Ох, лесицька, я жил три года во матушке во славной
в каменной Москвы,

А уж я жил-то у митрополита, служил у его,
А мня кормили-то во матушке в каменной Москве,
А меня просвирами кормили, меня же мяккима,
А меня поили медовой водой досыта-то,
А тепере-то мне приводитсе-то смерть в твоих когтях!»
Тут лесицька та на петушка да оглянуласе,
А оглянуласе она да из когтей его да выронила.
А вылетел-то петушок да из когтей же лесицькиных,
А вылетал-то он на лесиноцьку на верхиноцьку,
А и сам говорил-то он лесицьки таковы слова:
«А проздравляю тя, лесицька, ешь ... да всячину!»
А побежала-то лесицька в лес, согнуласе,
А со стыду-то она побежала со великого,
А она согнуласе же побежала, как горбатой бес.

116

МАРУТА БОГУСЛАЕВНА

А и как во славном было Цари-гради,
А ише жил-то был салтан царь турецькие,
А и как царь салтан-от ходил по полатушкам по царьским-то,
Он ходил-то по своим полатам белокаменным,
Он же думал думушку же всё он крепкую,
Он как про ти, ти славны островы всё Милитрисьские,
А и как розорить-то хочёт славны островы да Милитрисьския
Он хитрых, премудрых, славных же учителей,
Забрать-то хочет славны острова да Милитрисьския,
За себя забрать-то хочет в Турцию в неверную.
И сам сидел его любимой сын царевиць же,
Он на царьском на его стули золочёном-то,
А и на коврах-то он сидел да на заморьских-то,
А и он писал-то сидел все учеты государственны.
И говорил тут царь турецькой всё салтан же то:
«А и уж ты ой еси, мой ты премладой ты царевиць же!
А и отправлять-то я тя хочу со своей армеёй же всё тебя,
А и как приготовлю я тебе солдат полки же всё полные,
А и даваю тебе всё да всё начальсво с тобой, —
А я врачей с тобой отправляю всё лечить тебя,
А и даваю лекарьсвов же всяких же разных же,
А и даваю я вам лагери военные,
И отправляю тебя, чадо своёго милого!»
И провожать-то провожал его царь со царицою;
А и он наказывал же царь-салтан турецькие
А своёму он сыну милому любимому,
А и как премладому царевицю салтану-ту:
«И подходи-ко ты ко тем островам Милитрисьским же,
А и ты бери-ко-се же их да всё же начисто,
А вы палите-тко из пушок не жалеючи!»
И роспрошшалсе тут же царь салтан турецькие
А со своим-то сыном с любимым, со премладым со царевицом;
А они поехали — скоро пошла сила же армия,
А й они поехали на конях и пешом пошли.

35 Они ехали же, доехали же до славных островов,
А и как до тих ли до славных Милитрисьских-то.
Услыхали тут узнали учители прехитрыя,
Прехитры они были очунь премудрыя,
Они рыцари-ти были очунь бойкия,
40 А очунь бойки были, очунь сильния,
А они скоро-то они да догадалисе,
А своей хитросью они, мудросью дозналисе,
И они стречали тут салатана премладого царевиця,
И-и выезжали они скоро да во чисто полё,
45 А во чисто полё выезжали во широкоё роздольицо,
А они же и там ко лагерям да всё военным-то.
И тут же премладому царевицю и салтану-ту
А и же кланялись премладому царевицю,
А и как тому-то они салтану-ту премладому,
50 Увешшали они его словами ласковыма,
А и обошли-то они своей хитросью же, мудросью,
А и они облясили премладого царевиця:
«Уж ты ой еси, премладой ты царевиць же,
И-и мы желаем тебя взять да на ученьицо,
55 А и на свои-ти на славны острова на Милитрисьския,
Э-и научись-ко-се ты нашой хитрой мудрости,
Научись-ко ты нашой рыцарськой же храбрости,
Эх уж ты будь-ко-се ты у нас же нашим могучим
русьским богатырём!»
А и ети слова-ти же младому царевицю
60 Э-э ему пондравились очунь ему же по желаньицу,
И пожелал-то он учитьсе к им на Милитрисьски славны острова,
А и ихной хитрой-то премудрой славной грамоты,
Э и как и рыцарьской же ихной всё же смелости,
И богатырьской то же всё да силы великою.
65 И он прикончил всю войну да кроволитную,
И зажелал-то он учитьсе хитрой мудрости.
А и он которо войсько назадь отправил же,
А и он во Царь во град ко своёму к царю к салтану-ту.
А и как другу-ту часъ же силы при себе оставил,
70 И оставлял он свои лагери военные,
И оставлял-то их же вон да во чистом поли,
Э и он со силой оставлял да всё со армеёй.
А и сам поехал-то со славныма со учителеми
А и он на те ли-то на славны острова на Милитрисьские.
75 А и принимали-то, стречали премладого царевиця,
И как со радости стречали его, с весельица,
И заводили-то его в полаты белокаменныя,
И садили-то его за столицьки за окольния
И за те ли за салфеточки шелковыя,
80 И как за те ли всё за кушаньё сахарныя,
И как за те ли всё за питьица за дороги,
За дорогие ти питьица за заморские,
И его-то поили-то, кормили да низко кланялись.
И тут же зачали его учители прехитрыя
85 И обучать-то его стали хитрой мудрости
И как же к вострой-то его стали ко грамоте,

А и как к поездкам тут же стали учить богатырским же.
А тут премла́дой-от салтан да всё царевиць же
А он же по́нял ихны хитры мудры грамотки,
90 А как же рыцарски подви́ги богатырские.
А и он в одну-ту же неделёчку же понял у их,
И тут всё-то он вси ихны подви́ги богатырския;
А и всё равно-то, как водой повёл, писать же стал,
И тут же Милитриськи славны учителя же они же всё
95 А они подумали-ти сами собой же всё же они, —
И скоро-скоро поня́л скоро-скоро всё ихну грамоту,
И скоро-скоро же он понял ихны подви́ги богатырские.
И гут премла́дой-от царевиць стал скоро́ собиратисе
И со Милитриських славных с о́стровов,
100 И от хитрых-то от премудрых славных учителей.
И провожали тут салтана премла́да царевица
Как славны-ти учителя Милитрисьския,
И о́ни кланялись ему да всё низёхонько,
А и распрошшалисе они же очу́нь-то ува́жно с им.
105 Тут садился-то премла́дой-от царевиць-салтан
На своёго добра́ коня да богатырского,
А и вот поехал во свои лагаря военныя
И ко своей-то он ко силы-то, ко армии,
И приезжал то он скоро́ к своим лагарям военным же.
110 И говорил тогда премла́дой-от царевиць салтан:
«Э-э уж вы ой еси, моя дружина военна сила!
А полно-полно нам стоять да во чисто́м поли́,
И как пойдем-ко же сходим на Богуслав-реку,
А и мы посмотрим-ко же мы да Богуслав-реки,
115 И-и как течет-то она, течет да как же всё она!»
И убирали они тут ла́геря военные,
Они скоро снаряжалисе на добры́х коней,
А они поехали тут скоро да ко Буслав-реки.
А Богуслав-то река ему́ очунь пондравилась,
120 Как премла́дому царевицю салтану-ту.
И приказал-то он своей силы́ же армии
И роскинуть-то же ла́гери военные.
И в ту же в пору же, в то же времечка
И-и заболела у Маруты ро́дна матушка,
125 И захотела-то Марутина ро́дна матушка
А со Богуслав-то речки напитьсе ключево́й воды.
И говорила-то Маруты ро́дна матушка:
«А и ты сходи-ко, моё дитятко, любима доць,
А и любима моя Марута, за водой же мне».
130 Э и говорила тут Марута ро́дной матушки:
«А уж ты ой еси, моя ты родна́ матушка,
А-а я бы рада бы тебе сходить, радёхонька, —
А и как за Богуслав-то рекой стоит сила неверная.
А и тебе хоцце, родна матушка, со мной росстатьсе же;
135 И увезет-то мня салтан да всё турецькой-от».
И говорила тут Маруты родна матушка:
«Ах ты Марута, ты моя любима доць!
А ты раньше-то у мня была не горда́я всё,
А ты тепере-то же стала всё горда́ же у мня».

140 И тут заплакала Марута горючима слезьми:
«А уж ты ой еси, моя да родна матушка,
«А й видно наскучила я тебе да напрокучила,
А тебе хоцце, штобы мня увезли во Турцию неверную!»
И говорила тут Маруты родна матушка:
145 «А же видела вчера твоих подруг же всё,
А Лизу видела — шла она со ведром с водой,
А со ведром-то она шла да с Богуслай-реки,
А нехто-то их же не взял, некакй же турки».
Э и тут взяла Марута ведро да за водой пошла,
150 А за водой она пошла да на Богуслав-реку.
А и шла-то она же всё да потихошеньку,
И што не видела же войско турецькое,
И почерпывала Марута скоро ведро воды.
А и вдруг нахлынуло же турецькие три военных салдата,
155 И же салдаты ти идут да всё полковники турецькие,
А они подходили ко Маруты, поглядели на ей.
А как Марута потихонечку-ту пошла с водой,
А как другой-от полк идет настрецю офицеров турецьких,
А как третей-от же полк же шел да сам царевиць,
160 И сам салтан-царевиць шел да со салдатами,
И он приходил-то ко Маруты ко самой близко,
И поклонилсе он Маруты-то низёхонько.
А тут Марута со страху, со стыду она
Ишше чуть она же на резвых ногах стоит,
165 А лепета у ей в лици да переменилась,
А и нечего-то Маруты да не сказал же ей
А и как премладой-от же ей салтан-царевиць же.
И приказал-то он своим салдатам военным же
А и как сымать-то Маруту да всё на карточку.
170 Они стояли-то смотряли на Маруту-то,
А как заходила тут Марута на крыльцо своё.
А тут сымали-то турецькия салдатики.
(*Дом ее и ей саму сняли!*)
И заходила-то Марута к родной матушки,
Она клала тут ведро да со водою же,
175 А сама падала в(ы)низ да на постелёчку,
А на кисовую-ту падала на кроваточку,
А она без чусьва-та же пала невладимая,
Э и не руками, не ногами она не дествовала,
Э и пошел-то за салтаном премладой царевиць же,
180 Он и брал своих салдатов всё военных же,
Ишшо брал-то он врачей с собой же всё же он,
И он пошел-то ко Марутиной родной матушки,
Ы-ы он ко той ли всё ко Софьи ко Ивановны.
А и заходили-то в ее да свётлу свётьлицу,
185 Заходил же тут премладой царевиць-салтан,
А и он же кланялсе Марутиной родной матушки:
«А уж ты здрастуй, здрастуй, Марутина родна матушка!
А уж как где твоя же дочка всё любимая,
Ише та ли у тя Марута Богуславна?»
(*Тут-ка убил царь отца-то у ее*).
190 «А ише што же тебе нужно, премладой царевиць-салтан,

Што моя та доць тебе да всё Марута-та?»
— «А мне-ка нужно она же, очунь надо она!»
А говорила тут матушка родна Марутина:
«А у нас Марута-та моя да доць любимая,
195 А она пришла-то со Буслай-реки со водой сечас,
И заболела моя Марута доць любимая».
А как тут-то премладой царевиць остановилсе
И приказал-то своим врачам да всё лечить же ей.
А и тут принялись скоро да за Маруту же,
200 А он скомандовал над своима врачами, ногой топтал:
«Ах, прокляты вы чорты! Лечите скорей!»
А тут говорил Маругы-то да Богуслаевны,
А и говорил премладой царевиць-салтан,
А и говорил-то он же всё да родной матушки,
205 Ише той ли Софьи всё да всё Ивановны:
«Уж ты ой еси, Марутина родна матушка!
А и ты отдай-ко-се, отдай Маруту за меня взамуж».
И говорила тут же Маруты родна матушка,
Э-и ише та ли всё же Софья доць Ивановна:
210 «А уж ты ой еси же, премладой царевиць-салтан,
Э-э уж вы роду-ту же царьску, не простого же вы!
А как у мня-та же Марута-то же без отця доць,
И без отця она у мня да всё же бедная!
А и как же где-ка быти ей да всё царицою?
215 А она неучона моя доць хитрым-мудрым грамотам,
А образованьица она да всё не премудрого».
И говорил-то тут же премладой-от королевиць-салтан:
« А ты того то не говори, я не буду у тя верить, говорит,
А я возьму Маруту я за за себя взамуж!
220 А увезу я ей же всё во Царь же град,
И увезу я ко своёму да к отцу, к матушки
И ко своим-то я к родным да милым сестрицям,
Ко своим-то я увезу ей к нянюшкам-мамушкам.
И как научат-то они ей к хорошим делам,
225 А и как научат-то ей они да хитрой грамоты,
А и они всякому научат образованьицу!»
Ише тут-то же Марутина родна матушка
А она заплакала же тут да горючима слезьми,
Она некак не могла от его да отговоритисе всё.
230 И говорил-то тут салтан да всё царевиць же:
«А уж я дам строку я вам ровно на три денёчика,
А боле не дам, не буду ждать некакого приказаньица,
Увезу тогда Маруту во Царь же град
И ко своёму я да к родну батюшку,
235 И ко родимою своей да родной матушке!»
И роспрошшалсе тут премладой-от царевиць-салтан
Со Марутиной-то он да с родной матушкой,
И как сказал-то ей слово, да слово верное,
А тут пошел премладой салган-от всё царевиць-то
240 А и со своима он салдатами военныма,
И он заходил-то в свои лагери военные.
А в ту же пору, в то же времечка
А и приходил-то князь Святослав же всё

(*Он ей уж грамоты выучил и ей хотел взять за себя взамуж*),
И подходил-то он ко Марутиной к родной матушки,
245 А й говорил-то князь Святослав же всё:
«А и уж ты ой еси, Марутина родна матушка,
Ишшо случилось над вами, што же сделалось?
А што Марута-та у тебя да Богуславёвна
А разболелась же у вас почему да росхвараласе?»
250 Тут заплакала Марутина родна матушка:
«А уж ты ой еси, ты князь да Богуслав же всё!
Ай у меня-то всё несчасьицо случилосе, —
У мня была моя любима доць же всё,
Как та ли всё Марута доць Богуславёвна.
255 А как будто наросьнё я да заболела-то,
Ай захотелосе-то мне воды да с Богуслав-реки,
И захотелосе же мне да всё напитисе.
А и не хотела итти Марута всё, как будто знала-то,
И приневолила я ей силой сходить же всё.
260 А она пошла скоро за водой да на Богуслав-реку,
А увидал-то тут салтан да млад царевиць всё,
А он приметил мою ту же доць любимую
А Маруту Богуславевну.
И он сватаитсе, хочет брать да за себя взамуж,
265 А и увезти-то ей он хочет да в Турцию в неверную».
И тут заплакал-то к(ы)нязь да Богуслав же всё:
«А я учил Маруту я да хитрой мудрой грамоты!
А обучал-то ей же всё да разным хитростям,
И образованьицу обучал ей всё же крепкому,
270 А у мня увозит-то салтан Маруту доць Богуславёвну;
А не отдам я Маруты своей Богуславёвны.
А я наготовлю я полков да всё солдатов же,
А я пошлю воёвать пошлю да все с салтаном же!
А со турецьким-то же с им, а не спушшу его!»
275 И говорила тут Марутина родна матушка,
Уж как князю-ту же да Богуславу-ту:
«Уж ты ой еси, князь да Богуслав же всё,
А и не губи-ко се ты своёго войська по-напрасному.
А и как выбьют у тя силушку по-напрасному
280 И за мою-ту доць любимую,
И как за ту ли за Маруту Богуславевну,
Не оставляй-ко ты сирот да вдов, малых деточек!»
И тут говорил князь Богуслай да таковы слова.[1]
Ише тут салтан-от всё турецькой млад,
285 Он писал сидел да скору грамотку
Он на своем-то стули всё же царьском-то,
Он писал-то сидел не по беленькой белой бумажочке,
Он писал-то сидел да по рытому-ту да белу бархату,
Он писал-то сидел-то да красным золотом
(*Богуслав был князь, а не Святослав*),
290 И он писал то сидел князю-ту Богуславу-ту,
И как звал его к себе да в гости-ти.
А и тут же скоро послал салтан да всё турецькой-от

[1] После этого стиха — явный пропуск: не приведена речь Богуслая.

А и послал-то скору грамотку да скорописьцету
Ко тому же всё ко князю ко Богуславу-ту,
295 И приходил тут же посол да всё турецькия
Ко тому ли он ко князю ко Святославу-ту,
Заходил же он во грины княженеські,
Подавал-то ему же он грамотку скорописьцету
Он пошел скоро́ назадь же он скорёшенько,
300 Штоб он приготовил войну скоре́ ему.
Тут же скоро князь Богуслав стал собиратисе,
Он скоро собирал себе добра́ коня,
Он садилсе на добра́ коня скорёхонько,
Он поехал-то далече во чисто́ полё,
305 Он ко той ли ко реченьки ко Богуслав-реки,
Он ко тем-то лагерям да ко турецьким же.
Приезжал ко лагерям да ко турецьким же он,
Он скакал скоро́ он же со добра́ коня,
И заходил он в лагеря ти во турецькие
310 Ко тому ли ко премла́дому царевицю ко салтану-ту.
Он же кланялсе к(ы)нязь да низко царевицю,
Как премла́дому да всё турецькому.
— «Уж ты ой еси, ты князь да Богуслав же всё,
Ише я тебе скажу да рець возго́ворю —
315 Отдай, отдай ты без драки же да кроволитную,
Ты без бою-ту, без войны великою,
Ты отдай, отдай за меня Маруту-ту да доць Богуслаёвну.
Не отдашь ты ей за меня же всё, за царевиця,
Я войной возьму тебя, а ей за себя взаму́ж».
320 Тут заплакал князь Богуслав да горючими слезьми:
«Уж ты ой еси, царевиць млад салтан же всё!
Я Маруту-ту хотел взять Богуслаевну
За себя взаму́ж хотел взять я княгиною.
Я учил-то ей в училишшах на всё же ей,
325 Я же хитрой-мудрой грамоты обучил же ей,
И образованьицю ей же всё хорошему».
И тут-то же Богуслав-от князь пошел скоро́,
И вон пошел скоро́ из тех лагерей военных-то,
Военных-то лагарей да всё турецьких он.
330 А и вон садилсе скоро вон да на добра́ коня,
И он поехал скоро к Марутиной родной матушки,
Он ко той ли ко Софии ко Ивановны.
А и как говорил-то князь да Богуслав же всё,
И он Марутиной говорил да родной матушки:
335 «И не губи-ко-се, ты князь да Богуслай же ты,
Не губи-ко ты своей силы по-напрасному».
Ише тут-то же говорила ему Марутина родна матушка:
«А уж давай-ко-се я буду отдавать свою любиму доць
Маруту Богуслаевну,
А я буду отдавать свою Маруту же.
340 Ишшо не губи своей силы да по-напрасному,
Будут ругать, клянуть моёго родимого дитятка,
И как любимую же доць Маруту Богуслаевну!»
Тут же кончили слова князь Богуслай же всё.
В ту же пору, в то же время приезжал царевиць млад,

345 Как премла́дой-от царевиць всё турецькой-от
Со своима-ти солдатами он с военныма,
Со врачами, с дохтурами приезжали же,
Заходили ко Марутиной к родной к матушки
Во ихны-то во светлые во све́тьлици.
350 Уж и спрашивал премладой-от царевиць-салтан:
«Уж ты ой еси, Марутина родна матушка,
У тя поправилась ли — нет твоя доць любимая?
Ише та ли всё Марута доць Богуславна?»
Говорила тогда Марутина ро́дна матушка,
355 Ише та ли же Софья-та доць Ивановна:
«Уж ты ой еси, премла́денькой церевиць же!
У мня доць-та моя Марута стала́ поправлятисе».
Тут и пошел премла́дой-от да всё царевиць-салтан
Ко Маруты-то он всё во комнату.
360 Как лёжала-то Марута да на кроваточки,
Она лёжала на пуховою на периночки,
Она лёжала-то да всё поглядывала.
Лепета у ей в лици да переменилась,
Красота-та у ей да всё сменилась.
365 Подходил тут ко Маруты млад царевиць-салтан
И говорил тогда Маруты Богуславны:
«Ты Марута, доць же всё да Богуславна,
Тебе полно лежать на кроваточки на кисовою,
На периночки лежать да на пухо́вою,
370 И надо в путь-то нам, в дорожку приготовлятисе,
Ко Царю-граду-ту мне надо поспешатисе!
К родному к моему к отцу да мне да батюшку,
Ко тому ли ко царю да ко салтану всё,
Мне с ответом явитьсе надо, со учетами,
375 Все сдать дела мне как надоть ему в руки».
И тут заплакала Марута доць Богуславна,
Говорила она младому царевицю,
Как тому ли она премла́дому салтану всё:
«Уж ты ой еси, премладенький царевиць же,
380 Разве нет у вас во славном во Цари́-гради́
Вам невесту взять же да вам да проти́в себя?
Есь во царьсвах-королесьвах много доцерей же взять!
Образованьицо-то у их очу́нь же хитроё,
Очунь хитрое у них, очу́нь премудроё.
385 А у мня како́ образованьицо-то да проти́в же их?
У мня нету отца-родителя-батюшка,
И он убит у вас на войны, погиб же всё же он,
Мня малёхоньку оставил всё, глупёхоньку.
Меня ро́дна матушка вспоила, воскормила-то,
390 Она воскормила меня да все повыростила,
Не умела меня взаму́ж повыдати
Она без драки без кроволитною же всё меня!»
Приказал тогда салтан премладой царевиць же
Собирать-то всё Маруту, снаряжать же ей
395 И в путь-дорожечку ей поскорёхонько.
Заплакала Марутина ро́дна матушка,
Туг заплакала Марута доць Богуславна.

И они собирали ей в путь-дорожку, одевали ей,
Одевали ей во тёпло платьё в теплое,
И тут провожала-то Марутина родна матушка
Она с плачею да со великой ей,
Провожали Маруту все подруги ее,
Провожал-то князь же ей да Святослав же всё,
Они плакали о Маруты, слёзно жалели ей.
И повезли, садили Маруту скоро на добрых коней
И повезли-то ей в лагери в турецькие,
Ише тут они приезжали в лагери турецькие.
И турецьки лагери военные убирали всё,
И в путь-дорожечку они поехали скоро всё же вдруг
Ко тому ли ко городу же всё к Царю-граду,
Тут они подъехали же к Царю-граду.
Отправлял царевиць салтан турецькия,
Отправлял он полк салдат да всё со вестоцькой
Ко своёму-ту к отцу да к родной матушки
И ко царю салтану, царици салтанихи.
Приезжали тут же салдаты военныя,
Приезжали ко царю да ко салтану всё,
Он стречал салтан же царь да со царицою:
«Ишше наехал-от домой любимой сын,
А любимой сын царевиць-салтан же млад!
Он долго-долго ездит, долго путь держит!»
— «Ишше тут стречайте своего вы сына любимого,
Как того ли царевиця-салтана-та,
Он со своей-то едет всё да со невестою,
Он везет-то к вам же он да во Царь же град».
Ише тут же царь салтан да со царицою,
Они поехали стречать своёго сына любимого,
Как премладого салтана-то царевиця,
Они стретили их с радости, весельица,
Проводили их в царьские в палаты белокаменные,
Их за те ли все столы да окольние,
И за те ли за салфеточки шелковые,
И за те ли за скатерти за браные.
Пили, ели, веселилисе, —
У их пир ведь шел горой.

СЕРАФИМА СЕМЕНОВНА КРЮКОВА

С. С. Крюкова — младшая дочь сказительницы Аграфены Матвеевны Крюковой, 1890 года рождения. До 1920 г., т. е. до смерти отца, жила при родителях, а когда в том же году произошел раздел семьи Крюковых, Серафима Семеновна осталась в большом отцовском доме вместе с одиноким братом Артемием и с сестрой Марфой. Серафима Семеновна иногда работала по найму у зажиточных рыбаков, около года «кушничала» (обслуживала постояльцев) на Вепрёвском маяке вместе с сестрой Марфой Семеновной, а также служила уборщицей на маяках Зимнего берега. Недолгое время работала в колхозе. В 1938 г. Серафима Семеновна поселилась у старшей сестры и вела ее хозяйство до самой смерти М. С. Крюковой (1952 г.), после чего переехала к племяннику в Верхнюю Золотицу. С сестрой жили не дружно, так как Серафима Семеновна отличалась резким нравом и неуживчивым характером.

С. С. Крюкова всего несколько недель ходила в школу, а потом бросила, так как грамота ей не давалась. Она так и не научилась читать и писать, но хорошо запоминала почерки, могла по почерку определить, от кого из знакомых пришло письмо.

При подсказке Марфы Семеновны С. С. Крюкова исполнила одну былину и три баллады, причем всякий раз в конце переходила на рассказ. «Моряночку» и «Князь Михайло», по ее словам, в молодости пела на «избомытьи». Былины перенимала только от сказителей Крюковых, но никогда былинами серьезно не интересовалась: «Я настояще старины пропевать не умею. Не за тим гонилась. Спела за шутосьнё. Пусть ко мне никто не приезжает записывать».

117

ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А и как поехал Илья Муромец из Киева,
А и он поехал-то ко каменю ко Латырю,
Как к тому ли всё к колоделку к студеному.
А и как поехал Илья Муромец к каменю ко Латырю,
5 А и как объехал вси-ти знамена богатырьские,
Осмотрял-то вси дорожечки прямоезжие,
Просмотрял-то Илья Муромец со вси четыре стороны.
А и как увидел он приметочку очунь чудную,
Очунь чудную приметочку, очунь дивную.
10 А и вот поехал он на ету на приметочку:
«Ты беги, беги, мой конь славной-от Белеюшко,
А поскоре́-то ты беги да поскоре́ скачи».
А и как пеньицо-кореньицо ломаитсе,
Ишше пыль-то ведь с дорожечки дымиласе.
15 А и скоро приехал Илья же ко приметочки,
А и вот приметочка была, да тут ведь столб стоял,
А и на столби было ведь, скажом, подписано,
А и вот подписано на столбички, срисовано:
«А и во праву ехать, тут женату быть,
20 А во леву дорожку ехать, тут богату быть,
А во пряму-ту ехать, всё убиту быть».
А и сидит Илья-то ведь Муромец призадумалсе,
Призадумалсе сидит же, призамолкнул-то,
А и вси же думушки передумал-то,
25 А и все же мысли перемыслил-то:
«Много ездил я же по темным лесам,
По темным лесам да по крутым горам,
Много ездил зелёненькими я лужочками,
А и много ездил я травою да муравою-то,
30 А и почему я ведь на ету на дорожечку не заезживал?
А и почему на етой чудной я не гуливал?
Если правда на столби да есь записана,
Если ангелы писали светы-хранители,
То ведь надо думать, что справедливо есь.
35 А если мудрые люди записали-то,
То ведь много было, скажом, верности.
Если в оммани люди писали да оммануть хотят,
Мне-ка не честь будёт да богатырьская,
Не похвальба да молодецкая,
40 Что я ехал на приключениях, не доехал-то.
Как у нас во книгах чудных-то
А и как записано же всё у нас написано,
А и все законы-ти, обычьи приросписаны,

А и шшобы было всё у нас да не в омманах-то.
(*Где же у другого така склонность?*)
45 А тебе, Белеюшко, скажу, да слово молвлю я,
А и ты в дорожечках, в путях да мне помошничок,
А и поедем всё же, Белеюшко,
Где женату быть да подписали-то.
А и мне-как ангелы-хранители сказали-то —
50 А и как на тебя, Илья Муромец, судьбы же нет,
А и как судьбы тебе-то нет да всё женитисе.
А и как теперече приводитсе да мне женитисе».
А и поворачивал Илья тогда добра коня,
Он поехал-то во правую дорожечку,
55 Он ехал дальною чистою,
Он цветами ехал всё растушшима.
Увидел-то тут Илья да Илья Муромец,
Тут-то зарево увидел очунь чудное.
И поехал он, ехал, ехал он,
60 Увидал-то дом в садах стоит,
И приехал он ко терему высокому,
Тут стоял-то тут тын украшоно.
И он стучал-то тут у ворот.
Он раз стучал, другой раз, третей стучит.
65 И выходила-то девица прекрасная.

Гы с кем живёшь?» — спросил Илья Муромец. Теремом назвать ее — велик весьма, а городом назвать — мал. И завел Илья Муромец коня, надавал ему пшеницы белояровой и напоил его водой медовою. И сам Илья Муромец не мало пил и ел, водочки пил заморские и ел кушанья сахарные. И хотела его повалить на кровать тисовую, на перинушку пуховую. А он валиться не хочет. (*Она была из хороших родов, а она ушла жить в етот дом, потому что не могла перетерпеть лихой мачехи*). Илья Муромец кинал ее на кроваточку тисовую, на периночку пуховую. И упала сама она в подвалы в глубокие. И скрычали там люди: «Сама летит!» И он нашел фонарь и отомкнул погреба глубокие и зашел к ей в погреб и как хватил ее саблей вострою, а очудилась ведьма. И он велел всем взять, кому надобно, красна золота и чиста серебра и сожог ее дом.

А сам подъехал к тому столбу и переписал слова на столбу, что неправда та: ездил в правую дорожку и не был женат; что ведьма навела ету надпись своим лукасьвом!

118

[ДОМНА ФАЛИЛЕЕВНА]

И к Домны Фалилеевны приехала Марфа Митревна, созвала в божью церковь. И Домнушка перепалась, и мать уплетала ей в косу ленту алую.

Одеваласе же Домна Фалилеевна,
Одевала на себя да платьё шелковоё,
Уплетала косу тут ей маменька родимая,
Усыпала чистым жемчугом,
5 Одевала тут же Домна Фалилеевна
На свои же тут на рученьки на белы
Одевала тут же перстни золотые,

Золоченые же были со двенадцатью со ставочками,
Тут замоцьки были в их.
10 Одевала она на себя часы на праву руку золотые,
Одевала на себя сапожечки сафьяные,
Одевала на себя шубочку соболиную,
Одевала на себя да шаль пуховую,
Одевала на себя перчаточки шолковые, —
15 А перчатки были из Царя-града.
И провожала ей же маменька родимая,
Говорила ей же маменька родимая:
«Не велела я тебе бы, дочь любимая,
Бы тебе с Марфой-то ведь Митревной не ездить-то.
20 Я сегодня видела весьма же сон да чудной же,
Ты подумай, дочь моя же ты любимая».
— «Ты послушай, маменька родимая,
Ты не кажному сну да верь же ты».
— «Я видела же твоего батюшка-родителя,
25 Он дават же крест свой животворяшший же».
— «Ты не слушай, мать, да не верь же сну, —
Кажной сон наоборот быват:
Как веком-то Марфа Митревна мня не омманивала,
Как подружечка была она же верная,
30 Говорит, что нету Митрея Митреяновича,
Он уехал стрелять лисиць-куниць на шубы Опраксеньи-королевисьни».
— «Ты не ври, не ври, Марфа Митревна,
Я же знаю — Митрей Митреянович
Он же есь, есь же дома, не уехал же».
35 Они садились во корету золоченую,
Они поехали с Марфой Митревной во божью церковь,
Они поехали-заехали во божей храм.
А на крылосе стоит да Митрей Митреянович.
Ужахнуласе же Домна Фалилеевна:
40 «Изменила мне-ка подружечка любимая».
А на другой стороны стоит,
А и как стоит-то Домна Фалилеевна,
Она прочь да от его пехаетсе.
И сказала Домна Фалилеевна:
45 «Я не еду к вам-то всё».
А Марфа Митревна говорила:
«Что ты, что ты, поедем-ко».
И вот поехали ко князю ко Владимеру,
Подъезжали ко терему да ко двору,
50 Подходили-то ко точеному крылечушку.
Выходил-то князь Владимер-то,
Стречал же Домну Фалилеевну.
Тут же Домна Фалилеевна
С Опраксеньей королевисьной поздоровались.
55 Они брали же ей за ручки белые:
«Проходи да проходи же, Домна Фалилеевна,
Ты что же не приглашаешь жениха?»
Тут приходил-то Митрей Митреянович:
«Тут ты приехала-то, Домна, на двор ко мне.

60 Ты наехала дровокольней палки».
(*Вот беда! как обносила-то его!*).
И сидела в столи Домна Фалилеевна с Митрием Митреяновичем,
И зачали угошшать-то их,
Подносить им водочки заморские.
И гости вси едят заморски кушанья,
65 И гости все-то приглашённые,
А она сидит невéсела.

И князь Владимер же подходит к ей: «Почему же ты у нас сидишь да ничего не кушаешь?» И стал князь Владимер просить: «Выходи ты за Митрея Митреяновича, а княгина Апраксенья будет свахою».

И сказала Домна Фалилеевна:
«Спусти меня к матушки родимою распроститисе,
И я поеду потом во божью церковь».

И выходила она на улицю из терема княженецкого и зашла в кузницу и сковала себе три ножечка и вышла во чисто поле и там закололась. И видит Митрей Митреянович, что что-то неладно, и вышел на балхон и видит, что во чистóм полѝ чорны вороны слетаютсе и над телом ее кружáютсе. И вышел он на улицю, и пошел во кузницю, и купил три ножечка укладных и вышел во чистó полé, и написал записку: «Хошь ругала меня Домна Фалилеевна во живности, а не заругает меня, как мертвого повалят рядом с нею». И повалили их в один гроб, и гроб сделали побольше и зарыли их в одну могилу.

(*А она до пояса в окошечко бросалась и всё ругала его: «Палка ты дровокольняя!»*)

119

[КНЯЗЬ МИХАЙЛО]

Поезжает князь Михайло,
Он гулять во чисто полё,
Во широкоё роздолье.
А наказует князь Михайло
5 Своей маменьки родною,
Восударыны большою:
«Уж ты мать, ты моя мати,
Моя маменька родная,
Восударына в дому большая,
10 Вот исполни приказаньё,
Ты ведь выполни повеленье —
Оставляю тибе, мати,
Как княгину свою премладу,
Ишше душочку Марфиду,
15 Охраняй ее здоровье,
Как корми мою княгину
Белым хлебом перьвосортным,
Как ведь пой мою княгину
Сладким медом переменным.
20 Как корьми мою княгину

Ей ведь кушаньями сахарныма».
Его матушка родная,
Восударыня большая,
Она клянулась и божилась,
25 Што «исполню твоё веленьё,
Я ведь выполню приказаньё, —
Сберегу твою княгину,
Сохраню же от болезни».
Как поверил князь Михайло
30 Ее ведь лжу и омману;
Он ведь скоро одевалсе
В богатырьское во платье.
Надевал же князь Михайло
Он ведь латы богатырьски,
35 Приоделсе в путь-дорогу,
С родной матушкой прошшалсе,
С молодой женой прошшалсе.

И сказала ему молода его жена Марфида: «Я еду с тобой, князь Михайло, в дорожку». А князь Михайло сказал: «Ты не езди. Я не скоро порочусь. Я на месяць еду, если не более». И распростился князь Михайло и сказал матери: «Спи с моей княгиной в одной горницы». И не успел князь Михайло отъехать от дому, как пухова шляпа его слетела с головы и копьё княженецкое переломилось. И сказал он: «В дому у мня несчасьё, молода жона хворат или маменька родна».

Не успел князь Михайло отъехать, как его маменька родна по три бани на день топила и младеня у младой княгини из утробы выжигала. И побежала потом к братьицам своим рыболовам: «Братьица, у меня ведь несчасьё случилосе. Я погубила ведь Марфиду. Вы мне сделайте колоду, я повалю Марфиду». И спустила в море колоду с Марфидой и с младенем. А как наехал князь Михайло, спросил у маменьки родною: «Где моя княгиня?» — «А она ушла в церьковь». Пошел в церьковь, а нету ей там. И стал спрашивать нянек и мамок: «Где моя княгина Марфида?» Ти сказали, что «погубила ей твоя мати, по три бани топила и младеня у ей из утробы выжигала и спустила в сине море и положила в колоду». Князь побежал к своей матери: «Ты по роду мне мать родна, а дух у тебя змеиной. Ты погубила три души».

И побежал в кузницу и сковал три ножечка и закололсе. И велел себя положить в один гроб с Марфидой и младенем. И выловили колоду с Марфидой и младенем шелковыми неводами и повалили троих в один гроб. А мати его бегат по берегу моря и кричит: «Три души я погубила!» И волосы с головы сдират и рубашку с плеч рвет. (*Вот и вся!*)

120

МОРЯНОЧКА

А во славном было в городи во Киеве
При владеньицы-то князя было Владимера
Там была-то побыла да молода вдова,
Молода вдова да сорока годов.
5 Как у той ли у вдовы было девять сынов,
Как все девять-то сынов русьских богатырей,

Как десята была у ей да дочка младая.
Как братьица сестру очунь любили-то,
Старшой брал с колыбелечки ведь на руки,
10 Как другой-от подходил ведь брал ее.
Как ведь братьица побросили родной сестрицы,
Они побросили ведь родну маменьку,
Вот покинули ведь свою родиму сестрицю.
Как ушли они в камышницьки,
15 Во камышницьки ушли же, в подорожники,
Как омманом увели да брата младшего.
После ихного уходу и отъезда-та
Воспитала-та, воскормила дочку-то родна матушка,
Воспоила, воскормила, взамуж выдала
20 За того ли за моряка — гостя приезжего,
Как приезжего-то гостя из-за синя моря.
Как повез у нее морянин свою моряночку,
Как повез-то ведь морянин в свое село,
Во свое село да во свое платье.[1]
25 Жили-то они да ровно три годичка,
Три года жили они на чужой стороны.
Принесла моряночка детишша,
Стала звать морянина ехать к родной матушки.
Морянин моряночки послушалсе,
30 Он повез свою жену к своей любимой тёшшинке
Казать да чада милого.
День ехали и второй ехали,
На третей-от день настыгла их ночка тёмная,
Ночка тёмна да ночь осённая,
35 Утомиласе его моряночка,

Сказала: «Будем мы этта шатер ставить, отдыхать станем». Шатер поставили, отдыхать стали.

Моряночки не спитсе,
Подушечка в сголовьях вертитсе.

Слышит она какой-то гром. И растолконула моряночка морянина: «Ставай, там гром гремит, копыта лошадиные».

Вот он ей клеснул по шшоки́ и опять спать повалилсе. А она слышит, лошади всё ближе и ближе. И наехали камышнички, носьни подорожнички. Ето братья ее были. И хотела она разбудить мужа любимого, а не дали братья, сказали они: «Не будите его».

И отрубили у его, у сонного-то, буйну голову. И любимого племянника взяли и розорвали, а ей саму взяли в полон. И стали дел делить, кому ей взять. Старшой-от брат говорит: «Я буду кормить тебя кобылятиной, поки́ за меня в замужесьво».

И она причитат: «Кабы я была у маменьки родимою, осталась у маменьки. Я одна была дочь любимая, и было у мня девять братьицей, ясных соколов. А повыросли братьица мои, в разбой пошли, во камышнички, во носьни подорожницьки. И повыдала меня взамуж родна матушка за приезжего гостя за морянина. Три года прожила с им за синём морем,

[1] До сих пор пели М. С. Крюкова и С. С. Крюкова вместе. Здесь Марфа Семеновна замолчала.

а стосконулась о родной маменьки. И поехали мы всима к ей на свиданьицо, и становили мы ночью белой шатер.

А как напали на нас камышнички,
Как носьни напали подорожницьки.
40 Они убили у мня сонного мужа милого,
А детишша любимого розорвали».

И выслушал то младшой камышничек. Он ведь скочил на резвы ноги и стал будить родных братьицей:

«Вы ставайте, братьица родимые,
Ведь мы погубили зятя родимого,
Что-то мы теперь станем делать?»

И братьица ейны вси ото сна пробудилисе и падали сестрицы во резвы ноги: «Ты прости нас вины виноватою».

И вырывали могилу глубокую, захоронили зятя с племянником и росписали на могилы, что убили зятелка родимого, а любимого племянника розорвали.

И походили ко матушки родимою. Младшого-то сына маменька простила, а старших послала ко гробу осподнему прошшатьсе, во Иордан-реки искупатисе. И они исполнили приказанье родной матушки и стали потом жить в монастыри в Боголюбленском, где-ка жили сорок калик со каликами. И младшой-от сын [поступил] ко князю ко Владимеру во число богатырей.

ПЕЛАГЕЯ ВАСИЛЬЕВНА НЕГАДОВА

П. В. Негадова — старшая дочь Павлы Семеновны Пахоловой, сказительницы из рода Крюковых. Родилась она в 1905 г. в Нижней Зимней Золотице, училась в школе три года, а потом стала нянчить младших братьев и сестер. С детства уже косила траву горбушей, сама заготовляла дрова, когда отец ходил на тралах. С шестнадцати лет два года работала в золотицкой артели грузчицей и перевозчицей — возила груз и пассажиров на пароход и обратно. Двадцати лет вышла замуж и уехала из Золотицы в Архангельск. Сначала поступила работать на мойку рыбы, а ко времени записи былин была сортировщицей на тралбазе.

По словам П. В. Негадовой, она переняла былины от бабушки Аграфены Матвеевны Крюковой и от тетки Марфы Семеновны. Поля Негадова была первая и самая любимая внучка Аграфены Крюковой. С самого раннего детства она не отходила от бабушки: «Как бабушка запоет старины, так и я за ней», — вспоминает П. В. Негадова. По словам старушек золотичанок, «Поля похожа лицом на бабку Аграфену».

Былины П. В. Негадова припоминала с трудом, пела тихо и неуверенно, то и дело сбиваясь и путаясь. Она не читала никаких былин и даже не поинтересовалась «Былинами М. С. Крюковой», когда в 1939 г. вышел первый том, хотя с большим уважением относилась к тетке, как к сказительнице. Муж Пелагеи Васильевны Н. Негадов рассказывал, что Поля, приходя с работы, иногда ложится на кровать и поет старины, вспоминая свое детство и родную деревню, куда ни разу не пришлось съездить на побывку. Сам Негадов относится к этому пению с ироническим недоумением.

Пелагея Васильевна Негадова знает много сказок, однако сказки от нее не записаны.

121

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Во городи было во Муроме,
Во селе-то Качарове
Жил крестьянин Иван Тимофеевич.
Было у них да чадо милое,

5 Чадо милое, любимое,
Молод Илья свет Иванович,
Ровно было Илье Муромцу от роду тридцать лет.
Во ту пору, в то времечко
Приходили к нему калики перехожия,
10 Попросили у Ильи Муромца
Попить студеной воды холодною.
Говорил Илья Муромец таковы речи:
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
Я бы рад тебе подать воды холодною,
15 У меня нету, — говорит, — ног,
Не могу ходить».
Говорит калика перехожая:
«Ты ставай, Илья Муромец, на резвы ноги,
Выпивай-ко ковш да воды холодною».
(*Я уж забыла чего — пива, воды или меду*).
20 Тут выпил Илья Муромец,
Он чувствует силушки прибавилось.
Тут калики перехожого не очудилось.
Как приехал тогда батюшка родимый,
Ишше тот ли Иван да Тимофеевич,
25 С полевой с тяжелой работушки,
Его да чадо милое.
Ише молод Илья да свет Иванович,
Около домику он-то всё похаживает,
Говорил он батюшку таковы слова:
30 «Ты купи-ко мне, батюшка, коня да богатырьского,
Я буду ездить поляковать да во чисто поле».
Тут ему батюшка Иван да Тимофеевич,
Он купил ему да жеребеночка,
Ише стал ростить он жеребеночка,
35 Он стал его валять в зорях в Иванской,
А во второй заре в Ильинской,
А в третьей заре в Петровской,
И сделался тогда жеребеночек
Добрым конем да богатырьским,
40 Богатырьским же всё Сереюшком.

(*Я еще забыла, когда тот, что давал ему выпить воду, что ли, сказал: «Во чистом поли тебе да смерть не писана»*).

Тогда захотелось Илье Муромцу
Съездить во город ко Киев ко славному князю
ко Владимеру.
Он поехал ко князю ко Владимеру,
Он увидел в чистом поле,
45 Он увидел три дороги, написано:
«Если вправо ехать — убитому быть,
Если влево ехать — коню мёртвому быть,
Если прямо ехать...»
(*Не знаю*)
«Если коню убиту быть, — говорит, —
50 Так это не надо.
Поеду я лучше, где самому убиту быть.

Мне, — говорит, — старому-седатому жизнь не надобно».
Он поехал этой дорожкой самоезжею,
Некто этой дорожкой не езживал ровно тридцать лет,
55 Вся эта дорожка заросла ельничком-березничком.
Ише стал тут Сереюшко поскакивать,
Стал ельничек-берéзничек поламывать.

Пелагея Васильевна Негадова.

Тут видит Илья Мурамец,
Илья Мурамец да сын Иванович:
60 Как на семи дубах да на семи столбах сидит змей,
(*Змей ли он или Идолище поганое — не помню, только не Идолище*).
Как увидел он да Илью Мурамеца,
Засвистел он по-соловьиному,
Зашипел он по-змеиному —
Вся мать-сыра земля да потрясалась.
65 Говорил он Илье да таковы слова:
«Захотелось, — говорит, — тебе да добру молодцу,
Быть тебе да всё убитому».

Говорил да Илья Мурамец,
Говорил да таковы слова:
70 «Ише мне старому-седатому
Во чистом поли́ да смерть не писана».
Он стрелял-то в змея.
(*Я вот не помню, как того змея называли*),
Он падал на сыру землю.
Тут вязал да Илья Мурамец,
75 Он вязал его к хвосту да ко Сереюшку,
Он повез его ко городу ко Киеву,
Ко славному ко князю ко Владимеру.
Приезжал он ко городу, ко Киеву,
Оставлял он коня своёго богатырьского,
80 Заводил в конюшенку в дубовую,
Сам пошел он во полаты в белокаменны.
Говорил тогда князь да таковы речи:
«Ты откуда, добрый молодец, приехал к нам?»
— «Я приехал-то из города из Мурома,
85 Из села-то я приехал из Качарова,
Я от той семьи да от крестьянскою,
От того ли от Ивана Тимофеевича,
Я его да чадо милое,
Ише тот ли я да Илья Мурамец,
90 Я приехал служить да верой-правдою».
— «Ише как же ты, доброй молодец да Илья Мурамец,
Ише как же ты приехал к городу ко Киеву?
Залегла наша дорожка да ровно тридцать лет,
Не было ни конного, ни пешего,
95 Ни конного, ни пешего, ни проезжего».
— «Уж ты Владимер свет да стольно-киевской,
Как поганой змей привезён к тебе да на широкой двор».
Пошли они смотреть да на поганого змеёныша.
Тут приказал да Илья Мурамец
100 По-змеиному да шипеть ему,
По-соловьиному свистеть ему.
Ещё мать-сыра земля да потрясаласе,
В реках, в озёрах вода да колыбаласе,
Весь народ да люди ужахалисе,
105 А князь Владимер полумёртвым был,
Тогда приказал поганому змеёнышу
Замолчать да Илья Мурамец.

122

ПРО ДОБРЫНЮШКУ НИКИТИЦЯ

И во городи во Киеви
Ище жил-то был могуч русьской богатырь-от,
Ище на имя Добрынюшка Никитич млад.
Ище была-то у Добрыни-то родна матушка.
5 А ище во ту пору, да во то времячко
Ище красно нашо солнышко Владимер-князь
Собирал же князь Владимер всё почесен пир,
Собирал же он князьей-бояр московских он,

Собирал же он ведь могучих руських богатырей.
10 Он ведь всех-то он усаживал за дубовы столы,
Он за скатерти усаживал за браные,
Он поил же их ведь и всех ведь допьяна.
Сам ведь красно-то солнышко Владимер-князь
Он по полатам белокаменным похаживал,
15 С ноги на ногу манежно переступывал,
Золотыма-ти он шпорами набрякивал,
Светлорусима-ти кудрями он отряхивал.
Говорил же князь Владимер таковы слова:
«Уж вы князья-та бояре да всё московские,
20 Ише сильныя могучия всё богатыри,
Сослужите мне-ка службу да службу верную,
Службу верную же мне да неизменную:
Ише хто ведь съездит из вас да в прокляту в Литву,
В прокляту Литву же съездит, да в неверну землю,
25 Ко тому ли ко поганому Идолищу
И отрубит-то ему да буйну голову».
Ище все тут на пиру да призадумались,
Ище все тут на почётном призагунули,
Ище средней-то ведь прячется за старшого,
30 А старшой-то прячется за младшого,
А от малого ответу во всём не было.
Ище с того из стола да из-за дубового
Поднималсе тут ведь и руськой могучой богатырь-от,
Ище молодой Алешенька Попович млад:
35 «Уж ты гой еси, нашо красно солнышко любимый князь,
Я скажу тебе ведь и правду, да правду сущую:
Только сможет съездить туда дородней да доброй молодец,
Ище руськой-от могучий богатырь-от,
Ище младый-от Добрынюшка Никитич млад».
40 — «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад,
Сослужи-ко ты мне службу, да службу верную,
Службу верную ты да неизменную».
Тут пошел у нас дородней да добрый молодец,
Ище младенький Добрынюшка Микитич млад,
45 Он пошел же к своей маменьки родимою,
Он повесил буйну голову с могучих плеч,
Его стречала ведь тогда да родна маменька,
Говорила ведь ему да таковы слова:
«Уж ты ой еси, ты мое да чадо милоё,
50 Чадо милоё мое да всё любимоё,
Ишше молодой Добрынюшка Никитич млад,
Ишше што же ты с пиру пришел не весёлой всё?
Ты повесил буйну голову с могучих плеч?
Или кто тебе на пиру да насмеялсе же,
55 Или место на почётном очень низко было?»
— «Ише ой еси ты, ты маменька родимая,
Мне нехто на пиру не насмеялсе же,
Ише место-то на пиру было высокоё;
Только наложил на меня да красно солнышко
60 Красно солнышко Владимер-князь,
Он наложил на меня да службу тяжолую,

Надо съездить да мне-ка, молодцу, в прокляту Литву,
В прокляту Литву мне ехать, в неверну землю,
Ко тому ли ехать ко поганому Идолищу».
65 Тут собиралсе наш дородней доброй молодец
Ище младенькой Добрынюшка Никитич млад,
Снаряжал ведь он коня да богатырьсково,
Ище брал же он седёлышко церкальское,
Ище брал он себе да саблю вострую,
70 Ище брал же он копьё да брасуменское,
Ище брал он себе палицу буёвую.
Роспрошшалсе он тогда да с родной маменькой,
Роспрошшалсе-то он тогда да с молодой женой,
С молодой женой с Настасьей да со Микулишной.
75 Тогда сказала-то ему да молода жена:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
Ты когда велишь мне дожидаться да из чиста поля?»
— «Ты ведь жди меня, Настасья да дочь Микулишьня,
Ты ведь жди-ко меня ровно да ровно три года,
80 Через три года не приеду, жди ровно шесть-то лет,
Через шесть лет не приеду, тогда тебе да воля вольняя:
Ты вдовой сиди тогда, хошь ты взамуж пойди,
Ты за пахаря иди, хоть за кресьянина,
Хоть за князя ты иди, хоть за боярина,
85 Хоть за руськово могучего богатыря.
Токо не ходи взамуж ты, Настасья да дочь Микулисьня,
Ты за бабьево не ходи-ко за просмешшичка,
Как за молода за Алешу за Поповиця».
Тут ведь не видели добра молодца собираючи[сь],
90 Только видели добра молодца поезжаючи,
Во чистом-то поли ведь только да курева скутила.
Как прошло-то тому времени ровно три года,
Приезжает тогда Олеша из чиста поля,
Он привозит тогда весточку нерадостну,
95 Будто убит лежит Добрынюшка во чистом поле:
Его косточки дождём-дождём повымыло,
Его тело ветры буйныя завеяли.
Тут посылает он ведь и князя-та Владимера,
Тут посылает он за себя да князя-та Владимера
100 Засватать за себя да молоду жену,
Молоду жену Настасью да дочь Микулисьну.
Тут пошел, пошел ведь нашо-то красно солнышко,
Ище красно солнышко Владимер-князь,
Он пошел же ведь ко Добрыниной родной матушки:
105 «Уж ты здрастуй, здрастуй, Добрынина родна матушка,
Я пришел к тебе ведь с весточкой нерадошной:
Как приехал у нас Алеша да из чиста поля,
Он ведь видел, лежит убитым, нашего могучого богатыря,
Еще молода Добрынюшку Никитича.
110 Пришел свататься к тебе да на твоей да на любимою,
На любимой на твоей да на невестки-то,
Ише на молодой Настасьи да на Никулишне,
Ты отдай, отдай ее во замужество
Как за руського могучево богатыря,

115 За Алешеньку отдай да за Поповича».
— «Я даю ведь же я же ей волю вольнюю,
Пускай идет она за пахаря, за кресьянина,
За князя пускай идет, хоть за боярина,
Хоть за руськово могучево богатыря».
120 Тут говорила ведь Настасья да дочь Никулисьня:
«Не пойду я взамуж ровно да ровно девять лет,
Через девять лет, если не приедет Добрынюшка Никитич млад,
Я пойду тогда ведь взамуж да за Алешеньку».
Ведь прошло тому же времени ровно девять лет,
125 Тогда пошел у них ведь и пир да всё на радости,
Пошел тогда ведь и пир у них на весели,
Ище князь-от был Владимер ведь сватом же,
Апраксенья-та и княгиня да была свахою.
Во ту пору да во то времячко
130 Ишше ехал наш дородней да доброй молодец,
Ишше руськой-от могучой-то богатырь-эт,
Ишше молодой Добрынюшка Никитич млад.
Захотелосе Добрынюшке отдохнуть тогда,
Разбивал же тут Добрынюшка белой шатер,
135 Он ложился тогда спать да во белой шатер,
Тогда его-то ведь же конь да богатырьской же,
Он забил ведь копытом да во сыру землю,
Говорил он тогда да голосом человеческим:
«Вот ставай теперь, ставай, Добрынюшка Микитич млад,
140 Ты у себя-то ведь невзгодушки не знаешь себе,
Как твоя-то ведь же дома-ти люба семья,
Ише люба твоя семья да молода жена,
Ише молода Настасья-та Микулисьня,
Она выходит у тебя да во замужество
145 За того ли она за бабьего за просмешничка,
За того ли за Олешу да за Поповиця».
Тут скакал ведь всё Добрынюшка на резвы ноги,
Он садилсе же тогда да на добра коня,
Он поехал ведь ко городу ко Киеву,
150 Он поехал ко своей да родной матушке.
Уж приехал тут Добрыня да к родной маменьки,
Стала спрашивать тогда да его маменька:
«Ты скажи-ко-се, скажи, да доброй молодец,
Ты ведь едешь-то, наверно, да из чиста поля,
155 Не видал ли где моего да чада милого,
Чада милово моёго да всё любимого,
Ишше молода Добрынюшки Никитича?»
— «Уж ты ой еси, моя маменька родимая,
Ето я ведь сам Добрынюшка Никитич млад».
160 Тут возговорила тогда да родна маменька:
«У моёго-то у Добрынюшки Никитича
На правой груди была да всё ведь родинка».
— «Ишше ой еси, ты маменька родимая,
Дай умытьсе мне скорёшенько ключевой водой,
165 Дай же мне ты ведь и платья да скомороцково,

Дай-ко, дай-ко мне ты гуселки игромые,
Я пойду ведь всё на свадьбу да ко Олешеньки к Поповицю».
Тут пошел же Добрынюшка Никитич млад,
Тут пошел же ведь Добрынюшка Никитич млад,
170 Он садилсе да Добрынюшка на печку да на муравлену,
Он заиграл тогда Добрынюшка в гусли игромые.
Тогда Настасья ведь дочь да всё Микулисьня,
Она узнала ведь, што тут играет Добрынюшка Никитич млад,
Тогда говорила она да таковы слова:
175 «Уж ты ой еси, да наше красно солнышко,
Ише красно солнышко Владимер-князь,
Ишше дай же мне испить да чару меду сладково,
Поднести-ко мне калики да перехожого».
Тут возговорил князь Владимер да стольнё-киевской:
180 «Уж ты ой еси, Настасья да дочь Микулисьня,
Я позволю тебе испить да меду сладково,
Поднести тебе калики да перехожую».
Подносила тогда Настасья да дочь Микулисьня,
Подносила тогда к Добрынюшке чару меду сладково,
185 Ише брал тогда Добрынюшка одной рукой,
Выпивал тогда Добрынюшка за единой дух,
Он спустил тогда во чару да свой златой перстень.
Тогда увидела Настасья да дочь Никулисьня,
Ишо етим пéрстнем обручились они с Добрынюшкой Никитичем.
190 Она брала тогда Добрынюшку за белы руки,
Целовала она в уста его сахарныя,
Говорила она князю да таковы слова:
«Уж ты ой еси, нашо красно солнышко Владимер-князь,
Ишше не тот мой жених, который за столом сидит,
195 Ишше тот ли мой жених, который со мной стоит,
Ише молодой Добрынюшка Никитич млад».
Проговорила ведь Настасья да дочь Микулисьня:
«Ты прости, прости, Добрынюшка Микитич млад,
Што не исполнила твоёго я приказаньица,
200 Я пошла-то всё взамуж за бабьего просмешшицька,
За того ли за Алешу да за Поповича».
— «Я прощаю тебя, Настасья да дочь Микулисьня,
Ведь у бабы-то ум же короток всё,
Как у бабы-то волос длинной, ум короток.
205 Токо дивую ведь я князю-ту Владимеру,
Ведь дивую я княгины да Апраксении,
Как не стыдно им у жива мужа жену же всё отнять».
Тогда скакал ведь тут Алеша да на резвы ноги,
Он ведь кланялся тогда Добрынюшке Никитичу:
210 «Ты прости, прости меня, Добрынюшка Никитич млад,
Што посидел я рядом с твоей да ведь с любой семьёй,
Што посидел с любой семьёй, с твоей же я да с молодой женой».
— «Я прощаю тебя за это, Алешенька Попович млад,
Токо не прощаю тебе, што ты говорил-то моей родной маменьки».
215 Отрубил он тогда Алеши да буйну голову.

123

ПРО ДЮКА СЫНА СТЕПАНОВИЧА

Во славной в Индии в богатой
Жила молода вдова Амельфа Тимофеевна,
Было у ней да чадо милое,
Молодой Дюк да свет Степанович.
Што подворьицо у Дюка было на семи верстах.
Ише сорок-то было у них калачников,
Сорок да было у них придворничков;
Печки-то были у них муравлени,
Помёлышке-те были у них шелковыи,
Купали помёлышке они в водичке они в медовою —
Один калачик ешь, другого хочется;
Ище платье-то цвётно было —
Платья цветного общеншичкам не общенить да месяць целой тут.
Как задумал Дюк да сын Степанович,
Задумал ехать он во город во Киев ко князю ко Владимеру,
Наказует ему маменька родная:
«Ты поедешь, моё чадышко родимое,
Ты поедешь в город в стольной Киев-град
Ты ко славному ко князю ко Владимеру,
Ты не хвастай-ко князю ты Владимеру
Нашим нишшеским да ты именьицем».
Тут поехал да Дюк да сын Степанович,
Он приехал-то во Киев в славной город,
Он вязал коня ко столбу да ко точёному,
Ко колечушку да к золочёному,
Он пошел да во божью церьковь,
Он дороженькой да всё грязною,
Замарал он свое платье да всё цветное.
Он зашел тут да во божью церьковь,
Он поклон-то вел да по-учёному,
Он крест-то клал да по-писаному,
Он кланялся на все четыре стороны,
Он смотрял на платье свое цвётное.
Тут возговорили бояре кособрюхие
Князю-ту Владимеру:
«Он приехал к нам какой-то разбойничек,
Он убил купца-гостя торгового,
Он снял с него да платье цвётное».
Засадили Дюка в тёмну тёмницу,
Тут говорил-то князь Владимер стольно-киевский:
«Уж ты ой еси, молод боярин Дюк да Степанович,
Ишше чем ваша Индия богатая?»
— «Уж ты ой еси, Владимер-князь,
Не нашел я города хуже вашего Киева.
Пока шел я по городу по Киеву,
Я запачкал, замарал да платье цвётное.
Ище в нашой-то во Индии в богатою
Не оммочишь, не опачкаешь ножки негдé-ка тут.

Говорят, што князь Владимер святокиевский
50 Нет богаче-то во свети его, —
Ище я не хвастаю своим нищеским именьицем;
У меня высокий-то дом да на семи верстах,
У кажных-то ворот да по сорок клюшничков,
Ище сорок-то у мня да всё калашничков.
55 У вас у князя-то да у Владимера,
Один калач-то ешь, а другой под стол бросашь,
А у нас-то во Индии в богатою,
У моей-то у ро́дной маменьки,
Один калачик ешь, другого хочется
60 У вас помёлышка да все сосновые,
У нас помёлышка да все шелко́вые,
Вы купаите да в ключево́й воды́,
А у моей да ро́дной маменьки
Купают-то да в медово́й воды.
65 Посылай-ко, князь Владимер стольно-киевский,
Посылай-ко-се да ты общеншичков,
Не описать да не общенить да будет три года́
Ише нашого сиротского именьица».
Тут посылает князь Владимер стольно-киевской,
70 Посылает он общеншичков бога́тырей
Общенивать да Дюково именьице.
А садит Дюка да в тёмну тёмницу,
Заключил его во тюремно заключеньицо.
Поехали они ко Дюку ко Степановичу.
75 Как увидала тут да ро́дна маменька,
Ише молода вдова Амельфа Тимофеевна:
«Уж вы слуги-то мои да слуги верные,
Немалу́, наверно, шуточку нашу́тило
Ише моё да чадо милоё,
80 Ише мо́лод-то Дюк да сын Степанович,
Он нахвастал сиротским нашим именьицем».
Ище встречала их да ро́дна маменька,
Ище молода вдова Амельфа Тимофеевна,
Она встречала их да низко кланялась:
85 «Добро жаловать, красно солнышко Владимер-князь,
Ище на наше-то на вдовье на подворьице».
Они писали, оценяли ровно три года́,
Не могли они да оценить-описать некак,
Тогда говорил князь Владимер стольно-киевский:
90 Не видал-то я да и не слыхивал —
Нет богаче Индии богатою».
Тогда выпускал он Дюка сына Степановича,
Выпускал он из тёмной тёмницы,
Выдавал он в замужесьво любимую племянницу,
95 Ише мо́лоду Забаву дочь Путятисьню
За мо́лода боярина Дюка Степановича.
Ише пиры тогда пошли да всё на ве́сели,
На ве́сели пошли да всё на радости,
Пировали-столовали целой месяц тут.
100 Тогда поехал Дюк да сын Степанович,
Он поехал к ро́дной матушки,

К молодой вдове Амельфе Тимофеевне,
Их стречала да родна маменька,
Она со радосью встречала со великою.

124

БРАТЬИЦА СБРОДОВИЧИ

Во славном во городи во Киеви,
У ласковаго князя у Владимера,
Собрал князь Владимер почесен пир.
Собирал он бояр да князьей,
5 Ишше славных-то могучих-то богатырей.
Приглашал он братьицей Петровичей,
Петровичей-то братьицей, Сбродовицей.
Ише все-то на пиру да напивалисе,
Ише все-то на пиру да приросхвастались.
10 Ише умной-то хвастает родной маменькой,
А разумной-то хвастает молодой сестрой,
Неразумной-то хвастает молодой женой.
Ише князь-то Владимер всё похаживал,
С ноги на ногу манежно переступывал,
15 Золотыма-ти он шпорами набрякивал,
Таковы-то он речи выговаривал:
«Уж вы ой еси, братьица родимые,
Уж вы братьица Петровици-Сбродовици,
Ише што же вы сидите вы не веселы,
20 Вы не веселы сидите, вы не радостны,
Вы повесили да буйны головы?
Разве нечим вам, молодцам, похвастати?
Уж вы силой-то, богатыри, же сильние,
Уж вы храбросью-ту, богатыри, всё храбрые;
25 У вас кони-то богатырьские хорошие,
У вас сабли-то богатырьские очунь вострые».
— «Уж ты ой еси, красно нашо солнышко Владимер-князь,
Мы похвастам тебе, да добры молодцы,
Мы похвастам-то тебе да родной сестрицой,
30 Ешо молодой Настасьей да Петровисьной.
Она сидит у нас во горницах высоких,
За семью-ту замками всё заморскима,
Буйны ветры-ти её да не увеяли,
Красно солнышко её да не упекло лица,
35 Люди добрые её да не усмотрили».
Из-за того ли из ряда да из последнего,
Из-за того ли стола да всё середнего,
Подымался тут могуч богатырь,
Ишше молодой Алешенька Попович млад:
40 «Уж вы гой еси, вы братьица Петровици,
Вы Петровици-братьица, Сбродовици,
Вы пустым-то нетом всё же хвастаете,
Ище к вашой-то да к молодой сестрице,
Ище к молодой к Настасье да Петровишне,
45 Ище езжу-то я да кажну ноченьку».
Ище тут-то братьям за беду стало.

За велику за досаду показалосе.
Они хватали ещо да саблю вострую,
Они хотели зарубить ему да буйну голову.
Тут захватил же саблю вострую
Ище тот ли да могучий богатырь,
Могучий-то богатырь Илья Мурамец:
«Уж вы ой еси вы, братьица Петровичи,
Уж вы не бойтесь стыда да стыда сестрина,
Ище бойтесе стыда да стыда женина».
Говорил-то тут Алеша таковы слова:
«Уж вы ой еси, вы братьица Петровици,
Поезжайте-тко вы среди да ночки тёмною,
Вы бросьте-тко да в раму середнюю,
Тогда узнаете вы да всё увидите».
Тут поехали да братьица Петровици,
[О]ии поехали да к родной сестрици,
Они брали порошки снежку белого,
Бросали ей в окошечка середние.
Тут открывала-то окошко да родна сестрица,
Ещо молода Настасья дочь Петровна-та:
«Уж ты душечка Алешенька Поповиць млад,
Ише что же будто да ты долго не приезжал ко мне,
Еще ествы-ти все да призастынули,
Еще вина-ти заморски призастоялисе».
Тогда пошли братьица Петровици,
Они пошли тогда да к сестрици к родимою,
Ищо брали ей да за белы руки,
Еще садили ей да на добра коня,
Увозили ей далече во чисто поле,
Ей хотели отрубить да буйну голову.
Тут приехал-то Алешенька Поповиць млад,
Тут приехал-то да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сын Иванович,
Тут отняли же Настасью доць Петровисьню.
«Уж вы ой еси, братьица Петровици,
Вы не бойтесь стыду да стыда сестрина,
Вы отдайте-тко ее взамуж за Алешеньку Поповиця.
А уж вы бойтесь-ко стыду да стыду женина,
К одной ездит Пересмякин же племянничек,
Ко второй-то ездил Перемякин-то племянничек».
Они поехали тогда да к своему дому высокому,
Они брали их да за белы руки,
Садили их да на добра коня,
Увозили их да во чисто поле,
Отрубили им да буйны головы.

125

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Поезжает князь да Михайло
Он далече в чистое поле,
Во широкое да в роздолье,
Наказует своей маменьке:

5 «Уж ты маменька да родная,
Восударыня в домй да большая,
Уж ты пой мою да княгину,
Молодую Катерину,
Пой ты медовою да водою,
10 Корми хлебом белым,
Корми мою да княгину
Белым хлебом ты да крупичетым,
Уж ты пой мою да княгину
Ты медовою да водою».
15 Не успел князь Михайло
Он ехать во чистое во поле,
Его маменька да родная,
Восударыня в домй да большая,
Она по три банечки в день да топила,
20 По три веничка да хвостала,
По три камня нажигала,
На белые груди да клала,
Из утробы младенца выжигала,
Она выживала младенца.
25 Она сходила к рыболовам:
«Уж братьице-та родныя,
Уж вы сделайте да колоду,
Чтобы положить да княгину,
Чтоб княгину Катерину,
30 Катерину со младенцем».
Уж и братья рыболовы
Они сделали да колоду,
[О]ни положили да княгину,
Они положили Катерину,
35 Опустили в синее море.
В ту в пору, во то время
Князь Михайло возвращалсе,
Его встречает родная маменька,
Еще маменька да родная,
40 Восударыня в домй да большая.
Говорил же князь да Михайло:
«Здрастуй, здрастуй, моя маменька,
Здрастуй, маменька да родная,
Ише где моя да княгиня?
45 Меня князя не встречает».
— «Ще горда, горда твоя да княгиня,
Ише горда она да спесива,
Она сидит в горницах да высоких,
Во повалышах да глубоких,
50 Она князя Михайла из чиста поля не дожидает».
Тут пошел да князь да Михайло
Он во горници да высоки,
Во повалыши да глубоки —
Ише нету там да княгины,
55 Молодою Катерины.
Говорит он тогда маменьки да родную:

«Уж ты маменька да родная,
Ты скажи мне правду сушшу,
Ты скажи мне, где моя княгиня?
60 Где моя княгиня Катерина?
Ище где моя да княгиня,
Молодая Катерина?»
— «А ушла-ушла твоя да княгиня,
Молодая Катерина,
65 Ко суседу во беседу».
И пошел-то князь да Михайло
Ко суседу во беседу —
Ище нету там да княгины,
Молодою Катерины.
70 Пошел к маменьки он к родною:
«Ты скажи, скажи, моя маменька да родная,
Ише где моя да княгиня?»
— «Я скажу, скажу тебе, князь да Михайло,
Я скажу тебе правду сушшую:
75 Как ушла твоя да княгиня
Во божью церкву богу да молитьсе,
За тебя князя Михайла богу да молитись».
Тут пошел же князь да Михайло,
Он пошел в божью да во церковь —
80 Ише нету там да княгины,
Молодою Катерины.
Он пошел же князь да Михайло,
Он пошел к братьям-рыболовам:
«Уж вы братья-рыболовы,
85 Вы скажите мне-ка правду,
Ише где моя да княгина,
Молодая Катерина?»
— «Мы ведь скажем тебе, князь да Михайло,
Правду сушшу, неутайную;
90 Ише не успел ты, князь да Михайло,
Как уехать в чистое поле,
Твоя маменька да родная
По три банечки на день топила,
По три веничка она хвостала,
95 Из утробы младенца выживала,
Она выжила да младенца,
А мы сделали да колоду,
Опустили в синее море».
— «Уж вы братцы-рыболовы,
100 Вы берите нёводы да шелковы,
Вы ловите-ко да колоду».
Тогда братцы-рыболовы,
Они выловили да колоду,
А Марфиду со младенцом.
105 Тут пошел же князь да Михайло
Он пошел в кузницу да дубову,
Заказал он три ножичка да булатных,
Он же сам себя заколол тогда,
А во ту пору да во то времячко

110 Его маменька да родная,
Восударыня в домй да большая,
Она по бережку да бежала,
Она голосом да кричала:
«Я чего же натворила?
115 Три безвинных души да сгубила:
Перьву душу-ту да княгину,
Што княгину со младенцом,
Третью душу-ту што князя да Михайла».

АННА ВАСИЛЬЕВНА СТРЕЛКОВА

А. В. Стрелкова — в год записи 73-летняя неграмотная вдова рыбака-промышленника Филарета Ефимовича Стрелкова.

А. В. Стрелкова овдовела в 1921 г., а в 1932 г. продала дом, выехала в Мурманск и стала жить там у дочери Феклы. Ежегодно приезжала на родину. У нее было шесть дочерей и два сына. Остались в живых только три дочери, десять внуков, четыре внучки и семь правнуков.

А. В. Стрелкова — старшая сестра сказительницы Парасковьи Васильевны Онуфриевой. В деревне, кроме сестры, никто не знал, что «баба Анна Филаретиха» пропевает старины. В 1938 г., в первую встречу с Э. Г. Бородиной-Морозовой, А. В. Стрелкова хотела, чтобы у нее записали былины, но не осмелилась попросить об этом. Среди сказителей Верхней Золотицы А. В. Марков назвал и Филарета Ефимовича Стрелкова (Марков, стр. 24). Однако А. В. Марков не записал от него ни одной былины, так как ни разу не встретился с ним: в те месяцы, когда собиратель приезжал в Золотицу, Ф. Е. Стрелков уходил в море. По словам же А. В. Стрелковой (и это подтвердила ее дочь, живущая в Верхней Золотице), Филарет Ефимович Стрелков вовсе не пел старин, но знал много сказок и очень любил книги, любил читать вслух про Еруслана Лазаревича и про других богатырей.

А. В. Стрелкова указала на Семена Васильевича Крюкова (мужа Аграфены Матвеевны и отца Марфы Семеновны Крюковых) как на сказителя, от которого она перенимала старины. Другим источником для нее, по ее словам, явились книги Ф. Е. Стрелкова. Однако указания ее на книжный источник производили впечатление своеобразного преклонения перед печатным словом, — видимо, А. В. Стрелкова иногда ссылалась на книги «для пущей важности».

Былины А. В. Стрелкова припоминала с трудом. Сообщила, что «Моряночку», «Князь, княгиня и старицы», «Князь Михайло» прежде пели на «избомытьи». Кроме былин и баллад, от нее записаны духовные стихи: «Алексей человек божий», «Стих о грешной душе» и «Был младой юноша Иосаф-царевич».

126

[ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА]

Ише был-то Илья Муромец.
Как лёжал-то Илья Муромец во гноишши,
И лёжал-то он Илья да ровно тридцать лет,
Не владел-то ведь Илья да не руками, не ногами-то.
5 И настал-то ведь как праздник-от владысьнёй-от.
И ушли-то ёго родители во божью церькву,
И молились-то они да ведь как богу-ту,
И просили-то ему они здоровьица.
И приходит-то к Ильи да нишшой странничок,
10 Попросил-то у его да он ведь милостинки:
«Уж ты ой еси, да ведь ты Муромець,
Уж ты стань-ко-се поди да ты со гноишши,
Ише стань-ко-се, Илья, да на резвы ноги

И подай-ко-се мне милостинку для праздника».
15 Отвецяет-то ему да ведь Илья Муромець:
«Уж ты ой еси, нишша братия,
Не могу-то я ведь стать да как со гноишши,
И не носят-то у мня да ножки резвыя,
И не служат-то мои да руки белыя».
20 Как сказал-то Ильи да нишша братия во второй након:
«Попытайсе-ко-се ты, да Илья Муромец,
Уж ты стань-ко-се пройди да по полам белым.
Ише стань-ко, наш Илья, да на резвы ноги».
И пошел-то наш Илья да по белым полам,
25 И берет-то он ведь милостинку-ту спасённую,
Подал-то он нишшой братии.
Ишшо тут-то ему нишшой низко кланялсе.
И приходят-то его чесны родители.
И сидит-то ведь Илья да под окошечком.
30 Ише тут-то они да срадовалисе,
Обнимали-то они да своего сына,
Прижимали-то его да ко белым грудям,
Цёловали во уста да во сахарные.
А со радости они да со великою
35 Собирали-то они да ведь почесён пир,
Зазывали-то ведь всех они своих родных
И поили-то их винами заморскима,
А кормили ведь кушаньем сахарными.

127

КАК КНЯЗЬ ВЛАДИМЕР ЖЕНИЛСЕ

Ише был князь Владимер стольно-киевский,
А задумал князь Владимер да он женитисе,
Собирал-то князь Владимер ведь почесен пир,
Созывал-то всех князей да со княгинами,
5 Ише всех королей да со королевами,
Ише славных-то руських могучих богатырей.
Собирал-то он ведь всю да нишшу братию,
Садил-то их да как их всех за стол:
«Уж вы ешьте-тко, гости, пейте, кушайте,
10 Ше бёлу-ту лебёдушку уж вы рушайте!»
Он поил-то их винами заморскима,
А кормил-то их ведь кушаньём сахарным-то:
«Ише пейте, ешьте, гости, веселитисе,
Ише найдите мне невесту заручебную,
15 Привезите мне-ка сужоную-ти, ряжоную,
Чтобы умна-та была она, разумная,
И тиха-та была да она смирная,
Штобы росту-ту была она не малого,
А лицё-то бы ей бёло, как снегу белого,
20 Шшочки-ти у ей как алы цветики,
Ише брови-ти у ей как у чёрна соболя,
А глаза-ти, розвесёлы-ти глаза, как у ясного
сокола,

А руса-та коса ведь коса штобы до пояса,
И походочка у ей штобы павиная,
25 А тиха-та была речь да лебединая,
Вот штобы было вам кого да княгиной звать».
Ише все-то ведь гости призадумались,
И повесили они да буйны головы.
Наливает князь Владимер им ведь чарочку зелена́ вина
30 И подносит-то ведь им да во второй након.
Ише вси-ти на пиру да наедалисе
И допьяна́ вина да напивалисе

(Ише пьяны, тут у них пойдет — розговору найдетсе).

Ише вси-ти на пиру да приросхвастались:
Ише умной-от ведь хвастат родным батюшком,
35 А разумной-от ведь хвастат родной матушкой,
А богатой сидит хвастат золотой казной,
А богатыри-ти хвастают своей силушкой,
А глупой сидит хвастат молодой жоной,
А неразумной-от ведь хвастат молодой сестрой

(В книжках всё было, вот читали всё робяты, а я ведь слушала).

40 А Дунай-от Иванович не пьёт и не ест,
Не пьёт и не ест и он не кушаёт,
Ише беленькой лебёдушки ведь он не рушаёт,
И повесил-то сидит да буйну голову.
И подходит князь Владимер во третей након,
45 Наливаёт-то он вина́ всё заморьского,
Подаваёт-то Дунающку-то во второй након:
«Уж ты ой еси, мой брателко двоюродной,
Двоюродной ты брателко, крестовой-от,
Што ты сидишь да призадумалсе,
50 И пошто да ты сидишь да запечалилсе
И повесил-то ведь ты да буйну голову?
И скажи-тко-се ты мне-ка, ведь названой брат,
А не знашь ли мне да где-ка су́жона?»
Ишо ставал-то ведь Дунаюшко на резвы ноги:
55 «Уж ты ой еси, мой брателко двоюродной,
Ты двоюродной мой брателко, крестовой-от,
Уж ты славной-от ведь князь да славнокиевской,
Уж я знаю, где-ка есь да твоя су́жона,
Уж и су́жона тебе да она ря́жена.
60 И невеста-та твоя да заручебная.
Как у того же короля да у Задоньского
Ише есь-то у его да две-то доченьки,
И премилы его доченьки любимые.
И перьва та Настасия-королевисьня —
65 Полениця-та она да преудалая,
Ише ездит-то она да на добро́м кони
И стреляёт-то она да птицу-ту перластую
А втора-та ёго доченька любимая
И прекрасна Апраксея-королевисьня.
70 Ише росту-ту она да ведь не малого.

А как умна-та всё разумная,
Ише тиха-та она да ведь смирная,
А лицё-то ведь ей как снежку белого,
А как шшочки-ти у ей да ишше алые,
И брови-ти у ей да ведь как у чёрна сокола,
А руса-та ведь коса у ей до пояса.
И походочка у ей да всё павиная,
А тиха-та у ей рець дак лебединая,
Ишше будёт нам кого княгиной назвать.
И засватана она да за проклятого чудишша за Идолишша,
И проклято-то чудишшо о трех головах.

(*Нынче дивуют, а прежде всё силой брали! У князей воровали, а то ишше у королей воровали*).

А сидит она у его в высоком тереми,

(*Он ей посадил и замкнул невесту, посадил на семой этаж. Только сам ходил и отмыкал, штобы никто не мог касатьсе*),

На семом-то она этажу да на высоком-то,
За семью-то дверями за дубовыми,
Замкнута замками-ти булатныма.
И стоит-то ведь у дверей семь сторожов.
Ише шьёт она шириночку красным золотом,
И росшивает-то ей да шитым серебром
А проклятому чудишшу всё Идолишшу».

(*Всё ему в подарок!*).

Проглаголил-то ведь князь да как Владимер-свет:
«Уж ты ой еси-то, Дунаюшко Иванович,
Ты двоюродной мой брателко названой-от,
Уж ты съезди-ко в царсво всё во Задонскоё
И к тому ли королю да ко Задонскому,
Привези-тко Апраксею-королевисьню».

(*Похвастал — вот и поезжай!*)

И выходит-то наш Дунаюшко Иванович
Из-за тех-то он столов да всё убраных-то
И пошел-то наш Дунай да на конюшен двор,

(*Сейчас в отправку да и марш!*)

Выбирает он себе да лошадь добрую,
И молоденьку лошадку не езжалую,
Надеваёт ей уздечеську да тесмянную,
Накладываёт ей седелышко черкальское,
И садитсе-то Дунай да на добра коня.
И поехал наш Дунай да во чисто полё.
И несется его конь да лошадь добрая
Ише выше-то ведь лесу он стоячего
И ниже-то облака ходячёго.
Сутки-ти ведь едёт и други едёт,
И проехал-то ведь он да много времени,
Приезжаёт-то во царствиё Задонскоё

(*Уж не в нашом мести, конечно*).

Приезжает-то Дунай да к воротам да ко широким-то
И всех-то сторожов да он ногами стоптал,

(Этих семь сторожов!)

А и семь-то он замков да все он рукой сорвал,
А и семь-то он дверей и он ногой стоптал,
И заходит-то ведь он да в светлу свéтлицю,
И в высоку-ту он к ей да в нову горницу,

(На седьмой етаж да он забралсе к ней. Далёко!)

И здоровалсе-то он с прекрасной Апраксией-королевисьнёй:
«Ты здрастуй-ко, Дунаюшко Иванович».

(Он, вишь, лакеем у них жил, он им кушанье подавал, вот, вишь, она его знат).

—«Уж ты здрастуй, Апраксея-королевисьня!
Я пришел-то ведь к тебе да не в гостях гостить,
А приехал-то к тебе да сватом и свататьсе
Как за славного-то князя за Владимера,
За Владимера-то ведь да славна киевского».

(Надо-то петь поскладнее, а всё не выходит).

Говорила-то ему Апраксея-королевисьня:
«Уж ты ой еси, Дунай свет Иванович,
Не могу-то я итти да во замужесьво,
Меня засватал-то ведь батюшко за проклятого чудишша
за Идолишша,
И проклято-то чудишшо ведь о трех главах.
Как поедём мы с тобой да по цисту полю,
Не уехать-то нам будёт в славной Киев-град,
Нам ведь встретится чудишшо-то Идолишшо
И ссекёт-то у тебя да буйну голову».

(Вот она ему и говорит: ну, на эдакого дядю наедешь, так проехать надоть!).

Отвечает ей Дунаюшко Иванович:
«Не страшись-ко, Апраксея-королеёвна,
Попытаюсь-то я с чудишшой-то с Идолишшом,
Я ссеку-то у его да буйну голову».
Поскорёхоньку она да ведь снаряжаласе,
А круто-то она да собираласе

(Не порато-то спрашивалась у тетки да у мамки. Вот всё тепере дивуют, а прежде тоже таки люди были, по семи жон имели!),

А выходят-то они из светлой свéтлицы,
Из высокой-го своей да новой горницы,
Садятся-то они да на добра коня,
Вот и едут-то они да по чисту полю,
Постречалась-то им стретушка не маленька —
Проклятоё чудишшо всё Идолишшо.
Ише как-то Дунаюшко Иванович не струсил-то,
Ише как-то у его ссек да буйну голову

(А Идолишшо у его не мог: Дунаюшко поспешил поскорее, попереди),

Ише пал-то ведь чудишшо на сыру землю.
Ише мать-та земля да потрясаласе.
Зеревел-то чудишшо по-звериному,
150 Засвистел-то ведь Идолишшо по-соловьиному

(Ише только одну голову отсек — большую, а на плечах не отсек тих маленьких головушек):

«Уж ты ой еси, Дунаюшко Иванович,
Не ссеки-то се у мня да вси-то три главы».
Как оставил-то Дунай, россердилсе на чудишша на Идолишша,
И оставил-то его да на сырой земли.
155 И поехали они да по цисту полю,
Ише ехали они да много времени,
(Не близко тутотки!)
Приезжают-то ведь они да в славной Киев-град.
И завидел-то ведь их да князь Владимер-свет,
И выходит-то ведь он да на широкой двор,
160 И стрецяёт-то ведь он да дорогих гостей,
И сымает-то Апраксенью-королевисьню со добра коня
И целует ей в уста да во сахарные,
И берет-то он ведь ей за праву рученьку,
И ведет-то он ведь ей да в свéтлу свéтлицю
165 И в высоки-ти да новы горници,
(Ише князь был, да не худы-ти избёнка были!)
Он садит ей за столы да за убраные,
На диваны-ти ведь ей да красна дерева,
На подушечки-ти ей да ала бархату,
Ише поит-то он ей винами заморскима,
170 Ише кушаньями кормит ей сахарныма.
«Уж ты ой еси, Апраксея-королевисьня,
Я жалаю тибя взять себе в замужесьво,
Ты поди-тко за меня да во супружесьво,
Мы поедем-ко с тобой да во божью церковь,
175 Окрестись-ко се ты в веру православную

(Не руська была! А Киев-то был руськой. А она была других землей),

А примем-ко-се да мы закон-от божий».
И пришли-то ведь они да в светлы свéтлицы
И в высоки-ти свои да новы горницы.
Собираёт князь Владимер тут почесён пир,
180 Зазываёт-то князьей да со княгинами,
Ише всех-то королей да с королевами,
Славных-то могучих он богатырей,
Собираёт-то ведь он да нишшу братию,
И садит-то он ведь их да как их всех за стол
185 И поит-то их ведь винами заморскима,
А кормит-то их кушаньём сахарным-то.
Ише вси-ти на пиру да наедалисе
И допьяна вина да напивалисе.
Ише вси-то на пиру да приросхвастались,
190 А Дунаюшко-то хвастаёт побольше всех:
«Уж я жил у короля да у Задоньского,

А в лакеях-то я был у еговых доченёк.
Я носил-то ведь им кушанья сахарные,
Целовал я Настасию-королевисьню,

(Похвастал — вишь!)

195 Поленниця-та она да преудалая,
Как поеду-то ведь я к королю да ко Задонскому,
Привезу-то Настасию-королеёвну».
И выходит наш Дунай из-за столов да из-за дубовых,
И пошел-то наш Дунай да на широкой двор,
200 Ише выбрал он себе да лошадь добрую,
И садится вот Дунай да на добра коня,
И поехал-то ведь он да во цисто полё.
Ише ехал-то ведь он да много времени,
Приезжает к королю да ко Задоньскому,
205 И стречает его Настасия-королеёвна:
«Ише здрастуй-то, Дунай да как Ивановиць!»
— «Уж ты здрастуй, Анастасия-королеёвна!
Я приехал-то к тебе да сватом свататьсе,
Я желаю тибя взять да во супружесьво».
210 Согласилась Настасия-королеёвна,
Порешилась-то итти к ему в замужесьво.
Вот выходят-то они да на широкой двор,
А садились-то они да на добра коня,
И поехали они да в славной Киёв-град.
215 Ише ехали они да много времецька.
Приезжают-то они да в славной Киев-град,
И заходят-то они да в светлы светлици,
Во высоки-ти свои да новы горници.
Собират-то ведь Дунай да как почесён пир,
220 Зазыват-то ведь всех князей да со княгинами,
Ише всех-то королей да с королевами,
Ише всех-то он могучих всех богатырей,
Ише всю-то он зовёт да нишшу братию,
Садит-то он ведь их да как уж всех за стол,
225 И поит-то он их винами заморскима,
Ише кормит-то он их кушаньём сахарным-то:
«Уж вы пейте-ко-се, гости, вы ведь кушайте,
Ише беленьку лебёдушку вы рушайте».
Ише все-то на пиру да наедалисе,
230 Все допьяна вина да напивалисе,
Ише все-то на пиру да приросхвастались.
А прекрасна Настасия-королеёвна,
И похвастала она да ведь сама собой:
«Уж вы вой еси, гости все долгожданыя,
235 Вы снесите-тко колечушко во цисто полё

(А за столько метров она велела отнести? Я забыла)

Понесите-тко за вёрсту большемерную,
Перестрелю я колечушко по серёдушки,
Ише будут половиночки обе равные,
Некотора-то не больше и не менее»

(Обе парны)

240 Ише вышли-то они да на широкой двор,
И пошли-то ведь они да во цисто полё,
Относили-то колечко за версту большемёрную,
Перестрелила она Настатья-королевисьня,
Ише стрелила она да во серёдочки
245 Ише на две-то у его да половиночки —
Некотора и не больше и не менее.
Ише это-то Дунаюшку не пондравилось,
Ише ссек у своей княгинушки буйну голову.

128

[ОТРЫВОК ИЗ БЫЛИНЫ]

А как приехал князь Владимер в стольней Киев-град
Ишше всё-то ведь во Киеви не по-старому,
Не по-старому у них, не по-прежному,
И закрыты у них храмы божьи да заменёныя,
5 Все попы-отцы духовные повыведены,
Не слыхать-то звону церьковного,
Ише стал спрашивать да Владимер-князь:
«Да почему-то у вас нет звону колокольного?
Ише почему-то у вас нет, не слыхать петья-четья церьковного?
10 Ише почему у вас не ходит нишша братия?
Ише почему не прославлят-то имени христового?»
Отвечает ему матушка родимая:
«Ише как во нашом-то городи во Киеви
У нас всё-то теперь да изменилосе,
15 Изменили веру православную».

129

ПРО ЕРУСЛАНА ЛАЗАРЕВИЧА

Как во славном было городи Вахрамеёськом
Ише был-то и жил младой юноша,
Ише славной-от руськой-от могучой богатырь.
И подрос-то Еруслан да до младых он лет,
5 Ише стал-то он просить да лошадь добренькую:
«Уж вы ой еси, мои родители чесны,
Ише вы дайте-тко мне да лошадь добренькую,
И молоденьку-ту лошадочку неезжалую,
Я поеду-то ведь тут, куда глаза мои глядят,
10 Я пойду-то тогда, куда-то ноги понесут».
И пошел-то Еруслан да на конюшен-то двор,
Ише выбрал он лошадочку неезжалую,
Надеваёт-то уздецьку да он церкальнюю,
Накладаёт-то уздецьку да он церкальнюю,
15 Накладаёт-то седёлышко тесмянноё,
И садилсе Еруслан да на добра-то он коня,
И распрошшалсе он, Еруслан-то, да с родным-то батюшком,

Ише-то ведь простилсе да с родной маменькой,
И отправилсе-то он да в путь-ту дорожечку.
20 И проехал-то он ведь он да много месяцёв,
И доехал он до царьсва Вахрамеёського.
Постречалсе ему царь да Вахрамеёв-то,
Ише постречалисе они на поединочку,
Ише съехались они да как конь с конем,
25 Повернули они сабли тупыми-ти концами,
И ударили они да как один одному в грудь.
Ише пал-то Еруслан да со добра-то он коня,
И соходит Вахрамей да со добра-та коня,
И поднял-то он Еруслана да со сырой-то он земли,
30 Ише тут-то они да как побратались,
И побратались они да покрестовались:
«Ты прекрасной Еруслан да уж ты Лазаревич,
Уж ты будь мне завсегда да ты ведь и младшей брат
И поедём-ко ко мне да как во царьсвие моё,
35 И во славно-то царьсво Вахрамеёськоё».
И уехали они да в ето царьствие.
А напала-та на них да сила страшная,
Ише страшна-то силушка великая.
И садилсе Еруслан да на добра-то он коня,
40 Победил-то ету силушку великую.
И тогда-то он Вахрамею да всё пондравилсе,
И была-то у его да одна-та доченька,
А премила ёго доченька любимая,
А прекрасна Василиска Вахрамеёвна.
45 «И желаёт тебя взять она в супружесьво,
И пойдет-то ведь она да во замужесьво».
И началось у них тогды да пированьицо.
И садились-то они за убраные столы,
Собирали-то они да ведь почестён пир.
50 Ише кушали-то кушаньё сахарноё,
Они пили-то вина загранишные.
И поставил Еруслана-та на царствиё,
Утвердил-то он его да как царем за себя.
И опять-то нападаёт да на них силушка больша,
55 И велика-та ведь силушка немалая.
Как садилсе Еруслан-то да на добра опять коня,
И поехал-то ведь он да в цисто-то полё,
Ише ездил-то ведь там да он три годика.
Он приехал-то во город-от незнамой-от,
60 И попал-то он ведь там ведь в плен,
Он прельстилсе на королевну на молоденькую,
Ише тут-то они поженилисе.

(*Ише я забыла: когда он поехал, то Василиска Вахрамеёвна осталась беременна, он ей надел перстень и сказал: «Когда кто у тебя народитсе, ему и перстень отдай»*).

Ише стал тут да обживатьце-то,
Ише прожил-то он там да много годиков.
65 И во ту-то ведь во пору, во то-то времечко
А прекрасная Василиста Вахрамеёвна

И родила-то ему да ведь себе сына
А ведь славного-то Лазаря и сильнёго,
Ише руського могучого богатыря.
70 Ще тут ёго она возростила,
Научила-то его да высшой грамоты,
Шше стал у ей сынок да десяти годов,
Ишше стал-то он ходить да за охотушкой,
Ишше стал-то он ездить да на добром коний,
75 Ишше очунь-то ему да ведь пондравилось.
Говорил-то он да своей маменьки родной:
«Уж ты ой еси, ты матушка родимая,
Ты прекрасна Василиска Вахрамеёвна,
Отпусти-тко-се меня да во чисто полё,
80 Уж ты дай-то мне слободушку прогулятьсе-то,
Я поеду-то во полюшко искать батюшка;
Испеки-тко мне, маменька, подорожницьков».
Тут заплакала-то матушка родимая
И прекрасна Василиста Вахрамеёвна,
85 Говорила-то она да своему сынку:
«Уж ты ой еси, мое да чадо милоё,
Ише милой ты мой сын да как любимой-то,
А по имени ты Лазарь Ерусланович,
Уж ты млад и молода ишше юноша,
90 Ише где тебе взять своёго батюшка?
Он уехал-то за моря да как за синия,
А во чужи-ти он ведь города всё неверныя».
И просил-то ведь её да младой юноша:
«Отпусти ты меня, маменька, не задярживай!
95 Уж ты дай-ко-се-ка мне да как добра коня,
А добра-та ведь коня да как мне старого,
Ише есть-то в погребе да как во тёмном-то,
И стоит-то там конь да лошадь добрая,
И родного моего дедушка ише Лазаря.
100 Я возьму-то тогда себе добра коня,
Я поеду-то на ём да во цисто полё,
Я поеду там во земли всё неверныя,
Я уеду в города да в чужестранные
И розыщу-то, быват, там да родного батюшка».
105 Ише стала-то ведь егова да родна матушка —
Ише тяжко-то у ей было роспрошшаньицо,
Очунь горько было с им да росставаньице,
Тут заплакала она да слёзьми горькима,
Тут дала она ему да как злачон перстень,
110 И надела-то ему на праву ручушку:
«Уж ты ой еси, чадо моё милоё,
Вот оставил-то тебе перстень родной батюшка,
И побросил-то он нас да ведь покинул-то,
И уехал-то от нас да во чужу землю да всё неверную».
115 Тут садилсе Лазарь да на добра коня,
Он на старого коня да на седатого.
Вот поехал-то ведь он да во цисто полё,
Ише ездил-то там да много годиков,

Приезжаёт-то ведь он в землю неверную.
120 И напала на ёго сила великая,
Он всю-ту ефту силушку конем стоптал.
И постречалась ёму стретушка не малая,
И не мала-то ведь стретушка, великая, —
Постречалсе Еруслан да ише Лазаревич,
125 Ёго кровной-то батюшка родимой-от.
Ише конь-то с конем да как съехались;
Они били-то в грудь да как тупым коньцом,
И упал наш ведь младой юноша на сыру землю,
Соходил-то Еруслан да со добра коня,
130 Поднимал-то с земли младого юношу,
Увидал-то на пальцю да имянной перстень,
Имянной-то перестень дак обручальнёй-от,
Забираёт-то его да во свои руки,

(Сына-то ведь и поднял!)

Прижимает-то его да ко белым грудям
135 И целует-то его в уста сахарныя:
«Уж ты мило моё чадо всё возлюбленно,
Уж ты есь-то ведь мне да как родной сын,
И поедём-ко-се мы в своё во царствиё,
Как во славно-то царьсво Вахрамеёсько
140 И к прекрасной Василиске Вахрамеёвне».
И вот ехали они да много годиков
И приехали во царьсво Вахрамеёсько

(*Бросил-ту жену молодую, поехал ко той ко старенькой*).

Подъезжают-то они да к широку двору.
Увидала-то прекрасна Василиста Вахремеёвна,
145 Она с радости бежала на широкой двор
И бросалась к Еруслану на белу шею,
Цёловала-то его в уста сахарные:
«Уж ты здрастуй, Еруслан ты ведь Лазаревич!»
— «Уж ты здрастуй-то, прекрасна Василиска
Вахрамеёвна!»
150 — «Уж ты вой еси, Еруслан да как ведь Лазаревич,
Вы ведь бросили-то нас да как покинули,
Уж я много из оцей да как и слёз-то пролила,
Того больше я бессонных-то ночей да провела».

130

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Ише было-то князь Михайло славнозванный-от,
Ише брал-то он себе княгинушку молоденькую,
Ише брал себе княгину Катерину-ту.
Ёго маменька родима не любила ей.
5 Уезжаёт князь Михайло-то во Нов-город,
И воставил-то свою княгинушку молоденьку.
Ёго маменька родима по три бани-то на день топила-то,
Нажигала она прутья-ти железныя,

Заводила-то княгину Катерину-ту
10 И в парну-ту она да ведь как банёчку,
Как сымала-то ведь с ей да цвéтно платьицо,
Ише по три-то прута пристёгала-то,
Пристёгала-то у ей три прутышка железныя,
Умертвила-то ей младеня во утробы-то.

(*Тут она ише ей как-то посадила в бочку да во синё морё спустила, да не помню*).

15 Во-вторых она подумала:
«Унесёт эту колоду
Как морскима-ти волнами
Во другие во моря-ти,
Во другие города-ти».
20 Óна думала княгина,
Што некто же не узнает,
Где погинула княгина,
Молода жена Катерина.

(С этого места Анна Васильевна Стрелкова перестала петь, а окончила старину Марфа Семёновна Крюкова).

Князь не узнаёт,
25 Што ведь где же,
Как погибла его княгина.
Княгина старая сказала,
Мез собою переговорила:
«Князь приедет, я скажу-то,
30 Как погибла твоя княгина:
В цвéтно платьё приоделась,
Как ушла твоя княгина
На гуляньё, не вернулась.
Она тебе, князь, изменила,
35 Как другого полюбила.
Он ведь был же гось приезжой,
Из-за морей же он приехал,
Он проехал в свои страны,
Он с собой-то ей увез же.
40 Не вернётсе твоя княгина.
Не жалей же, князь, княгины,
Она была изменшшица,
[О]на тебя бы погубила,
Млада князя погубила,
45 Ты найдешь себе княгину
Молодую, удалую,
Лучше первого княгинушку, —
Будет верная до гробу.
Заодно с тобою будет
50 Она думушку-ту думать,
С тобой мыслици-ти мыслить.
Жить-то, князь, будёт вместях же,
По делам-то вести будёт,
Некака тебе не будет тут измена».

(*Ну, и будет, конець уж есть*).

131

[КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ И СТАРИЦЫ]

Ише жил-то князь Ондрей да девяноста лет,
Он ведь брал себе княгинушку девяти годов.
Поезжает князь Ондрей да он во Нов-город,
Оставляет свою княгинушку да девяти годов.
5 И пришло-то ко княгинушки три старици,
И три старици старых, престарелыя.
«Уж вы здраствуйте, три старицы, три старые».
— «Уж ты здрастуй-ко, княгинушка девяти годов».
— «Не видали ли Ондреюшка девяноста лет?»
10 — «Мы не видали князя девяноста лет».
Напоила их княгинушка, накормила,
Ише спать-то их ведь старьцов увалила-то.
Вот поутру они ранёхонько ставали-то,
Отправлялись-то они да в путь, в дороженьку.
15 «Ты прошай-ко-се, княгинушка девяти годов».
— «Вы прошшайте-гко, три старици, три старыя;
Как увидите Ондреюшка девяноста лет,
Вы скажите-тко ему да всё большой поклон».
И постречалась-то им стретушка не малая,
20 Ише стретился Ондрей да девяноста лет:
«Уж вы драстуйте, три старици, три старые!
И не видали ли княгинушки девяти годов?»
Отвецяли ёму старьци-та три старые:
«Уж мы были у тебя да в светлых свéтлицях,
25 И видели мы княгинку девяти годов, —
И пропилась твоя княгинушка, промоталасе,
И пропила с себя княгинушка свéтло платьицо
И без верхницька ходит, в одной рубашечки,
И без башмáчков-то ходит, в одных чулочках-то,
30 И без платоцика-то ходит, в одном кокошницьки.
Круг анбариков дорожки приутóрены.
В перьву горницу зайдешь, так у ей пир собрáн,
В другу горницу зайдешь, так у ей гостей полно,
В третью горницу зайдешь, у ей гуляньицо,
35 Да развесёло там у ей да всё собраньицо».
— «Вы прошшайте, три старици, три старые,
Вам спасибо-то ведь, стáрьци, на добрых вестях».
— «И прошшайте-ко-се, Ондрей да девяноста лет.
Как приедёшь ты, Ондрей, да к широку двору,
40 И стретит тебя княгинушка девяти годов
И без вéрхницька-та стретит, в одной рубашочки,
И без башмачиков-то стретит, в одных чулочиках,
Без платоцька она стретит, в одном кокошницьки,
Ты ссеки-ко-се у ей да буйну голову».
45 Ише едёт князь Ондрей да по чисту полю,
Подъезжаёт-то ведь князь к широку двору,
Увидала-то княгинушка из окошечка,
Ише тут наша княгинушка зрадоваласе,
Выбегаёт-то княгинушка на широкой двор

50 И стречаёт-то князя всё Ондреюшка,
И без верьхницька-та стретила, в одной рубашочки,
И без башмацьков-то стречат, в одных чулочиках,
И бросаетсе ему да на белу шею,
И целуёт-то ёго в уста сахарные:
55 «Уж ты здрастуй-ко, Ондрей да девяноста лет!»
Вынимаёт князь Ондрей да саблю вострую
Ише ссек-то у княгинушки да буйну голову.

(*Вот какй старьци были богомольци!*)

И входит князь да в светлы свётлици,
Во высоки-ти да новы горницы,
60 В перьву горьницу зашел, пяла веснут.
Она [с]колько-то не шила, [с]только плакала,
В другу горьницу — у ей свешши горят,
[С]колько богу не молилась, [с]только плакала.
В третью горницу зашел — лампады теплятсе,
65 Круг анбариков дорожки не уторёны,
Досельни ёго хлебушки не скормлёны,
Вси лежашши его денежки не издёржаны.
Пошел-то наш Ондрей да на конюшин двор,
И садилсе-то Ондрей да на добра коня,
70 И поехал-то Ондреюшко во погонюшку
По чистому-то полю по широкому.
Перьву старицю состыг, дак он конем стоптал,
Другу старицю состыг, дак он жезлом сколол,
А третья-та стариця змолиласе тут:
75 «Ты прости меня, Ондрей да девяноста лет,
Ты прости меня в вины да виноватою,
Мы соврали на княгинушку девяти годов».
Как садились-то они на добра коня
И приехали они к широку двору.
80 Исцелял-то он княгинушку девяти годов.
Доставал-то он её да тело белоё.
(*Будто и оживил как ведь этот Кащей бессмертный!*)

132

ПРО МОРЯНОЧКУ

Как во славном было городи во Киеви,
Была-то там жила дак молодая вдова.
И у той-то вдовы да было девять сынов,
А десята была дочка красная девушка,
5 Ише братьица сестру да всё лелеяли.
Родну маменьку свою они спокинули,
И спокинули, побросили, в разбой сами ушли.
После братьей да мать возростила дочку свою,
И возростила её да замуж выдала
10 За того ли купця-гостя морянина;
И повез свою моряночку за синё-то морё,
За синё-то морё да во своё-то село.
Они год-от там живут, мало другой живут,

Они прижили себе да малого детишша.
15 Да хотела-то моряночка в гости к матушки,
А морянин-от моряночку скоро-то слушаёт,
И пошел-то наш морянин на конюшин двор,
Ише выбрал он коня да лошадь-ту добренькую
И молоденьку лошадку-ту неезжалую.
20 И садились-то они на добра́-то коня,
А как малого дитя они с собой брали.
Они день-от там едут, мало́ другой едут, —
Пристыгаёт-то морянина ноченька тёмная,
Ише долга-та ноченька осённая.
25 Привязали-то добра коня ко березочки белой
И роздёрнули шатер тонкой полотьненой,
Насыпали пшеници да белояровой.
Ише сами-то с моряночкой они спать легли,
Мала́ детишша себе да во серёдочки брали.
30 А морянин-от со детишшом крепко-то заспали,
А моряночка не спит да и думушку думаёт.
И не шум-от там шумит, мало́ не гром гремит —
И приехало-то к им девять разбойников,
Они ссекли у морянина буйну-ту голову,
35 Мала детишша они да пополам рвали,
А моряноцьку молоденьку с собой взяли.
Тут заплакала моряночка молоденькая.
Они стали-то моряночку расспрашивать:
«Ты какого-то отца? Да чьей ты матушки?
40 И какого-то ты города уездного?»
— «Уж я во славном была городи во Киеви,
Там жила-то ведь была да молода-та вдова,
А у той-то у вдовы да было девять-то сынов,
А десята была дочь я, красна девушка,
45 И нас братьица родны да всех спокинули,
И покинули, побросили, в разбой ушли.
После ефтих, после братьей меня мать возростила,
И споила-то, скормила да замуж выдала меня
За того ли меня гостя морянина.
50 Мы уехали с морянином за синие моря,
И увез меня моряночку в свое-то он село.
Уж мы год-от с ним жили, мало́ другой жили,
А прижили себе дак малого детишша.
И повез меня морянин-от в гости-то
55 К матушки ко своей в гости-ти».
Тут заплакали-то братьица родимые мои:
«Уж ты вой еси, моряночка молоденькая,
Ише ты ведь нам сестричушка родименькая,
Мы убили-то ведь зятелка любимого
60 А погубили мы племянничка родимого».
Привезли они моряночку ко маменьки,
Ише стали-то они да тут со матушкой своей
Во славном-то ведь городи во Киеви.

(*Тут и поселились. Тим и кончилось*).

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА СУББОТИНА

Е. В. Субботиной в год записи былин было 59 лет. Родилась она в Верхней Зимней Золотице. Была замужем за рыбаком-промышленником из Нижней Зимней Золотицы. Муж ее, Федор Васильевич Субботин, был родным братом сказительницы Парасковьи Васильевны Онуфриевой и Анны Васильевны Стрелковой. Грамоте Е. В. Субботина обучена не была.

В начале тридцатых годов Елизавета Васильевна уехала из Золотицы, жила после смерти мужа у детей то в Мурманске, то в Архангельске, то у замужней дочери в Сибири, но почти каждое лето приезжала на родину в Золотицу.

В 1943—1944 гг., когда производилась от нее запись, былины помнила плохо, говорила: «Кабы я часто пела, голос бы направился, так бы приловчился...», «а когда в Архангельске пропевала старушкам (на кухне, в коммунальной квартире), мне говорили: «Ты поди в компанью к Марфе Семеновне».

Е. В. Субботина, по ее словам, перенимала старины от «деда Почошкина» (Ф. Т. Пономарева) и свекра Василия Ефимовича Субботина: «У него Марков не записывал — наши этим не интересовались и в мир своих слов не выпускали». Спев про женитьбу князя Владимира, Е. В. Субботина сказала: «Уж забыла, от кого и слыхала. Пел Почошкин на страды, пели и другие, вот оно всё и скатывалось». Любила Е. В. Субботина послушать и сказителей Крюковых: «Я и похаживала, бывало, к ним... А дедушко Гаврило Крюков пел для себя. Когда что делат, сидит и поет. Тогды люди в старо время этим заняты были, а теперь патефоны и грамофоны — други веселья пошли. А прежны люди были тёмны и старины знали, а теперь за этим не гонятся, некому и старины скласть».

133

ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЧА

[БОЙ ДОБРЫНИ С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ]

Раньше-то Рязань да слободой была,
А нонче-то Рязань слывёт целым городом.
В том городи было Рязани
Жил старой козак Микитушка Микулич млад.
А Микиты-то сроду было шестьдесят лет, —
А снарядов-то снёс шестьдесят,[1]
А срывочных-то, срывочных числа-смёту нет.
Микита стал пре старости,
А Микулич млад преставилсе.
Оставалась у Микиты велика семья,
Велика семья да молода жена,
Оставалсе сын-от ясной сокол,
Ясной сокол Добрынюшка Микитич млад.
Был пяти годов, стал шести,
Выучился Добрынюшка вострой грамоты,
Запоезживал Добрынюшка во чисто полё,
Стал он палицю-ту бросать по поднебесью,
Стрелочку-то стрелкал он под облака.
Проходила про Добрынюшку вес[т]ь до Киева,
От Киева прошла до Чернигова,
От Чернигова прошла до Мурова,
Проходила-то вес[т]ь до старого козака до Ильи Муровца:
«Некой-то богатырь — поеду узнаю,
На леву долонь я посажу, правой прихлопну,
Только сок пойдет!»

[1] Примечание сказительницы: «Снарядов — ударов больших»

Приезжал в тот город во Рязань
А ко бедному вдовьему домишшочку,
Он крычал своим да громким голосом:
«Где Добрынюшка Микитич млад?»
30 Тут выходила Амельфа Тимофеевна
На ветробуесто крылечушко,
Она била челом да слёзно плакалась:
«Уж ты здрастуй, старой козак да Илья Муровицы!»
— «Уж ты как меня знашь, именём называшь?»
35 — «Уж я как то не знаю, а земля слыхом полнитсе».
— «Ты скажи-ко, где Добрынюшка Микитич млад?»
— «У мня Добрынюшка уехал да на Дунай-реку
Он стрелять-то, палить да белых утицей.
Может быть постречашь Добрыню-ту Микитича —
40 Ты моги-ко Добрыню помиловать,
Ты Добрынюшку помиловать.
Не моги-ко у Добрынюшки головы сказнить».
Тут не конь-то бежал, курева-то одна осталасе,
Уехал старой козак Илья Муровець.
45 Уезжал старой козак во чисто полё,
Увидал он вот далече во чистом поли́,
Как Добрынюшка ездит по чисту полю:
Он палицю-ту бросат по поднебесью,
Стрелочку-ту стрелкат он под облака.
50 Тут съехались богатыри могучие,
Как ударились, в сёдлах пошаталисе.
Во второй раз съехались богатыри,
Во второй и во третей раз.
Как третей раз съехались богатыри,
55 Сильнё ударились, из седлов они посыпались.
А Добрынюшка на тело был силен, только был он увёртной,
Сел он старому козаку да на белы груди,
Стал у старого козака спрашивать:
«Ты скажи-ко, сильней богатырь,
60 Ты с какой земли, какого роду-племени?»
От старого козака ответу не было.
Во второй раз спросил — не было.
«Ты старой козак, скажи, какого роду-племени,
Хто у тебя отець, хто у тебя мать?»
65 Во третей раз спросил Добрынюшка Микитич млад:
«Ты скажи, из какой земли, какого роду-племени,
Кто у тебя отець и мать?»
— «Я такой же земли, такой же ты,
Я отца с матерью не помню;
70 Я из города из Мурова,
Старой козак Илья Муровець».
Тут соскочил крутёшенько со белых грудей:
«Ты прости меня [в] вины виноватою,
Что сидел у тебя на белых грудях!
75 Хошь я сидел у тя на белых грудях,
Ты пушшай мой старшой брат,
Я буду младшой твой».
Тут богатыри побраталисе,

Они побратались, покрестовались:
80 «Мы тима крестами животворящима».
Тогды поехали богатыри во Киев-град.

134

ДОБРЫНЮШКА МИКИТИЧ

[ДОБРЫНЯ И АЛЕША]

У князя у Владимера все-то на пиру наедалисе,
Ишше все напивалисе.
Князь-от Владимер ходил по горницам,
Он русыма кудрями принатряхивал,
5 А белыма руками принамахивал,
Тросточкой в пол приколачивал,
Сам говорил да таковы слова:
«Уж вы ой еси, князья-бояра,
Вы могучие богатыри,
10 Поляници вы все приудалые,
Вы съездите-ко мне да на Пучай-реку
За холодной ключевой водой
Нам со княгинушкой умытисе».
Во второй раз сказал и во третей раз:
15 «Уж вы ой еси, князья-бояра,
Вы могучие богатыри,
Съездите-ко вы да на Пучай-реку
За холодной-то ключевой водой
Нам да со княгинушкой умытисе».
20 Старшой-от князь хоронитсе за среднего,
Средней хоронитсе за меньшего,
А от меньшего ответа нет.
Тут сидел Добрынюшка Микитич млад
На белодубовой скамеечки,
25 Он сказал тут да таковы слова:
«Уж ты ой еси, князь Владимер стольно-киевской,
Ты позволь-ко слово сказать,
За слово-то меня помиловать».
— «Говори-ко-се что тебе надобно».
30 — «Уж я съезжу-то на Пучай-реку
За холодной-то ключевой водой
Вам-то со княгинушкой умытисе».
Тогды пир разошелсе у князя у Владимера.
Домой приходил Добрынюшка невесёлой,
35 Тут спросила его да родна матушка
Амельфа же Тимофевисьня:
«Што ты, дитятко моё сердесьнёё,
А с пиру-то у мня пришел невесёлой?
Уж на пиру ты сидел
40 Разве не по роду, не по племени,
Не по чесным своим родителям?
Разве над тобой насмехалсе младой,
Или старой над тобой надругалсе?»
— «Я по роду сидел, по племени,

45 По чесным-то своим родителям,
Младой надо мной не насмехалсе,
Старой-от меня нехто не ругал.
Только-то есь у мня великая
Путь-то дорожечка дальняя.
50 Я похвалилсе-то князю, сказал —
Съезжу-то на Пучай-реку
За холодной я ключевой водой
Со княгинушкой им умытисе».
— «Што ты, дитятко моё сердесьнёё!
55 Твой ли был отець-то родитель не воин,
Он не сильнёй был богатырь,
Он туда не проезживал
Через три заставушки великия.
Перва-то заставушка — горы высокия,
60 Втора есь заставушка — леса дремучие,
Третья-та есь застава — некто там не прохаживал, не проезживал».
— «Што я сказал князю Владимеру —
Слово моё больше не вёрнётсе».
Заплакала матушка горючима слезами,
65 Она пошла да в задню горьницю,
Там спала его молода жена,
Молода жена Апраксея-королевисьня:
«Уж ты стань-ко-се, пробудись, —
У нас сегодне несчасьицо,
70 А несчасьице в доми, невзгодушка!
Поезжат у нас Добрынюшка-то всё Микитич млад
В ту путь-ту дорожечку во дальнюю,
Где заставушка там великая —
Никто не прохаживал, не проезживал».
75 Тут скочила молода жена,
Набежала без башмачиков в одных чулочиках,
А без платьица в одной рубашочки,
Забросалася ёму да на белу шею:
«Уж ты Добрынюшка Микитич млад,
80 Уж ты не єзди-ко ты в ту путь дальню дорожечку,
Не мечи нас бедных сиротинушек!»
Тут не слушал Добрынюшка Микитич млад,
Он седлал-то коня да лошадь добрую,
Он садилсе тут на добра коня,
85 Он сказал Добрынюшка Микитич млад:
«Если год-от не приеду,
Я два не буду, если три года не приеду,
То поди в замужесьво, за кого тебе хочетсе,
Хоть за князей-то поди-ко, за боярина,
90 Только не поди за Алешу за Поповича».
Тут садилсе да на добра коня,
Уезжал Добрыня Микитич млад.
Там не конь-то бежал, только пыль одна.
Уезжал Добрыня Микитич млад.
95 И год-от нету, и два нету Добрыни Микитича.
Тут стали сваты сватати,

Короли на ей, князья, бояра,
Сваталсе Алешенька Поповиць млад.
Она сказала: «Я выдержу же свою крепку заповедь,
100 Не поду я взамуж целой год».
А потом опять прошел год.
Засватались опять на Апраксеи-королевисьни
Князья, бояры и могучие богатыри.
Сваталсе тут Алешенька Попович млад.
105 [О]на сказала: «Не пойду я [в] замужесьво,
Целой год прожду Добрынюшку Микитича».
Три года прошло, четвёртой год,
Всё сидела она, дождатьсе не могла.
Опять на ей сватались
110 К(ы)нязья и бояра, могучия славныя богатыри.
Сваталсе Алешенька Попович млад,
Тут подсватывал ей князь Владимер-от.
Приезжал Алешенька из чиста поля:
«Уж я видел Добрынюшку во чистом поли,
115 Голова-та его изломана,
Могучи-ти плечи расстрелены,
Туда проростала мурава трава,
Конь-от лёжал да во ёго ногах».
Тут поверила молода жена,
120 Что живого-то нет Добрынюшки Микитича.
Она пошла взамуж за Алешеньку за Поповиця.
Пиры-ти шли у их на весели.
На пиру все всё напивалисе,
Ишшо все-то на пиру да наедалисе.
125 Во ту пору, во то время
Ехал Добрынюшка Микитич млад,
Приподъезжал ко городу ко Киеву.
Конь у его да потыкаетсе.
«Уж ты что же, мой конь да лошадь добрая,
130 Уж ты что же идешь да потыкаешьсе?»
Ему-то отвечат:
«У нас в доми несчасьицо,
А несчасьицо есь, невзгодушка —
Твоя да молода жена пошла в замужество»,
135 Тут Добрынюшка Микитич млад
Он поехал к бабушки-задворенки:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворенка,
Я оставлю у тебя коня да лошадь добрую,
Я уйду во город, во Киев-град.
140 Если мой конь, лошадь добрая,
Он соржет, открой ему ворота широкия».
Пошел тут Добрынюшка Микитич млад
Ко своёму дому ко вдовы ко бедною,
Выходил под косисцято окошечко:
145 «Уж ты ой еси, Амельфа Тимофевисьня,
Ты подай-ко мне милостынку спасёную,
Ты не ради меня подай, а ради своего сына,
Ради своего сына Добрынюшки Микитича».
Тут отвечала Амельфа Тимофевисьня:

150 «Уж ты как знашь моёго сына Добрынюшку Микитича?»
— «Уж как я-то не знай, как жили мы в пустыни
ровно три года,
Хлеб-от соль кушали с одного блюда,
Платьице-то носили с одного плеча,
А тогды мы с Добрынюшкой побратались,
155 Мы побратались, покрестовались
Мы тима крестами животворящима».
Тут заплакала родна матушка,
Завела калику перехожую,
Напоила, накормила калику перехожую.
160 Тогды заплакала, расказала про своё несчасьицо,
Про несчасьицо, невзгодушку:
«Ты скажи-ко Добрынюшки Микитичу,
Што его молода жона пошла в замужесьво
А за Алешу-ту за Поповиця».
165 — «Уж ты ой еси, Амельфа Тимофевисьня,
Уж ты дай-ко-се мне да звончатых гуслей,
На которых играл Добрынюшка Микитич млад.
Я пойду схожу да на почесен пир,
Поиграю да [в] звончаты гусли».
170 — «Я не дам, не смею дать,
Унесешь ты звончаты гусли, не принесешь».
— «Я оставлю тебе крес[т] животворяшший».
Тогды дала ему да звончатых гуслей
Поиграть-то на почесном пиру.
175 Тут ушел калика перехожая
Он-то к Алешеньки к Поповицю.
Становилась калика во дверной угол,
Становили калику во песьнёй,
Тут смотрял, как сидела ёго жона да за убраныма
столами,
180 Говорил да таковы слова:
«Вы позвольте-тко мне поиграть да в звончаты гусли,
Ты позволь, Алешенька Поповиць млад!»
Они дозволили поиграть калики перехожею,
Перехожею-переброжею.
185 Заиграла калика перехожая
В те да звончаты гусли.
Тут сидела его молода жона,
Она думушку думала крепкую, —
Будто по найгрышкам Добрынюшка Микитич млад,
190 По насвистышке Добрынюшка Микитич млад.
Тут она попросила Алешеньку Поповича:
«Ты позволь-ко мне налить чарочку не малую,
Ты не малую — великую, не великую — да полтора ведра».
Тут дозволил Алешенька Попович млад
195 Налить чару не малую — полтора ведра.
А примала калика одной рукой,
Выпивала перехожа на единой дух —
Язык оммочило, серьце не облило.
Туг задумалась да молода жена.
200 А стоял да говорил таковы слова:

«Уж ты ой еси, Алешенька Попович млад,
Ты позволь-ко-се мне поиграть звончатых гуслей».
Не хотелосе Алешеньки Поповичу,
Но он дозволил ради своей да молодой жоны.
Заиграл Добрынюшка Микитич млад
Он во те-то да звончаты гусли.
Она тогды-то сидит, догадаласе,
Она крепку-ту думу думала,
Что по найгрышкам будто Добрынюшка Микитич млад,
По насвистышкам Добрынюшка Микитич млад.
[О]на сказала ише Алешеньки Поповичу:
«Ты позволь мне еще чару налить немалую».
Наливала чарочку ту немалую — полтора ведра,
Подавала калики перехожою.
Примала калика одной рукой,
Выпивала калика перехожа на единой дух:
«Вот сейчас у мня язык-от оммочило, серьцо облило».
Тут клал он свой злачён перстень:
«Вот которым, помнишь, мы с тобой венчалисе,
Етим перстнем мы с тобой обручалисе».
Брал за руку ей за правую,
А Алешеньки-то сказал:
«Ты здорово-то, брат, женилсе,
Тебе не с ким спать!
Если ты мне не крестовой бы брат,
То отсек бы у тебя я буйну голову!»

135

КАК ЖЕНИЛСЯ КНЯЗЬ ВЛАДИМЕР

А ишше все-то на пиру да наедалисе,
А ишше все-то на пиру да напивалисе,
А князь-от Владимер ходил по горницам,
Он русыма кудрями принатряхивал,
Белыми руками принамахивал,
Тросточкой в пол да поколачивал,
А говорил да таковы слова:
«Уж вы гой еси, князья-бояра,
Вы могучие, сильные богатыри,
Поляницы приудалые,
Богатыри вси могучие,
Все-те молодцы спожéнены,
Красны-ти девушки взамуж выданы,
Только я один, князь Владимир, не женен есть.
Выбирайте-тко мне в супружесьво красну дéвицю».
Старшой-от князь хоронится за среднего,
А от младшего ответу нет.
(*Тут до трех раз нать петь*).
«Уж вы ой еси, князья-бояра,
Могучие сильные богатыри,
Поляници приудалые,
Выбирайте мне в супружесьво красну девицю».

(И в третей раз сказал так же).
Старшой-от князь хоронится за среднего,
А средней-от хоронится за младшего,
А от младшего ответа нет.
Во третей раз сказал:
«Уж вы ой еси, князья-бояра,
Вы могучие сильные богатыри,
Поленицы приудалые,
Выбирайте мне в супружесьво красну дéвицю.
Все-то молодцы спожéнены,
Только я один, князь Владимер, не жéнен».
Тут стал Дунай Иванович
С белодубовой скамеечки,
Говорил да таково слово:
«Уж ты вой еси, князь Владимир стольно-киевской,
Ты позволь сказать да за слово меня моги помиловать.
Уж я живу-то у князя Задоньского ровно девять лет.
Три я годика жил во дворниках,
Три я годика жил во ключниках,
Три я годика жил во стольниках.
У того князя Задонского
Две доцери было, две белых лебеди.
Старша та доць да поляница приудалая,
А втора доць Апраксея-королевисьня —
Вот судьба-то твоя, будё жона тебе».
А князь ответил говорит:
«Уж ты вой еси, Дунай Иванович,
Ты бери-ко у меня, сколько тебе требуется, могучéй силы,
Сколько тебе надобно, бери золотой казны».
А он ответил таковы слова:
«Мне не надоть твоя могуча сила,
Мне не надоть твоя золота казна,
Только дай ты мне Добрынюшку Микитича».
(Только на том и кончалось. А есь ли боле, не знаю).

136

КОЗАРУШКА

На роду Козарушка попортили,
Отець с матерью Козарушка не возлюбили,
Отвезли Козарушка к бабушки-задворенки:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворенка,
Уж ты пой-ко, корми хлебом ржанищатым,
А и пой Козарушка водой со ржавчиной».
Тут не слушала бабушка-задворенка,
Она кормила Козарушка хлебом крупищатым,
А кормила Козарушка водой медовою.
Тут запобегивал Козарушко на улочку,
Ён поигрывал с ребятами,
Стал шуточки-ти шутить не малые,

Он не малые — великие,
Какого парня схватит за руку — рука прочь,
15 А какого схватит за ногу — нога прочь,
Какого схватит за голову, а голова п(ы)рочь,
Посередки схватит, так живота лишит.
Заходили тут к бабушке-задворенке:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворенка,
20 Не спускай Козарушка на улочку,
Он шутит-то шуточки да не малые:
Какого пареня схватит за руку — рука п(ы)рочь,
Кого схватит за ногу, и нога п(ы)рочь,
Какого схватит за голову, голова п(ы)рочь,
25 А посередки схватит, так живота лишит».
(*Она ли вся, она ли была така коротка, не знай*).

137

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

Собиралисе да снаряжалисе
Ише сорок калик да со каликою,
Выбирали да промежу собой
Атамана с атаманками.
5 Они выбрали Михайла Михайловича.
Они копья в землю вси потыкали,
Суночки-котомочки вси повесили,
Говорили да таковы слова, —
Они клали заповедь великую:
10 «Штобы нам, братья, не заплутыватисе.
Штобы нам, братия, не завороватисе,
Штобы нам, братцы, да за блудом нейти!»
Тут пошли калики перехожия-переброжия.
Тут настрецю каликам князь Владимир стольнё-киевской.
Тут они били целом да низко кланялись:
«Уж ты здрастуй, князь Владимер стольно-киевской!»
— «Уж вы здрастуйте, калики перехожия,
Перехожия калики, переброжия!
Вы куды-то пошли да куды путь лежит?»
20 — «Пошли осподу-богу помолитисе,
А к осподню-ту гробу приложитисе,
Во Пучай-то реки да покупатисе,
Ише сходим мы ко кресту да к Ледовитому».
— «Уж вы ой еси, калики перехожия,
25 Уж вы спойте-тко мне стих Еленской
Про того короля мне про Задонского».
Они копья-то в землю потыкали,
Суночки-ти котомочки повесили.
[О]ни запели про того князя Задонского.
30 Потрясаласе тут мать-та сыра земля,
Конь-от у князя упал на колени,
А князь-от Владимер свалился с добра коня:
«Перестаньте-тко, калики перехожие,
Петь мне тот стих Еленской

35 Про короля мне про Задонского.
Не обессудьте-тко: у мня здесь богасьва не случилосе,
Золотой-то казны не пригодилосе.
Когда вы заедете во Киев-град,
Заходите ко мне да на широкой двор
40 Хлеба-та соли ись и меду с пивом пить».
Тут и князь-от Владимир поехал,
А калики пошли во Киев-град,
Приходили ко княжецькому двору,
Они просили милостыни спасёною.
45 Тут открывала косисцето окошечко
А и та Апраксея-королевишна:
«Добро жаловать, калики перехожия,
Заходите ко мне да на широкой двор
Хлеба-та соли ись и меду с пивом пить».
50 Тут во горницах столы были приготовлены,
Она садила калик да перехожих.
Тут садились калики да за дубовы столы.
Она обзарилась, прельстилась
На Михайлушка Михайло́вича,
55 Увела его да в особую горьницю,
Напоила, накормила Михайлушка Михайло́вича,
Напивалися-наслаждалися они разныма-то напитками,
Наслаждалися разными разговорами.
Полюбила она тут Михайлушка Михайло́вича,
60 Она говорила таковы слова:
«Уж ты вой еси, Михайло Михайло́вич млад,
Сотворим-ко-се с тобой любовь сердечную».
Он сказал ей: «Мне-то нельзя творить
С тобой любови сердечною:
65 У нас кла́дёна заповедь великая».
Во второй-от раз сказал, во третей.
И он сказал: «Мне-ка нельзя творить с тобой любови сердечною:
У нас кла́дёна заповедь великая,
Чтобы нам, братцы, не заплутова́тисе,
70 Чтобы нам, братцам, не заворова́тисе,
Чтобы нам, братии, за блудо́м нейти.
Хто-то из нас заплутуетсе,
Если хто из нас заворуетсе,
Кто из нас да за блудо́м пойдет,
75 Шо язык-от поте́нем те́менём,
А ретиво́-от серьцо́ да промежу́ плечей,
Голову будем отсекать да во чисто́м поли́,
А селитру-ту жгать да на белы́х грудях,
Тело-то оставим да во чисто́м поли́».
80 Тут выслушала Апраксея-королевисьня,
Незаметно под(ы)сунула чару-ту красна золота
Она в суночку-ту в котомочку
Как Михаилу Михайло́вичу.
Тут пошли калики перехожия,
85 Перехожия, переброжия.
Во ту пору́ до в то время

Приезжал князь Владимир стольно-киевской,
Он схватилсе-то чары красна золота,
Из которой-ту пьё по приезду,
90 По приезду-ту пьёт, по отъезду:
«Где моя чара красна золота?»
Апраксея-та королевисьня
Говорила таковы слова:
«Тут были калики перехожия,
95 Перехожия да переброжия,
Они не взяли-то чары-то красна золота?»
Князь-от Владимир посылаё Алешеньку Поповича:
«Поезжай-ко состыгни калик перехожих,
Ты спроси-ко, не попала ли чара красна золота?»
100 Поезжал тут Алешенька Попович млад, —
Он выходит силой силён, а не догадливой, —
Состыг он тут калик перехожих,
Перехожих-ту, переброжих.
«Уж вы ой еси, калики перехожие,
105 Не украли ли вы чары-то красна золота,
Из которой-то князь пьё по отъезду,
По отъезду-ту, по приезду?»
Тут калики перехожие,
Они копья-ту в землю потыкали,
110 Суночки-ти в землю повесили,
У Алешеньки подштанники сняли,
От пороли Алешеньку Поповиця.
Приезжаёт ко князю ко Владимиру:
«Я не мог состыгце калик да перехожих,
115 Перехожих да переброжих».
Посылает как князь Владимир Добрыню Микитича:
«Уж ты ой еси, Добрыня Микитич млад,
Поезжай состыги́ калик перехожих
Ы спроси, не попала ли чара-та красна золота?»
120 Тут поехал Добрыня Микитич млад,
Увидал калик да перехожих:
«Уж вы ой еси, калики перехожия,
Перехожия, переброжия,
Вы скажите-тко, вам не попала ли
125 Чарочка красна золота,
В которой-ту князь по приезду пьет,
По приезду пьет и по отъезду-ту?»
Они копья в землю потыкали,
Суночки-ти котомочки повесили,
130 Стали смотрять они да во суночки.
[О]ни нашли чару-ту красна золота
У Михайлушка Михайловича.
Тогды потянули у Михайлушки язык со теменем,
Ясны очи косицеми, ретиво серьцо промеж плецей,
135 Голову отсекли во цистом поли́,
Селитру-ту жгали да на белых грудях.
Тело оставили во чистом поли́.
Сами суночки взяли и пошли калики перехожия.
Тут Михайло-то Михайлович исцелилсе,

140 Он бежал крычал да громким голосом:
«Вы постойте, дождитесь, калики перехожие,
Перехожия, переброжия!»
Дождались они Михайлушка Михайловича,
Опять тянули-то язык теменем,
145 Ясны-то очи косицеми,
Ретиво серьцо промежу плечей,
Голову отсекали во цистом поли́,
Тело воставили во чистом поли́.
И ушли опять калики перехожия.
150 Тут а во второй раз исцелилсе
Михайлушка Михайлович млад,
Он крычал да громким голосом:
«Уж вы ой еси, калики перехожие,
Вы меня подождите, не оставьте-ко».
155 Тут они унять Михайлушка Михайловича,
Тогды они язык тянули те́менём,
Привязали Михайлушка ко сыру дубу,
Уходили калики перехожия.
Тут Михайлушка Михайлович
160 Вот сошел он с дерева,
Бежал крычал он да громким голосом:
«Вы дождитесь меня, калики перехожия».
Тут дождались, убоялися:
Это чудо неизвестное!
165 Рассказал Михайлушка Михайлович
Про своё-то большо несчасьицо:
«Наверно, чару мне сунула Апраксея-королевисьня!»
Тогды калики пошли да перехожия
Во своей-то пути они дорожечки.

138

МОРЯНОЧКА

Жила-то пожила вдова бедная;
У той вдовы было у бедною
Девять сынов было ясных соколов,
А десята была да красна девиця.
5 Мать-то детей да всех возростила,
Она возростила да всех возлелеяла;
Мать детей возлелеяла — в разбой ушли.
После тех пор мать доць ростила,
Она доростила да взамуж выдала,
10 За того гостя приезжего,
А купьця она поморского.
Давно дочка у матушки да в гостях не были,
Год прошел, и два прошло, и три года прошло.
Они жили-прижили да мала детишша,
15 Мала детишша, сына ясна сокола.
Тут задумала поморочка в гости ехать к матушки:
«Ты поди-ко, муж, да на конюшной двор,
Запряги коня да лошадь добрую».

Тут послушал, помор, свою поморочку,
Он запряг коня да лошадь добрую,
Поехали они да в гости к матушке.
Тут ехали, подъехали — ночь пришла,
Заезжали они да в лес дремучия,
А коня поставили ко сыру дубу,
А шатер раскинули да во темном лесу.
Повалились они да во белой шатер,
Они по краям легли, а мала детишша во серёдочки.
Вдруг не шум шумит, не гам гамит,
Наезжало девять тут разбойников,
Коня отвязали от сыра дуба,
А у помора отсекли голову,
Мала детишша пополам разорвали.
Тут заплакала поморочка горькими слезами:
«Вы зачем-то, пошто убили мужа милого,
Разорили-то детишша сердецьнёго?»
Тут стали разбойники у поморочки спрашивать:
«Ты какого-то роду-племени,
Хто у тебя отець-то, хто у тебя мати?»
— «Я отца-то не помню, мать у нас да вдова бедная,
Нас у матери было девять сынов, ясных соколов,
Я десята была да красна девица.
Нас мать-то всех возростила,
Она возростила и возлелеяла,
Возлелеяла — сыновья да все в разбой ушли,
После тех пор мать меня доростила,
Она доростила, взамуж выдала
За того-то купьця меня приезжего».
Тут заплакали братья горючими слезами:
«Мы зачем-то, пошто убили зетя милого,
Зетя милого, племянника сердечного?»
Тут клали заповедь велику:
«Чтобы больше нам в разбой нейти».
Среди ночки-то среди темною
Приезжали-то к родной матушки.
(*Дальше на том и конца нет*).

ПАРАСКОВЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ОНУФРИЕВА

П. В. Онуфриевой из Нижней Зимней Золотицы в год записи было 68 лет. Неграмотная. Физически слабосильная женщина. Из-за преклонного возраста и по состоянию здоровья в колхозе не работала.

Знала только две былины — «Князь, княгиня и старицы» и «Иван Гордёнович». Пела уверенно. Очень любила, когда у нее записывают старины. И если собиратель, приехавший в Золотицу, не разыскивал ее, она сама приходила к нему, садилась за стол и предлагала записать ее тексты. Она не смущалась, когда М. С. Крюкова говорила, что Парасковья Васильевна перекладывает «старины на частушки».

В 1937 г. у нее записывали былины И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон (участницы Беломорской фольклорной экспедиции Академии наук) и Р. С. Липец (Северная экспедиция Гослитмузея), а зимою 1944 г. те же былины записала Э. Г. Бородина-Морозова. Троекратная запись одних и тех же былин показала исключительную устойчивость текстов П. В. Онуфриевой.

В доме сказительницы Анны Васильевны Стрелковой, сестры Парасковьи Васильевны, были разные книги про богатырей, по-видимому, лубочные издания, однако Парасковья Васильевна не проявляла интереса ни к книгам, ни к картинам «про богатырей». Старины П. В. Онуфриева переняла от сказителя Ф. Т. Пономарева и от своей матери Марфы Ивановны Субботиной. Прежде Парасковья Васильевна пела былины, когда сидела за ткацким станком. Жители Золотицы ее как сказительницу не знали.

139

ИВАН ГОРДЁНОВИЧ

Ай да што во славном было городе во Киеве,
Было у славного-то князя у Владимира,
Заводилася пирушечка почестен пир
Да ешо на многие на князи, многа бояры,
Што на многие могучие богатыри,
Да што на многие казакушки задонские.
Да ешо все-то на пиру да напивалисе,
Ешо все-то на честном наедалисе,
Да ешо все-то на пиру да прирасхвастались.
Да што иной да сидит хвастает да широким двором,
Што инои сидит хвастает золотой казной,
Да што иной сидит хвастает и добрым конем,
Да ешо глупый хвастает да родной матушкой,
Да неразумный сидит хвастает родной сестрой.
Да ешо красно-то солнышко идет ко западу,
Да што от запада идет ко закату,
Да што у князя-то у Владимира пир идет на веселе,
Да князь Владимир-то по гирнюшке похаживает,
Да што желтыма кудрями он принатряхиват,
Да говорит тут князь Владимир да таковы слова:
«Да ишо все у меня на пиру да напивалисе,
Да ишо все-то на честном да наедалисе,
Ай да ишо все-то на пиру да прирасхвасталисе,
Ай да только единой у меня добрый молодец сидит ни пьет, ни ест,
Ла он ни пьет у меня, ни ест сидит, да не кушает,
Да ишо беленькой лебедушки у мне не рушает».
Да говорил тут князь Владимир да таковы слова:
«Да уж как што же ты, Иванушко Гордёнович,
Да ты не пьешь у меня сидишь, не кушаешь,
Да ишо беленькой лебедушки у меня не рушаешь.
Да разве место на пиру тебе не по роду,
Да разве старой над тобой да изъезжаетце,
Да разве младый да над тобой да насмехаетце,
Да разве винной-то чарой тебя обидели?»
Ай да говорил ему Иванушко да таковы слова:
«Да так уж ты гой еси, Владимир-князь да славностольские,
Да мне-ка места на пиру было по родины,
Да ишо старой да надо мной не изъезжаетце,
Да ишо младый надо мной не насмехаетце,
Винной чарой меня не обнесли».
Да говорит тогда Иванушко да таковы слова.
Да уж ты гой еси, да князь Владимир да славностольские.

Благослови меня, князь Владимир, слово вымолвить,
Да не моги мне за слово буйной головушки сказнить».
45 Ай да говорит ему князь Владимир да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Иванушко Гордёнович,
Да говори-ко-се, Иванушко, што тебе-тко надобно».
Ай да говорил ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, князь Владимир да славностольские,
50 Благослови мене ты, князь Владимир, да женитесе».
Ай да говорит ему князь Владимир да таковы слова:
«Да ты женись-ко-се, Иванушко, да где тебе хочется,
Да хоть во Киеве женись, хошь во Чернигове,
Да хоть во матушке женись ты во славной во Москвы».
55 Ай да говорит ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, князь Владимир да славностольские,
Да не хочу-то я жениться уж во Киеви,
Да не хочу-то я жениться во Чернигове,
Да не хочу-то я жениться уж во славной во Москвы,
60 Ай да поеду жениться во прокляту во Литву
Да ко тому же я к королю ко Задонские,
Да я и на душечке да Авдотьюшке белой лебеди».
Ай да говорит ему князь Владимир да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Иванушко Гордёнович,
65 Да ты поди-тко-се бери да золоты ключи,
Да отмыкай-ко сундуки да ты окованы,
Да ты бери-тко-се да золотой казны, сколько тебе надобно,
Бери великое силушки, сколько тебе надобно».
Ай да говорил ему Иванушко таковы слова:
70 «Да уж ты гой еси, князь Владимир да славностольские,
Да мне не надобна твоя да золота казна,
Да мне не надобна твоя сила великая.
Да золотой у меня казной да не вкупатисе,
Да мне великою силушкой не воеватисе,
75 Да я поеду-то жениться один-одинёхонек,
Мне-ка честью не дадут, я возьму нечестью,
Да так уж я тою же силушкой возьму великою,
Да так я тою же грозой да княженецкою».
Ай да тут не много-то Иванушко да разговаривал,
80 Да он вставал со скамеечки белодубовой,
Да уж он крест-то кладет да по-писаному,
Да он поклоны-от ведет да по-ученому,
Да он честь-то воздает на все четыре стороны:
Ай да ты прощай, князь Владимир да славностольские,
85 Да ты прощай-ко-се, княгина Апраксея-королевишна,
Ай да вы прощайте, да все друзья, братья-товарыши».
Ай да тут не много Иванушко разговаривал, из гирни вон пошел.
Ай да тут приходит Иванушко да на конюшен двор,
Да выбирает он себе коня да лошадь добрую,
90 Да лошадь добрую себе он, неезжалую,
Да неезжалую лошадку, постухмяную,
Ай да надевает он уздечку да семишолковую,
Дак одевает он седёлышко красного золота,
Да ишо брюшницки, подбрюшницки да чиста серебра,
95 Да лёгко-скоро он скакал да на добра коня,

Ай да не видали тут Иванушка собираючись,
Только увидели в цистом полюшке да курева́ стоит,
Да курева́ в поле стоит, да ишо дым столбом.
Да так уж он здраво едет да ле́са темные,
100 Да уж здраво едет тут да грязи черные,
Да он ко городу тут йдет не дорогою,
Да он во город заезжает да не воротами.
Ай да тут приехал Иванушко да на конюшен двор.
Да легко-скоро он скакал да со добра́ коня,
105 Да он кидаёт и коня да не привязана,
Да не привязана коня да не приказана,
Да он идет-то [в] гирню да королевскую,
Ай дак уж он крест кладет тут по-писа́ному,
Да он поклон-от ведет и по-ученому,
110 Дак уж он честь-то воздает на все четыре сто́роны:
«Да так уж ты здравствуй-ко, король да ты Задонские,
Да уж ты здравствуй, королева да молода жена».
Ай да говорит ему король да таковы слова:
«Ай да ты пошто сюда, Иванушко, приехавши?
115 Али по-старому, по-прежнему ко мне во конюхи?
Да ли во младые ко мне да ты во ключники?»
Да говорит ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, король да ты Задонские,
Хоть я из Киева приехал не посланником,
120 Я не по-старому, по-прежнему тебе не в конюхи
А не во младые к тебе-ко я во клюшники.
Ай да я приехал к тебе да сватом свататься
Да я на душечке Авдотьюшке да белой лебеди,
Да ты отдай-ко-ся, король, Авдотьюшку да за меня замуж».
125 Ай да говорит ему король да таковы слова:
«Да ведь, Иванушко, Авдотьюшка у меня просватана,
Да за того же-то да за проклятого Идолишша,
Да за того ли за царишша Вахрамеишша».
Ай да говорил ему Иванушко во второй нако́н:
130 «Да отдай-ко-ся, король, Авдотьюшку да за меня замуж».
Да говорил ему король да во второй нако́н:
«Да ведь, Иванушко, Авдотьюшка у меня, право́, просватана
Да за того же да за проклятого Идолишша,
Да за того же за царишша Вахрамеишша».
135 Да говорил ему Иванушко во третий нако́н:
«Да отдай-ко-се, король, Авдотьюшку да за меня замуж».
Да говорит ему король да во третий нако́н:
«Да ведь, Иванушко, Авдотьюшка у меня просватана
Да за того же-то за проклятого Идолишша,
140 Да за того же царишша Вахрамеишша».
Ай да говорил ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты честью мне не дашь, да возьму не́честью,
Да уж я тою же силушкой возьму великою,
Да уж я тою же грозою да княженецкою».
145 Да говорил ему король да таковы слова:
«Да ишо где же тебе взяти моя Авдотьюшка?
Да што сидит у меня Авдотьюшка в задней горницы,
Да за двенадцатью сидит у меня замочками,

Да за двенадцатью сидит да сторожочками».
150 Ай да тут не много-то Иванушко разговаривал, из гирини вон пошел,
Ай пошел, убил-то всех двенадцать сторожочиков,
Да изломал тут все двенадцать он замочиков.
Да он заходит тут к Авдотьюшке в заднюю горницу,
Да ишо крест-то кладет он по-писаному,
155 Да он поклон-от ведет да по-ученому,
Дак уж он честь-то воздает на все четыре стороны:
«Да уж ты здравствуй-ко, Авдотьюшка лебедь белая».
Ай да тут сидела-то Авдотьюшка да за красеньцами,
Да вышивала она Идолишшу рубашечку:
160 Ай да по кобылочкам у ей да ясны соколы,
Да по набилочкам у ней да сизы голуби
Да по подножечкам у ней да чёрны соболи.
Ай да говорил ей Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Авдотьюшка, да лебедь белая,
165 Да ты поди-тко-се, Авдотьюшка, за меня замуж».
Ай дак тут не много-то Авдотьюшка разговаривала,
Ай да она кинулась тут к Иванушку на белу шею.
Да тогда брал-то ей Иванушко за белы руки,
Ай да тут повел тогда Иванушко да по новым сеням.
170 Да как во ту-то пору, во то время
Да тут расплакалась Авдотьюшка да лебедь белая,
Да говорила Авдотьюшка да таковы слова:
«Да ох тех-те-тенечки да мне тошнёхонько,
175 Да как умел-то меня, батюшко, да воспоить да воскормить,
Да не умел ты меня, батюшко, с честью замуж выдать».
Ай да как во ту-то пору, да во то время
Да выходили они да во новы сени,
Да услыхали тут король да с королевою,
180 Ай да говорили они да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Иванушко Гордёнович,
Да ты пойдем-ко к нам попить, поесть, покушати,
Да питенья да еденья-то к нам сахарного,
Да ишо кушанья к нам да разнолишнёго».
185 Ай да говорил тут им Иванушко да таковы слова:
«Да на приезде-то гостя не учёствовали —
Да на отъезде-то будет не учёствовати».
Ай да тут не много-то Иванушко разговаривал,
Ай да легко-скоро он скакал да на добра коня,
190 Да он Авдотьюшку садил да позади себя.
Да не видали тут Иванушка собираючись,
Да только видели в чистом полюшке курева стоит,
Да курева в поле стоит да только дым столбом.
195 Да уж он здраво тут едет леса темные,
Да уж здраво тут едет грязи черные,
Ай да пристыгает тут Иванушке темна ноченька,
Да темна ноченька пристигла уж, ночь осённая.
Ай да тут раскидывал Иванушка да белой шатер,
200 Да привязал он коня да ко белу шатру,
Да надавал ему пшеницы белояровой,
Да сам с Авдотьюшкой валился да во белой шатер,

Да саблю вострую он клал да во серёдышек.
Ай да господь ночь пронес, да господь день дает —
Да что по утру тут было ранёхонько,
Да по восходу тут было солнышка красного,
Да тут выходит Иванушка из бела шатра.
Ай да как во ту-то пору, во то время
Да как приехал к ему проклятое Идолишшо,
Да говорил-то он Иванушку да таковы слова:
«Да так уж ты гой еси, Иванушко Гордёнович,
Да ты поедем да в чисто полюшко, побратаемсе,
Да нам которому достанется Авдотьюшке да лебедь белая».
Ай да тут не много Иванушко разговаривал,
Да легко-скоро он скакает да на добра коня,
Ай они поехали с Идолишшом да во чисто поле.
Ай да так они первое разъехались, помяли копья булатные,
Ай они второй-от раз ехали, вышибли у саблей по жеребью,
Да так они третьёй раз разъехались, скакали на сыру землю.
Ай да тут по божьей было всё по милости,
Да по Ивановой тут было по участи,
Да как во ту-то пору, во то время
Да приослабла у Идолишша да права ручушка,
Да подломилась у Идолишша да лева ножечка,
Да тут упал-то Идолишшо на сыру землю.
Да тогда сел к нему Иванушко на черны груди,
Да он хотел его спороть-то груди черные,
Да он хотел посмотреть да ретива сердца —
Ножа булатного у Иванушка не погодилосе,
Да тут оставил Иванушко во белом шатри.
Ай да говорил тогда Иванушко таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Авдотьюшка да лебедь белая,
Да ты поди мне принеси булатной нож,
Уж да я спорю у его да груди черные,
Да посмотрю я у его да ретива сердца.
Да как во ту-то пору, во то время
Да говорил тогда Идолишшо да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Авдотьюшка лебедь белая,
Да хошь ты выйдешь, Авдотьюшка, и за ёго замуж —
Да утро будешь-то жить да портомоечкой,
Да кабы вышла ты, Авдотьюшка, да за меня замуж —
Да ты была бы, Авдотьюшка, царицею».
Ай у бабы волосы-ти долги, да у ей ум-то короткой.
Да тут не много-то Авдотьюшка-то разговаривала,
Она брала тогда Иванушка за русы кудри,
Да тут упал тогда Иванушко на сыру землю,
Да тогда встал Идолишшо на резвы ноги,
Да они взяли Иванушка опутали во сети семишелковые,
Ай да привязали они Иванушка да ко сыру дубу.
Ай да господь день-от пронес, да господь ночь дает,
Да тут валились-то Идолишшо с Авдотьюшкой в белой шатер.
Ай да господь ночь ту пронес, да господь день дает —
Да што по утру тут было ранёхонько,
Да по восходу тут было солнышка красного
Да выходила тут Авдотьюшка из бела шатра.

Да увидала да на сыром дубу голубя,
Ай да говорила она царишшу да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, царишшо Вахрамеишшо,
Да ты поди-тко выходи да из бела шатра,
Да натяни-тко ты да свой честной-от лук,
Да ты спусти-тко-се стрелоцку каленую —
Да на сыром дубу сидит-от голубем,
Да захотелось мне, Авдотьюшке, да голубетенки».
Ай да тут не много-от царишшо разговаривал,
Да выходил тут он да из бела шатра,
Да натягает он да свой честной-от лук,
Да направляёт он стрелоцку каленую.
Да разлетелась-то стрела каленая да во сырой-от дуб,
Да от сыра-то дуба она отлетела Идолишшу в лоб.
Ай тогда упал да тут Идолишшо да на сыру землю.
Да как во ту-то пору, во то время
Да тут расплакалася Авдотьюшка да лебедь белая,
Да говорила она да таковы слова:
«Да ишо охти-хти-ка мне тошнёхонько!
Да от того-то я бережочеку отъехала,
Да до другого я бережочку не доехала».
Да как брала она да саблю вострую,
Она хотела у Иванушка отрубить уж буйну голову,
Ай попересекла сети-то семишелковыя,
Тогда упал-то Иванушко на сыру землю,
Тогда встал-то Иванушко да на резвы ноги,
Ай да тут пошел тогда Иванушка ко белу шатру,
Да он не много тут Иванушка разговаривал,
Да лёгко-скоро он скакал да на добра коня,
Да он Авдотьюшку садил да позади себя,
Да тут поехал Иванушко ко Пучай-реки.
Да тут приехал Иванушка ко Пучай-реки,
Да говорил тогда Иванушка таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Авдотья лебедь белая,
Да ты поди-тко-се сойди да на сыру землю,
Да ты сними у меня с правой ножечки да сафьян сапог,
Да почерпни-тко-се воды да ты ключёвою,
Да ты подай-ко-се мне, Иванушку, напитисе».
Ай да говорила ему Авдотьюшка да таковы слова:
«Да ты не хочешь напитися воды ключёвыя,
Да уж ты хочешь отрубити у меня буйну голову».
Да говорил-то ей Иванушко да во второй након:
«Да уж ты гой еси, Авдотья лебедь белая,
Да ты поди-тко-се сойди да на сыру землю,
Да ты сними у меня с правой ножечки да сафьян сапог,
Да почерпни-тко-се мне воды да ты ключёвою.
Да захотелось мне, Иванушку, што-то напитисе».
Ай да говорил-то ей Иванушка да во третей након:
«Ай да ты гой еси, Авдотья да лебедь белая,
Да ты поди-тко-се сойди да со добра коня,
Да ты сними у меня с правой ножечки да сафьян сапог,
Да почерпни-тко-се воды да ты ключёвою,
Да ты подай-ко мне, Иванушку, напитисе».

Да говорила Авдотьюшка да таковы слова:
«Да ты не хочешь напиться воды ключёвою,
310 Да уж ты хочешь отрубить у меня буйну голову».
Ай да тут не много Иванушка-то разговаривал,
Да легко-скоро он скакал да со добра коня,
Да вынимает тут Иванушко да саблю вострую,
Ой да уж он взял у ей отсек да праву ножечку:
315 «Да мне не надобна твоя да нога правая,
Да оплетала ты проклятого Идолишша».
Да уж он взял у ей отсек ручку правую:
«Да мне не надобна твоя рука правая,
Да обнимала ты да проклятого Идолишша».
320 Да уж он взял у ей отсек да груди белые:
«Да мне не надобно твои да груди белые,
Да прижимала ты проклятого Идолишша».
Да так уж взял у ей отсек уста сахарные:
«Да мне не надобны твои уста сахарные,
325 Да целовала ты проклятого Идолишша».
Да уж он взял у ей отсек да буйну голову,
Да рассвистал-то ее костоцки да по чисту полю.
Ай да легко-скоро он скакал да на добра коня,
Да тут поехал Иванушка во славный Киёв-град,
330 Да стречали его друзья, братья-товарышши,
Ай да говорил ему Алешенька Попович-от:
«Да ты здорово, брат, женился, тебе не с кем спать».

140

КНЯЗЬ АНДРЕЙ И СТАРИЦЫ

Да ишо жил-то был Андреюшко девяноста лет,
Да ишо брал себе княгинушку девяти годов,
Да уезжает князь Андреюшко во славный Киев-град,
Дак оставляет он княгинушку девяти годов.
5 Да тут пришло-то ко княгинюшки три старица пристарелые.
«Ай да вы не видели ли князя Андреюшка девяноста лет?»
— «Да мы не видели князя Андреюшка девяноста лет».
— «Да ты прощай-ко-се, княгинушка девяти годов».
— «Да вы прощайте-ко, три старица пристарелые.
10 Дак вы увидите князя Андреюшка девяноста лет,
Да вы скажите-тко Андреюшке да большой поклон,
Да вы большой поклон скажите с челобитьицом».
Да тут пошли три старица да по чисту полю,
Да тут стрецалась им стретушка немалая,
15 Да што немалая им стретушка, великая,
Да тут стречался князь Андреюшко девяноста лет.
— «Да уж ты ко здравствуй, да князь Андреюшко да девяноста лет».
— «Да уж вы здравствуйте, три старица пристарелые,
Ай вы не видали ли у меня княгинюшки девяти годов?»
20 — «Да уж видали твою княгинушку девяти годов,
Да пропилась-то твоя княгинушка, проматалась,
Она без верхницка-то ходит, в одной рубашечке,

Да без платочка-то ходит, в одном повойницке,
Да без башмачиков-то ходит, в одних чулочиках.
25 Да на конюшен двор зайдешь, конь по колен бредет,
Да [в] перву-то горницу зайдешь, она гостей полна,
Ты в другу-то горницу зайдешь, да у ей пир собран,
Да в третью-то горницу зайдешь, у ей колыбель висит,
Ой да как лежащи-то твои денежки все издёржаны,
30 Да как досельни-тко твои хлебушки все изъедены,
Да круг омбариков дорожки да приуторены.
Да ты приедешь, князь Андреюшко, к широку двору,
Да тебя стретит тут княгинюшка да девяти годов,
Да ты возьми-тко-се отруби у ей буйну голову,
35 Да рассвишши ты ей косточки да по чисту полю,
Ай да ты прощай-ко, князь Андреюшко девяноста лет».
— «Да вы прощайте-ко, три старица да пристарелыя,
Да вам спасибо-то, три старица, на добрых словах,
Да на добрых-то вам словах, на ласковых вестях».
40 Ай да тут поехал тут князь Андреюшко по чисту полю,
Да приезжает-то князь Андреюшко да к широку двору,
Да тут стречат-то его княгинюшка девяти годов,
Она без верхницка-то вышла, в одной рубашечки,
Да без платоцика-то вышла, в одном повойницке,
45 Ай да без башмачиков-то вышла, в одних чулочиках:
«Да уж ты здравствуй-ко, князь Андреюшко девяноста лет».
Ай да ишо князь-то со княгинюшкой да не здоровался,
Да вынимает-то князь Андреюшко саблю вострую,
Да уж он взял у ей отсек да буйну голову,
50 Да рассвистал-то ее костоцки да по чисту полю
Да на конюшной двор зашел, да конь-от рысь берет,
Да он в перву-то горницю зашел, у ей лампады теплютца,
Дак она столько богу-то не молилася, сколько плакала,
Да самого-то князя Андреюшка на двор ждала.
55 Ай да в другу-то горницу зашел, у ей свечи горят,
Да она столько богу не молилася, сколько плакала,
Да самого-то князя Андреюшка на двор ждала.
Ай да в третью-то горницю зашел — пяла висят,
Да она столько-то не шила, сколько плакала,
60 Да самого князя Андреюшка на двор ждала.
Да как лёжащи его денежки не издёржаны,
Да как досельни его хлебушки не изъедены,
Да круг онбариков дорожечки не уторены.
Да расплакался князь Андреюшко девяноста лет:
65 «Да я напрасно тут убил княгинюшку да девяти годов».
Да тут пошел-то князь Андреюшко на конюшен двор,
Да выбирает он себе коня да лошадь добрую,
Да лошадь добрую себе он, неезжалую,
Да неезжалую-то лошадку, постухмяную.
70 Да тут поехал-то князь Андреюшко по чисту полю,
Он перву-то старицу настиг да ей конем стоптал,
Да втору-то старицу настиг — он ей жезлом сколол,
Да третью старицу настиг — она ему взмолилася:
«Ай да ты прости-тко, князь Андреюшко девяноста лет
75 Да мы соврали тебе на княгинушку девяти годов».

ИВАН ЕГОРОВИЧ ТОЧИЛОВ

В 1934 г. И. Е. Точилов, 45 лет, — рабочий в рыбоартели дер. Нижняя Зимняя Золотица; раньше был батраком, матросом на судах зажиточных промышленников и т. д. Грамотный.

Записанные от него былины переняты: «Камское побоишшо» — от Евдокии Гавриловны Бурой на тони во время рыболовного сезона, «Добрыня и Илья» — от матери Анны Афанасьевны Точиловой. По словам собирателя, стихотворную форму былин Иван Егорович вспоминал с трудом, но обязательно добивался точной ее передачи, так именно, как слышал, избегая импровизации. Тексты довольно хорошо исполнял в пении. К былинам относился с любовью и интересом, но петь стеснялся.[1]

Кроме публикуемых былин, в 1934 г. от И. Е. Точилова записаны еще: историческая песня «Отбитие англичан от Соловецкого монастыря» (о событии 1854 г.), слышанная исполнителем еще до революции в самом монастыре; песня «Здунай», исполнявшаяся раньше в качестве величальной для судовладельцев после окончания постройки судов.

141

КАМСКО ПОБОИШШО

Из-за Камьского-то было, Балканского,
Выходила вся орда сила неверная,
Со тим со проклятым со Идолишем.
Подходила-то ко славну городу ко Киеву,
5 Ко ласкову князю ко Владимиру.
Посылает-то зятелка любимого.
Он по городу-то едет не дорогою,
А во город заезжает не воротами:
Скочит через стену городовую.
10 Приезжает-то ко князю ко Владимиру,
Он восходит-то во гриню княженевскую без докладика,[2]
Просит-то войну немедленно,
Вызывает-то Илеюшку Муромца,
Старого казака Илью Муромца:
15 «Я поил-кормил силушки сорок лет,
А напоил-накормил числа-сметы нет
Для старого богатыря Ильи Муромца».
Князь Владимир берет чашу золотые,
Накладывает в чашечку красна золота,
20 А другу-то накладывает чиста жемчуга,
Подносит дары-то драгоценные,
Он дары ти берет, целом не бьет,
Он целом не бьет, не кланяется.
Он дает-то строку только три денечка,
25 А князь Владимир просит на три месяца.
Заводилась-то пирушечка почестен пир
У того-то у славного у князя Владимира
На тех-то князей да думных бояров,
На сильних на могуцих на богатырей,
30 На тех-то поленицц да преудалые,

[1] В. П. Чужимов. Народно-поэтическое творчество в с. Зимняя Золотица. Гос. литер. музей. Инв. № 9, папка 1. Рукопись прислана в Музей собирателем 7 июня 1939 г.

[2] Сказитель жалуется, что здесь забыл («никак не могу слова схватить»).

На них-то кресьянушек прожитосьных.
Ишо вси-то на пиру сидя пьют-едят,
Сидят пьют-едят, сидят кушают,
Беленьку лебедочку рушают,
А князь Владимир-то сидит он не пьет не ест,
Он не пьет не ест да он не кушает,
Он повесил свою да буйну голову
Ниже своих да могучих плечей.
Он встает тогда по гринюшки похаживает,
Он желтыма кудерьцами потряхиват,
Он тросточкой во пол да поколациват.
Говорил-то князь Владимир таково слово:
«Уж вы гой еси, князья да думны бояры,
Славные могучие богатыри,
Все да поленницы преудалые,
И все вы кресьянушки прожитосьны,
Што пришло-то проклятое Идолишшо,
Просит-то войну у нас немедленно,
Не дает нам строку ни на единый час.
Я просил-то строку у его да на три месяца,
Он ведь дал нам строку на три денецька».
Говорил-то князь Владимир во второй наком,
Говорил-то князь Владимир во третей наком.
А старший тулитца тут за среднего,
А средний тулитця за младшего,
А от младшего-то лицика и ответа нет.
Говорил-то тут Илеюшка да таковы слова:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
Не моги-то моей да головы сказнить,
А разреши ты мне да слово вымолвить».
— «Говори-ка ты, Илеюшка добрый молодец».
— «Не сдаим-то мы проклятому Идолишшу
Своей земли да святорусьские.
Сади-ко-се Алешеньку Поповиця на ременчат стул,
Он пушшай-то пишет ярлыки да скорописцяты,
По всей земли да святорусьские
Ты всех сильных могуцих богатырей,
В перву голову Илеюшку Муромца,
Во вторых-то Добрынюшку Никитиця,
В третьих-то Гришку Долгопологo,
А в четвертых-то Пересмятушку Васильевича,
А в пятых-то Алешеньку Поповича

(Всех не переписать, их было тридцать богатырей),

Отправляй-ко Святослава с ярлыками скорописцятыми
Ты ко тим сильним могуцим богатырям,
Он объездит всю землю святорусскую в три часа,
Его лошадушка очень легкая,
Реки и озера перескакиват,
А боры и горы промеж ног берет».
Он объездил-то землю святорусскую,
Развозил-то ярлыки скорописцятые.
Съехалися сильние могуцие богатыри

К тому-то ко князю ко Владимиру.
Говорил-то Илеюшка таково слово:
«Уж вы гой еси, сильнии могуции богатыри,
85 Мы поедем-то теперь на Камьское побоишшо:
Пришло-то проклято к нам Идолишшо,
Привело-то нам силушки числа-сметы нет».
Говорил-то Илеюшка во второй након:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
90 Свари-ко-се нам пива сороковочку,
Отвези-ко нам в лагери полотнены».
Там Илеюшка-то пьет и о ратном деле не заботится.
Посылает князь Владимир послов своих,
Штобы выезжал Илеюшка в орду-силу неверную,
95 Говорил-то Илеюшка таково слово:
«Мне не жалко-то вора князя Владимира
Со б..... со Апраксей-королевисной,
Мне-ка жалко-то во Киеви божьих церквей».
Поехал-то Илеюшка к проклятому Идолишшу.
100 Заезжает-то Илеюшка к проклятому Идолишшу.
Говорит-то тут Идолишшо таковы слова:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
Есь у вас старый казак Илья Муромец,
Я поил-то накормил силушки ровно сорок лет,
105 А напоил-то накормил силушки числа-сметы нет.
Какой у вас есь Илеюшка Муромец,
Сколько он хлеба съедает в одны суточки?»
— «Хлеба съедат одну милостыну,
А вина выпиват одну четверть».
110 — «А росто-дороство велико ли его?
А я, — говорит, — хлеба съедаю сорока печей,
А вина выпиваю сороковочку».
А Илеюшка говорит «Точно я, такой же есь».

— «А я, — говорит, — если такой-то, то я на одну ладонь посажу, а другой притяпну, и от Илеюшки останется только мокро одно».

Закипела в Илеюшки-то кровь горячая,
115 Засверкала-то сабелька булатная.
Пересек-то проклятого Идолишша
Он с правого плеча по леву подпазуху.
Тут скочили-то богатыри на добрых коней,
И начали тут бить орду-силу неверную.
120 Они били-то, рубили ровно три денечка
И отдоху не имели ровно шесть деньков,
А нет-то убыли орды-силы неверные.
Тут взговорит Илеюшка Муромец:
«Уж вы гой еси, сильные могуции богатыри,
125 Вы не ездите в орду-силу неверную,
А бейте ей да по окраинам,
А то я ссеку у вас буйны головы нашего татарина».
Они прибили-прирубили всех до единого,
Не оставили ни единого на семена.
130 Говорил-то тут Алешенька Попович сын:
«Была бы лисниця на небо,

Мы прибили бы всю силу небесную».
А заглянули-то они да во чисто поле:
Всё стоит-то сила-орда неверная.
Тут поехали они опять да во чисто поле,
Они били-то, рубили ровно три денька.
А по божьей-то было милости,
А по Илеюшкиной было участи
Как попало тут на саблю знакомо лицо,
Которо-то было лицо зарублено.
Тут возговорил-то Илеюшко таково слово:
«Уж вы гой еси, могуции богатыри,
Мы поедемте-то из орды-силы неверные:
Не перевоевать нам, братцы, с мертвыми».
Тогда выехали они из орды-силы неверные:
Они раскинули свои шатры полотнены,
Повалились отдыхать тогда уже.
А приехала поленница преудалая,
Она ездит тут да по чисту полю,
Выхваляитця она да таковы слова:
«Не застала я Камьского побоишша,
Старого казака Илью Муромца,
Отрубила я бы у него да буйну голову».
Говорил тут Илеюшко таково слово:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитин сын,
Поснимай-ко, отсеки да буйну голову
У той-то поленницы преудалые».
Поехал тут Добрынюшка Никитин сын.
Они съехались с поленницей преудалые,
Они ударились копьями вострыми,
Тут как вылетел Добрынюшка из черкасьского седёлышка,
Упал-то он на сыру землю.
Всплыла-то поленница преудалая
Добрынюшки на белы груди,
Хоцет скрыть у его да белы груди,
Посмотрить-то его да ретива серца.
Тут увидел-то Илеюшка Муромец,
Скоцил-то он на добра коня,
Скрицял-то он своим да громким голосом:
«Не тронь моего бротелка любимого,
То отсеку у самой да буйну голову».
Как скоцила она да на добра коня,
Хотела уехать от его,
А настыг-то Илеюшка на добром коню,
А отсек-то у ей буйну голову.
Говорил-то Илеюшка таковы слова:
«Мы приедем во город славнокиевской,
Расскажу я на чесном пиру,
Што сидела-то поленница преудалая
На твоем-то задницей на белом лице».

Тут Добрынюшка скоцил на камень на море, думал, што корапь идет, хотел уйти отсюда, убился совсем. А Илья Муромец поехал в Киев, не доехал — в воротах окаменел. И со всеми ими што-то сделалось:

Рубят надвое, так двое делаются,
Рубят натрое, так трое делаются.

142

ДОБРЫНЯ И ИЛЬЯ

Прежде Рязанюшка слободою слыла,
Ишо ныне Рязанюшка словет городом.
А во той-то во Рязани славном городи
Ишо был-то, жил Никитушка Романович.
5 Живуцись-то, Никитушка престарился,
А престарился Никитушка, преставился.
А осталась у Никитушки любима семья,
А любимая семéюшка — молода жена,
Молода жена, дитя малое,
10 Ишо нá имя Добрынюшка Никитин сын.
Не по дням ростет Никитушка, по минуточкам.
Совершилось-то Добрынюшки ровно восемь лет,
Стал-то ходить Добрынюшка во школочку,
Он учит-то себе востру грамотку,
15 Он ведь грамотку идет, как водой бредет.
Научился Добрынюшка вострой грамотки,
Совершилось-то Добрынюшки двенадцать лет.
Он стал-то ходить, гулять на уличку,
Играть-то шутить со ребятами.
20 Он ведь шуточки шутить стал немалые:
Он и за руку дитя хватит, дак и рука-то прочь,
Он и за ногу хватит — и нога прочь,
Он и за голову хватит — и голова прочь.
Стали доходить до его жалобы
25 Своей-то родимой маменьки.
Заворцяла на его да родимая мать.
Тут возговорил-промолвил Добрынюшка Никитин сын:
«Ты сошей-ка мне, маменька, сумочку ременчату,
Я поеду-то, маменька, на Пучай-реку
30 Стрелять-то, палить серых уточек».
Видели Добрынюшку сряжаючи:
Он накинывал седёлышко черкаськое,
Он затягивал пружины все двенадцати,
А застегивал спинёцки серебряны,
35 А не для ради красы-басы,
А ради окрепушки богатырьские.
А выехал Добрынюшка во чисто поле,
Приехал ко столбу да богатырьскому,
Тут написано было на столбе:
40 «А перьву дорожечку ехать — женату быть,
А во вторую ехать дорожечку — богату быть,
А во третью дорогу ехать — убиту быть;
Первая заставушка — темны леса,
А вторая заставушка — черны грязи,
45 А третья заставушка сидит Соловей на девяти дубах».
Тут подумал добрый молодец:

«Женитися мне рано ише,
А богаства у мня своего довольно,
А поеду я в ту дорожечку, где убиту быть».
50 Выехал Добрынюшка во чисто поле,
Едет-то Добрынюшка по чисту полю,
Он палицю мецет по поднебесью,
А примат он да на белы рука.
. . . . . .

На столбах богатыри расписывались, Добрынюшка расписался, поехал. Поездил по полю и повалился отдохнуть. Илья Муромец и увидел по столбу, што проезжал Добрыня. Вдруг поехал Илейка Муромец к белу шатру. И пустил коня своего к пшеницы белояровой. А Илеюшка хотел убить Добрыню в шатру белополотненом, а сам раздумался: «Сонного убить, всё равно што мертвого. А лучше я его разбужу». Разбудил его.

55 Добрынюшка вскочил на добра коня,
И съехались с Илеюшкой, сразились.

Добрынюшка ударил его палицами тяжелыми. Выскоцил Илеюшка из седёлышка черкасьского.

А упал-то он на сыру землю.
Всплыл-то Добрынюшка на белы груди Илеюшки Муромцу,
Хочет спороть да белы груди
60 Посмотрить-то у Илеюшки ретива серца.
Да по божьей-то было милости,
Да по Илеюшкиной было участи
Тут скочил-то Илеюшка на резвы ноги,
Тут взвалил-то Добрынюшку на сыру землю:
65 «Уж ты вой еси, Добрынюшка же Никитин сын,
А младой Ильевич,
Когда был твой татенька любимые,
А тогда я был у твоей маменьки и сделал тебя,
Теперь будь ты мне бротелко названный.
70 И будем жить с тобой в дружелюбии».
— «Я не поверю этому-тко, я поеду спрошу у матери».
Он ко городу-то едет не дорогою,
А во город заезжает да не воротами:
Он скачет через стены городовые,
75 Мимо же-то башни наугольные.
Не доскочил до матери... версты,
А скричал да он да громким голосом,
Стёкла вылетели, а ставни полопались:
«Скажи-ка, мать, я Никитин или младой Ильевич?»

Мать сказала, што правда — младой Ильевич. «Поеду, — говорит, — всё равно убью Илеюшку Муромца, шоб не смеялся надо мной». Поехал, увидел во чистом поле. Съехались, опять ударились, дак Добрынюшка выпал из седёлышки черкасского. Тогда взмолился Добрынюшка Никитич: «Не буду больше на тебя нападать, оставь меня в живности». Тогда сделались друзьями. Больше уж друг с дружкой ходили вместях и выручали друг дружку.

АННА ВАСИЛЬЕВНА БРОННИКОВА

А. В. Бронникова в 1937 г. — 80-летняя жена колхозника дер. Нижняя Зимняя Золотица, грамотная.

В роду А. В. Бронниковой и ее мужа, по ее словам, никто былин не пел, усвоила же она их от сторонних сказителей и из лубочных изданий (см. комментарии к текстам). Записанные от нее тексты могла передать только «пословесно».

143

[КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ]

Из-за Камьского, из-за Уральского
Выступала сила числа-сметы нет:
Сорок царей и сорок царевицей,
Сорок королей и сорок королевицей,
А на кажного царя по сорок тысячей,
А на самого царища Идолишша числа-сметы нет.
Подходила сила под Киев-град,
Становилась сила на зелёны луга.
У царища Идолишша был зять Васька Чёрный.
Ехал Васька во Киев-град,
Не путём ехал, не дорогою,
А скакал нонь через стену городовую,
О тую башню наугольную.
Заезжал Васька на широкой двор,
А бросал коня не приказана и не привязана,
Бежал Васька в полаты белокаменны,
А бросал ярлыки на дубовой стол,
А читал ярлыки Илья Муромец.
И говорил Илья Муромец Владимиру стольне-
киевскому:
«Ты бери-тко чашу серебряну,
А насыпай чашу красным золотом,
А дари-тко Ваську Чёрного».
Васька дар берет и челом не бьет,
А приказ дёржит строжайший,
Построить терема с подтерёмками,
А дворы со подъездами,
Дават сроку только на три дня,
Приказыват всё привести в препорцию.
А во Киеве богатырей не было.
Посылали богатыря взыскивать Микулушка,
У Микулушка лошадочка малёшенька,
И малёшенька и удалёшенька,
Она горы, лесы промеж ног берет,
А быстры реки перескакиват.
Собрались все богатыри во Киев-град,
А дворов с теремами не устраивали,
Собирались, сряжались трое суточки,
Брали зелена вина семь сороковок,
А пива пьяного двенадцать сороковок,
Выезжали во чисты поля,

Становили белы шатры,
Пили, сряжались трое суточки,
Говорили во Киеве князя-бояра:
«Что делат нам Илеюшко изменушку».
45 А Илеюшко отписал ярлык
Владимиру стольне-киевскому:
«Не жалко во Киеве князе́й-бояр,
А только жаль во Киеве божьих церквей,
Божьих церквей да победных вдов».
50 Тогда отправился Илеюшко ко Идо́лишшу,
А сказал Илеюшко своим богатырям:
«Вы не ездите докуль во чисто полё,
Доколе не застучит моя сабля вострая,
А не забренчит моя кольчуга серебряная,
55 Не заревут тотара проклятые».
Поехал Илеюшко по Идо́лишшо.
Дали Илеюшку дорожочку широкую
Доехать до самого царища Идо́лишша.
Доехал Илеюшко до Идо́лишша,
60 Обнажил свою саблю вострую,
А срубил Идо́лишшу буйну голову.
Поехал Илеюшко по чисту полю,
Бил-топтал силу проклятую.
Застонали, заревели тотара проклятые,
65 Собрались все богатыри на чисты поля,
Бились-рубились трое суточки,
Избили всю силу проклятую.
Собрались тогда все по своим шатрам,
А на отдых повалились сутки на трое.
70 Олексей-от был умом слаб, а языком прост,
Говорил Олексей: «Исприсе́кли мы всю силу неверную,
А кабы на небо была лисница,
Так исприсе́кли мы всю силу небесную».
А тогда Илеюшко вышел из бела шатра,
75 Взглянул Илеюшко во чисты поля;
Которого секли надвоё, из того два стоит,
А которого секли натрое, из того три стоит.
Зашел Илеюшко во бе́лой шатер:
«Нашутили мы, братцы, шуточку не малую,
80 Которого рубили надвое — два стоит,
А которого рубили натрое — три стоит».
Тогда поехали богатыри во чисты поля
Бить-топтать силу проклятую.
Бились-топтались сутки семеры,
85 Тогда собрались обратно ко белым шатрам —
Олексей-богатырь на копие скололся.

(*Приехали богатыри к шатрам, думали Олексея во дальних местах, а он скололся на копье*).

Тогда разъехались богатыри по чистым полям,
Состыгли во чистом поле Ваську Черного
И того скололи на востро́ копье.

144

[ИВАН ГОРДЁНОВИЧ]

Красно солнышко ко западу и ко за́кату,
Тогда у Владимера пир собираетця,
Вси бояра и хрестьяна на́ пир съехалисе,
Все садились за дубовыя столы,
5 Все хрестьяна и бояра повы́пили,
Повыпили, приросхвасталисе.
Умной-от хвастат добрым коне́м,
А безумной хвастат молодой женой.
А Владимер-князь по гривенке похаживает,
10 А тросточкой по полу побрякивае,
А русыма кудрями принатряхивае.
А сидел один Иванушко Гордёнович,
Он не пьет, не ест, ничем не хвастает.
А Владимер-от подходит к Иванушку:
15 «Что же ты, Иванушко, не пьешь, не ешь,
Не пьешь, не ешь, ничем не хвастаешь?
Разве тебе, Иванушко, место не по вотчины,
Старой над тобой надсмехаитце,
А младой над тобой наругаетце?»
20 — «Блаослови-ко-тко, дядюшка, слово молвити.
Место-то мне по вотчины,
Старой надо мной не надсмехаитце,
А младой надо мной не наругаетце,
А все-то у нас во городе поженены,
25 А красны-ти девушки у нас повыданы».
— «А ты женись-ко, Иванушко, где те хочетце,
Ты бери-тко золотой казны, сколько надобно».
— «Мне не надо-тко, дядюшка, твоя золота казна,
А женитьця я буду у царища Вахрамеишша
30 На душечке Овдотье белой лебеди.
Грозностью возьму я княжецкою,
А силоцькой возьму богатырскою».
Только видели Иванушка как собираетце,
А не видели Иванушковой поездочки,
35 Во чистом поле курева́ стоит.
Приезжает Иванушко к царищу Вахрамеищу,
А входит Иванушко в полаты белокаменны,
Кланяетце Иванушко низко о́ землю:
«Уж ты здраствуй-ко, царь Вахрамеищо!»
40 — «Уж ты здраствуй-ко, Иванушко Гордёнович,
Ты не в рабы ли пришел ко мне, не в служение?»
—«Я не в рабы пришел и не в послушники,
А пришел я к тебе посвататьця
На белой лебеди Овдотьюшке».
45 — «Засватано мое чадышко за царище за Идо́лишшо».
— «Уж ты честью не отдашь, так возьму не́честью,
Уж я грозностью возьму княжецкою,
Уж я силою возьму богатырскою».

— «А сидит мое дитятко в высоком тереме,
50 А стоит сторожов челая чи́сменница,
За замками сидит за двенадцатью.
Пошел Иванушко, всех сторожов прибил,
И все двенадцать замков сорвал,
Зашел к Овдотье в терем высокие:
55 «Здраствуй, Овдотья лебедь белая!»
— «Здраствуй, Иванушко Гордёнович!»
Берет Овдотью за белые руки
Ведет Овдотью на широкой двор.
Скрычала Овдотья громким голосом:
60 «Умел меня, батюшко, вспоить-вскормить,
А не умел меня, батюшко, взамуж выдати!»
Тогда садился Иванушко на добра́ коня
И Овдотью садил туда же на добра́ коня,
Ехали по чисту́ полю,
65 Пристыгала их ночка темная,
Розоставил Иванушко белой шатер,
Зашли в шатер с Овдотьей белой лебедью.
Наехало в сугон Идо́лишшо,
Отнял Овдотью лебедь белую,
70 А опутали Иванушка в путышки шолко́вые,
Сами зашли во белой шатер.
Захотелась Овдотье мяса голубиного,
А Идо́лишшо вышел стрелять си́за голуба,
Не сиза́ голуба подстрелил — сам себя.
75 Тогда Овдотья вскричала зычным голосом:
«От того-то я бе́режку отъехала,
А до другого-то не доехала».
Вышла на белу улицу, заплакала.
Тогда Иванушко промолвил Овдотье белой лебеди:
80 «Отпутай, Овдотьюшка, из путов из шолко́вых,
Я не буду не бить, не учить,
А только дам женьско́ поученьице».
Овдотья схватила саблю вострую,
Хотела срубить у Иванушка буйну голову,
85 А попала по путушкам шелко́вым.
Отпал Иванушко от сыра дуба.
Тогда избил Иванушко Овдотью лебедь белую,
Во-первых, отрезал губы алые:
«Не надо мне твои губы алые —
90 Целовали Идо́лища проклятого».
Во-вторых, отрезал груди белыя:
«Шшупал Идо́лищо проклятое за белы́ груди́».
Во-третьих, срубил буйну голову.
Тогда приехал Иванушко во Киев-град,
95 Стречали Иванушка князи-бо́яра,
Проздравляли Иванушка Гордёновича:
«Ты здорово женился — тебе не с кем спать».
— «А женилась моя сабля вострая».

(Больше всё).

145

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ]

В городе Муроме в селе Карачарове жил-был Иван, а звали сына Ильей. И сидел Илеюшко седуном тридцать лет. Тогда пришли к Илеюшке калики перехожии и попросили у Илеюшки милостыни.

«Подать-то у нас есть чего у батюшка, да подать некому». — «А ну-ка, Илеюшко, встань да поди!» — «Как я, — говорит, — пойду, как ноги не носят». Тогда Илеюшко встал на ноги.

«Поди-ко, Илеюшко, принеси чару зелена вина». Он стал им подавать. Калики сказали: «Выпей-ко сам». Илеюшко выпил. «Что, — говорят, — Илеюшко, теперь слышишь в себе?» — «А было бы, — говорит, — кольцо в сырой земле, так перевернул бы землю». — «А поди-ко принеси другую чару пива пьяного!» Илеюшко принес. «Выпей сам», — говорят.

Тогда как Илеюшко выпил пива пьяного, его калики спросили: «Чёго ты теперь, Илеюшко, в себе чувствуёшь?» — «А чувствую силушку на половинушку». — «Той, — говорят, — тебе будет довольнё. А есть у отца конь, тогда ты этого коня веди по зорям».

Тогда Илеюшко пошел к отцу-матери на пожню. Отец говорит: «Илеюшко идет, наш Илейка идет» (*Илейкой звали*). А мать говорит: «А откуль взялся, как сидит не шевелится?» Тогда Илеюшко подошел к отцу-матери. И зачал просить у отца-матери благословления: «Отец-матерь, дайте, — говорит, — мне благословление ехать во Киев-град самого себя показать да людей посмотрять». — «Поезжай, наше дитятко». Срядился Илеюшко и поехал. И отець с матерью ему сказали: «Поедешь, никого не обижай на пути, не проливай крови напрасно».

Тогда Илеюшко поехал во чисто полё. Наехал Илеюшко на двадцать пять человек. Двадцать пять человек на Илеюшку стало напускать. Тогда Илеюшко с себя снимает тугой лук и накладывает калену стрелу и спускат по чисту полю. Стала рвать стрела на косую сажень землю. Тогда разбойники испугались, пали на колени. Стали просить Илью себе царем. «Я, — говорит, — не царем еду, а сам себя показать и людей посмотрять».

Под городом Муромом стояла сила неверная. Он эту силу всю прибил Илеюшко, город очистил. Поехал тогда прямой дорогой, на которой был заложон Соловей-разбойник. Ехал по тем грязям топучим, по тем мостам калиновым и по тем лесам Бряньским. Приезжал к реки Смородинке. В реки Смородинке было гнездо заложено Соловьиное. Сидел Соловей на двенадцати дубах.

Подъехал Илеюшко под самое гнездо Соловьиное. Соловей свистал во весь Соловьиный свис. Под Ильей конь подпнулся. Илеюшко сказал коню: «Волчья ты пасть, травяной мешок! Не слыхал ли ты в чистом поле крыку богатырского, а во темном лесу свисту соловьиного?» Тогда сказал Соловей, что крепкое богатырское сердце. Тогда Илеюшко снимат с себя тугой лук, накладыват калёную стрелу и спускат на Соловьиное гнездо. И попал в правой глаз и вышиб ево вон. А Соловей-разбойник свалился с гнезда, что овсяный сноп. Тогда Илеюшка берет Соловья-разбойника и приковыват к стременам булатным.

Тогда ехал Илеюшко по той дороге, на которой стояли Соловьевы полаты. Увидала Соловья дочь, закричала, что «едет наш батюшко с добычею, везет нам мужика». А вторая дочь посмотрела и увидала: «Не батюшко наш едет, а едет какой-то мужик и везет нашего батюшка. А третья дочь закричала своим мужьям: «Мужья наши милые, поезжайте к мужику

навстречу и отбейте у него нашего батюшка. А большая дочь подняла железную подворотину, хотела прижмить воротиной. Илья Муромец усмотрял, копьем ударил и со стеной прошиб. Увидал Соловей-разбойник своих зятей. «Зятья, — говорит, — мои милые, не дразните таково святорусьского богатыря. Лучше покорно просите в полаты мои, в дом выпить чару зелена вина». Илеюшко проехал мимо Соловьиных полат. Ехал прямо в Киев-град.

Заезжал на широкой двор. Заходил в полаты белокаменны. «Здравствуй, — говорит, — Владимер стольно-киевской!» Владимер не знал, какой, откуль. «Я, — говорит, — из города Мурома, из села Карачарова, а зовут меня Илеюшкой, а по отечеству Иванович». — «А которой дорогой ехал?» — «А ехал прямо на Чернигов-град. А под Черниговом стояло войско бусурманское, я, — говорит, — город очистил. Ехал прямой дорогой, на которой залóжон Соловей-разбойник. Я, — говорит, — его привез с собой». Тогда богатыри побежали смотрять, что «правильнё ли привез». Тогда сказали богатыри, что правильнё привезён.

Тогда Владимеру захотелось послушать свисту Соловьиного. Князя с княгиною овернул [Илья] в шубы соболия. Тогды выходили на двор слушать свисту Соловьиного. Илеюшко велел Соловью: «Посвистай в полсвиста!» А Соловей засвистал во весь свист. Поглушил всех богатырей. Тогда Илеюшко Соловья убил столетним дубом.

Тогда назвались крестовыми братьями назваными с Добрыней Никитичем. Ехали искать себе поединшика во чистóм полé. Наехали только на калику перехожого. И стали на его напускать. А калика перехожий говорит: «Помнишь, Илеюшко, мы с тобой в одной школе учились грамоте, а теперь ты на меня напускать стал! А во Киеве неприятеля не знаешь. Приехал Идóлишшо в Киев-град. Ест по быку, а пьет по котлу».

Тогда Илеюшко с калики снимат платье. Шапка в сорок пуд, а костыль в руке — девять. Тогда Илеюшко идет во Киев-град, к полаты белокаменной, просит милостыну. Идóлишшо сказал: «Позавóн не подам, а иди в полату». Илеюшко зашел в полату и стал к печке. Тогда запросил Идóлишшо ись. Принесли быка челого важенного. И он его с костями съел. Запросил Идóлищо пить. Принесли котел пива. А несли двадцать пять человек. И он за уши взял и выпил. А Илеюшко не стерпел и сказал: «Была у меня у батюшка кобыла обжорлива. И обжиралась ходила, на захлевьи издохла». Тогда Идóлишшо сказал: «Каков из вас есть Илья Муромец? Я бы, — говорит, — на одну долóнь посадил, другой притяпнул. Только меж долóнями мокро бы осталось». А Илеюшко шляпу снял, по Идóлишшу ударил и со всем с простенком вышиб. И сказал: «Вот таков он и есть!» Убил Идóлишша.

146

[СОРОК КАЛИК]

Собиралось сорок калик со каликою,
А клали промежу собой заповедь великую:
«Кто у нас, братцы, заворуется,
И кто у нас, братцы, заплутуется,
5 А кто из нас, братцы, за блудóм пойдет, —
Не ходить нам, братцы, не под царский суд,
Не под царский суд, не под княжеский,
А судить-то мы будем, братцы, своим судом:

Ясны-ти очи тянуть косицами,
А речистой язык тянуть теменем,
А ретиво сердцё тянуть промеж двух плечей».
Отправились калики в путь-дорожочку,
А повстрецалась им стретушка великая
Встретился Владимер стольне-киевской:
«Уж вы здраствуйте, калики перехожие!»
— «Уж ты здраствуй, Владимер стольне-киевской!»
— «Не слышал я, братцы, стиха Елéньского,
Уж вы спойте-тко, братцы, стих Елéньские».
Они друг на дружку стали зглядывать,
Копья во сыру землю испотыкали,
А сунки на копья исповéсили,
А суночки-котомки были шолковые,
А подсуночники были серебряные,
Запели братцы стих Елéньские,
Мать-то сыра земля потрясаласи,
А в озёрах вода всколебаласи,
А копья во сырой земле пометусились,
А с копьей сунки приобсыпались,
А Владимера конь спотыкается,
А буйна голова с плеч покатилася,
Под праву руку подхватывал Добрыня Никитич,
А под леву руку подхватывал Илья Муромец.
«Перестаньте-тко, братцы, петь стиха Елéньского,
Заходите, братцы, во Киев-град,
В мои полаты белокаменны.
Был Михайлушко прекрасной красоты,
На Михайлушка прельстилась Опраксея-королевая
И во суночку положила Владимера чашу красна золота.
Пробыли во Киеве одны суточки,
Отправились калики в путь-дороженьку.

(*Больше ещо есть, да призабыла. Еще слово полдесяток, как состигли с чашей*).

ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЛАКУЕВ

Г. М. Плакуев (1868—1945 гг.) родился и всю жизнь прожил в Нижней Зимней Золотице. В молодости славился по всей Архангельской области как хороший охотник, хотя всегда стрелял только из кремневого ружья. Когда он состарился и не мог больше работать в колхозе, последние годы своей жизни жил на средства детей.

Былины он перенимал в семье сказителей Крюковых (Г. Л. Крюков был двоюродный брат Устиньи Крюковой, родной тетки матери Плакуева) и у сказителя Ф. Т. Пономарева из Верхней Зимней Золотицы.

С трудом припомнил и рассказал былины «Петровичи-Сбродовичи» и «Про Дюка Степановича» и гладко спел «Небылицу». От него записаны еще анекдоты про Петра I и несколько песен; одна из них — «Про Грумант» опубликована в статье Э. Бородиной-Морозовой «Сказания и песни о Груманте».[1]

Г. М. Плакуев уверял, что прежде знал много старин, но по молодости стеснялся исполнять их при приезжих. А. В. Марков заходил к его матери и получил от нее в подарок рукопись Устиньи Крюковой «Осада Соловецкого монастыря» (Марков,

[1] Альманах «Север», Архангельск, 1948, стр. 166—170.

стр. 469—472), но собирателю никто и не подумал сказать, что сам Г. М. Плакуев «пропевает старины». Устинья Ивановна Крюкова жила в кельях старообрядческого Койденского скита, где у нее воспитывалась и обучалась грамоте ее племянница, мать Г. М. Плакуева. В доме Г. М. Плакуева было несколько рукописных книг. В деревне говорили, что эти книги попали к его матери после того, как закрылся скит.

Г. М. Плакуев рассказывал, что в Золотице, в обеих деревнях, Верхней и Нижней, в разных семьях были книги про богатырей. Много было их и у самого Плакуева: «Раньше книги дешевы были... В деревню приезжали владимирцы и татары и всё продавали дешево — разны больши картины про богатырей — три копейки... У нас картина была «Камское побоишшо», да вся истлела. Вси богатыри были в ли́цях. Тридцать три наших богатыря, да и у того много силы было».

У Г. М. Плакуева сохранилась растрепанная школьная хрестоматия «Отблески» без начала и без конца с 9-й по 148-ю страницу. В ней напечатано несколько былин. Эта хрестоматия была рекомендована для учащихся приготовительного и первого класса гимназии. Кроме того, у Плакуева были комплекты журналов «Вокруг Света» за 1905 г. и «Нива» за 1916 г.; книги: Станюкович. Морские рассказы; Уроки географии, вып. III, составил Д. Семенов. СПб., 1862; Жилинский. Промысел морского зверя в Белом море и на Ледовитом океане, 1930; некоторые популярные издания Синода. Сам Григорий Михайлович говорил о себе: «Я неграмотный, а памятный. Читать попечатному умею, а писать не научился, не хотел. Меня не приневаливали ходить в школу. А сосчитать сосчитаю лучше ученого, меня не обманешь».

147

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Поехал Дюк Степанович из Индии богатою, попросил он у матери благословленьица проехать в красный Киев-град, он ко ласкову князю ко Владимеру. Он приехал в красен Киев-град.

А у князя был почесен пир. Они вси на пиру напивалисе, они вси на пиру наедалисе. Посадил он Дюка Степановича повыше всех, наливал он чарочку зелена вина, зелена-то вина да полтора ведра.

И он берет-то цяроцьку во праву руку́, и попробовал зелена вина, и поклялся он своей буйной головушкой, и говорит князю Владимеру: «У тебя, — говорит, — боченки сосновые, а обруцы вересо́вые, в подвалах у тя лежат на сырой земли, не могу я пить вашего зелена вина».

И спрашивает князь Владимер его: «А у вас как в Индии богатою?»

— «А у нас боченки-ти дубовые, а обручечьки-ти на бочечьках-то медные, а в подвалах висят на цепях».

Подали ему калацикoв, он верх-то объест, а испод за окно выкинет.

И спрашивает его да князь Владимер: «Поцему ты, — говорит, — насьмехаешьсе?»

— «Потому я, — говорит, — насьмехаюсь: у вас поме́лышки сосновые, а поме́лышки тиной пахнут. А у нас-то поме́лышка шелко́вые. Пашут в печах шелко́выми поме́лышками».

Отошел у его почесен пир, и князь Владимер-от советует: «Кого бы послать мне-ка в Индигу богатую списать-то Дюково именьицо?»

Посылает он Добрынюшку Никитича осмотрить и описать всё именьице. И поехал Добрынюшка Микитич млад. Приезжает он во Индигу богатую. Видит на восходе красна солнышка, что Индига горит огнём вся. А подъезжает он до Индиги богатою, а крыши дорогие красна золота (он думат, что горит).

И приезжает он да на широкой двор, и поставил коня он на широкой двор, и заходит он, значит, ко Дюку Степановицю в дом. И кланяется Добрынюшка — низкой поклон.

И отвечает ему, Добрынюшке: «Я ведь не Дюкова матушка, а Дюкова кухароцька».

Подошел он ко другой, поклонилсе, и отвечает другая: «Я не Дюкова матушка, а Дюкова нянюшка. Удалой добрый молодець, — говорит, — я вижу ты роду ты ученого. А всем кланяться прислугам тебе, а не устоит твоя буйная головушка на плечах. А приедет его родна матушка из церкви, тогда и кланяйся ей, тогда низко кланяйся.

Его тогда это родна матушка вот и приехала на шестерке. Поклонилсе он Дюковой матушке, и она пригласила его в свою комнату и наливает ему рюмоцьку зелена вина. Он ведь рюмоцьку-ту выпил, другой-то хочетсе, а другу-ту выпил, третью-то душа бежит. Он ведь выпил третью рюмоцьку и заснул. И спал он трои сутоцьки.

И он проспалсе, Добрынюшка, во комнаты, и позвала его Дюка Степановиця родна матушка: «Поцему ты приехал к нам в Индигу богатую?»

Отвечает Добрынюшка Никитиць млад: «Я приехал описать Дюка Степановиця именьицо!»

А она и говорит Добрынюшке Никитицю: «Эко мое дитетко захвастливо! Похвастало вдовиным именьицом!» И повела его посмотрить Дюка Степановиця именьицо. И не мог-то Добрынюшка описать его именьица.

И она говорит таковы речи, а он не мог обценить и описать всё некак. И запела тогда его родима мать: «Вы продайте Киёв со Черниговым и купите чернил да со бумагою, да тогды вы опишите Дюка Степановиця именьицо». (*Вот сколько было! Два города продать велела!*). И поехал Добрынюшка во красён Киев-град, ко ласкову князю ко Владимеру. Его стретил князь Владимер его ласково и спрашиват Добрынюшку Микитиця: «Мог ли обценить его именьице?»

— «Не мог я обценить, описать некак!» Тогды князь Владимер усумнилсе всё, что у людей-то [с]только именьица накоплено.

А Дюк Степановиць стал поезжать в Индию богатою, и князь Владимер его да унимать всё стал, а ему Дюк Степановиць говорит да таковы речи:

«По приезди-то гостя не учостовал, а на отъезди будет гостя не начостовать! Уж я еду в Индигу богатою. Ежели будет на тебя да нападеньице, — говорит он князю Владимеру, — и посылай за мной, Дюком Степановицом (*как ежели война будет*), так я еду к тебе да на зашшиточку».

(*А по описям никако море богатыря не держало. Он всё равно как аэроплан улетит. Они все были богатыри сильние — Ильи Муромец, Добрынюшка Микитиць, Дюк Степановиць и Алеша Поповиць. Тот хошь не сильней, зато напуском смел!*).

148

ПЕТРОВИЧИ-СБРОДОВИЧИ

Был у князя у Владимера почестен пир. И были все князья и были боярушка на чесном пиру и богатыри. Все там гуляли, веселисе они, пьяны да напивалисе, они вси на пиру да приросхвастались: кто добрым конем, кто, значит, золотой казной.

А сидя[т] братьица Петровици-Сбродовици, они сидят да призадумались и не пьют, не едят, и не хвастают. И подходит к ним да князь Владимер: «Уж вы что же, вы братьица Петровици, не пьете вы едите и не кушаете, што вы белой лебедушки да не рушаете и ницим-то вы сидите да вы и не хвастаете?»

И говорит ему младший брат: «А цем бы нам тебе, князь Владимер, бы похвастати? Разве мы этим мы да ёрником похвастам всё. У нас есь-то

родна сестра. Сидит она в высоком тереме и нихто про ей не знает и не ведает, и вышивает она шелками дорогима ковры разные. И за трема дверемя она решесцятыма и за трема замками она великима. И у нас-то нехто не знает про ей, што у нас есь сестра».

Подходит Алешенька Поповиць млад и говорит он им таковы речи: «Бывал я у ей в своей горенки!»

Родной ей брат бросил в его ножичком, не попал он в Алешеньку Поповиця. И говорит Алешенька Поповиць млад: «Вы приедете к своёму широку двору, уж вы киньте ком бела снежка в околенку и тогды-то вы всё да всё увидите. И тогды-то вы всё про ей узнаете».

Приехали они вецерком поздно. И бросил ком снежку белого малой брат в околенку. И отпират она околенку, отпират и приговариват:

«Ах ты Олешинька ты мой Поповиць млад! Не ожидала я да дорога гостя. У мня кушать нонце прохолонуло всё». И спускат она конець полотна на улицю (*он по полотну лазил*).

Что братьица родны да розгрубилисе и вырывали тогды двери с ободверинами, выхватывали сестру да за руку, за ногу и хотят у ей отсекци буйну голову.

А замолилась ему сестра жалобно: «Уже вы братьица вы да родимыя. Вы не бойтесь-ка стыду да стыду сестрина, а вы побойтесь-ко да стыду женина. Ише к вашим-то к молодым женам а ездит к вам да стариньшина, а старый козак да Илья Муромець (*ише к женам-то ездит*!)

Тогды приехал-то к ней Алеша Поповиць млад: «Не ссеките у ей да буйну головы, ише я-то ей взамуж возьму».

Это братьица родимые опешили, что «уедем мы да во чисто полё, а к молодым женам-то ездит Илья Муромец». А они боялись Ильи Муромьца — вся Россиюшка!

149

[НЕБЫЛИЦА]

Это что-то было чудышко чудесное, —
По поднебесью медведь летат.
Он широкима лапками помахивал,
А коротеньким хвостиком поправливал.
А ишо-то было чудышко чудесное, —
По синю морю жернова несет,
А по чисту полю карапь идет.

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА ПОПОВА

Н. Ф. Попова в год записи (1937 г.) — 73-летняя жительница дер. Нижняя Зимняя Золотица, последние 20 лет слепая.

Наталья Федоровна — дочь сказителя Ф. Т. Пономарева, одного из лучших былинщиков времени А. В. Маркова. Об отце Н. Ф. Попова вспоминала: «На тонской избушке сидишь с ним, семгу ловишь. Он к пецьке лёгет. Лежит и поет. Сколько он перепевал! Камьское побоишшо, — долгое то, Илья Муромец да Добрыня Никитич да Олешенька Поповиць». Слышала от отца и «про Олешу и про братьев Петровицей». Сама могла вспомнить только начало былины о Дунае, былину о Чуриле, часть которой пересказала своими словами, и балладу о братьях-разбойниках, про которую говорила, что поет ее ребятам. Вспоминала отдельные стихи из «Ивана Горденовича». Былины и баллады называла одинаково «старинами». «Моряночку» записал от нее в 1934 г. и В. П. Чужимов, но текст этой первой записи не сохранился. Другие былины исполнить она тогда отказалась, ссылаясь на то, что «грех» их петь.

По словам Н. Ф. Поповой, покойная ее сестра Марья (мать сказительницы Серафимы Яковлевны Седуновой) знала от отца несколько старин, однако не певала их. От брата Василия Федоровича Н. Ф. Попова былин совсем не слыхала.

150

[ДУНАЙ]

Красно солнышко катится да ко западу,
Ай да што ко западу солнышко да закату,
Да Владимера-то пир идет да на радости,
Ай да што на многие князи и на думных бояров,
А да што на руських могуцих на богатырей,
Ай да што на тех же полéниц на приудалыя,
Э да што на тех же на хресьянушек о да прожитосьних.
Ай да ишо вси-ти на пиру они сидя пьют и едят,
А да они вси-ти на пиру они сидят и кушают,
Ай да они беленьку лебёдушку сидя рушают,
Да они все же на пиру сидят пьяны и веселы,
Ай да они вси же да на пиру сидя расхвастались:
И да што иной сидит хвастает широкúм-от двором,
Ай да што иной-от сидит и хвастает да добрым конем,
А да што иной-от сидит хвастает да золотой казной,
А да што глупой сидит и хвастаёт молодой женой,
Ай да што безумный сидит хвастает родной сестрой.
А да што Владимир-князь во комнаты да похаживат,
Да он ведь тросточкой ходит покалачиват,
А да он ведь буйной-то головушкой да покачиват,
А да ведь он русыма кудрями да принатряхиват,
А да он ведь сам то говорил да таковы слова:
«А да уж вы гой еси, князи, вы думни бояры,
А да уж гой еси, руские могучие да богатыри,
И да уж вы гой еси, кресьянушки прожитошны,
Ай да вы не знаете ли мене, братцы, да обручени́цю,
Да был обручницю мне да супротивницу?
Да еще беленько-то личико было бело снег,
Да уж как щечки-то у ей были маков цвет,
Да ишо ясны-ти были очи ясны, как у сокола,
А да еще черны-то брови, как у соболя,
А да што походоцка была да у ей эй павúная,
А да тиха рець-то была бы лебединая,
А да уж возрастом была не малая, умом крепка,
А да ещо было бы кого бы мне назвать княгиною,
А да што княгиною назвать было, царицёю».
А ишо старшей хоронится за середнего,
А да еще средьней-ёт хоронитсё за младшого,
А да што от младшего боярина ответа нет.
А да говорил князь Владимир во второй након,
А да што говорил Владимир да во третей након,
А да всё ведь старшой-от хоронится за середнёго,
А да ешо средней-от хоронится за младшего,
А да што от младшего боярина ответа нет.
От тут соходит-то со скамейки-то белодубовой,

Говорил тогды удалой да доброй молодец:
«Сблагослови-ко мне, князь Владимир, да слово вымолвить
И благослови мне, князь Владимир, да рець говорить,
И да не моги-ка мне за слово да головы сказнить,
50 И да ты моги меня за слово да помиловать».
А да говорил-то князь Владимир да таковы слова:
«А да говори-тко-се тебе-ка што надобно».
— «А да уж я знаю тебе да обручницу,
Да я обручнецу тебе знаю, супротивницю».
55 Да у того же короля-то земли, земли Задонецкой,
А да уж как есть-то у его есть это две доцери,
Што старшу-то зовут Настасья-королевична,
А да еше младшу-то зовут Апраксе́я-королевична.
А да Настасья-то она не твоя слега́,
60 А да не твоя-то Настасья и не тебе вёрстна́,
А да Опраксея она-то будет твоя слега́,
А да што твоя она слега́ и тебе вёрстна:
А да еще беленько-то лицо у ей, как белый снег,
А да еще щецки те у ей, как ведь маков цвет,
65 Да ешо ясны те очи, будто у сокола,
Еше те черны у ей брови да у соболя,
А да походоцка-то у ей да павиная,
А да еще реци-та у ей как лебединая,
А да ешо возрастом немалая и умом крепка,
70 А да ешо было можно ей назвать да княгиною,
Ишо можно ей назвать да всё царицею.

151

[ЧУРИЛА ПЛЁНКОВИЧ]

Нападала порошиця снегу белого,
Шло-то прошло два прохожего,
Два брателка крестового.
В первую голову Чурилушка сын Плёнкович,
5 В втору голову — Олешенька Попович.
Чурилушка шел-то к широку́ двору,
К широку́ двору к Переметьеву,
А Олешенька-то шел во божью церкву.
Он крест-то кладёт по-писа́ному,
10 Поклон ведё по-уцёному,
Кланяетце на все четыре стороны:
«Здраствуйте, попы-отцы духовные,
Прицетники церковные.
Здраствуй, Перемёт сын Васильевич,
15 Стоишь ты во божьей церквы,
Пришел к твоей молодой жены долгожданый гость,
Долгожданый гость, старопрежний друг,
Чурилушко Плёнковиц».
Он и запошел из церкви Перемётушка:
20 «Ссеку-то я у Чурилушки голову».
Плёнкович заходит на крылечушко,

Дерьгат за ремёшок семишолковый,
Брякает за колечушко серебряное.
Услыхала девочка кухарочка,
Любима Переметьева племянница,
Открыла окошецько немножечко:
«Кто стоит на прекрасном на крылечушке,
Кто дерьгат за ремёшок семишолковый,
Кто брякает за колечушко серебряно?»
Спрашивал Чурилушко Плёнкович:
«Где у тебя дядюшка родимый?»
— «Дядюшка ушел во божью церкву,
Ушел-то он ко ранной заутрени».
— «А где у тебя тётенька родимая?»
— Тётенька у меня в задней горницы».

(*Тут она и побежала говорить*).

Перемёт пришел, тоже забрякал за колечушко. Они-то этого не чули. Племянница не отворила, пришла, сказала. Она (жена Перемёта, — *Ред.*) и спрятала, а она (племянница, — *Ред.*) побежала, открыла. А у его (Чурилы, — *Ред.*) было всё развешено, сибирочка и другое.

«Чья это сибироцька на спичецьке?»
— «Были бабушкины детоцьки,
Оставили сибирочку на спичецьке».
— «Чьи это сапожоцьки у кроватоцьки?»
— «Были бабушкины детоцьки,
Оставили сапожоцьки у кроватоцьки».

Вся одежда была развешена и шляпоцька. Она всё говорила, что это бабушкины детоцьки оставили. Она завертела его (Чурилу, — *Ред.*) в постель. Не знаю тут, не помню, как они боролись. Он (Перемёт, — *Ред.*) ее убил или обоих.

152

[МОРЯНОЧКА]

Бывала-живала да молода вдова,
А да што у той же вдовы было девять сынов,
А да што десята была дочь, красна девица,
А да што братьица сестрицю возлелеяли,
А да што возлелеяли сестрицю, сами в разбой ушли.
А да што вдова дочку взростила,
Э да што дочку взростила, да она ей замуж выдала,
Э да за того же купця-гостя морянина.
Э да они год живут, два другй живут,
Э да они прижили себе мала детыша.
Э да захотелось моряночке в гости к матери:
«Э да ты вези себя, морянин, в гости к матушке».
Э да ише в ту пору морянин не ослышался,
Э да он пошел морянин да во конюшен двор,
Э да выбирал себе морянин коня, лошадь добрую,
Э да лошадь добрую выбирал он себе, лошадь неезжалую.
Э да он моряночку садил да на леву руку,

Э да что он, морянин, садился на праву руку,
Э да малого детыша посерёдочки.
Да они ехали тут день до вечора,
Э да состигала их ведь ночка темная,
Э да ноцка темная состигала их, осенняя.
Э да разоставил тут морянин белы шатры,
Становил он, морянин, коня ко белу шатру,
Э да насыпал ему пшеницу белоярову,
Э да заходил он, морянин, да во белой шатер,
Э да што моряночку валил да на леву руку,
Э да што морянин валился да на праву руку,
Э да што малого детыша валил да во серёдочку,
Э да они заспали, моряна, крепким сном.
Э да не шум, шум шумит да не гам гамит,
Э да тут наехали к белу шатру девять разбойников,
Да они усекли у морянина по плець голову,
Да малого детыша убили о сыру землю,
Да што моряночку они ту во полон взяли,
Э да што восемь разбойников они заспали,
Э да што девятый разбойник не спит, но лежит,
Э да он всё у моряночки выспрашивает:
«Э да ты какого отця, какой матери?»
Э да как уж тут моряночка она расплакалась
(*Я вот тут уж не знаю, как она отвечала*):
«Э да были у моряночки девять сынов,
Да что десятая я была красна девица».
— «Уж вы ой еси, братья да разбойники,
Вы ставайте-тко, братья да разбойники!
Э да уж мы любому-то зетю секли по плечь голову,
Э и любого племянника убили о сыру землю,
Э дак мы родиму сестрицу во полон взяли».
Э да как тут все разбойники заплакали:
«Э да ты не плачь, наша сестриця родимая,
Э да мы тебя отдадим замуж лучше старого,
Лучше старого отдадим замуж, лучше прежнего».

(*Уж дальше не знаю, што они сделали, как они уехали к матери*).

ИРИНА ЗАХАРОВНА СЕДУНОВА

Женщина пожилых лет, жительница Нижней Зимней Золотицы. Заинтересовавшись записью песен от группы девушек и молодых женщин, зашла в избу, где производилась запись, и спела былину о Чуриле и балладу о князе Михайло. Переняла их «от стариков». Больше ничего припомнить не могла.

153

ЧУРИЛО

Да што о вёшном-то было праздницке, о Троице
И да нападала тут порошица снежку белого.
Да што по той ли по порошице да по белу снежку
И да шло, прошло два брателка, два названые,

5 Ай да два названы те брателка, два крестовые,
А да Перемятушка[1] идет да ко божьей церквы,
А Чурилушко[2] идет к Чуриловой молодой жены.
А да што заходит Чурилушко[2] на крылечушко,
А да он похватыват за ремешочик из семи шелков,
10 Ай да он колотится Чурилушко[2] о колечушко.
А да выбегает тут Авдотья да доць Микулисьна:
«А да што кто это у новых сеней у нас колотится,
Ай да у того же у колечушка у серебряна?»
— «А да отворь-ко-се, Авдотья, доць Микулишна,
15 А да што идет-то к тебе да небывалой гость,
Ой да небывалой-от гость, да старой-прежной друг».
А да што заводят Пермяту во нову-то горницу,
Она укладывает Пермятушку на кроватоцку.
А да как стоит у нас Чурилушко во божьей церкви,
20 А да што стоит-то, со слезами богу молится,
А да што вси это Чурилушку в глаза насмехаются:
«Э да ишо есть у тебя, Чурилушко, у твоей да молодой жены
А да ишо есть-то у ней да небывалой гость,
Ай да небывалой-от гость да старой-прежной друг».
25 Ай да не дослушивал Чурилушко пенья церковного,
Ай да ишо пуще не дослушивал звону колокольного,
А да ишо крест-от кладет да по-писаному,
Ай да поклон-от ведет да по-уцёному:
«Ай да вы простите-тко, народы да православные».
30 Ай да вот идет-то Чурилушко к домику благодатному,
Да он колотится Чурилушко у новых сеней,
Э да у того же у колечушка да у серебряна,
Ай да он подхватыват за ремешоцик из семи шелков,
Э да выбегает тут ведь и девушка его племянница:
35 «А да ишо кто это у новых сеней у нас колотится,
Э да у того у колечушка серебряна?»
— «Да отворь-ко-се, любима моя племяненка,
А да ишо где твоя родима-то тётенька?»
— «Да она стоит-то в своей да в спальне-горнице,
40 И она стоит-то, со слезами богу молится».
И вот да заходит Чурилушко в свою да спальню-горницю:
«Ай да ишо чьи это сапожички лежат под кроваточкой?»
— «Ой да ишо были тут бабушкины ребятушки, оставили».
— «Ой да ишо чья это шапочка пятьсот рублей?»
45 — «Ай да ишо были тут бабушкины ребятушки, оставили».
— «Ай да ишо чья-то это шубочка черных соболей?»
— «Эй да ишо были тут бабушкины ребятушки, оставили».
И тогда вскакивал Пермята со кроваточки,
И да ишо пал-то Чурилушке во резвы ноги:
50 «И да ты прости меня, Чурилушко, вино-виноватого,
А да што зашел-то к твоей да молодой жены».
Э да тогда выхватывал Чурилушко саблю вострую,
Ай да ишо ссек у Пермяты-то по плечи голову.
Ай да говорила тут Авдотья доць Микулисьна:

[1] В соответствии с дальнейшим здесь следует читать: Чурилушко.
[2] Следует читать: Перемятушка (см. комментарий).

55 «А да уж мы станем сбирать пир на ве́селе,
Эй пир на ве́селе сбирать да пир на радостях».
Ай и што тут чару подносит да пива пьяного,
А што втору чару подносит да зелена́ вина,
А што третью ту чару подносит да зелья лютого.

154

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Не успел-то князь Михайло
С широка-то двора съехать,
До другого не доехать,
Ишо конь-от да помялся,
5 Пухова-то шляпоцка свалилась,
Востра сабля изломилась.
Говорил-то князь да Михайла:
«Што ли в доме есть у нас неладно —
Ро́дна маменька моя хворает,
10 Либо молода княгина Катерина нездорова».
Воротился князь да Михайло
Ишо к своему дому благодатному, да маменька да встретила:
«Здравствуй, дитятко мое родное»,
15 — «Здравствуй, маменька моя родная,
Уж ты маменька моя родная,
Где-ка молода княгина Катерина?»
— «Твоя молода княгина Катерина
Стала горда она да спесива,
20 Ушла к соседу во беседу».
Вот бросился князь Михайло
Што к суседу во беседу —
Не нашел своей молодой княгины Катерины.
«Уж ты маменька моя родная,
25 Ишо где моя млада княгина Катерина?»
— «Твоя молода княгина Катерина
Стала горда ноне да спесива,
Ушла во горницы она высоки,
Во новеньки да во широки».
30 Он бросался князь да Михайло —
Не нашел своей молодой княгины Катерины.
«Уж ты маменька моя родная,
Ты скажи мне всю ты правду,
Ишо где моя молода княгина Катерина?»
35 — «Твоя молода княгина Катерина
Стала горда ноне да спесива,
Ушла в божью церкву богу молиться».
Вот бросался князь да Михайло
В божью церкву да молиться —
40 Не нашел своей молодой княгины Катерины.
Тогда хотел-то князь да Михайло
На острую саблю скочити,
Няньки-маньки подбежали:

«Не мечись-ко, князь да Михайло,
45 Уж мы всю тебе правду расскажем.
Не успел ты, князь да Михайло,
С широка-то двора съехать,
До другого не доехать,
Твоя маменька да родная
50 Парну банечку она топила,
Заводила твою молоду княгину Катерину
Што в парну баньку да помыться,
Горяч камень нажигала,
Из утробы младенца выжигала,
55 Закатила белодубову да колоду,
Трое обручи на ей железны,
Она положила твою молоду княгину Катерину
И со маленьким-то младенцом,
Выкатила белодубову да колоду
60 Во сине море да Хвалынско,
Ты купи-тко, князь да Михайло,
Ты три нёвода да шелковых:
Перву-то тоню ты закинешь —
Ничего тебе не попадет,
65 Втору тоню ты да закинешь —
Ничего тебе не попадет,
Третью тоню ты-то закинешь —
Тебе попала белодубова да колода,
Трое обручи на ней да железны,
70 Ишо твоя молода княгиня Катерина
Лежит со маленьким да со младенцом».
Тогда бросался князь да Михайло
Сам во сине море да Хвалынско.
Его маменька тогда родная
75 По круту бережку да ходила,
Тонким голосом она вопила:
«Тяжкой, тяжкой я совершила —
Три души я уходила:
Перву душу я да безвинну,
80 Втору душу бесповинну,
Третью душу безымянну,
Безымянну, без молитвы».

УЛЬЯНА МИХАЙЛОВНА ОНУФРИЕВА

У. М. Онуфриева в 1937 г. — 70-летняя неграмотная колхозница дер. Нижняя Гниняя Золотица. Кроме «Моряночки», от нее записан духовный стих «Плач богородицы». Ульяна Михайловна рассказывала, как они всей семьей ходили каждое воскресенье к Василию Леонтьевичу Крюкову, свекру Аграфены Матвеевны Крюковой, и он пел старины.

155

МОРЯНОЧКА

Как во славном-то было городе, ко Киеве
Там жила да пожила молода вдова.
Как у эфтой у вдовы было девять сынов,

Как девять сынов было, девять разбойничков,
5 Как десята-то была дочь — красна девица.
Ишо вси ти братья сестру лелеяли,
После-то ле́ли сами в разбой ушли.
После этих братьев мать взро́стила,
Она взро́стила да взамуж выдала
10 За того-то за купца-гостя морянина.
Как увез ей морянин во свое село,
Во свое-то село да за сине́ море́.
Они год-от живут, мало другой живут,
Они прижили к себе да мало дитишша,
15 Мала дитишша да мала ма́лыша.
Захотела морянка в гости к матушки:
«Повези ты меня, морянин, в гости к мамушки».
Да морянин-от моряночку скоро слушает,
Как пошел-то морянин на конюшен двор,
20 Выбирал-то морянин лошадь добрую,
Лошадь добрую, да неезжалую,
Неезжалую лошадь, постухмяную.
Как садились тут морянин-от с моряночкой,
Мала дитишша валили да во серёдышки.
25 Они день-от едут с утра до́ вечера,
Пристыгает-то их да тёмна-то ноценька,
Темна-то ноценька, долга осённяя.
Разоставил тут морянин-от бело́й шатер,
Он бело́й-от шатер, белой поло́тняной,
30 И валились тут с моряночкой в бело́й шатер,
Мала-то дитыша валили да во серёдычки.
Ишо мало-помалу не шум шумит,
Он не шум-от шумит, мало не гам гамит,
От наехали деве́ть-то сынов, деве́ть разбойничков.
35 Они ссекли-то срубили-то по плеч-то голову,
Мала-то де́тыша убили о сыру́ землю,
Как моряночку-ту взяли да во полон к себе.
Ишо вси-ти разбойнички да спать легли,
Как один-от разбойничек не спит — глядит,
40 Он не спит-то, глядит да на моряночку свою,
Ишо спрашиват у ей да он выведыват:
«Ты какого-то городу, какой земли?»
— «Я такого-то города, такой земли».
Уж он скоцил-то поднялся на свои ножочки,
45 Он стал-то будить да своих братьицей:
«Вы вставайте-тко, братьица родимыя,
Уж мы ссекли-то срубили-то по плеч ту голову —
Уж мы ссекли-то, срубили как у зятелка,
Мы убили-то, ушибли-то родного племянничка».
50 Ишо эфти как и братьица-ти скоцили,
Они стали-то как да поднялись тут как тут,
Они спрашивали у ей они выведывали:
«Уж ты што же ты, сестрица, ты родимая,
Мы поедемте, пойдемте, запрягите-тко
55 Как добрых-то коней мы запрягемте-тко,
Мы поедем, повезем да к своей матери».

Запрягли они, поехали к своей мамушки.
Как роди́му-то се́стричку увалили-то ей,
Она плачет и рыдает да как слезами обливается,
60 Она жалет-то, жалет как своего супруга тут,
Она пуще-ту болет да о своем дитишши.
Они ехали-подъехали к своей мамушки,
Заколотились, заговорили-то своей мамушки:
«Отпирай-ко-се ты, родима ты наша мамушка,
65 Как свои-ти двери да широки двери,
Ты стрецей-ко-се примай да дорогих гостей,
Дорогих-то гостей, да своих деточёк,
Как родиму как ли нашу сестрицу тут,
Только нет у нас любимого-то как зе́телка,
70 Только зе́телка, любимого племенничка».
Тут родима-то... то своя мамушка
Она не знат, как што говорить как тут,
Не знат што радоваться, не знат и плакать тут.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА СЕДУНОВА

А. И. Седунова в год записи — 72-летняя жительница Нижней Зимней Золотицы. Неграмотная. По старости и немощи в колхозе не работала. Знала только «Моряночку», про которую сказала: «Она красива на голосах». На вопрос, пели ли эту балладу в Золотице на разные голоса, с подголосками, ответила, что нет, пели «всё так» (т. е. в унисон, — *Ред.*). Балладу эту называла «стариной». На вопрос, откуда ее знает, сказала: «Досельние старухи научили нас».

156

[МОРЯНОЧКА]

Во славном-то городи во Киёви
Там жила-пожила да молода-та вдова,
Што у той вдовы-то было девять сынов,
Што девять-то сынов, девять разбойницьков,
5 Што десята-то была дочь красна девица,
Ище братья сестру они возлюбили,
И возлюбили, возлелеяли,
Возлелеяли, сами в разбой ушли.
После этих после братьев мать возростила,
10 Возростила да замуж выдала.
За того же да купця-гостя морянина.
Што повез-то меня морянин во свое-то село,
Во свое-то село да за синё-то морё.[1]
Они год-от живут и другой живут,
15 Они прижили себе да мала детища,
Детища да мала юноша.
Задумала морянка в гости ехати к матери:
«Повези меня, морянин, в гости к матери».
Пошел-то морянин на конюший двор,

---

[1] До этого места пела. Далее не могла петь — одолел кашель.

20 Выбирал-то себе лошадку, лошадь добрую,
Добрую лошадь да неезжалую,
Надевал-то морянин седёлышко зеркальцято,
Надевал-то он уздёнышко серебряно,
Садился морянин на добра коня,
25 Садил моряночку он с малым детищем позади себя,
Сам морянин садился наперёд.
Один день едут, другой едут,
Пристегала морянина ночка темная,
Ночка темная, долго-осённая,
30 Разоставил морянин бел полотнен шатер,
Разоставили да сами спать легли.
Мало не шум шумит, мало не гам гамит,
Наехало девять разбойницьков

(*Братья-то наехали*),

Морянина да во полон взяли,
35 Мало детища да взяли-убили,
Моряночку да во полон взяли.
Они сами спать легли, заспали,
А моряночка сидит — не спит, не лежит,
Она сидит, сама приплакивает:
40 «Во славном было во городе во Киёви

[и т. д. всё повторяется]

Увез меня морянин во свое село,

[и т. д.]

Уж мы год жили и другой жили

[и т. д.]».

(*Братья те узнали, как было дело, они стали говорить*):

«Что мы наделали?
Мала детища мы убили,
45 А морянина да во полон взяли с моряночкой.

(*Куды они девались, не знаю, мы уже не пели*).

СЕРАФИМА ЯКОВЛЕВНА СЕДУНОВА

С. Я. Седунова (баба Сара), в год записи 62 лет, родилась в Верхней Зимней Золотице. Грамотная. Жила вместе с дочерью и внуком в небольшом поселке Това, расположенном на берегу Белого моря в 15 км от Нижней Зимней Золотицы. Там останавливаются и отдыхают путники, идущие пешком по Зимнему берегу в те месяцы, когда нет навигации и санного пути.

С. Я. Седунова рано вышла замуж за односельчанина и вскоре овдовела, оставшись с двумя дочерьми на руках. Затем она снова вышла замуж за вдовца с сыном. Ее второй муж, рыбак и охотник, тоже односельчанин, был человек угрюмый и нелюдимый. На хуторе Това он поселился после случившегося с ним несчастья. Однажды он сидел у окна и чистил ружье, а первая жена его обряжалась у печки. Ружье выстрелило и убило наповал молодую женщину. Вот почему ему захотелось жить подальше от людей, и он выстроил в Тове дом для своей новой семьи.

С. Я. Седунова всю жизнь любила книги и, по ее словам, в молодости покупала лубочные издания у приезжавших в Золотицу владимирцев, торговавших книгами.

Помнит несколько изданий «Громобоя», подешевле и подороже, причем ей больше всего нравился «Громобой» за 10 копеек.

С. Я. Седунова переняла старины у своего деда по матери, сказителя Ф. Т. Пономарева (Почошкина), но так как ей никогда не приходилось их исполнять, припоминала их с трудом. Кроме двух былин, от нее записаны духовный стих «Сон богородицы», много сказок (Про Еремея, Про попадью, Про Громобоя, Про английского милорда Георга и др.), несколько десятков песен и много поговорок.

Баба Сара на людях оживлялась и охотно рассказывала разные истории и сказки. О ней говорили: «Она на речах поди Марфе Семеновне не поддастся». М. С. Крюкова ревновала к ней всех собирателей, приезжавших в Золотицу, и старалась помешать знакомству приезжих с Седуновой. Однако сама Марфа Семеновна даже не знала толком, что поет и рассказывает баба Сара.

157

ЧУРИЛУШКА ПЛЕНКОВИЧ И ВАДИХМАТЬЕВА ЖЕНА

Нападала порошка снегу белого,
Как по той-то по дорожке шло два прохожих,
Два прохожих, два брата названых.
Как один-то шел Алешенька Попович,
А другой-то шел Чурилушка Пленкович.
Как Алешенька-то шел Попович во божью церковь,
Он ко той ли ко ранней ко заутрени,
А Чурилушко Пленкович шел к широку двору,
К широку двору да Вадихматьеву.
Заходил он на ново на крылечушко,
Он дерьгал во ремешечек семишолковый,
Брецял он во колечушко во серебряно.
Выбегал тут девушка служаночка,
Молодая Вадихматьева племяненка,
Выбегала она и спрашивала,
Открывала окошечко немножечко:
«Кто дерьгат за ремешечек семишолковый?
Кто бречит во колечушко во серебряно?»
Тогды спрашивал Чурилушко Пленкович:
«Где твой дяденька Вадихметей Иванович?»
— «Мой дядюшка во божьей церкви,
Ушел ко ранней он ко заутрени».
— «А где твоя родима деденка?»
— «Моя деденка во своей спаленки;
Затеплены лампадочки хрустальные,
Засвечены свешши да воскуяровы.
Она стоит, моя дединка, богу молитсе».
— «Ты поди скажи своей деденке,
Что пришел к ей дорогой же гось,
Дорогой к ней гось да старопрежной друг,
Чурилушко, — говорит, — Пленкович».
Тогды закрывала девушка окошечко,
Побежала к своей дединки во спаленку,
И тогды-то она говорила:
«Ты поди-тко-се, родима деденка,
Пришел к тебе старой-прежной друг,
Дорогой к тебе гось, —
Чурилушко, — говорит, — Пленкович».

Тут гасила лампадочки хрустальные
И гасила свешши воскуяровы,
И стречала она дорога гостя,
Своего старого-прежного друга
Чурилушку Пленковича,
И вела она в свою спаленку.
Заходил-то Алешенька Попович во божью церковь,
Становилсе он против Вадихматья да Ивановича:
«Стоишь ты, Вадихматей Иванович, богу молишьсе,
Ты не знашь, — говорит, — и не ведаешь,
Что в твоём доми деетсе, —
Как к твоей да к молодой жоны
Как пришел-то к ней да старопрежной друг,
Старопрежной друг — дорогой к ей гось,
Как Чурилушко-то Пленкович».
Тут крутёхонько собралсе
Вадихматей-то Иванович из божьей церквы,
Как скорёхонько помчалсе к широку двору,
Заходил он на ново на крылечушко,
Как дерьгал за ремёшок семишолковой,
Он бречал-то во колечушко серебряно,
Выбегала тут девушка служаночка,
Молода, — говорит, — Вадихматьева племенка.
Открывала окошечко немножечко,
Говорила она таковы слова:
«Кто, — говорит, — дерьгат за ремешечек семишолковой?
Кто бречит во колечушко во серебряно?»
Тут сказал Вадихматей Иванович:
«Открывай-ко-се мне широки двери».
Убежала тут девушка служаночка,
Молода Вадихматьева племяненка,
Убежала она к своей деденке.
Приходил Вадихматей Иванович,
Приходил к женину спаленку,
Приходил, он у ей и спрашивал:
«Чьи сапожки у приступочек?»
— «А были, — говорит, — бабушкины деточки,
Сапожки у приступочек оставили».
— «А чья шубочка на спицеьке?»
— «А были бабушкины деточки,
Шубочку на спицеьке оставили».
«А чья, — говорит, — шапочка на спицеьки?»
— «А были бабушкины деточки
И шапочку на спицеьке оставили».
— «А кто у тя во мяккой во периночке?
Выходи-тко-се, детинушка незваной гось,
Как незваной гось, нечостован!
Ты поди-тко, детинушка, на широкой двор,
Я отрублю твою буйну голову».

(И боле всё. Верно срубил буйну голову).

158

САМАРЯНОЧКА

Жила-была молода вдова
(*Где она была, место не обозначено*),
Молода вдова самаря́ночка
(*Самария — область была в прежно время*).
Было у ей девять сынов — ясных соколов,
А десята была дочь, да бела́ лебедь.
5 Братья сестру возлеле́яли,
Возлеле́яли, сами и розбой ушли,
Во разбой ушли да во розбойнички,
Во носьни́, денны́ да подорожнички.
Уж как мать-то дочку да выро́стила,
10 Она выро́стила, взамуж выдала
За того ли купца за морянина.
Они год живут, они два живут,
Они на́жили себе ма́ла детишша.
Захотелось моряночки в гости к матери,
15 Запросила она мужа моря́нина:
«Уж ты муж, ты муж да муж кормилець мой,
Ты свези-ко меня да в гости к матушке
Показать мне своёго ма́ла детишша».
Тут как муж-то ей да не ослушалсе,
20 Он бежал тогды да на широкий двор,
Он брал-то лошадушку неезжа́лую,
Неезжа́лую брал, постухмянную
(*Не ленива лошадь — хорошая*),
Одевал на ей сбруду шелко́вую
И одевал на ей он уздечку серебряну,
25 Запрягал он ей в сано́чки кленовые,
И садил он по правую руку молоду жену,
А ма́ла детишша садил во серёдыши.
Только видели его си́дучи,
А не видали его е́дучи, —
30 Только в чисто́м поли да курева́ стоит.
Вот они день едут до вечера,
Настыгает их ночка тёмная.
Становил-то моря́нин бело́й шатер,
Вот белой он шатер поло́тняной.
35 Привязал-то он лошадочку к столбу точёному,
К столбу точёному, к столбу золочёному,
Насыпал-то он пшеницы белоя́ровой;
Тогды ложилсе-то морянин во бело́й шатер,
Ложил моряночку-ту во праву́ руку́,
40 Ма́ла детишша во серёдыши.
Уж как не шум шумит, да не гам гамит, —
Приезжали-то тут разбойнички,
Как разбойнички, носьни́-то, денны да подорожнички.
По́ плеч голову-ту срубили у морянина,

45 Мала детишша-то убили о сыру землю,
А моряночку-ту они во полон взяли.
(Тут я петь забыла; тут я смешаюсь, не знаю, как начать).
И старшой у ей стал выспрашивать:
«Ты скажи-ко, скажи, моряночка,
Ты какого роду, какого племени?»
50 И вот она тут ему и рассказала:
«Как жила-то жила да заморяночка,
У ей было сыновьей девять ясных соколов,
А десята-та была дочь да бела лебедь.
Уж как братья те сестру возлеéели,
55 Возлеéели, сами в розбой ушли,
Во розбой ушли, да во розбойнички,
Во носьни́-денны да подорожнички.
Тут мать меня да выростила,
Она выростила меня, взамуж выдала
60 За того ли вот за купца да за морянина.
Уж мы год жили, уж мы два жили,
Уж мы нажили себе мала детишша, —
Захотелось мне в гости к матери.
Уж как муж-то меня не ослушалсе,
65 И он шел-то ведь да на широкой двор,
Выбирал-то он лошадку неезжалую,
Неезжалую, постухмянную,
Одевал-то он сбруду шелковую,
Надевал-то ей уздечку серебряну
70 Надевал-то ей седельце черкасское,
И садил он меня во праву руку,
Мала детишша во серёдыши».
Тут моряночка заплакала.
Тут главный-от сказал да таковы слова:
75 «Вставайте-ко, братьица родимые,
Уж каку-то мы беду наделали,
Мы наделали и нагрéзили,
По плець голову срубили у любимого у зятелка,
О сыру-ту землю убили любимого племянника,
80 Во полон-то мы ведь взяли родиму сéстрицу».
Уж как тут моряночка заплакала,
Тогды братьица сказали ей все за одно:
«Не плачь, родимая сéстрица,
О своём ты о муже о морянине.
85 Мы найдем-то ведь тебе да друга милого,
Друга милого лучше прежного,
А лучше прежного, да из своей среды, —
Не купца-то мы да не помешшика».

ТИТ ЕГОРОВИЧ ТОЧИЛОВ

Т. Е. Точилов, 1881 года рождения, — постоянный житель Верхней Зимней Золотицы. Родившись в большой семье батрака-бедняка, он с 11 лет начал трудовую жизнь — сперва в подпасках у пастуха, затем кашеваром и исполняющим другие работы на промысловых судах местных кулаков-промышленников. Бывал в Архангельске,

проездом в Петербурге, ходил па хозяйских судах в Норвегию. Грамоте научился у местного псаломщика, затем в течение одной зимы посещал приходскую школу в Золотице.

В 1934 г. с ним встретился в Золотице аспирант ЛГУ В. П. Чужимов и записал от него былины «Женитьба Владимира» (Дунай) и «Добрыня и Алеша» (Добрыня на свадьбе жены), но обе записи не сохранились. Исполнял он былины, по словам собирателя, «в пении, совершенно свободно», тексты «несколько укорочены и психологизированы по содержанию», стих хорошей сохранности. Кроме сказанных, как сообщил В. П. Чужимов, знал еще «Бой Ильи Муромца с Соловьем-разбойником», «Святогор и Илья Муромец» и «Садко». Любил петь былины для самого себя, большей частью во время рыбной ловли. Перенял былины от Дмитрия Федоровича Лыткина из дер. Инцы, у которого жил одно время в работниках. Как удалось выяснить В. П. Чужимову, былинные тексты Точилов записывал, но записей своих Чужимову не показал.[1]

В 1937 г. участницам экспедиции Института этнографии АН СССР удалось снова разыскать Т. Е. Точилова, но встреча произошла перед самым его отъездом по делам из Золотицы. Для записи времени не было. Тит Егорович сам предложил записать свои былины и переслать в Ленинград, что он и выполнил. С 1938 г. стали в адрес А. М. Астаховой поступать письма с записями былин. Всего переслал он 4 текста былин в следующем порядке: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Калин-царь», «Исцеление Ильи Муромца» и уже в середине 1939 г — «Добрыня в отъезде». Кроме того, были присланы 3 сказки («Про Катигорошка», «Про Конька-горбунка», «О серебряном блюдечке и наливном яблочке»), и обширная, в 256 тетрадочных страниц, автобиография, которую он назвал в письме «былиной из своей жизни» (Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 90, папка 6, №№ 26—29). Первые две былины оказались воспроизведением, но не точным, текстов сборника Кирши Данилова (Кирша Данилов, №№ 49 и 25), остальные две усвоены, очевидно, из устной традиции. Кроме этих последних, мы публикуем и былину об Илье и Соловье-разбойнике, в текст которой внесены более значительные изменения по сравнению с источником (см. комментарий). Изменения же в тексте «Калина-царя» (из сб. Кирша Данилов, № 25) состоят исключительно в переоформлении отдельных стихов (аналогичном переоформлению стихов в первой былине) и в отсечении последних 12 стихов.

Присланные былины написаны без разделения на стихи, но в четкой стихотворной форме, без заглавий.

159

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ИСЦЕЛЕНИЕ И ВЫЕЗД НА ПОДВИГИ]

А как во славном во городе во Муроме,
Во селе-то было да Корочаеве,
А у Ивана-то было Тимофевича
А что росло-то его да чадо милое,
А чадо милое его, любимое,
Што был-то Илеюшка-насе́духа.
Он лежал-то на постели да ровно тридцать лет,
А отец-то его да всё и с матерью
Они готовились ко дню на праздник Троицы,
Наварено-то было да пива пьяного,
А сами-то они уходили на работушку,
А оставляли Илью-насе́духу одинокого.
Вот лежит-то Илеюшка одинёшенек,
А вот пришли к нему три калики перехожие.
Говорила тут калика перехожая:
«А уж ты стань-ко, Илеюшка со постелюшке,
Да уж ты дай-ко нам милостину спасеную».
А говорил-то Илеюшка таковы слова:
«Не могу я, братцы, да со постели встать

[1] В. П. Чужимов. Народно-поэтическое творчество в с. Зимняя Золотица. Рукопись. Гос. литер. музей. Инв. № 9, папка 1.

20 И не могу вам да милостину дать,
А вот придет-то отец с матерью
И подают-то вам милостину».
Говорила тут калика да перехожая:
«Не обманывай, Илеюшка-наседуха,
25 А стань-ко-се ты да на резвы ножечки».
И вот тут стал-то Илеюшка на резвы ножечки,
И вот тут-то он да всё шатается,
На резвых ногах да спотыкается.
Говорила тут калека да перехожая:
30 «Ты поди-ка принеси чару зелена́ вина,
Меро[й] чарочку, Илеюшка, в полтора ведра,
И весо[м] чарочку, Илеюшка, полтора пуда».
И вот принес-то он чару да зелена́ вина,
Весо[м] чарочку Илеюшка в полтора пуда,
35 И тут оворачиват калека перехожая:
«А уж ты выпей, Илеюшка, чарочку да зелена́ вина».
Тогда спрашиват калека перехожая:
«Уж ты что же, Илеюшка, себе чуствуешь?»
— «А уж я чувствую силушку великую:
40 Если был бы столб во матушке сырой земле,
То повернул бы я святую Русь на кромочку».
А говорила тут калека перехожая:
«Ты принеси-ко нам чару зелена́ вина,
Меро[й] чарочку, Илеюшка, в полтора ведра,
45 Весо[м] чарочку, Илеюшка, в полтора пуда».
А вот приносит Илеюшка чару да зелена́ вина,
Меро[й] чарочку Илеюшка в полтора ведра,
И весо[м] чарочку Илеюшка в полтора пуда.
Оворачиват калека перехожая,
50 Говорит-то Илье да таково слово:
«А уж ты выпей, Илеюшка, вторую чарочку».
А тогда брал-то Илеюшка единой рукой,
А выпивал-то наш Муромец да единым духом.
А тогда спрашивает калека перехожая:
55 А ише что ж, Илеюшка, себе чувствуешь?»
— «А уж я чуствую силушку только половинную».
А говорила тут калека перехожая:
«Ты поди-ка, Илеюшка, да во чисто поле,
А ты купи себе добра́ коня в чистом поле,
60 Не велика и не мала жеребеночка,
А ты пой-корми его да три суточки,
Тогда будет тот конь тебе да слуга верная,
А когда поедешь, Илеюшка, да во чисто поле,
Не наезжай ты, Илеюшка, на храмы да на мона́стыри,
65 А ишо на чистом поле смерть тебе будет не писана».
А тогда скрыласе калика перехожая.
А тут остался Илеюшка один и удивляется:
«Ишо что же то чудышко случилосе,
А ишо что же со мной да сотворилосе?»
70 А вот отец его да и со матерью
Вот идут-то они да к широку́ двору,
Что то видят чудышко великое,

Что Илейко-седун да под окном сидит.
А вот пошел-то Илеюшка в чисто поле,
75 Он купил себе добра́ коня,
Не велика и не мала, а жеребеночка,
Он пои[т]-кормит его да трои суточки.
Тогда берет он благословение у отца с матерью,
Чтобы ехать ему да во чисто поле.
80 А вот пошел-то Илеюшка на широкой двор,
И садился он да на добра́ коня,
И ударял он коня копьем промéж уши,
Пробивал-то он кожу да до черна́ мяса.
А тут конь-то под ним да рассержается,
85 От земли-то он да отделяется,
Так что мать сыра земля да сколыбаласе,
Из озер вода да выливаласе,
Быстры реченьки он перескакивал,
А темны-то леса да впромéж ног всё брал.
90 Вот тут выехал Илеюшка в чисто́ поле,
Что он видит во чистом поле бога́тыря,
Что он шутит-то шуточку не малую,
Он выметывает палицу в подо́блачье
А небылыма словами похваляется:
95 «А ишо нету мне на поле противничка,
А ишо нету мне на чистеньком соперничка,
И ишо не с кем мне на поле сразитися,
А ише не с кем мне силушке попробовать».
А говорит-то Илеюшка таково слово:
100 «Уж ты го[й] еси, удалой доброй молодец,
Ты напрасно да похваляишься,
Ишо есть у нас на поле посильней тебя,
Ише есть у нас начисто помогучее».
А вот ту[т] с[ъ]ехались богатыри во первой раз,
105 У них копья булатные помялисе,
А ише с[ъ]ехались богатыри по другой раз,
У них копия булатные поломалис[е].

160

[ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЕША ПОПОВИЧ]

Как во славном в городе во Киеве,
Как у ласкова у князя у Владимира
Заводилось пированьице, почесен пир
Как на многих-то на князей, многих бояров,
5 Как на сильних могучих на бога́тырей.
А ишо все на пиру гости напивалисе,
А ишо все на чесно́м да наедалисе,
А тут возго́ворил Владимир славно-киевский:
«Нам кого послать, братцы, на Пучай-реку
10 Привезти-то живой воды, младых яблоков
Оживить-то нам князя со княгиною?»
А тут возго́ворил Алешенька Попович:

«Мы пошлемте-ко, братцы, Добрынюшку Никитича,
Пусь от сходит у нас да на Пучай-реку,
15 Пусь принесет он живой воды, младых яблоков,
Оживим-то мы князя да со княгиною».
А тут пошел-то Добрынюшка к широку двору,
А тут пошел-то Никитич очунь невéселой,
Он свою буйну голову повесил
20 Ниже тех ли он своих могучих плеч.
Выходила к нему маменька родимая,
А что стречала его да молода жена,
Говорили они ему таковы слова:
«Уж ты что же, Добрынюшка, очень невéселой,
25 Ты свою ли буйну голову повесил
Ниже тех ли ты своих могучих плеч?
Тебя кто укорил да молодой женой,
Или кто попрекнул да родной матерью?
Или место пало тебе не по вотчины,
30 Или винной чарой тебя поприобнесли?»
— «Меня некто́ не уколол да молодой женой,
Меня некто́ не попрекнул да родной матерью,
А иша место пало мне по вотчины,
А иша винной чарой меня не поо́бнесли,
35 Во глаза-то мне некто́ не насмехался,
А посылает меня Владимир на Пучай-реку,
Привезти-то живой воды, младых яблоков
Оживить-то нам князя да со княгиною».
А тут заплакала его да молода жена,
40 Зарыдала его маменька родимая:
«Охте-хте мне тошнехонько порато —
На Пучай-реке змея есть семиглавая,
Она срубит тебе да по плеч голову.
Ты поедешь, Добрынюшка, на Пучай-реку,
45 Не купайся, Добрынюшка, во Пучай-реке,
Искупаишься, Никитич, не воротишься
К своему ли широку двору».
А тут говорил-то Добрыня молодой жене:
«Ты поди-ко принеси, жена, полтораста стрел».
50 Та пошла да принесла полтретьяста стрел.
Говорил-то Добрыня таковы слова:
«А ишо что же ето, господи,
Вот не стал-то бог меня миловать,
Молода-то жена не стала слушати,
55 А я уйду и не буду ровно три года,
А я ишо-то побольше да ровно шесь годов,
А я ишо-то побольше — двенадцать лет,
Тогда бери-ко ключи, моя молода жена,
Отмыкай-ко мои да золоты ларцы,
60 Доставай-ко-се несчетну мою золоту казну
И рассылай-ко по церквам да по монастырям,
Пусь поминают мою да душу грешную,
А прогремит тогда про тебя славушка великая,
По всеи земли, по всей окраины,
65 Тогда станут на тебе да сваты свататьце,

Вот засватаются на тебе князья всё бо́яра,
Засватаются на тебе все гости, гости торговые,
И засватаются на тебе купцы новогородные,
И засватается на тебе Алешенька Попович,
70 Не ходи ты не за князей не за бо́яров,
Не за тех ли гостей торговых,
И не за тех ли купцей новогородных,
А ты поди-ко за Алешеньку Поповича».
И вот тут стал-то Добрынюшка собиратися,
75 Он во чистое поле отправлятися,
Снарядился он каликой перехожею,
И отправился Добрыня во чисто́ поле.
Прошло тому да уже три года —
Нет Добрынюшки из чиста́ поля,
80 Вот прошло тому да уже двенадцать лет —
Нет Добрыни из чиста́ поля.
Вот идет-то Добрыня к широку́ двору.
Увидала его маменька родимая,
Отпирала-то окошочко косисчато,
85 Говорила она да таковы слова:
«Добро пожаловать, калика перехожая,
Ко мне хлеба-соли есть да вина с медом пить,
Не видал ли ты, калика перехожая,
Не видал ли моего чада милого?
90 Что мое-то чадо милое было несхватчиво,
Что несхватчиво было, неуступчиво».
— «Уж мы пили-то ели с одного блюда́,
Уж мы платьице носили с одного плеча,
Хоронил я Добрынюшку Никитича,
95 Он оставил за то мне звончаты́ гусли,
А ишо где-то его да молода жена?»
— «А что его-то молода жена за Алешеньку взамуж пошла,
Вот сегодня у Добрынихи девич вечер,
А ишо завтра у Добрынихи будет рукобитьиче,
100 А после завтрея у Добрынихи будет венчаньице».
— «А ишо где-то его да мне о[с]таночки,
Что его-то да звончаты́ гусли?»
А та пошла-то да принесла ему звончаты́ гусли.
И пошел-то Добрынюшка на почесен пир,
105 И уселся Добрынюшка на печной на столб,
А что его-то молода жена сидит неве́села,
Что буйную голову сидит повесила.
Говорил-то Добрыня таково слово:
«Что-то пир идет да не на ве́сели,
110 Благослови-тко-се мне, князь да со княгинею,
Мне сыграть-то сыграть да в звончаты́ гусли́,
Звеселить на пиру да всех чесны́х гостей».
— «Ты сыграй-ко-се, калика перехожая,
По наигрышкам, калека перехожая,
115 По наигрышкам Добрынюшк[и] Никитич[а]».
Говорила тут его да молода жена:
«Благослови-ка мне, Алешенька Попович,

Подать чарочку калеки зелена́ вина».
Наливали ему чару зелена́ вина,
120 Не великую, не малу — в полтора ведра.
А ишо брал-то Добрыня едино́й рукой,
Выпивал-то Никитич единым духом,
И спустил-то он ей в чарочку злаче́н перстень.
Тогда брал он ей да за праву́ руку.
125 Тогда вел он ей из пира богатырского,
Говорил-то Добрыня таковы слова:
«Отсмеял я насмешочку поболе всех,
Вот не каждому женитьба да издаваласе,
И не каждая жена да мужу правду сказыват».

161

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК]

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская:
Норяжался Илья Муромец сын Иванович
5 Ко стольному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжею,
Котора [залегла] ровно тридцать лет,
Через те леса Брынские,
Через черны грязи смоленские —
10 И залег ту дорогу Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь великую:
Что проехать ту дорогу прямоезжую,
Что залегла она ровно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
15 Из колчана не вымать калену стрелу.
Берет благословение великое у отца с матерью,
Да и только его, Илью, видели.
Прощался со отцом, с матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
20 И выехал Илья со своего двора
Что во те да широки ворота.
А как стегал он коня да по тучным бедрам,
А тогда конь под ним да рассержаится,
Ищо первую скоку скочила да ровно за пять верст,
25 А другого ускоку и найти не могли.
И поехал наш Муромец через те леса да леса Брынские
А через те ли он грязи смоленские.
Как бы будет Илья да во темных лесах,
А что во тех-то лесах во Брынских,
30 На девяти дубах сидел Соловей-разбойник.
А что заслышал Соловей ту поезку богатырскую,
И засвистал Соловей по-соловьиному,
А зашипел-то он, разбойник, по-змеиному,
И да заревел-то он да по-звериному.
35 А тут под Ильей-то конь да испугался,
И припал-то он ко сырой земле.

Говорил-то коню да Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович,
Говорить-то он да таковы слова:
40 «Ах ты, волчия сыть да травянной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных
Не бывал ты, конь, да во темных лесах,
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал ты шипу туриного,
45 А того ли ты крику туриного?»
Разрушает-то тут Илья заповедь великую,
Вынимает-то он да калену стрелу,
Да и стреляет-то он да в Соловья-разбойника,
И попала та стрелочка Соловью да в правый глаз,
50 А и полетел тут Соловьюшка со сыра дуба,
Комом ко матушке сырой земле
Подхватил тут его да Илья Соловия за белы руки,
И привязал он Соловия ко той луке да ко седельныя
И проехал он да ту воровскую заставушку крепкую,
55 И подъезжает-то он да ко подворию дворянскому,
И завидела-де его молода жена,
И бросилась-то тут молода жена Соловиева,
Она молится да убивается:
«Ой ты еси, удалой доброй молодец!
60 Ты бери-ко у нас да золотой казны,
Ты бери-ко у нас, сколько тебе надобно,
А отпусти-ко-се нам да Соловия-разбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!»
А его-то дети Соловиные
65 Неучливо они да поговаривают,
Они будто Илью да подзодаривают.
А тут они только Илью да видели,
Что стоял он у двора дворянского.
И стегает Илья да он добра коня по тучным бедрам,
70 А тут конь под ним да россержается,
От земли-то он да отделяется,
Так что мать сыра земля да сколыбалася,
Из озер вода да выливаласе,
Быстры реченьки он да перескакивал,
75 А темны-то леса да промеж ног все брал.
Приезжает Илеюшка во Киев-град
Середи двора княжеского,
И соскочил-то он да со добра коня,
Привязал он коня ко дубову столбу,
80 Ко дубову столбу, ко золоту кольцу,
И заходил-то он во горницу во светлую,
И молился он Спасу со Пречистою,
И поклонился он князю да со княгинею,
И на все четыре стороны.
85 У великого князя у Владимира,
А что у князя у Владимира,
Что идет-то у него да честной пир.
А тут много на пиру было князей и бояров,
И много было сильных могучих богатырей,

90 И поднесли ту Илеюшке чарочку зелена вина,
А не великую, не малу — в полтора ведра.
Принимает Илья да единой рукой,
Выпивает чару он да единым духом.
Говорит ему ласковый Владимир-князь,
95 Говорит-то ему да таковы слова:
«Ты скажи-тко се, удалой доброй молодец, как по имени зовут тебя,
Дак по имени тебе и можно место дать,
А по отечеству пожаловать».
Говорит-то Илеюшко таковы слова:
100 «А ты ласковой, стольной Владимир-князь!
И ишо именем зовут меня Илья Муромец сын Иванович,
И проехал я ту дорогу прямоезжую,
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева».
105 Говорят тут ему могучие богатыри:
«А уж ты ласковое сонце, Владимир-князь,
Что в очах-то детина завирается,
А ише где ему проехать тою дорогою прямоезжею,
Как залегла та дороженька ровно тридцать лет,
110 А залег ту дороженьку Соловей-разбойник».
Говорит-то тут да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
115 Вон привез я Соловья-разбойника
На двор к тебе!»
А и вот пошли-то Илья Муромец
Со князем да на широкой двор
И посмотреть его удачу богатырскую.
120 Выходил тут князь со боярами,
И со сильными могучими богатырями:
Самсон-богатырь Колыванович,
Сухан-богатырь сын Дементьевич,
Святогор-богатырь и Полкан другой,
125 А только было у князя их тридцать молодцов.
Выходил и тут же и Илья Муромец на широкий двор
Ко тому Соловию да ко разбойнику.
А тут стал Илья Соловия да уговаривать:
«Ты послушай меня, да Соловей-разбойник млад:
130 Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи-тко-се, змей, по-змеиному,
И зрявкай, зверь, по-звериному,
По-звериному, по-туриному,
А и да ты потешь-ко-се князя да со богатырями».
135 А засвистал Соловей тут по-соловьиному,
Оглушил он во Киеве князей и бояров.
А зашипел-то он да по-змеиному,
А в третье-то зарявкал он да по-туриному.
А тут князья-то со боярами испугалися,
140 А на коленях по двору тут заползали,
И все сильны могучие богатыри.

И натворил он беды несносные:
А что гостиные кони с двора да разбежалися,
А Владимир-князь едва жив стоит
145 Со душой-то он да со княгиною Апраксеюшкой.
Говорит-то тут ласковой Владимир-князь,
Говорит-то он да таковы слова:
«Ей ты гой еси, удалой доброй молодец,
Что Илья да ты Муромец, сын Иванович!
150 Уйми ты Соловья-разбойника,
Ети шутки нам не надобно».
Говорил-то Илеюшко Соловью-разбойнику:
«А ты послушай меня, Соловей-разбойник!
Не свисти-ко-се ты по-соловьиному,
155 И не шипи-тко-се ты по-змеиному,
И не реви-тко-се ты по-звериному,
Чтобы пришли в себя князь да со княгиною,
И со теми да со боярами,
И со могучими да со богатырями».
160 Замолчал тут Соловей-разбойник.
А тогда князь со княгиною да приоправились,
И все сильны могучи богатыри приодумались,
И пошли-то они ко ласкову князю ко Владимиру,
И вот пошли-то они кончать почестен пир.

ПРИЛОЖЕНИЯ

О НАПЕВАХ ПЕЧОРСКИХ БЫЛИН

Материалы печорских экспедиций 1955—1956 гг. представляют обширный и исключительно ценный материал по русскому эпосу Севера. Примерно в одно время и в одном относительно небольшом фольклорном районе (среднее и нижнее течение реки Печоры) было записано свыше 50 былин и былинных фрагментов вместе с их напевами. При этом современная система звукозаписи — магнитофоны — позволила зафиксировать ряд былин полностью и значительную часть — большими отрывками по 25—70 строф, что невозможно было ранее в условиях работе с фонографом.

Все это дает возможность на большом документальном материале проверить ряд научных положений, возникших в свое время на основе слуховых или, в лучшем случае, фрагментарных фонографических записей, и высказать ряд замечаний, в какой-то мере дополняющих существующие в науке данные, а в некоторых случаях и поставить вопрос об их пересмотре.

Задача настоящей статьи — привлечь внимание к свежим и интересным музыкальным материалам, акцентировать их художественную ценность и направить научно-исследовательскую мысль на разработку ряда проблем, связанных с изучением русского музыкального эпоса.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении напевов печорских былин, — это богатство и разнообразие музыкально-выразительных средств. Публикуемые материалы отнюдь не подтверждают распространенного мнения о напевах северных былин, как о чем-то лишенном самостоятельного музыкального значения,[1] а также заставляют изменить представление о преобладании в напевах былин речитативно-декламационного начала, о полном подчинении интонационно-ритмической структуры напева тексту.

Подавляющее большинство напевов печорских былин носит ярко выраженный песенный характер, определяющийся не столько распевностью слогов, сколько обилием интонационно ярких попевок.[2] В широкодиапазонных напевах, составляющих половину собранного материала, эти попевки зачастую основаны на широкой интервалике (см., например, напевы: XIII, XV, XVI).

---

[1] См.: Т. В Попова. Русское народное музыкальное творчество, вып. 1. Музгиз, 1955, стр. 142—148.

[2] Связь печорских былинных напевов с песенными интонациями была отмечена еще в 1938 г. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в их заметке «Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин» (Астахова, 1938, стр. 548).

Узкодиапазонные напевы, имеющие песенный склад, обладают своими особыми музыкальными закономерностями построения и развития мелодической линии; иллюстрацией этого может служить напев II.

Изучение законов построения и развития мелодики печорских былин заставляет несколько по-иному поставить вопрос о взаимоотношении текста и напева.

Традиционное представление о подчиненной роли напева былинному тексту далеко не всегда подходит к печорским былинам.

Анализ построения мелодики и архитектоники напева заставляет думать, что здесь действуют свои специфические музыкальные закономерности, не только не вытекающие из закономерностей стихосложения, но подчас подчиняющие себе ритмику и форму былинного стиха.

В некоторых напевах, где особенности музыкальной формы, строго выдерживаемые из строфы в строфу, подчиняют себе форму былинного стиха, необходимая смысловая цезура разрывает слово (см. напевы V, VII, VIII, X, XIII, XIV).[3]

Иногда устойчивая музыкальная форма напева, деленного на два самостоятельных построения, вступает в противоречие с формой былинного стиха, что заставляет исполнителя вставлять в стих наигрышный слог (см. напев VI).

Подавляющее большинство былинных напевов Печоры имеют так называемые однострочные напевы, но, вопреки утверждению некоторых музыковедов, внутреннее членение этих напевов не является редким исключением.[4] Скорее наоборот: исключение составляют напевы без внутреннего членения. Характерно, что к последним относятся напевы, начинающиеся с неустойчивых или быстро произносимых звуков, тогда как напевы, начинающиеся с устойчивых и протяженных звуков лада, как правило, имеют внутреннее (явно выраженное или скрытое) членение на два, реже три отрезка. В отдельных случаях это членение активно подчеркивается исполнительской манерой (цезуры, дыхание, смысловые остановки), в других, даже при расчлененном напеве, — исполнитель, стремясь к непрерывности и текучести мелодии, соединяет не только полустрофы, но и строфы в одну непрерывную линию, делая смену дыхания неощутимой.

Проблема дыхания, приобретающая при непрерывном повествовании особо важное значение, решается различными исполнителями по-разному.

При так называемом «артельном» пении ведущий исполнитель просто не допевает строфу до конца, так как каданс подхватывается другим или другими исполнителями. При этом образуется своеобразная связка, соединяющая конец предыдущей строфы с началом следующей (см. напев II).

Именно это вызванное необходимостью двухголосие и породило представление о якобы распространенном в ряде районов Севера многоголосном (хоровом) исполнении былин.[5] Однако такое двухголосие является не только техническим приемом продления дыхания. Очень часто появление второго голоса при исполнении былин влечет за собой образование вариан-

---

[3] Неправильно было бы думать, что эта цезура обусловлена необходимостью брать дыхание. Проблема дыхания, представляющая при исполнении былин особый интерес, будет рассмотрена ниже. В приводимых примерах музыкальная цезура совпадает с дыханием сказителя, что лишний раз подчеркивает удивительное чувство музыкальной формы, присущее большинству подлинных мастеров.

[4] См.: Т. В Попова. Русское народное музыкальное творчество, вып. 1. Музгиз, М., 1955, стр. 149.

[5] В качестве редкого исключения см. записи 1929 г. в дер. Абрамовской на реке Пижме (Астахова, 1938, напевы IX и X).

тов попевок и, в сущности, создание двухголосной редакции напева, т. е. ансамблевого исполнения, но ни в коем случае не хорового.

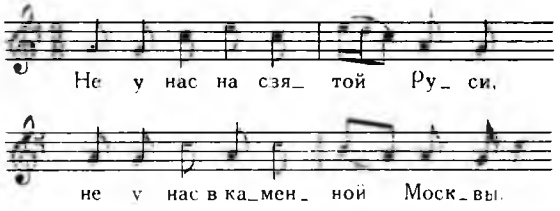
При одноголосном исполнении мастера-сказители, стремясь к непрерывности повествования, предпочитают подчас брать дыхание даже перед последним устоем музыкальной строфы (Т. С. Кузьмин), либо исполнять на вдохе (без определенной системы) отдельные слога и ноты (А. Ф. Пономарев). И только в напевах с ясным музыкальным членением дыхание, как уже отмечалось, берется по смысловой музыкальной цезуре.

Трудно сказать что-либо определенное в отношении так называемых типовых напевов или типовых групп, присущих отдельным исполнителям.

Так, от замечательного среднепечорского мастера Н. Ф. Ермолина (дер. Трусовская на реке Цильме) записано 6 былинных сюжетов с одним устойчивым напевом, тогда как другой талантливый сказитель из того же микрорайона (дер. Кривомежная), Л. М. Носов, исполнил две былины с различными напевами, не имеющими сходства с напевами Н. Ф. Ермолина.

Наиболее выдающиеся нижнепечорские сказители, А. Ф. Пономарев (г. Нарьян-Мар) и Т. С. Кузьмин (дер. Тельвиска), имеют свои излюбленные группы напевов. А. Ф. Пономарев исполнил 7 былин, пользуясь двумя напевами, Т. С. Кузьмин — 9 былин на три напева.

Собранные материалы подтверждают не раз уже высказанное положение о том, что былинные напевы, как правило, не прикреплены к определенным сюжетам. Можно указать лишь один весьма любопытный случай устойчивого прикрепления. Историческая песня «Кострюк», исполняемая печорскими сказителями на былинный напев, записана от четырех различных исполнителей в различных точках нижнепечорского района с одним устойчивым, прикрепленным именно к данному сюжету напевом.[6]



Каждому подлинному мастеру-сказителю присуща своя исполнительская манера, свой особый художественный почерк, свой стиль (вне зависимости от исполняемого былинного сюжета).

К сожалению, вопрос о возможно существовавших некогда в этих краях исполнительских «школах» сказителей, создавших устойчивые, передающиеся из поколения в поколение традиции, не изучен. Но что такие традиции существуют, подтверждается материалами печорских экспедиций и наблюдениями над исполнительской манерой печорских сказителей.[7]

---

[6] Из сказанного не следует, что на этот напев не могут исполняться другие сюжеты. Однако песня о Кострюке поется, по-видимому, только на этот прикрепленный напев. К сожалению, отсутствие записей «Кострюка» в среднепечорском районе не позволяет судить о распространенности этой оригинальной традиции.

[7] Некоторые частные наблюдения, касающиеся исполнительских школ в разных районах Севера, см. в статьях А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.) и А. М. Астаховой «Некоторые наблюдения в области исполнения былин» (Былины Севера, т. II).

Остановимся на наиболее выдающихся сказителях среднего и нижнего течения реки Печоры.

Н. Ф. Ермолин. Его исполнительскому стилю присуща сдержанная внутренняя эмоциональность, мягкая, ритмически хорошо организованная распевность, почти полное отсутствие импровизационного начала и вариационности. Обладая хорошим певческим голосом, он исполняет былины, если можно так выразиться, профессионально, точно с эстрады, не сбиваясь и не комментируя по ходу исполнения отдельные ситуации былинного сюжета.

Л. М. Носов — типичный представитель «искусства переживания». Его исполнение очень темпераментное, творческое, живое. Он весь отдается исполнительскому процессу, чутко реагируя на сюжетные ситуации; нередко комментирует «от себя» наиболее острые моменты. Его исполнительскому стилю присуща ритмическая острота и ярко выраженное танцевальное начало.

Т. С. Кузьмин — замечательный мастер-сказитель, обладающий огромным былинным репертуаром. Его исполнение отличается большим профессионализмом и сдержанной эмоциональностью, временами даже какой-то деловитостью.

А. Ф. Пономарев — мастер объективного повествования. Его исполнение отличается бесстрастностью и необыкновенной простотой. Он на все как бы смотрит глазами летописца. К сожалению, преклонный возраст и уже почти полное отсутствие певческого голоса сильно затрудняют исполнительский процесс.

Песенная традиция Печорского края мало изучена. Лишь в последнее время развертываются работы по изучению и обработке песенных материалов печорских экспедиций 1955—1956 гг.

Но даже предварительное знакомство с песенной традицией Печоры и сопоставление ее с былинной позволяют высказать ряд предположений о своеобразии того места, которое занимают печорские былины в общей песенной культуре Печорского края.

Для подавляющего большинства печорских песен характерны: узкий диапазон, элементы интонационной и ритмической импровизационности, обусловливающие иногда растянутость музыкальных фраз и стирание границ между куплетами, частое употребление бесполутоновых ладов.

Все это, как мы видели, не свойственно напевам былин. Создается впечатление, что былины представляют собой какое-то особое интонационно-ладовое образование внутри песенной культуры Печоры.

Вероятно, дальнейшая исследовательская работа над экспедиционными материалами сможет внести и внесет много нового в наши пока еще весьма относительные знания в области народного музыкального искусства русского Севера.

УСТЬ-ЦИЛЕМСКИЙ РАЙОН

1. СТАРИНА ПРО СТАРА КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА

(К тексту 35)

Трусовская.
Ермолин Н. Ф., 70 л.
Фонограмм—архив, М. 209/2

♪ = 120

Со_ би_ ра_л(ы)_ се ста_ рой да в пу_т(и) до_ ро_ жоч_ ку,

А во ту о_н(ы) суб_ бо_ ту да во х(ы)рис_ тов_ ску_ ю,

А к за_ ут_ ре_н(и)ни пос_ петь во сто_л(е)_нёй Ки_ ев(ы)-град.

А всё пря_ мы_м(ы)- то пу_ тем ту_ да пять_ сот тут вёрст,

Ах о_ коль_ни_ и_м(ы) пу_ тем да_к(ы) во_ семь_ сот тут вёрст.

Пря_ мо ез_ жа- то до_ рож_ ка да за_ ко_ ло_ де_ ла,

Ах ка_ ли_ но_ вы мос_ ты все ра_з(а) во_ ро_ че_ ны,

За_ се_ лил_се там Со_ ло_ вей да сы_н(ы) Рах_ ма_ то_ вич.

II. СТАРИНА ПРО ВДОВУ ПАШИНУ

(К тексту 39)

Трусовская
Ермолин Н. Ф., 70 л.
Ермолина Е. Я., 69 л.
Фонограмм—архив, М. 205/12

♪ = 108 *Один.*

Ка_к(ы) бы_ ла- то жи_ ла да мо_ ло_ да в(ы)_ до_ ва,

Двое.

Мо_ ло_ да_ то в(ы)_до_ ва да вдо_ ва па_ ши_на.

Как(ы) у той ле_в(ы) до_ вы да бы_ ло па_ ши_ной

А как мно_ го бы_ ло да де_ тей ма_ лы_их,

Ах как де_ вя_т(и) сы_ нов да вот и три_ до_ че ри.

А как все ли сы_ новь_ я у ней по_ вы_ рос ли,

ли

А как все у ей до че_ ри бы_ли на во_з(ы) рас_те.

III. ПРО ФАТЕНА

(К тексту 41)

Кривомежная.

Носов Л. М., 76 л.

Фонограмм—архив, М. 212/1

♩ = 100

Ка_к(ы) мы си_ де_ ли на пи_ ру да_к(ы) две че_с(ы)т_

_ ны в(ы)_до_ вы,

Две чест_ ны бы_ ли в(ы)_до_ вы да_к(ы) две бо_

_я_ ри_ ны,

Как(ы) о_д(ы)_ на бы_ла Ма ри_н(ы)_ка да Чу_ со_

_ва в(ы)_до_ ва,

Как(ы) дру_ га бы_ ла О_в(ы)_ до_ ти_ я вдо_ва- то Б(ы)_

_лу_ до_ ва.

На_ ли_ ва_ ла ту_т(ы) О_в(ы)_ до_ ти_ я да ча_ ру зе_ ле_

_на я и_ на,

Не_ ве_ ли_ ку и не_ ма_ лу_ ю- по_л(ы)т'

_ра ве_д(ы)_ ра,

По_д(ы)_но_ си_ ла о_ на, Ма_ ри_н(ы)_ке да Чу_ со_

_во_ ю ядо_ вы,

IV. ПРО ДОБРЫНЮ

(К тексту 42)

Кривомежная.

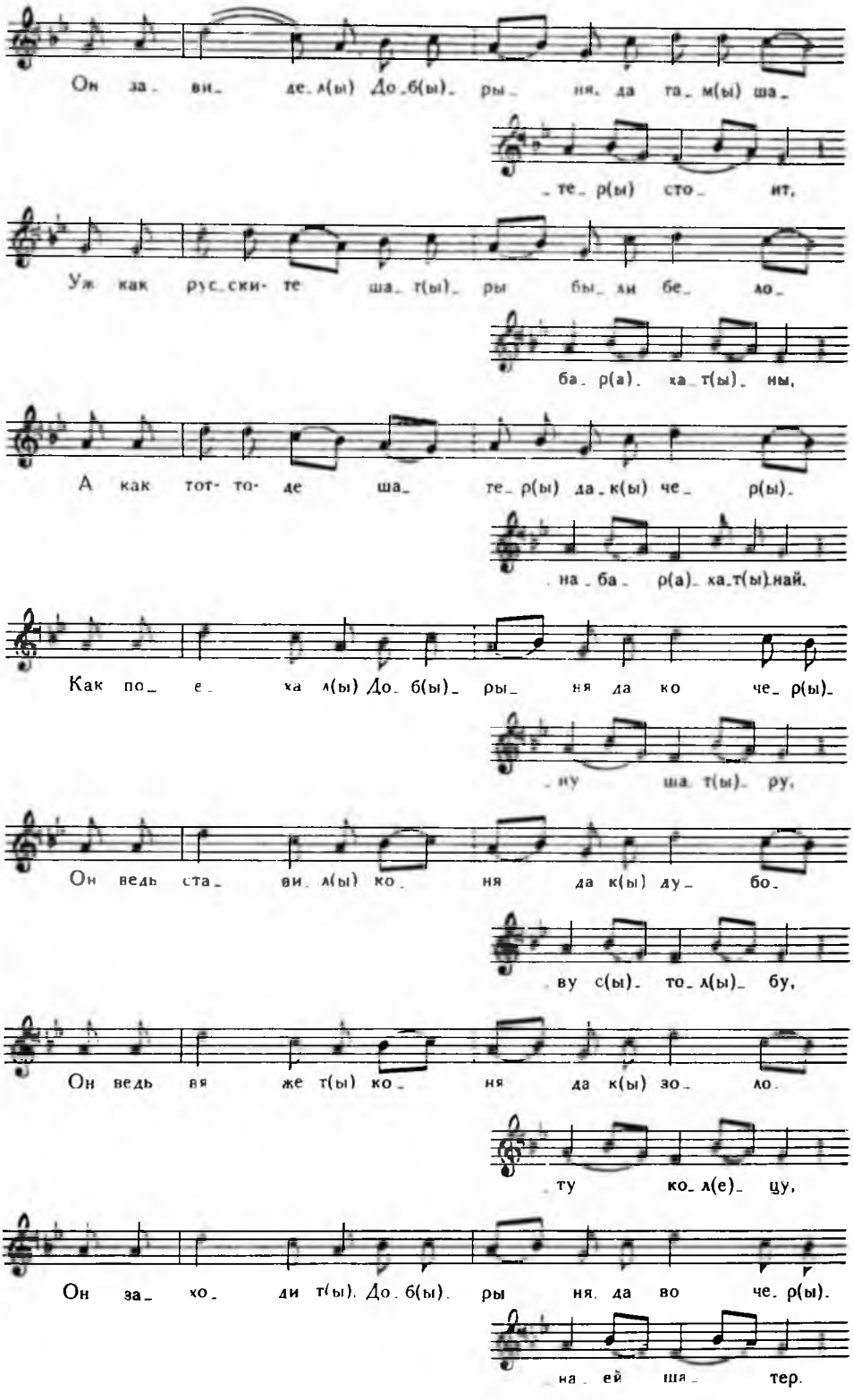
Носов Л. М., 76 л.

Фонограмм—архив, М. 212/2

♩ = 108

Уж как е_ э(ы)_ ди_ л(ы) До_ б(ы)_ ры_ ня да по чи_с(ы)_

_ту по_ лю,


Он за_ ви_ де_л(ы) До_б(ы)_ ры_ ня, да та_ м(ы) ша_
_те_ р(ы) сто_ ит,
Уж как рус_ски- те ша_ т(ы)_ ры бы_ ли бе_ ло_
ба_ р(а)_ ка_ т(ы)_ ны,
А как тот- то- де ша_ те_ р(ы) да_к(ы) че_ р(ы)_
_на_ба_ р(а)_ ка_т(ы)_най.
Как по_ е_ ка л(ы) До_ б(ы)_ ры_ ня да ко че_ р(ы)_
_ну ша_ т(ы)_ ру,
Он ведь ста_ ви_ л(ы) ко_ ня да к(ы) ду_ бо_
_ву с(ы)_ то_ л(ы)_ бу,
Он ведь вя же т(ы) ко_ ня да к(ы) зо_ ло_
_ту ко_ л(е)_ цу,
Он за_ хо_ ди т(ы)_ До_ б(ы)_ ры ня, да во че_ р(ы)_
_на_ ей ша_ тер.

V. ПРО ДОБРЫНЮ

(К тексту 45)

Усть-Цильма.
Дуркин Т С., 84 г.
Фонограмм--архив, М. 213/2

♩ = 92

Зна_чит преж_ де Ка_ за_ н(и)да.к(ы)сло_ бо_ _до_ и сто_ яла,

Ка_ бы ны_ н(е)_че Ка_ за_ н(и)да.к(ы) сла_ в(ы)_ной го_ ро_ д(ы)стал.

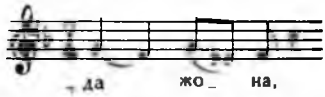
Как во том и_ш(и)че в Ка_ за_ ни да сла_ в(ы) но.м(ы) го_ ро_ де

Уж и жи_л(ы)тут и был Ни_ ки_ ту ш(и)_ка Ро _ма_ но_ вич.

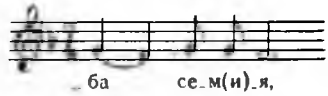
Он же жи_л(ы) ле Ни_ки_ туш_ка де_ вя_ _но_ с(ы)_ то лет,

Как со_с(ы)_ га_ ри_л(ы)_се Ни_ ки_ ту_ш(и)_ка а пе_ ри_с(ы)_ _та_ ви_ л(ы)_ се.

Как ос_та_ на_ ла_си у е_ го да к(ы)[мо...], мо_ ло_

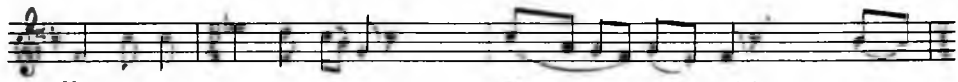

_да жо_ на,

Мо_ ло_ да е_ го жо_ на да.к(ы)_ле, ой- ле, лю.


_ба се_м(и)_я,

Как ос_ та_лась о_на бе_ ре_ мен_н(ы)на: уж но_ си_ла

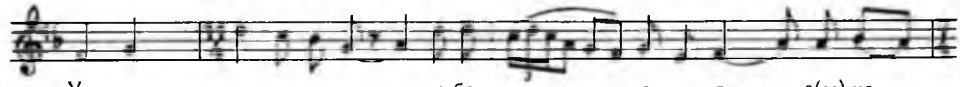
о_на со рок не_ де_ ле_ чок,


Как про_но_ си_ ла о_на со_ рок не(й).. не_

_де_ ле_ чок,

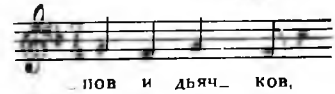
Как и_с(ы)_ пол_ ни_ ла о_ на дак(ы) де_ вя_ т(и)

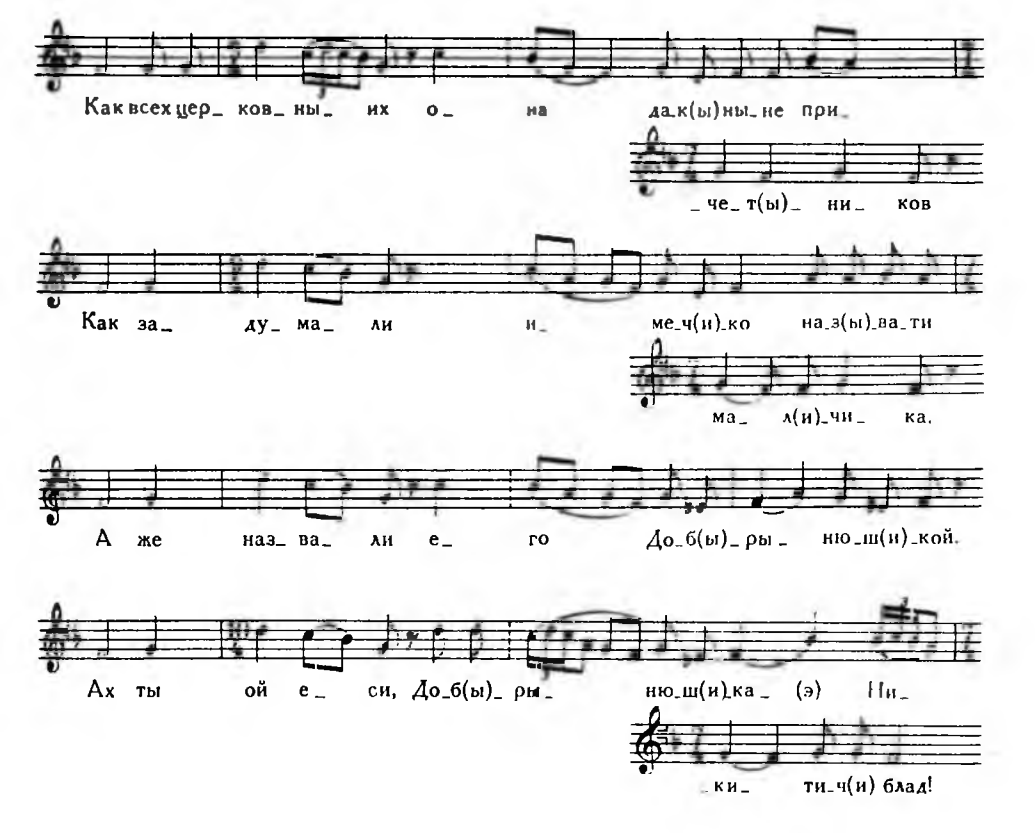
ме_ ся_ цов,


Уж ро_ ди_ ла о_на се_бе сы_ на да я_ с(ы)_на

со_ ко_ ла

А со_би_ ра_ ла о_на се_ бе-ль ны_н(е)_че по_

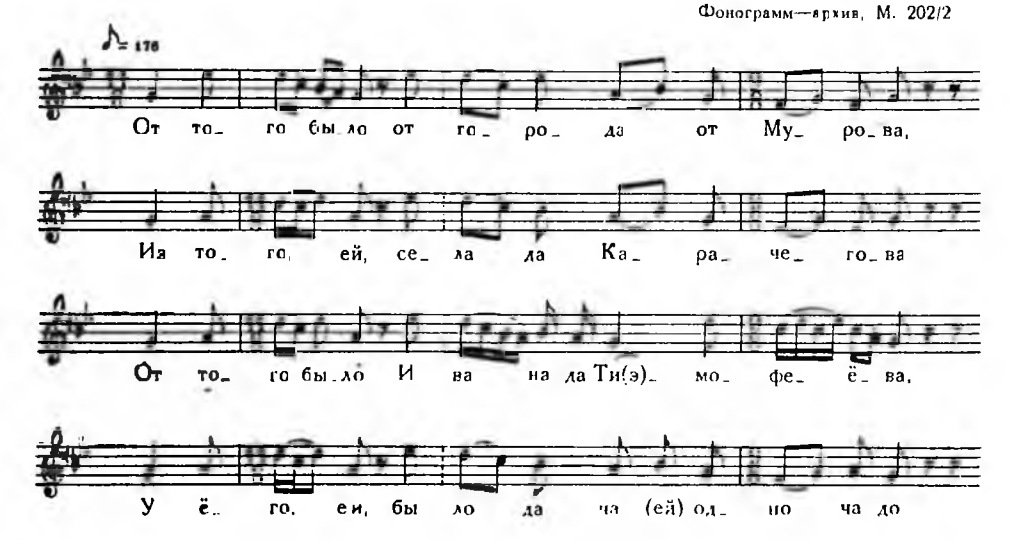

пов и дьяч ков,

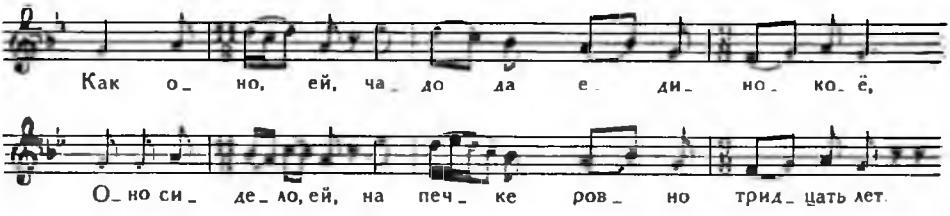


VI. ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ БОГАТЫРЬ ИЛЬЯ МУРОВЕЦ

(Вариант текста 46)

Усть-Цильма
Вокуев Г. В., 73 л.
Фонограмм—архив, М. 202/2

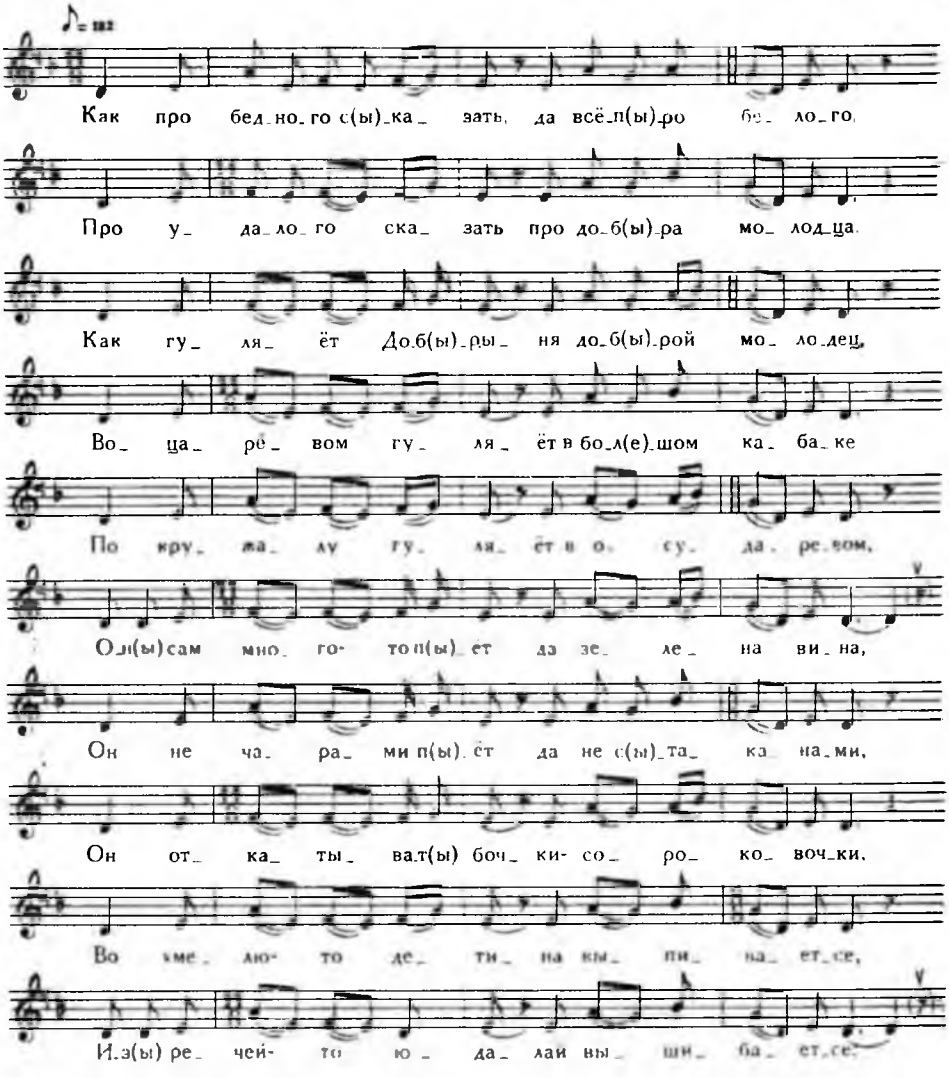




VII. ДОБРЫНЯ [БУТМАН]

(К тексту 48)

Усть-Цильма.
Михеев А. Е. 89 л.
Фонограмм—архив, М. 222/6



„Уж я си_ лу_ш(и)_ко_ ю да я си_л(е)_ ня_ я всех.

Уж и я сме_ точ_ ко_ ю ца_ря по_ сме_ тис_тей"

VIII. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СИЛА НЕВЕРНАЯ

(К тексту 49)

Рощинский ручей.
Поздеева Т. И., 70 л
Фонограмм—архив, М. 223/10

♩ = 80-84

За_ чи_ нал_ се у сол_ ныш_ка Во_ ло_

_ди_ ме_ ра

Да за_ чи_ на_ л(ы)_ се ле в(ы)_ ту_ но_ ви ис_ по_

чес те_ н(ы) пир,

Да вот по_ чес_ те_ н(ы) пир, пра_ во, по_

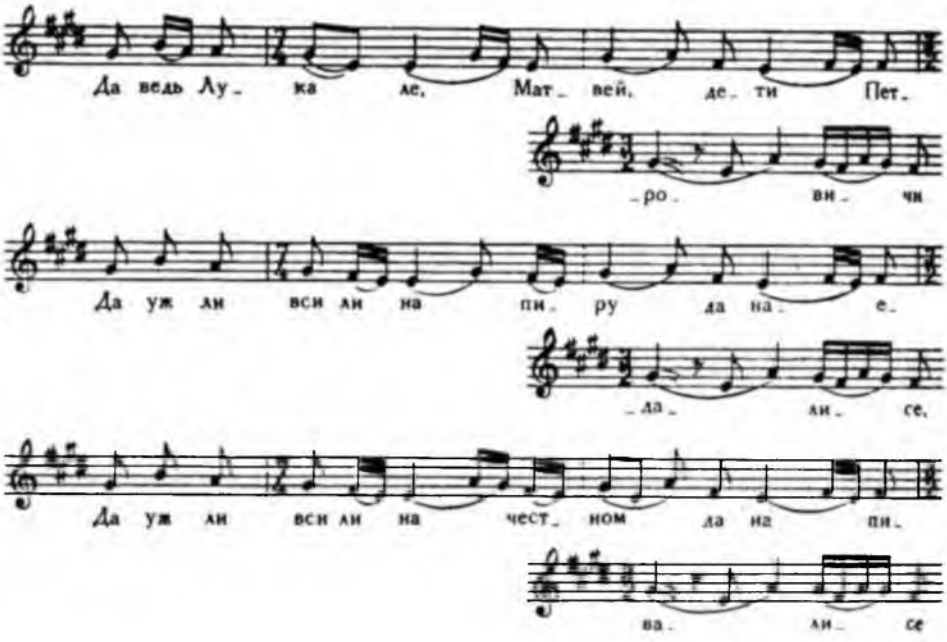
хва л(и)_ ней от стол

Да со_ би_ ра_ ли_ се е_ ще маль_ чич_ ки бо_

_га_ ты_ ри,

Да де_ вя_ нос_ то ле петь русь_ких бо_

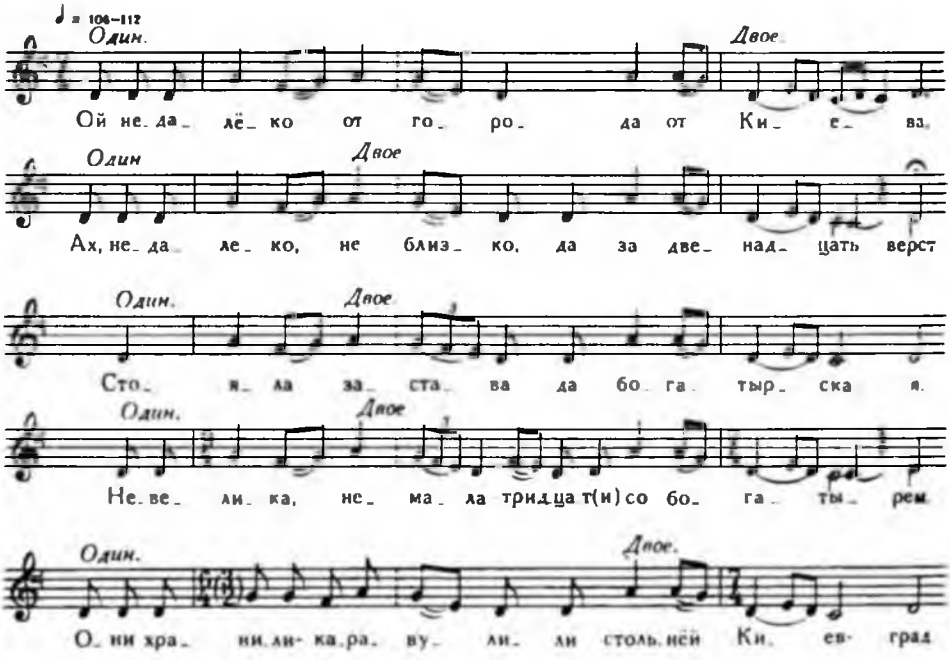
_га_ ты_ рей,



IX. ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА

(К тексту 51)

Боровская.
Чупровы А. Т., 52 г. и М. М., 72 л.
Фонограмм—архив, М. 219/11



Один. Двое.
Тут не ко_ н(ы)_ ной, не пе_ шой (и) не про_ ха_ жи_ вал,

Один. Двое.
Не рыс_ ку_ чой зверь да не про_ бе_ ги_ вал,

Один. Двое.
Не я_ се_ н(ы) со_ кол да не про_ ле_ ты_ вал,

Один. Двое.
А жи.л(ы) за ста_р(ы)_шо_ го да Иль_ я Му_ ро_ мец.

Один. Двое.
По_ут_ ру вста_ вал да он ра_ не_ шень_ ко.

X. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

(К тексту 53)

Абрамовская.
Чупров Е. П., 67 л.
Фонограмм—архив. М. 218/6

♩=116

Ай, да во столь_ нём во го_ ро_ де во Ки_ е_ ве,

Как жи_ ли на за_ ста_вы бо_ га_ ты_ ре.

Ка_ра_ ву_ ли_ли- хра_ ни_ ли столь_нёй Ки_ ев- град.

Не ви_ да_ли о_ ни ни кон_ на_ го, ни пе_ ша_ го,

Не про_ хо_ же_ го о_ ни да_ ни про_ ез_ жа_ го

Да не се_ рой- от волк да не про_ рыс_ ки_ вал.

XI. КАК ПРО БЕЛОГО СКАЗАТЬ [БУТМАН]

(К тексту 55)

Абрамовская.
Чупровы М. И., 68 л. и С. И 67 л.
Фонограмм—архив, М. 219/16

Как про бе_ло_ го ска_ зать, ца_ ря про бе_ д(ы)_но_ го.

XII. ПРО СКОПИНА

(К тексту 56)

Абрамовская.
Чупровы М. И., 65 л и С. И 67 л
Фонограмм—архив М 219/15

Дак и мно_ го Ско_ лин да по зем_ лям бы_ вал,
А и мно_ го Ско_ пин дак го_ ро_ дов ви_ дал,
Не бо_ ял_ ся Ско_ пин да двад_ ца_ ти по_ л(ы)_ ков,
Двад_ ца_ ти пя_ ти пол_ ков, да со_ рок ты_ ся_ чей

XIII. ПРО СКОПИНА

(К тексту 57)

Чуркино.
Чуркин Д Ф., 79 л.
Фонограмм—архив. М 218/7

Как во столь_ нем во го_ ро_ де во Ки_ е_ ве,
Как у лас_ ко_ ва кня_ зя да у Вла_ ди_ ми_ ра,

А сто_ ло_ ва_ ни_ ё бы_ ло пи_ ро_ вань_ е.

Уж как мно_ го на пи_ ру да со_ би_ ра_ ли_ ся,

Ка_ бы мно го на чест_ ном да со_ ез_ жа_ ли_ ся,

Уж как мно_ го ца_ рей, мно_ го ца_ ре_ ви_ чей,

Уж как мно_ го кня_ зей, мно_ го кня_ зе_ ви_ чей,

Силь_ ных мо_ гу_ чи_ их бо_ га_ ты_ рей.

И все на пи_ ру да на_ пи_ ва_ ли_ ся,

Как бы все на чест_ ном да на_ е_ да_ ли_ ся,

А и все на пи_ ру бы ли пья_ ны- ве_ се_ лы,

И все на пи_ ру да при_ рас_ хвас_ та_ лись,

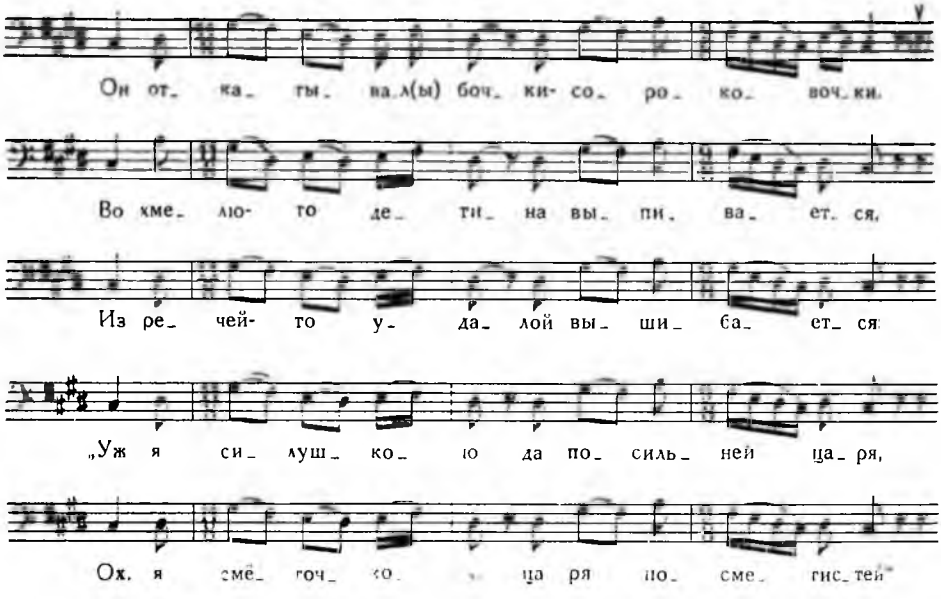
XIV. ПРО БУТМАНА

(К тексту 58)

Степановская.
Бобрецов Д. Ф., 71 г.
Фонограмм—архив. М. 217/10

♩= 120

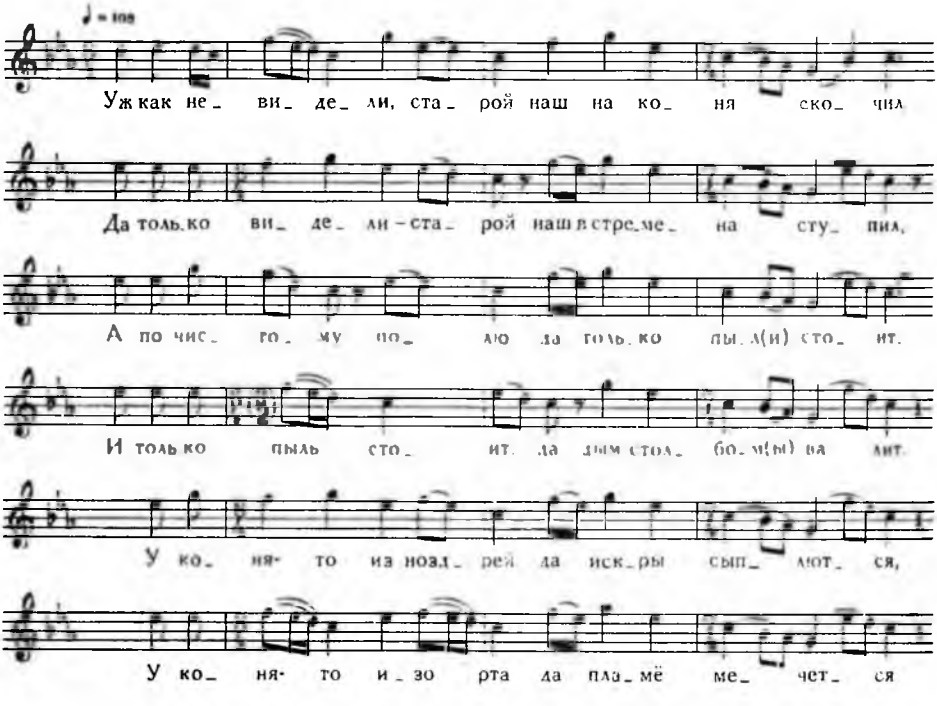
Он не рюм_ ка_ ми пил да не ста_ ка_ на_ ми,



XV. ПРО БОГАТЫРЯ

(К тексту 59)

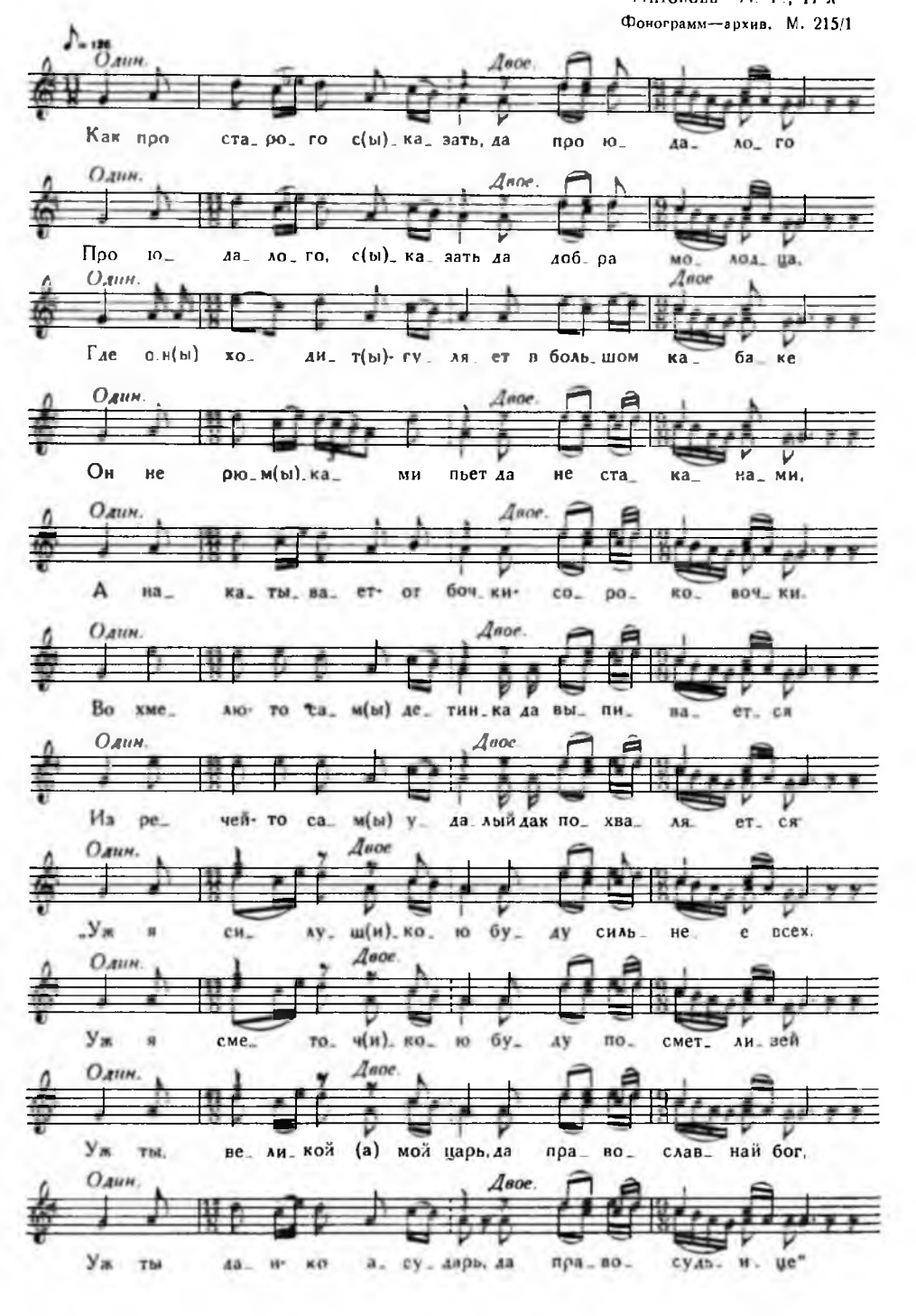
Скитская
Чупрова П. М., 30 л
Фонограмм—архив. М. 2164



XVI. ПРО СТАРОГО [БУТМАН]

(К тексту 60)

Скитская.
Антонов С. Н., 63 г.
Антонова А. Г., 47 л.
Фонограмм—архив. М. 215/1



XVII. ПРО БУТМАНА

(К тексту 61)

Скитская.
Осташева Ф. Ф., 52 г.
Фонограмм—архив. М. 214/4

♪= 116

Как про ста_ро_го с(ы)_ка_ зать, да про(й)_ ю_ да_ ло_го.

Про(й) ю_ да_ ло_ го с(ы)_ка_ зать да до_б(ы)_ра_ мо_ лод_ца,

Он ведь пи_ л(ы) ви_ но да са_м(ы) не рю_м(ы)_ка_ми,

Он не рю_ м(ы)_ ка_ми пил да_к(ы) не ста_ ка_ на_ми,

Он от_ ка_ ты_ вал боч_ ки да со_ ро_ ко_ воч_ки

Во хме_ лю де_ тин_ ка да вы_ пи_ ва_ ит_ се,

Он ведь си_ луш_ ко и да по_х(ы)_ва_ ля_ ит_ се,

Он ведь си_ луш_ ко_ и бул_ го силь_ ней ца_ ря,

Он ведь сме_ точ_ ко_ и буд_ то по_ смет_ ли_ вей

НАРЬЯН-МАРСКИЙ РАЙОН

XVIII. ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА НА ДОБРЫНИНОЙ ЖЕНЕ

(К тексту 62)

Лабожское.
Суслов Н. И., 65 л.
Фонограмм—архив. М. 325/3

♪= 126

Ка_к(ы) слу_ чи_ ло_ си До_б(ы)_ ры_ ни_ в по_ ле е_ ха_ ти

И не на мно_го, не на ма_ло е_ му -на це_лый год.

О_с(ы)_тав_ ля_ е_т(ы) о_н(ы) же_ ну да сво_ ю ми_ лу_ ю.

„Е_с(ы)_ли го_д(ы)- то_п(ы)_рой_ дет, да я не_ вёр_ ну_ся –

То_г(ы)_ды можь и ты ид_ ти да тол_и_кё взамуж-то.

XIX. СТАРИНА́ [ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ]

(К тексту 65)

Лабожское.

Ижемцев Т. С, 67 л.

Фонограмм—архив, М. 323/7

♩ = 100

Уж вы где же, ту_ ры, да нон_ че спо_ бы_ ли?

Уж вы где же, ту_ ры, да нон_ че спо_ бы_ ли?

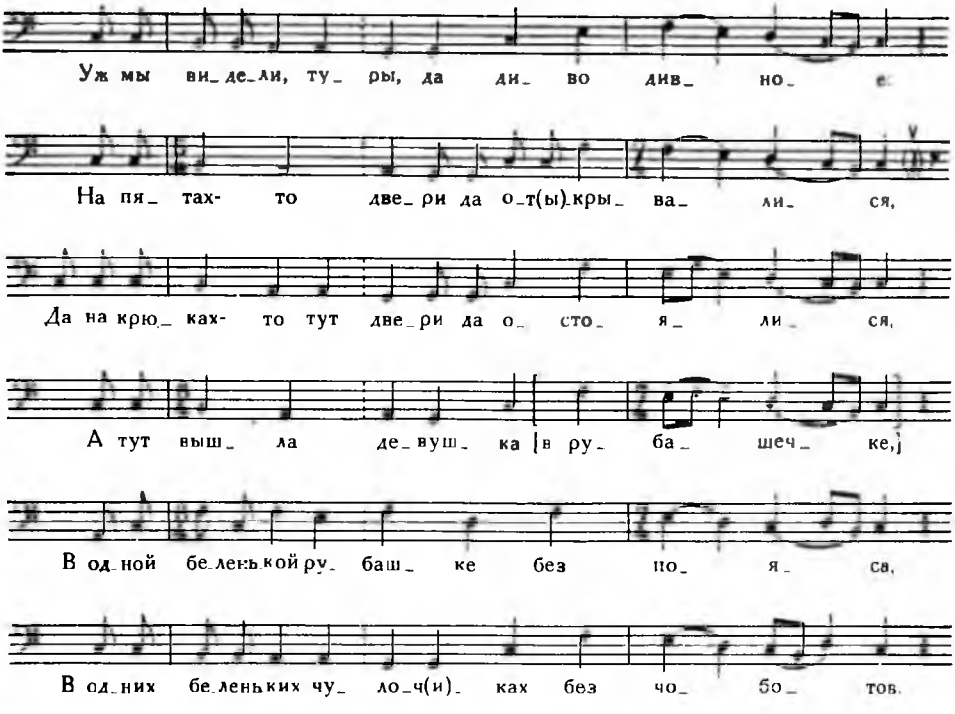
От_ ве_ ча_ ли ту_ ры да де_ ти ма_ лы_ я.

Де_ ти ма_ лы ту_ ры да зла_ то_ ро_ ги_ я.

„Уж мы бы_ ли, ту_ ры, да нонь во Ша_ хо_ ве.

Уж мы бы_ ли, ту_ ры, да но_н(и)во Ля_ хо_ ве.

Уж мы ви_де_ли, ту_ ры, да чу_ до чуд_ но_ е.

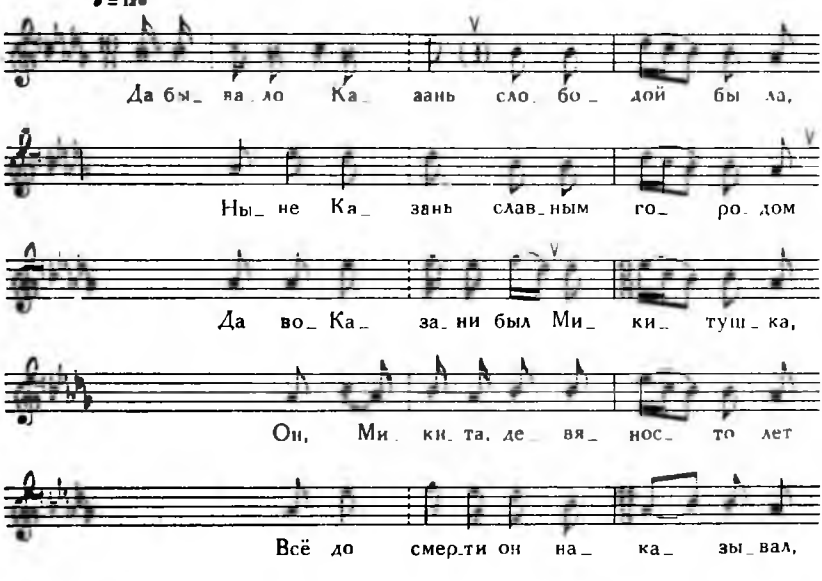


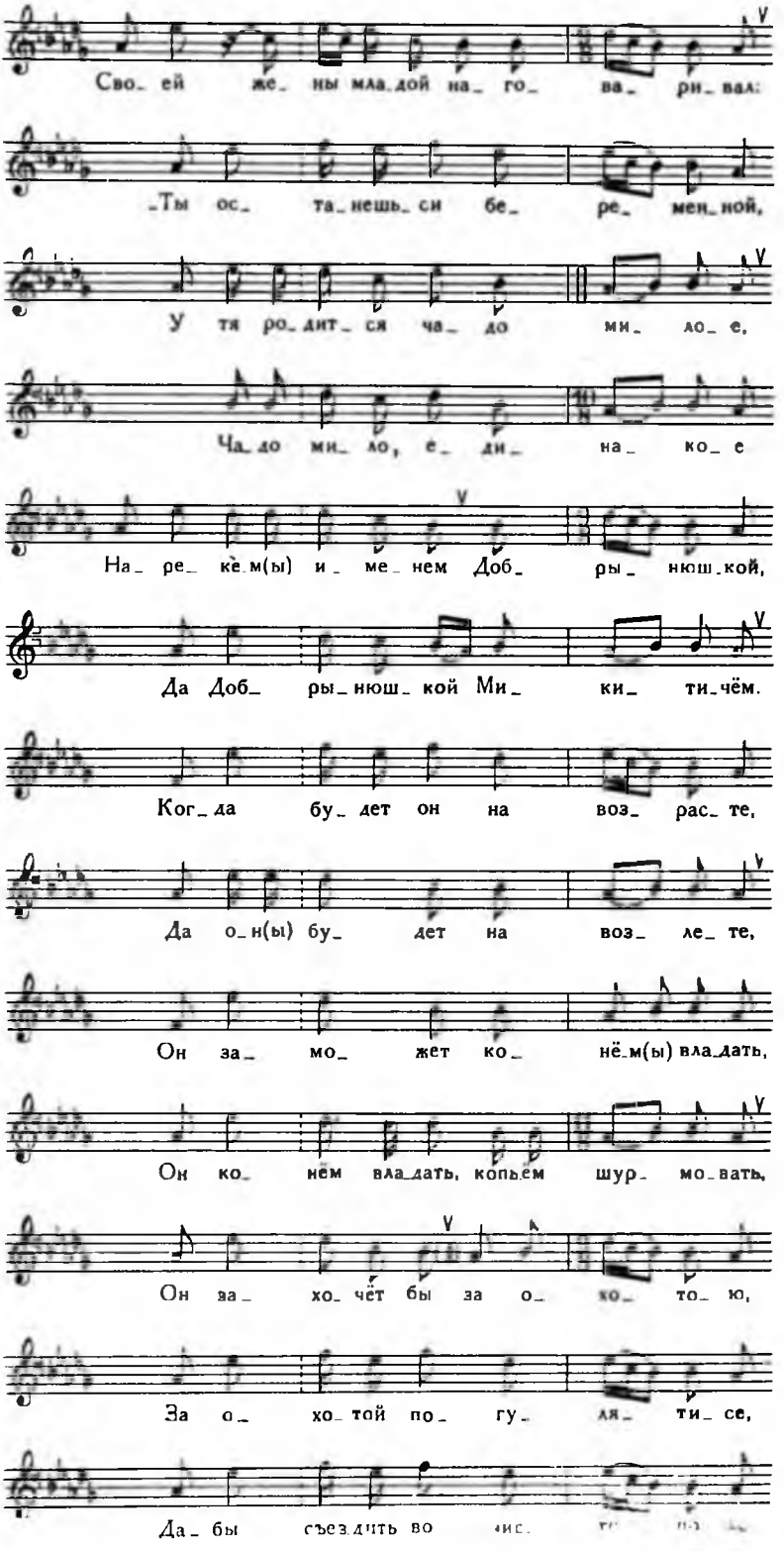
XX. ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

(К тексту 68)

Нарьян-Мар
Пономарев А. Ф., 72 г.
Фонограмм—архив, М. 335/1

♩ = 120




Сво_ ей же_ ны мла_дой на_ го_ ва_ ри_вал:
_Ты ос_ та_нешь_ си бе_ ре_ мен_ной,
У тя ро_дит_ ся ча_ до ми_ ло_ е,
Ча_до ми_ ло, е_ ди_ на_ ко_ е
На_ ре_ ке_м(ы) и_ ме_ нем Доб_ ры_ нюш_кой,
Да Доб_ ры_нюш_ кой Ми_ ки_ ти_чём.
Ког_да бу_ дет он на воз_ рас_ те,
Да о_н(ы) бу_ дет на воз_ ле_ те,
Он за_ мо_ жет ко_ нё_м(ы) вла_дать,
Он ко_ нём вла_дать, копьем шур_ мо_вать,
Он за_ хо_ чёт бы за о_ ко_ то_ ю,
За о_ хо_ той по_ гу_ ля_ ти_ се,
Да_ бы съез_дить во

XXI. СВЯТОГОР
(К тексту 71)

Нарьян-Мар.
Пономарев А. Ф., 72 г.
Фонограмм—архив, М. 335/2

♩ = 120

[Свя_ то_ гор- то ез_ дил] по Свя_ тым [го_ рам,]

Тут и встре.тил_ ся И_л(и)_ я к е_ му,

Тут Иль_ я сын И_ ва_ но_ вич.

О_ ни е_ ха_ ли дол_ го ли,

О_ ни дол_ го ли, ко_ рот_ ко_ ли

О_ ни _е... *(Вот я тут не знаю, он его из-за какого вроде вот [дела] взял-то, в карман-то запихал)*

Он по_ ло_ жил во пра_ вой_ кар_ ман,

Он ве_ зе_ т(ы) ко_ нё_ м(ы) доб_ ры_ им.

Он, конь (и), стал- то по_ ты_ ка_ ти_ се,

XXII. СВЯТОГОР

(К тексту 79)

Тельвиска
Кузьмин Т С, 68 л
Фонограмм—архив, М. 332/3

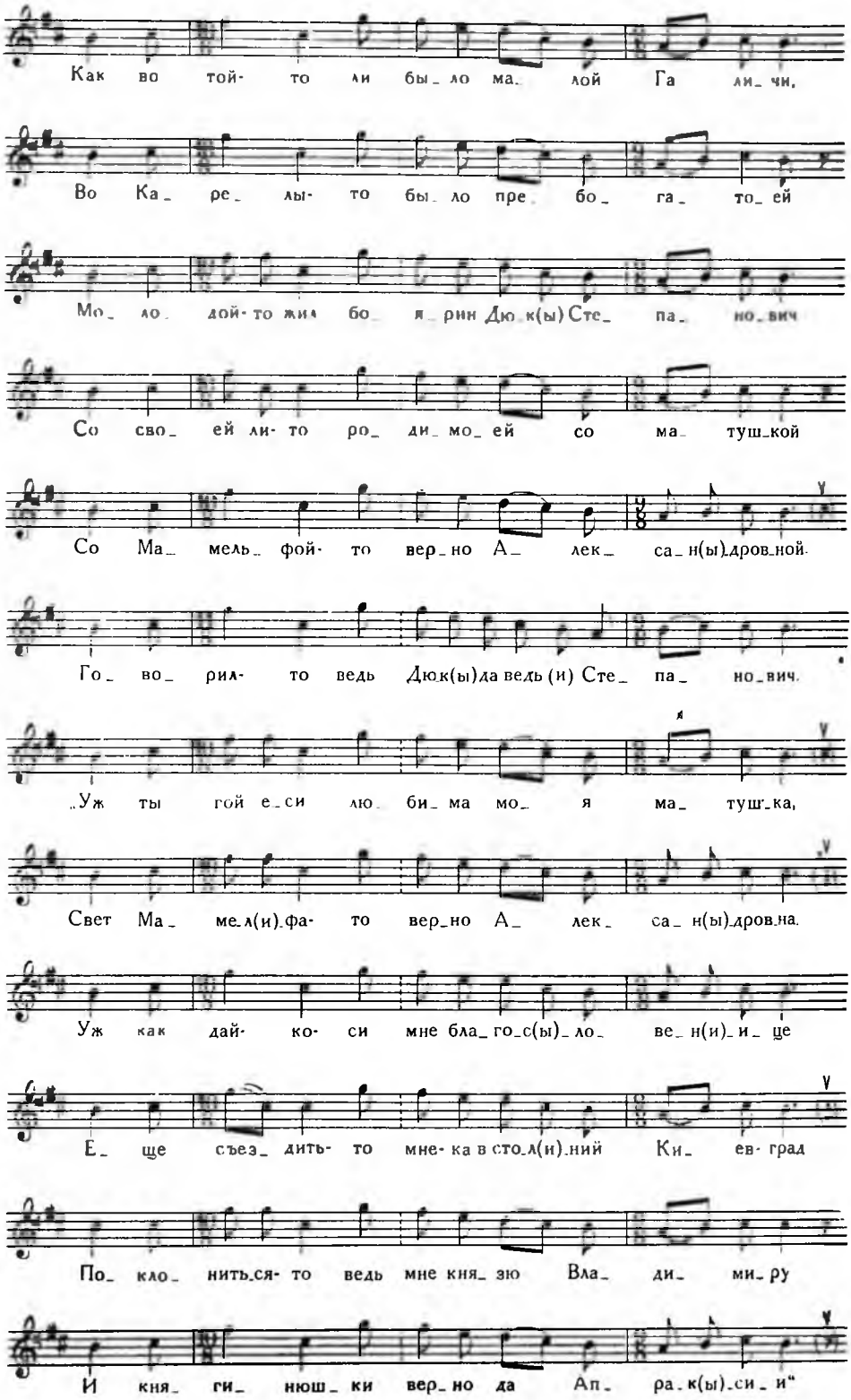
Вы_ез_ жал ведь Свя_то_ гор на чис_ то по_ люш_ ко,
Ни_ че_ го то Свя_то_ гор да не_ на_ ка_ жи_ вал,
С кем бы си_ ло_ ю сво_ ей да о_н(ы) по_ ме_ рял_ ся,
У_ ви_ дал то Свя_то_ гор да в чи_с(ы)_том по_ люш_ ке,
Как и_ дет то ста_ рик да но_ не с су_ моч_ кой.

XXIII. ПРО ДЮКА

(К тексту 84)

Тельвиска.
Кузьмин Т. С., 68 л.
Фонограмм—архив, М. 327/8

♪=192
Е_ ще кто бы нам, брат_цы, ста_ ри_ ну с(ы)_ка_зал,
Ста_ ри_ ну ту ска_ зал да на ста_ рин_ ный лад,
Е_ ще кто бы то-ль, брат_цы, да_в(ы)_ню_ю пе_с(и)_ню спел,
Всё пес_ ню ту спел да по_д(ы) гус_ ля_р(ы)_ный звон?


Как во той- то ли бы_ло ма_ лой Га ли_чи,
Во Ка_ ре_ лы- то бы_ло пре бо_ га_ то_ ей
Мо_ ло_ дой- то жил бо_ я_ рин Дю_к(ы) Сте_ па_ но_вич
Со сво_ ей ли- то ро_ ди_ мо_ ей со ма_ туш_кой
Со Ма_ мель_ фой- то вер_но А_ лек_ са_н(ы)_дров_ной.
Го_ во_ рил- то ведь Дюк(ы)да ведь (и) Сте_ па_ но_вич.
„Уж ты гой е_си лю_ би_ ма мо_ я ма_ туш_ка,
Свет Ма_ ме_л(и)_фа- то вер_но А_ лек_ са_ н(ы)_дров_на.
Уж как дай- ко- си мне бла_ го_с(ы)_ло_ ве_ н(и)_и_ це
Е_ ще съез_ дить- то мне- ка в сто_л(и)_ний Ки_ ев- град
По_ кло_ нить_ся- то ведь мне кня_ зю Вла_ ди_ ми_ ру
И кня_ ги_ нюш_ ки вер_но да Ап_ ра_к(ы)_си_ и“

XXIV. САДКО

(К тексту 85)

Тельвиска.
Кузьмин Т С., 68 л
Фонограмм—архив, М. 331/10

♩ = 100

Был во то_м(ы) ли во Но_ ве да нонь во го_ ро_ де

Был Сад_ ко- то ку_ пец да во_т(ы) бо_ га_ тый гость

Сна_ря_ дн_л(ы)- то он да ве_р(ы) но ко_ раб_ ли_ ки,

И от_ пра_вил_ся- то он во си_ нё мо_ рюш_ ко

В си_нё мо_ ре- то вер_ но во Хва_ лын_ ско_ е

XXV. ПРО ДОБРЫНЮ

(К тексту 89)

Андег.
Суслов А. И., 65 л.
Фонограмм—архив, М. 322/4

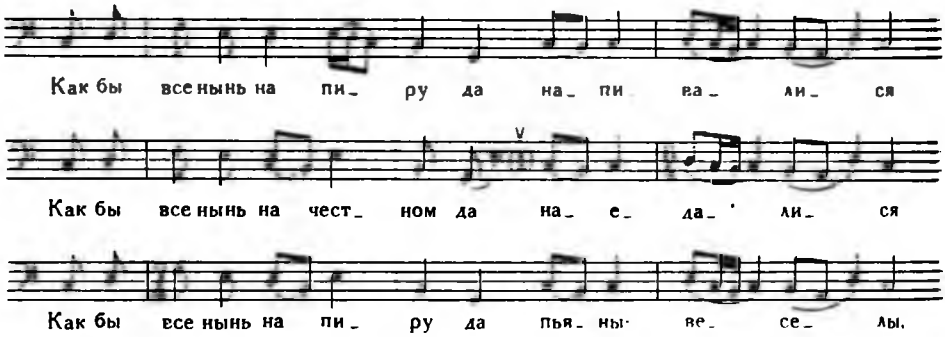
♩ = 96

Как во столь_ном бы_ ло го_ ро_ де во Ки_ е_ ве;

Как у ла_с(ы)_ ко_ ва к(ы)_ ня_ зя да у В(ы)_ла_ ди_ ми_ ра

За_ во_ ди_ ло_ ся пи_ ро_ ва_н(и)_ё- сто_ ло_ вань_ ё,

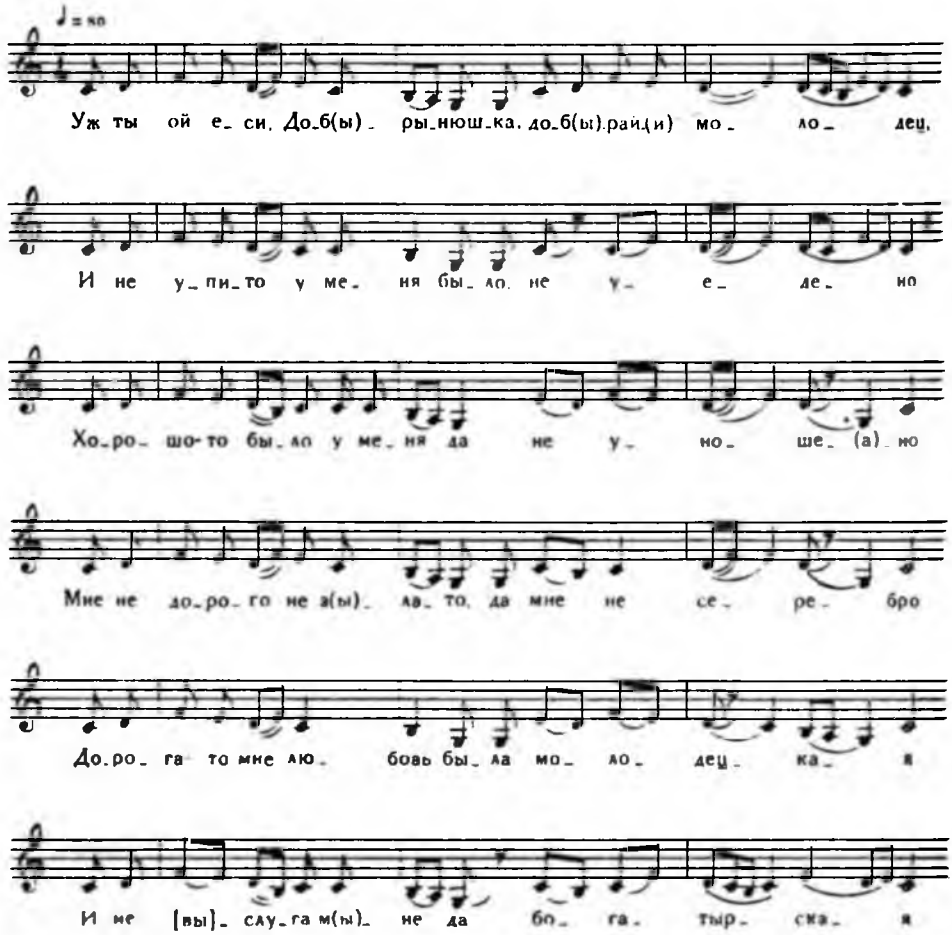
Как пи_ ро_вань_ ё- сто_ ло_ ва_н(и)_ё, по_ че_ стен пир.



XXVI. ПРО ДОБРЫНЮ

(К тексту 90)

Аидег.
Хабарова А. П., 69 л
Фонограмм—архив, М. 322/3



КОММЕНТАРИИ

В задачу комментариев входит, кроме сообщения основных паспортных данных, раскрытие особенностей публикуемых вариантов былин в соотношении с местной и общерусской традициями. Приводятся также сведения о прежних записях былин на те же сюжеты в данной местности и о происхождении публикуемого текста. Полная библиография сюжета внесена в указатель вошедших в издание сюжетов и дается ссылкой на имеющиеся списки вариантов. В библиографических справках и в указателе сюжетов при номерах текстов ставится в скобках условное сокращение: (к.) — обозначает контаминацию с другим сюжетом, (пр.) — что сюжет передан прозой, (отр.) — обозначает отрывок.

Публикуемые записи сделаны разными собирателями, применявшими каждый свою методику фиксации особенностей диалекта. Не во всех записях обозначены изменения безударных гласных (двадцеть, деветь, кнеженецкой и т. п.), йотированное *и* (Йилья, йих), фрикативное *г* (коhда, боhатыря). Таким образом, получается разнобой в передаче одного и того же диалекта, поэтому случаи дополнительной фиксации диалектной фонетики снимаются. В отношении редуцированных гласных это оправдано еще и тем, что их произношение в северных диалектах в основном совпадает с произношением в литературном языке.

Другие фонетические особенности, отличающие северные диалекты (оканье, цоканье, чоканье, мягкость и чередование некоторых согласных), а также случаи резкого отклонения от оканья (*-ова, -ева* в родительном падеже прилагательных, произнесение *а* вместо *о* в безударном положении (например, Мурамец) сохраняются.

Сохраняются все обозначения колебаний в произношении глагольных окончаний (*-тся, -тсе, -тца, -тця* и др.). Буква ё применяется, когда произношение может быть не вполне ясным (недалёко, милостыня спасённая). Последовательно всюду обозначено *всё* в отличие от *все* (в былинах легко спутать). Буквой *ё* обозначается произношение *е* вместо обычного *ё*.

Все морфологические и синтаксические особенности текстов сохраняются.

Знак ударения, как правило, употребляется для обозначения необычного в литературном языке произношения (в чистóм полú), но в тех случаях, где сказитель особо акцентировал то или иное слово (что и было отмечено в момент записи), знак ударения сохраняется и тогда, когда это ударение совпадает с обычным произношением данного слова.

Заглавия былин без скобок принадлежат исполнителям, в прямых скобках — составителям. Ремарки исполнителя выделяются курсивом и

заключаются в скобки. Прозаический пересказ и формулы перехода, сказанные прозой, выносятся за стихотворную строку влево.

В текстах, напевы которых помещены в сборнике, части, записанные на магнитофон, выделяются звездочками.

1—7. Записи А. В. Белвановой в августе 1942 г. от Анастасии Артемьевны Носовой, 67 л., Усть-Цилемский р-н, д. Трусовская (река Цильма).

1. Илья Муромец. Печорские варианты: Онч., 2, 19, 26, 53; Аст., I, 48, 69, 80, 93, 95; Леонт., 1, 4, 6.

Публикуемый вариант представляет сводный текст. Основной сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник», осложненный мотивом трех дорог, контаминируется с сюжетами: «Илья Муромец и разбойники», «Ссора с князем Владимиром», «Илья Муромец и Калин-царь».

В традиционное развитие действия сказительница вносит ряд изменений: Илью Муромца у подворья Соловья встречают не жена и дочери разбойника, а мать; эпизод столкновения Ильи Муромца с дочерьми Соловья-разбойника выпущен; при нашествии врага князь Владимир сам вспоминает об Илье Муромце и посылает к нему слугу, обычно это предлагает сделать Апраксия. Описание расправы над Соловьем-разбойником приближается к описанию в былине сборника Астаховой, т. I, 69: «...привязал Соловья за хвост коню и пустил в чистое поле». Но в былине Носовой расправа изображена подробнее (стихи 134—139). Ссора с князем Владимиром социально насыщена: наговор «бояр толстобрюхих», испуг князя, неподчинение Ильи слугам князя Владимира, ироническая концовка (когда князь Владимир благодарит победителя, Илья Муромец отвечает: «Не надо мне ваши подарочки, меня храните да в темницу не садите»). Содержание наговора иное, чем обычно в текстах о ссоре, оно искусно связано с победой над Соловьем.

Былина отличается полнотой и художественной разработанностью. Сказительница всегда выдерживает былинную обрядность, дополняя ее иногда формулами и оборотами плачевой поэзии (мать Соловья названа «мать родимая, гроза великая», княгиня Апраксия называет Илью «защитой великой», «обороной надейной»).

2. Добрыня и Алеша. Печорские варианты: Онч., 95; ср. также начальную часть: Онч., 21, 59, 63.

Текст А. А. Носовой представляет контаминацию сюжетов, связанных именем одного героя: «Добрыня и паленица», «Добрыня и Алеша». Кроме того, просьба юного Добрыни к матери отпустить его на богатырскую заставу восходит к печорским былинам на другие сюжеты о Добрыне («Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка»), в которых говорится о рождении и детстве богатыря (ср. в особенности: Онч., 59, но там рассказ о рождении и детстве более развернут).

Сюжет «Добрыня и паленица» ранее не был записан на Печоре. В публикуемом варианте он занимает место, равноценное второму сюжету. На оформлении этой части сказалось влияние былины «Илья Муромец и Сокольник», одной из самых распространенных на Печоре (см. наблюдение в «трубочку подзорную», насмешку паленицы над богатырской заставой, бой Добрыни с паленицей).

Второй сюжет — популярная былина-новелла о неудачной попытке Алеши Поповича жениться — на Печоре был, по-видимому, мало распространен: Ончуковым он был зафиксирован лишь в одном варианте с нижней Печоры, Астаховой и Леонтьевым совсем не записан. По одной записи нельзя судить о характере местной традиции, тем более по записи Ончукова, о которой сам собиратель говорит как о случайной: «П. И. (Парасковья Ивановна Шевелева, — *Ред.*) совсем не поет старины и спела мне женитьбу Олеши после усиленной моей просьбы, спела, кажется, в первый раз в жизни, и потому очень плохо» (Онч., стр. 389). Тем больший интерес представляют все записанные в 40—50-е годы варианты, среди которых и публикуемый; (см. настоящее издание, №№ 2, 8 (пр.), 62, 75, 82).

Звеном, соединяющим первый сюжет со вторым, является мотив неожиданного нападения неверного врага и прекращения мирной жизни Добрыни с молодой женой, довольно искусно введенный в былину. В отличие от варианта Онч., 95, где причины длительного отсутствия героя не указаны, отъезд Добрыни не только мотивируется внешними событиями, но и обставляется реалистическими бытовыми подробностями: Добрыня объясняет, что он едет «битьце-ратитьце с силой неверноей», сам он служит молебен «чтобы мог побить врага неверного».

В варианте Носовой отсутствует роль князя Владимира как одного из виновников семейной драмы Добрыни. Вся вина падает на Алешу Поповича. Оригинально выражено отношение сказительницы к сватовству Алеши и к расстройству его свадьбы — через

общее сочувствие народа Добрыне и осуждение Алеши Поповича и его сватов (стихи 123—131 и 173—177).

3. Дюк Степанович. Печорские варианты: Онч., 24; Аст., I, 71, 90; Леонт., 10.

Текст представляет интерес как единственная запись сюжета о Дюке из района реки Цильма. Отличается от ранее записанных печорских вариантов тем, что все внимание сосредоточивает на столкновение с князем Владимиром. Князь сам вызывает Дюка на хвастовство, хотя последний «в разговор с Солнышком не вяжется». В пренебрежительном отношении к киевскому угощению укоряют Дюка вместо Чурилы Васенька Буслаевич и Алеша Попович, но традиционного состязания с киевским богатырем нет. Один из постоянных эпизодов этого состязания — скачка через реку — переоформлен в случай с Алешей Поповичем: он по дороге не мог перескочить Днепр, и его Дюк вытаскивает из воды за волосы.

Своеобразными деталями текста являются бой Дюка по дороге со «змеей лютой» (вариация «трех застав» прионежских вариантов, см., например, Гильф., I, 9; II, 85 и др.) и необычное для былин, но характерное для сказки заключительное упоминание о дальнейшей судьбе героя (стихи 194—196). Связь этих стихов со сказкой особенно подчеркивается чисто сказочной концовкой.

Среди всех записанных в 1942 г. на Печоре былин о Дюке Степановиче данный текст выделяется стройной и четкой композицией, хорошей сохранностью эпического стиха и выдержанной былинной фразеологией.

4. [Чурила и неверная жена]. Печорские варианты: Онч., 25, 69; Аст., I, 55, 75, 97.

Публикуемый вариант — первая запись в районе реки Цильма. В основном восходит к печорской редакции, представленной в сборниках Ончукова и Астаховой. Отличия незначительны: жена Пермяты не выходит встречать Чурилу; в эпизоде попыток Чурилы подкупить служанку, пообещав ей дорогой подарок, отсутствует троекратное повышение цены подарков.

В художественном отношении былина Носовой отличается сохранением сюжетных подробностей. Отдельные детали носят творческий характер, например оригинальное сравнение в словах служанки (стихи 25—27), обращение Пермяты к неверной жене и др.

Начало былины сказительница пела.

5. Фатенко. Печорские варианты: Онч. 9, 46; Аст. I, 98.

Публикуемый текст представляет интерес как новая полная запись сюжета о Хотене среди немногочисленных вариантов с Печоры и первая запись из района реки Цильма.

Начальная часть былины — описание сватовства на пиру и ссоры двух вдов — близка к соответствующей части варианта с реки Пижма из сборника Ончукова (№ 9). Как и в этом варианте, не упоминается князь Владимир, но здесь не указано и место пира (у Ончукова — Киев). Изображение ссоры дополняется выразительной деталью — расплескиванием Чусовой вдовой поднесенной чары с вином, в вариантах с Пижмы и из Усть-Цильмы (записи Ончукова) этой детали нет. Конец былины разработан оригинально: Фатенко не требует поединщиков, как во всех указанных вариантах, где это требование является важным сюжетным компонентом, определяющим последующее развитие фабулы: Маринка ищет поединщиков за золото среди «голей кабацких», побиваемых затем Фатенко, обращается за помощью к своим сыновьям или к зятьям, которые отказываются противостоять Фатенку, и герой получает невесту. При этом иногда убивает Маринку (Онч., № 9). В былине Носовой Фатенко «вышибает дом по окошецкам», и испугавшаяся Чусовична отдает ему дочь. Такое нетрудное добывание невесты подчеркнуто самой сказительницей: «поехал Фатенко с легкой свадебкой» (стих 102).

Социальный характер конфликта — мотивировка отказа выдать дочь за Фатенка его бедностью — сохранен, хотя и не столь ярко выделен, как в некоторых вариантах из других районов (см., например, Рыбн., II, 105; Гильф., II, 164; Марк., 20, и др.).

Имя Маринки, вообще распространенное в былинах на Печоре, традиционно для печорских обработок сюжета «Хотен», как и имя героя — Фатенко. Необычно наименование вдов богатырицами.

Поэтическое мастерство А. А. Носовой, знание сказок и плачей отразились на художественной стороне былины. Общие места сказительница часто заменяет собственным описанием. Так, она говорит об отъезде Фатенко: «Обулся, оделся он по-хорошему». Описание дочери Чусавичны напоминает свадебное причитание матери по своей дочери:

У меня доць Чавина Чусавицна
Во девках — красна девушка,
Во лебедушках — красна лебедушка.

(стихи 29—31).

Влияние жанра сказки можно видеть во внесенных сказительницей бытовых пояснениях, описаниях реальной обстановки («получай невесту, живи как хочетце», «садила доцку на конец ковра» и т. д.), в характерной сказочной концовке.

Былина «Фатенко» была записана в 1955 г. от мужа А. А. Носовой — Лазаря Моисеевича (см. настоящее издание, № 41). Сопоставление обоих текстов показало, что при единстве редакции они в отдельных деталях несколько различаются, что свидетельствует о творческой самостоятельности обоих сказителей.

6. Про Василия Буслаева [Соловей Будимирович]. Печорские варианты: Онч., 8; Аст., I, 67.

Единственный ранний вариант с Печоры (Онч., 8) очень краток и в развитии сюжета отличается от полных и стройных прионежских вариантов: князь Владимир заменен королем литовским; выпущены центральные эпизоды: постройка теремов и посещение их племянницей князя; после поднесения королю подарков и заявления, что он приехал свататься, Соловей возвращается на корабль, на него заходит Аннушка Путятишна, и Соловей ее увозит. Близок к тексту Ончукова и вариант записи 1929 г. (Аст., I, 67), в котором упоминаются терема в иной, чем в прионежских текстах, ситуации: через них проходит Соловей, направляясь к королю.

В публикуемом варианте сюжет подвергся дальнейшим изменениям. Как и в предшествующих печорских записях, в нем сохранен зачин, описание корабля и приготовлений героя перед выходом на берег. Центральные же эпизоды не просто выпущены, а заменены другими: отец девушки, к которой сватается герой, ставит ему трудное условие для получения невесты — построить терем с церковью в одну ночь; терем построен с помощью чудесной силы — тридцати трех богатырей; былина заканчивается свадебным пиром. Здесь явное влияние сказки. Оно отразилось и на художественных деталях. Так, при описании устройства корабля упоминается «избушка изукрашена» вместо обычно встречающихся «черной чердак» (Онч., 8), «чердачки помуравлены», «зелен чердак муравленый» (Рыбн., II, 132 и др.).

Соловей Будимирович не упоминается. Действие перенесено на Василия Буслаевича случайно, без сближения с известным былинным героем, здесь, скорее, сказочный персонаж — «добрый молодец по имени Васильюшко Буслаевич». Вместо князя Владимира и его племянницы фигурирует князь Иван Семенович и его «племяненка» Авдотья Папична. Описание красоты последней (стихи 47—52) перенесено из былины о Дунае.

7. Про Ваську про вора, про Захарова. Текст представляет собой неизвестный до сих пор сюжет, возникший на основе традиционных на Печоре эпизодов и мотивов разных былин. В центре — образ богатыря-пьяницы, известный по былинам многих районов, Василия Игнатьева (печорские: Онч., 4, 17, 18; Аст., I, 64, 68, 81), богатыря, пропившего коня, вооружение и платье, которого опохмеляет в кабаке сам князь Владимир, и богатырь совершает подвиг — побивает врагов, отказываясь затем от всех наград, кроме чары вина. Но обычные для былин о Василии Игнатьеве запев о турах, картина наступления врага и типичный для печорских редакций мотив столкновения богатыря с «боярами толстобрюхими» отсутствуют. Главное внимание сосредоточено на изображении победы Василия Захаровича над внешним врагом (стихи 53—74). Аналогичное изображение, но более краткое и художественно менее разработанное, зафиксировано Ончуковым в былине о Потыке (Онч., 57, стихи 57—70). Характер возлагаемой на богатыря задачи — съездить в землю неверную — напоминает соответствующий эпизод былины о Василии Казимирове (Онч., 65). Имя героя — Василий Захаров — восходит к печорской пародии-сатире (Онч., 29, 38), его похвальба в кабаке — к печорской же былине «Бутман» (Онч., 14, стихи 9—12; Аст., I, 54, 56, стихи 8—11 и 58, стихи 9—12). Связь с пародией сказалась и в образе богатыря, побивающего врага метлой (известный эпизод из сказки о Бове-королевиче, отраженный в картинке на обложке лубочных изданий этой сказки).

Такие новые сюжетные образования из сплава мотивов разных былин — явление, характерное для позднейшего этапа бытования эпоса на Севере. В данном тексте это выполнено довольно искусно.

8—9. Записи И. К. Ермолиной в августе 1942 г. от Татьяны Антоновны Савуковой, 63 л., Усть-Цилемский р-н, д. Трусовская.

8. Добрыня и Алеша. Вариант с Печоры указан в примечании к тексту № 2.

Вторая запись сюжета с реки Цильма. Текст представляет прозаический пересказ былины. В разрешении сюжета он примыкает к той группе былин, в которой главную роль играет князь Владимир (насильно сватает жену от живого мужа). В варианте Савуковой князь Владимир дважды сватает жену Добрыни, и, возвратившись, Добрыня обвиняет князя и княгиню.

Сказительница большое внимание уделяет причинным мотивировкам и реалистическому изображению действий героя. Так, отъезд Добрыни, служащий завязкой сюжета, развернут в отдельный самостоятельный эпизод: князь Владимир отправляет Добрыню на «службу тяжелую», поручая ему освободить дорогу в Подольскую землю. См. также слова Добрыни Алеше: «Я не дивлюсь, что ты брал мою жену, потому что она шибко хороша» и т. п. Вместе с тем нет никакой мотивировки запрета выходить замуж за Алешу Поповича.

Свой пересказ былины Т. А. Савукова передает языком сказки, но очень точно в отношении традиционного содержания былины. Иногда бытовой прозаический сказ разбивается ритмическими строками былинного стиха.

9. Про богатырева сына [Дюк Степанович]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 3.

Текст Савуковой представляет собой крайний случай перевода былины в прозаический рассказ, превращение ее в богатырскую сказку. Тема былины — состязание Дюка с Киевом в богатстве — совершенно забыта. Сюжет построен в плане личного состязания богатырей. Князь Владимир и бояре вовсе не упоминаются. Забыто имя самого героя: вместо Дюка фигурирует «богатырев сын».

Важную композиционную функцию играет самостоятельно внесенный сказительницей эпизод встречи «богатырева сына» с киевскими богатырями, являющийся завязкой всего сюжета: удальство «богатырева сына» восхищает киевских богатырей, и они приглашают его к себе на пир. Там происходят похвальба богатырей и состязание их платьями и имуществом. Характерный для былины о Дюке эпизод — Дюк на пиру пренебрегает угощением, окружающие укоряют его — выпущен.

Вариант в стилевом отношении представляет типичную сказку: встречаются повествовательные предложения с характерным началом — «в онно утро...», «вот он...», «вот они...» и т. п., сказочные формулы — «едет день, едет другой...» и т. п.; сказочные мотивы (слуги ловят коня, который им не дается). Имеет место свойственная сказке безыменность: нет имени у героя былины, у богатырей, с которыми он встречается, мать «богатырева сына» носит имя не Омелфы Тимофеевны, а матушки Владимирки, родина богатырева сына не обозначена.

10—11. Записи Н. К. Митропольской и Е. И. Переваловой в августе 1942 г. от Елены Григорьевны Мяндиной, 52 л., Усть-Цилемский р-н, д. Среднее Бугаево.

10. Илья Муромец и сын. Печорские варианты: Онч., 1, 6; Аст., I, 57, 70, 79, 87; Леонт., 3.

Публикуемый текст представляет собой полный и хорошо разработанный вариант. По развитию сюжета отличается от известной по прежним записям среднепечорской редакции (см. указанные варианты сборников Ончукова и Астаховой). Иное начало былины: вместо обычного описания богатырской заставы с перечислением богатырей дается диалог между Сокольником и его матерью, которая предупреждает не съезжаться со старым казаком Ильей Муромцем (ср. близкое начало нижнепечорской записи — Леонт., 3). Такое начало вызывает перестановку последующих эпизодов: сначала изображается выезд Сокольника, его внешний вид, потом уже говорится об Илье Муромце, который увидел в подзорную трубу неприятеля.

Подробно описан эпизод с выбором поединщиков и их неудачные выезды. Необычная для Печоры мотивировка выезда самого Ильи Муромца («Больше неким, ребята, заменитися, придетца самому ехать во чисто поле», стихи 136—137) встречается в известном шенкурском варианте сборника Киреевского (I, стр. 49). Конечная сцена былины — покушение Сокольника и расправа над ним — осложнена укором Ильи Муромца покушающемуся на его жизнь сыну. Мотив чудесного прибавления силы у Ильи Муромца опущен, так как он сразу во время боя одолевает Сокольника. (Об особенностях варианта см. также стр. 17—18).

Мать Сокольника носит имя Владимирки (см. имя в применении к матери Дюка в тексте № 9), в других печорских вариантах она — Златыгорка.

11. **Илья Муромец.** Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 1.

Принадлежит к числу сводных текстов. Объединяет четыре сюжета: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Илья Муромец и Калин-царь». Часть содержания пересказывается прозой, часть передана в стихотворной форме. Для первого вида изложения характерно употребление сказочных формул («Был-жил», «ехал близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли»), типичных для устного сказа повествовательных оборотов — «вот он поехал», «потом зашла к нему...», «тут прошло несколько времячко» и т. п.

В первой части текста «Исцеление Ильи Муромца» отсутствует наделение Ильи богатырской силой, говорится только об исцелении от параличного состояния. Отец

Ильи Муромца изображается состарившимся богатырем, теперь он — крестьянин. В целом описание характеризуется стремлением к бытовому опрощению сюжета и отдельных эпизодов. В этом плане уточняется причина болезни Ильи Муромца, изображена радость матери при виде поправившегося сына: будет теперь помощь. Своеобразной особенностью первой части является предупреждение Ильи отцом о трудности пути, о засевшем на дороге «Идолище немецком» (см. аналогичный эпизод, но без мотива трех дорог, в тексте № 1 сб. Леонтьева). Отцовское предупреждение подготовляет второй эпизод — «Илья Муромец и Соловей-разбойник», два сюжета, таким образом, объединяются в одно целое.

Включение в сюжет об Илье Муромце и Соловье-разбойнике мотива трех дорог (из сюжета «Три поездки Ильи Муромца») характерно для печорской традиции (см.: Онч., 19, 53; Аст., I, 48; настоящий сборник, 1, 12, 44 (к.). Стремясь дать поэтическую биографию главного героя, сказительница не задерживает внимания на описании Соловья-разбойника, но все, что имеет значение для характеристики Ильи Муромца, она сохраняет и детализирует. Замена Соловья «Идолищем немецким» быть может связана с временем записи — 1942 г.

Как и в тексте № 1, следующий эпизод — ссора Ильи с князем Владимиром — органически связан с предыдущим: ссора происходит вследствие клеветы бояр, злобствующих на Илью из-за княжеского подарка (шубы) за подвиг. Но Мяндина гораздо более подробно и с большой социальной остротой описывает ссору. Илья Муромец противопоставляется не только «боярам толстобрюхим», но и самому князю Владимиру, который выслушивает жалобу бояр и встает на их сторону.

Переходя к изображению нового подвига Ильи Муромца, победе его над несметным войском Калина-царя, сказительница сохраняет встречающийся в некоторых печорских вариантах образ калики перехожей, которая приносит весть о приближении неприятеля (ср.: Онч., 26). Наступление врага и победа над ним изображены традиционно (ср.: Онч., 2, стихи 100—105; 26, стихи 31—35). Оригинален конец былины, особенно остро отразивший характерную для печорской традиции социальную направленность (см. А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 356, 357): Илья Муромец после победы над неприятелем чинит расправу над «боярами толстобрюхими», а Владимир-князь прячется в это время в церкви (ср. аналогичный эпизод в конце былины о Василии Игнатьеве — Онч., 18, и в былине «Илья Муромец в опале у Владимира» — Леонт., 4).

12—18. Записи Н. К. Митропольской и Е. И. Переваловой в августе 1942 г. от Авдотьи Андреевны Шишоловой, 79 л., Усть-Цилемский р-н, д. Верхнее Бугаево.

12. Илья Муромец. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 1.

Сводная былина об Илье Муромце, объединяет следующие сюжеты: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ссора с князем Владимиром», «Илья Муромец и голи кабацкие», «Илья Муромец и Идолище поганое», «Бой Ильи Муромца с сыном». В связи с сюжетом ссоры включает еще смутные припоминания сюжета о Калине-царе. По количеству сведенных сюжетов — самая большая из записанных на Печоре контаминаций (ср.: Онч., 19, 53 — сводят по три сюжета; Аст., I, 93 — объединяет четыре сюжета). Кроме указанных сводных текстов с Печоры, см. еще варианты былин, входящих в контаминацию: Онч., 20, 62; Аст., I, 78, 80, 95; Леонт., 1—4.

Обычное начало сводных былин — исцеление Ильи Муромца — передано традиционно. Сказительница сохраняет основные мотивы: крестьянское происхождение Ильи Муромца, приход калики, чудесное исцеление Ильи и получение им силы через питье. Но отсутствует традиционная подробность в эпизоде исцеления — снятие второй чарой опасного излишка силы. В отличие от многих других былин об исцелении отсутствует первое приложение Ильей силы в крестьянском хозяйстве. Почувствовав себя богатырем, Илья Муромец сразу отправляется совершать подвиги. Нет и эпизода прощания с родителями. Оригинальна деталь, раскрывающая щедрость Ильи Муромца: Илья говорит калике перехожей: «Бери с прилавка сколько тебе надобно» (стих 13).

Вторая часть былины начинается мотивом трех дорог (из былины о трех поездках Ильи Муромца). Победа над Соловьем-разбойником описана традиционно, но в общем развитии сюжета есть необычные эпизоды: 1) жена и дочь Соловья («девушка-чернавушка») хотят «жгать-палить» Илью Муромца (ср. обычное описание покушения дочерей Соловья-разбойника на Илью Муромца — Онч., 19; Леонт., 1); 2) Илья Муромец освобождает посаженных в погреб русских богатырей, отбирает вместе с ними казну Соловья-разбойника и отправляется к князю Владимиру; 3) отсутствует обычное завершение сюжета — расправа над Соловьем-разбойником после его свиста, судьба Соловья остается неизвестной.

Третья часть рассказа — о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром — воспринимается как естественное развитие предшествующих событий: князь Владимир одаривает Илью за его подвиг шубой, а завистливые бояре наговаривают князю на богатыря. Однако столкновение Ильи Муромца и «бояр толстобрюхих» не имеет той социальной направленности, которая свойственна печорской традиции. Мотив наговора снижен: богатырю якобы не понравился подарок князя Владимира; обычно же бояре говорят, что Илья Муромец хочет убить князя. Эпизод ссоры не развернут, кратко сообщается: разгневанный князь посадил Илью Муромца в погреб, княгиня «поит, кормит его чем надобно».

Эпизод заключения Ильи в погреб обычно является вступлением к рассказу о наступлении на Киев врага и новом подвиге Ильи Муромца. Здесь этот сюжет не развернут. Отсутствует картина наступающего врага, вместо нее — один стих: «Какой ли король подпался, а некому воевать». Главное внимание в этой части уделено взаимоотношению Ильи Муромца и князя Владимира. На просьбу князя о помощи Илья Муромец «сидит ... да книгу читает, головы не разгибает, челом не бьет». Бескорыстный Илья Муромец не слушает обещаний князя Владимира отдать казну, полцарства, дочь. Описания победы над врагом нет.

В изложении следующего эпизода — «Илья Муромец и голи кабацкие» — нет ясности и последовательности. Голи кабацкие выступают под именем калик перехожих. Столкновение Ильи Муромца с каликами перехожими и ответ Ильи («бить-то меня не за что, взять-то у меня нечего») перенесен из сюжета «Илья Муромец и разбойники». Образ чумаков-целовальников сливается с образом калик перехожих, что противоречит всему содержанию; отсутствует жалоба чумаков-целовальников и т. д. Эпизод об Илье Муромце и голях кабацких в контаминации не связан ни с предыдущим, ни с последующим. Обратное видим в записи 1929 г. (Аст., I, 78), где сюжет о голях органически связан с сюжетом об Идолище и умело использован для дальнейшего развития действия: выслушав жалобу чумаков, князь Владимир смекает, что учинившая разгром кабака калика — «не плоха блоха» и может помочь ему в его беде (захват Киева Идолищем) и посылает за каликой слуг; дальше развивается сюжет об Идолище поганом. В данной же контаминации этот сюжет присоединяется механически.

Рассказ об Идолище начинается традиционным эпизодом встречи Ильи с каликой, сообщающей о бесчинствах Идолища в Киеве. Сказительница дает необычное описание одежды калики (потрепанное, «худо кушаченко о пяти узлов»), которое используется для мотивировки нежелания калики меняться платьем с богатырем: «Я облакусь в твое платье хорошее, никто не даст мне ничего» (стихи 184—185). Столкновение с Идолищем описывается традиционно с некоторыми сокращениями. Отсутствует описание внешнего образа Идолища.

Наиболее подробно и в основном в плане печорской традиции разработана последняя часть контаминации — бой Ильи Муромца с сыном. При переходе к новому сюжету сказительница использует эпизод обратной мены платьем с каликой и мотив богатырской заставы. Для печорских вариантов характерна «особая композиция выезда Ильи Муромца с отводом одних богатырей и безрезультатным выездом других» (Аст., I, стр. 611). В былине Шишоловой посылают сразу Алешу Поповича, но он не едет, предлагая поехать самому Илье Муромцу. Но и Илья вначале отказывается, и Алеша Попович вынужден поехать. После традиционной неудачи Алеши и требования Сокольника иметь поединщиком самого Илью едет последний. Дается подробное описание поединка. Трагическая развязка — смерть матери и самого Сокольника — в былине отсутствует. Концовка былины позволяет говорить о переосмыслении сюжета, которому придается благополучный конец (ср.: Аст., I, 70, 79).

Происхождение публикуемого текста (непосредственный источник, степень личного творчества Шишоловой) неизвестно. По некоторым композиционным особенностям он близок к тексту Мяндиной (№ 11). Порядок первых четырех сюжетов тот же. Только Мяндина более развернула их, в особенности сюжет о Калине-царе. Одинаково в начале рассказа о Соловье-разбойнике вводится мотив трех дорог. Совершенно одинаково сцеплены сюжет о победе над Соловьем и эпизод ссоры. Содержание последнего в основном одно и то же в обоих текстах (повод к ссоре — подаренная князем шуба). Вместе с тем не только различна степень разработанности, но и многие эпизоды и их детали. Это говорит, с одной стороны, о возможном восхождении обоих текстов к какому-то общему источнику, с другой стороны, — о значительной доле индивидуального момента то ли у данных сказительниц, то ли у тех, от кого они усваивали содержание своих текстов.

13. Дюк Степанович. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 3.

Особая редакция былины, отличающаяся от записей Ончукова, Астаховой и Леонтьева. Начальная часть — выезд Дюка — передана кратко. Опускаются: осматривание Дюком местности в подзорную трубочку, просьба Дюка к матери дать ему разреше-

ние ехать в Киев, наставление матери. В дальнейшем повествовании сказительница пытается соединить два плана развития сюжета о Дюке: 1) личное состязание двух богатырей — Дюка и Алеши Поповича (замена имени: обычно Дюк состязается с Чурилой) и 2) сопоставление богатства Дюка и князя Владимира.

В печорских вариантах этот последний мотив, свойственный в особенности онежским вариантам, затушеван, и конфликт переведен в план личного столкновения Дюка и Чурилы (см. об этом: Аст., I, стр. 584).

В описании столкновения Дюка и Алеши в данном тексте главную роль играет противопоставление Алеши Поповича, который имеет подчеркнутую отрицательную характеристику, и Ильи Муромца, который своим вежливым обращением располагает к себе Дюка и получает подарок. Последнее и является основной причиной ссоры Дюка и Алеши. Описание заклада традиционно: скакать через реку (здесь, как и в тексте № 34, — Нева-река) и состязаться по богатству платья. Параллельно развертывается мотив состязания в богатстве между князем Владимиром и Дюком, Киевом и Галицей. Происходит описывание имущества в Киеве и у Дюка. Причем в поездке к Дюку непосредственно участвует сам князь Владимир. Результаты состязания четко не выявлены.

14. Про Маринку. Печорские варианты: Онч., 21, 35; Аст., I, 61, 73.

Вариант краткий и дефектный. Былинный стих часто сбивается на прозаический пересказ. Сокращены описания, забыто имя героя — Добрыня. Имеет место изоляция отдельных эпизодов от основной сюжетной линии. Например: 1) эпизод убийства Идолища (дружка Маринки) и отношение Маринки к убийству не раскрыты, между тем этот эпизод — один из основных сюжетных компонентов, от него зависит дальнейшее развитие действия; 2) эпизод с девушками, собирающими в саду малину и рассказывающими своей матери о замеченном ими в саду десятом туре, недостаточно связан с основной нитью повествования (ср.: Онч., 21, 35, где этот рассказ побуждает мать обратиться к «книге волховной», из которой она и узнает о том, что десятый тур — ее крестник Добрыня).

В отличие от других печорских вариантов данный текст содержит описание расправы над Маринкой, аналогичной расправе Ивана Годиновича с неверной невестой. Такое же изображение встречается и в некоторых вариантах с сюжетом «Добрыня и Маринка» из других мест (К. Д., 9; Аст., I, 17 и др.). Логически переход к подобной концовке вполне оправдан, так как сказители желают закончить полным поражением Маринки, посягнувшей на жизнь русского богатыря.

15. Два тура. Печорские варианты: Онч., 4, 17, 18, 87 (отр.); Аст., I, 64, 68, 81, 89.

Текст представляет собой обычное вступление в былину о Василии Игнатьеве и Скурле-царе, художественно разработанное, и самое начало былины. Судя по нему, дальнейшее развитие действия должно быть аналогичным содержанию текстов №№ 20 и 21 настоящего издания (герой — Илья Муромец). Но в это начало внесен еще мотив вещего сна Ильи Муромца и эпизод с новым персонажем — каликой: она оказалась свидетелем переправы через реку вражеской силы, и ее поэтому призывают к князю Владимиру для расспросов о враге.

16. [Соломан и Василий Окулович]. Печорские варианты: Онч., 27; Аст., I, 83; Леонт., 9.

Вариант несколько лучшей сохранности, чем текст из Уега (№ 25), но также имеются некоторые следы разрушения эпического строя повествования. Содержит ряд своеобразных деталей. Действие перенесено в город Туис, на пир у князя Владимира — очевидное влияние сюжета «Дунай», где имеется сходный мотив добывания невесты. В роли сводника выступает Поташенька, обычно сводник — Торокан да сын Заморянин (у Аст., I, 83 — Мишка Пивоваренин). В традиционное изображение жены Соломана внесена оригинальная подробность: погуляв в гостях, она сама остается на корабле, а «девушку-чернавушку, куфарочку свою», отсылает домой, при этом просит ее: «Никуды не ходи, никому не сказывай, — куплю тебе ленту в пятьсот рублей, дешева кажетца — куплю за тысячу» (стихи 53—55, реминисценция известного эпизода подкупа служанки Чурилой или самой неверной женой из былины о смерти Чурилы).

В былину в качестве действующего лица введен отец царя Соломана. Он дает сыну в помощь 33 богатыря, которые и вызволяют Соломана. Нигде больше этот эпизод не встречается и, возможно, придуман самой исполнительницей. Среди богатырей назван Семен Леховитый — традиционное на Печоре наименование вражеского короля из былины «Дунай». Внесение его рядом с Ильей Муромцем и Алешей Поповичем — характерное проявление забывания эпической традиции. Отсутствуют некоторые постоянные детали: предварительный сговор Соломана с дружиной, предупреждение жены Соломана о его хитрости. Развязка традиционная.

17. [Долгорукий-князь и ключник]. Печорские варианты: Онч., 12, 52; Аст., I, 84.

Текст отличается от записей Ончукова и Астаховой прикреплением сюжета к князю Владимиру и Апраксии. Действие происходит на пиру у князя Владимира. Услышав похвальбу ключника, князь Владимир приказывает построить рели и повесить его. Однако это переключение действия на князя Владимира не выдержано до конца: в стихе 36 вместо него появляется князь Долгорукий. Характерная для печорской редакции роль «бояр толстобрюхих», доносящих на ключника, отсутствует.

Былина Шишоловой отличается большой психологизацией. Внимание сосредоточено на заключительной части. Мотив прощания усложняет сюжет новыми переживаниями. Уточняется развязка: княгиня кончает жизнь самоубийством: «На булатен нож она спускаетца» (стих 35).

18. Про Чурилку [Смерть Василия Буслаева]. Печорские варианты: Онч., 11 (к.), 28, 74 (к.), 89.

Полузабытая былина на сюжет о паломничестве Василия Буслаева в Иерусалим. Отсутствуют традиционные в лучших печорских вариантах описание корабля и сборов, прощание с матерью, воспоминание о буйном прошлом Василия, кощунственное купание в Иордань-реке, остановка корабля на обратном пути из Иерусалима у горы с роковым камнем, грубое обращение героя с человеческим черепом. По-иному дается описание смерти Василия Буслаева. Обычно Василий и его товарищи, соревнуясь, перепрыгивают сер горюч камень: пытаясь перепрыгнуть «назад глазами», Василий разбивается насмерть. Шишолова, забыв это традиционное описание, изображает смерть Василия проще: на обратном пути из церкви (после покаяния) Васенька перескочил через камень, лежащий «середи пути-дорожечки», и разбился. Забвение былины сказалось и в замене имени Василия Буслаева Чурилкой.

19. [Илья Муромец и разбойники]. Запись А. П. Разумовой в августе 1942 г. от Ксении Кондратьевны Осташовой, 48 л., Усть-Цилемский р-н, д. Уег.

Печорские варианты: Онч., 19 (к.); 53 (к.); Аст., I, 53 (отр.), 59, 93 (к.).

Запись интересна как новый, сравнительно полный вариант со средней Печоры, где до сих пор не было зафиксировано самостоятельной былины на сюжет «Илья Муромец и разбойники» (обе записи Астаховой — с реки Пижма).

Изображение столкновения с разбойниками необычно: борьба «во охапочках», длительность борьбы, помощь коня. Обычно же Илья или стрельбой в дуб только устрашает разбойников, или сразу же убивает их всех. Из традиционной похвальбы Ильи своим имуществом — казной, шубой, конем — сохранена только похвальба шубой.

20. Про тура золота рога. Запись А. П. Разумовой в августе 1942 г. от Алексея Ипатьевича Ермолина, 68 л., Усть-Цилемский р-н, д. Уег.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 15.

Текст представляет собою особый сюжет, возникший на основе печорских обработок былины о Василии Игнатьеве и былин о Калине-царе и Камском побоище. К былинам о Василии Игнатьеве восходят запев о турах, изображение наступления вражеских орд, имена их предводителей, отправка татарского посла к князю Владимиру с угрозами; к былинам о Калине-царе — картина боя и выделение в качестве героев Ильи Муромца и Добрыни. Мотив отвода богатырей при выборе «поединщика» перенесен из былины об Илье Муромце и Сокольнике.

Замена Василия Игнатьева Ильей Муромцем встретилась еще в записи 1929 г. из д. Климовки (Аст., I, 89), но там текст сохранил сюжетную связь с былиной о Василии Игнатьеве (князь Владимир находит Илью Муромца в кабаке), сам же Илья обрисован в соответствии с его образом в былине о голях кабацких. Этих припоминаний в данном тексте нет. Илья здесь в обычной своей роли победителя татар, отражающего их нашествие.

При подробной разработке начальной части (запев и картина наступления) наблюдается в дальнейшем тенденция к сокращению троекратных повторений, общих мест, которые заменяются простым обозначением действия («отправилсе тут татарин в обратный путь»; «выбрали себе коней добрыих, оседлали-обуздали их» и др.). Былинные традиционные описания иногда заменяются пояснениями, построенными на современных понятиях и представлениях («зялись они за работушку, за тяжку войну да кроволитскую», «наградил их солнышко Владимир-князь орденами да медалями» — стихи 105—106, 115—116).

21. Про тура [Илья Муромец и Скурлат-царь]. Запись А. П. Разумовой в августе 1942 г. от Алексея Сергеевича Дуркина, 75 лет, Усть-Цилемский р-н, д. Уег.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 15.

Представляет тот же сюжет, что и текст № 20, и, судя по краткому пересказу 2-й части, ту же редакцию. Начальная часть развернута дополнительными деталями: тщательный выбор посла, его чудовищный вид, наказ ему Скурлата-царя.

22—25. Записи А. П. Разумовой в августе 1942 г. от Марфы Дмитриевны Дуркиной, 70 лет, Усть-Цилемский р-н, д. Уег.

22. Про Илью Муромца. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Разрушенный вариант, относится к определившейся уже по прежним записям печорской редакции (Аст., I, стр. 611, 613—614). Отклонения в сюжетном развитии вызваны стремлением внести в былину бытовые описания, а иногда и просто забывчивостью. Традиционная картина богатырской заставы заменена кратким описанием быта богатырей. Хотя в Усть-Цилемском районе и встречались варианты с благополучной развязкой (Аст., I, 70, 79), но в данном тексте эту развязку нельзя считать преднамеренной, так как отсутствующая сцена расправы над Сокольником подготовлена предшествующим повествованием. В стиле пересказа заметно воздействие сказки (сказочная формула «долго дело деется, скоро сказывается»; концовка-присказка: «Тут и конец, а мне кривой жеребец»; имя героя — Иванушка Сокольничек). На Добрыню перенесена традиционная характеристика Алеши Поповича.

23. О Добрынюшке Никитиче [Дунай]. Печорские варианты: Онч., 45, 86; Аст., I, 65, 72, 76, 85.

Краткий прозаический пересказ былины о Дунае с прикреплением ее к Добрыне. Из всего сюжета четко в памяти М. Д. Дуркиной сохранился лишь эпизод состязания Дуная с женой в стрельбе с трагическими последствиями этого состязания, частично переданный в стихотворной форме. Эпизод встречи героя с поляницей в шатре ср. с соответствующим местом былины № 45 из сборника Ончукова, эпизод состязания — см. в тексте № 86 того же сборника.

24. Дюк Степанович. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 3.

Текст Дуркиной представляет резкий пример и забвения и разложения былины. Забыт даже Киев как место действия (упомянут Ярослав-город). В рассказе много путаницы, припоминания основных эпизодов сюжета смутны. Так, состязание с Чурилой заменено общей борьбой Дюка с князьями и боярами, причем эпизод вытаскивания из реки не сумевшего ее перескочить Чурилы перенесен на князя Владимира. Это, правда, сообщает пересказу известную социальную остроту, но данный эпизод, как вообще весь сюжет, рассказан плохо, неясно. Так же неясен и эпизод оценки имения Дюка. Здесь использован без всякой связи с содержанием сказочный мотив непробудного трехсуточного сна героя. Инородным представляется и перенесенный из сказочного эпоса мотив непомерной тяжести одежды Дюка. С этим мотивом исполнительница связала эпизод предварительного выхаживания коня перед поездкой, который в других печорских вариантах встречается в иной связи — коню предстоит далекий и трудный путь в Киев (Аст., I, 71).

25. Про Васеньку Окуловича. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 16.

Текст сохранил традиционное развитие сюжета о Соломане и Василии Окуловиче, но заключает явные следы разрушения: повествование отрывочное, стих перебивается прозаическим пересказом, да и сами стихотворные строки в значительной своей части опрозаичены. Отсутствует обычное начало: пир у Василия Окуловича и вопрос героя о желательной ему невесте; повествование сразу начинается с предложения Таракашки снарядить три корабля. Отдельные стихи обнаруживают несомненное родство с вариантом № 27 сборника Ончукова (ср. стихи 42—43 со стихами 195—196 текста Ончукова; 47—48 и 203—204; 55—57 и 183—184; 61—64 вместе с предшествующим прозаическим отрывком и 236—240; 78—79 и 276—277; 98—99 и 280—281), но сопоставление со всем текстом Ончукова, прекрасно сохранившим эпический строй, делает в особенности ясным забвение Дуркиной традиции.

В связи с этим характерны оригинальные детали, разработанные под влиянием других былин или сказок. Таковы: образ «ученой кошечки», поющей песенки и сказывающей сказки, — при описании корабля, сказочный мотив о «русском духе», по которому Василий Окулович обнаруживает присутствие Соломана; описание приезда Соломаниды к Василию Окуловичу, сборы Соломана за женой и его совещание с дружиной («Надо мне войну открыть — по жену итти»). Под влиянием былины «Потык» царица именуется Маринкой лебедью белой (см. то же: Аст., I, 83). Развязка традиционна, но дополняется еще расправой с «юрзами-мурзами», сопровождавшими Василия Окуловича на место казни Соломана.

26—28. Записи А. П. Разумовой в августе 1942 г. от Якова Андреевича Осташова, 65 л., Усть-Цилемский р-н, д. Хабариха.

26. Дунай. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 23.

Текст представляет законченную былину, содержащую первую часть сюжета о Дунае — добывание невесты для князя Владимира. Вторая часть — «женитьба Дуная» —

опущена. По полноте и художественности изображения приближается к записи Ончукова № 45. Относится к той же редакции. Есть почти текстуальные совпадения: описание пира у Владимира, речь к нему Дуная, поездка Дуная за невестой. Внешний образ князя Владимира, рассказ Дуная о своей службе, сборы Дуная разработаны детальнее. Ср., например, образ князя Владимира:

Онч., 45	Былина Осташова
Князь-от стал да пьянешинек, Пьянешинек да веселешинек, По полу стал похаживать, С ноги на ногу переступывать, Тиху-смирну речь стал князь да выговаривать. (Стихи 16—20)	Кабы солнышко да Владимир-князь Он был хмелён да полурадостен, А кабы по полу князь похаживал, А с ножки на ножку переступывал, Каблук о каблук перестукивал, Менным гвоздиком поколачивал, Белыма-то руками приразмахивал, Могучима плечама пошевеливал, А и желтыма кудрями перетряхивал, Тиху-смирну речь приговаривал. (Стихи 15—24).

В отличие от текста Ончукова вместе с Дунаем за невестой едет только Илья Муромец (в записи Ончукова Добрыня и Алеша). Отказ отца и разговор с самой Апраксией о сватовстве выпущены. Приехавшие сразу прибегают к насилию. Последнее встречается в мезенских вариантах. Необычен для былин песенный мотив «трех товарищей» (стихи 76—79).

Былина Осташова отличается хорошей сохранностью поэтических образов, художественно-словесных формулировок. Сказитель с любовью, плавно, не обрывая ни одной строчки, вел свое повествование, а окончив, признался в своем увлечении этой былиной.

27. Про Ставра. Печорские варианты: Онч., 23.

Вариант А. А. Осташова представляет контаминацию двух сюжетов — «Ставр Годинович» и «Дюк Степанович». Смешение этих былин встречалось и ранее вследствие слияния в сознании сказителей двух сходных образов — Дюка и Ставра. Так, в одном мезенском варианте о Дюке Степановиче (Григ., III, 34) перед отъездом Дюка в Киев его жена наказывает ему не хвастать на пиру ею, молодой женой. Далее сюжет развертывается то по схеме «Дюка», то по схеме «Ставра»: герой хвастает богатством («Дюк»), князь велит заключить его в тюрьму («Ставр») и посылает описать его имущество («Дюк»). Тогда жена Дюка переодевается в мужское платье и вызволяет мужа («Ставр»). В другой записи на Мезени (Аст., I, 35) в былину о Ставре вводится эпизод посылки князем Добрыни Никитича описывать имущество Ставра, посаженного в тюрьму за хвастовство — замена приказа о насильственном захвате имущества или самой жены Ставра (см. об этом: Аст., I, стр. 639; ср. Гул., 24; Тих.-Милл., 57).

Начало былины Осташова (стихи 3—78) взято из сюжета о Дюке: отправление в Киев, наказ матери, поведение на пиру у князя Владимира. Основной мотив былины о Ставре — хвастовство молодой женой — отсутствует. Под влиянием сюжета о Дюке большую роль играет мать Ставра. Именно она посылает Ставрову жену освобождать сына. Но приезд жены в мужском платье, подозрения княгини о том, что приехавший молодец — жена Ставра, принадлежат сюжету о Ставре.

Указанное смешение и составляет основное отличие публикуемого текста от ранней записи на Печоре, которая лучше сохранила традиционную сюжетную схему «Ставра», хотя в нее и введено необычное дополнение — оговор Ставра боярами «толстобрюхими» (из былин о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром) — мотив, особо характерный для печорской эпической традиции с ее антибоярской тенденцией. Имеется в ончуковском варианте и эпизод проверки того, правильны ли подозрения княгини: князь Владимир устраивает состязание в силе и мужской ловкости. В данном же варианте князь Владимир, испуганный предположением княгини и ее сообщением, что жена Ставра — сильная богатырка, велит выпустить Ставра с условием, что он станет его верным слугой и будет охранять Киев, — мотив, в былинах о Ставре не встречающийся. Но имеются в тексте и особенности, сближающие его с вариантом Ончукова: отсутствует сватовство (в этом отношении оба печорских варианта примыкают к сибирской версии сюжета, см.: К. Д., 15; Гул., 24; Тих.-Милл., 57), приехавший молодец сразу заявляет, что он приехал выкупить Ставра.

Раньше сказитель знал отдельно былины о Ставре и Дюке. След самостоятельной былины о Ставре виден в стихах, содержащих похвальбу, вставленных в ту часть контаминации, которая пересказывает сюжет о Дюке: «у нас в Нове да праве городе добры молодцы живем, да мы не старимся» и т. д. Стихи эти (53—63) почти тек-

стуально совпадают с аналогичным местом из былины о Ставре — Онч., 23 (стихи 66—72). Характерно, что сказитель не смог связать эти стихи с рассказом Ставра-Дюка, сам почувствовал их инородность («я тут сбился, пожалуй») и сразу перешел к продолжению рассказа о Дюке.

28. Старина [Соловей Будимирович]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 6.

Текст представляет собой начальную часть былины — зачин и описание корабля. Переданы подробно с сохранением всех деталей и поэтических формул, выдержанным былинным стихом, что вообще является отличительной чертой сказителя Осташова. Сюжет же в целом забыт.

29—32. Записи Д. Я. Сапожниковой в августе 1942 г. от Макара Ивановича Чупрова, 60 л., Усть-Цилемский р-н, д. Крестовка.

29. Про старого казака [Илья Муромец и станичники]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 19.

Вариант текстуально совпадает с записью 1929 г. от И. Е. Чупрова, отца нашего сказителя (Аст., I, 59). Отличия незначительные: 1) увеличено количество стихов до 55 (в варианте отца — 34) за счет троекратного обращения Ильи Муромца к станичникам; 2) включено несколько стихов, отсутствующих в записи от отца: 2-й, 48-й, 54-й. Но, очевидно, это не привнесение Макара Чупрова, а перенято им от отца, который в 1929 г. исполнил былину в сокращении (см. сообщение собирателя о том, что сказитель был тогда не в настроении и исполнял былины нехотя, — Аст., I, стр. 375).

30. Илья Муромец. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Начальные строки былины об Илье Муромце и Сокольнике с характеристикой богатырей, живущих на заставе. На Печоре подобное описание богатырской заставы популярно и довольно устойчиво (ср.: Онч., 1, 6; Аст. I, 57, 87; настоящее издание, 51, 73).

Проявляется свойственная М. И. Чупрову манера придавать повествованию шутливый сниженный тон.

31. Про Садка. Печорские варианты: Онч., 10, 55, 70, 75, 90; Аст. I, 50, 94.

Как указано А. М. Астаховой (I, стр. 375), отец М. И. Чупрова знал былину о Садко, но не исполнил ее, ссылаясь на забывчивость. М. И. Чупров, перенявший былины от отца, передает только отрывок былины — о состязании Садко в богатстве с Новгородом. Включен характерный для печорской традиции эпизод, как Садко бьется об заклад с попом. Но описания самого состязания нет, указан лишь его результат.

Сказитель сохраняет старейшую развязку былины — поражение Садко в состязании с Новгородом; подобная концовка на Печоре не зафиксирована, представляет собой отличительную черту прионежских вариантов (Аст., I, стр. 626).

Публикуемый отрывок очень близок к соответствующей части текста, записанного в 1901 г. в с. Замежном на Пижме (Онч., 10), соседнем с д. Абрамовской, откуда родом исполнитель и его отец. Некоторые стихи обоих текстов совпадают дословно.

32. О каликах. Печорские варианты: Онч., 47; Аст., I, 62, 99.

Начало былины, включающее сборы и заповедь, которую дают друг другу калики. Отрывок сохраняет текст, записанный от отца нашего сказителя (ср.: Аст., I, 62). Отличия незначительны: 1) вставлен новый стих в зачине — «Как во той-то было Нижней Галице» (из былины «Дюк Степанович»); 2) в описании суда после стиха «Мы того будем судить да своим судом» вместо «Не водить его как к князю ко Владимиру» имеем стих, развивающий мотив «своего» суда: «Своим судом мы калеческим» (ср.: Онч., 47, где имеются оба стиха); 3) одна и та же расправа по своему характеру словесно различно оформлена.

33. О Скопине [Дунай-Скопин]. Запись И. П. Лупановой в августе 1942 г. от Василия Прокопьевича Носова, 78 л., Усть-Цильма.

Печорские варианты для первой части см. в комментарии к тексту № 23; для второй: Онч., 5, 60, 81; Аст., I, 51, 63, 74, 91; Леонт., 12.

Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов — «Дунай» и «Скопин». В 1929 г. от В. П. Носова были записаны две самостоятельные былины на указанные сюжеты (Аст., I, 72 и 74): о Дунае — обрывающаяся на выступлении его на пиру, о Скопине — полный текст. В данном варианте имеется вполне законченная первая часть былины, повествующая о добывании невесты для князя. Эта часть передана без традиционного изображения конфликта — отказа отца Апраксеи и увоза ее «нечестью». Роль Дуная играет Скопин. Выступление князя Владимира с вопросом о подходящей

для него невесте опущено. Скопин сам, в порядке похвальбы на пиру, рассказывает о дочерях Семена Леховитого, и этот рассказ вызывает у князя желание жениться на Афросинье Семеновне (стихи 50—53). Так полузабытое начало былины реконструировано Носовым вполне логично. На Скопина перенесена характеристика внешнего вида князя Владимира. Рассказ Скопина о своей службе у Семена Леховитого сохраняет дословно рассказ Дуная, только служба «стольником» заменена службой «в кучерах». В характеристике затворницы Апраксии опущено описание ее красоты, но внесено изображение ее занятий. Выбор богатырей для поездки за невестой и их попутная характеристика даются под влиянием печорских былин об Илье Муромце и Сокольнике (см., например, Аст., I, 87).

Замена Дуная Скопиным и вместе с тем смутное, очевидно, припоминание гибели героя былины «Дунай» и вызвали указанную контаминацию. Вторая ее часть не закончена: отсутствует описание отравления и смерти Скопина, сохранена лишь его похвальба связью с Искудрой (вероятно, смешавшаяся в сознании сказителя с похвальбой Дуная своей связью с Авдотьей Семеновной — мотив, известный печорским былинам, см.: Онч., 45, стихи 273—282). Соединяющим переходом к былине о Скопине служит пир по случаю женитьбы князя Владимира и Апраксин, на который, по предложению самой Искудры, посылают за Скопиным. По сравнению с прежней записью имеется много текстуальных пропусков. Былинный стиль местами опрощается, приобретая прозаически-бытовой оттенок (вместо описания «пированьица» говорится: «Стали робята пировать и столовать, стали они забавлятися разными играми» — стихи 177—178). Наименование отравительницы «Искудрой» вместо обычного «Скурлатовна» было и в прежнем варианте Носова. Оно, очевидно, возникло вследствие чередования имен «Скурла» и «Кудреван» в печорских былинах о нашествии татар.

34. Дюк Степанович. Запись И. П. Лупановой в августе 1942 г. от Ивана Григорьевича Кислякова, 67 л., Усть-Цильма.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 3.

Публикуемый вариант испытал сильное воздействие сказочного жанра как более знакомого и близкого сказителю (от И. Г. Кислякова записано более 16 сказок). Стихотворная форма перемежается с прозой, во второй же части — о состязании — исполнитель окончательно перешел на прозаический пересказ. Но и в стихотворных отрывках наблюдается разрушение эпического строя: вводятся прозаизмы («Все-таки мать не дала благословеньица», «Потом не видели поездки молодецкие» и т. п.), бытовая лексика («набьют», «паря», «пешком пойду», «бат» и т. п.). Образы богатырей сопровождаются определениями, связанными с современными понятиями: Чурила — главный генерал, Дюк становится почетным гражданином Киева. Имеются и другие случаи модернизации: «документы пишет о своей головы», «его уже заарестовали», «обрядился в самоцветную пальто».

Хотя в тексте и сохранены все основные эпизоды сюжета, но видны и следы забывания содержания. Исполнитель вначале заменил традиционный наказ матери словами предостережения: «Ты рассоришься с людьми проезжими», и лишь после передачи всей былины вспомнил пропущенный наказ (стихи 34—38). Неясно и скомканно передан эпизод описывания имущества Дюка. Традиционное для печорской традиции высматривание Дюком окрестностей, обычно предшествующее просьбе Дюка к матери отпустить его в Киев (что художественно оправдано: Дюк видит стольный Киев-град, это и вызывает в нем желание ехать туда — см., например, Аст., I, 71), перенесено в повествование о самой поездке Дюка в Киев.

Замена Днепра или Пучай-реки в эпизоде состязания конями Невой-рекой встречается и в некоторых других печорских вариантах, см. настоящее издание, 13.

35—40. Записи Н. П. Колпаковой в июле 1955 г., от Никиты Федоровича Ермолина, 70 л., Усть-Цилемский р-н, д. Трусовская (река Цильма).

35. Старина про стара казака Илью Муромца. Печорские варианты: Онч., 19 (к.), 53 (к.); Аст., I, 48, 69, 80 (к.), 93 (к.), 95 (к.); Леонт.. 1 (к.).

В отличие от всех других вариантов на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник», записанных в Печорском крае, данный текст представляет тип простейшей обработки, без контаминации с сюжетом исцеления и без включения мотива трех дорог. Нет и эпизода встречи с разбойниками, но сохраняется отсутствующий в печорских записях, здесь кратко пересказанный, эпизод освобождения города от многочисленного врага по пути в Киев. Наименование этого города Быкетовцем (Бекетовцем, Бекешовцем) известно по записям из других районов (см., например, Рыбн., II, 116; Гильф., I, 56).

По своей лаконичности и построению текст напоминает пересказ данного сюжета, отраженный в краткой себежской редакции рукописных текстов XVII—XVIII вв. (см.: Русский фольклор, т. II, стр. 296—297 и 304—307 и сб.: Былины в записях и пере-

сказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960, №№ 1—9). С ней роднят характер начала, завет на оружие, нарушение завета, рассказ Ильи Муромца об «одержках» (т. е. задержках) в пути. Но в отличие от нее вариант заканчивается, как обычно в устных вариантах, расправой Ильи с Соловьем.

Необычно изложен приезд Ильи в Киев: князь Владимир точно ожидал Илью к ранней церковной службе и укоряет его за опоздание. При всей своей лаконичности вариант стройный и четкий и хорошо очерчивает героический облик богатыря, но традиционный социальный мотив приглушен: князья-бояре, обычно противопоставленные Илье, совершенно не упоминаются, мотив недоверия князя к Илье, хотя и имеется, но в социальном плане не заострен. Это тоже сближает вариант с рукописными текстами краткой себежской редакции. Имеется ли здесь какая-либо зависимость данного варианта от рукописных текстов или он сохранил тот тип старой былины, который отражен и в них, установить сейчас невозможно.

Впервые текст напечатан в сб.: Русский фольклор, т. II, стр. 263—264.

Нотное приложение I. Однострочный напев с внутренним членением, без подчеркивания цезурами. Незначительные элементы вариационности связаны с различным количеством слогов в разных стихах.

На магнитофон записано 48 строф.

36. Старина «Соловей Будимирович». Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 6.

Представляет, по-видимому, ставшую традиционной на Печоре редакцию сюжета без эпизода постройки теремов и посещения их девушкой и с заменой князя Владимира королем земли Литовской. (См. примечание к тексту 6; Аст., I, стр. 631—632. Впрочем, смутное припоминание Киева как места действия проглядывает в наименовании княгини матерью Евпраксией, а короля литовского — князем). Упоминанием о теремах, через которые проходит Соловей Будимирович, направляясь к князю, текст близок варианту, записанному в 1929 г. (Аст., I, 67).

Традиционные зачин и описание корабля и его прибытия в гавань, вообще хорошо сохраненные печорской традицией, в данном варианте особенно богаты художественными деталями. Текст, хотя и не закончен, представляет образец прекрасного эпического стиля.

37. Про Чурилу. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 4.

Текст восходит к той же редакции, что и запись 1942 г. из д. Трусовской (настоящее издание, 4), но менее детализирован, ср. описание приезда Чурилы и расправы с ним Пермяты. Укор Пермякиной служанки повторяется дважды, соответственно этому дважды изображена попытка Чурилы подкупить служанку с повышением ценности подарка, что подчеркивает ее верность хозяину. Несмотря на свою лаконичность, текст очень выразителен.

Впервые напечатан в сб.: Русский фольклор, т. II, стр. 264—265 (текст) и 270 (напев).

38. Старина про Добрыню Никитича. Печорские варианты: Онч., 59; Аст. I, 60; см. также: Онч., 63.

Судя по записанному отрывку, это начало былины о Добрыне и Змее, ср. ранние записи и текст № 45 в настоящем издании. Указание исполнителя на содержание забытой былины свидетельствует, что былина начисто забыта даже в основной своей схеме.

39. Старина про вдову пашину. Печорские варианты: Аст., I, 77; Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 6.

Текст интересен как еще одна запись (всего третья) этой малоизвестной на Печоре баллады. Он близок к обоим вариантам, записанным в 1929 г. в Усть-Цильме (Аст., I, стр. 555—556). Отличается от них только упоминанием о трех дочерях вдовы пашины, краткостью ответа молодки на вопрос разбойника о ее роду-племени (опущен, очевидно случайно, рассказ о братьях-разбойниках, вследствие чего неясно, почему брат узнал сестру); добавлен также конец о том, что братья бросают разбой.

Запись еще раз свидетельствует о близости печорских вариантов к заонежской группе обработок этого сюжета.

Нотное приложение II. Близкий вариант предыдущего напева. В кадансовой попевке женский голос образует варианты двухголосия. На этот же напев (с незначительными вариантами) Н. Ф. Ермолин пел все записанные от него былины (№№ 35—40).

На магнитофон записано 13 строф.

40. Маленькая старина [Князь Долгорукий и ключник].

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 17

Сокращенный вариант печорской баллады о князе Долгоруком и ключнике. По композиции близок к песенным обработкам сюжета о Ване-ключнике, но напев былинный. Традиционное на Печоре наименование князя отсутствует.

41—42. Записи Н. П. Колпаковой 23 августа 1955 г. от Лазаря Моисеевича Носова, 76 л., Усть-Цилемский р-н, д. Кривомежная (река Цильма).

41. Про Фатена. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 5.

Превосходно разработанный текст той же редакции, что и вариант в записи 1942 г. из района реки Цильмы (№ 5), с творческими вариациями некоторых эпизодов, делающими их еще более выразительными (см. описание того, как Фатенко в окно через «стеколышко хрустальнёе» замечает мать, едущую «не по-старому»; как Маринка, завидя скачущего на коне Фатенко, поднимает ставень — «форточку кленовую»; как она вытаскивает дочь на улицу и «запихивает» ее на коня к Фатенке).

Впервые напечатан в сб.: Русский фольклор, т. II, стр. 265—267 (текст) и 271 (напев).

Нотное приложение III. Узкодиапазонный нерасчлененный напев. Обилие одинаковых длительностей, сопровождаемых разбивкой слов вставными гласными, придают напеву характер речитатива. Вариантность изложения незначительна.

На магнитофон записано 80 строф.

42. Про Добрыню. Печорские варианты: Онч., 7; Аст., I, 49, 52, 66, 82.

Текст представляет собой начало былины о встрече и бое Добрыни с Дунаем. Все дальнейшее повествование исполнителем забыто. Следы забвения былины несет и данный отрывок: не указано, что в шатре (или над входом в шатер) находилась надпись, заключавшая угрозы тому, кто посмеет тронуть оставленные напитки и еду, — это и побуждает Добрыню учинить разгром шатра.

Нотное приложение IV. Узкодиапазонный напев песенного склада, по принципу построения несколько напоминает предыдущий.

На магнитофон записано 8 строф.

43—45. Записи Н. П. Колпаковой 26 июля 1955 г. от Тимофея Семеновича Дуркина, 84 л., Усть-Цильма.

43. Про Сокольника. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Превосходный вариант, в основном относящийся к среднепечорской редакции былины (см. примечание к тексту № 10), но отмеченный многими своеобразными чертами. От лучших вариантов этой редакции в прежних записях отличается отсутствием перечисления богатырей в начальном изображении заставы, но остальные описания богато разработаны, полны выразительных деталей (см. образ Сокольника, ландшафты, которые виднеются Илье Муромцу в трубочку подзорную, изображение встречи богатырей с Сокольником и боя с ним Ильи Муромца и др.). Искусно использован прием троекратности в последовательном изображении выездов сперва Алеши Поповича, потом Добрыни: оба три раза обгоняют Сокольника и три раза обращаются к нему, причем выдержано традиционное противопоставление задорного Алеши вежливому и тактичному Добрыне — в других печорских вариантах едет сразу Добрыня и подвергается побоям Сокольника. Отдельные подробности очень выразительны: определение «поповского рода» (стих 112—113), образ коня, на котором скачет Добрыня (стихи 138—140) — здесь использованы обычные черты коня, принадлежащего врагу, в другой художественной функции, с целью создать впечатление богатырской спешки (см. то же: Онч., 1; Аст., I, 57); дважды повторенное (стихи 222—223 и 321—322) определение еще не бывшей в деле сабли, как «нещарблённой, некровавленной»; сравнение богатырского сонного храпа Ильи Муромца с шумом порога (см. то же сравнение: Онч., 1). Обходительность Добрыни как родовая черта дополнена характеристикой его отца. Необычна и очень искусно введена мотивировка выезда Ильи вызовом самого Сокольника (стихи 176—180). Традиционная расправа с Сокольником дополняется еще тоже очень выразительной деталью: тело убитого привязано к хвосту его коня и пущено «гулять по чистым полям». Весь текст — один из лучших образцов классического эпического стиля.

«Моря Вохлынские» в стихах 38, 39 — от переиначенного наименования «Хвалынское», хорошо известного в русском былинном эпосе.

Прежде чем исполнить былину полностью Т. С. Дуркин спел самое начало ее. Вот этот вариант начала:

Недалёко от города а от Киева,
Недалёко было за двенадцать верст

Была застава богатырская.
Уже жило тут тридцать удалых добрых молодцов.
5 Как хранили они, караулили право стольный Киев-град.

44. Про Илью. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 35.

Текст представляет собою пересказ прозой былин об исцелении Ильи Муромца и первой его поездке. Только самое начало было спето и в наказе старца-целителя стихами передана характеристика Вольги и Святогора. В пересказе кое-где сохраняется былинная фразеология («Ой ты гой еси, Илья свет Иванович», «Ясен сокол тридцать лет не пролетывал, зверь не прорыскивал», «Лети, моя стрела..., выше облака ходячего»), но в целом пересказ отступает от стиля былины и в лексике («зашел в комнату», «жена сбалуется», «повешу тут ворон пугать», «князь прочунел») и в синтаксисе и его интонациях (например: «Ну, отец, выберу я себе коня по себе. Поезжу по полям, по городам, по селам», «Если меня мост понесет, то и всех понесет» и т. п.).

В противоположность былине о Сокольнике, записанной от Т. С. Дуркина (см. № 43) и представляющей очень хороший, полный и стройный вариант, данный пересказ носит признаки забывания традиционных эпизодов: под Черниговом Илья Муромец побивает не иноземную рать, а разбойников; неясно, для чего жена Соловья поднимает подворотню, в сцене приезда Ильи к князю Владимиру отсутствует традиционный эпизод недоверия, а в сцене показа Соловья — приказание Ильи свистеть только в полсвиста.

Использование в былине о Соловье-разбойнике мотива трех дорог встречается нередко и, в частности, входит в печорскую традицию (Онч., 19, 53; Аст., I, 48, 69, 80).

Перед тем как дать публикуемый пересказ, исполнитель спел в порядке припоминания следующее начало былины:

Из того еще из города ли из Мурова,
Из того еще села да ле Карачагова
Ой же жил тут и был молодой ли Иван сын Тимофеевич,
Уж было у его едино чадо милое, едино любимое,
5 Уж не имел он тридцать лет под собою резвых-де ног.

45. Про Добрыню. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 38.

С обоими ранее записанными на Печоре (в Усть-Цилемском районе) вариантами данный текст объединяют тождественное по содержанию начало и отсутствие второго боя со змеей, а с вариантом сборника Ончукова еще конечный эпизод — женитьба Добрыни на освобожденной им от змеи красавице. Вместе с тем текст своеобразен: в описании молодости Добрыни заметны припоминания из сюжета «Добрыня и Маринка» в некоторых обработках северо-восточной группы былин (озорство на улице и жалоба на Добрыню — см., например, Григ., III, 55; обучение грамоте — Онч., 21), однако связи с последующим повествованием и с образом самого героя в данной былине эти включенные эпизоды не имеют. К помощи отцовской плетки, данной ему матерью, Добрыня обращается только после напряженного боя с копьем, палицей, саблей; тело убитой змеи он сжигает на костре (ср.: Григ., III, 35). В конечном эпизоде ощущается смутное припоминание из былин прионежского типа о похищении змеем племянницы князя Владимира Забавы («У змеи была унесена красавица, По всему свету забавница»), но Киев и князь Владимир, как и в других печорских вариантах, не упоминаются.

Таким образом, и данный текст несет некоторые следы забывания первоначальной основы сюжета, но разработан полнее и стройнее, чем другие печорские варианты, и в отдельных эпизодах выразителен (см. изображение боя со змеей, оригинальный образ молодости, незрелости богатыря в словах матери — стихи 43—45).

Примечание исполнителя в конце и введение в текст известной сказочной формулы (стих 189) показывает восприятие им содержания былины как сказочного.

Впервые текст был напечатан в сб.: Русский фольклор, II, стр. 254—258, напев — стр. 268.

Нотное приложение V. Напев среднего диапазона, расширяемый исполнителем в некоторых вариациях до септимы и октавы. Интересно отметить особую манеру певца несколько растягивать первый звук каждой строфы и обрывать акцентированным стаккато последний звук. В напеве можно наблюдать своеобразные ладовые колебания.

От Т. С. Дуркина записано несколько фрагментов различных былин. Однако остальные напевы вследствие неопределенности интонирования и вибрации голоса не поддаются нотированию.

На магнитофон записано 17 строф.

45а. Про Добрыню. Текст, исполненный Т. С. Дуркиным «для разбега», является началом предыдущей былины.

46. Первостольной богатырь Илья Муровец. Запись Н. П. Колпаковой 13 августа 1955 г. от Гаврилы Васильевича Вокуева, 73 л., Усть-Цильма.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 35.

Текст объединяет былины об исцелении и о Соловье-разбойнике. Близок к варианту № 19 сборника Ончукова. Это та же редакция, о чем свидетельствуют: 1) полное совпадение отдельных эпизодов в их своеобразии (исцеление нищей «сиротинушкой» с помощью хлеба не только параличного, но и слепого Ильи; получение Ильей отцовского коня, долгое время стоявшего без пользования им; проезд Ильи через грязи с мощением мостов; три заставы на пути и столкновение с мужиками «новотокманами»; подхватывание Ильей сбитого им с дубов Соловья и ропот коня на тяжесть двух богатырей; освобождение Ильей молодцев из подвалов Соловья; 2) одни и те же имена героев и название родины Ильи (Карачегово-Карачагово); 3) дословное совпадение ряда стихов (ср., например, у Ончукова стихи 13—18, 20, 29, 242, 249).

Вместе с тем имеются значительные отклонения. В публикуемом тексте отсутствует ряд эпизодов, имеющихся у Ончукова. Нет эпизода помощи родителям (см. Онч., 19, стихи 49—61), наказа родителей (Онч., стихи 73—86), описания вооружения Ильи и его сборов в дорогу (Онч., стихи 115—141). Некоторые эпизоды переданы более кратко (ср., например, описание приезда Ильи в Киев). Вследствие всего этого данный текст почти вдвое короче.

Отдельные эпизоды разнятся и по содержанию. В нашем тексте все «приспехи богатырские» Илья Муромец получает от отца, у Ончукова он добывает или кует сам (Онч., стихи 110—123); подхватив падающего Соловья, Илья в нашем тексте кладет его в карман, у Ончукова берет себе в седло (стих 256); в нашем тексте подворотницей хочет убить Илью жена Соловья, у Ончукова — дочери (стихи 284—288); в нашем тексте сам Соловей велит жене выпустить из подвалов захваченных им молодцев, у Ончукова Илья допытывается, не сидят ли у Соловья в подвалах «удалы добры молодцы», и сам срывает замок с дверей (стихи 299—310). Сопоставление обоих вариантов разъясняет не вполне понятную в нашем тексте деталь в сцене показа Соловья: Илья заставляет Соловья «зареветь во весь свист» (стих 196). У Ончукова Илья Муромец спрашивает гостей князя, как заставить засвистеть — во весь свист или в полсвиста, князья-бояре отвечают: «Пусть свистит во весь свист». Однако Илья Муромец велит свистеть в полсвиста, но и этот полусвист вызывает шатание княжеских палат и общий страх. Очевидно, исполнитель раньше знал и вопрос Ильи Муромца, и ответ князей-бояр, это и определило указанную деталь нашего варианта. Последние два отклонения от текста Ончукова показывают некоторое стирание смысла эпизодов: передача их в варианте Ончукова более соответствует традиционному облику Ильи Муромца, Соловья и князей-бояр.

Сопоставление свидетельствует о бесспорной генетической связи обоих вариантов, но характер этой связи неизвестен: было ли непосредственное влияние более раннего варианта, или данная редакция усвоена через какие-то промежуточные звенья.

Как и Т. С. Дуркин, Г. В. Вокуев, прежде чем спеть всю былину, спел несколько первых стихов:

От того было от города от Мурова,
От того, ей, села да Карачегова,
От того было Ивана да Тимофеёва
У ёго, ей, было да одно чадо,
Как оно, ей, чадо да единокоё.
Оно сидело, ей, на печке ровно тридцать лет.

Нотное приложение VI. Расчлененный напев с характерной остановкой в конце полустрофы на второй ступени звукоряда и устойчивой музыкальной цезурой. Сохранение этой формы вступает в ряде случаев в противоречие со структурой стиха, что вынуждает исполнителя вставлять в конце полустрофы наигрышный слог. Следует также отметить напряженное звучание тритонового хода, подчеркивающее членение напева.

На магнитофон записано 6 строф. С публикуемым текстом № 46 не совпадает, является вариантом его.

47—48. Записи З. И. Власовой 28 июля 1955 г. от Акима Евпсихеевича Михеева, 89 л., Усть-Цильма.

47. [Илья Муромец и станичники]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 19.

Традиционная общерусская композиция сюжета. Но некоторые детали своеобразны. К обычной похвальбе Ильи Муромца шубой и конем прибавляется еще похвальба «шляпишком» и «саблей вострой, некровавленой». Необычна и несвойственна былинам об Илье Муромце расправа с разбойниками. Здесь — уже известное затемнение в сознании сказителя образа Ильи.

48. Добрыня [Бутман]. Печорские варианты: Онч., 14, 16; Аст., 1, 54, 56, 58.

Единственная запись «Бутмана» из Усть-Цильмы (все другие записи, прежние и 1955 г., — с Пижмы). Композиция традиционная, но сюжет прикреплен к Добрыне. Приурочение некоторых сюжетов к Добрыне характерно для позднейшего этапа жизни эпоса на Печоре (Аст., I, 96; Леонт., 6; настоящее издание, 23).

Нотное приложение VII. Расчлененный напев песенно-речитативного склада с устойчивым ритмо-интонационным рисунком. Характерна остановка на второй ступени звукоряда, как и в предыдущем напеве, в конце полустрофы и устойчивая музыкальная цезура. От исполнителя записаны два былинных сюжета на один напев (№№ 47, 48).

49—50. Записи З. И. Власовой 29 июня 1955 г. от Татьяны Ивановны Поздеевой, 70 л., Усть-Цилемский р-н, д. Рощинский Ручей.

49. [Илья Муромец и сила неверная].

Текст представляет собой очень неискусное новообразование из сплава ряда эпических мотивов (пир у князя Владимира, похвальба, угощение Ильи Муромца вином, выбор богатырем коня, бой Ильи с неверной силой). Сюжет основан, очевидно, на смутных припоминаниях былин о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром и о победе его над Калином.

Нотное приложение VIII. Довольно редкий образец «бесконечного» напева. Фактическое начало его приходится на середину последних слов каждого стиха. Окончание напева подчеркнуто глиссандированием заключительного звука. Между концом и началом напева естественно возникает пауза, разрывающая слово. Этот напев дает особенно яркое понятие о довольно широко распространенном на Печоре явлении — подчинении былинного текста музыкальной форме.

На магнитофон записано 12 строф.

50. [Туры и турица]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 15.

Отрывок является традиционным вступлением в былину о Василии Игнатьеве (на Печоре часто — об Илье Муромце) и Скурле-царе.

51—52. Записи Н. П. Колпаковой 5 августа 1955 г. от Леонтия Тимофеевича Чупрова, 52 л., Усть-Цилемский р-н, д. Боровская (река Пижма). Былину № 51 вместе с Л. Т. Чупровым пели: Маркел Маркелович Чупров, 72 л., и Анна Лукинична Чупрова, 43 л.

51. Про старого казака Илью Муромца. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Текст близок к варианту Еремея Прововича Чупрова (Аст., I, 57; настоящее издание, 53) и, как и он, восходит к былине, записанной в 1901 г. на Пижме от Ф. Е. Чуркиной (Онч., 1), повторяя отдельные места почти дословно (ср.: изображение Сокольника, эпизод выбора богатыря для погони за ним, окрик Добрыни и др.). По художественным качествам не уступает превосходному тексту Чуркиной, хотя и значительно сокращает повествование (у Чуркиной — 421 стих).

Впервые текст был напечатан в сб.: Русский фольклор, т. II, стр. 258—262 — текст, 269 — напев.

Нотное приложение IX. Нерасчлененный напев, исполняемый двумя голосами в унисон. Характерная исполнительская манера отрывать кадансовый оборот, связывая его с началом следующей строфы (семейная традиция Чупровых), затушевана партией второго певца.

На магнитофон записано 10 строф.

52. Про Батмана. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 48.

Сюжет о Бутмане, известный в прежних записях только из узко ограниченного района — с Пижмы печорской, и в 1940—1950-е годы встретился главным образом в пределах данного района (один текст из Усть-Цильмы).

Публикуемый текст полный, законченный, относится к той же редакции, что и вариант Еремея Чупрова в записи 1955 г. (№ 54): так же включена сцена опохмеливания Бутмана царем, но еще более развернутая (троекратное подношение чары вместо двукратного). Но обращения героя к голям кабацким в конце, как у Еремея Чупрова, нет. Вследствие сближения с былиной о Василии Игнатьеве, Бутман во второй части

начинает именоваться Васькой и Васенькой (ср.: Онч., 16), а это имя притянуло и отчество — Буслаевич.

Как в записи 1929 г. от Еремея Чупрова (Аст., I, 58), так и в настоящем издании в тексте Осташовой (№ 61), царь Петр заменен князем Владимиром.

53—54. Записи Н. П. Колпаковой 5 августа 1955 г. от Еремея Прововича Чупрова, 67 л., Усть-Цилемский р-н, д. Абрамовская (река Пижма).

53. Про Илью Муромца. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Вторичная запись данной былины через 26 лет от того же исполнителя (Аст., I, 57). Текст тот же, только короче на 10 стихов вследствие того, что два начальных стиха заменены одним, затем опущены перечисление богатырей на заставе (7 стихов) и отдельные стихи в дальнейшем повествовании. Отклонения от первоначального текста только в перестановке некоторых стихов и в незначительной перефразировке. Как и в первый раз, исполнитель оборвал пение на эпизоде признания Ильей Сокольника сыном и конец пересказал прозой.

Особенности и художественные качества текста те же (Аст., I, стр. 613).

Нотное приложение X. Близкий вариант предыдущего напева.

На магнитофон записано 6 неполных строф.

54. Про Бутмана. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 48.

Вторичная запись этой былины от того же исполнителя, от которого она была записана в 1929 г. (Аст., I, 58). Первая часть нового варианта (сцена в кабаке) полностью совпадает с записанным ранее текстом (имеются несколько несущественных перестановок слов в стихах и некоторые сокращения (ср. стихи 18—22 данного варианта и стихи 18—26 прежней записи). Во второй части (сцена допроса царем) заметны изменения, показывающие сближение «Бутмана» с былинами о Василии Игнатьеве и Илье Муромце и голях, что закономерно вследствие идеологической и сюжетной близости этих былин (см. то же: Онч., 16). Вместо стихов 29—34 старой записи, передающих содержание допроса, введен эпизод опохмеливания героя царем, а к самому концу присоединено обращение Бутмана к голям кабацким с приглашением их идти с ним опохмелиться.

Упоминания князя Владимира вместо царя Петра, отмеченного в прежней записи (Аст., I, стр 557), в данном тексте нет.

55—56. Записи Н. П. Колпаковой 5 августа 1955 г. от Малафея Ивановича Чупрова, 68 л., и Семена Ивановича Чупрова, 67 л., Усть-Цилемский р-н, д. Абрамовская (река Пижма).

55. Как про белого сказать [Бутман]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 48.

Начало былины о Бутмане. Дальше исполнители не помнили. По сравнению с другими текстами это начало дано в сокращении.

Нотное приложение XI. Двухголосный вариант напева VII.

На магнитофон записана одна строфа.

56. Про Скопина. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 33.

Отрывок из былины балладного типа об отравлении Скопина. Так довольно часто начинается на Печоое эта былина (Онч., 5; Аст., I, 51, 63; Леонт., 12). Дальше этого начала исполнители припомнить не могли.

Нотное приложение XII. Близкий вариант напевов IX и X в двухголосном изложении.

На магнитофон записано 4 строфы.

57. Про Скопина. Запись Н. П. Колпаковой 31 июля 1955 г. от Дмитрия Федоровича Чуркина, 79 л., Усть-Цилемский р-н, д. Чуркино (река Пижма).

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 33.

Единственный из всех вариантов, записанных на Пижме (Онч., 5; Аст. I, 51, 63), который сохранил начальную часть — описание пира. В этой части вариант наиболее близок к тексту из д. Климовка (Усть-Цилемский р-н, река Печора), записанному в 1929 г. (Аст., I, 91). Начиная же с 23 стиха, с похвальбы Скопина, вариант почти повторяет с небольшими отклонениями указанные выше пижемские тексты, но отличается от двух первых, совпадая с третьим (Аст., I, 63) сохранением трагического конца — гибели героя. Конфликт, как во всех печорских вариантах, за исключением одного с нижней Печоры (Леонт., 12), в котором конфликт неясен, основан на личном оскорблении, нанесенном Скопиным дочери или жене Малюты (похвальба Скопина ее порабощением, ср. то же: Онч., 5; Аст. I, 51, 63; в остальных он хвалится тем, что сделал ее наложницей).

Вариант отличается стройной и ясной композицией, хорошо сохранившимся эпическим стилем.

Нотное приложение XIII. Нерасчлененный напев песенно-речитативного склада, построенного на сквозном дыхании. Все музыкальное построение представляет как бы сплошной затакт к последнему опорному звуку лада.

На магнитофон записано 12 строф.

58. Про Бутмана. Запись Н. П. Колпаковой 30 июля 1955 г. от Демида Фатеевича Бобрецова, 71 г., Усть-Цилемский р-н, д. Степановская (река Пижма).

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 48. Отрывок из начала былины.

Нотное приложение XIV. Напев песенного склада с устойчивой цезурой, разделяющей два самостоятельных музыкальных построения. Музыкальная форма, не совпадающая с формой стиха, заставляет певца разрывать слова, когда они приходятся на музыкальную цезуру.

На магнитофон записано 6 строф.

59. Про богатыря. Запись Н. П. Колпаковой 29 июля 1955 г. от Павлы Маркеловны Чупровой, 30 л., Усть-Цилемский р-н, д. Скитская (река Пижма).

Фрагмент из былины «Илья Муромец и Сокольник», см. стихи 129—133 былины на этот сюжет (настоящее издание, 51), в исполнении которой принял участие отец П. М. Чупровой.

Нотное приложение XV. Нерасчлененный напев. Характерно ярко выраженное песенное начало и устойчивый кадансовый оборот в натуральном миноре.

На магнитофон записано 6 строф.

60. Про старого [Бутман]. Запись Н. П. Колпаковой 23 июля 1955 г. от Сидора Ниловича Антонова, 63 л., и от Агафьи Григорьевны Антоновой, 47 л., Усть-Цилемский р-н, д. Скитская (река Пижма).

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 48.

Начало былины о Бутмане. Дальше исполнители не помнили. Заглавие, данное исполнителем, указывает на смешение сюжета с циклом об Илье Муромце: так сказители на Печоре обычно озаглавливали различные былины об Илье Муромце (Аст., I, 48, 53, 57, 69 и др.).

Стихи 10—11 не имеют соответствий ни в одном другом варианте.

Нотное приложение XVI. Расчлененный бесцезурный напев песенного склада с полукадансом на второй ступени звукоряда. Вторая половина каждой строфы пелась двумя исполнителями.

На магнитофон записано 11 строф.

61. Про Бутмана. Запись Н. П. Колпаковой 27 июля 1955 г. от Федосьи Федоровны Осташовой, 52 л. Усть-Цилемский р-н, д. Скитская (река Пижма).

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 48.

Начало былины. Дальше исполнительница вспомнить не могла. Замена царя Петра князем Владимиром, характерная для процесса втягивания поздних былин в киевский цикл встречалась и в прежних записях (Аст., I, 58).

Нотное приложение XVII. Вариант предыдущего. Интересно отметить, что все былинные напевы, записанные от женщин, носят особый отпечаток: им особенно присуща мягкая и выразительная распевность, четкость формы и пластичность интонаций (см. напевы VIII, XV, XXVI).

На магнитофон записано 9 строф.

62—64. Записи Н. П Колпаковой 31 июля 1956 г. от Никандра Ивановича Суслова, 65 л., Нарьян-Марский р-н, д. Лабожское.

62. Старина «Женитьба Алеши Поповича на Добрынинной жены». Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 2.

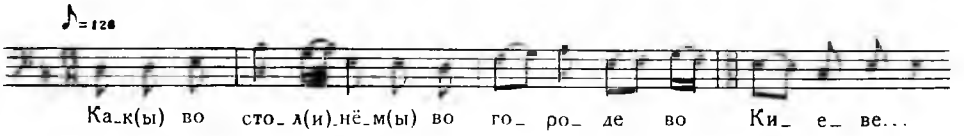
Текст близок к варианту Онч., 95, в нем то же построение, те же подробности: сваты едут в дом Добрыни ночным временем, в сватах — Илья Муромец, жену Добрыни подымают с постели; Добрыня по карканью воронов догадывается о какой-то невзгоде и едет домой, мать его узнает сразу; на свадьбу Добрыня приходит под видом калики; выпивая три чары вина, последовательно подносимые ему Ильей Муромцем, Алешей Поповичем и невестой, он иронически желает Илье Муромцу ходить тысяцким, Алеше — жить с женой «в совете», жене — жить с Алешей в согласии; свой обручальный перстень Добрыня не опускает, как обычно, в чару, а подает непосредственно жене; в заключение Добрыня укоряет Илью и смеется над Алешей.

Такое построение основных эпизодов сюжета в других местных традициях не встречается. Однако нельзя эту близость двух вариантов считать определенным свидетельством наличия своеобразной нижнепечорской традиции. По словам Н. П. Колпа-

ковой, в доме оказался сборник Ончукова «Печорские былины», и, несомненно, Суслов, большой любитель чтения, былины этого сборника читал. Хотя он слышал, по его словам, эту былину и в живом исполнении, но основа его текста восходит, безусловно, к записи Ончукова.

Вместе с тем это не затверженный текст, а свободное его переложение: буквального совпадения стихов почти не наблюдается, имеются и своеобразные отклонения в передаче отдельных эпизодов. Так, Алеша, задумав жениться, идет с просьбой содействовать ему в этом не к князю Владимиру, а к Илье Муромцу и именно его вводит в заблуждение рассказом о мнимой гибели Добрыни. Князь Владимир вообще не фигурирует. Алеша Попович едет свататься с одним Ильей Муромцем, у Ончукова же его сопровождает целый поезд — посаженные отец и мать, тысяцкий, дружки. Подымают жену Добрыни с постели не сами сваты, а мать Добрыни, что более естественно, и мать передает снохе угрозу сватов — в случае отказа взять ее «нéчестью». Нет эпизода венчания, который нарушает обычное развитие сюжета: по общерусской традиции Алеша не успевает повенчаться. Добрыня приходит на свадебный пир, предшествующий венцу, чем и объясняется комическое, а не драматическое разрешение сюжета: Алеша только успел «посидеть» в качестве жениха возле жены Добрыни. О несчастье возвещает один ворон, но три раза, а не три ворона, в определенной последовательности, как у Ончукова. Обусловлены ли эти изменения влиянием других изустных вариантов, или Суслов внес их от себя — неизвестно. Во всяком случае данный текст — образец мастерского воспроизведения усвоенного в основном из книги произведения, которое он в ряде случаев улучшает.

Нотное приложение XVIII. Расчлененный бесцезурный напев песенного склада с полукадансом на второй ступени звукоряда и заключительным кадансом, построенном на секундовых оборотах. От исполнителя записано три былинных сюжета, певшихся на этот напев (№№ 62—64). В том же населенном пункте (д. Лабожская) от другого исполнителя (Н. В. Тарбарейского), записан близкий вариант публикуемого напева (текст № 66):



63. Старина «Женитьба солнышка Владимира». Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 23.

Второй текст «Дуная» с нижней Печоры. Представляет собой законченный вариант первой части былины — о добывании невесты для князя Владимира.

В противоположность началу, подробно и художественно развернутому, эпизоды сватовства и увоза Ефросиньи переданы кратко и без изображения конфликта и военного столкновения. См. то же: Онч. 45; настоящее издание, записи 1942 г. из Усть-Цильмы и д. Хабариха (№ 26, 33). Но Печора знает редакцию и с конфликтом, см.: нижнепечорский вариант из д. Бедовая (Онч., 86), в котором изображено заключение Дуная Семеном Леховитским в темницу и последующее избиение богатырями «силы» Семена, а также прозаический досказ былины в записи 1929 г. (Аст., I, 85, стр. 473).

Необычным для «Дуная» является поездка сватов на корабле, см. то же в одном варианте 1929 г. (Аст., I, 85), на котором сказалось влияние былины о Соломане.

64. Старина «Молодец и горе». Вариант с Печоры: Онч., 82.

Текст представляет собой объединение сюжета о превращении свекровью снохи в дерево — березку и рябинку (Соб., I, 79—81; Сок.-Чич., 262, 268) с мотивами баллады о горе, преследующем доброго молодца (Соб., I, 438—442). Такое же объединение имеется и в варианте сборника Ончукова, к которому публикуемый текст и восходит не только по общему содержанию, но и по образам и по словесной ткани: многие стихи совпадают почти буквально. Отличие состоит в перестановке объединяемых частей и в их разном соотношении: в варианте Ончукова сюжет о превращении снохи в березку составляет первую часть, изображение преследований молодца горем — вторую, оно развернуто и заканчивается смертью молодца. Хотя обе части связаны темой «привязавшегося» к молодцу горя, но эта связь формальна, объединение обоих сюжетов не воспринимается как органическое.

Н. И. Суслов взял из 2-й части лишь несколько отдельных мотивов, говорящих о невозможности для молодца «горя избегнути» (всего 9 стихов вместо 60 текста Ончукова) и предпослал их сюжету о лихой свекрови. В таком виде эта часть потеряла самостоятельное значение и превратилась в художественную интродукцию к основному сюжету. Объединение оказалось художественно оправданным.

Это говорит о творческой самостоятельности исполнителя, которому текст сборника Ончукова был хорошо известен: в доме сборник имелся, и когда Суслов пел балладу на магнитофон, он держал перед собой эту книгу.

65. Старина [Василий Игнатьев]. Запись Н. П. Колпаковой 31 июля 1956 г. от Тимофея Семеновича Ижемцева, 67 л., Нарьян-Марский р-н, д. Лабожское.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 15.

Отрывок из былины о Василии Игнатьеве: запев о турах и описание наступления.

Нотное приложение XIX. Напев песенно-речитативного склада с устойчивым членением на музыкальные фразы. Цезура отсутствует, ее заменяет повторяющийся звук полукаданса со вставным слогом «да». Следует отметить редко встречающийся широкоинтервальный ход (по квартам) в середине напева.

На магнитофон записано 19 строф.

66. Старина [Илья и Сокольник]. Запись Н. П. Колпаковой 31 июля 1956 г. от Никандра Васильевича Тарбарейского, 63 л., Нарьян-Марский р-н, д. Лабожское.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Текст представляет собой смутное припоминание эпизода покушения Сокольника на жизнь спящего Ильи Муромца Отрывочные припоминания из других былин («Дуная», «Ивана Годиновича», «Кострюка») помогли исполнителю придать некоторую завершенность своему тексту, получившему совсем иной смысл: «поединщик», которого ждет Илья Муромец, оказывается его сыном, не знающим отца, но сам Илья сразу почему-то узнает сына (переработка случайная и неудачная).

67—72. Записи Н. П. Колпаковой 9 августа 1956 г. от Андрея Федоровича Пономарева, 72 л., Нарьян-Мар, д. Калюши.

67. Про Сокольника. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Начало публикуемого варианта близко к соответствующей части текста В. П. Тарбарейского с нижней Печоры (Леонт., 3), см. также в настоящем издании запись от Е. Г. Мяндиной из Среднего Бугаева (текст № 10). Как и в них, в данном варианте повествование открывается просьбой Сокольника к матери отпустить его в чистое поле и наставлением матери. Далее сюжет развивается необычно. Нет последовательного выезда в погоню за Сокольником других богатырей, сразу выезжает Илья Муромец. Изображены два боя Ильи с Сокольником. Первый сразу заканчивается победой Ильи и узнаванием сына, второй происходит уже после убийства Сокольником матери и заменяет собою традиционное покушение Сокольника на жизнь спящего Ильи. Композиционно текст слажен хорошо.

68. Добрыня и Змей. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 38.

Публикуемый текст — единственная запись сюжета с нижней Печоры. По сюжетной схеме (без вводных эпизодов) текст близок к варианту № 45 настоящего издания, но не имеет его конца — освобождения девушки и женитьбы на ней. Своеобразной особенностью текста является развернутый наказ умирающего Микиты своей жене, касающийся сына, повторенный затем в наставлении матери; необычен в этом наказе мотив плетения самим Добрыней плетки из полынь-травы (по общерусской традиции чудесную плетку Добрыня получает из рук матери). Как и в некоторых других северо-восточных вариантах, введен мотив обещания змеей выкупа (Григ., I, 87, 114; Онч., 59), но в противоположность им сохранена расправа со змеей, как исконная и закономерная развязка героического сюжета.

По словесной ткани текст не имеет точек соприкосновения с вариантами Усть-Цилемского района, это совершенно другая редакция.

Нотное приложение XX. Вариант печорского напева исторической песни о Кострюке. По своей интонационной и ритмической структуре заметно отличается от нижнепечорских былинных напевов. Следует отметить устойчивую подчеркнутую трехдольность и вопросно-ответное построение полустроф. Из всех нижнепечорских исполнителей, певших песню о Кострюке, только один А. Ф. Пономарев использует этот напев при исполнении былинных сюжетов. С этим напевом от А. Ф. Пономарева записана былина «Василий Касимирович» (№ 69).

На магнитофон записано 114 строф.

69. Василий Касимирович. Печорские варианты: Онч., 65; Леонт., 8.

Публикуемый текст — третий с Печоры вообще и второй с нижней Печоры. Все три текста объединяются одной общей особенностью: посланцы князя Владимира, Василий Казимиров с товарищами, не отказываются платить дани-пошлины, требуя платежа от татар (см. прионежский вариант — Гильф., II, 80; мезенские — Григ., III, 48 и 54; сибирский — Гуляев, 1952, 10), а, наоборот, троекратно предлагают принять их «без бою, без драки», царь же татарский, видимо, желая вызвать конфликт, отказы-

вается принять их прежде, чем состоятся предлагаемые им состязания в шахматы, в стрельбе из лука, в борьбе. Выиграв состязание, посланцы убивают царя, побивают татар и привозят в Киев обратно не только пошлины, но и захваченные у татар ценности. Таким образом, вырисовывается своеобразная печорская редакция, следы которой заметны еще в не совсем ясном шенкурском варианте (Кир., II, стр. 83).

Текст Пономарева в особенности близок к другому нижнепечорскому (Леонт., 8): одинаково имя врага; так же Василия сопровождают по его просьбе Добрыня и Алеша Попович (одинакова и мотивировка выбора: нам двоим весело будет, нам троим весело будет); в обоих текстах посланцы прощаются с князем, княгиней и Ильей Муромцем; одинаково оставляется товарищам оружие (нож или копье), по состоянию которого они смогут узнать, если с Василием случится беда; так же после выигрывания Василием в шахматы Батуй заключает его в темницу, и Добрыня с Алешей спешат на выручку и т. д. Имеются и дополнительные детали: предупреждение об опасности поездки, молитва посланцев перед поездкой (см. то же в варианте Ончукова), нетерпеливое высматривание Ильей Муромцем в подзорную трубу возвращения посланцев.

Текст Пономарева по художественным качествам, полноте, стройной четкой композиции, выдержанному эпическому стилю — один из лучших среди всех вариантов данной былины.

70. Иван Горденович. Печорский вариант: Онч., 80.

Текст интересен как вторая запись на Печоре и тоже в низовьях. Сравнение обоих текстов обнаруживает некоторые общие особенности, отличающие эти два печорских варианта от текстов из других мест. Обычно Иван Годинович едет свататься сам, даже если он из Киева выезжает с сопровожатыми. В таком случае в былину вводится мотив кровавых следов, встретившихся по пути, и Иван Годинович отправляет по этим следам свою дружину (см., например, К. Д., 16). В обоих печорских вариантах Иван Горденович посылает сватать ему невесту сопровождающих его богатырей, сам же остается ожидать их возвращения в чистом поле. Эпизод с «кровавой дорожечкой» тоже имеет место, но он вводится в повествование позднее, когда рассказывается об обратной дороге богатырей с невестой Ивана Горденовича в Киев, и вводится для того, чтобы создать необходимую для дальнейшего развития сюжета ситуацию: герой в поле в шатре один с невестой, тут их настигает соперник, ее нареченный жених. В каждом из вариантов этот эпизод раскрыт по-разному (в ончуковском Иван по кровавым следам направляет богатырей, в нашем — он, вопреки предостережению товарищей, решает ехать один с невестой, богатырей же отпускает в Киев), но композиционная функция эпизода одинакова. Общими для обоих печорских вариантов является сопротивление сватовству не только отца невесты, но и ее самой, тогда как обычно она сразу соглашается, хотя и притворно, на брак с Иваном Годиновичем. Общим является и само имя героини — Маремьяна (у Ончукова она, кроме того, названа еще Маринкой белой лебедью — наиболее традиционное на Печоре женское имя).

При этих общих чертах публикуемый текст значительно отличается от ранней записи. Он очень своеобразен. В художественном отношении это великолепный вариант, выделяющийся своей мастерски слаженной композицией, в которой отдельные детали получили свое особое назначение. Так, «дорожечку кровавую», которую хочет Иван «попроведывать», оказывается «пропустил» сам Батуй с злым умыслом, с целью завлечь на нее Ивана одного, без богатырей. Илья Муромец, прощаясь с Иваном, наказывает ему вспомнить его с Добрыней, если ему придется плохо, и когда это случается и Иван вспоминает товарищей, прилетают два ворона, своим граем мешающие спать Батую и его жене. Именно это и побуждает Батуя стрелять в них (чаще прилетают голуби, царь стреляет, так как его жена выражает желание полакомиться голубятинкой). Поражение Батуя его же стрелой и мотивировано тем, что чудесные вороны — это Илья Муромец и Добрыня, явившиеся на помощь.

В былине дан яркий и выдержанный образ героини: она не только сопротивляется сватовству и соглашается лишь по просьбе перепуганного отца, но и по дороге пытается освободиться (здесь используется известный эпизод из былины о встрече Добрыни с полянницей). Когда с ее помощью Батуй одолевает Ивана, именно она придумывает жестокое издевательство над ним (стихи 296—301), в то время как Батуй хотел просто убить соперника. Все это мотивирует особо жестокую расправу с ней Ивана.

Традиционные описания и общие места в данном тексте развернуты и красочны (см. вопрос князя о том, почему «Иван не тешится» и «не похваляется» и ответ Ивана; описание красоты невесты, перенесенное из «Дуная»). Отдельные детали исключительно выразительны (тяжелая поступь Добрыни — стихи 127—129; изображение того, как Добрыня после покушения Маремьяны на его жизнь схватывает ее и тащит к шатру — стихи 194—199; поспешность, с которой Иван выбегает из шатра навстречу невесте, — стихи 204—205).

Имя соперника то же, что имя вражеского короля в былине того же исполнителя о Василии Казимирове (в раннем печорском варианте — другое, перенесенное из былины о Соломане, — Василий Окулович).

71. Святогор. Печорские варианты: Онч., 61 (пр.); Леонт., 5.

Из двух ранее сделанных на Печоре записей сюжета о встрече Ильи Муромца со Святогором одна (Онч, 61) представляет прозаический пересказ сюжета с традиционным содержанием, другая, произведенная в 1938 г. на нижней Печоре (Леонт., 5), — полный стихотворный текст, который, кроме примерки богатырями гроба и смерти Святогора, включает еще продолжение — поездку Ильи по поручению умирающего Святогора к его слепому отцу с вестью о гибели богатыря — сюжет, встречавшийся редко и только в прозаических пересказах (Рыбн., I, 2; Аст., I, 5).

Публикуемый текст включает только эпизод встречи Ильи со Святогором и гибели последнего в гробу. Хотя былина и была спета, но текст очень прозаичен и не производит впечатления уже оформленного эпически произведения. Очевидно, исполнитель припомнил, и то не вполне, содержание сюжета и попробовал тут же распеть его в виде былины.

Нотное приложение XXI. Вариант предыдущего напева. При записи напева исполнитель много путал, чем и объясняется расхождение подтекстовки и публикации текста.

На магнитофон записано 35 строф.

72. Про Луку Степановича. Печорские варианты: Онч., 50, 66, 71.

Сюжет известен был только в трех записях 1901 г. на средней Печоре (Усть-Цильма, Уег, Верхнее Бугаево). Характер сюжета, представляющего не очень хорошо организованный сплав сказочных и былинных мотивов, рыхлость композиции заставляют предполагать позднее возникновение былины как опыт сложения нового авантюрного произведения. То, что былина бытовала в узко-ограниченном районе, при этом в единой редакции с незначительными вариациями, наводит на мысль о сравнительно недолгом ее существовании в устной традиции до момента записи (см. об этом в кн.: А. М. Астахова «Русский былинный эпос на Севере», стр. 141 и 176—177).

Запись публикуемого варианта интересна как свидетельство о переходе сюжета на нижнюю Печору (ни Ончукову, ни Леонтьеву данный сюжет здесь не встретился). Вариант имеет некоторые отличия от среднепечорской редакции. Первая часть былины — героя, проспавшего церковную службу и ушедшего вместо церкви гулять в луга, змея уносит в далекую страну, за синее море — наиболее близка к соответствующим частям ранних вариантов, но значительно короче (выключается, например, требование змеи взять ее в замужество, весь начальный эпизод изложен более сжато). Напротив, рассказ о дальнейшей судьбе героя более развернут, включает новые эпизоды. В ранних записях кратко говорится о том, что Лука женится на дочери турецкого царя; лишь в одном (Онч., 66), наиболее близком к нашему, упоминается о поездке Луки с семьей на родину. Пребывание в Турецкой земле и возвращение на родину и составляет содержание развернутой второй части публикуемого варианта.

Здесь обращает внимание мотивировка отъезда героя — травля его завистниками боярами: они дважды добиваются от царя трудных поручений для Луки, наконец он решает покинуть с семьей Турецкую землю. В изображении бояр «кособрюхих» и конфликта их с героем вариант, таким образом, следует характерной антибоярской тенденции печорских былин (см. об этом: Русский былинный эпос на Севере, стр. 356—357), хотя и не развертывает победы героя над боярами. Конечный же эпизод — встреча с играющими в мяч богатырями и убийство Ильей Муромцем старшего сына Луки — воспринимается как неудачное нагнетение дорожных приключений. Вариант свидетельствует, что эта поздняя былина так и не была художественно отработана, хотя и получила некоторое распространение.

73. [Илья Муромец и Сокольник]. Запись В. В. Митрофановой 28 июля 1956 г. от Фомы Алексеевича Чупрова, 56 л., Нарьян-Марский р-н, д. Угольное.

Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Пересказ сюжета о Сокольнике в традиционной печорской обработке (ср. с текстами №№ 51, 53 настоящего издания и Онч., 1). Конечный эпизод былины — попытка Сокольника убить Илью Муромца — отличается своеобразными деталями (Илья спит в открытом поле, конь предупреждает его о грозящей опасности). В стихотворной форме мог вспомнить лишь отрывок о выезде Ильи и бое с Сокольником.

74—76. Запись В. В. Митрофановой 24 июля 1956 г. от Софьи Степановны Марковой, 78 л., Нарьян-Марский р-н, д. Качгарт.

74. [Илья Муромец]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 1.

Сказка об Илье Муромце, основанная на следующих сюжетах: «Исцеление», «Илья и Соловей-разбойник», «Калин-царь», «Илья и Идолище поганое», «Илья и

Сокольник», «Илья и Святогор», «Три поездки Ильи Муромца», «Ссора с князем Владимиром».

Первые два сюжета изложены традиционно. Только в сцене в палатах князя использована деталь из былины «Дюк Степанович»: насмешки Чурилы (ср. то же в пересказе Марковой былины о Дюке — текст № 76). Во всей этой части сказки особенно подчеркнуто бескорыстие Ильи Муромца и его заботы о народе.

В использовании былины о Калине-царе и об Идолище Поганом обе они объединяются: Идолище оказывается посланцем Калина-царя. В пересказе сюжета о Сокольнике необычно дана развязка: Илья, не получив ответа от повергнутого на землю Сокольника, убивает его и тут только по повязке узнает в нем сына. В пересказе сюжета о Святогоре остается недосказанным эпизод передачи силы.

Из сюжета о трех поездках использован только эпизод нахождения клада. О ссоре с князем говорится два раза, причем второй раз не указан повод к ней.

Заканчивается, как многие сводные былины и сказки, рассказом о смерти Ильи Муромца. В примечании к сказке исполнительница передала любопытную легенду об Илье, «ходящем» после смерти.

Сказка С. С. Марковой, вероятно, как и ее рассказ о Дюке, — сплав слышанного ею в устной традиции и читанного в книгах.

75. [Добрыня Никитич]. Печорские варианты см. в комментарии к текстам №№ 14, 38 и 2.

Текст представляет собой контаминацию в прозе трех сюжетов: «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Алеша». Упоминается также, но не развертывается в эпизод, встреча в поле с Настасьей Микулишной. Все три сюжета пересказаны кратко, второй сюжет близко к прионежской традиции: действие происходит на Пучай-реке, изображены два боя со змеем, первый оканчивается договором, второй — освобождением Путятичны и других пленников змея; включены и характерные для прионежской традиции детали — виновником отсылки Добрыни на выручку Путятишны является Алеша Попович, конь Добрыни топчет и отряхивает от ног змеенышей, земля пожирает змеиную кровь (ср.: Гильф., I, 5, II, 148, 157); о прионежских редакциях см.: Аст., I. стр. 571. Эта близость к традиционной композиции и характерным деталям былин Прионежья, а также само объединение трех сюжетов, не встречающееся в печорских былинах, делает очевидным восхождение текста к какому-то книжному пересказу, в стихах или в прозе.

76. [Дюк Степанович]. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 3.

Текст представляет собой очень полный прозаический пересказ былины о Дюке с включением некоторых сказочных эпизодов, которые в классических изустных вариантах былины не встречаются (нахождение коня по указанию встречной старухи, длительный беспробудный сон богатыря и др.). Большинство былинных эпизодов принадлежит к общерусской традиции данного сюжета, но есть детали, обнаруживающие связь с местными традициями — с печорской (перчатки для подарка Илье Муромцу — Онч., 24; Леонт., 10) и с прионежской (мена масти конем Дюка в состязании конями, исключение Алеши Поповича из числа оценщиков из-за его «загребущих рук»; см., например, Гильф., II, 152, 159 и др.). Своеобразной и очень удачной деталью текста является изображение ошибки Дюка, принявшего княгиню Апраксию за портомойницу, — ошибки, обратной той, которую совершают посланцы от князя Владимира на родину Дюка, принимающие портомойницу за мать Дюка.

Непосредственный источник текста Марковой неизвестен. Будучи грамотной и любительницей чтения, она могла прочесть изложение былины в таком уже виде. Но могла усвоить и из устных пересказов. По ее словам, «на путине такие сказки сказывали». Слышала она также, как эту былину «стихами поют». В концовке рассказа ясно припоминание стихотворения А. К. Толстого «Сватовство».

77—87. Записи Н. П. Колпаковой 4—6 августа 1956 г. от Тимофея Степановича Кузьмина, 68 л., Нарьян-Марский р-н, д. Тельвиска.

77. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 35.

Текст представляет обычное для Печоры объединение былины о Соловье-разбойнике с сюжетом об исцелении. Но в варианте не обнаруживается каких-либо черт, сближающих его с другими записанными на Печоре текстами. Наоборот, в нем проходят перед нами мотивы, хорошо знакомые по известным текстам Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга; ср. определение силы после первоначального подношения вина и затем уменьшение силы вполовину — Кир., I, стр. 1, 2; выращивание богатырского коня — Рыбн., I, стр. 319; наставление родителей — Кир., I, стр. 34; изображение вражеской силы под Черниговом — Рыбн., I, стр. 15 и Гильф., II, стр. 10 (варианты Трофима Рябинина); весь путь к Соловью и столкновение с ним — Рыбн., I, стр. 16: обращение Ильи к Со-

ловью при расправе с ним — Рыбн., I, стр. 22 и Гильф II, стр. 17. Точного следования, однако, указанным вариантам нет, это свободная композиция, составленная по их мотивам. Вероятнее всего, что здесь мы имеем дело или с пересказом уже готовой обработки, ставшей известной Т. С. Кузьмину из какого-либо книжного источника, или с собственной редакцией, созданной на основе прочитанных им былин, поскольку Кузьмин — творчески одаренный сказитель, в котором соединились богатая память, художественный вкус, чувство эпического стиля, способность к творческой импровизации. На первое предположение наводит нашу мысль употребление слова «чудо-богатыри» (стих 166) и необычное окончание былины (стихи 239—246), характерное для книжных обработок. Между прочим, все указанные мотивы из тех же источников имеются в сводных текстах дешевых книжек для народа, издававшихся в 1890-е—1900-е годы и встречавшихся собирателям в районах с былинной традицией (например: Русские народные былины. Составлено В. и Л. Р-н. Изд. И. Д. Сытина; Илья Муромец, набольший богатырь киевский, Иван Ивин. Изд. Т. А. Губанова). Однако точного следования этим текстам в варианте Кузьмина не находим. Очевидно, здесь — собственная редакция.

78. Илья и нахвальщик. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 10.

Былина восходит к книжному источнику — к текстам №№ 7 и 8 первого выпуска книги «Русские былины и сказания», изданной А. Каспари в 1894 г. как бесплатная премия журнала «Родина». Оба указанных текста («Застава богатырская» и «Илья Муромец и нахвальщик») являются переложением известной шенкурской былины о богатырях на заставе из сборника Киреевского (I, стр. 46) четырехстопным хореем с дактилическим окончанием — размер, который в XVIII—начале XIX вв. употреблялся в русской литературе для стилизаций под русский эпос (см. об этом в работе: А. М. Астахова. Из истории и ритмики хорея. Сб. «Поэтика», «Academia», Л., 1926). При этом и композиция в целом, и построение отдельных эпизодов, и фразеология шенкурского варианта в издании А. Каспари сохранены. Сопоставление былины Т. С. Кузьмина с текстом издания Каспари показало, что более половины ее стихов в точности или с незначительными изменениями повторяют этот текст, остальные близко следуют ему. Сохранено и самое название, данное Каспари основной части былины.

Книгу Каспари собиратели былин встречали в северных районах эпической традиции (Григ., I, стр. 139—140). Известно ли было это издание самому Т. С. Кузьмину, или он усвоил былину в таком уже виде от своих учителей, мы не знаем, но вероятнее всего первое, имея в виду его собственные признания в том, что он читал былины в книгах. Интересно в данном случае то, что текст, явно восходящий к книжному источнику и имеющий необычный для местной традиции ритмический строй, исполнитель пел на характерный былинный напев. Это приводило к некоторой перебивке в ритме стиха.

79. Святогор. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 71.

Текст представляет объединение двух разных былин о Святогоре («Святогор и сумочка переметная», «Смерть Святогора в гробу»). Это второй лишь случай такого объединения (первый — Пар.-Сойм., 4), при котором первый сюжет не заканчивается, как это часто бывает в самостоятельной былине, гибелью богатыря (ср.: Рыбн., I, 86; Гильф., III, 270).

Сюжет о Святогоре и сумочке на Печоре записан не был. Здесь он дан в версии, по которой сумку с тягой земной сбрасывают с себя неизвестный старик или два старика (Григ., III, 114; Гильф., II, 119), иногда это Микула Селянинович (Рыбн., I, стр. 321, примечание; Сок.-Чич., 159).

Гибель Святогора в гробу изображена традиционно, но эпизод передачи Илье силы через дыхание или смертную пену отсутствует. Наказ умирающего Святогора Илье перекликается с соответствующим местом записи 1938 г. (Леонт., 5).

Нотное приложение XXII. Расчлененный бесцезурный напев песенно-речитативного склада с полукадансом на доминантовом звуке лада. Временами при исполнении певец делал цезуру после слога «да», заканчивающего иногда полустрофу.

На магнитофон записана вся былина (59 строф).

80. Про Сухмана. Записей сюжета в прежние годы на Печоре не было. По сравнению с другими известными нам вариантами из разных северных районов передает все содержание более кратко, но в хорошем эпическом стиле. Выключаются эпизоды разыскивания Сухманом лебедей и проверки Добрыней сообщения Сухмана о битве его с татарами. Общий идейный смысл конфликта богатыря с князем и облик самого героя сохранены.

81, 81а. Как Добрыня женился. Оба текста, один более пространный, другой короче, — единственные записи данного сюжета на Печоре (краткое упоминание о встрече

Добрыни с поляницей есть лишь в тексте № 75 настоящего издания); близки к заонежским вариантам (Рыбн., I, 25; Гильф, I, 5, II, 148, 157), в которых сюжет контаминирован с былиной «Добрыня и Змей», и к пудожскому (Пар.-Сойм., 56), где сюжет выделен в самостоятельную былину. Все указанные варианты представляют единую редакцию и чрезвычайно близки друг к другу, порой дословно повторяя одни и те же места.

Публикуемые тексты, представляющие, как и пудожский, отдельную былину, не только почти в точности воспроизводят композицию прионежских, но и совпадают с ними в формулировках (ср., например, слова Добрыни о своей силе и смелости и др.), а также в некоторых характерных деталях (Добрыня расшибает дуб на «ластинья», Настасья кладет Добрыню в «кожаный мешок» и т. п.). Такого рода близость, а также отсутствие сюжета в ранних печорских записях вызывает вопрос, не пришла ли прионежская редакция на Печору в каком-либо печатном издании.

Новое, что привносят варианты, это необычное в эпической традиции имя матери Добрыни (Анна Александровна) и упоминание в тексте № 81 Ильи Муромца на свадьбе Добрыни.

Сопоставление обоих текстов, записанных один за другим, показывает склонность Т. С. Кузьмина к творческим вариациям.

82. Добрыня на чудь поехал. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 2.

Текст ничего общего не имеет с тем единственным вариантом этой былины, который был записан на Печоре в начале века (Онч., 95). Заглавие, данное самим исполнителем, характер возложенного на Добрыню поручения приводят к тексту сборника Кирши Данилова, 21. Ср.: заглавие — «Добрыня чудь покорил»; формулировка поручения — «Кто бы... Вырубил чудь белоглазую, Прекратил сорочину долгополую». Есть еще совпадение в обоих текстах наказа жены. Ср:

Данный текст	Текст Кирши Данилова
Ты за князя выходи или за боярина, Не ходи за моего брата названого. За Алешу ты да за Поповича. (Стихи 32—34).	Хоть за князя поди, хоть за боярина, Не ходи только за брата названова, За молода Алешу Поповича. (Стихи 84—86).

Впрочем, этот наказ — общее место, и совпадение могло случиться без прямого влияния текста Кирши Данилова. Но приведенная выше перекличка настолько характерна, что вызывает определенное предположение о воздействии в какой-либо форме текста XVIII в. Во всем остальном публикуемый текст совершенно с ним расходится. По общему построению и разработке отдельных эпизодов он близок к прионежским вариантам и из них примыкает к тем, в которых о несчастии в семье предупреждает Добрыню его конь. В тексте есть слова и выражения, никогда в устной эпической традиции не встречающиеся: «епанча» (стих 148), «супруг» (стихи 214—215), «Прослезил он меня, грешную» (стих 135). Все эти факты в совокупности наводят на мысль о возможном воздействии на данный текст книжных источников, в каком виде — установить пока не удалось.

Имеются в тексте отдельные необычные детали: вопрос Добрыни к жене, будет ли она ему верна в течение трех лет (стихи 24—25), особое содержание игры на гуслях, заключающее воспоминание о первой встрече Добрыни с Настасьей Никуличной (стихи 185—186).

83. Про Василия турецкого [Идойло сватает племянницу князя Владимира]. Вариант с Печоры: Онч., 73.

Текст является второй записью на Печоре (и тоже в низовьях реки) этой редкой и поздней былины, возникшей как сплав сказочных и эпических мотивов. Эта запись позволяет уже наметить некоторые общие черты печорской обработки сюжета в отличие от беломорской и мезенской: действие начинается с пира в земле Турецкой, на котором властитель земли (у Ончукова — Гремит-король) поручает Идолу посватать за него племянницу князя Владимира (в золотицких и в одном из двух мезенских король — Издолище или Гремин — сам приезжает в Киев, и действие во всех вариантах начинается прямо с его приезда, см: Марк., 49, 79; Григ., III, 100, 107); имя девушки в обоих вариантах — Анна (в Зимней Золотице и на Мезени — Марфа); в обоих текстах она зазывает к себе на пир Идола под предлогом своего именинного дня (этот мотив имеется и в одном мезенском тексте — № 100, в золотицком она угощает Идолища якобы «на радости»).

Но имеются и некоторые отличия. Текст у Ончукова в своей начальной части испытал заметное влияние «Дуная»: образ Гремита-короля, вопрос его, не знает ли подхо-

дящей для него невесты, описание Анны Идолом — все это перенесено из традиционного начала былины о Дунае. В публикуемом тексте кратко излагается поручение Василия Идолу, но далее включается эпизод колдовского гаданья, который настраивает слушателей на ожидание определенной развязки. Варьируется и эпизод расправы с Идолом: в варианте Ончукова она происходит на вражеском корабле, на который приходит Анна, и она сама отсекает у пьяного Идола голову — в нашем тексте рассказано, что пир устраивается на собственном корабле Анны, куда она заманивает Идойла, и с ним расправляется Добрыня (в вариантах из Зимней Золотицы и с Мезени Идолища убивают тоже богатыри). Все эти отличия и вариации отдельных эпизодов не меняют, однако, идейного смысла былины, в центре которой — образ смелой и ловкой девушки, хитростью одолевающей врага.

Записанный от Кузьмина вариант — один из лучших на данный сюжет по четкой, стройной композиции и строго выдержанному эпическому стилю. Обращает на себя внимание выразительный образ захмелевшего Идойла (стихи 112—127). При лаконичности повествования исполнитель не упускает ряда тонких деталей: поведение Идойла в гриднях князя Владимира (стихи 30—31), внешнее проявление поспешности, с которой князь бежит к племяннице (стихи 40—41), противопоставление — шлюпка белая с корабля Анны, на которой едет Алеша Попович, и шлюпка черная, которую спускает со своего корабля Идойло (стихи 66—69, 94—95).

Имя Василий турецкий встречается в варианте с нижней Печоры былины о Соломане-царе, где им заменено традиционное имя похитителя жены Соломана — Василий Окульевич (Леонт., 9).

84. Про Дюка. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 3.

Превосходный текст, обнаруживающий большое мастерство Кузьмина как сказителя былин. В тексте нет специфических для печорской традиции мотивов, кроме традиционного на Печоре упоминания Малой Галичи и Карелы пребогатой. Отсутствует эпизод высматривания Киева в подзорную трубочку, не упоминается подарок, привезенный Дюком Илье Муромцу (перчатки). С другой стороны, наблюдаются элементы, сближающие текст с прионежскими вариантами: чудесные и опасные заставы на пути в Киев; недоумение оценщиков при виде сверкающей Галичи — неужели Дюк велел спалить Галичу к их приезду?; каждодневная мена масти Бурушкой в эпизоде состязания конями; презрительное обращение Дюка к Чуриле в конце былины: «Не с богатырями бы тебе, Чурила, ведаться, А водиться бы с киевскими бабами» (см., например, все эти мотивы: Рыбн., I, 16, 29; Гильф., II, 85, 152, 159 и др.). Очевидно Т. С. Кузьмин слышал или читал былину в прионежской редакции или в обработке, использовавшей прионежские тексты. Вместе с тем есть детали, восходящие и к другим былинам: ср. образ Чурилы (стихи 51—53) с описанием первого появления Чурилы в былине Кирши Данилова об этом богатыре (К. Д., 18); юмористическое изображение того впечатления, которое он производит на женщин (стихи 54—56), текстуально совпадает с соответствующими стихами нижегородского текста из сборника Киреевского (Кир., IV, стр. 87) и варианта сказительницы А. М. Пашковой (Пар.-Сойм., стр. 76). Начальные же стихи текста Кузьмина (1—4) непосредственно связаны с известными стихами Лермонтова — вступлением в «Песню про купца Калашникова» («Мы сложили ее на старинный лад», «Мы певали ее под гуслярный звон»).

Нотное приложение XXIII. Нерасчлененный напев песенно-речитативного склада. От исполнителя записан еще один былинный сюжет с этим напевом (Про Василия турецкого, № 83).

На магнитофон записано 77 строф.

85. Садко. Печорские варианты см. в комментарии к тексту № 31.

Единственный печорский текст на сюжет о пребывании Садко в подводном царстве, оформленный в виде самостоятельной былины: другие известные нам варианты с Печоры соединяют данный сюжет с рассказом о состязании Садко в богатстве с новгородскими купцами.

Традиционные для сюжета эпизоды — остановка корабля среди моря при попутном ветре; метание жребия, кому идти к подводному царю; игра Садко на гуслях и пляска царя, производящая бурю; выбор невесты, помогающий Садко вернуться на землю, — сохранены лучше, чем в других печорских вариантах, где заметно забывание и искажение исконной сюжетной схемы (Онч., 75, — Садко попадает к царю морскому на огненной шлюпке. Царь предлагает ему сыграть в шахматы, выбора невесты нет, а царь, рассерженный тем, что Садко порвал струны, хватает его за бороду и выбрасывает из терема; Онч., 90, — нет игры Садко и пляски царя). Выразительно переданы эпизоды остановки кораблей на море (особенно изображение ветра) и пляски морского царя. В текст включен еще эпизод ссоры царя с царицей, спорящих о том, что ценнее — золото или железо, неизвестный другим печорским вариантам, но встречающийся в некото-

рых олонецких текстах (Рыбн., I, 66, II, 107). В тексте Т. С. Кузьмина этот эпизод умело использован в дальнейшем развитии сюжета: так как Садко разрешает спор в пользу царицы, последняя подсказывает ему такой выбор невесты, благодаря которому он спасается. В данном случае царица заменяет святого Николая (Миколу Можайского), которому во многих вариантах приписывается спасение Садко. Святой Николай отсутствует и в эпизоде пляски царя: не он советует Садко порвать струны в гуслях, чтобы прекратить бурю на море, а сам Садко, видя причиняемые его игрой бедствия, рвет струны.

Нотное приложение XXIV. Вариант напева XXII. На этот же напев Т. С. Кузьмин пел былины: «Как Добрыня женился», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Про Сухмана», «Василий Буслаевич» (№№ 77, 80, 81, 86)

На магнитофон записано 14 строф.

85а. Начало той же былины. Так же, как в случае с записью от Т. С. Кузьмина былины «Как Добрыня женился», оно было дано в порядке пробы голоса и припоминания.

86. Василий Буслаевич. Печорские варианты: Онч., 88, 94, см. еще 74 (к.).

На сюжет о бое Василия Буслаева с новгородцами с Печоры было известно до сих пор всего два текста, оба с низовьев реки (кроме того, еще вариант эпизода выбора дружины, включенный в былину о поездке Василия в Иерусалим). Оба текста неполные без начальных частей: один (Онч., 88) начинает повествование с пира, на котором Василий бьется с Новгородом о заклад, кто его победит. После этого следует рассказ о выборе дружины, о бое и т. д. Второй (№ 94) совсем опускает эпизод выбора дружины, Василий появляется на пиру уже с товарищами. Далее сюжет развертывается более или менее одинаково в обоих текстах.

Публикуемый текст строит сюжет примерно так, как ончуковский вариант 88 из д. Бедовой бывш. Пустозерской волости, но заключает отдельные детали, которыми перекликается с былинами из других районов. Таковы: упоминание об отце, который жил с Новгородом и Псковом в мире (только в данном тексте эта характеристика отца дается не в начале былины, как обычно, а вложена в уста матери, укоряющей Василия, что он не ладит с новгородцами, — стихи 69—75); просьба новгородцев к старчищу Андронищу унять Василия (ср. аналогичный эпизод: Гильф., I, стр. 405); изображение Андронища (ср.: там же, стр. 406); рассказ о том, как мать унимает Василия (стихи 160—176, ср.: Гильф., I, стр. 406—407). По словесному оформлению текст далек от обоих ранних печорских вариантов и имеет характер свободного, непринужденного сказа, импровизируемого в момент записи. Это подтверждается и сличением первой записи начальной части былины от Кузьмина (86а) с соответствующей частью данного полного текста, показывающим значительные словесные вариации. Получается впечатление, что Кузьмин хорошо помнит содержание былины, которое он быть может слышал, быть может читал, помнит ход развития сюжета, но твердого текста у него нет.

86а. Отрывок былины о бое Василия Буслаева с новгородцами, данный в порядке припоминания.

87. Смерть Василия Буслаевича. Печорские варианты см. в комментарии к тексту 18.

Представляет, как и текст № 18, сильно сокращенный вариант сюжета о поездке Василия Буслаева в Иерусалим, сохранивший, однако, традиционное изображение смерти героя (оскорбление Василием мертвой человеческой головы, предсказание ею гибели Василия, нарушение им запрета «тешиться» у камня, смерть Василия).

88. Как женился князь [Князь, княгиня, старицы]. Запись В. В. Коргузалова 7 августа 1956 г. от Евдокии Ивановны Шайтановой, 85 л., Нарьян-Марский р-н., д. Устье.

Представляет интерес как единственная запись этой довольно распространенной в Поморье и по нижнему течению реки Пинеги баллады. Хорошо сохранившийся тип обработки сюжета с трагическим исходом. Композиция традиционна. Необычным является лишь самый зачин, где нарушено обычное указание на возрастное несоответствие князя и княгини (князь девяноста лет, княгиня девяти годов); развязка с самоубийством князя встречается сравнительно редко, преимущественно на западном побережье Белого моря (см.: Студ. зап. филолог. фак. ЛГУ, 1937, стр. 23; Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 57, папка 1, №№ 13, 21).

89. Про Добрыню. Запись Н. П. Колпаковой 27 июля 1956 г. от Аристарха Ивановича Суслова, 65 л., Нарьян-Марский р-н, д. Андег.

Начало неизвестной былины о Добрыне. Так обычно начинается былина об Иване Годиновиче. Возможно, что исполнитель смешал героев.

Нотное приложение XXV. Напев песенного склада, разделенный доминантовым звуком лада на две равные части.

На магнитофон записано 19 строф. Вариантность незначительная.

90. Про Добрыню. Запись Н. П. Колпаковой 27 июля 1956 г. от Анастасии Петровны Хабаровой, 69 л., Нарьян-Марский р-н., д. Андег.

Второй и третий стихи отрывка представляют общее эпическое место, которое используется в былинах и балладах и в положительной, и в негативной форме. Например:

Да хорошо у меня, молодца, было пожито,
Да хорошо было цвётное платье изношено,
Да приупито было у молодца, приуедено,
Да и в красне, в хороше приухожено.

(Соб., I, стр. 29, сюжет «Молодец и королевна»).

Ай с королевной было приупито, приуедено.

(Там же, стр. 31, тот же сюжет).

Скричат тут робята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буславича
Не упито, не уедено,
В красне хорошо не ухожено,
А цветнова платья не уношено,
А увечье на век залезено».

(К. Д., стр. 67, былина «Василий Буслаев»).

Откуда взяла эту формулу исполнительница, неизвестно.

Последующие стихи взяты из традиционного на Севере зачина песни о жалобе солдат на князя Долгорукого (см., например, Аст., II, 210; о песне — там же, стр. 744). О том, как возник публикуемый отрывок, см. заметку об исполнительнице.

Нотное приложение XXVI. Вариант предыдущего напева. Возможно, что в данном случае близость объясняется устойчивостью местных исполнительских традиций (д. Андег). Однако нахождение среди записей от Нарьян-Марского сказителя А. Ф. Пономарева близкого варианта этого напева (текст № 67, напев см. ниже), заставляет думать о существовании на Печоре общих напевов, не закрепленных за одним только сказителем.

На магнитофон записано 6 строф.

91. Про Илью и Соколика. Запись Н. П. Колпаковой 27 июля 1957 г. от Павла Николаевича Поздеева, 64 л., Нарьян-Марский р-н, д. Осколково.

Варианты с Печоры см. в комментарии к тексту № 10.

Текст принадлежит к основному печорскому типу обработок сюжета (Аст., I, стр. 611), но передает традиционную схему кратко, не развертывая эпизодов и описаний.

92—116. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1938—1945 гг. от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 года рождения, Архангельская область, Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

92. Про Илью Муромца, как он был, жил и родился. Запись 7 сентября 1939 г.

Варианты Зимнего берега (звездочкой отмечены былины об исцелении Ильи-сидня, без звездочки — об Илье Муромце и Соловье-разбойнике): Марк, 1 (к), 42,* 68, 91,* 107; Марк.-Богосл., I, стр. 47; Крюк., I, 1, 11.*

Былина о первой поездке Ильи Муромца в соединении с рассказом об исцелении. В этой первой части имеются отдельные детали, несколько сближающие текст с вариантом Аграфены Матвеевны Крюковой об исцелении (Марк., 42): имя матери Ильи (у Крюковой — Елестенья Олександровна), выкатывание жеребенка в трех росах — Иваньской, Петровской, Ильинской. Но многое и отличает (у Пахоловой нет наказа ка-

лик о коне, нет предсказания о том, что смерть на бою Илье не писана, Илья Муромец после исцеления не идет к родителям на место их работы и т. п., объединения двух сюжетов у Крюковой нет). С былиной о Соловье-разбойнике Аграфены Крюковой тоже наблюдается некоторая перекличка (в эпизоде проезда Ильи мимо подворья Соловья одинаково участвуют только жена Соловья и дочери, зятьев нет), но в целом текст Пахоловой не восходит непосредственно к былине матери. Сюжет в его основной части (победа над Соловьем, тщетная попытка семьи Соловья откупить его, приезд Ильи в Киев и сцена свиста) построен традиционно, но отсутствует эпизод освобождения города, и сцена в палатах князя передана с меньшей социальной остротой, чем в многих других обработках данного сюжета (во лжи Илью укоряют только бояре, конфликта с самим князем по существу нет).

П. М. Пахолова не помнила точно, от кого именно она усвоила былину, говорила, что от кого-то из стариков в семье отца.

93. Младой Подсокольничок. Запись 3 сентября 1939 г. Варианты Зимнего берега: Марк., 4, 70, 94 (к.); Крюк., I, 14.

Все три варианта, записанные в 1900-е годы на Зимнем берегу, совершенно отличны друг от друга и не дают возможности выделить какие-либо устойчивые, характерные для местной традиции черты. Текст Пахоловой наиболее близок к материнскому (Марк., 4), но имеет и свои отличительные черты. С текстом Аграфены Матвеевны его сближает: отсутствие предварительного рассказа о матери Подсокольника (рассказ начинается сразу с изображения заставы богатырской), обнаружение чужеземного богатыря в поле самим Ильей Муромцем, посылка в первую очередь Добрыни, победа в бою Ильи Муромца сразу — без предварительного случайного его падения на землю (как это мы видим в большинстве вариантов, в частности и в других золотицких), одинаковый способ одоления врага (Илья «подкорючивает» его «правой ножечкой»), имя матери — Маринка Кандальевна, — принадлежащее женскому персонажу былины о Глебе Володьевиче. Общность всех этих деталей подтверждает указание самой Пахоловой, что былину эту «слышала от матушки родимой».

Отличие ее текста от источника заключается, во-первых, в упрощении композиции. У Аграфены Матвеевны более развернуто изображение заставы (кроме Ильи, Добрыни и Алеши, на ней Ванюшко боярский сын и Ваня енеральский сын), и в эпизоде выбора богатыря для посылки за Подсокольником дана сословная характеристика богатырей. Более упрощенно передана Пахоловой встреча Ильи с врагом — у Аграфены Крюковой Илья бьет врага палицей по голове, и когда тот даже не обертывается, он дважды проверяет свою силу ударом в камень. Нет у Пахоловой и рассказа Ильи Муромца о том, как он попал в землю Маринки Кандальевны. Опущен также весь конец: покушение Подсокольника на жизнь отца, убийство им матери и захват русских кораблей, после чего Илья разыскивает сына и убивает его. Сама Пахолова ясно не осознавала — то ли всю былину она исполнила, то ли должно быть продолжение («Боле не помню. Так вся и есть»).

Обращения Добрыни, Алеши и Ильи Муромца к богатырю (см. стихи 61—67, 109—114, 151—156) напоминают соответствующие обращения Добрыни и Ильи в известном шенкурском варианте о заставе из сборника Киреевского. I, стр. 46:

«Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь?
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?»

Вариант этот мог быть известен П. С. Пахоловой по хрестоматии А. В. Оксенова «Народная поэзия», которая имелась в доме Крюковых, и данное выразительное обращение, дважды повторенное, естественно могло запомниться Пахоловой.

Посылка Ильей Алеши Поповича после Добрыни — эпизод, не свойственный общерусской традиции этой былины и не встречающийся в ранних золотицких вариантах, — имеется в тексте М. С. Крюковой записи 1937 г. (Крюк., I, 14), где он не вяжется с предпосланным ранее отводом Алеши Поповича. Кто из сестер заимствовал у другой этот эпизод, неизвестно.

94. Поездка Ильи Муромца во чисто поле. Запись 10 сентября 1939 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 1 (к.); Крюк., I, 4.

Текст представляет собой один из эпизодов былины «Три поездки», оформленный как самостоятельное произведение. Две другие дороги — «где богату быть» и «где убиту быть» — упоминаются только в надписях на железных столбиках на распутье.

Былина о трех поездках Ильи Муромца не была, по-видимому, в Зимней Золотице

популярной: А. В. Марков записал только один вариант и то в контаминации с былиной о Соловье-разбойнике. По словам младшей сестры Пахоловой, Серафимы Семеновны Крюковой, эту былину «в Крюкоськом роду все пели». Действительно, единственный вариант, записанный Марковым, принадлежит Аграфене Крюковой, от Марфы Семеновны Крюковой тоже был записан вариант, но уже в качестве отдельной былины, а в 1948 г. был записан вариант и от младшей сестры (текст № 117).

Вариант П. С. Пахоловой по общей композиции и содержанию основных эпизодов близок ко всем этим трем вариантам, но выгодно отличается от текстов сестер большей сжатостью и строгостью стиля. У ней отсутствуют, например, загромождающие былину многословные размышления Ильи Муромца на распутье трех дорог, нет неуместно вставленного сестрами мотива злой мачехи, от преследований которой бежит королевна, нет излишних словесных повторений. Вместе с тем Пахолова развертывает эпизод угощения Ильи Муромца королевной, вводя троекратное подношение чары с вином, которую богатырь незаметно для хозяйки выливает под стол: это еще более подчеркивает проницательность, мудрость Ильи (этого мотива ни в одном из других вариантов нет).

По словам П. С. Пахоловой, она усвоила эту былину непосредственно от матери: «Матушки покоенки Аграфены Матвеевны эта старина». Влияние стиля былины старшей сестры, довольно заметное в других текстах Павлы Семеновны, в этом варианте незначительно сказывается лишь в лексике (королевство «очунь прекрасное», «диваны» и «ковры» «заморские», «премладая королевична», «премладенькие царевичи».

95. Микитушка Залешанин. Запись 31 августа 1938 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 44 (к.); Крюк., I, 5.

Сюжет о столкновении с князем Владимиром Ильи Муромца, пришедшего на пир под именем Никиты Залешанина, не узнанного князем и им не «учествованного», записана была Марковым всего в одном варианте от А. М. Крюковой. При этом вариант контаминирован с былиной о нашествии на Киев татар под предводительством Идолища, своеобразно претворившей некоторые мотивы былины об Илье Муромце и Идолище. Сама Аграфена Матвеевна, указав Маркову, что былину она восприняла от свекра, Василия Леонтьевича, призналась, что помнит ее «худо». Однако первая часть былины — конфликт Ильи-Никиты Залешанина с князем — отмечена четкой композицией и большой социальной остротой.

У П. С. Пахоловой, так же как и у ее сестры Марфы (Крюк., I, 5), сюжет оформлен как самостоятельная былина. По общей композиции и отдельным мотивам она близка к материнскому варианту, но отличается от него развернутой картиной тщетных попыток насильно вывести Никиту вон (в записи от Аграфены Матвеевны этого эпизода нет) и указанием на намерение Ильи Муромца спустить стрелу в князя Владимира. Оба эти эпизода имеются и в былине М. С. Крюковой, а первый передан близко к варианту середины XIX в. из Онежского уезда бывш. Архангельской губ. (Кир., IV, стр. 46), входившему в хрестоматию Оксенова, которая имелась в семье Крюковых и оказала, как известно, большое влияние на тексты Аграфены Михайловны и Марфы Семеновны (см.: Русский былинный эпос на Севере, стр. 294). От других сказителей былина записана не была, и вопрос, принадлежит ли она старой традиции Зимнего берега или была воспринята в семье Крюковых из книги, остается открытым.

Мотив угрозы пустить стрелу в князя Владимира встречаем в пудожском варианте Никифора Прохорова (Гильф., I, 47), он принадлежит, таким образом, общерусской традиции былин о бунте Ильи Муромца против князя Владимира.

96. Камское побоишшо. Запись 26 августа 1939 г. Варианты Зимнего берега: Марк., 81, 94 (к.), 104 (отр.); Крюк., I, 34.

В 1900-е годы на Зимнем берегу были записаны А. В .Марковым всего 2 полных варианта и один короткий отрывок «Камского побоища», из них один вариант (№ 81) — в Нижней Зимней Золотице от Гаврилы Леонтьевича Крюкова. К этому варианту и восходит публикуемая былина, на что указывала и сама исполнительница. Но вариант ее значительно короче (у Г. Л. Крюкова — 432 стиха) главным образом за счет выключения: 1) присоединенного у Крюкова к основному сюжету эпизода боя Добрыни и Ильи Муромца с бабой Латынгоркой (Марк., стр. 443, стихи 386—432) и 2) вставленного в среднюю часть былины диалога и столкновения Ильи Муромца с Идолищем Поганым (Марк., стр. 440—441, стихи 261—303). Оба эти эпизода имеются и в другом золотицком варианте из д. Верхняя Золотица от Ф. Т. Пономарева (Марк., 94), а эпизод боя с Латынгоркой сохранен и старшей сестрой Павлы Семеновны — Марфой Семеновной (Крюк., I, 34), тоже перенявшей былину от Гаврилы Крюкова.

Выключение указанных эпизодов сделало вариант П. С. Пахоловой более стройным и целенаправленным, но конец былины в известной мере снижает ее героическое звучание, изображая гибель всех богатырей (окаменение их) в бою с вновь ожившей из-за похвальбы трех богатырей силой — в большинстве былин типа Камского побоища

(см. библиографию сюжета: Аст., II, стр. 753) изображена гибель только самих похваставшихся богатырей, остальные во главе с Ильей Муромцем одолевают и ожившее вражеское войско.

97. Про царя Кудреянка. Запись 14 октября 1940 г.

Вариант начальной части: Крюк., II, 75.

Текст примыкает к традиционным былинам об иноземном нашествии, но развивает сюжет без обычного конфликта богатырей с князем Владимиром и с боярами. Последние и совсем не упоминаются. Точно так построенного сюжета мы не встречаем ни в ранних, ни в поздних записях, но начальная часть былины совпадает в основных эпизодах, деталях и даже в словесной ткани с началом былины М. С. Крюковой «Кудреянко, ведь он же царь немилосливый». Ср.: имя вражеского царя, его эпитет — немилосливый, наименование его войска «гвардией», указание, что оно перешло Непрьреку, что князь стал невесел и печален, что богатырей в это время «не случилосе, не пригодилосе», наконец, своеобразный эпизод — созывание князем Владимиром богатырей в туриный рог с башни (Крюк., II, стр. 152—153). Но затем варианты расходятся: текст Марфы Крюковой развернут как сюжет о Ваське-пьянице, Пахолова же строит вторую часть по образцу тех былин, которые изображают бой Ильи Муромца вместе с другими богатырями со всей силой вражеского царя («Камское побоище», «Илья Муромец и Калин-царь»).

98. Как женился Добрынюшка Микитич млад [Добрыня и Змей, женитьба Добрыни, Добрыня в отъезде]. Запись 4 сентября 1938 г.

Варианты Зимнего берега (звездочкой отмечен сюжет «Добрыня и Змей», двумя — «Женитьба Добрыни», без звездочек — «Добрыня и Алеша»): Марк., 5,* 6, 62 (к.) 73,* 112; Марк.-Богосл., I, стр. 57 (к.); Крюк., I, 20,* 21,* 26,** 28.

Текст представляет сводную былину, объединившую в порядке временной последовательности событий сюжеты «Добрыня и Змей», «Женитьба Добрыни на Настасье Микуличне» и «Добрыня и Алеша» [Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича]. По общей своей композиции и построению отдельных частей, а также по оформлению некоторых мотивов былина напоминает прионежские варианты (ср. варианты А. Е. Чукова — Рыбн., I, 25, 26; Гильф, II, 148, 149, — и П. Л. Калинина — Гильф., I 5, стр. 130—153), в которых также объединяются в одной былине сюжеты о бое Добрыни со Змеем и о женитьбе на Настасье, а былина о Добрыне в отъезде следует непосредственно за этими сюжетами.

Между прочим, текст Чукова в записи П. Н. Рыбникова был помещен в хрестоматии А. В. Оксенова «Народная поэзия», которая была хорошо известна в семье Крюковых и оказала значительное влияние на былины сказителей этой семьи (см.: Русский былинный эпос на Севере, стр. 317—321).

Вместе с тем текст П. С. Пахоловой перекликается и с вариантами, записанными А. В. Марковым от Аграфены Матвеевны и Марфы Семеновны Крюковых, а в отдельных мотивах почти совпадает с ними. Ср., например: изображение первого боя со Змеем у Аграфены Матвеевны (Марк., 5), укор, обращенный Добрыней к матери у Марфы Семеновны (Марк., 62), текстуальные совпадения с этим же вариантом (ср. нигде больше не встречающиеся выражения: «Я достовер узнал тепере — нет его» — у Пахоловой и «Вдостовер-то нет Добрынюшки в живых у тя» — у Марфы Крюковой) и др. При этом, однако, в тексте П. С. Пахоловой опущены некоторые специфические для золотицкой традиции мотивы: поручение князем Владимиром Добрыне привезти ему с княгиней ключевой воды для умыванья (встречается в былинах и на сюжет боя со Змеем и на сюжет «Добрыня в отъезде», см.: Марк., 5, 73, 112; Марк.-Богосл., I, стр. 57), роль Ильи Муромца в развязке — он останавливает Добрыню, который готов в гневе убить Алешу Поповича (Марк., 6, 62; Крюк., I, 28).

Сама Пахолова ведет свой текст от исполнения этой былины Ф. Т. Пономаревым («Пел на тони дедко Почёскин»), но с вариантом последнего, записанным Марковым, текст Пахоловой имеет мало общего, кроме объединения в одном повествовании сюжетов о бое со Змеем и о Добрыне в отъезде.

Былины о Добрыне принадлежали, по-видимому, и в Зимней Золотице, в частности в семье Крюковых, к числу наиболее часто исполнявшихся, причем передавались они с вариациями отдельных эпизодов и сцен, что обусловливалось не только большой долей импровизации, но и воздействием печатных изданий. Текст Пахоловой характерно отразил эти разные истоки.

99. Как Добрыня Микитиць постречалсе с Ильей Мурамцом. Запись 31 августа 1938 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 46, 71, 108; Марк.-Богосл., I, стр. 53; Тих.-Милл., отд. II, 15; Крюк., I, 17.

Из всех записанных на Зимнем берегу вариантов этой былины текст Пахоловой наиболее близок к варианту матери (Марк., 46), ср.: самое начало; рассказ матери Добрыни о том, что она «водилась» с Ильей, когда он был маленьким (в других золотицких вариантах на вопрос Ильи, откуда она его знает, мать Добрыни отвечает поговоркой «как не знать сокола по полету»); изображение победы Ильи Муромца в бою с Добрыней сразу же (в других сперва одолевает Добрыня, так как у Ильи подвертывается нога) и некоторые другие мотивы. По указанию Пахоловой, она усвоила эту былину от деда Василия Леонтьевича, от которого переняла и Аграфена Матвеевна (Марк., стр. 230).

Но последняя, по-видимому, уже от себя вставила эпизод получения Ильей силы (Марк., стр. 231, стихи 23—50) и закончила былину перечислением богатырей на пиру князя Владимира, с которыми знакомится Добрыня, и «заповедью великою» всех богатырей «стоять... за землю... святоруськую» (Марк., стр. 234). Этих эпизодов у Пахоловой нет.

Своеобразной чертой ее варианта является такая подробность: весть о сильном богатыре Добрыне приходит к Илье в Карачарово, когда он сидит за столом со своими родителями. Ему «недосуг дообедывать», он спешит на встречу с Добрыней. Эта же деталь имеется в варианте Марфы Семеновны, где она развернута (Крюк., I, стр. 193—194, стихи 36—67), и, возможно, от нее и заимствована Павлой Семеновной (эта подробность в духе импровизаций Марфы Крюковой, нигде в других золотицких вариантах ее нет). С вариантом сестры сближает текст Пахоловой и мотив обучения Добрыни Ильей военному делу. Таким образом, и здесь мы встречаемся с воздействием личного творчества Марфы Семеновны на былины младшей сестры. Однако текст Пахоловой, как всегда, более краток (260 стихов, у Крюковой — 529) и строен, свободен от тех словесных излишеств, которые характерны для исполнительской манеры старшей сестры.

100. Васька да горька пьяница. Запись 13 августа 1939 г.

Сюжет былины нетрадиционен, в записях XVIII—начала XX вв. не встречается. Хотя исполнительница и сослалась на своих дедов Василия Леонтьевича и Гаврилу Леонтьевича, от которых якобы усвоила былину, но вариант о Василии-пьянице, записанный от Гаврилы Леонтьевича (Марк., 77), совсем иной, развертывает традиционный сюжет в его северо-восточной версии: Васька-пьяница, оберегая Киев и князя Владимира от врага, допускает ограбление им князей-бояр, а затем, обделенный врагами, побивает их и отдает князю Владимиру «в золоту казну» все ими награбленное.

Единственное, что сближает оба варианта, это сам образ богатыря-пьяницы, его имя и сцена одевания в кабаке пропившего всю одежду богатыря. Однако и эта сцена в своих деталях отлична от традиционной: князь Владимир не идет сам в кабак, а посылает слуг, платье выдается из кладовых князя, а не из заклада целовальникам, сцены опохмеливания нет.

Нет аналогичного сюжета и у Марфы Семеновны Крюковой, у которой на основе традиционного сюжета о Ваське-пьянице сложены три былины: «Туры, малы детоцьки» (Крюк., II, 74, — развернутое обычное вступление к былине, ср. начало текста Гаврилы Леонтьевича), «Кудреянко, ведь он же царь немило́сливый» (там же, II, 75) и «Костя Новоторженин» (там же, II, 76). С двумя последними былинами вариант Пахоловой несколько перекликается, но лишь в отдельных мотивах (Костя — товарищ и собутыльник Васьки-пьяницы, вражеская сила — царя арабского, Васька убивает сперва отдельно вражеского царя, а затем уж в бою побивает с товарищами всю «силу»), но в целом они не совпадают. Таким образом, происхождение данной былины неизвестно, и можно лишь предположить, что это или одна из незаписанных импровизаций Марфы Крюковой, перенятая ее сестрой, или сложена самой Пахоловой по методу Марфы из разных эпических мотивов.

101. Старина про Сухмана сына Сухматьевича. Запись 28 августа 1938 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 11; Крюк., I, 38.

В собрании А. В. Маркова 1900-х годов сюжет о Сухмане известен только в одном варианте, записанном от А. М. Крюковой. П. С. Пахолова, по ее словам, слышала эту былину не только от матери, но и от деда, Гаврилы Леонтьевича Крюкова. На последнего ссылается как на один из источников знания ею былины и Марфа Крюкова (см.: Мал., стр. 171). Однако Марков определенно говорит, что Сухман принадлежал к тем былинным героям, имен которых Гаврила Крюков «никогда не слыхал» (Марк., стр. 343). Недостоверность сообщений М. С. Крюковой об источниках своих былин хорошо известна: она ссылается на мать, на своих обоих дедов, Василия и Гаврилу, а также и на других сказителей даже тогда, когда сюжет сказки, исторического предания, песни или литературного произведения переложен в былину явно ею самой (см.: ссылки сказительницы на источники в примечаниях в обоих томах «Былины М. С. Крюковой», а также главу V книги «Русский былинный эпос на Севере»). См. также противоречивые ссылки на источник ее былины о Сохматии при первом исполнении в 1937 г.

(Мал., стр. 171) и примерно через месяц при исполнении той же былины Э. Г. Бородиной-Морозовой (Крюк., I, стр. 713). Последняя совершенно правильно отметила близость варианта М. С. Крюковой к тексту ее матери (там же). Марфа Семеновна только усложнила, по своему обыкновению, усвоенную от матери композицию разными подробностями и повторениями, доведя текст в записи Э. Г. Бородиной-Морозовой до 423 стихов (Крюк., I, 38) и в первой — до 536 (текст А. М. Крюковой — 170 стихов). Текст же матери восходит к пудожскому варианту из собрания Рыбникова (т. II, 148), помещенному в книге Оксенова «Народная поэзия» — источнике ряда былин А. М. Крюковой. Таким образом, «Сухман» не входил в исконную традицию Зимней Золотицы и вошел в репертуар М. С. Крюковой и П. С. Пахоловой из репертуара матери. Вряд ли Марков прошел мимо сюжета о Сухмане, если бы он был известен, кроме Аграфены Матвеевны, кому-либо из других сказителей Зимней Золотицы, при его стремлении «записывать в большем количестве вариантов редкие старины» (Марк., стр. 23).

Но П. С. Пахолова ссылается еще на какую-то книгу, в которой она читала былину о Сухане, — «Моя любимая старина была». По ее описанию, это была книга про богатырей, большого формата, толстая (сообщено Э. Г. Бородиной-Морозовой). Была ли это «Народная поэзия» Оксенова, подаренная ей священником Красновским (см. заметку о П. С. Пахоловой), или еще какая-то книга с текстами былин — неизвестно. В варианте Пахоловой имеются отдельные детали, которые отличают его от былины матери и ее книжного источника — пудожского варианта собрания Рыбникова и сближают с записью Гильфердинга (I, 63): на проверку слов Сухмана посылается Илья Муромец, в то время как в записи у Рыбникова и в вариантах А. М. и М С. Крюковых — Добрыня Никитич. Э. Г. Бородина-Морозова сообщает, что во время исполнения П. С. Пахоловой былины между ней и Марфой Семеновной, присутствовавшей при исполнении, разгорелся спор, кого именно послал князь Владимир: «Когда сказительница дошла до строчки „Во-вторых, пошли Добрынюшку Никитича", Марфа Семеновна перебила сестру: „Поди ты, не посылал их двоима". Но Павла Семеновна стояла на своем» (запись Э. Г. Бородиной-Морозовой). Очевидно, участие Ильи Муромца в проверке крепко запомнилось Павле Семеновне и, возможно, было взято ею из какого-то текста, основанного на записи Гильфердинга. Влияние же вариантов матери и старшей сестры сказалось в том, что она к Илье Муромцу присоединяет и Добрыню. Сближает вариант Пахоловой с гильфердинговским и число татар, ранивших Сухмана — два, тогда как у Аграфены Матвеевны — один, в вариантах Марфы Семеновны и у Рыбникова — три.

Своеобразными чертами варианта Павлы Семеновны, отличающими его от всех других, являются: развернутый образ князя Владимира на пиру (стихи 17—29), изящное описание лебедушки (стихи 51—54), исходящее от самого Сухматея предложение о проверке, просьба его не посылать Алешу Поповича. Вариант Пахоловой развернутый, но без словесных излишеств текстов Марфы Семеновны, значительно короче их и довольно стройный. Заключительный мотив варианта матери — наказ коню (Марк., 11, стихи 159—166) у Пахоловой, как и у Марфы Крюковой, отсутствует.

102. Как женился князь Владимир. Запись 4 сентября 1938 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 9, 75, 109; Крюк, I, 44.

Текст представляет первую часть былины «Дунай» (добывание Дунаем невесты для князя Владимира), которой придан завершенный вид. Как отдельная законченная былина передавалась эта часть (только о женитьбе князя Владимира) в семье Крюковых и раньше. См. вариант Аграфены Матвеевны (Марк., 9), с которым у Пахоловой есть перекличка в отдельных мотивах, вплоть до текстуальных совпадений в формулировках, не встречающихся в других золотицких вариантах:

У А. М. Крюковой	У П. С. Пахоловой
В описании пира	
Шьчо на тех ли на купцéй-гостей торговыих, ... На хресьян-то всё на бедныих, на прожи́тосьних. (Стихи 5—7).	Ишше звал он всё купьцей-гостей торговых-то, ... Ишше звал-то он прожитосьних хресьян-то всё, И он же звал же черного пахоря — землю пахал. (Стихи 6, 9—10).
В описании красоты невесты	
Шьчобы лицико — порошки снежку белого. (Стих 35).	А и у ей личико было да как порошка снежку белого. (Стих 58).

В бранном отзыве короля Лихоминского о князе Владимире

Опекат-то он всё куци всё назёмныя.
(Стих 138).

Как пекёт у вас красно солнышко на кучах на навозных-то.
(Стих 294).

Впрочем, все отмеченные выражения Павла Семеновна могла перенять не непосредственно от матери, а от старшей сестры, которая их сохранила (Крюк., I, 44, стихи 6—7, 356, 595—596). По общей же композиции текст П. С. Пахоловой отходит от варианта матери, который несколько отступает от традиционного для зимнезолотицких вариантов построения сюжета (возможно, что на этот раз Аграфена Матвеевна правильно указала свой источник — былину матери, т. е. традицию Терского берега). Текст же Пахоловой сохраняет традиционную для Зимней Золотицы структуру былины: на подходящую невесту для князя указывает Добрыня, ссылаясь на Дуная, Дунай же оказывается заключенным несправедливо в темницу; главный мотив отказа короля выдать дочь за князя Владимира тот, что она помолвлена с Идолищем, и прежде чем увезти Апраксию Дунай бьется с Идолищем и убивает его. Так построен и вариант Гаврилы Леонтьевича Крюкова (Марк., 75), от которого, по словам Павлы Семеновны, она и усвоила данную былину.

Но у Гаврилы Крюкова есть и вторая часть, которую Пахолова не сохранила. Она сама сказала, исполнив былину, что «не порато» ее помнит, и что дед «может и более пропевал». На то, что источником была полная, из двух частей былина, указывает и сохраненное при упоминании Добрыней о старшей дочери короля «Настасьи-королевисьни» указание: «А та Дунаю сыну-та [Ивановичу] слега, Она ему слега да ему будёт да молода жена».

Позабыто Пахоловой также, что Дунай едет сватать Апраксию с Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем (в некоторых залотицких вариантах и с Ильей Муромцем), — в тексте П. С. Пахоловой Дунай едет один.

103. Пир у князя Владимира. Запись в сентябре 1940 г.

О происхождении этой записи Э. Г Бородина-Морозова рассказывает в статье «Сказительница Павла Пахолова» («Север», литературно-художественный альманах Архангельского отделения Союза советских писателей, № 13, Архангельск, 1952, стр. 176—177). Как-то Марфа Семеновна Крюкова, возражая против объединения сестрой нескольких былин в одно целое (см. «Женитьба Добрыни», текст № 98), сослалась на свой опыт, наоборот, раздробления большой сложной былины на отдельные части. В 1940 г., когда был исчерпан весь репертуар Павлы Семеновны, Марфа Семеновна посоветовала сестре переложить в былину какую-нибудь «гисторию». И тогда Павла Семеновна, быть может припомнив слова старшей сестры о возможности развертывать отдельные эпизоды в самостоятельные произведения, спела описание богатырского пира и сказала, что это старина про то, «как у князя Владимира заводился почесен пир». «Боле не могу вспомнить, — сказала Павла Семеновна, — ету пропевала старину мама моя покоенка. У мамы часть старин небольши были. Старина старине не парны». «Таким образом, Павла Семеновна соблюла необходимый этикет, сказав, что и до нее пропевали эту былину в Золотице и притом в ее родном дому». На самом же деле это попытка Павлы Семеновны сложить по примеру старшей сестры былину из готовых деталей. Близкого к данному тексту описания пира в записи от Аграфены Матвеевны нет, все ее сцены пира более кратки, но описание Павлы Семеновны перекликается с текстами Марфы Крюковой, в которых постоянно изображается, как на пиру играют в струночки золоченые и пропевают про богатырские подвиги.

Слово «былина» Павла Семеновна, как и ее сестра Марфа, по словам Э. Г. Бородиной-Морозовой, употребляла в разговоре редко и всегда с ударением на последнем слоге (**былинá**).

104. Говорил-то дядюшка племянничку [Иван Годинович]. Запись 8 сентября 1938 г. Варианты Зимнего берега: Марк., 14, 78; Крюк., I, 51, 52.

В 1900-е годы А. В. Марковым были записаны на Зимнем берегу всего два варианта: от А. М. Крюковой (Марк., 14) и от Гаврилы Крюкова (Марк., 78). Оба являются совершенно разными обработками сюжета. Вариант Г. Л. Крюкова традиционен: невесту себе намечает сам Иван Годинович; она (названная в этом варианте Овдотьей), хотя и соглашается как будто с радостью идти замуж за Ивана, но эта готовность явно притворная, так как в дальнейшем во время боя Ивана со старым ее женихом, Вахрамеищем, помогает последнему; стреляя в прилетевших к шатру голубей, Вахрамеище поражает сам себя; Овдотья, боясь возмездия, делает безуспешную попытку убить Ивана и сама подвергается жестокой расправе. Ироническим замечанием Алеши Поповича о неудачной женитьбе Ивана заканчивается былина. Вариант Аграфены Крюковой относится

к особой версии, явно более поздней, возникшей в процессе забывания исконного смысла сюжета. Во второй версии старый жених погибает уже во время боя, причем его бывшая невеста — Настасья — способствует гибели, оказывая помощь Ивану Годиновичу, и повествование заканчивается свадьбой. Версия эта представлена всего несколькими текстами: вариант Аграфены Матвеевны, который она вела с Терского берега (Марк., стр. 96), другой терский вариант (Марк.-Богосл., II, стр. 76) и единственный пинежский (Григ., I, 170).

К этой версии примыкает и текст П. С. Пахоловой, а также один из двух вариантов былины, записанных от М. С. Крюковой (Крюк., I, 52); другой (там же, 51) — передает сюжет, хотя и развернутый побочными эпизодами и деталями, но по традиционной схеме.

Былина Пахоловой, усвоенная, по ее словам, от матери, очень близка к материнскому варианту не только по общей композиции и построению отдельных эпизодов, но в ряде мест и по словесной ткани. Но она более пространна, причем в отдельных деталях, отсутствующих у матери, перекликается с вариантом старшей сестры, от которой, очевидно, и заимствованы эти детали (ср., например, мотивировку героя, почему он не женится, перенесенную из былины о трех поездках Ильи, — стихи 6—7 настоящего варианта и 14—15 варианта Марфы Крюковой; упоминание рядом с королем его жены, «королевы, пожилой жены»; насмешку короля над князем Владимиром, перенесенную из «Дуная»; обстановку горницы невесты — ковер, заморское зеркало, и т. д.) и развязка: наказание, которому подвергает свою невесту герой, — наполнить большое вместилище слезами, и заступничество за нее князя Владимира. У Аграфены Крюковой этого эпизода нет. Одинаковы у сестер и заглавия.

105. Про Дюка Степановича. Запись 25—29 сентября 1940 г. Варианты Зимнего берега: Марк., 15, 101, 113; Марк.-Богосл., I, стр. 88; Крюк., I, 53, 54.

Текст представляет типичную для Зимней Золотицы обработку сюжета: конфликт — в споре Дюка о своем богатстве только с князем Владимиром; столкновение и состязание с Чурилой совершенно отсутствуют (из четырех записанных в 1900-е годы золотицких вариантов только в одном, от А. М. Крюковой, имеется состязание с Чурилой, и то оно отнесено в самый конец и передано очень кратко; Марк., 15, стихи 284—316); текст начинается с пышного описания «подворьица» матери Дюка, которое затем повторяется, в данном варианте — в сопоставлении Дюком Киева с Индией, когда он проходит по киевской улице, и на пиру у князя Владимира, в других золотицких вариантах — в похвальбе Дюка в Киеве либо в словах матери, когда к ней приезжают оценщики.

П. С. Пахолова ссылается, как на источник своего знания данного сюжета, на исполнение былины дедом, Василием Леонтьевичем Крюковым, от которого она слышала ее, когда была «маленька» и потому «худо помнит», и от которого, по ее словам и словам сестры Марфы, переняла и последняя (Крюк., I, примечание к № 53). Действительно, в вариантах обеих сестер имеются детали, только им свойственные (имя матери Елена Костентиновна, золоченые и серебряные берега реки на родине Дюка — у Пахоловой и две струйки, золоченая и серебряная, этой реки — в былине Марфы Семеновны; Крюк., I, 53). Но есть у Пахоловой и эпизоды, чуждые золотицкой традиции и встречающиеся только в прионежской (эпизод трех застав и отвод, который Дюк дает Алеше Поповичу как оценщику). Очевидно, П. С. Пахоловой приходилось слышать или читать былину в прионежской обработке. Вероятно, и здесь источником была книга Оксенова «Народная поэзия», в которой сюжет о Дюке помещен в сводном тексте, основанном на вариантах заонежских сказителей А. Е. Чукова и И. А. Касьянова (Гильф., II, 152 и 159).

106. Про Хотеюшка Блудовича. Запись 30 августа 1938 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 20; Крюк., I, 59.

Текст Пахоловой является четвертым вариантом былины о Хотене, записанном в Зимней Золотице (кроме указанных выше, см. еще вторую запись 1937 г. от Марфы Семеновны Крюковой; Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 90). Он, как и варианты М. С. Крюковой, восходит к тексту матери, и это подтверждает и сама исполнительница: «Эта старина матушкина Аграфены Матвеевны. Она всё пряла да вязала да всё пела. От ей слыхала».

Текст сохраняет в основном композицию материнского текста, являющегося одной из наиболее ярких и интересных обработок сюжета, и ряд его своеобразных мотивов: мотив социального неравенства — насмешки Часовой жены над бедностью Хотея, ухаживание Хотея за оскорбленной на пиру матерью, связывание сыновей Часовой жены бычьими ремнями, обращение Часовой жены за защитой к князю Владимиру, его совет помириться и отдать дочь за Хотея. Вместе с тем Пахолова выпускает отдельные детали (например, упоминание о свадебном пире) и вносит новые: включены в конце

повествования насмешки над Хотеем самой девушки (возможно, перенято от старшей сестры, которая вставила этот эпизод под влиянием баллады о Домне, — в тексте матери девушка только выражает негодование, что Хотей посмел посвататься); Хотей, захватив в плен сыновей Часовой жены, не привязывает их к дереву, а ведет их связанными по Киеву, мимо окон Часовой жены (этим усилен оскорбительный характер мести Хотея). За исключением несколько растянутой сцены в доме Часовой жены по ее возвращении с пира (стихи 110—174), текст Пахоловой отмечен чертами хорошего эпического стиля.

107. Глеб да сын Володьевич. Запись 28 августа 1939 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 50, 80; Крюк., II, 79.

В 1900-е годы на Зимнем берегу записаны были два варианта от Аграфены Матвеевны Крюковой (Марк., 50) и от Гаврилы Леонтьевича Крюкова (Марк., 80). По содержанию и построению они близки друг к другу, отличаются отдельными деталями: в тексте № 50 Глеб — из Новгорода, а не из Москвы, Корсунь заменена Арапской землей, упоминается Илья Муромец в качестве дружка Маринки (ср. в ее же былине о бое Ильи с сыном — Марк., 4 — мать сына носит то же имя), из пяти загадок четыре не совпадают.

По словам исполнительницы, она усвоила былину от Гаврилы Леонтьевича. Действительно, ее вариант более близок к № 80, но все четыре загадки повторяют загадки материнского варианта (в противоположность Марфе Крюковой — Крюк., II, 79, — у которой загадки те же, что у Гаврилы Леонтьевича).

Конец былины у Пахоловой тоже такой, как у матери, — изображение расправы Глеба Володьевича с жителями Консыря (у Гаврилы Крюкова былина заканчивается казнью Маринки). Любопытно, что М. С. Крюкова тоже помнила о расправе, но сознательно изменила конец: жители Консыря просят не губить их, и Глеб прекращает начатое избиение, размыслив: «Не виноваты ведь и как же жители во Консыри».

108. Петровичи-Сбродовичи. Запись 27 сентября 1940 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 7, 93; Крюк., I, 33.

Текст представляет характерную для Зимней Золотицы обработку сюжета с включением мотива неверности жен братьев Петровичей и с участием Ильи Муромца в спасении девушки. По словам исполнительницы, она слыхала эту былину от матери и деда Гаврилы Леонтьевича Крюкова (записи от него нет).

Текст близок к варианту матери (Марк., 7), но отличается от него, а также от вариантов дочери (П. В. Негадовой, см. настоящее издание, 124) и сестры (М. С. Крюковой) некоторыми своеобразными деталями, которых нет и в варианте Ф. Т. Пономарева из Верхней Зимней Золотицы (Марк., 93) и которые с самого начала и затем в продолжение всего повествования сосредоточивают внимание на образе Алеши Поповича: в начале былин он изображен ездящим в чистом поле; проезжая мимо подворья князя Владимира, он решает «приворотить» к нему на пир; подробно рассказывается о приходе Алеши; он садится возле Ильи Муромца; выступление его против Петровичей мотивируется хмельным состоянием (стих 142); о неверности жен Петровичей говорит тоже Алеша (в других вариантах — Илья Муромец или сама сестра Петровичей). Изменено также имя девушки (Святослава, вместо обычного Настасья или Елена).

109. Про царицу Соломаниху. Запись 10 сентября 1939 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 23, 83; Тих.-Милл., II, 67; Крюк., II, 81.

Из трех записанных на Зимнем берегу в конце XIX в. вариантов нет ни одного, который можно было бы считать ближайшим источником данного текста, но построение сюжета в основном то же, и имеется перекличка с каждым из названных вариантов в различных эпизодах, в то же время есть и некоторые характерные отличия. С записями Маркова сближает данный вариант отсутствие эпизода опаивания Соломанихи «забудущим напитком»; в записи 1870-х годов Вл. Розанова (Тих.-Милл., 67) этот традиционный эпизод, в особенности характерный для прионежских вариантов, имеется. Одинаковы и имена героев (в записи Розанова — другие). Но отдельные детали других эпизодов как раз роднят текст Пахоловой с вариантом 1870-х годов (ср. слова Соломанихи и Ивана Микульевича об уме Соломана со стихами 250—254 записи Розанова, обращение в обоих вариантах Соломана перед казнью к собравшимся, чтобы они шли по домам, так как его смерть будет страшной, прозаическое добавление — с концовкой записи Розанова). Имеются и словесные совпадения (см., например, своеобразное выражение Соломанихи: «Отойдет он (Соломан, — *Ред.*) хитростью и мудростью»). Однако, эти черты имеются и в тексте старшей сестры (Крюк., II, 81) и скорее всего были переняты от нее, так же как и более подробное, чем в других ранних вариантах, развертывание отдельных эпизодов (см. столкновение Васьки Торокашки с караульщиками у царских палат, сцену в палатах и др.).

По сообщению исполнительницы, она переняла былину от деда Василия Леонтьевича Крюкова.

110. Козарушка Петровиць. Запись в августе 1939 г.

Варианты Зимнего Берега: Марк., 16, 17, 102, 110; Крюк., I, 61.

Характерная для беломорской группы вариантов (Зимний и Терский берега) обработка сюжета — с выделением на первый план темы семейных отношений, заслоняющей в этих вариантах тему освобождения сестры из татарского плена (такой характер носят и некоторые печорские, мезенские и нижнепинежские варианты). Эпизод освобождения становится здесь лишь одним из звеньев в развитии темы отношений к Казарину его родителей: в большинстве вариантов (Марк., 16, 17, 102 и др.) спасение Казарином их любимой дочери разрешает конфликт, заставляет родителей принять Казарина как сына в свой дом; в данном варианте «счастливое» разрешение конфликта имеет несколько половинчатый характер: князь Петр Коромыслов лишь разрешает дочери поделиться с братом своим наследством. Соответственно общей направленности былин указанной группы в них отпал мотив неузнавания братом сестры и связанного с ним предложения любовной связи или брака; это видим и в тексте Пахоловой. В передаче эпизода освобождения этот текст близко к одному из вариантов, записанных от А. М. Крюковой (Марк., 17), но в других частях былины имеются значительные расхождения: у Аграфены Крюковой герой не Козарин, а Михайло, у него 9 братьев, которые его ненавидят и хотят погубить, сестра сама потихоньку от родителей растит брата. Весь текст Крюковой значительно более краток (180 стихов).

Сама Пахолова вела свой текст от деда, Василия Леонтьевича, вспоминая при исполнении, что он пел эту былину во время поездок на карбасе на пожню. На него же ссылается и Марфа Крюкова (Крюк., I, стр. 717), с былиной которой (там же, 61) вариант Пахоловой имеет тоже ряд сближений.

На тексте Пахоловой сказалось также, по-видимому, и воздействие исполнительского метода старшей сестры — в чрезмерной детализации отдельных эпизодов, в излишних словесных повторениях и во фразеологии («Обучайсе ты поездкам всё да рыцарьским» и т. п.).

111. Про Домнушку Фалилеевну. Запись 28 августа 1938 г.

Варианты Зимнего Берега: Марк., 33; Крюк., II, 71; Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 90, папка 5, № 9.

Текст Пахоловой, как и вариант матери (Марк., 33) и старшей сестры (Крюк., II, 71), передает сюжет в более поздней версии, с самоубийством Домны, заменившим ее убийство (или избиение) Дмитрием, которое имеется в исконной версии (о версиях см.: Д. М. Балашов. Князь Дмитрий и его невеста Домна. К вопросу о происхождении и жанровом своеобразии баллады. Сб. «Русский фольклор», т. IV).

От материнского варианта текст Пахоловой отличается довольно значительно. По-разному построена вступительная часть. У Пахоловой это развернутый рассказ о сватовстве через послов, у А. М. Крюковой — традиционный эпизод высмеивания Домной Дмитрия из окошка, когда он идет в церковь (у Пахоловой насмешки Домны над наружностью Дмитрия перенесены в ответ сватам). Иной и конец — А. М. Крюкова к смерти Домны присоединяет еще самоубийство самого Дмитрия. Некоторые эпизоды у Пахоловой более развернуты (см. изображение того, как Домна снаряжается, как ее встречают у Дмитрия). Некоторое влияние на вариант Пахоловой оказала, очевидно, обработка сюжета Марфой Крюковой (ср. тот же эпизод одевания и прихорашивания Домны перед тем, как идти к сестре Дмитрия, имя матери Домны) но все же Пахолова в целом остается в пределах традиции, в то время как Марфа Семеновна вносит много новых и чуждых традиции данного сюжета подробностей, невероятно усложняя и удлиняя повествование (412 стихов).

В 1945 г. Э. Г. Бородиной-Морозовой вторично записан от П. С. Пахоловой текст той же баллады. Развитие сюжета в основном то же, выпущен лишь эпизод обращения сватов первоначально к матери Домны, а в конце прибавлено, что князь Митрей «сам да смерть принял». Словесно текст несколько отличается от публикуемого и короче его на 35 стихов.

112. Князь Михайло. Запись 13 августа 1939 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 31; Крюк, II., 83, 84; Советский фольклор, № 2—3. М.—Л., 1936, стр. 142—151.

Текст восходит к варианту матери исполнительницы, но более развернут деталями и повторениями. (Текст матери короче на 114 стихов). Так, об убийстве княгини свекровью князь Михайло узнает два раза — от отцов-попов духовных и от нянюшек-мамушек (в варианте матери — один раз, от рыболовов). У А. М. Крюковой нет и отсылки князя Михайла матерью «ко суседу на беседу» (у ней всего две, а не три отсылки — в горницы и в церковь).

В варианте Пахоловой имеются нетрадиционные детали: отъезд князя Михайла не на «грозну службу», а на собрание всех царей и королей, посвященное «годовым учетам» (явно заимствовано у Марфы Крюковой, см.: Крюк., II, стр. 255—256; Советский фольклор, № 2—3, стр. 143—144); иная дорожная примета несчастья — сломанная оглобля (по общерусской традиции князь уезжает не в экипаже, а верхом, приметы — спотыкается конь и слетает пуховая шляпа); переодеванье князя в домашнее платье прежде чем идти искать княгиню — упоминание о скидывании богатырской одежды встречается и у Марфы Крюковой (Крюк., II, стр. 265), но в ином виде и с определенной художественной целью: князь Михайло как раз не скидывает платье, не переодевается, так как спешит отыскать жену.

113. Жил князь девяноста лет [Князь, княгиня, старицы]. Запись 1 сентября 1939 г.
Варианты Зимнего берега: Марк., 30, 115; Крюк., II, 89.

Сюжетная схема текста традиционна (данная былина-баллада вообще отличается устойчивым содержанием и композицией, см. об этом: Аст., II, стр. 768), но в передаче встречаются необычные детали: действие приурочивается к Киеву (в некоторых вариантах Киев упоминается лишь как место, куда уезжает князь, см.: настоящее издание, 140; Крюк., II, 89); князь уезжает в неверную страну сбирать дани-пошлины (обычно про цель поездки говорится неопределенно, что он спустя три года после женитьбы «гулять пошел»); перед отъездом дает княгине наказ, как ей вести себя в его отсутствие (такой наказ, еще более развернутый, наблюдаем только в варианте старшей сестры).

Конец изложен у Пахоловой более развернуто, чем в ранних записях из Зимней Золотицы: в варианте Аграфены Крюковой (Марк., 30) третья старица, прося князя пощадить ее, лишь обещает оживить княгиню, в тексте Маркова (№ 115) не указано, при помощи чего старица оживляет княгиню. Главная же необычная подробность, дающая новое освещение эпизоду оклеветывания, это отказ княгини старицам в их просьбе пустить их ночевать. Этот отказ мотивирует злобное отношение к княгине стариц (обычно же оно не объяснимо), которые тут же, явно с злым умыслом, дают ей совет встречать князя раздетой (в одном из ранних золотицких вариантов — Марк., 115, — княгиня сама говорит старицам, что если бы князь приехал ночью, она от радости выбежала бы встречать его не одевшись, и старицы используют это в своих злых целях).

По словам исполнительницы, она переняла былину от своей тетки Ирины.

114. Моряночка. Запись 19 августа 1939.
Варианты Зимнего берега: Марк., 27, 114; Крюк., II, 86, 87.

Текст восходит к варианту Аграфены Матвеевны Крюковой (Марк., 27). Отличается от него несколько большей детализацией в середине повествования (ср. описание отдыха в поле и начало плача захваченной в плен морянки) и отсутствием в конце решения братьев-разбойников бросить свои разбойные дела. Этот конец имеется и в другом варианте записи 1900-х годов из Верхней Золотицы (Марк., 114).

В тексте сохранена характерная для зимнезолотицких вариантов подробность: морянка со своим мужем и сыном едут домой не в лодке (как в олонецких и некоторых других вариантах), что соответствует наименованию мужа морянином и указанию, что вдова выдала свою дочь замуж в какое-то место за морем, а на лошадях. «Золоченую карету» (у Аграфены Матвеевны не упоминается) П. С. Пахолова, вероятно, позаимствовала у старшей сестры (см.: Крюк., II, 86 и 87), в последнем варианте имеется и мотивировка, почему они поехали не на корабле (стр. 295—296).

115. Про петуха и лисицу. Запись 20 октября 1940 г.

Текст представляет собой оформленную в былинный стих известную народную сказку о лисе-исповеднице, возникшую на основе сатирической повести XVII в. о куре и лисице (см. тексты повести в кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954; там же, на стр. 209—210 и в сб. А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», т. I. «Academia», 1936, стр. 520—522 — списки сказочных вариантов).

Как в большинстве сказок, в данном тексте уже нет обличения формального благочестия и лицемерия, в центре — установившийся в сказочном эпосе о животных образ хитрой хищницы лисы и одурачивание ее петухом (обычное сказочное разрешение столкновения между животными более сильным и более слабым).

Текст Пахоловой — второй зафиксированный записью случай попытки переоформления в былину данного сказочного сюжета (см.: Гильф., I, 29). Но олонецкий вариант отражает в языке влияние повести (имеются сказки, которые сохранили связь с языком повести) и имеет иную развязку: одураченная петухом в первый раз лисица подманивает его снова и на этот раз съедает его (такую развязку знают и некоторые сказки).

По словам исполнительницы, она усвоила былину от своего отца, Семена Васильевича Крюкова. На него же ссылался племянник П. С. Пахоловой, Ив. Ив. Крюков, от которого в 1948 г. Э. Г. Бородина-Морозова записала данный сюжет в виде сказки.

116. Марута Богуслаевна. Запись 20 октября 1940 г.

Варианты Зимнего берега: Крюк., II, 115; Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 90, папка 1, № 21.

Основой песни является украинская дума о Марусе Богуславке (см.: В. Антонович и М. Драгоманов. Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874. стр. 239—240).

Сюжет в былинной обработке известен только в записях от М. С. Крюковой и от П. С. Пахоловой. Последняя ссылается как на источник былины на исполнение матери, Марфа же Семеновна при каждой записи указывала самые различные источники (см.: Русский былинный эпос на Севере, стр. 262—263). Вероятнее же всего, как уже было отмечено (ук. соч., стр. 259, 262), это сочинение самой Марфы Крюковой; которая, по свойственной ей тенденции распевать в форме былины сказки, повести, исторические песни и баллады, развернула в целую повесть и несложный сюжет об освобождении Марусей Богуслаевной, наложницей турецкого вельможи, пленников из неволи. В повествование включены описание жизни Маруты в родном доме, осада города турецкой армией, встреча с Марутой турецкого царевича, его требование под угрозой разорения выдать ему Маруту, отъезд Маруты в Турцию ради спасения родины, жизнь Маруты в Турции, освобождение ею пленников. В наиболее развернутом варианте 1937 г., кроме детализации всех указанных частей, прибавлен еще конечный эпизод посещения Марутой могилы матери.

Пахолова, несомненно, переняла былину от сестры, о чем свидетельствует характерный для Марфы Крюковой стиль всего повествования. Но в пересказе Пахоловой выпало самое существенное звено повествования — освобождение пленников. Рассказ завершается приездом Маруты в Турцию и пиром по случаю ее приезда. Все предшествующие эпизоды непомерно растянуты, многословны. От известных нам вариантов Марфы Семеновны текст отличается также включением не имеющего никакого отношения к сюжету эпизода обучения турецкого царевича воинской науке на Милитрисских островах (первые 109 стихов). Однако все это место настолько в стиле Марфы Семеновны, что, очевидно, оно или восходит к одному из ее вариантов данной былины, нам неизвестных, или заимствовано из других ее былин: обучение разных богатырей воинскому искусству на «Милитрийских славных островах» неоднократно встречается у Марфы Крюковой (Крюк., I, 39, 40, 57, стр. 391, 400, 641—642; Крюк., II, 92, стр. 348) — там получают «рыцарское образованьице» Волх Святославич, Чурила, Ждан-царевич. Так же непомерно растянуты эпизоды встречи и сватовства.

Вообще если Марфе Крюковой в более сжатом варианте записи 1938 г. (Крюк., II, 115) удалось все же изобразить историю Маруты как патриотический подвиг, то у Пахоловой вся эта история превратилась в плохо слаженное и скучное повествование о том, как некий турецкий царевич женился на русской девушке.

117—120. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой в августе 1948 г. от Серафимы Семеновны Крюковой, 58 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

117. Поездка Ильи Муромца. Запись 30 августа 1948 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 94.

Как и вариант Павлы Семеновны Пахоловой, текст является оформлением в самостоятельную былину второго из эпизодов былины «Три поездки Ильи Муромца». При этом, так же как и у Пахоловой, сохраняется указание на три дороги при ростани с той только разницей, что эта надпись не на столбиках, а на камне (как и у Марфы Семеновны, у матери — на дубовом столбе).

Текст Серафимы Крюковой и в ее стихотворной части, и в прозаическом пересказе примыкает по основным мотивам и композиции к соответствующей части вариантов матери и старшей сестры Марфы. От последней Серафима Крюкова заимствовала придуманное, очевидно, самой Марфой Семеновной объяснение уединенной жизни коварной красавицы уходом ее от преследований злой мачехи. От сестры Марфы Серафима Семеновна усвоила и самый стиль эпического сказа: нагнетение деталей и подчас утомительное многословие (см. размышления Ильи Муромца у камня с надписью и описание поездки), а также отдельные излюбленные Марфой Крюковой выражения: приметочка «очунь чудная, очунь дивная», «как пеньицо-кореньицо ломается», «мудрые люди», наименование коня Ильи «Белеюшком» — последнее, впрочем, принадлежит вообще традиции семьи Крюковых, см. былины А. М. Крюковой и Г. Л. Крюкова (Марк., стр. 217, 353—355).

118. [Домна Фалилеевна]. Запись в августе 1948 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 111.

Вариант без начальной части. Только сообщив его, исполнительница вспомнила о насмешках Домны над Митреем Митреяновичем. Конец досказан прозой. Сюжет явно перенят от старшей сестры, Марфы Семеновны, ср.: Крюк., II, стр. 137, — изображение того, как снаряжается Домна; упоминание там же о «животворящем» кресте сна матери; стр. 139 — изображение пира и роли князя Владимира и княгини Апраксеньи, стр. 141 — самоубийство Митрея и похороны его с Домной в одном гробу.

119. [Князь Михайло]. Запись 26 августа 1948 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 112.

Текст Серафимы Крюковой восходит к варианту матери исполнительниц, А. М. Крюковой (Марк., 31), следуя в точности его композиции, но передает все эпизоды более кратко. Внесен новый мотив, отсутствующий в материнском варианте, а также в другой записи 1900-х годов в д. Верхняя Зимняя Золотица (Марк., 119): жена князя Михайлы просится с ним в дорогу. Этот мотив имеется в двух вариантах, записанных от Марфы Крюковой: в 1934 г. (Советский фольклор, № 2—3, М.—Л., 1936, стр. 142) и в 1938 г. (Крюк., II, стр. 256), и, вероятно, ею включен в порядке характерного для нее усиления психологических моментов. В третьем варианте от Марфы Семеновны, наиболее близком к материнскому тексту (Крюк., II, 83), этого мотива нет.

Вступительная часть (стихотворная) была начата Марфой Семеновной и спета сестрами вместе. После 37 стиха Марфа Семеновна замолчала и Серафима Семеновна перешла на рассказ.

120. Моряночка. Запись 29 августа 1948 г.

Варианты Зимнего берега см в комментарии к тексту № 114.

Текст исполнительница знала нетвердо и это сама подчеркнула: «Я етой старины настояшшо не знай. У меня за шутосьнё идет». Начало пела вместе с Марфой Семеновной, но когда последняя замолчала, Серафима Семеновна вскоре перешла на рассказ, в течение которого старшая сестра уличила ее в ошибке: когда Серафима Семеновна рассказала, как разбойники стали «дел делить» и старший брат обещал ее кормить «кобылятиной», Марфа Семеновна перебила сестру: «Поди ты — кобылятина ета поется у Козарушки у Петровиця да „Как над рекой над Дарией" да у Олешеньки Поповиця (т. е. в былине о Казарине, в песне о татарском полоне и в былине об освобождении Алешей Поповичем сестры из татарского плена, — *Ред.*), а здесь никака кобылятина не поется».

В передаче отдельных эпизодов видно воздействие вариантов старшей сестры: упоминание о том, как братья брали маленькую сестру на руки; указание на то, что младшего брата увели старшие в разбой обманом; попытку морянки разбудить мужа, когда он слышит топот коней; захоронение разбойниками убитых ими зятя и племянника и надпись об их гибели на могиле; прощение матерью младшего сына; уход остальных на богомолье (ср. с обоими вариантами Марфы Семеновны: Крюк., II, 86 и 87).

121—125. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой 13—14 сентября 1938 г. от Пелагеи Васильевны Негадовой, 34 л., Архангельск.

121. Про Илью Муромца. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 92.

Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов — об исцелении Ильи Муромца и о победе его над Соловьем-разбойником. Оба сюжета полузабыты, что подтверждается и ремарками самой исполнительницы. В особенности разрушен 2-й сюжет, в передаче которого исчезли все характерные и широко известные детали (гнездо Соловья на дубах, его устрашающий свист, от которого спотыкается конь Ильи, Илья в подворье Соловья и другие), и позабыто даже имя самого врага. Сама исполнительница, сказав былину, заметила: «...уже очень нескладно у меня вышло».

Но как и в других былинах, сообщенных П. В. Негадовой, содержание передано, хотя и обедненно и почти конспективно, но в логической последовательности эпизодов. Исполнительнице удалось также удержать свое изложение в рамках эпического стихотворного склада.

По словам П. В. Негадовой, она слышала былину от бабушки, Аграфены Матвеевны, и действительно, некоторые детали первой части несомненно восходят к ее тексту, записанному в 1899 г. (Марк., 42). Ср. самое начало, наименование работы, на которую ушел отец Ильи, «тяжелой работушкой (стихи 21—22 у Крюковой и 25 у Негадовой), одинаковое выхаживание жеребенка путем выкатывания его в росах Иванской, Ильинской и Петровской (стихи 35—39 у Негадовой, 135—140,

222—225 и 253—256 у Крюковой), указание на цвет коня (серый жеребенок у Крюковой, Сереюшко у Негадовой). Но у А. М. Крюковой сюжет об исцелении не объединяется с сюжетом о Соловье-разбойнике, который входит в состав «трех поездок Ильи Муромца» (Марк., 1). Такое объединение, однако, настолько традиционно, что Негадова могла заимствовать его от какого-либо другого сказителя, из книги, из лубка, а может быть, и от самой А. М. Крюковой, композиционные вариации которой, при ее большой склонности к импровизации, не были, конечно, исчерпаны записями Маркова.

122. Про Добрынюшку Никитича. Варианты Зимнего берега: Марк., 6, 62 (к.), 112; Крюк., I, 28.

Как и все былины П. В. Негадовой, эта отмечена некоторой лаконичностью в передаче отдельных эпизодов при сохранении традиционной композиции сюжета. Сама Негадова ведет свой вариант от былины А. М. Крюковой (Марк., 6): «Это от бабушки ише всё. Ейная память». Однако ряд характерных деталей варианта Аграфены Матвеевны не вошел в былину Негадовой. Так, в ней нет ложного сообщения князя Владимира, что будто бы он сам разведал о гибели Добрыни и даже лично предал его тело сырой земле, — это перекладывает вину в обмане с Алеши Поповича на князя Владимира (у Негадовой обманную весть привозит Алеша, и лишь по его просьбе князь Владимир отправляется к матери и жене Добрыни сватом). Нет и роли в последней сцене Ильи Муромца, удерживающего Добрыню от убийства крестового брата — эпизод, воспринятый Марфой Крюковой и сохраненный в обоих ее вариантах (Марк., 62; Крюк., 1, 28), у Негадовой Добрыня рубит Алеше голову за ложную весть, привезенную его матери, что является необычной развязкой в данном сюжете. Различны и мотивировки запрета выходить замуж за Алешу Поповича (у А. М. Крюковой оба богатыря положили заповедь не делать друг другу зла, у Негадовой — более традиционная мотивировка: Алеша «бабий просмешшичек»). Своеобразно и необычно у Негадовой поручение, возлагаемое на Добрыню князем Владимиром (съездить в Литву и отрубить голову поганому Идолищу).

Все эти отступления от текста А. М. Крюковой имеются и в соответствующей части сводной былины матери П. В. Негадовой (настоящий сборник, 98, и комментарий к тексту).

123. Про Дюка сына Степановича. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 105.

Типичная для Зимней Золотицы обработка сюжета. Подобно другим былинам П. В. Негадовой, и данный вариант, развивая основные мотивы, сильно сокращает повествование и приводит к обеднению былины. В данном тексте это сказывается особенно сильно: состязание с Чурилой совершенно исключено, нет сцены пира, а сопоставление Киева с Индией Дюк делает уже в церкви и касается только чистоты Киева и качества калачиков, эпизод проверки рассказа Дюка не развернут, дан схематично, в пяти стихах (86—90). Но своеобразный конец — женитьба Дюка на племяннице князя Забаве Путятичне — в других золотицких текстах, даже у Марфы Семеновны, не встречается. Нет этого эпизода и в материнском варианте.

Сама исполнительница ведет свою былину от трех сказительниц семьи Крюковых: «Тёта Марфа пропевала, только она длинно очень, часть от ней пошло, часть от бабушки (Аграфены Матвеевны, — *Ред.*), а часть от мамы (Павлы Семеновны, — *Ред.*). Мама тоже пропевала».

124. Братьица Сбродович. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 108.

Текст передает сюжет в традиционной обработке золотицких вариантов, включающих мотив неверности жен (Марк., 7, 93; Крюк., I, 33; настоящий сборник, 108). По словам исполнительницы, она усвоила былину от своей тетки, Марфы Семеновны Крюковой, вариант же последней восходит к материнскому тексту (Марк., 7). Как и в обоих крюковских текстах, в данном выделена активная роль Ильи Муромца, участвующего в спасении девушки. Но текст П. В. Негадовой значительно короче (у Аграфены Матвеевны — 219 стихов, у Марфы Семеновны — 425), в строгом эпическом стиле, очень стройный.

125. Князь Михайло. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 112.

Текст по общей композиции и содержанию отдельных эпизодов близок к варианту Аграфены Матвеевны Крюковой (Марк., 31), к которому и возводит свою былину сама Негадова. Но текст Негадовой короче (на 50 стихов), отсутствуют некоторые детали: надпись матери о совершенном преступлении на колоде с телом снохи (мотив нетрадиционный и, очевидно, внесенный Аграфеной Матвеевной импровизационно во

время исполнения Маркову); совет «отцов духовных» в церкви, где ищет свою жену князь Михайло, спросить о ней рыболовов (у Негадовой князь прямо после церкви идет к рыболовам, непонятно, почему); захоронение колоды с телами погубленных княгини и младенца; укор сына матери (сохранен в варианте С. С. Крюковой, № 119). Опущено также упоминание о дорожных приметах несчастья (конь споткнулся, пухова шляпа свалилась), входящее в общерусскую традицию данного сюжета.

126—132. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой в августе 1939 г. от Анны Васильевны Стрелковой, 73 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

126. [Исцеление Ильи Муромца]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 92.

Содержание текста ограничено только самим эпизодом исцеления, которому придана завершенность (отсутствуют обычные в сюжете помощь Ильи Муромца в крестьянской работе родителям — о них вообще не упоминается, добывание богатырского коня).

По словам А. В. Стрелковой, она слышала былину от мужа, Филарета Ефимовича Стрелкова, который «из книжек их (былины, — *Ред.*) читал».

Мотив — Илья Муромец лежал во гноищи — известен был и другим сказителям Зимней Золотицы (Марк., 91, — изложение рассказа Ф. Т. Пономарева).

127. Как князь Владимер женился. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 102. Кроме того: Марк., 10; Крюк., I, 45.

Текст представляет обычное построение былины «Дунай» из двух частей: 1) женитьба князя Владимира и 2) женитьба самого Дуная. Но в той и другой части имеются значительные отступления от традиции. В первой части: Дунай оказывается двоюродным братом князя Владимира; Дунай едет в королевство Задонское один и сразу же по приезде идет к Апраксин; сцены с отказом короля нет, отец Апраксии вообще не упоминается; сохранив золотицкую черту — помолвку Апраксии за Идолище, но опустив участие короля, Стрелкова излагает дело так, будто Дунай уже знает об этой помолвке; образ Идолища напоминает Соловья-разбойника (стихи 149, 150). Во второй части: Дунай не на обратном пути в Киев встречает Настасью, а едет к ней свататься уже после того, как привозит Апраксию в Киев, где на пиру похваляется, что он привезет Настасью себе в жены; традиционного боя с Настасьей нет; на пиру после женитьбы хвастает не Дунай, а сама Настасья; о сыновьях во чреве Настасьи речи нет. Характер отступлений от традиционной сюжетной схемы говорит о явном забывании былины исполнительницей.

А. В. Стрелкова ссылалась на какую-то «книжку про богатырей», которая находилась у ее отца, Василия Ефимовича Субботина, и где была и данная былина: «Книга толстая была».

128. [Отрывок из былины].

В записях из Зимней Золотицы и из других мест аналогичных текстов нет. О том, что в Киеве (или в Царьграде) всё не по-старому и что запрещено просить милостыню именем Христа, обычно сообщает Илье в былине об Идолище Поганом калика перехожая (Марк., стр. 355; Крюк., I, стр 120).

Исполнительница сослалась на Семена Васильевича Крюкова, от которого она якобы слыхала данный вариант на совместных полевых работах: «Пропевал, когда страдали в Травном ручьи».

129. Про Еруслана Лазаревича.

Текст представляет обработку в былинной форме известных эпизодов сказки о Еруслане, касающихся истории отношений героя к дочери царя Вахрамея: женитьбы Еруслана на Вахрамеевне, его отъезда и измены жене, встречи и боя с молодым богатырем, в котором он по перстню признает сына, возвращения вместе с сыном к Вахрамеевне. Эти эпизоды оформлены в тексте в целостный, завершенный сюжет с выключением ряда побочных деталей и с внесением некоторых изменений в схему соответствующих фрагментов сказки: Еруслан не изгнан из родного города за «богатырские шуточки», а уезжает по своей воле искать приключений; царство Вахрамея он спасает не от Змея, а от напавшей на царство «силушки великой», при этом вставлен рассказ о предварительной встрече с Вахрамеем в поле и поединке с ним. Жену Еруслан покидает не ради желания посмотреть девичье царство, а вследствие нового нападения врагов. Совсем кратко (в четырех всего стихах, 59—62) говорится об измене Еруслана Вахрамеевне.

Наоборот, последующие эпизоды — отъезд сына для поисков отца, единоборство, узнавание сына по перстню и возвращение к Вахрамеевне — даны развернуто.

Случаи включения «Еруслана» и отдельных его фрагментов в круг былинных сюжетов отмечены еще несколькими записями, а также сообщениями собирателей. См.: Сок.-Чич., 31 и 92; Кон., 20, а также ст.: А. М. Астахова. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане (Тр. ОДРЛ, XIV. М.—Л., 1958), где указаны особенности этих вариантов и двух текстов М. С. Крюковой из личного собрания Э. Г. Бородиной-Морозовой.

Вероятно, оформление фрагментов «Еруслана» в былину принадлежит самой А. В. Стрелковой или кому-либо в ее семье. По словам сказительницы, отец ее, Василий Ефремович Субботин, и ее братья читали про Еруслана «по книжке».

130. Князь Михайло. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 112.

Текст представляет собой два отрывка из позабытой исполнительницей баллады. В начальных стихах ощущается некоторое смешение с другой балладой — о гибели оклеветанной жены (ср. с № 131). Продолжение, спетое Марфой Крюковой, является ее импровизацией, не имеющей аналогий в собственных вариантах Марфы Семеновны.

131. [Князь, княгиня и старицы]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 113.

Традиционный тип обработки сюжета о гибели оклеветанной жены. В клеветническом рассказе стариц о поведении княгини и затем в изображении того, что на самом деле находит князь, пропущены некоторые постоянные детали: слова стариц о висящих якобы колыбелях с прижитыми в отсутствие князя детьми, о конях, якобы стоящих «в назьму», изображение коней, стоящих «в шелку» и др. (настоящее издание, 140).

В конце неясно, как же исцелил князь княгиню, какова тут роль третьей старицы. За исключением конца, текст развивает сюжет в логической последовательности.

132. Про моряночку. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 114.

По словам исполнительницы, она переняла былину от Марфы Федоровны Седуновой, дочери сказителя Верхней Зимней Золотицы Федора Тимофеевича Пономарева. Действительно, текст Стрелковой ближе к варианту, записанному Марковым в Верхней Золотице (Марк., 114), чем к варианту А. М. Крюковой (выспрашивание морянки одним из разбойников, откуда она родом, отдельные текстуальные совпадения). Но конец своеобразен: вместо решения братьев бросить разбой, здесь — обещание сестре найти ей мужа «из своей среды», не купца и не помещика. Это сообщает данному варианту некоторый социальный оттенок (о социальных мотивах в вариантах этой былины см.: Аст., I, стр. 554).

133—138. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1943—1944 гг. от Елизаветы Васильевны Субботиной, Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

133. Про Добрыню Микитича. [Бой Добрыни с Ильей Муромцем]. Запись 26 декабря 1944 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 99.

Самый краткий из всех вариантов сюжета о бое Ильи Муромца с Добрыней, записанных в обеих деревнях Зимней Золотицы. В значительном сокращении даны изображение молодого богатыря и приезд Ильи Муромца в подворье матери Добрыни. Но главное отличие от большинства золотицких вариантов — в развязке: обычно побеждает Илья Муромец или сразу (Марк., 46; Крюк., I, 17; настоящее издание, 99), или после временного своего поражения из-за несчастной случайности (подвертывается нога). В варианте же Субботиной победителем сразу оказывается Добрыня, и только узнав, что под ним Илья Муромец, он просит простить его. Подобный же исход столкновения встречаем из золотицких только в одном тексте (Тих.-Милл., 15, запись от Ф. Т. Пономарева из Верхней Золотицы), а также на Пинеге (Григ., I, 186) и на Мезени (Григ., III, 87). Здесь уже — нарушение традиционного соотношения богатырских качеств Ильи Муромца и Добрыни. В тексте имеются и другие нарушения традиции: похвальба Ильи Муромца при известии о силе и удали молодого богатыря, искажающая образ Ильи (стихи 22—24), и неожиданный ответ Ильи Добрыне, что он не помнит отца с матерью.

134. Добрынюшка Микитич [Добрыня и Алеша]. Запись 12 мая 1948 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 98.

Публикуемый текст на сюжет неудачной женитьбы Алеши Поповича на жене Добрыни связан с традицией Зимнего берега (см. мотивы: поручение съездить за

ключевой водой, напр., Марк., 5, 73, 112; предупреждение матерью об опасных заставах на дороге; ссылка ее на Добрынина отца, избегавшего ездить на Пучай-реку; конь, извещающий о несчастье). Но он не повторяет ни одного из прежде записанных вариантов, а соприкасается в отдельных местах то с одним, то с другим. Так, вся начальная часть (пир, поручение, выступление Добрыни) очень близка к соответствующей части текста № 73 из сборника Маркова (Нижняя Золотица, от Г. Л. Крюкова), приход Добрыни к матери под видом нищего, просящего милостыню, также изображен в записи Маркова из Верхней Золотицы (Марк.-Богосл., I, стр. 62—63, от Ф. Т. Пономарева). Последние стихи заключительной сцены повторяют стихи 117, 119 текста № 112 из сб. Маркова. С последними двумя текстами вариант соприкасается и почти буквальным совпадением других формул (ср., например, стихи 152—153, 189—190 со стихами 79—80, 100—101 текста № 112 и со стихами 299—300, 343—344 текста сб. Марк.-Богосл.).

Вместе с тем есть и своеобразные детали: ответ Добрыни матери, уговаривающей его не ехать, характеризующий чувство собственного достоинства у Добрыни (стихи 62—63), образ встревоженной жены (стихи 75—81); своеобразно передана сцена узнавания, в которой главная роль принадлежит игре мнимого калики на гуслях. Эти места обнаруживают интерес исполнительницы к деталям психологического характера.

Текст отличается четкой и стройной композицией, но имеются отдельные признаки забывания: не указана мотивировка запрета выходить замуж за Алешу Поповича, забыто традиционное имя жены Добрыни.

Сама исполнительница ведет свой вариант от исполнения своей матери, Ирины Васильевны Пономаревой.

135. Как женился князь Владимер. Запись 5 мая 1943 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 102.

Начало былины о Дунае, но без обычной вступительной части, изображающей пир и похвальбу пирующих. Отсутствует также и традиционный образ желаемой невесты. В отличие от большинства золотицких вариантов выступает в ответ на вопрос князя Владимира о невесте не Добрыня, ссылающийся на Дуная, а сразу же сам Дунай. Упоминание князя Задонского вместо короля литовского или ляховинского встречается в традиции Зимнего берега (Марк., 109; настоящее издание, 127).

136. Козарушка. Запись 12 мая 1943 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 110.

Самое начало былины о Козарине. Оно близко соответствующей части варианта сборника Маркова, 102 (запись от В. И. Чекалева из Верхней Золотицы), отличается от него отсутствием мотивировки «шуточек» Козарушки (у Чекалева его дразнят «маленькие ребятушки» незаконным происхождением).

По словам Е. В. Субботиной, она слышала эту былину от свекра, Василия Ефимовича Субботина.

137. Сорок калик со каликою. Запись 12 мая 1943 г.

Варианты Зимнего берега: Марк., 22, 82, 96, 105; Крюк., I 46.

В 1899 г. на Зимнем берегу было записано 4 варианта былины от крупнейших сказителей Нижней и Верхней Золотицы: от А. М. Крюковой, от Г. Л. Крюкова, Ф. Т. Пономарева и В. И. Чекалева. Все эти варианты близки друг к другу, отличаясь лишь некоторыми деталями, особенно в конце повествования: так, только в тексте А. М. Крюковой (Марк., 22) говорится, что Опраксея за свой поступок поражена гнойной болезнью и оживший Михайлушко исцеляет ее, в остальных же песня кончается тем, что калики, уверившись в невинности Михайла, просят у него прощения; в начальной части с различными деталями изображается действие на окружающих пения каликами Еленского стиха (земля потрясается, реки выливаются из берегов, князь Владимир еле стоит, его держат под руки богатыри или он падает с коня на землю и т. п.).

Публикуемый текст более всего близок вариантам из Верхней Золотицы (Марк., 96, 105), совпадая с ними не только в деталях композиции, но в ряде мест и текстуально. Пучай-река вместо Ердань-река и упоминание короля Задонского перенесены из других золотицких былин («Добрыня и Змей», «Добрыня и Алеша», «Дунай» и др.).

138. Моряночка. Запись 12 мая 1938 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 114.

Текст примыкает к тем золотицким вариантам, которые заканчиваются решением братьев бросить разбой и возвратиться к матери (Марк., 27, 114; настоящее издание, 120, 155); наиболее близок к тексту № 114 из Верхней Золотицы. Имеются небольшие отличия: сестру не младший брат допрашивает, когда другие братья спят, а все

разбойники, и непосредственно после преступления, слыша ее рыдания и упреки; изменена привычная для Золотицы терминология (вместо моряночка — поморочка, вместо купца заморского — купца поморского).

139—140. Записи И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон в июле 1937 г. от Парасковьи Васильевны Онуфриевой, 68 г., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

139. Иван Горденович. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 104.

Текст представляет прекрасно сохранившийся традиционный тип былины в той же редакции, что и вариант Г. Л. Крюкова (Марк., 78). Имеются некоторые отличия от текста Крюкова: значительно более развернуто начало, систематически проведена троичность (Иван три раза просит короля отдать за него Авдотью, в конце три раза велит Авдотье дать ему напиться); но нет некоторых деталей, имеющихся у Крюкова: письма короля Вахрамеишшу об увозе Иваном Авдотьи, ранения Ивана в первом бою.

В том же году эту былину от П. В. Онуфриевой записала Р. С. Липец (Славянский фольклор. М., 1951, стр. 210—217), а в декабре 1944 г. былина снова была записана Э. Г. Бородиной-Морозовой. Сравнение всех вариантов показывает исключительную устойчивость текста: отклонения одного от другого лишь в перестановке стихов, в незначительной перестройке отдельных стихов, в замене некоторых слов (например, брала — взяла, кинулась — бросалася, благослови меня — позволь мне и т. п.), в пропуске или, наоборот, во внесении отдельных стихов, принципиально ничего в повествовании не меняющих. Наиболее часты пропуски отдельных стихов в записи 1944 г., вследствие чего этот вариант наиболее короткий.

140. Князь Андрей и старицы. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 113.

Текст представляет собой повсеместно традиционный тип обработки данного сюжета. Как и былина об Иване Горденовиче той же исполнительницы, передает сюжет в строгой эпической форме, без лишних слов и подробностей. Через месяц после данной записи произведена была Р. С. Липец повторная запись (Славянский фольклор, стр. 217—219), свидетельствующая об исключительной устойчивости варианта Онуфриевой. Вторичный текст имеет лишь дополнительных 4 стиха: два в самом начале — обращение стариц к княгине и ее обращение к старицам («А уж ты здравствуй... А да уж вы здравствуйте» и два в конце, заключающие обещание третьей старицы оживить княгиню:

А соберу я все косточки с чиста поля,
Исцелю твою княгинушку, исправлю.

В остальном оба текста полностью совпадают.

Наименование князя Андреем имеется в тексте сборника Маркова, 115, в варианте Крюковой (Крюк., II, 89); см. также настоящее издание, 131).

Таким же устойчивым оказался текст и в 1944 г. в записи, произведенной Э. Г. Бородиной-Морозовой. Отклонения от первых двух записей редки и незначительны. Они состоят: 1) в заменах отдельных слов и их сочетаний: «прожилась» вместо «пропилась», «приуторены» вместо «приутоптаны», «А и круг конюшны-то пойдешь» вместо «А да на конюшен двор зайдешь», «три старица» вместо «три старицы», хотя в конце слово употреблено, как обычно, в женском роде: «А он перьву старицю настыг» и т. д.); 2) в перестановке некоторых стихов при описании того, что князь найдет при возвращении и что он нашел; 3) в пропуске в конечной части текста двух стихов, являющихся характерной формой эпического повторения с подхватом («Да лошадь добрую себе он, неезжалую, Да неезжалую-то лошадку, постухмяную»); 4) во внесении стиха, усиливающего впечатление быстроты действий князя, убедившегося в обмане (после стиха 65 — «Да тут немного князь Андреюшко розговаривал»). В третьей записи сохранились два конечных стиха, имеющихся в опубликованном Р. С. Липец варианте, только стихи переставлены. Как и в публикуемой записи, зафиксировано имя героя в литературном произношении — Андрей, а не в диалектном — Ондрей, как в записи Липец.

141—142. Записи В. П. Чужимова в августе 1934 г. от Ивана Егоровича Точилова, 45 л., д. Нижняя Зимняя Золотица. Печатаются по рукописи В. П. Чужимова, хранящейся в Гос. литер музее в Москве, инв. № 9, папка 9.

141. Камско побоишшо. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 96.

В отличие от двух других публикуемых в настоящем сборнике вариантов былины (№№ 96 и 143) данный текст сохранил в центральной части встречу Ильи Муромца с Идолищем и известный диалог с ним, а в конце — эпизод боя Добрыни и Ильи Муромца с бабой Латынгоркой (в данном тексте с «поленицей преудалою») и гибель Добрыни после перенесенного им позора поражения. Оба ранних золотицких варианта (Марк., 81 и 94) содержат эти эпизоды, но в текст Точилова внесены своеобразные детали: Добрыня убивается о камень случайно, приняв его за корабль, на котором хотел бежать; богатыри не могут одолеть ожившей неверной силы и гибнут. В основной своей части текст Точилова ближе к варианту Ф. Т. Пономарева (Марк., 94), чем Гаврилы Крюкова (Марк., 81); с ним объединяют его выделение роли Ильи Муромца (именно он, а не князь Владимир дает распоряжение собрать богатырей) и яркий социальный мотив (ср. у Точилова слова Ильи: «Мне не жалко-то вора князя Владимира» и т. д. — стих 95 и сл., у Пономарева: «Ишше не жаль мне тебя, князя; со кнегиною, Ишше не жаль мне бояринов да брюшиников»). Но текст Точилова значительно короче (у Пономарева 530 стихов).

За исключением самого конца, несколько смятого, публикуемый текст выдержан в хорошем эпическом стиле.

142. Добрыня и Илья. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 99.

Вариант необычен для золотицкой традиции этого сюжета, для которой, судя по прежним вариантам, чуждо смешение с былиной об Илье Муромце и сыне. В этом отношении данный текст ближе всего к пинежскому варианту М. Д. Кривополеновой (ср.: Григ., I, 113; Кривоп., 4), где это смешение присутствует. С пинежским текстом сближает данный вариант и включение в начальную часть «шуточек» молодого Добрыни. Впрочем, этот мотив имеется и в тексте И. П. Прыгунова из Верхней Золотицы (Марк., 108). Реминисценции былины о бое Ильи Муромца с сыном привели в данном тексте к повторению эпизода боя Добрыни с Ильей, заканчивающегося уже традиционным братанием богатырей. Также в отличие от других золотицких вариантов не Илья Муромец, прослышав о силе молодого Добрыни, ищет с ним встречи, а Добрыня сам едет искать приключения (то же у Кривополеновой). Наблюдаются припоминания отдельных мотивов и из других былин («Три поездки Ильи Муромца», былина о Соловье-разбойнике, «Добрыня и Дунай»). Все это говорит о том, что четкого знания сюжета о бое Добрыни с Ильей у И. Е. Точилова в момент записи не было.

143—146. Записи А. М. Астаховой в июле 1937 г. от Анны Васильевны Бронниковой, 80 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

143. [Камское побоище]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 96.

Текст Бронниковой близок к варианту Ф. Т Пономарева из Верхней Зимней Золотицы (Марк., 94) в основной его части — повествовании о Камском побоище; присоединения же к концу былины встречи и боя Ильи с сыном, а Добрыни с бабой Латынгоркой, как это видим у Пономарева, в публикуемом варианте нет. Но и основная часть значительно сокращена, опущены многие детали и описательные места: наказ Идолища послу; пересказ Ильей содержания ярлыка; перечисление богатырей, которых следует созвать на бой; отправление Добрыни на разведку; посылка князем Владимиром Олеши к богатырям, расположившимся в поле, с упреком в промедлении. Нет и диалога Ильи и Идолища, перенесенного золотицкими исполнителями из былины Илья Муромец и Идолище (см. обе марковских записи). Таким образом, и данный текст, подобно варианту П. С. Пахоловой, более сосредоточен на основном событии. Отсутствие побочных эпизодов делает его динамичным. При всей своей краткости сюжет отличается четкостью построения: в нем, как и в тексте Пономарева, имеется яркий социальный мотив — князья-бояре обвиняют Илью Муромца в измене, а Илья говорит, что ему не жаль князей-бояр, а жаль в Киеве божьих церквей и бедных вдов. (У Пономарева сказано еще, что ему, Илье, не жаль и князя с княгинею: Марк., 94, стихи 162—166 и 200—206).

Мелкие своеобразные черты данного текста: слов «из-за Уральского» нет у Пономарева и в другом золотицком варианте, очевидно, притянуты осмыслением «Камского», как наименования места, откуда выступает вражеская сила, см. начальный стих; наименование Васьки, посла татарского, «Черным» тоже нет в других вариантах, но у Пономарева в изображении прихода Васьки в палаты князя Владимира имеется деталь: «А не кстит он своего-та личя черново», — очевидно, от этой традиционной детали (грудь врага — черная, лицо — черное и т. д.) и произошло отмеченное наименование

Васьки; на созыв богатырей послан вместо Михайлушки (см. оба варианта Маркова, а также: Крюк., I, 34) Микулушка; похваляется и затем закалывается один Олеша Попович (в других вариантах — Олеша и Гаврила Долгополый).

144. [Иван Гордёнович]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 104.

Текст при всей своей краткости сохраняет все основные черты традиционного типа былины, представленного в ранних золотицких записях вариантом Гаврилы Крюкова. С последним роднит этот текст, кроме точного повторения композиционной схемы, и наименование невесты Овдотьей белой лебедью.

На вопрос, от кого она усвоила былину, А. В. Бронникова сказала: «Эту пели всё промежду собой, друг от дружки. Прежде по избам ходили, избы мыли, так пели. В великий пост песни не пели, а старины эти пели».

Публикуемый текст до стиха 33 представляет собой хорошо сохранившееся начало, близкое к ранним записям (особенно к тексту: Марк., 96) не только по построению вступительного эпизода, но и по словесному его оформлению (некоторые стихи совпадают дословно). Последующие эпизоды Бронникова передала конспективно, не закончив былины и признавшись, что «призабыла».

145. [Илья Муромец]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 92. Кроме того: Марк., 43, 44 (к.), 69 (к.), 92 (пр.).

Публикуемый пересказ былины восходит к лубочному тексту, который подписывался под восемью картинками, изображавшими эпизоды исцеления, встречи с разбойниками, освобождения Чернигова, победы над Соловьем-разбойником, покушения на жизнь Ильи дочери Соловья, свиста Соловья в палатах князя Владимира, встречи Ильи и Добрыни с каликой, освобождения Киева от Идолища (см. тексты №№ 15—25 в издании: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Памятники русского фольклора. М.—Л., 1960).

Кроме общей композиции, текст близок к лубочному по построению и деталям указанных эпизодов, иногда точно передавая формулировки лубка (ср. наказ родителей, выражение «стала рвать стрела на косую сажень землю», изображение пути к Соловью, обращение Соловья к зятьям и многое другое). Сама А. В. Бронникова отметила происхождение своего текста от лубка: «У отца была картина, и все было списано, было печатно, и я выучила. „Илья Муромец и Идолишшо" тоже на картины была».

Однако имеются и некоторые отступления от лубочного текста, которые обусловлены, с одной стороны, забыванием исполнительницей отдельных мест (например, предложение устрашенными разбойниками не казны, а быть у них «царем», передача эпизода освобождения города одной лишь фразой, перестановка эпизодов в сцене встречи с семьей Соловья — в лубочном тексте сперва дано обращение разбойника к зятьям, потом уж покушение дочери, что логичнее), с другой стороны, тем, что А. В. Бронникова слышала, а может быть, и читала те же эпизоды в других версиях и редакциях. Это касается главным образом эпизода исцеления: в лубке самый эпизод совершенно не развернут, кратко говорится, что Илья сидел сиднем тридцать лет, но вот стал «ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую». А. В. Бронникова включает в свой рассказ приход калик, получение Ильей силы от вина и пива (с традиционным повторением — в первый раз Илья получает излишек силы, во второй раз сила сбавляется наполовину), приход Ильи к родителям на пожню (но без эпизода помощи родителям). В рассказ о встрече с Соловьем Бронникова вставила традиционный упрек Ильи коню, споткнувшемуся от свиста Соловья. В сцену расправы с Соловьем-разбойником внесена отсутствующая в лубке деталь — Илья убивает Соловья «столетним дубом», деталь вообще необычная для данной сцены и возникшая у Бронниковой как припоминание расправы Ильи или другого богатыря с врагом из какой-нибудь другой былины. В остальном текст Бронниковой очень точно следует за лубком.

146. [Сорок калик]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 137.

Традиционное начало былины. Эпизод прельщения калики Михайла Апраксией не развернут, и потому непонятен ее поступок — прятание в сумку калики золотой чаши.

147—149. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой 20 октября 1940 г. от Григория Михайловича Плакуева, 72 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

147. Дюк Степанович. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 105.

Прозаический пересказ былины о Дюке в традиционной золотицкой обработке (см. примечание к № 105 настоящего сборника). Но передача традиционной золотицкой композиции сильно обеднена: нет пышного описания «подворьица» Дюка, с которого начинаются все золотицкие варианты и которое в некоторых повторяется в дальнейшем рассказе. Сокращено вообще сопоставление Дюком Киева со своим родным городом. Уменьшено число посланных оценщиков: едет один Добрыня Никитич, во всех других вариантах — Добрыня с Алешей Поповичем, у П. С. Пахоловой — Илья Муромец. Своеобразна и нигде в других вариантах не встречается концовка, связывающая былину о Дюке с общей героической направленностью русского былинного эпоса: Дюк обещает князю Владимиру быть защитником его от внешних врагов.

По словам Плакуева, он усвоил содержание былины от своего дяди, Гаврилы Леонтьевича Крюкова, на тоне. Сравнение пересказа Плакуева с текстом Г. Л. Крюкова (Марк.-Богосл., I, стр. 88) показывает значительное сокращение и отмеченное уже обеднение содержания в передаче Плакуева, но основные опорные эпизоды сохранены.

148. Петровичи-Сбродовичи. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 108.

Золотицкий тип былины о сестре Петровичей-Сбродовичей, пересказанный прозой. Традиционная композиция, включающая мотив неверности жен (своеобразная черта золотицких вариантов) сохранена (ср.: Марк., 7 и 93), но передана очень кратко. Необычным является упоминание об Илье Муромце как любовнике жен Петровичей-Сбродовичей. В записанных в 1900-е годы вариантах имена любовников неустойчивы: в одном это Чурила и Перемякин племянник, в другом — Добрыня и Перемет. Перенесение этой роли на Илью Муромца говорит о известном затемнении в сознании исполнителя образа Ильи.

По словам Плакуева, эту былину «пел на голосах Гаврило Крюков» (Марковым не записана). Слышал он ее и от Ф. Т. Пономарева: «Почошкин пел покойник. Она на голосах-то красивая». (Вариант Пономарева см.: Марк., 93).

149.— [Небылица]. Варианты Зимнего берега: Марк., 88 (Нижняя Золотица), 116 (Верхняя Золотица).

В обоих вариантах имеется образ летящего медведя, а во втором — и образ несущихся по морю жерновов.

Впервые текст опубликован: Кривоп., стр. 154. Спев отрывок, исполнитель прибавил: «А, быват, и больше было. А я больше не помню. А после, как еропланы залетели, мы и вспомнили, как Василий Крюков пел про медведя. А жернова-ти теперя мины!» (там же). Василий Леонтьевич Крюков — свекор Аграфены Матвеевны Крюковой.

150. [Дунай]. Запись И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 13 июля 1937 г. от Натальи Федоровны Поповой, 73 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Золотица.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 102.

Текст представляет традиционное начало былины о женитьбе князя Владимира, развернутое в хорошем эпическом стиле. Но вопреки золотицкой традиции, по которой о подходящей для князя невесте говорят Добрыня Никитич или Дунай (Марк., 75 и 109; настоящее издание, 102, 127, 135), здесь выступает безыменный «удалой да доброй молодец».

151—152. Записи А. М. Астаховой 26 июля 1937 г. от той же исполнительницы.

151. [Чурила Плёнкович]. Варианты Зимнего берега: Марк., 19, 87, 103; Марк.-Богосл., I, стр. 80; Крюк. I, 58.

Полузабытый и обедненный текст: в стихотворной форме переданы только начало и часть диалога мужа и жены, остальное кратко пересказано, забыт конец. Но сохранены характерные черты золотицкой традиции: об измене мужу сообщает Алеша Попович, служанка — племянница обманутого мужа, но она помогает неверной жене; присутствие чужих вещей мотивируется занесением их детьми.

152. Моряночка. Варианты Зимнего берега, см в комментарии к тексту № 114.

Текст, за исключением самого конца, близок к варианту У. М. Онуфриевой (настоящее издание, 155). В конце перекликается с № 132 нашего издания (обещание выдать сестру замуж «лучше прежного»), но не имеет его социального мотива.

Несколько раньше (13 июля) ту же балладу записали со слов Н. Ф. Поповой И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон (Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. № 90, папка 2).

Сопоставление показывает устойчивость текста. Есть отличия, кроме появления в спетом варианте характерных для песенного исполнения повторов: в тексте сказанном после слов «лошадь неезжалую» (стих 15, в спетом — 16), следует:

Наряжал он коня да в золотой убор,
Запрягал он лошадь добрую во карету.

Ответ моряночки на расспросы разбойника передан косвенной речью:

Она вот зачала ему рассказывать:
Того-то, например, отца, матери,
Такого-то роду-племени, такого города.

153—154. Записи И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 28 июля 1937 г. от Ирины Захаровны Седуновой, Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

153. Чурило. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 151.

Текст И. З. Седуновой сближается с вариантом Аграфены Крюковой (Марк., 19), который она относила к былинам, усвоенным ею на своей родине, на Терском берегу. У Седуновой, как и у А. М. Крюковой, смешаны роли действующих лиц: Чурила оказывается не любовником неверной жены, а обманутым мужем. Имя любовника Крюкова позабыла: «Не помню — Светополк ли Светополковиць, Еруславь ли Еруславьевиць, только не Пересмяка» (Марк., стр. 128, примечание). Но И. З. Седунова, очевидно, слышала былину и в традиционной редакции, на что указывает распределение ролей в начальной части, которое, однако, в дальнейшем повествовании было изменено. С вариантом Аграфены Матвеевны текст Седуновой сближают еще некоторые характерные детали: имя неверной жены — Авдотья (ни в одной из остальных трех ранних записей из Зимней Золотицы нет, имеется в варианте Марфы Семеновны — Крюк., I, 58), узнавание мужем об измене жены через присутствующих в церкви людей (в других вариантах — только через Алешу Поповича). Но конец былины иной, чем у Аграфены Матвеевны. У последней Чурила убивает обоих любовников, затем Илья Муромец находит ему невесту, Чурило получает себе «жону верную». Конец, аналогичный развязке в данном тексте (обманутый муж убивает только любовника; но на пиру, который он затем собирает, жена отравляет его), встречаем в варианте из Верхней Зимней Золотицы от В. И. Чекалева (Марк., 103), где эпизод пира и отравления дан более развернуто и дополняется еще отравлением племянницы.

154. Князь Михайло. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 112.

Текст без начала. В отдельных деталях несколько отличается от других золотицких вариантов: князь Михайло пытается заколоться сразу же после того, как не нашел княгини, о случившемся он узнает только от «нянек-манек», они советуют закинуть тоню, князь бросается в море. Эти мотивы, а также имя жены (Катерина) и название моря (Хвалынское) роднят этот вариант с пинежскими текстами (Аст., II, 195, 197, 204, 219, стр. 777).

155. Моряночка. Запись И. И. Колесницкой и М. А. Шнеерсон в июле 1937 г. от Ульяны Михайловны Онуфриевой, 70 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 114.

Текст имеет характерные черты золотицких вариантов, совпадает с ними и фразеологически (ср., например, стихи 26—27, 33—34 с соответствующими местами текста № 27 у Маркова, стихи 20—22 с соответствующими стихами текста № 114 у Маркова). В конце, как и в вариантах №№ 132, 138 настоящего издания, рассказывается о возвращении разбойников вместе с сестрой к матери, но о дальнейшей судьбе не говорится.

156. [Моряночка]. Запись А. М. Астаховой 4 августа 1937 г. от Авдотьи Ивановны Седуновой, 72 лет, Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 114.

Обычный тип золотицкой обработки сюжета. Указание, что взяли в полон не только морянку, но и морянина, — очевидный результат забывания трагической ситуации, о чем свидетельствует и конечное примечание.

157—158. Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой 1939 и 1945 гг. от Серафимы Яковлевны Седуновой, 62 л., Архангельская обл., Приморский р-н, д. Нижняя Зимняя Золотица.

157. Чурилушка Пленкович и Вадихматьева жена. Запись 10 июня 1945 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 151.

Текст Седуновой сохранил характерные черты зимнезолотицкой обработки сюжета: в него введена роль Алеши Поповича, который и доносит обманутому мужу об измене его жены; служанка — племянница мужа, но она заодно с женой (в данном варианте это еще более подчеркивается — при возвращении мужа она спешит предупредить неверную жену); жена объясняет присутствие вещей Чурилы занесением их бабушкиными детьми. Сохранены и отдельные детали зимнезолотицких вариантов: «ремешок семишолковый», за который «дерьгат» Чурила, а затем и муж, разговор служанки с Чурилой и с возвратившимся дядюшкой через «окошечко», которое она открывает «немножечко», указание на одновременное прохождение по дорожке Чурилы и Алеши, двух братьев «крестовых», «названых» и др. Особенно близок данный текст по композиции и словесной ткани к варианту № 87 сборника Маркова, см. также: Марк., 103; Марк.-Богосл., I, стр. 80. Последний был записан от Ф. Т. Пономарева (Почошкина) деда сказительницы, на которого она и сослалась, в ответ на вопрос, от кого она слышала былину: «Слыхала от деда Федора Тимофеевича Почошкина и от матери своей Марии Федоровны и от тетки своей Наталии Федоровны, обе ему дочери были».

Текст Серафимы Седуновой короче и варианта Пономарева, и других названных зимнезолотицких вариантов. В нем нет подробного описания встречи Чурилы неверной женой (Марк., 87, 103) и прихода Алеши Поповича в церковь (см. все три варианта), нет подкупа Чурилой служанки и монолога обманутого мужа в церкви, угрожающего Чуриле (вариант Пономарева), нет описания расправы с Чурилой. Более кратко переданы и другие эпизоды. Это делает текст значительно более динамичным. В качестве художественных особенностей текста следует отметить стройную композицию, живой диалог, украшающие эпитеты (лампадочки хрустальные, свечи воскуяровые и др.) и особенно изображение действующих лиц в быстрых движениях: служанка выбегает на бряцание кольца, открывает и закрывает окошко, бежит предупредить жену о приходе Чурилы, а затем о возвращении мужа, Вадихматей, узнав об измене жены, «крутёхонько собирается» и устремляется к «широку двору».

158. Самаряночка. Запись 29 августа 1939 г.

Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 114.

Как все золотицкие тексты, данный изображает путешествие морянина с семьей на лошадях, а не в лодке, но не в карете, как у П. С. Пахоловой и М. С. Крюковой, а в санках (деталь, связанная, очевидно, с обычными переездами на санях и летом по северному бездорожью). «Моряночка» («Заморяночка») превратилась в «Самаряночку», наверное, под влиянием каких-либо книжных историй, в которых упоминалась Самария (см. вторую ремарку исполнительницы): Седунова вспомнила о Филарете Ефимовиче Стрелкове, который якобы эту балладу «читал в книгах».

159—161. Былины Тита Егоровича Точилова, 57 л., из Верхней Зимней Золотицы, записанные им самим и присланные в письмах к А. М. Астаховой в 1938 г.

159. [Илья Муромец, исцеление и выезд на подвиги]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 92.

Текст представляет собой контаминацию былины об исцелениии Ильи Муромца с рассказом о первом его подвиге. Но вопреки общерусской традиции, в которой сюжет об исцелении объединяется обычно с былиной об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, здесь он присоединен к встрече Ильи в поле с чужеземным богатырем. Былина осталась незаконченной, по словам Точилова, вследствие нехватки у него бумаги. Но после посылки ему тетрадей Точилов прислал еще былину о Добрыне и Алеше, три сказки и объемистую автобиографию («былину из своей жизни»), данный же текст так и остался незаконченным.

В завершенной части на сюжет исцеления Т. Е. Точилов следует традиционной композиции: родители Ильи-седуна уходят на работу, прохожие калики исцеляют Илью и наделяют его силой при помощи чары вина, которую по их просьбе приносит им Илья, и которую они ему «отворачивают». Илья Муромец по совету калик выхаживает себе богатырского коня. Сохранен и эпизод повторного подношения чары с целью уменьшить первоначально полученную Ильей чрезмерную силу. Но обычный эпизод помощи Ильи родителям в их крестьянской работе отсутствует.

160. [Добрыня Никитич и Алеша Попович]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 98.

Текст восходит к варианту, записанному А. В. Марковым в Верхней Золотице от А. П. Бурой и А. И. Лыткиной (Марк., 112), повторяя точно всю композицию и все своеобразные детали. В частности, повторяет и необычный наказ Добрыни жене не идти спустя 12 лет ни за кого, а идти за Алешу Поповича (Марк., стр. 555). Таким образом, традиционный острый конфликт (нарушение женой наказа Добрыни под давлением «высоких сватов», князя Владимира и княгини Апраксин) исчезает, остается только вина Алеши Поповича, принесшего обманную весть о гибели Добрыни. В соответствии с таким построением сюжета отсутствует суровая расправа Добрыни с Алешей, а также укор князю, который, как и в тексте сборника Маркова, никакого участия в интриге не принимает. Сохраняется только насмешка Добрыни в адрес Алеши Поповича, что ему «женитьба не издавалася».

Вся заключительная сцена передана кратко и обедненно. Обращает на себя внимание лишь следующая деталь: главная роль в узнавании женой Добрыни своего мужа принадлежит игре на гуслях (Марк., 112; настоящее издание, 133).

161. [Илья Муромец и Соловей-разбойник]. Варианты Зимнего берега см. в комментарии к тексту № 92.

Публикуемый вариант является воспроизведением текста сборника Кирши Данилова «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» (К. Д., 49) с некоторыми добавлениями, пропусками и изменениями внутри стихов (перестановкой слов, вставками слов и частиц, выправляющих ритм стиха и т. п.). Сильно сокращена сцена в подворье Соловья-разбойника — выпущены стихи 59—89 текста Кирши, пропущено и еще несколько отдельных стихов. Вставлено традиционное описание скачки коня — стихи 70—75 публикуемого варианта, прибавлен весь конец, начиная с 152 стиха. Некоторые стихи превращены в два или даже в три стиха путем повторов с подхватами, например:

Кирша Данилов	Данный текст
Говорит Илья Муромец Иванович. (Стих 40).	Говорил-то коню да Илья Муромец, А Илья Муромец да сын Иванович, Говорил-то он да таковы слова. (Стихи 37—39).
Берн ты у нас золотой казны, сколько надобно. (Стих 93).	Ты бери-ко у нас да золотой казны, Ты бери-ко у нас, сколько тебе надобно. (Стихи 60—61).
А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович. (Стих 178).	Ей ты гой еси, удалой доброй молодец, Что Илья да ты Муромец сын Иванович. (Стихи 148—149).

Происхождение варианта неизвестно. По сообщению В. П. Чужимова, который познакомился с исполнителем в 1934 г., Тит Егорович имел обыкновение записывать былинные тексты. Точное следование порядку стихов былины Кирши Данилова заставляет предполагать, что когда-то Точилов переписал текст сборника Кирши к себе в тетрадь, но переписывая, менял построение стихов, выпускал и вставлял стихи и отдельные слова на основе хорошо известной ему былинной традиции. Добавленные в конце 13 стихов не имеют соответствия в других известных нам вариантах данной былины и, видимо, принадлежат самому Точилову.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аст. — Былины Севера, т. I, Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М—Л., 1938; т. II, Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарии А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

Был. XVII—XVIII вв. — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

Гильф. — Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. 4, т. I. М.—Л., 1949; т. II, 1950; т. III, 1951.

Григ. — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. т. I, М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.

Гул. — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. проф. д-ра истор. наук В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

Илья Мур. — Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. Серия «Литературные памятники». М.—Л., 1958.

К. Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов, М.—Л., 1958.

Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.

Кон. — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

Кривоп. — М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Ред., вступ. статья и примеч. А. А. Морозова. Архангельск, 1950.

Крюк. — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Ред. акад. Ю. М. Соколова, т. I, М., 1939; т. II, 1941.

Леонт. — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Мал. — В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956.

Марк. — Беломорские былины, зап. А. В. Марковым. Предисловие проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Марк.-Богосл. — Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Тр. Музык.-этногр. комиссии, т. I, М., 1905.

Милл. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.

Онч. — Печорские былины. Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.

Пар.-Сойм. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примеч. Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонова. Предисловие и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

Пропп — В. Я. Пропп. Русский героический эпос, изд. 2. М., 1958.

Рук. отд. ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Русск. фольклор — Русский фольклор. Матер. и исслед., т. I. М.—Л.. 1956; т. II, 1957; т. III, 1958; т. IV. 1959.

Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского, тт. I—II. М., 1909—1910.

Соб. — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895.

Сок.-Чич. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.

Тих.-Милл. — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

Труды ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ И БИБЛИОГРАФИЯ ВАРИАНТОВ[1]

Алеша Попович и сестра Петровичей-Сбродовичей, №№ *108*, *124*, *148* (пр.) — Аст., I, стр. 552, 648; Пропп, стр. 419.

Братья-разбойники и сестра, №№ 39, *114*, *120*, *132*, *138*, *152*, *155*, *156*, *158* — Аст., II, стр. 701, 809.

Бутман, №№ 48, 52, 54, 56 (отр.), 57, 58 (отр.), 60 (отр.), 61 (отр.) — Аст., I, стр. 556, 648.

Василий Буслаев (бой с новгородцами), №№ 86, 86а (отр.) — Аст., II, стр. 705, 809; Пропп, стр. 443; доп. Русск. фольклор, II, стр. 282.

Василий Буслаев (смерть), №№ 18, 87 — там же.

Василий Казимирович, № 69 — Аст., II, стр. 728, 809.

Васька Захаров, № 7.

Васька-пьяница, № *100*.

Глеб Володьевич, № *107* — Аст., I, стр. 563, 648.

Добрыня (сводный текст), № 75 (пр.), *98*.

Добрыня и Алеша, №№ 2, 8 (пр.), 62, 82, *122*, *134*, *160*, см. также 75, 98 — Аст., II, стр. 721, 809; доп. Русск. фольклор, II, стр. 244, 247.

Добрыня и Дунай, № 42 — Аст., I, стр. 568; 648.

Добрыня и Змей, № 38 (отр.), 45, 45а (отр.), 68, см. также №№ 75, 98 — Аст., II, стр. 732, 809; доп. Русск. фольклор, I, стр. 218—222, II, стр. 242, 254.

Добрыня и Маринка, № 14, см. также № 75 — Аст., II, стр. 734, 809; Пропп, стр. 267; доп. Русск. фольклор, III, стр. 358.

Добрыня и поляница (женитьба Добрыни), №№ 81, 81а (отр.), см. также № 2, *98* — Пар.-Сойм., стр. 497.

Долгорукий-князь и ключник, №№ 17, 40 — Аст., I, стр. 575, 648.

Домна Фалиллевна, №№ *111*, *118* — Аст., II, стр. 717, 809.

Дунай, № 127 — Аст., II, стр. 735—736, 809.

Дунай (женитьба князя Владимира), №№ 26, 33 (к.), 63, *102*, *135* (отр.), *150* (отр.).

Дунай (женитьба Дуная), № 23.

Дюк Степанович, №№ 3, 9 (пр.), 13, 24, 34, 76 (пр.), 84, *105*, *123*, *147* (пр.) — Аст., II, стр. 742, 809; Пропп, стр. 477; доп. Русск. фолькл., I, стр. 227.

Еруслан Лазаревич, № *129* — Сок.-Чич., 31, 92; Кон., 20.

Иван Годинович, №№ 70, *104*, *139*, *144* — Аст., I, стр. 585, 648; Пропп, стр. 127; доп. Был. XVII—XVIII вв., стр. 225.

Идолище сватает племянницу князя Владимира, № 83 — Марк., 49, 79, Онч., 73; Григ., III, 100, 107.

Илья Муромец (сводный текст), №№ 1, 11 (пр.), 12, 74 (пр.), *145* (пр.) — Аст., II, стр. 746—747, 809.

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром, см. в сводных текстах №№ 1, 12, 74 (пр.) — Илья Мур., стр. 482.

Илья Муромец и Добрыня, №№ *99*, *134*, *142* — Илья Мур., стр. 480.

Илья Муромец и Идолище, см. в сводных текстах №№ 12, 74 (пр.) — Илья Мур., стр. 471.

Илья Муромец и Калин-царь, см. в сводных текстах №№ 1, 12, 74 (пр.) — Илья Мур., стр. 462—463.

Илья Муромец и Кудреянко, № *97* — Илья Мур., стр. 462—463.

Илья Муромец и нахвальщик, № 78 — Илья Мур., стр. 473—474.

[1] Цифры прямым шрифтом обозначают печорские тексты, курсивом — тексты Зимнего берега.

После цифр, означающих номера текстов в настоящем издании, указываются после тире наиболее полные списки вариантов на данный сюжет и дополнения к этим спискам. При отсутствии списков указываются непосредственно варианты.

Илья Муромец и разбойники, № 19, 29, 47 — Илья Мур., стр. 488.
Илья Муромец и сила неверная, № 49.
Илья Муромец и Скурла-царь, №№ 15 (отр.), 20, 21, 50 (отр.), 65 (отр.) — Илья Мур., стр. 462—463.
Илья Муромец и Соловей-разбойник, №№ 35, 44 (к.), 46 (к.), 77 (к.), *92* (к.), *121* (к.), *161*, см. также №№ 1, 12, *145* (пр.) — Илья Мур., стр. 455.
Илья Муромец и сын, №№ 10, 22, 30 (отр.), 43, 51, 53, 59 (отр.), 66, 67, 73 (пр.), 91, 93, см. также №№ 12, 74 (пр.), 78 — Илья Мур., стр. 473—474.
Илья Муромец, исцеление, №№ 44 (к.), 46 (к.), 77 (к.), *92* (к.), *121* (к.), *126*, *159* (к.), см. также №№ 12, 74 (пр.), *145* (пр.) — Илья Мур., стр. 449; доп. Русск. фольклор, II, стр. 250.
Илья Муромец, три поездки, №№ *94*, *118* — Илья Мур., стр. 492.
Камское побоище, №№ *96*, *141*, *143* — Илья Мур., стр. 462—463.
Князь, княгиня, старицы, №№ 88, *113*, *131*, *140* — Аст., II, стр. 767, 810.
Князь Михайло, №№ *112*, *119*, *125*, *130*, *154* — Аст., II, 777, 810.
Козарин, №№ *110*, *136* — Аст., II, стр. 770, 810.
Лука Степанович, № 72 — Онч., 50, 66, 71.
Марута Богуслаевна, № *116* — Крюк., II, 115.
Молодец и горе, № 64 — Рыбн., I, 22, 48, 102, II, 187; Гильф. II, 90, 177; Марк., 26; Онч. 82; Пар.-Сойм., 39, Крюк. II, 90, см. также Марк., стр. 612.
Небылица, № *149* — Аст., II, стр. 787, 810.
Никита Залешанин, № *95* — Илья Мур., стр. 482.
Отрывки из неизвестных былин, №№ 89, 90, *128*.
Петух и лисица, № *115* — Гильф., I, 29.
Пир у князя Владимира, № *103*.
Садко (выкупает товары), № 31 — Аст., II, стр. 793, 810; Пропп, стр. 90.
Садко (в подводном царстве), №№ 85, 85а (отр.) — там же; доп. Русск. фольклор, I, стр. 230, 231.
Святогор и Илья Муромец, №№ 71, 79 (к.), см. также № 74 (пр.) — Илья Мур., стр. 451.
Святогор и тяга земная, № 79 (к.) — Пропп, стр. 78.
Скопин, №№ 33 (к.), 56 (отр.) — Аст., I, стр. 627—628, 649; Леонт., 12.
Соловей Будимирович, №№ 6, 28 (отр.), 36 — Аст., I, стр. 630, 649; Пропп, стр. 169.
Соломан и Василий Окульевич, №№ 16, 25, *109* — Аст., II, стр. 794, 810.
Сорок калик, №№ 32 (отр.), *137*, *146* (отр.) — Аст., I, стр. 634, 649; доп. Пар.-Сойм., 38; Крюк., I, 46.
Ставр Годинович, № 27 — Аст., II, стр. 797, 810; доп. Был. XVII—XVIII вв., стр. 229.
Сухман, №№ 80, *101* — Мал., стр. 191—194.
Чурила и неверная жена, №№ 4, 37, *151*, *153*, *157* — Аст., II, стр. 801—802, 810; доп. Русск. фольклор, II, стр. 264.
Хотен, №№ 5, 41, *106* — Аст., I, стр. 639, 649; доп. Пар.-Сойм., 48; Сок.-Чич., 46; Крюк., I, 59; Русск. фольклор, II, стр. 265.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ, ГДЕ ПРОИЗВОДИЛАСЬ ЗАПИСЬ[1]

БЫЛИНЫ ПЕЧОРЫ

Абрамовская (Пижма, 1955), №№ 53—56.
Андег (нижняя Печора, 1956), №№ 89—90.
Боровская (Пижма, 1955), №№ 51, 52.
Бугаево Верхнее (средняя Печора, 1942), №№ 12—18.
Бугаево Среднее (средняя Печора, 1942), №№ 10, 11.
Качгарт (нижняя Печора, 1956), №№ 74—76.
Крестовка (средняя Печора, 1942), №№ 29—32.
Кривомежная (Цильма, 1955), №№ 41—42.
Лабожское (нижняя Печора, 1956), №№ 62—66.
Нарьян-Мар (нижняя Печора, 1956), №№ 67—72.
Осколково (нижняя Печора, 1956), № 91.
Рощинский Ручей (средняя Печора, 1955), №№ 49, 50.
Скитская (Пижма, 1955), №№ 59—61.
Степановская (Пижма, 1955), № 58.
Тельвиска (нижняя Печора, 1956), №№ 77—87.
Трусовская (Цильма, 1942, 1955), №№ 1—9; 35—40.
Угольное (нижняя Печора, 1956), № 73.
Уег (средняя Печора, 1942), №№ 19—25.
Устье (нижняя Печора, 1956), № 88.
Усть-Цильма (средняя Печора, 1942, 1955), №№ 33, 34; 43—50.
Чуркино (Пижма, 1955), № 57.

БЫЛИНЫ ЗИМНЕГО БЕРЕГА

Архангельск (1938), №№ 121—125.
Верхняя Зимняя Золотица (1938), №№ 159—161.
Нижняя Зимняя Золотица (1934, 1937, 1938—1945, 1948), №№ 141, 142; 139, 140, 143—146, 150—156; 92—116, 126—138, 147—149, 157, 158; 117—120.

---

[1] В скобках указывается географический район и годы записи. Точкой с запятой отделяются номера былин, записанных в указанный (по порядку в скобках) срок.

ИСПОЛНИТЕЛИ БЫЛИН

ИСПОЛНИТЕЛИ ПЕЧОРСКИХ БЫЛИН

Антонов Сидор Нилович, 63 л., № 60.
Антонова Агафья Григорьевна, 47 л., № 60.
Бобрецов Демид Фатеевич, 71 г., № 58.
Вокуев Гаврила Васильевич, 73 л., № 46.
Дуркин Алексей Сергеевич, 75 л., № 21.
Дуркин Тимофей Семенович, 84 л., №№ 43—45.
Дуркина Марфа Дмитриевна, 70 л., №№ 22—25.
Ермолин Алексей Ипатьевич, 68 л., № 20.
Ермолин Никита Федорович, 70 л., №№ 35—40.
Ижемцев Тимофей Семенович, 67 л., № 65.
Кисляков Иван Григорьевич, 67 л., № 34.
Кузьмин Тимофей Степанович, 68 л., №№ 77—87.
Маркова Софья Степановна, 78 л., №№ 74—76.
Михеев Аким Евпсихеевич, 89 л., №№ 47, 48.
Мяндина Елена Григорьевна, 52 л., №№ 10, 11.
Носов Василий Прокопьевич, 78 л., № 33.
Носов Лазарь Моисеевич, 76 л., №№ 41, 42.
Носова Анастасия Артемьевна, 67 л., №№ 1—7.
Осташов Яков Андреевич, 65 л., №№ 26—28.
Осташова Ксения Кондратьевна, 48 л., № 19.
Осташова Федосья Федоровна, 52 л., № 61.
Поздеев Павел Николаевич, 64 л., № 91.
Поздеева Татьяна Ивановна, 70 л., №№ 49, 50.
Пономарев Андрей Федорович, 72 л., №№ 67—72.
Савукова Татьяна Антоновна, 63 л., №№ 8, 9.
Суслов Аристарх Иванович, 65 л., № 89.
Суслов Никандр Иванович, 65 л., №№ 62—64.
Тарбарейский Никандр Васильевич, 63 л., № 66.
Хабарова Анастасия Петровна, 69 л., № 90.
Чупров Еремей Провович, 67 л., №№ 53, 54.
Чупров Леонтий Тимофеевич, 52 л., №№ 51, 52.
Чупров Макар Иванович, 60 л., №№ 29—32.
Чупров Малафей Иванович, 68 л., №№ 55, 56.
Чупров Маркел Маркелович, 72 л., № 51.
Чупров Семен Иванович, 67 л., №№ 55, 56.
Чупров Фома Алексеевич, 56 л., № 73.
Чупрова Анна Лукинична, 43 л., № 51.
Чупрова Павла Маркеловна, 30 л., № 59.
Чуркин Дмитрий Федорович, 79 л., № 57.
Шайтанова Евдокия Ивановна, 85 л., № 88.
Шишолова Авдотья Андреевна, 79 л., №№ 12—18.

ИСПОЛНИТЕЛИ БЫЛИН ЗИМНЕГО БЕРЕГА

Бронникова Анна Васильевна, 80 л., №№ 143—146.
Крюкова Серафима Семеновна, 58 л., №№ 117—120.
Негадова Пелагея Васильевна, 34 л., №№ 121—125.
Онуфриева Парасковья Васильевна, 68 л., №№ 139, 140.
Онуфриева Ульяна Михайловна, 70 л., № 155.
Пахолова Павла Семеновна, 59—66 л., №№ 92—116.[1]

[1] От П. С. Пахоловой запись производилась в течение нескольких лет, поэтому указан ее возраст в начале и в конце записи.

Плакуев Григорий Михайлович, 72 л., №№ 147—149.
Попова Наталья Федоровна, 73 л., №№ 150—152.
Седунова Авдотья Ивановна, 72 л., № 156.
Седунова Ирина Захаровна, пожилых лет, №№ 153, 154.
Седунова Серафима Яковлевна, 62 л., №№ 157, 158.
Стрелкова Анна Васильевна, 73 л., №№ 126—132.
Субботина Елизавета Васильевна, 59 л., №№ 133—138.
Точилов Иван Егорович, 45 л., №№ 141, 142.
Точилов Тит Егорович, 57 л., №№ 159—161.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

Астахова А. М., №№ 143—146, 151, 152, 156, 159—161.
Белованова (Шевелева) А. В., №№ 1—7.
Бородина-Морозова Э. Г., №№ 92—138, 147—149, 157, 158.
Власова З. И., №№ 47—50.
Ермолина С. К., №№ 8, 9.
Колесницкая И. М., №№ 139, 140, 150, 153—155.
Колпакова Н. П., №№ 35—46, 51—72, 77—87, 89—91.
Коргузалов В. В., № 88, напевы.
Лупанова И. П., №№ 33, 34.
Митропольская Н. К., №№ 10—18.
Митрофанова В. В., №№ 73—76.
Перевалова Е. И., №№ 10—18.
Равумова А. П., №№ 19—28.
Сапожникова Д. Я., №№ 29—32.
Соколов Ф. В., напевы.
Чужимов В. П., №№ 141, 142.
Шнеерсон М. А., №№ 139, 140, 150, 153—155.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ В ТЕКСТАХ [1]

Авдотьюшка белая лебедь, Авдотья лебедь белая (невеста Ивана Горденовича) 448—453. См. Овдотьюшка.

Авдотьюшка Папична (племянница князя Владимира) 64.

Авдотья Микулишна (неверная жена) 475.

Авдотья Семеновна (злая поляница) 117.

Алеша, Алеша Попович, Алешенька, Алешенька Попович 72, 115, 137, 138, 159, 165, 173, 196, 208, 213, 214, 222, 230, 231, 233—235, 253, 266—269, 276, 284, 295—298, 301—303, 318, 327, 342, 357—361, 410—412, 415, 416, 438—440, 444, 453, 456, 457, 469, 470, 481, 482, 487, 489, сын поповский 72, млад 230, 232, 233, 265—267, 277, 280, 282, 283, 287, 294, 297, 357, 359, 360, 409, 412, 415, 416, 438—440, 444, 471, бабий просмешничек, насмешничек 296, 298, 299, 301—303, Левонтьевич 294. См. Олеша.

Амельфа Тимофеевна, молода вдова (мать Дюка) 413—415, честна вдова (мать Добрыни) 284, 287, 288, 293—297, 299, 300, 301, 303, 307, 308, Тимофевисня (мать Добрыни) 436, 438, 439. См. Омелфа.

Андрей, Андреюшко, князь, девяноста лет 453—455. См. Ондрей.

Андронище, старчище (крестный Василия Буслаева) 247.

Анна Александровна (мать Добрыни) 227—232, свет 232.

Анна Папична, Аннушка Папична (племянница князя Владимира) 53, 55.

Анна Путятична, Путятишна, Анна (тоже) 234—236.

Аннушка Потятична (тоже) 128.

Апистенья Яковлевна (мать Ильи Муромца) 308. См. Епестенья, Пестенья.

Апраксенья, Апраксея, Апраксия 50, 51, 79, 190, матушка княгиня, княгиня-мать, княгинюшка 51, 82, 83, 91, 95, 113, 122, 214, 220, 221, 223, 228, 279, 411, Апраксенья-королевисня, Апраксея-королевична, королевишна, королевисня, королеевна. Апраксия-королевисня 279, 283, 291, 301, 303, 320, 324—328, 335, 336, 360, 421, 423, 424, 437, 438, 441, 443—445, 448, 457, 472, Апраксеюшка, княгиня 493; Апраксенья Андреевна 77—79. См. Опраксея.

Афросинья, Афросинья Семеновна 118, 119.

Астрахань 113, 127.

Балканское (местность) 455.

Батман 162, 163.

Батуй, Батуй Кайманов, Кайманович 188—193, 197, 199—200, собака 200.

Батуева земля 190.

Белеюшко (конь Ильи Муромца) 262, 268, 304, 399, 400.

Блудище, Блудишшо 348, 350.

Блудова жена 347—349.

Боголюбленский монастырь 405.

Богуслав, Богуслай, князь 395, 396.

Богуслав-река, Богуслай-река 392, 393, 396.

Брынские леса 261, 262, 490.

Брянские леса 465.

Бурушко (конь Дюка), косматый, Бурушко-косматушко 237—241.

Буслай, старинный дед 246.

Буслав-река, Буслай-река 392, 394.

Бутман, Бутман Иванович 163, 168, 169, 171, 172.

Буян-остров 158.

Быкетовец-град 126.

Ванька, Ваня (товарищ Васьки горькой пьяницы) 312.

[1] Цифры обозначают страницы. Пояснения в скобках — от составителя, без скобок после запятой — былинные; приводятся также сопровождающие имя или название эпитеты.

Ванька, енеральский сын 277, 280, 281.
Ванька, сын крестьянский 277.
Вадихматей, Вадихметий Иванович 484—482.
Вадихматьева племяненка 481, 482.
Васенька Окулович, Акулович, Васенька, прекрасный 93, 94, 105—108, 113, Васенька Попович 93.
Василий, Васильюшко, роду крестьянского 71.
Василий, Васенька, Васильюшка, Васильюшко, Буслаев, Буслаевич, Буслаববевич 57, 63, 64, 163, 164, 244—250, Васька 245, 249.
Васильюшко Богуслаевич 277, 282, 284.
Василий Долгополой, Василий, Васька 222.
Василий Захаров, Захарович, вор Захаров, вор Захарович, Василий, Васенька, Васька 65, 66.
Василий Касемир, Касемиров, Касимиров, Касимирович, Василий, Васильюшко, Васька 98, 188—194.
Василий турецкий 234, 235.
Василиска, Василиста, Вахрамеевна 427—429.
Васька горька пьяница, Василий Иванович 308, 310—314.
Васька Торокашков, Торокашкин сын Заморенин, Торокашков 362—366, 368.
Васька Черный (зять царя Идолища), Васька 461, 462.
Вархамеище, Вархамеишшо, Вахрамей, Вахрамеев, Вахрамеишшо, Ворхамеишшо, Вохрамеишшо, царище, поганой царишшо, царь, 311, 314, 330, 331, 333—335, 427, 449, 452, 463.
Вахрамеевский город 426.
Вахрамеевское царство 427, 429.
Вельхоминский, Верхоминьский, король 294, 295, 324—326.
Владимир, Владимир-князь, Владимер, Володимер, Владымир, Владымер, Владимир-свет, стольний, стольно-киевский, славный князь, славнокиевский, святокиевский, славностольский, ласковый, ласков князь, ласковое солнце, солнце, солнышко, красно солнышко, батюшко, наш батюшка, великий князь, русский князь 49—51, 55—57, 59, 65—68, 76—79, 82, 83, 86, 89, 91, 94, 95, 98, 100, 104, 108—111, 113, 117—120, 122, 124, 144, 152, 155, 163, 169, 170, 172, 175—177, 179, 180, 188—190, 194—196, 211, 212, 214, 218, 220, 221, 225—235, 237, 238, 240, 241, 252, 261, 264, 265, 273—276, 279, 281, 287, 289—291, 293, 294, 297, 298, 301—303, 308—314, 316—328, 330, 334—348, 351, 357—360, 362, 401—403, 405, 406, 408—415, 420—422, 426, 436, 440, 441, 443, 444, 447, 448, 455—457, 461, 463, 466—469, 471, 472, 487, 491—493, Владимер Святославич, Владимер-князь Святославич, красно солнышко, великий князь 211, 261, 264, 265, 273—276, 278, 279, 281, 287, 291, 293, 294, 298, 301, 302, 309—316, 318—323, 326, 327, 337, 339—342, 346, 347, 351, 358—360, Владимир-царь 163. См. Ладимир.
Владимирка, матушка (мать Дюка) 69; мамка (мать Сокольника) 70, 74.
Волга, матушка, мать, Волга-матушка 63, 90, 113, 126, 127, 157.
Волхов, матушка 56, 57, 116.
Волхов мост 245—247.
Вольга (богатырь) 143.
Воронеюшко (конь купца морянина) 388.
Вохлынские моря 136.

Гаврилушка, Гаврилушко Долгополой 277, 280, 281.
Галича, малая 236, 238, 241.
Глеб Володьевич 352—356.
Голубанушко (конь Михайлушка Егнатьевича) 277, 278.
Голубенная книга 100.
Гришка Долгополый 456.
Грубиянишшо, царишшо 309, 313, 314.

Добрынина жена 173, 174.
Добрынина матушка 174, 410.
Добрыниха (жена Добрыни) 489.
Добрынюшка 53—55, 71, 72, 101—104, 129, 138, 145—148, 159, 160, 165, 166, 175, 185—189, 193, 194, 196, 198, 199, 213, 222, 227—230, 232, 233, 238, 239, 253, 254, 267, 273—276, 284, 285, 287—300, 303, 307, 319, 411, 412, 435, 436, 437—439, 458—460, 488—489, сын купеческий 72, Микитич, Никитич, Никитин сын, 52, 98, 101—104, 120, 138, 148, 159, 165, 175, 188, 190, 192, 193, 198—200, 208, 213, 227, 229, 232, 238, 254, 266—269, 273, 274, 282, 285, 286, 288, 292—300, 303, 305, 306, 308, 318, 342, 411, 412, 436, 456, 458—460, 468, 469, 488, 489, сын Никитьевич 229, удалой 198, млад 175, 197, 198, 223, 227, 229—234, 236, 239, 266, 267, 274—277, 283, 284—291, 293, 294, 299, 300, 303—305, 307, 319, 320, 327, 408—412, 434—439, 440, 468, 469, 491—493, блад 144, 174, могуч русский богатырь 408.
Добрыня 53, 54, 67, 68, 118, 120, 129, 135, 138, 139, 144—148, 154, 155, 159, 160, 165, 166, 173—175, 188, 192, 194, 196—198, 208, 212—214, 222, 227—234, 252, 254, 267, 291, 297, 298, 303, 411, 435, 460, 488—490, Микитич, Никитич, Никитин сын 52—55, 67, 68, 98, 99, 115, 118, 129, 215, 222, 295, 437, 441, 466, 467, 490, млад 470, Добрынька Микитич 186.
Долгорукий-князь 95.
Домна Фалилеевна, Домнушка Фалилеевна 374—377, 400—402.
Домнина, Домнушкина родная матушка 375, 376.
Днепр-река, Днепра-река 58, 226, 227.

Дунай, Дунаюшко, Дунай Иванович, Дунаюшко Иванович 108—110, 176, 196, 277, 282, 283, 322—326, 421—426, 441. См. Здунай.
Дунай, речка быстрая, Дунай-река 317, 341, 435.
Дюк, Дюк Степанович 57, 59, 103, 104, 121, 122, 214, 215, 236—241, 337, 338, 343—346, 412—414, 468, 469, боярин, молодой боярин 336, 338, 341, 342, 413, 414, молодой, младой 87, 88, добрый молодец 338, могучий богатырь 57.
Дюкова калачница, нянюшка 239, 240, 336, 337, 469.
Дюкова кухарочка 468.
Дюкова матушка 239, 240, 336, 337, 468, 469.
Дюково именьице 414, 468.
Дюковы караульшички, привратнички, придворнички, рукомойницы 344, 345.

Евпраксия, княгиня-мать 128. См. Апраксенья, Опраксея.
Елена Костентиновна (мать Дюка) 336—338, 340—346.
Еленский стих 42, 467.
Елисей-река, матка 91.
Ерусалим, город 362, 363, 365.
Еруслан, Еруслан Лазаревич 426, 427, 429.
Епестенья Яковлевна (мать Ильи Муромца) 257, 261, 304, 305. См. Апистенья, Пестенья.
Ефимово царство 116.
Ефросинья, Ефросинья Семеновна (дочь короля Лихоминского) 176, 177.

Забава Путятисня (племянница князя Владимира) 286—291, 414. См. Путятична.
Задонецкая земля 472.
Задонский король, Задонский князь 422, 425, 441—443, 449.
Задонское царство 422.
Здунай сын Иванович 326. См. Дунай.
Златыгорка, Золотыгорка 64, 86, 141, 182, 183.
Золотая Орда 214, 215.

Иван Горденович, Иван, Иванушка, Иванушко, Горденович, Годинович 194—202, 282, 447—453, 463, 465, Иванова участь 451.
Иванушко Гоненович 277, 283, 284.
Иван Микульевич, Викульевич, царь, прекрасный царь, прекрасный 362, 363, 365—368.
Иван Семенович, князь 64, 65.
Иван Тимофевич, Тимофеевич, Тимофеев сын, Иван (отец Ильи Муромца) 142, 143, 149, 257, 258, 260, 261, 304—306, 405, 406, 408, 465, 485, боярин 257, крестьянин 406, свет 148, 259.
Иван Сокольничек, Иванушка Соколик, Сокольник, Сокольничек, 101, 102. См. Сокольник.
Иванище (калика перехожая) 211.
Иванская заря 406, роса 260.
Идойло, Идойло Идойлович, Идойлушка 234—236. См. Издолище.
Идолище, Идолишшо, царище, поганое, проклятое, проклятое чудишшо 76, 77, 83, 84, 211, 325, 326, 407, 409, 410, 422—424, 449—453, 455—457, 461—464, 466, немецкое 75, 76. См. Издолище.
Издолище, поганое 97, 99, 136, 137, 236. См. Идойло, Идолище.
Ильинская заря 406, роса 260.
Ильевич 463.
Илья, Илия, Илья Муромец, Муровец, Мурович 47—52, 68, 71—86, 98, 99, 101, 102, 115, 124—126, 136, 141—144, 149, 164, 173, 174, 183, 184, 202, 203, 207—212, 215, 216, 218, 219, 222—225, 238, 239, 253—275, 279, 280, 282—284, 295, 303—308, 318, 358, 360, 361, 399, 400, 405—408, 416, 419, 420, 460—462, 465, 467, 470, 472, 490—492, Иванович, сын Иванович, свет Иванович, свет Муромец, 143, 149, 202, 216, 218, 219, 222—226, 239, 258—275, 279, 280, 232, 283, 304—306, 308, 318, 406, 407, 416, 490—492, старый казак 47—49, 51, 52, 68, 70—74, 77—80, 84—86, 91, 94, 101, 102, 118, 124, 126, 136, 137, 139, 141, 142, 152, 154—156, 158, 162, 175, 199, 233, 234, 253, 254, 256, 434, 435, 456, 458—470, богатырь, русский сильный богатырь, богатырь пресильный, могучий богатырь, русский могучий славный богатырь 49, 266, 271, 277, 304, 416, надежный 50, первостольный 148, старый богатырь, старая стареньшина, старой, старый-седатый 174, 183—185, 190, 196, 199, 266, 268, 273, 275, 304, 318, 360, 455, Илейка, Илейко, Илеюшка, Илеюшко, Ильюшенька, Ильюшечка 136, 139, 141, 143, 202, 203, 216—219, 224, 266, 267, 456—458, 460, 462, 465, 466, 485—487, 495, 496, добрый молодец 457, Муромец, Иванович 143, 144, 216, 218, 220, 238, 455—458, 461, 467, Илеюшкина участь 458, 460, Илейко-седун 487, Илья, Илеюшка-наседуха 485, 486.
Индейская, Индийская земля 64, 124.
Индея, Индия, Индига, богатая, именитая, славная 336—338, 340—345, 412—414, 468, 469.
Иордан-река 405.
Искудра, дочь Малютина 120.

Казарушка, Казарушко, Козарушка, Петрович, млад 368—373, 441, 442.
Кайманов, царь 193. См. Батуй.
Казань, славный город 126, 144, 148, 185.
Калин-царь 211, 212.
Камское (местность) 455, 461.
Камское побоишшо 275, 276, 278, 455, 457, 458.

Карачагово, Карачегово, Карачарово, Качарово, Корочаево, село 142, 152, 216, 220, 264, 304, 405, 408, 465, 466, 485, 490, 492, Качарово, деревня 257.
Карачанов, город 64.
Каспийское море, морюшко 127.
Кащей бессмертный 432.
Катерина, княгиня, молода княгиня 417, 418, 429, 476, 477, молода жена 430.
Катеринушка (княгиня пятнадцати лет) 251.
Киев, Киев-град, Киев-город, славный, стольный, красен, красный 49—52, 56, 62, 67, 69, 71, 76, 78, 82, 83, 86, 88, 97—100, 108, 111, 112, 115—117, 121, 122, 124, 132, 134, 136, 139, 142, 144, 150, 152, 157, 158, 164, 169, 176, 177, 179, 194, 202, 208, 211—215, 218, 219, 221, 225—229, 231, 234, 236—238, 252, 253, 261—264, 273, 276, 278, 279, 281, 282, 284, 286, 289, 290, 308, 309, 312—314, 317, 318, 320, 321, 323, 325—328, 330, 331, 333—343, 357, 360, 383, 384, 387—389, 403, 406, 408, 411, 413, 414, 423—426, 432—434, 436, 443, 448, 453, 455, 457, 458, 461, 462, 464—469, 477, 479, 487, 490, 491.
Кирпищик (зять Курзина-царя) 157.
Киршак, Киршык (зять Скурлы-царя) 77, 78, 91, 97, 99.
Ковшик, Коншик, Коищик (любимый сын Скурлы-царя) 91, 97, 98.
Колмбриголка (мать Сокольника) 182, 183.
Концырь, город 270, 352—354, 356.
Корела, пребогатая 86, 88, 236.
Корела-река 326.
Коромыслов, город 368, 369.
Костя (товарищ Васьки горькой пьяницы) 312.
Костя Новотарженин 246.
Кудревянко, царь, немилостливый, собака-царь 281—284.
Куликово поле, поле чистое 158, 361.
Курвин-царь Смородина 157.

Ладимер, князь 309. См. Владимир.
Лазарь, Лазарь Еруслановичь, могучий богатырь 428.
Латырь, камешек 141, камень 399.
Лебедь Белая 348, 349.
Леванидов крест 219.
Ледовитый крест 442.
Ледовитый океан 47, 136.
Литва поганая, проклятая, неверная земля 294, 321—324, 328, 409, 410.
Литовская земля 128.
Лиховатый, Лиховитый, князь 109, 110.
Лихоминский, Лехоминский, король 321—324.
Лука Петрович (богатырь) 155.
Лука Степанович, Лука 203—207.
Ляхово 97, 100, 178, 294.

Малюта-князь 170.
Малютова жена 170.
Мамельфа Александровна (мать Дюка) 237, 241.
Мамельфа Тимофеевна (мать Василия Буслаева), честна вдова, свет 244, 245, 247—249.
Маремьяна Федоровна, Маремьяна, Маремьянушка (невеста Ивана Гордеповича) 196—201.
Маринка, Маринка-волшебница 89, 90, 213.
Маринка Кандальевка, Кандальевна 270, 352—356.
Маринка, лебедь белая (жена Соломана) 105, 106, 108.
Маринка Чусова вдова, Марина, Маринка 61, 62, 131, 132, 134, 135. Маринкин терем 62, Маринкины окошка 63.
Марута, Марута Богуслаевна 391—397.
Марутина родна матушка 392—398.
Марфа Митревна 375, 376, 400, 401.
Марфида, молодая, княгиня, душечка 377—382, 402, 403, 418.
Марья Семеновна 102, 103.
Маслеево, озеро 116.
Матвей Петрович (богатырь) 155.
Микита, Микитушка, Микулич, Романович (отец Добрыни) 148, 185, 186, 434. См. Никита.
Микитич 174. См. Добрынюшка, Добрыня.
Микитушка Залешанин 273—275. См. Никитушка.
Микулушко (богатырь) 461.
Милитрисские острова 315, 390—392.
Митрей Митревич, Митрей, Митреянович, князь 374—377, 401, 402.
Митрей, Митреянович, Митрий Митриянович (король Литвы) 328—333.
Михайло, князь 377—382, 402, 403, 416—419, 429, 476, 477, славнозванной 429.
Михайло Михайлович, Михайлушко Михайлович, Михайлушко (атаман сорока калик) 442—445, 467.
Михайлушко Егнатьевич (богатырь) 277, 278.
Мишка Торопанец, Торопанишка, Торопанюшка, Турупанишка 115, 159, 165, 208.
Москва, каменная 118, 352—357, 389, 390, славная 448.
Муравленка, речка 143, 339.
Муров, город 216, 220, 257, 264, 304, 405, 408, 465, 466, славный 485, 490, стольный 492.
Муромец, старый атаман 267, 494. См. Илья.

Настасья Микулишна, Микулисня, Никулична, Никулишна, Никулисня (жена Добрыни) 67, 68, 213, 214, 228—231, 233, 291—299, 301, 302, 410—412.
Настасия-королевисня, Настасья-королевична, королевисня, королеевна, Настасья (дочь короля Лихоминского,

литовского) 322, 328, 330, 421, 425, 426, 472.
Настасья Митреяновна, Митрияновна, Настасья 329—336.
Настасья Петровна, Петровисня (сестра Казарушки) 368—374, Настасья, дочь княжевисня 370, 371.
Настасья Петровишна, Петровисня (сестра Петровичей-Сбродовичей) 415, 416.
Нижняя Малая Галица, Нижня Галица 86—88, 116.
Нева-река 87, 90, 123.
Неверия поганая, татарская 371—373, 383.
Непр-река, Непрь, речка быстрая 281, 283, 318, 319.
Непреськие пороги 281.
Никита, Никитушка, Иванович, Романович (отец Добрыни) 129, 138, 144, 288, 303, 304, 459, 462. См. Микита.
Никитушка Залешанин 273, 274. См. Микитушка.
Нов-город, Новград, Ново-город, Новый город 111—113, 116, 242, 244, 246, 248, 429, 431.

Овдотья, Овдотия вдова Блудова 61, 62, 131—134.
Овдотьюшка, Овдотья, белая лебедь 463, 464. См. Авдотьюшка.
Ока-река 185—187.
Олеша, Олеша Попович, Олешенька Попович, Олешечка Попович 54, 55, 57, 58, 67, 68, 84, 87, 88, 98, 101, 102, 173—175, 189, 190, 192—194, 215, 235, 297, 299, 342, 357, 358, 360, 362, 410, 474, блад, млад 94, 175, 193, 235, 236, 470, бабий насмешник, просмешничек 54, 411, хвастливый 54, Олешенька Леонтьевич 357, Олексей 462. См. Алеша.
Омелфа Тимофеевна (мать Дюка) 89, 104, 214, 215, причестна вдова 89; Омелфа, Омельфа Тимофеевна (мать Добрыни), честна вдова 213, 284, 288, 289, 294, 298—301, 305—308; (мать Ставра) 111; (мать Скопина) 171. См. Амельфа.
Ондрей, князь девяноста лет, Ондреюшка, Ондреюшко 431, 432. См. Андрей.
Опраксея, Опраксея Семеновна (дочь короля Лиховитого) 109, 110, 472, Опраксея-королевая 467, Опраксенья-королевисня 401. См. Апраксенья.
Офимья Олександровна (мать Добрыни) 67, 68.
Офимья Федоровна (мать Дюка), честна вдова 56, 58.

Перемяка (богатырь) 277.
Перемякии племянничек 416.
Пересмяка (богатырь) 277.
Пересмякин племянничек 360, 361, 416.
Пересмятушка Васильевич (богатырь) 456.
Пересчёт (богатырь) 279, 280.
Пересчёта племянник 360, 361.
Пермякина служаночка 128.
Пермята, Пермятушка, Перемёт, Перемётушка, Перемятушка, сын Васильевич 60, 128, 129, 472, 475, Переметьев двор 472.
Переметьева племянница 473.
Пестенья, Питенья Яковлевна 261, 304. См. Апистенья, Епестенья.
Петр Коромыслов, князь 368, 369, 373, 374.
Петров день 59, 128.
Петровичи, Петровичи-Сбродовичи, братьица 357, 359—362, 415, 416, 469. См. Сбродовичи.
Петровская заря 406.
Петросьская роса 260.
Подольская земля 67.
Подсокольничок, младой, премладой, премладенькой 266—270. См. Сокольник, Иванушка Сокольничек.
Полкан другой (богатырь) 492.
Попович 174. См. Алеша, Олеша.
Потанюшка Хроменькой, Потанюшка, Потаня 98, 215, 245, 246, 249.
Поташенька 92, 94.
Почай-река, Пучай-река, Пучов-река, Пучай, речка быстрая 97, 100, 213, 215, 240, 284, 285, 295, 306, 316, 317, 436, 437, 442, 452, 459, 487, 488.
Псков 246.
Путятична 213. См. Забава.

Рахлинско царство 92.
Россиша Росшибои колпак (богатырь) 277.
Россиюшка, матушка 259, 470.
Ростов, Ростовский, город 128, 357.
Русь, святая 51, 54, 118, 218, 286, 304, 309, 325, 326, 329, 331, 334, 335, 366, 486.
Рябинка-река 214.
Рязань, город, славный город, Рязанюшка 129, 303—305, 434, 435, 459.

Савишна Чусавична 132, 134. См. Чавина Чусавишна.
Садко, Садок, купец богатый, богатый гость 116, 242—244, Садко Новгородский 295, Садков кораб 244.
Самарийя 483.
Самсон Колыбанов, Колыбанович, Колыванович, сын Колыбаев 115, 159, 276, 278—280, Самсон-богатырь Колыванович 492.
Саратовские горы 158.
Саратынское, Сорочинское, поле 97—100.
Сарачинская гора 222, 223, 225, 238.
Сарачинские, Сарачийские, Сорочинские горы 186, 187, 285—290.
Сбродовичи, Сбродовичи-Петровичи, братьица 277, 359, 415. См. Петровичи.
Свира-река 56.
Святогор, Святогор-богатырь 143, 202, 203, 212, 224, 225, 277, 492.
Святослав, князь 394—396, (богатырь) 456.

Святослава Петровисня, Петровисня-Сбродовисня 359—361.
Святые горы 202, 203, 212.
Семен Лиховитый, Леховитый, Лиховинских, Семен 102, 117—119, 176, 177.
Семен Леховитый блад (богатырь, помощник Ильи Муромца) 94.
Семенушка (зять, сын Скурлат-царя) 100.
Сереюшко (конь Ильи Муромца) 406—408.
Сивушка-Бурушка (конь Дюка) 215.
Скопин, Иванович, сын Иванович 117, 120, 169—171.
Скурла-царь Смородович, Скурлат-царь, поганое Издолище 91, 97—100.
Смородина, Смородинка, реченька, речка, река 113, 127, 143, 465.
Сокольник, Сокольничек 85, 136—142, 160—162, 166, 167, 183, 208, 209, 212, 256, сын Иванович 182, Соколик, Соколушек, Соколушка, Соколюшек, Соколик-богатырь, Сокол 70, 73—75, 85, 253—256, Сокольничков конь 142. См. Иванушка Сокольничек, Подсокольничок.
Соловей Будимирович, Будимирович, Соловей, Соловьюшко 126—128.
Соловей, Соловей-разбойник, Соловей-разбойничек, Соловеюшко-разбойничек, Соловьюшка, Соловьюшко 48—50, 81, 125, 126, 143, 144, 150—152, 211, 216, 219—221, 262—265, 459, 465, 466, 490—493, Соловей-разбойник млад 496, Рахмантов, Рахмантович, Рахмантьевич, Рахматович, Рахматьевич, Рохматьевич 48, 50, 81, 82, 124—126, 144, 150—152, 262—265, Соловей Одихмантьев сын злодеюшка 219, Соловей-разбойник Будимирович 211.
Соловьиные дети 491, Соловьева молода жена 151, Соловьиное гнездо 143, 465, Соловьиный дом 144, свист 465, 466, Соловьевы палаты 465, 466.
Соломан, царь 92, 93, 105—107, 295, 362—368, царь премудрой 93, 94, Соломен, Соломенный, царь 105—108.
Соломаниха, царица 362—368.
Софья Ивановна (мать Домны) 374, 375 (дочь Маруты Богуславны) 393, 394, 396, 397.
Спас со Пречистою (иконы) 491.
Ставр, Ставр Годинович, Ставёр Годинович 111—113.
Ставрова молода жена 112, 113.
Ставрова матушка 112, 113.
Сухан-богатырь, сын Дементьевич 492.
Сухман, Сухматей, Сухматий, Сухматьюшка, Одихмантьевич, Сухматьевич 225—227, 315—319.
Сухман-река, Сухман, речка быстрая 227, 317, 319.

Таракашка-купец, Таракашко, Таракашкин, купец Заморинян, сын Заморенин 105, 106, 108, 362.
Троица, вешний праздничек, праздник 474, 485.
Тугарин, злой, собака 179.
Туис, город 91, 94.
Турецкая земля 204, 234.
Турция неверная 390, 393, 395.

Угорьская земля 67.
Уральское (местность) 461.

Фавор-гора 249.
Фатен, Фатенко, Фатенушко, Фатинушко 61—63, 131—135. См. Хотей.
Федор Чернигский, царь 196. См. Чернигский.

Хвалынское море 242—244, 315, 352, 353, 477, 480.
Хотей, Хотеюшко, Блудович 346, 348—351, Хотеишшо, Хотеищо 348, 350.
Христос 149, 211.

Царь-град 362, 365, 366, 368, 391, 394, 397, 398, 401, славный 398.

Чавина Чусавична 61, 63. См. Савишна, Чаясня.
Часова жена 347—352.
Чахово 294.
Чаясня Часовисня 348—352. См. Чавина.
Чернигов, город, Чернигов-град 143, 211, 215, 219, 231, 240, 345, 434, 448, 466, 469.
Чернигский, царь 196, 197. См. Федор.
Черное море 281.
Чурила, Чурило, Чурилушка, Чурилушко, Пленкович, Бладопленкович, Младопленкович, Бладокленкович 59, 60, 123, 128, 129, 215, 237, 238, 240, 241, 277, 472—475, 481, 482, Никитич 122, 123, Чурилка 89, 95.

Шахово 90, 97, 100, 178.

Ярослав-город, Ярославь-город, 103, 104.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ[1]

А

алáбуш, алáбыш (*дала ему по алабышу*) — блин, здесь образно в значении шлепка. (Пч).

арлык — см. ярлык. (Пч).

асаýл — есаул, подручник военачальника. (Зб).

Б

басá (*не ради басы, ради крепости*) — красота, украшение. (Пч, Зб).

бáский (*баскó деревцо*) — красивый. (Пч, Зб).

бат (*поблек, бат, светел месяц*) — говорят. (Пч).

баять — говорить. (Пч).

безвремéньице (*она чуяла над городом несчастьице, велико чудо, безвремéньице*) — невзгода, беда. (Пч).

белоя́ровый (*он кормил пшеницей белояровой*) — светлый, отборный. Постоянный эпитет пшена и пшеницы в былинах, означающий высокое качество. (Пч, Зб).

берлéты (*золоты-ти берлеты стал показывать*) — вместо браслеты (?). (Зб).

беседа (*ушла к соседу во беседу*) — посиделки, вечеринка. (Зб).

блад (*Олешенька Попович блад*) — млад. (Пч).

брáга (*брал скоро брагу в свои белы руки*) — здесь вместо чара. (Пч).

брáный (*по скатерткам шитым, бранным*) — узорчатый. (Пч).

брасумéнский (*копье брасуменское*) — см. бурзамецкий (дальнейшее искажение). (Зб).

братыня (*принесли братыни рожков семьдесят*) — стопа или ковш для напитков. (Пч).

бронь (*бронь позолочена для коня*) — воинский доспех. (Пч).

буёвый (*палица буёвая*) — боевой. (Пч, Зб).

бýна (*у старого есть у меня одна бунабунушка*) — вместо гýна, ветхая одежда, рубище. (Пч).

буржумéцкий (*копье буржумецкое*) — см. бурзомецкий. (Пч).

бурземéцкий — вместо мурзамецкий от слова мурза — татарский, восточный. (Пч).

бурнащатый (*лисица бурнащатая*) — бурнастый, рыжий. (Пч).

В

важенный (*принесли быка челого вáженного*) — увесистый, тяжелый от вáга — тяжесть, вес. (Зб).

вальяжный (*шубочка... в пятьдесят пуговок вальяжных*) — литой, чеканный. (Пч).

варованный, ворованный (*а перьву петелку да делай ты ворованy*) — смоченный варом, вареной смолой. (Зб).

векóм (*как векóм-то Марфа Митревна меня не омманивала*) — никогда. (Зб).

верстнá (*не тебе верстнá*) — ровня. (Зб).

вéрхник, вéрхничек — сарафан (Зб).

вéснуть (*над кроватью прямо вéсли спицьки же*) — висеть. (Зб).

весь (*проходила про Добрынюшку весь до Киева*) — весть. (Зб).

ветробýесто крылечко — открытое ветрам. (Зб).

вмистá, вмистáх — вместе. (Пч).

волочáщий (*собака волочаща*) — бродячий, бездомный. (Пч).

воскуя́ровы свечи — из чистого, белого воска. (Зб).

вотчина (*место не по вотчины*) — отчество, род. (Зб).

в препорцию (*приказывает всё привести в препорцию*) — так, как следует, соответственно необходимости (искажение слова «пропорция»). (Зб).

веймá (*и поехали мы всимá*) — все вместе. (Зб).

---

[1] В скобках после объяснения указано, в былинах каких районов встретилось данное слово. Условные обозначения: Пч — Печора, Зб — Зимний берег.

в таю (*я у твоей маменьки жил в таю три месяца*) — по объяснению исполнителя — тайком; т а й — тайбола, тайга. (Пч).

втунови (*зачиналсе ле втунови испочестен пир*) — опять, снова.(Пч).

выбрать в уско́к (*больши моря в уско́к выбрал*) — перескочить. (Пч).

выгаля́ться (*и над нами бы бояра все выгаляются*) — издеваться. (Пч).

выганивать (*выганивай свое войско на то поле Сорочинское*) — выгонять, выводить. (Пч).

выкратить (*широки Печоры хвостом не выкрати*) — взять за один раз, за один взмах, от к р а т а — раз. (Пч).

выкурнуть (*к бережку крутому же выкурнул*) — вынырнуть. (Зб).

выслуга (*не выслуга богатырская*) — заслуга. (Пч).

вышиба́ться из речей (*. . . едешь, похваляешься, из речей да вышибаешься*) — говорить лишнее, заговариваться. (Пч).

вычитывать (*тут всех по имени не вычитать*) — в значении перечислять. (Пч).

Г

ги́рня, гирнюшка (*из гирни вон пошел*) — вместо г р и н я, см. г р и д н я. (Зб).

глызка, глыза (*брали. . . глызку снежку белого*) — ком. (Зб).

голь (*голь кабацкая*) — голытьба, беднота. (Пч).

гости́ный (*гостиные кони*) — купеческий. (Зб).

гость (*торговый*) — купец. (Зб).

гра́биться (*эти мужички стали за его грабитьсе*) — хвататься. (Пч).

грести́ (*а нижню корочку под стол гребет*) — сгребать, сбрасывать. (Пч).

гривенка (*а Владимир-князь по гривенке похаживает*) — см. г р и д н я. (Зб).

гри́дня, гри́ня (*заходил во гриню да княженецкую*) — покой, приемная в княжеских палатах. (Пч, Зб).

гри́ны (*гри́ны княженейские*) — см. г р и д н я. (Зб).

грит (*заходи, грит, ты в дом. . .*) — говорит. (Пч).

громи́ть (*что это зучит-громит да мать сыра земля*) — в значении греметь. (Пч).

гря́дочка 1) (*как цветно-то платьице на грядочке*) — жердь, установленная из стены в стену для вешания одежды; 2) перекладина. (Пч, Зб).

гу́на, гу́нушка — ветхая одежда, рубище. (Пч).

Д

де́динка, де́деика (*молода Вадихметьева племяненка выбегала она к своей дединке*) — жена дяди. (Зб).

дел, дель (*ише стали вони же дел делить*) — пай, паевой дележ добычи. (Зб).

добре́ (*городом назвать, так мал добре*) — очень. (Пч).

догону́ть — догадаться. (Пч).

доложи́ться (*у свекровушки молодка да доложиласе*) — просить разрешения. (Пч).

доло́нь (*на одну долонь посадят, другой долонью придавят*) — ладонь. (Пч, Зб).

досе́ль — прежде, до сего времени, давно. (Пч).

доспе́ть (*доспела ему ход подземельный*) — сделать. (Пч).

дровоко́льная палка (*палка ты дровоко́льная!*) — деревянный клин, который вбивается в большое полено, чтобы легче было его расколоть. Здесь употреблено как бранное слово. (Зб).

Е

единоро́дный — один по рождению, единственный сын. (Зб).

е́нный (*ты не енного словечка не утаивай*) — один. (Пч).

епанча́ — широкий безрукавый плащ. (Пч).

ёрник (*разве мы этим мы да ёрником похвастам всё*) — беспутный человек, беспутство. (Зб).

Ж

жара́вый, жаро́вый (*на середке стояло жарово баско деревцо*) — высокий, стройный. (Пч).

жгать (*селитру жгали да на белых грудях*) — жечь. (Зб).

живо́т 1) (*давайте грамоты писать по животы да по домам*) — имущество; 2) (*с животом его да разлучить хотят*) — жизнь. (Пч).

же́ребей (*вышибли у саблей по жеребью*) — кусочек, отрубочек, отрезок. (Зб).

З

за беду́ ста́ло (пало) — показалось обидным, оскорбительным. (Пч, Зб).

забуду́щий (*ты ставай-ко. . . от крепка сна да забудушшого*) — беззаботный; приносящий забытье. (Зб).

за́ведь (*в заведи его рука до остоялосе*) — сочленение руки между кистью и предплечьем. (Пч).

завиду́ стало — стало завидно. (Пч).

заговорная дружина — вместо с г о в о р н а я — сговоренная, с которой заключено условие. (Пч).

задворенка (*бабушка-задворенка*) — живущая в задворне, задней улице деревни. (Зб).

залега́ть (*как залегла та дороженька*) — заглохнуть, быть покинутым. (Зб).

залечь (*а залег ту дороженьку Соловей-разбойник*) — сделать залеглым, заглохлым. (Зб).

замчёный (*они сорвали двери замченые*) — запертый на замок. (Пч).

замызгать (*замызгал тут собака да по-собачьему*) — залаять, завыть. (Пч).

запа́сть (*прямоезжая дорожечка . . . запала*) — заглохнуть (Пч).

заручёбная невеста — обрученная (з а р у ч ё н ь е — благословение накануне венчания). (Зб).

за́стол (*один молодец по застолу ходит*) — место за столом. (Пч).

застояться (*рука в локти застоялася*) — остановиться, задержаться. (Пч).

засыла́ться (*людьми засылатися*) — посылать сватов; посылать для соглашения сделки. (Пч).

заугóлыш, заугóльный (*а ты найденный заугольш на улици*) — внебрачно рожденный. (Зб).

захлевье — место за хлевом. (Зб).

захлы́нчивый (*уж ты старая собака захлынчива*) — готовый на обман(?). (Пч).

захря́статься (*мое дитя верно захвастался, захвастался да захрястался*) — чрезмерно хвастать. (Пч).

здрáво (*уж он здрава едет да леса темные*) — в значении удачно, беспрепятственно. (Зб).

зя́ться (*зялись они за работушку*) — взяться. (Пч).

зеркальское седелышко — вместо ч е р к а л ь с к о е, черкасское, черкесское. (Пч).

зеркальчатый (*оседлал седёлышком зеркальчатым*) — см. з е р к а л ь с к о е. (Пч).

зна́ть (*стены огнем зияют*) — сиять, блестеть. (Пч).

злой (*зла поленица удалая*) — в значении ретивый, ловкий. (Пч).

зла́слый (*зласлыми перснями приобрякиват*) — золотой. (Пч).

зучи́ть (*что это зучит-громит мать сыра земля*) — звучать, от з у к — звук. (Пч).

И

иже — который. (Зб).

извиха́ться, извихля́ться (*у копей ручки извихалися*) — изогнуться. (Пч).

извóтчина (*и как тя зовут. . . по имени и по извотчины*) — отчество. (Пч).

изгиля́ться — см. в ы г а л я т ь с я. (Пч).

издава́ться (*вот не каждому женитьба да издавается*) — удаваться. (Зб).

изможéнье (*чувствую, как изможенье есть*) — восстановление силы, от и з м о ч ь — перемогать, осиливать. (Пч).

изъезжа́ться (*да разве старой над тобой да изъезжаетце*) — издеваться. (Зб).

искита́ться 1) (*над калачиком сидишь, искитаешься*) — глумиться; 2) (*будто дикая собака да искитаетсе*) — бродить, шататься. (Пч).

и́скопыть (*ископыть велика показалась ему*) — яма от удара копытом или ком земли из-под копыта. (Пч).

испóд (*он по лесенкам спускался всё в испод же он*) — подземелье, погреб, подвал. (Зб).

испросéчь (*испросéкли мы всю силу неверную*) — повыбить, повырубить. (Зб).

К

каза́ться (*а ему этто пуще кажется*) — нравиться, хотеться. (Пч).

калёный (*стрелочка каленая*) — закаленный. (Пч, Зб).

кали́ка (*калика перехожая*) — странник, паломник. (Пч, Зб).

ка́мка, камка́ (*две подушецки хрущеной камка*) — шелковая цветная ткань с узорами. (Пч).

камышник (*как ушли они в камышницьки*) — разбойник. (Зб).

кана́ться, кона́ться (*стала змеюшка взвиватисе, стала Добрынюшке конатисе*) — просить, умолять. (Пч).

кинать (*он бросал их, кинал да сколько мог же всё*) — кидать. (Зб).

кисóвый (*кроваточка кисовая*) — вместо тисовый, из дерева тиса. (Зб).

клеснýть (*он ей клеснул по шшоки*) — хлестнуть, ударить. (Зб).

кляня́ться — заклинаться, зарекаться (?). (Пч).

кобы́лочки — петли между двух поперечных жердочек для поднимания нитей основы в ткацком станке. (Зб).

ковчаг (*ковчаг да со живой водой*) — вместо к о в ч е г, кованый сосуд. (Зб).

копéльцы, копéтца (*тут ткнулись они копельцами бурзамецкими*) — копья. (Пч).

короли́ца (*собиралося. . . сорок королей с королицами*) — королева. (Пч).

косица (*ясны очи тянуть косицями*) — висок. (Зб).

коси́счатый (*двери косисцаты, косисцато окошечко*) — косящатый, сделанный из деревянных косяков или с косяками. (Пч, Зб).

кося́вчатый (*крылечко косявчато*) — см. косисчатый. (Пч).

кошелёк (*на кошелёк идет да сказки сказыват*) — часть корабля (?). (Пч).

красéнца (*сидела-то Авдотьюшка да за красеньцами*) — кросна, ткацкий станок. (Зб).

крестовый брат — названный брат, поменявшийся тельным крестом. (Зб).

кружа́ло — питейный дом, кабак. (Пч).

курева (*только видели курева в поли стоит*) — дым, пыль от поднимаемого на воздух песка или сухой земли. (Пч, Зб).

кычи́жища (*ноги его как больши кычижища*) — кичига, молотило, заменяющее цеп и имеющее вид выгнутой палки с плоским концом. (Пч).
кычи́канье (*не слыхал ты сорочьего кычи́канья*) — от к ы к — крик. (Пч).

Л

лада — супруг, супруга. (Зб).
ла́дить (*золотой казной выкупать мужа ладит*) — в значении хотеть, намереваться. (Пч).
ла́диться (*не хочу с ней ладиться*) — мириться, уговариваться. (Пч).
ла́стенья (*сырой дуб тут на ластенья рассыпался*) — лоскутья, осколки. (Пч).
ле́жня — спальня. (Пч).
лепета́ (*лепета у ей в лици да переменилосе*) — лепота́, т. е. красота, здесь в значении румянец. (Зб).
летний (*на летней стороне завидел лужки зеленые*) — южный. (Пч).
ле́тник — женская верхняя легкая одежда.
ли́пиный (*а втору ты петелку мне делай ли́пину*) — из луба, лыка. (Зб).
ляга (*холмы ронял да ляги спалкивал*) — яма с водой, колдобина, болото. (Пч).
ляга́ться (*он лягаетсе на коне, как худа ворона*) — качаться, вихляться. (Пч).

М

мане́жно (*с ноги на ногу манежно переступывал*) — манерно, жеманно. (Зб).
ма́рево (*нападут жары-маревы*) — знойный мглистый воздух. (Пч).
ма́ры (*повели его на ти мары, на лисеньки*) — бугор, насыпь, ступеньки. (Пч, Зб).
мета́ть (*не мечи нас бедных сиротинушек*) — в значении бросать, покидать. (Зб).
младое яблоко (*привезти-то живой воды, младых яблоков*) — в значении м о л о д и л ь н о е, возвращающее молодость. (Зб).
мо́лье (*тут не спрашивал ее он мо́лья-та*) — моление, просьба. (Зб).
мост (*а уж мосты-ти насланы хорошие, а и как разос[т]ланы-ти ковры-сукна заморские*) — в значении мостков, дощатой панели. (Зб).
муравленка (*печка муравленка*) — полированная, покрытая глазурью. (Пч, Зб).

Н

наби́лочки — две досчатые грядки, в которые вставляется бедро в ткацком станке. (Зб).
набозыковый (*коровка набозыкова*) — старый, от б а з ы г а — старый хрыч. (Пч).
на возлете (*да он будет на во́злете*) — на возрасте. (Пч).
на во́зности (*как и стала на во́зности, как родила сына милого*) — пришло время родить. (Пч).
нагре́зить (*каку ведь мы обиду что загре́зили*) — набедокурить, напроказить. (Пч).
наде́йный (*оборона была надейная*) — надежный. (Пч).
надре́зы (*золотыми нумерами надрезы надрезаны*) — метки; надрезанное место. (Пч).
назим (*он стоит у меня зарошшен полуколен в назиму*) — назём, навоз. (Зб).
найгрышки (*по найгрышкам Добрынюшка Никитич*) — инструментальная мелодия. (Зб).
наказывать (*наказу́ет князь Михайло своей маменьке родною*) — давать наказ, делать распоряжение. (Зб).
нако́н (*дай мне поиграть во первой нако́н*) — раз, прием. (Пч, Зб).
нало́жная жена — незаконная. (Зб).
налу́шен (*не вымать из налушна тугой лук*) — чехол для лука. (Зб).
напи́вки (*из каждого рожка разные напивки бежат*) — напитки. (Пч).
напроку́чить (*ай видно наскучила я тебе да напрокучила*) — надоесть. (Зб).
на прочите (*на прочите листики малиновы*) — вместо н а п р о ч и́ к е — в стадии распускания. (Пч).
напу́с (*напу́с даю*) — см. н а п у́ с к. (Пч).
напу́ск (*напу́ском смел*) — натиск. (Пч, Зб).
напускать (*теперь ты на меня напускать стал*) — в значении нападать. (Зб).
насадочка (*по насадочкам извихлялисе*) — место, где металлический конец копья прикрепляется к пике; у сабли имеется в виду рукоять. (Пч).
насе́духа (*што был-то Илеюшка насе́духа*) — сидень, безногий. (Зб).
нать (*до трех раз нать петь*) — надо, сокращенное н а д о т ь. (Зб).
нахва́лище — бахвал, хвастун. (Пч).
небылые слова (*а небылыма словами похваляется*) — выдумка, ложь, несбыточное. (Пч, Зб).
невзго́душка (*она чует над городом невзгодушку*) — несчастье, беда. (Пч, Зб).
незави́дь (*незави́дь где потеряет свою буйну голову*) — вместо заневедь, невзначай, по неведению. (Пч).
неоте́чливый — см. н е о ч е с т л и в ы й. (Пч).
неоче́стливый (*Алеша роду невежливого, неочестливого*) — не умеющий воздать честь, неучтивый, необходительный. (Пч).
несуря́длливый (*во хмелю-ту сам детина несурядливой*) — задирчивый. (Пч).
нет (*вы пустым нетом всё же хвастаете*) — нечто, вовсе не существую-

щее, пустым нетом — попусту, зря. (Зб).

нещарбленный (про саблю) — без щербин, незазубренный. (Пч).

ноной — иной, другой. (Зб).

О

обвадориться (*на то мужики пуще обзадорились*) — прельститься. (Пч).

обляснть (*а и они обляснли премладого царевиця*) — улестить, уговорить хитростью, лестью. (Зб).

обносить (*вот беда! как обносила-то его*) — ругать, оскорблять. (Зб).

ободверина (*вырывали тогды двери с ободвериными*) — притолока или косяки у двери. (Зб).

одинакий — единственный. (Пч, Зб).

окатиться (*права нога да окатилась*) — поскользнуться. (Пч).

обрёв (*и он поставил ей... обрез большой*) — половинка распиленной поперек бочки, кадка. (Зб).

олабыш — см. алабыш. (Пч).

олавина (*олавиной корова да подавилася*) — осадки от браги, пива, кваса. (Пч).

оконенка (*киньте ком белд снежка в оконенку*) — оконная рама. (Зб).

окольний, окольный (*окольние столики, скамеечки*) — находящиеся возле чего-нибудь. (Пч, Зб); (*окольни рамы*) — оконный. (Пч).

опочин (*на руки сыпал да опочин держал*) — отдых, сон. (Пч).

осистый (*положь да бобров осистых*) — с мехом, имеющим высокую и густую ость. (Пч).

ослышаться (*слуги не ослышались*) — в значении ослушаться. (Зб).

оlсlтаночки — то, что осталось. (Зб).

остояться (*рука да остояласе*) — см. застояться. (Пч).

отганивать (*не отганивай у мне Козарушка*) — отгонять. (Зб).

откуль (*откуль ты приехал*) — откуда. (Пч).

отстояться (*отстоялася рука нынче во первый во раз*) — вместо остояться. (Пч).

отпышек — тяпыш, от тяпнуть — шлепнуть, ударить. (Пч).

очудиться (*тут калики перехожего не очудилось*) — очутиться, оказаться. (Зб).

П

павесть (*ни вести нет, ни павести*) — известие, молва, слух. (Пч).

падубок — дерево ясень. (Пч).

палица (*ударились они палицами боевыми*) — дубина. (Пч).

парный (*не красивой он сам собой, очунь же мне не парной!*) — такой же, подходящий. (Зб).

пашина (*вдова пашина*) — вместо пашица — беднячка. (Пч).

переволочься (*... не переволокся, так и зашел*) — переодеться. (Пч).

перепасться (*и Домнушка перепалася*) — испугаться. (Зб).

перластая птица — вместо пернатая, перистая, в перьях. (Зб).

петье-четье (*не слыхать петья-четья церковного*) — пение-чтение. (Зб).

пленка, плёночка — силок, петля для ловли птиц. (Пч).

победный (*жаль в Киеве победных вдов*) — несчастный, горемычный. (Зб).

повыстружить (*я тебе же, король, стругом повыстружу*) — в значении угрозы расправиться. (Зб).

повыправдать (*он всих повыправдал*) — одержать верх в споре. (Пч).

погаленье (*не отдай врагам на погаленье*) — глумление. (Пч).

погинуть (*сам-то ты погинул да и меня сгубил*) — погибнуть. (Пч).

погода (*хватила ее погода по дороге*) — непогода, ненастье. (Пч, Зб).

погодиться (*погодилися у царя люди придворные*) — случиться. (Пч).

погонить (*погонил он в чисто поле*) — погнать коня, поехать. (Пч).

повалыша — холодная горница, строящаяся через сени против избы. (Зб).

подворотина (*большая дочь подняла железную подворотину*) — доска, которой заставляется отверстие под воротными затворами. (Зб).

подглубничный (*смотрел в сторонушку подглубничную*) — северо-западный. (Пч).

подлётный (*смотрел в сторону теплую подлетную*) — южный. (Пч).

подобедничный (*смотрел в сторону подобедничную*) — юго-восточный. (Пч).

подорожник (*во разбой ушли... во носьни, денны да подорожнички*) — грабитель на дорогах. (Зб).

подполуночный (*смотрел в сторону подполуночну*) — северо-восточный. (Пч).

подстеголенка (*застегивал у седла двенадцатую подстегбленку*) — застежка. (Пч).

подшелонный (*смотрел в сторону подшелонную*) — юго-западный. (Пч).

подынуться (*ише вся сила поганая да подынулася*) — подниматься. (Зб).

позавон (*позавон не подам, а иди в палату*) — в значении вне дома. (Зб).

поки (*поки за меня в замужесьво*) — поди, ступай. (Зб).

поклапый (*он сутул, горбат да наперед покляп*) — кривой, наклоненный в одну сторону. (Пч, Зб).

покрыть (*покрывал он всех попов, дьяков*) — заглушить, превзойти в силе. (Пч).

поленица, полянница (*едет там поленица преудалая*) — богатырь, богатырша. (Пч, Зб).

полон (*лучшую ту силу в полон берет*) — плен. (Пч).

поля́ковать (*Добрыня-то ведь поляковать ездил*) — ездить в поле воевать. (Зб).

поля́нка (*она была полянка да преудалая*) — в значении богатырша. (Пч).

помёлышко (*а помёлышки у ей шелковые*) — помело для обметания печи перед посадкой хлеба. (Пч, Зб).

пометуситься, помитуситься (*а копья во сырой земле пометусились*) — покривиться. (Зб).

поми́мочок — мимо. (Пч).

поотве́даться (*мы с тобой да поотведаемся*) — побороться. (Пч).

поплахина (*древенны [иконы] — на поплахины*) — доска. (Пч).

попра́виться (*ему старику не поправиться*) — в значении управиться. (Пч, Зб).

поприще (*Почай-река была на два поприща*) — путевая мера, около 20 верст. (Пч).

попыта́ться (*попытаю-то я... с Идолишшом*) — в значении попробовать справиться, одолеть. (Зб).

пора́то — очень. (Зб).

пороха, порошка, порошица (*выпала порошка снегу белого*) — рыхлый, молодой снег. (Пч, Зб).

постухмя́нная лошадь — наступчивая, рысистая.

пота́рзывать (*стала змеюшка его да всё потарзывать*) — терзать, рвать на части. (Пч).

потничек — подстилка под седло. (Пч).

потре́бнишко (*скинул с себя потребнишко*) — самая необходимая одежда. (Пч).

потя́пуш, потяпыш (*вот дала ему потяпушу*) — удар ладонью по телу, шлепок, от тяпнуть — ударить. (Пч).

поче́сен, поче́стен пир — почетный. (Пч, Зб).

походить на спор (*тут они стали на спор походить*) — вступать в спор, спорить. (Пч).

пощерба́ться (*сабли их да пощербалисе*) — зазубриться. (Пч).

правдаться (*стали правдатьца — он всех повыправдал*) — спорить. (Пч).

пра́виться (*откуль правишься?*) — отправляться. (Пч).

пре́м (*прем царских окон поклоняитце*) — перед. (Пч).

призагу́нуть (*тут все на почесном призагунули*) — замолчать. (Зб).

приправа богатырская — вооружение. (Пч).

пристольник (*пристольники были неочесливы*) — 1) прислужник за столом; 2) застольник, сотрапезник. (Пч).

присту́почки (*чьи сапожки у приступочки?*) — доски, которые прибиваются с боку к печи, по ним лезут на печь. (Зб).

пристыгнуть (*пристыгает-то морянина ноченька темная*) — застигнуть. (Зб).

приторо́кать (*он его приторокал ко стремени*) — привязать, от торока — ремень или мешок для привязывания к седлу. (Пч).

приуто́рить дорожку (*дорожки приуторены*) — сделать торной, проложить тропу. (Зб).

прожи́точный (*за хресьянина поди да за прожитосьнего*) — зажиточный. (Зб).

прохолону́ть (*у мня кушать нонце прохолонуло всё*) — остыть. (Зб).

прочуне́ть (*князь прочунел*) — опомниться, прийти в себя. (Пч).

прочуха́риться (*она прочухарилась*) — прочухаться, очнуться от сна. (Пч).

пята́ двери (*и отпирал... двери же на пяту*) — нижний шип. На пяту отворять — распахнуть настежь. (Зб).

Р

ремчатый стул — ременчатый, складной на ремнях. (Зб).

ру́шать (*ише беленькой лебедушки ведь он не рушаёт*) — резать, делить (о пище). (Зб).

рытый бархат — узорчатый. (Зб).

ря́женый — то же, что суженый. (Зб)

С

сбруда (*сбруда лошадина*) — сбруя. (Зб).

свиснуть (*нож калика подхватывал, свиснул в Идолище поганое*) — в значении бросить.

седа́тый — седоватый, с проседью. (Зб).

се́дель (*а и петушок сидел на седели*) — насест, жердочка для сидения. (Зб).

семья́ (*люба семья да молода жона*) — жена, муж. (Зб).

сиби́рочка (*оставили сибирочку на спичецьке*) — кафтан особого покроя, короткий, со сборами. (Зб).

ска́тный жемчуг — крупный, круглый. (Пч, Зб).

скать (*она училась только престь и скать*) — сучить пряжу; мотать, навивать пряжу. (Пч).

ско́пный жемчуг — круглый, крупный. (Пч).

ску́рить (*только курева скурила*) — в значении поднять дым, завихрить. (Зб).

ску́тить — см. скурить. (Зб).

слега (*а да Настасья-то будет не твоя слега*) — пара, ровня. (Зб).

сме́тье (*по сметьям собака волочилася*) — мусор, все, что выметается. (Пч).

смо́род — смрад. (Пч).

состига́ть (*состигала ночь*) — настигать. (Зб).

состигнуть, состыгнуть, состычь (*другу старицю состыг*) — настигнуть, догнать. (Зб).

спа́лкивать (*холмы ронял да ляги спалкивал*) — перескакивать, от палкать — скакать. (Пч).

спасёная милостынка — спасительная или спасова (во имя Спаса), постоянный эпитет милостыни. (Зб).

спенёчек (*а застегивал спинёцки серебряны*) — шпенёк, язычок в пряжке. (Зб).

спечанушка (*выбрал коня себе спечанушка*) — заботливый, от печа — забота, помощник (?). (Пч).

спи́чка, спичечка (*а чья шубочка на спицецьке?*) — деревянный гвоздь, который вбивается в стену и служит вешалкой. (Зб).

сподобля́ться (*стали они сподобляться*) — собираться. (Пч).

спустить на огни́ — сжечь, спалить. (Пч).

сре́заться (*вот и съехались они и срезались*) — в значении сразиться. (Пч).

сряди́ться (*на нас больша сила сряди́лася*) — собраться. (Пч).

ста́вка, ста́вочка (*одевала тут перстни золотые. . . со двенадцатью со ставочками*) — камень или другая какая-нибудь вставка в перстне. (Зб).

станичник (*повыбили они станишников*) — разбойник. (Пч).

старе́ньшина — старейшина. (Зб).

ста́рица — монахиня. (Пч).

степь (*метал тринадцатую [подпругу] через сильну степь*) — хребет конской шеи вдоль гривы. (Пч).

стерли́нный (*свечи стерлинные*) — вместо стеариновый. (Пч).

столе́шенка, столе́шница — доска в верхней части стола. (Пч).

сто́льник — см. пристольник. (Пч).

стосконуться (*стосконулась о родной маменьке*) — стосковаться. (Зб).

стоялый (*конюшенка стоялая*) — где есть стойла, эпитет конюшни. (Зб).

суго́н (*наехало в сугон Идо́лишшо*) — погоня. (Зб).

су́женый (*привезите мне-ка суженую-ти, ряженую*) — предназначенный судьбой (про жениха или невесту). (Зб).

су́нка, суночка (*суночки-котомочки вси повесили*) — сумка, сумочка. (Зб).

суряжаться — снаряжаться, собираться. (Пч).

суста́точек — усталость. (Пч).

Т

тала́нистый (*быть моя шубка таланиста*) — счастливый, удачливый, от таланъ — счастье, удача. (Пч).

тасмя́ный (*обуздал коня уздечкою тасмяной*) — тесьмяный. (Пч).

товды, тогды — тогда. (Пч).

тощиться (*казна то́щится*) — тратиться, уменьшаться. (Пч).

трапе́зонька (*посадила его за трапезоньку*) — еда, обед. (Пч).

трубное окно (*я лежал сутки под трубным окном*) — окно в курной избе, через которое выходит дым. (Пч).

ту́литься (*старший тулится тут за среднего*) — прятаться. (Зб).

ту́ша (*у коня туша гнется*) — в значении спины. (Пч).

тя́пыш (*а дал я ему да тут по тяпушу*) — см. потяпыш. (Пч).

У

уважно (*а и распрошшалисе они же очунь-то уважно с им*) — уважительно. (Зб).

ува́листый (*гора увалистая*) — в увалах, грядами, уступами. (Пч).

ували́ть (*как родиму ту сестричку увалили-то ей*) — в значении уложить. (Зб).

увёртной (*Добрынюшка на тело был силен, только был он увёртной*) — увертливый. (Зб).

угрузя́ть (*на середки реки коня угрузил*) — утопил. (Пч).

узреть (*и узрел там горы леденисты*) — увидеть. (Пч).

ука́тистый (*гора укатистая*) — крутой, с обрывами. (Пч).

укати́ть (*укатило мое ретиво сердце*) — вместо окатить в значении удовлетворить, утешить. (Пч).

укладный нож — стальной. (Зб).

укурну́ть (*он укурнул взял на донышко*) — нырнуть. (Зб).

улете́ть (*богатыри с ног улетели*) — в значении упасть. (Пч).

упа́дка (*говорц же королю да со упадкою*) — опаска, боязнь. (Зб).

упа́дывать (*говори-ко-се, Дунай, не упадывай*) — падать духом, бояться. (Пч).

уродливать (*он же ездит да всё да уродливат*) — в значении делать глупости. (Зб).

уско́к (*первой застав на во ускок скакну*) — один скачок. (Пч).

утря́х — утром. (Пч).

уходи́ть (*три души я уходила*) — погубить. (Зб).

учествовать (*по приезди-то гостя не учостовал*) — учествовать, почтить. (Зб).

уша́г (*другой застав на ушаг шагну*) — один шаг. (Пч).

ушкан — заяц. (Пч).

Ф

фли́герка — см. флюгурка. (Пч).

флюгу́рка (*на дереве флюгурка мотается*) — флюгер, флажок на шесте для указания направления ветра. (Пч).

Х

хвойка (*верхня корочка пахнет хвойкою*) — хвоя. (Пч).

хвоста́ть (*по три веничка она хвостала*) — хлестать. (Зб).

холка (*на другу холку дал алабушек*) — нижняя часть шеи сзади. (Пч).

хребе́тница (*тринадцату [подпругу] клал через хребетницу*) — хребет, спина. (Пч.)

хрущатый (*брал хрущату камку*) — 1) шуршащий, плотный; 2) кружчатый, с узорами из кругов. (Пч).

хрущёный — см. хрущатый.

Ц

церка́льный — см. черкальский. (Зб).

Ч

чанжа́лище, чинжа́лище — кинжал. (Пч).

черка́льский (*седелышко черкальское*) — черкасский, черкесский. (Пч, Зб).

черкальчетый — см. черкальский. (Пч).

чернавушка (*были две девушки чернавушки*) — служанка для черной работы. (Пч).

че́стный (*не в чесно́м углу сидит, не в переднем*) — в значении почетный. (Пч).

чи́сменница (*а стоит сторожов челая чисменница*) — в значении большого числа. (Зб).

чушаки́-целова́льники — продавцы казенного вина. (Пч).

Ш

шатёр (*по Свиры-реки есть шатер быстёр. . . поворот крутой*) — в значении струя, водоворот, течение (?). (Пч).

шири́нка, ширинoчка — полотенце, полотнище. (Пч, Зб).

шо́рища (*шорища у его как больши чашища*) — глаза в бранном смысле. (Пч).

шурмова́ть (*копьем шурмовать*) — бросать, ударять. (Пч).

Э

этта, этто (*будем этта шатер ставить*) — здесь. (Пч, Зб).

Я

ярлы́к (*писал он ярлык-грамотку*) — письменный указ, грамота. (Пч, Зб).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

1. Аграфена Матвеевна Крюкова 39
2. Никита Федорович Ермолин. С портрета художника Л. В. Коргузалова. 1955 г. 125
3. Лазарь Моисеевич Носов. Фото. 1955 г. 133
4. Андрей Федорович Пономарев. Фото. 1956 г. 181
5. Тимофей Степанович Кузьмин. Фото. 1956 г. 217
6. Сестры Марфа Семеновна Крюкова и Павла Семеновна Пахолова 259
7. Пелагея Васильевна Негадова 407

СОДЕРЖАНИЕ [1]

	Стр.	
Предисловие	5	
Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие	9	

ТЕКСТЫ

ПЕЧОРА

Усть-Цилемский район

1942 г.

Анастасия Артемьевна Носова	47	
1. Илья Муромец	47	*526*
2. Добрыня и Алеша	52	*526*
3. Дюк Степанович	56	*527*
4. [Чурила и неверная жена]	59	*527*
5. Фатенко	61	*527*
6. Про Василия Буслаева [Соловей Будимирович]	63	*528*
7. Про Ваську про вора, про Захарова	65	*528*
Татьяна Антоновна Савукова	67	
8. Добрыня и Алеша	67	528
9. Про богатырева сына [Дюк Степанович]	68	*529*
Елена Григорьевна Мяндина	70	
10. Илья Муромец и сын	70	*529*
11. Илья Муромец	75	*529*
Авдотья Андреевна Шишолова	80	
12. Илья Муромец	80	*530*
13. Дюк Степанович	86	*531*
14. Про Маринку	89	*532*
15. Два тура	90	*532*
16. [Соломан и Василий Окулович]	91	*532*
17. [Долгорукий-князь и ключник]	94	*533*
18. Про Чурилку [Смерть Василия Буслаева]	95	*533*
Ксения Кондратьевна Осташова	96	
19. [Илья Муромец и разбойники]	96	*533*

[1] Первая колонка цифр означает страницу текста, вторая — страницу комментария.

Алексей Ипатьевич Ермолин 97
20. Про турá золотá рогá [Илья Муромец и Скурлат-царь] . . . 97 533
Алексей Сергеевич Дуркин 99
21. Про турá [Илья Муромец и Скурлат-царь] 99 533
Марфа Дмитриевна Дуркина 101
22. Про Илью Муромца 101 534
23. О Добрынюшке Никитиче [Дунай] 102 534
24. Дюк Степанович 103 534
25. Про Васеньку Окуловича 105 534
Яков Андреевич Осташов 108
26. Дунай 108 534
27. Про Ставра 111 535
28. Старина [Соловей Будимирович] 113 536
Макар Иванович Чупров 114
29. Про старóго казака [Илья Муромец и станичники] 114 536
30. Илья Муромец 115 536
31. Про Садка 116 536
32. О каликах 116 536
Василий Прокопьевич Носов 117
33. О Скопине [Дунай-Скопин] 117 536
Иван Григорьевич Кисляков 120
34. Дюк Степанович 121 537

Усть-Цилемский район

1955 г.

Никита Федорович Ермолин 124
35. Старинá про стара казака Илью Муромца 124 537
36. Старинá «Соловей Будимирович» 126 538
37. Про Чурилу 128 538
38. Старинá про Добрыню Никитича 129 538
39. Старинá про вдову пашину 129 538
40. Маленькая старинá [Князь Долгорукий и ключник] 131 538
Лазарь Моисеевич Носов 131
41. Про Фатена 131 539
42. Про Добрыню 135 539
Тимофей Семенович Дуркин 135
43. Про Сокольника 136 539
44. Про Илью 142 540
45. Про Добрыню 144 540
45а. Про Добрыню 148 541
Гаврила Васильевич Вокуев 148
46. Первостольной богатырь Илья Муровец 148 541
Аким Евпсихеевич Михеев 152
47. [Илья Муромец и станичники] 153 541
48. Добрыня [Бутман] 154 542
Татьяна Ивановна Поздеева 155
49. [Илья Муромец и сила неверная] 155 542
50. [Туры и турица] 157 542

Леонтий Тимофеевич Чупров 158
51. Про старого казака Илью Муромца 158 542
52. Про Батмана 162 542

Еремей Провович Чупров 164
53. Про Илью Муромца 164 543
54. Про Бутмана 168 543

Малафей Иванович и Семен Иванович Чупровы 169
55. Как про белого сказать [Бутман] 169 543
56. Про Скопина 169 543

Дмитрий Федорович Чуркин 169
57. Про Скопина 169 543

Демид Фатеевич Бобрецов 171
58. Про Бутмана 171 544

Павла Маркеловна Чупрова 171
59. Про богатыря 171 544

Сидор Нилович Антонов 172
60. Про старого [Бутман] 172 544

Федосья Федоровна Осташова 172
61. Про Бутмана 172 544

Нарьян-Марский район

1956 г.

Никандр Иванович Суслов 173
62. Старина «Женитьба Алеши Поповича на Добрыниной жены» . 173 544
63. Старина «Женитьба солнышка Владымира» 175 545
64. Старина «Молодец и горе» 177 545

Тимофей Семенович Ижемцев 178
65. Старина [Василий Игнатьев] 178 546

Никандр Васильевич Тарбарейский 179
66. Старина [Илья и Сокольник] 179 546

Андрей Федорович Пономарев 180
67. Про Сокольника 182 546
68. Добрыня и Змей 185 546
69. Василий Касимирович 188 546
70. Иван Горденович 194 547
71. Святогор 202 548
72. Про Луку Степановича 203 548

Фома Алексеевич Чупров 208
73. [Илья Муромец и Сокольник] 208 548

Софья Степановна Маркова 210
74. [Илья Муромец] 210 548
75. [Добрыня Никитич] 213 549
76. [Дюк Степанович] 214 549

Тимофей Степанович Кузьмин 216
77. Илья Муромец и Соловей-разбойник 216 549
78. Илья и нахвальщик 222 550

79. Святогор 224 *550*
80. Про Сухмана 225 *550*
81. Как Добрыня женился 227 *550*
81а. Как Добрыня женился 228 *550*
82. Добрыня на чудь поехал 229 *551*
83. Про Василия турецкого [Идойло сватает племянницу князя Владимира] 234 *551*
84. Про Дюка 236 *552*
85. Садко 242 *552*
85а. Садко 244 *553*
86. Василий Буслаевич 244 *553*
86а. Василий Буслаевич 248 *553*
87. Смерть Василия Буслаевича 249 *553*

Евдокия Ивановна Шайтанова 250

88. Как женился князь [Князь, княгиня, старицы] 250 *553*

Аристарх Иванович Суслов 252

89. Про Добрыню 252 *553*

Анастасия Петровна Хабарова 252

90. Про Добрыню 253 *554*

Павел Николаевич Поздеев 253

91. Про Илью и Соколика 253 *554*

ЗИМНИЙ БЕРЕГ

1937—1948 гг.

Павла Семеновна Пахолова 257

92. Про Илью Муромца, как он был, жил и родился 257 *554*
93. Младой Подсокольничок 266 *555*
94. Поездка Ильи Муромца во чисто поле 270 *555*
95. Микитушка Залешанин 273 *556*
96. Камское побоишшо 275 *556*
97. Про царя Кудреянка 281 *557*
98. Как женился Добрынюшка Микитич млад [Добрыня и Змей, женитьба Добрыни, Добрыня в отъезде] 284 *557*
99. Как Добрыня Микитиць постречалсе с Ильей Мурамцом . . 303 *557*
100. Васька да горька пьяница 308 *558*
101. Старина про Сухмана сына Сухматьевича 315 *558*
102. Как женился князь Владимир 320 *559*
103. Пир у князя Владимира 327 *560*
104. Говорил-то дядюшка племянничку [Иван Годинович] 328 *560*
105. Про Дюка Степановича 336 *561*
106. Про Хотеюшка Блудовича 346 *561*
107. Глеб да сын Володьевич 352 *562*
108. Петровичи-Сбродовичи 357 *562*
109. Про царицу Соломаниху 362 *562*
110. Козарушка Петровиць 368 *563*
111. Про Домнушку Фалилеевну 374 *563*
112. Князь Михайло 377 *563*
113. Жил князь девяносто лет [Князь, княгиня, старицы] 383 *564*
114. Моряночка 386 *564*
115. Про петуха и лисицу 389 *564*
116. Марута Богуславна 390 *565*

Серафима Семеновна Крюкова 398

117. Поездка Ильи Муромца 399 *565*
118. [Домна Фалилеевна] 400 *566*
119. [Князь Михайло] 402 *566*
120. Моряночка 403 *566*

Пелагея Васильевна Негадова 405

121. Про Илью Муромца 405 566
122. Про Добрынюшку Никитиця 408 567
123. Про Дюка сына Степановича 413 567
124. Братьица Сбродовичи 415 567
125. Князь Михайло 416 567

Анна Васильевна Стрелкова 419

126. [Исцеление Ильи Муромца] 419 568
127. Как князь Владимер женилсе 420 568
128. [Отрывок из былины] 426 568
129. Про Еруслана Лазаревича 426 568
130. Князь Михайло 429 569
131. [Князь, княгиня и старицы] 431 569
132. Про моряночку 432 569

Елизавета Васильевна Субботина 434

133. Про Добрыню Микитича [Бой Добрыни с Ильей Муромцем] 434 569
134. Добрынюшка Микитич [Добрыня и Алеша] 436 569
135. Как женился князь Владимер 440 570
136. Козарушка 441 570
137. Сорок калик со каликою 442 570
138. Моряночка 445 570

Парасковья Васильевна Онуфриева 446

139. Иван Гордёнович 447 571
140. Князь Андрей и старицы 453 571

Иван Егорович Точилов 455

141. Камско побоишшо 455 571
142. Добрыня и Илья 459 572

Анна Васильевна Бронникова 461

143. [Камское побоище] 461 572
144. Иван Гордёнович 463 573
145. [Илья Муромец] 465 573
146. [Сорок калик] 466 573

Григорий Михайлович Плакуев 467

147. Дюк Степанович 468 573
148. Петровичи-Сбродовичи 469 574
149. [Небылица] 470 574

Наталья Федоровна Попова 470

150. [Дунай] 471 574
151. [Чурила Плёнкович] 472 574
152. [Моряночка] 473 574

Ирина Захаровна Седунова 474

153. Чурило 474 575
154. Князь Михайло 476 575

Ульяна Михайловна Онуфриева 477

155. Моряночка 477 575

Авдотья Ивановна Седунова 479

156. [Моряночка] 479 575

Серафима Яковлевна Седунова 480

157. Чурилушка Пленкович и Вадихматьева жена 481 576
158. Самаряночка 483 576

Тит Егорович Точилов 484
159. [Илья Муромец, исцеление и выезд на подвиги] 485 576
160. [Добрыня Никитич и Алеша Попович] 487 576
161. Илья Муромец и Соловей-разбойник] 490 577

ПРИЛОЖЕНИЯ

О напевах печорских былин 497
Нотные приложения (расшифровки магнитофонных записей) 501
Комментарии 525
Условные сокращения 578
Алфавитный указатель сюжетов и библиография вариантов 580
Алфавитный указатель населенных мест, где производилась запись . . . 582
Исполнители былин 583
Список собирателей 585
Указатель имен и названий в текстах 586
Словарь областных и старинных слов 592
Список иллюстраций 600